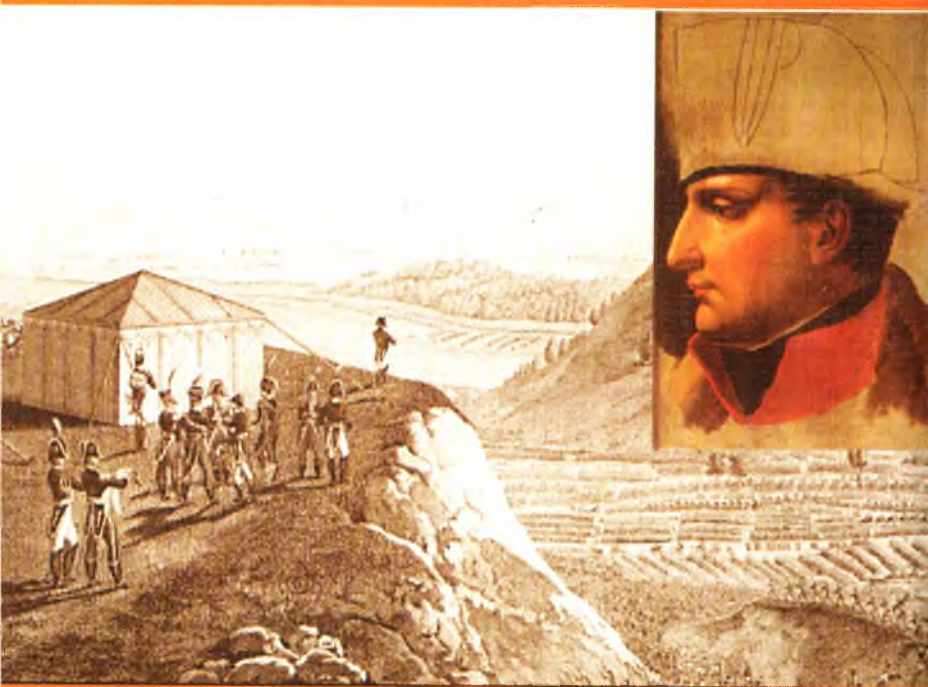

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ: ЧТО, ЕСЛИ?..

Дж. НОРТ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ

БИБЛИОТЕКА

НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ: ЧТО, ЕСЛИ?..

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ДЖОНАТАН НОРТ

**НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ:
ЧТО, ЕСЛИ?..**

Издательство **act** Москва
Terra Fantastica Санкт-Петербург
2002

УДК 355/359
ББК 63.3(0)52
Н82

Серия основана в 1998 году

THE NAPOLEON OPTIONS:
Alternative Decisions of the Napoleonic Wars
Edited by Jonathan North

Серийное оформление А. Кудрявцева

Перевод с английского Ю. Яблокова

Печатается с разрешения издательства Greenhill Books / Lionel Leventhal Limited и литературного агентства Александра Корженевского.

Подписано в печать 21.02.2002. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,56. Тираж 5000 экз.
Заказ № 3195.

Норт Дж.

Н82 Наполеоновские войны: Что, если?...: Сб. / Дж. Норт; Пер. с англ. Ю. Яблокова. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2002. — 539, [5]. — (Военно-историческая библиотека).

ISBN 5-17-013071-6 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-7921-0529-4 (TF)

Наполеоновские войны на редкость богаты событиями, порождающими размышления на тему: а что, если?.. Эта книга посвящена альтернативным вариантам развития событий, происходивших на полях сражений в Италии и Нидерландах, при Аустерлице, Бородино, Лейпциге и Ватерлоо...

Авторы сборника попытались смоделировать фрагменты того мира, в котором гений Бонапарта и героизм французских солдат оказались не столь бесплодными...

Сборник дополнен материалами по структуре и боевому составу наполеоновской армии и краткими жизнеописаниями видных французских военачальников.

УДК 355/359
ББК 63.3(0)52

© Lionel Leventhal Limited, 2000
© Перевод. Ю. Яблоков, 2002
© Приложения. В. Гончаров, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2002
® TERRA FANTASTICA

От издателя

Великая французская революция и два следующих за ней десятилетия настолько сильно изменили политическую карту Европы, что восстановление после 1814 года прежних «дореволюционных» границ многим современникам могло казаться истинным чудом. Не удивительно, что вот уже две сотни лет многих историков соблазняет видение *иного* мира — мира, в котором гений Бонапарта и героизм французских солдат оказались не столь бесплодными. Более того, за этим следует еще более крамольная мысль: а что, если именно наш, столь реальный и незыблемый мир является лишь маловероятной исторической флюктуацией? Альтернативным вариантом событий, начало которым было положено на полях сражений в Италии и Нидерландах, при Аустерлице, Бородино, Лейпциге и Ватерлоо...

Наполеоновские войны оказались на редкость богаты событиями славными, удивительными, а зачастую и просто невероятными — словом, как раз теми, что дают массу «критических точек» и поворотных пунктов для иных, так и не сформировавшихся Реальностей. В целом же можно констатировать, что период с 1789 по 1815 год представляет собой истинный рай для любителей альтернативной истории — жанра отнюдь не

нового, но обретшего в последнее время большое количество новых поклонников.

Предлагаемой вниманию читателей книгой издательство продолжает публикацию произведений, посвященных исследованию альтернативных сценариев развития истории. Авторами данного сборника являются известные в Англии и США специалисты по истории начала XIX века. Рассматриваемые ими эпизоды охватывают всю историю революционных и наполеоновских войн, но наиболее пристальное внимание уделяется битве при Ватерлоо. Однако базой для любых альтернативных конструкторов является фактура реальной истории. Поэтому в качестве иллюстрации к описываемым событиям в настоящее издание включено и живое свидетельство эпохи — письма Вальтера Скотта, содержащие его впечатления от пребывания на еще не остывших полях сражений 1815 года. Кроме того, сборник дополнен материалами по структуре и боевому составу наполеоновской армии. Биографический справочник содержит краткие жизнеописания наиболее видных французских военачальников описываемого периода, а также представителей семейства Бонапартов, сыгравших немалую роль при своем выдающемся родственнике.

НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ

Джонатан Норт

ВСТУПЛЕНИЕ

Наполеоновские войны потрясли устои, сложившиеся в Европе и мире, радикально изменив политику, само общество и перспективы его развития, наконец, — географию. Ни один другой конфликт в истории не породил такого обилия последующих отзвуков и явных повторений.

Значимость этого конфликта привела к тому, что историки начиная с того момента, как смолкли последние выстрелы этих войн, постоянно задавали себе один и тот же вопрос: «А что, если бы все было по-другому?»

Этот вопрос и стал причиной появления книги. Альтернативная история — это своего рода путешествие во времени, которое начиная еще с восемнадцатого века вдохновляет писателей. Свидетельством тому могут служить «Мемуары двадцатого столетия», написанные Сэмюелем Мадденом (опубликованы в 1733 году) и «Мемуары две тысячи пятого года», написанные Луисом Себастьяном Мерсьером (опубликованы в 1771 году). Но вместо того чтобы забираться далеко в будущее, альтернативная история предлагает

заглянуть в прошлое: не предугадывать, как изменится наш мир, а посмотреть, как он мог бы измениться в прошлом, если в некий его момент сделать лишь один-два незначительных мазка на холсте истории. Альтернативная история воспроизводит и слегка изменяет какой-либо из наиболее интересных моментов истории, что, естественно, влияет на все последующие события. Даже небольшое и на первый взгляд незначительное событие имеет смысл — потерянное письмо, травма при родах, чье-то непредвиденное рождение или несчастный случай.

Теоретическим осуществлением таких возможностей уже более ста пятидесяти лет занимается альтернативная история.

Итак, эта книга написана в жанре, к которому «серьезные» историки относятся с явным пренебрежением, и отображает целый ряд ярких событий мировой истории, показывая такой ход развития этих событий, который они могли бы приобрести. «Наполеон и завоевание мира, 1812—1823: история всемирной монархии», написанная Луи Наполеоном Жиффруа-Шато и опубликованная в 1836 году, несомненно, была первой книгой, которая вызвала интерес у исследователей эпохи Наполеона; она же стала одним из самых ранних произведений, написанных в жанре альтернативной истории. В этой очаровательной книге создан фантастический мир, наступивший после поражения русских в 1812 году, завоевания мира, установления нового миропорядка и, естественно, наступления прогресса. Жиффруа-Шато настолько разумно изменил ход реальных событий, что исторические факты стали художественным вымыслом, а предложенные альтернативные версии были приняты как исторические факты. Это произведение не было первым в жанре альтернативной истории, однако первой объемной книгой, написанной в этом жанре, несомненно, являлось.

Такой же интерес у энтузиастов альтернативной истории вызывают многочисленные очерки и статьи, которые периодически издаются в антологиях, например, в таких, как «Сослагательное наклонение в истории» (1907) и «Если бы случилось по-другому» (1931). Такие публикации нередки и в периодических изданиях, которые по-

новому оценивают многие периоды мировой истории. Эти статьи и очерки были особенно популярны в конце девятнадцатого века. В число их авторов, охвативших в своих работах все исторические эпохи, входили столь выдающиеся исследователи, как Филип Гведалла («Мавританская Испания»), Дж. К. Честертон («Мария, королева шотландцев»), Гарольд Николсон («Независимость Греции»), Уинстон Черчилль (который написал блестящую альтернативную историю битвы при Геттисберге). Среди тех, кто в своих работах охватил период наполеоновских войн, были Андре Моруа («Франция без революции»), Илэр Белло («Попытка Людовика XVI покинуть Францию в 1793 году») и Ж. М. Тревельян («Победа Наполеона при Ватерлоо»).

В последние годы вновь появился интерес к альтернативной истории, и эта книга в некоторой степени продолжает традиции, заложенные такими произведениями, как «Выбор Гитлера» (1995)¹, «Геттисберг: альтернативная история» (1997), «Из-за нехватки гвоздя» (1973 и 1997) и «Что, если? Исследования в области социальной фантастики» (1982)².

Как и в этих последних работах, в «Альтернативах Наполеона» нашей целью было разработать исторические сценарии, весьма жестко связанные с исторической реальностью, создавая не вымысел, а моделируемую реальность. Мы не задаем вопроса: «Что, если бы было по-другому?» Мы подвергаем этот вопрос испытанию, реализуя ту или иную возможность и отстраненно наблюдая результаты.

«Альтернативы Наполеона» состоит из глав, в каждой из которых используется один из многих способов моделирования альтернативных вариантов развития событий: шторм на море, своевременная атака кавалерии, скорость корабля, идущего в кильватерной колонне, энергичный начальник гарнизона, внезапная смерть главного военачальника. Как и в реальной истории, шанс, неудача

¹ В русском переводе – «Упущенные возможности Гитлера» (М.: АСТ, СПб, Terra Fantastica, 2001).

² В русском переводе – «Что если...» (М.: АСТ, СПб., Terra Fantastica, 2002).

и случайное стечение обстоятельств играют столь же значительную роль в создании альтернативных вариантов событий, как и принятие ошибочных стратегических решений, дача неверных команд и бездарное руководство на высшем командном уровне. В большинстве глав присутствует Наполеон, хотя не всегда его действиями управляет автор. Тем не менее мы включили в книгу эпизоды, в которых главную роль играют его подчиненные или, как в главе об Ирландии, его соперники. Эти события столь же значимы и интересны для историков, как главные кампании самого императора.

Мы выбрали как годы расцвета наполеоновской империи, так и — особенно — тот период, когда события повернулись против величайшей личности той эпохи — ведь именно этот отрезок времени предоставляет наибольшее количество возможных альтернатив. Рассматривая период, который предшествовал установлению полного господства Наполеона, Пэдди Гриффит изучает результаты масштабного вторжения Франции в Ирландию, опасность которого была весьма реальной в конце восемнадцатого столетия; а Чарльз Грант рассматривает последствия успешной оккупации французами Египта и то, как это могло отразиться на положении британцев в Индии. От периода восхождения Бонапарта мы переносимся к периоду упадка империи: Филипп Хейторнтвейт альтернативно описывает битву при Вимейро, которая была поворотным событием раннего этапа войны на Пиренейском полуострове; Джон Г. Джилл моделирует последствия преждевременного австрийского наступления в 1809 году; Дигби Смит рассматривает возможное развитие событий битвы при Бородино и ее катастрофическое воздействие на наполеоновский миропорядок; редактор книги исследует возможности французов остановить свой отход от Москвы и рассматривает возможные результаты поражения России; а Джон Галлахер анализирует варианты того, каким образом кампания 1813 года в Германии могла сложиться иначе, если бы после Дрездена Наполеон достиг успеха.

Безусловно, Ватерлоо является одним из ярких примеров военной кампании, которую едва удалось выиграть, и

поэтому именно по отношению к ней часто задают вопрос: «Что, если бы?..» Битва при Ватерлоо, независимо от ее результатов, представляет собой обширное поле исследований для энтузиастов альтернативной истории. Поэтому я не приношу извинений за включение в книгу целых трех, весьма отличных одна от другой глав, посвященных «Ста дням»: одна из них рассматривает начало драмы, вторая — середину, и третья — финал. Петер Хофшроер исследует последствия грубой ошибки, допущенной союзниками в самом начале кампании; Эндрю Аффинделл рассматривает возможность того, что битва была бы еще более кровопролитной; а Джон Элтинг отвечает на вопрос, что могло бы случиться, если бы французы возобновили боевые действия после Ватерлоо.

Конечно, наполеоновские войны, как и революционные войны, которые непосредственно предшествовали им и были отодвинуты на второй план, являются благодатным материалом для альтернативной истории, но, к сожалению, объем нашей книги ограничен. В связи с этим в книгу не вошли главы Хорнбловвереска о войне на море. То же касается и глав, в которых рассматриваются последствия казни Наполеона как якобинца — в Антибе в 1794 году, его гибели от австрийской пули у моста Аркола, или переноса визита в оперу ночью 24 декабря 1800 года. Мы не рассмотрели и последствия возможного бегства Наполеона в Америку, которое вполне могло произойти в 1815 году, или спасения императора с острова Св. Елены южноамериканскими мятежниками, непреклонными бонапартистами или американскими каперами. Одним словом, существует бесконечное множество возможных вариантов.

Эта книга отражает историю эпохи Наполеона с точки зрения военной истории. Она содержит лишь намек на предположения. Но ведь и сама история в сущности является лишь собранием предположений.

Джонатан Норт, 2000

Пэдди Гриффит

ЭТА САМАЯ УЯЗВИМАЯ И В ТО ЖЕ ВРЕМЯ САМАЯ УЖАСНАЯ СТРАНА¹

*Доктор **Пэдди Гриффит** преподавал историю войн в Королевской Военной академии в Сэндхерсте, а затем в 1989 году стал независимым автором и издателем. Специалист по Веллингтону и тактике революционных и наполеоновских войн. Кроме того, изучает военное искусство периода Гражданской войны в США и британской армии периода 1916—1918 гг., а также увлекается прогнозированием военных действий, возможных в «ближайшем будущем», и изучением фактически неизвестных войн эпохи викингов. Его хобби — военные игры.*

Лиссабон

16 декабря 1796 года. В Лиссабоне офицеры недавно прибывшей Средиземноморской эскадры Великобритании хоронят своего командира, ад-

¹ Выдержка из письма Ричарда Уэллесли Уильяму Питту, 4 сентября 1796 года.

мирала сэра Джона Джервиса, хрупкое здоровье которого не выдержало тягот и невзгод суровой службы. Событие торжественное, но не такое уж и печальное, поскольку многие из капитанов эскадры имели все основания испытывать недовольство в отношении дисциплинарных мер адмирала — грубых и зачастую необоснованных. Некоторые офицеры даже подумывали о том, чтобы вызвать его на дуэль. Теперь они шли плотной колонной вдоль узких улочек мимо собора Сан-Висенти, двигаясь в направлении английского кладбища. Моряки эскадры искренне надеялись на то, что преемник Джервиса, кем бы он ни был, создаст более терпимые условия службы. Они знали, что на флоте планируется проведение серьезных реформ. В особенности эти реформы должны были улучшить положение рядовых матросов, что было просто необходимо для предотвращения возможных мятежей. Джервис не потерпел бы никаких реформ, и некоторые из его наиболее образованных офицеров усматривали особую иронию в том, что место упокоения их раздражительного и придирчивого начальника находится совсем неподалеку от могилы человека совсем другого склада — скандально известного остроумного романиста и драматурга Генри Филдинга, похороненного здесь в 1754 году.

Париж

Тем временем в Париже, в то же самое утро — 25 февраля V года. По сравнению с Лиссабоном здесь холоднее и больше тумана. Пять человек, стоящих во главе правительства, Директория, собрались в Люксембургском дворце, чтобы обсудить стратегическое положение страны. Они говорят о том, что начало этого года было многообещающим, хотя теперь ситуация не внушает оптимизма. Отрадным фактом является то, что умиротворение Бретани и Вандеи наконец полностью завершено молодым, одаренным и необычайно гуманным генералом Луи-Лазаром Гошем. Флот наконец оправился от родовой горячки Революции и снова успешно действует на просторах Атлантики. Адмирал Ришери осуществляет рейдерство на коммуникациях противника, угрожая

его морской торговле на пространстве океана вплоть до берегов Ньюфаундленда. Бонапарт вновь добился блестящего успеха в Италии, а Моро — в Германии. Долгожданный военный союз Испании и Франции заставил англичан покинуть Средиземное море. Пруссия также прекратила сопротивление и 5 августа подписала тайное соглашение с Францией, которое предполагало нечто большее, чем просто нейтралитет. Самым отрадным является то, что ничего не стоящие «ассигнации» отменены, а изъятие из оборота других форм бумажных денег ожидается в ближайшем будущем. Урожай, собранный в этом году, — лучший за последние десять лет, и цены на хлеб упали до весьма низкого уровня.

Лишь Австрия и Британия все еще препятствуют полной победе французов. И, к сожалению, их сопротивление в последнее время усиливается. Война в Германии серьезно затягивается из-за поражения, которое 3 сентября Журден потерпел при Вюрцбурге. На плацдарме в Келе (восточный берег Рейна), как раз напротив Страсбурга, французы оказались в плотной осаде. Бонапарт связан боями в Мантуе с самого начала июня, и его надежды на окончательную победу, похоже, растаяли. Однако еще большие опасения внушала Директории его явная убежденность в том, что французская внешняя политика в Италии является его личным делом и больше никого не касается. Против воли Парижа он создал «Киспаденскую республику»¹, в которой стал властителем, тем самым вновь пробудив старые страхи в отношении военного переворота. Поэтому Директория не особенно горевала о том, что срок действия закона о наборе призывников, выдвинутого Карно в августе 1793 года, подходит к концу и мощь армии теперь находится на самом низком уровне за последние четыре года.

Поскольку значительно упала как численность армии, так и ее политическое влияние, возможно, теперь настала очередь флота сыграть решающую роль. Существует мнение, что следующий серьезный удар Франция должна на-

¹ Провозглашена 16 октября. В состав республики вошли города Модена, Болонья, Феррара, Реджио и др.

нести Британии, а не Австрии. А продление миссии англичан, направленной на поиски мира, еще больше укрепило это мнение. Британская дипломатическая делегация во главе с лордом Мальмсбери ведет переговоры в Париже с конца октября, что говорит об ослаблении решимости англичан. Теперь определенно настал момент для решительных действий с целью получить главные козыри, необходимые для завершения дипломатической игры. Похоже, что сами англичане уже действуют в этом направлении, так как они воспользовались новым союзом Испании с Францией как великолепным предложением для того, чтобы присвоить испанские колонии в Буэнос-Айресе, Тринидаде, Пуэрто-Рико и других местах. Генерал Аберкромби уже отплыл с приказом захватить Тринидад. Но это в свою очередь убеждало Директорию в том, что оборона британцев на ближних подступах к метрополии соответственно ослабла. Французы испытывают чрезвычайно сильное искушение нанести удар непосредственно по Британским островам.

Таким образом, официальная политика Франции в конце осени 1796 года была направлена не только на форсирование и успешный исход военных кампаний в Мантуе и на Рейне, но и на то, чтобы организовать вторжение в Англию, Ирландию, Шотландию и Уэльс, используя для этого любую возможность и применяя все мыслимые и даже немислимые способы. Несомненно, это вторжение следует осуществить как можно быстрее, даже если количество солдат, необходимое для проведения этой кампании, придется значительно сократить. Впрочем, такого рода «немислимые» удары уже предпринимались, например, десант из Дюнкерка в Ньюкасл. Тогда пришлось набирать необходимых для проведения этой операции 5 000 человек в тюрьмах и лагерях для военнопленных. Они не продвинулись дальше Фландрии. Однако командование главным ударом из Бреста было поручено самому утонченному и безупречному генералу Республики, каким, несомненно, был Гош. Первого ноября он был назначен командующим Ирландской армией, и после многих досадных задержек и последних колебаний Парижа флот наконец вышел в море.

Бирхейвен

16 декабря силы Гоша отплыли из Бреста. Это была мощная эскадра, в состав которой входили семнадцать линейных кораблей, тринадцать фрегатов, восемь других военных кораблей и восемь больших транспортных судов, а также несколько транспортных судов меньших размеров, используемых в качестве вспомогательных складов. На судах находилось 14 750 лучших солдат Гоша, а также тысячи ружей, которые по прибытии планировалось раздать ирландским повстанцам. Командир этих повстанцев, которого называли «генерал-адъютант Смит», также находился на борту одного из кораблей эскадры, вероятно, это был один из офицеров штаба генерала Шерана. В действительности это был Теобальд Уолф Тоун, протестант из Ольстера, руководитель Общества Объединенных Ирландцев. Он был сторонником полной независимости всей Ирландии. Планировалось, что организация Тоуна поднимет на борьбу полмиллиона «патриотов», полных решимости изгнать ненавистных англичан с ирландской земли. Однако реальной была цифра 50 000 человек, а возможно, и меньше; но против правительственных сил, в состав которых входило около 4000 кавалеристов, 2000 человек регулярной пехоты, 9000 ополченцев и 19 000 человек милиции — многие из которых относились с симпатией к идее освобождения, — даже такая численность повстанцев представляла очень хорошие шансы на успех.

Выход флота из Бреста изобилдовал ночными тревогами, вызванными путаницей в построении кораблей и навигационными ошибками. Произошло несколько серьезных столкновений и ужасное крушение 74-пушечного «Седюсана», наскочившего на подводные скалы в коварном узком проливе Ра-де-Сен, в результате чего погибло 1265 человек. Рассчитывая незаметно проскользнуть мимо английской блокирующей эскадры, адмирал пошел на риск и выбрал именно этот маршрут, хотя он и был более опасным, нежели основной пролив Ируа. Сумятицу усилил туман, а также дерзкая артиллерийская стрельба и залпы осветительных ракет с единственного оказавшегося

поблизости британского фрегата под командованием капитана сэра Эдварда Пеллю, который наблюдал уход эскадры. Хотя риск пришлось оплатить сполна, тем не менее основная часть эскадры смогла без потерь проследовать дальше. Помимо «Седюсана», лишь девять кораблей сбились с курса и отстали от эскадры. Но дело осложняло то обстоятельство, что на борту одного из них, фрегата «Фратерните», находилась не только казна, но и сам командующий генерал Гош, а также командир эскадры адмирал Морар де Галль.

Это оставляло эскадру без командира. Его, однако, смог заменить контр-адмирал Буве, а Гоша — генерал Груши, которые вскоре сумели собрать воедино большую часть сил вторжения и лечь на расчетный курс. Восемнадцатого декабря «Фратерните» и три корабля эскорта из-за плотного тумана все еще были вне пределов видимости. Сейчас мы знаем, что командир фрегата Фустель получил крупную взятку от британского тайного агента и действовал соответствующим образом¹. Он сделал все, чтобы избежать встречи с Буве и Груши. Осуществлению его планов способствовало то, что адмирал ничего не замечал, а Гош не был моряком. Но предательству не суждено было осуществиться! 19 декабря туман чудесным образом растаял, причем именно в тот момент, когда «Фратерните» оказался в непосредственной близости от эскадры. Они просто не могли не увидеть друг друга, и корабль присоединился к эскадре. Капитан Фустель тотчас прекратил свою игру, чтобы избежать разоблачения, и впоследствии никогда не упоминал о полученном «вознаграждении».

Во время 250-мильного перехода к Бантри погода не всегда была благоприятной; многие из храбрых солдат Республики пожалели о том, что родились в стране, имеющей доступ к морю, и проклинали безумную идею «освобождения» вполне довольного жизнью населения зеленых островов от их законного правительства. Тем не

¹ Майкл Джон Кэррол, «Уолф Тоун и французское вторжение 1796 года: Краткое изложение событий», в его книге «Залив судьбы» (Бантри, 1996).

менее 22 декабря эскадра практически в полном составе и почти без повреждений вошла в залив Бантри. Генерал Гош настоял на высадке при первой благоприятной возможности. Если бы командовал Груши, который был типичным штабным офицером и нерешительным человеком, вероятно, ничего не было бы сделано, но темпераментный Гош убеждал войска в том, что они как можно быстрее должны покинуть ненавистные плавучие застенки и вновь оказаться на твердой, сухой и неподвижной суше. Однако была небольшая проблема с исключительно жестоким восточным ветром, который сопровождался снегопадом и стал причиной столкновений, потери рей и качки судов. В результате эскадра, которая находилась в заливе Бантри, не могла двигаться против ветра и была вынуждена подходить к берегу, под защитой острова Бир, в устье залива в защищенных от бури водах Бирхейвен. Уже днем 23 декабря корабли смогли начать разгрузку войск и грузов, однако ухудшившиеся погодные условия растянули это мероприятие на три дня.

Генерал Юмбер, командир авангарда «Французского легиона», высадился первым, возглавив небольшой отряд, в состав которого входили гренадеры. Они высадились на скалистой отмели к юго-западу от деревни Бирхейвен. Порох отсырел, а восемь человек утонули. Их высадку заметили с берега лишь после того, как они уже оказались на суше и разобрались по ротам. Выйдя на главную дорогу, они построились в походную колонну, развернув знамена Франции и Ирландии. По мере продвижения они встретили десяток всадников территориальной конницы под командованием мистера О'Салливана из Кулиаха, который был землевладельцем-католиком и пользовался значительным авторитетом среди местного населения. Он проклинал судьбу за то, что не сумел сам противостоять высадке в тот момент, когда французы были наиболее уязвимы в случае решительной атаки. Теперь он считал (ошибочно), что нужно тянуть время. За день до этого, определив, что прибывшие корабли — французские, он эвакуировал свою семью и весь домашний скот из прибрежных районов. В Бантри обо всем знал мистер Ричард Уайт, а через него о

прибытии французов узнали и власти в Корке¹. Однако теперь нужно было посылать второго гонца, который должен был сообщить о высадке войск, и третьего, чтобы предупредить соседей на северо-востоке: лорда Кенмэйра и Мориса О'Коннела (дяди Дэниела О'Коннела, которому тогда было лишь двадцать три года и который позже станет знаменитым политиком-патриотом). Дав указания двум наиболее доверенным слугам и отправив их с этим поручением, О'Салливан, помахав белым платком, осторожно направился к французскому генералу Умберу, который остановил своих гренадеров и любезно принял парламентаря. Однако суть заявления, сделанного французом, не оставляла никаких сомнений, хотя и была несколько смягчена умелым переводчиком, который явно испытывал волнение. Все графство Корк попадало под военную реквизицию и впредь должно было проявлять лояльность к недавно созданной Ирландской республике, за которой стояла вся мощь и величие Франции. О'Салливана сухо поздравили с тем, что ему посчастливилось стать первым гражданином нового государства и выразили сожаление по поводу того, что его придется задержать, чтобы гарантировать примерное поведение местных жителей. Таким образом Бирхейвен и его крошечная бухта стали местом разгрузки эскадры Гоша.

С военной точки зрения это было худшим из всех возможных мест высадки. Оно находилось в шестидесяти километрах отвратительных дорог от города Бантри, который, в свою очередь, был расположен на расстоянии девяноста километров от Корка. Фактически Бирхейвен был самым удаленным от всех важных центров Ирландии местом. Предписания командования указывали защищенное устье Гленгарриффа и район Снейв Бридж как наиболее предпочтительные места высадки. Однако моряки были рады, что высадка произошла до неприличия поспешно.

¹ Известия о прибытии французов поступили в Корк из Крукхейвена на исходе 22 декабря, то есть еще до того, как посыльный мистера Уайта прибыл из Бантри (Кэррол / цитируемое произведение.)

Капитаны хотели как можно скорее увести свои корабли от опасной скалистой береговой линии. Кроме того, в любой момент могли появиться корабли британского флота¹. Погода в данном случае оправдывала мнение моряков. Когда 23 декабря ветры ослабли, наступил короткий период, когда, по общему мнению, можно было бы попытаться высадиться еще дальше к востоку, однако в течение суток буря возобновилась и стала даже еще более свирепой, чем прежде, временами достигая силы урагана. Такая погода продолжалась неделю. Если бы Гош не настоял на высадке именно в этом месте и в это время, ему либо пришлось бы долго ждать улучшения погоды, либо вообще отказаться от любых попыток высадить десант.

Как стратег он определенно мог поздравить себя с тем, что ему удалось столь быстро высадить на берег 12 000 солдат и четыре полевых орудия, но как командир этих войск он не мог не видеть, что ситуация складывается не лучшим образом. Его армии приходилось встречать Рождество, вновь привыкая к суше. Запасы продовольствия, привезенного на кораблях, заканчивались, поскольку ими пользовались с самого начала экспедиции. Возможности размещения и снабжения армии в Бирхейвене были отнюдь не идеальны, а местные жители были угрюмы, замкнуты и что хуже всего — бедны. У них просто не было достаточного количества обуви и зерна, которые можно было бы купить за звонкую монету и снабдить ими армию. Что касается полчищ «патриотов», то обещанная цифра — полмиллиона — так и не материализовалась. В деревне их нашлось ровно шесть, но даже они

¹ Французы не знали, что британский флот не имел ни малейшей возможности вмешаться в операцию при Бантри. У командования флота было неверное представление о планах французов (многие считали, что противник планирует высадку в Португалии, а не в Ирландии), но в любом случае английским кораблям из-за неблагоприятного ветра пришлось до 3 января оставаться в Портсмуте. Таким образом, в районе Бантри британский флот располагал лишь двумя кораблями, но и они были вынуждены переждать шторм. Один из них бросил якорь в Крукхейвене, а другой в Кобхе.

были опечалены тем, что их новые товарищи по оружию оказались такими же безбожниками-варварами, какие совсем недавно разграбили Рим и унизили папу. В округе можно было добыть чрезвычайно мало крупного рогатого скота, овец и лошадей, что было результатом осуществления плана англичан, которые, получив сведения о появлении французских кораблей, увели большую часть животных во внутренние районы страны. Все лошади, которых привез Гош, использовались в качестве транспорта. Единственная дорога, которая связывала побережье с внутренними районами, была узкой, грязной и слишком неровной, она была пригодна лишь для вьючных животных и небольших крестьянских телег. Полевые орудия и запасные ружья для ирландских добровольцев пришлось оставить в районе бухты под охраной лейтенанта-артиллериста и нескольких солдат в надежде на то, что, как только погода улучшится, оружие можно будет переправить морем, погрузив его на рыбацкие суда. Для того чтобы иметь возможность проводить поиск фуража на широком пространстве, Гош увеличил численность небольшого отряда своей кавалерии, который был предназначен лишь для выполнения самых необходимых задач по разведке и связи. Таким образом генерал сосредоточил силы и сделал свою маленькую армию весьма подвижной. Это было важно, поскольку длительное пребывание в одном месте неизбежно привело бы к голоду.

Ранним утром 26 декабря Гош и «мистер Смит» произвели смотр и выступили с кратким обращением к войскам, которые затем, построившись в походную колонну, двинулись по труднопроходимой из-за грязи узкой дороге к Бантри. По левую сторону дороги круто вздымались вверх скалы, а прямо в лицо дул штормовой восточный ветер, хлестал дождь, временами переходящий в снег. Днем 27 декабря, войдя в живописную и защищенную от бури долину Гленгарриффа, они испытали некоторое облегчение, но также и столкнулись здесь с первым вооруженным сопротивлением. Лейтенант Гиббонс и мистер Уайт из Бантри выслали вперед полуэскадрон кавалерии и две роты милиции, которые открыли огонь. Но их храбрость не сопровождалась точностью стрельбы, кото-

рую они вели из каменных хозяйственных построек на окраине города. Юмбер, который все еще находился в авангарде, быстро оценил обстановку и выслал вперед батальон гренадеров, — тот, который арестовал О'Салливана в Бирхейвене. Теперь то же самое повторилось и с мистром Уайтом, правда, при этом обе стороны потеряли по три человека, а приблизительно три десятка человек были ранены. В руках французов оказалось более пятидесяти лошадей, которые были для них просто бесценным даром, а общее количество граждан новорожденной Ирландской республики за счет населения города возросло более чем в два раза. Армия впервые с момента выхода из Бреста провела ночь в нормальных условиях. Особую пикантность внесло разграбление изящного замка и летней резиденции мистера Уайта, обнаруженных на дальнем краю города.

Это был первый в этом походе серьезный случай мародерства. Справедливости ради следует заметить, что знаменитый винный погреб Уайта в Сифилд Хаусе в течение всей военной кампании оставался в целости и сохранности и совершенно не пострадал. Но самой горькой потерей мистера Уайта, которую он понес в результате своего поражения, было крушение его давних надежд на получение звания пэра.

Гош решительно отверг просьбы подчиненных на день остаться в Гленгарриффе для отдыха, и к вечеру следующего дня его армия уже миновала развилки Снейв Бридж и Бэллилики, вновь выйдя на дорогу, ведущую в глубь страны к Инчигиллоху, Макруму и Корку. На третий день тяжелого марша солдаты начали вспоминать мелочи повседневной жизни, привычки и склонности, награды и лишения, то есть все, что сопровождает бывалого солдата в любом походе. Это был период их адаптации к новым условиям, который был необходим для быстрого восстановления морального духа. Все они знали, что настоящие испытания еще ждут их впереди, на полях сражений, однако приятно было осознавать, что самые тяжелые физические испытания морского плавания, отвратительная погода и неприветливая местность остались позади. Но это не обошлось даром — с момента высадки количество

заболевших и отставших уже равнялось численности батальона. Надо было подумать о восстановлении этих потерь. Гош мог заверить своих солдат в том, что через несколько дней они уже будут продвигаться по довольно богатой и защищенной от непогоды стране.

Корк

Переход через Макрум к Баллинколлигу, «городу борова», закончился к исходу 1 января 1797 года. Ирландцы, которые к этому времени уже собрались под зеленым, украшенным золотой арфой знаменем Уолфа Тоуна, праздновали Новый год. Французы же, для которых лишь 14 июля и 23 сентября (годовщина создания республики) были праздниками, достойными того, чтобы их отмечать, считали этот день самым заурядным. Стало известно, что в течение минувшей недели британцы под командованием генерала Дэлримпла сначала сосредоточивали свои силы и укреплялись в районе военного лагеря вблизи Бандона, а затем, когда им стало известно о том, что французы продвинулись еще севернее, приступили к осуществлению оборонительных мер в самом Корке. Со своей стороны, Гош теперь был наконец готов замедлить темп своего безумного броска на север и объявил о двухдневном отдыхе. Отставшие солдаты были возвращены в строй и таким образом незначительные потери были компенсированы. Однако на доставку артиллерии должно было уйти много дней, а возможно — даже и недель. Тем не менее снабжение войск вполне можно было сделать более эффективным, поскольку армия уже догоняла стада домашнего скота, которые были уведены в глубь острова, когда стало известно о вторжении. Вскоре можно будет раздобыть и достаточное количество лошадей, чтобы усилить кавалерию.

И все же Гош понимал, что время по-прежнему работает против него и так будет продолжаться до тех пор, пока он не возьмет город, достаточно большой для того, чтобы сделать из него опорный пункт. Поэтому он должен был взять Корк. На самом деле он понимал, что исход всей кампании решат события ближайших нескольких дней, в течение которых он должен будет атаковать этот город (в кото-

ром, очевидно, имеется сильный гарнизон), причем — атаковать без осадного парка. Он знал, что генерал Дэлримпл готов и ждет его. В то же время Гош имел хотя и скудные, но весьма ценные сведения, которые внесли существенные дополнения в общую стратегическую картину. Все еще малочисленные отряды французской кавалерии были отправлены в окрестности Корка, чтобы выяснить обстановку у населения. Однако сообщения местных жителей, которые мало что понимали в военном деле, были сбивчивы и противоречивы. Некоторые утверждали, что недавно в Корк пришло значительное пополнение, другие говорили, что весь гарнизон ушел из города, чтобы соединиться с гораздо более многочисленной армией, которая собиралась не то в Дублине, не то в Лимерике, или даже в Уэксфорде. В то же время они уверяли, что все жители графства Корк с особым почтением относятся к «лорду Гошу», поскольку он ведет 80 000 солдат, которые выполнят его приказ. Когда разведчики-кавалеристы слышали эти заявления, они с трудом сохраняли невозмутимый вид. Во всяком случае одно удалось выяснить точно — старые стены Корка, которые штурмовали и войска Кромвеля, и войска «короля Билли» (в обоих случаях город был взят), теперь явно находились в ветхом состоянии.

Дав солдатам время на отдых и прием пищи, Гош на рассвете 4 января повел их вперед на приступ города. Он знал: так или иначе, но этот день решит все. Выстраивая свои войска в боевой порядок, командующий впервые за все время этой кампании по-настоящему нервничал. Первыми шли цепью стрелки Юмбера, за ними, в центре, следовали четыре батальона и сам Гош. По правому флангу продвигалась недоукомплектованная «бригада» кавалерии под командованием бригадира Мерме, а на левом фланге была река Ли. За авангардом следовали первые три полубригады корпуса Шерана, в то время как четвертая оставалась позади в качестве главного резерва и находилась в прямом распоряжении Груши и штаба армии. По европейским меркам это были жалкие силы, ведь всего три месяца назад в западной Франции Гош командовал армией, численность которой была никак не меньше 100 000 человек, теперь же он шел на риск в надежде на то,

что его 11 000 солдат окажутся достаточно внушительной армией для ведения войны с силами, обеспечивающими внутреннюю безопасность Ирландии.

Первое время утренний туман скрывал передвижения французских солдат, которые шли к городу по покрытым грязью полям. К счастью, ветер утих, хотя по-прежнему было холодно. Но когда передовая цепь стрелков подошла к городу на расстояние примерно 350 метров, заговорило первое орудие защитников, к которому вскоре присоединились и остальные. Французская легкая пехота бросилась вперед в поисках укрытия, ответив треском беспорядочной ружейной стрельбы. Между тем четыре батальона авангарда, которые шли сразу же за стрелками, дрогнули, но продолжали двигаться вперед. Офицеры подбадривали своих солдат, выкрикивая обычный в таких случаях патристический вздор, угрожали им расправой в случае неповиновения, и, к их великому облегчению, батальоны продолжили движение к слабо укрепленному, как оказалось, валу, число защитников которого было небольшим. Когда расстояние сократилось до 40—50 метров, со стороны укреплений раздался грохот ружейной стрельбы — это вступила в бой английская пехота. В ответ французы с криками «*Vive la Liberte! Nous Sommes Invincibles!*»¹ ответили своим залпом, данным больше для поднятия морального духа. Не останавливаясь для перезарядки ружей и не снимая ранцев, они бросились вперед, прямо на оборонительную линию противника. Англичане, которые в этот момент перезаряжали ружья, были застигнуты врасплох и тотчас побежали. Небольшое количество солдат противника французы убили выстрелами в спину и закололи штыками. Буквально в течение нескольких минут они очистили весь район, прилегающий к протестантской церкви Сент-Финбарр и одноименной торговой набережной, но дальнейшему продвижению препятствовала внушительная водная преграда, которой был южный проток реки Ли. Там авангард укрылся от огня, который противник вел с дальнего берега, и оставался до подхода основных сил армии. Потери составили около 130 человек уби-

¹ Да здравствует свобода! Мы непобедимы! (фр.)

тыми и ранеными. Был ранен и вышел из строя генерал Юмбер. Французы захватили пять тяжелых орудий, а около сотни солдат противника были убиты или захвачены в плен.

Выяснилось, что победа одержана лишь над легким заслоном милиции, тогда как остальные силы противника, в которые входили отряды милиции и ополченцев, общей численностью до 4000 человек, в панике отходили к центру города, в район, расположенный меж двух протоков реки. Их главные предводители прямо посреди улицы, сидя верхом на лошадях, держали военный совет, который позже очевидцы назовут «жестокими препирательствами». В конце концов было решено немедленно уходить на север, к «Протестантским холмам», по дороге на Маллоу, где Дэлримпл надеялся создать укрепленный лагерь. Чуть позже, когда Груши рискнул выйти навстречу противнику с белым флагом перемирия, он встретил лишь смиренных членов городского управления, которые несли на бархатной подушечке ключи от города и обещали впредь не оказывать вооруженного сопротивления. Таким образом Корк стал легкой добычей французов, что было для Гоша большой удачей. Та же участь постигла и порт Кобх, склады которого остались в полной сохранности; почти половина торговых судов, стоявших в нем, была захвачена французами. В десять часов вечера того же дня в Брест был отправлен легкий баркас, который должен был передать Директории важные новости.

Дублин

В течение первых двух недель с момента высадки британские власти в Дублине не могли прийти в себя от потрясения, вызванного вторжением французов. Случившееся убедило их в неизбежности заключения мира с Францией. Они знали, что части британской регулярной армии несут службу во множестве самых экзотических мест, расположенных очень далеко от Ирландии. Новый главнокомандующий, лорд Кархэмптон, был назначен лишь два месяца назад и еще не успел реализовать свой план общей мобилизации. Вспомогательные оборонительные части

территориальной конницы, которые в большей степени были привязаны к конкретной местности, нежели милиция, вошли в общий состав сил лишь в октябре. Организация при формировании этих подразделений никуда не годилась. До сих пор мало кто из них получил форменное обмундирование, и никто точно не знал, окажут ли эти части помощь делу защиты королевства или станут помехой. Что касается Дублинской фондовой биржи, то еще перед Рождеством резкое увеличение количества требований к Английскому банку о возвращении вкладов внушало мрачные опасения, падение же Корка привело биржу к полному краху. В портах началась суматоха, поскольку зажиточные люди пытались перевезти свои семьи, а по возможности и ценности, в Англию.

Однако необстрелянные легионы Кархэмптона двигались все же в противоположном направлении — навстречу врагу. Тридцать один из его тридцати восьми отрядов милиции и многие ополченцы получили приказ сначала сосредоточиться в пяти военных округах, а затем продвигаться в сторону юго-западной оконечности острова. Дэлримпл, который командовал Южным округом, получил указание по возможности удерживать Корк, а если это будет невозможно, то отходить к северу, что фактически и было сделано. Он должен был получить подкрепление в Лимерике от командующего Западным округом Смита. Между тем сам Кархэмптон должен был сосредоточить свои главные силы вдоль дороги, ведущей из Дублина через Карлоу на Клонмел и Ардфиннан, получив дополнительные воинские части от Кросби — командующего Восточным округом и Ральфа Дандаса — командующего Центральным округом. Лейк, с большей частью вооруженных сил Ольстера, должен был выступить из лагеря Блейрис неподалеку от Лисберна, чтобы сыграть роль стратегического резерва.

Девятого января лорд Кархэмптон, прибыв в лагерь Ардфиннан в районе Клонмела, обнаружил, что противник уже обошел фланги правительственных войск. Французы не пошли на поводу у Дэлримпла, который пытался заманить их на дорогу, ведущую из Корка в Маллоу, и вместо этого решительно двинулись через Фермой в направле-

нии Кейхира, что в пяти милях севернее Ардфиннапа. В связи с этим британский главнокомандующий за ночь организовал поспешный отход своих войск к Клонмелу, где они заняли линию обороны вдоль реки Суир, прикрытую с тыла холмами, а старому городу была отведена роль передового плацдарма. Имея здесь более 6 000 своих лучших солдат, в число которых входили и три полка регулярной кавалерии, Кархэмpton считал свою позицию достаточно надежной и вспомнил, что даже Кромвель в 1650 году понес большие потери под стенами Клонмела. Его еще больше обнадежило то, что 10 января неоднократные атаки французской кавалерии на передовые линии обороны закончились безрезультатно, а главные силы пехоты противника, казалось, приближались очень осторожно и нерешительно. Впечатление полной военной неорганизованности врага усилило появление орущей толпы из нескольких сотен оборванных ирландцев, вооруженных пиками, видимо новобранцев, которые, рассыпавшись по флангам, продемонстрировали полное отсутствие строевой выучки и дисциплины.

Однако уверенность Кархэмптона быстро улетучилась, когда на исходе дня вдруг повалил снег, из-за которого резко упала видимость, а наступающие французы и ирландцы стали быстро приближаться. Один английский кавалерийский полк попытался атаковать, но неожиданно наткнулся на внезапно возникшую изгородь из столь презираемых пик. Артиллерия, расположенная за Клонмелом, оказалась вне пределов видимости, а та, что была в самом городе, успела сделать лишь два или три залпа, прежде чем артиллеристы вступили в рукопашный бой. Нападающие прорвались сквозь импровизированные баррикады, установленные во множестве мест, где городские стены обвалились. У западных ворот и на узких улочках завязалась яростная схватка. Немыслимая смесь криков французов и наводящих ужас воплей ирландцев приводила в трепет очевидцев, попавших в водоворот этих событий. Тем не менее все могло бы обернуться против Гоша, если бы его противник был в состоянии видеть, что происходит. Но Кархэмpton в наступившей сумятице забрал себе подкрепления из восточной части города, не перебросив

их в западную часть, хотя именно там положение было катастрофическим. Французы прорвались через Старый мост, повергнув в панику левый фланг и тыл англичан. Многие из одетых в красную форму солдат милиции вдруг вспомнили, что они тоже ирландские католики и что многие чиновники уклонились от службы в милиции, а землевладельцы — от службы в ополчениях графств. Несколько отрядов прекратили свое существование, так как солдаты под покровом ночи разбежались кто куда, предоставив организованно отступать лишь крепкому ядру армии, которое состояло из шотландских ополченцев, артиллеристов, стремившихся спасти свои орудия, и офицеров, которые остались без солдат. Две трети правительственных сил все же удалось собрать у Килкенни, приблизительно в тридцати милях к северо-востоку, но более 2000 человек были либо убиты, либо попали в плен, а большинство просто дезертировали. Гош потерял чуть больше 500 человек, причем число погибших практически поровну распределилось между французами и ирландцами. Гош одержал победу не менее замечательную, чем победа при Корке. Он смог пополнить разнородный артиллерийский парк генерала Дебелля еще несколькими орудиями, а множество трофейных ружей передал ирландцам, которые присоединились к его армии. Кроме того, он получил особое удовлетворение, отправив в Париж четыре взятых в бою вражеских знамени.

Чем дальше продвигался Гош, тем большее число местных жителей убеждалось как в существовании его армии, так и в том, что эта армия способна выигрывать битвы. Исчезала первоначальная подозрительность, и среди многих слоев общества внезапно стало принято проявлять некоторые намеки на нелояльность к королю Георгу III. Войнаственный пыл территориальной конницы погас, и ее солдаты теперь не покидали своих домов, предоставив выполнение военных задач отрядам милиции и ополчения. Было даже одно вооруженное восстание недовольных протестантов в графстве Энтрим, расположенном в 250 милях к северу от Клонмела. В это время Гош как раз интенсивно пополнял ряды своей армии множеством ирландских добровольцев. Из 10 000 солдат, которые вошли

в Корк, 2000 остались в этом городе, чтобы организовать его оборону, набрать рекрутов, осуществить тыловое снабжение армии и создать новое городское управление. Однако к началу битвы при Клонмеле численность действующей армии вновь составила 10 000 человек. К этому времени он уже принял сдачу замка Килкенни и в течение суток — с 13 по 14 января — именно здесь находилась его ставка. Численность действующей армии достигла 12 000 человек, а численность гарнизона Корка удвоилась. Это было весьма своевременно, поскольку генерал Дэлримпл теперь подумывал о том, чтобы своими силами вновь занять Корк, рассчитывая на то, что французы ушли, не оставив в нем значительных сил. Тринадцатого января Дэлримпл оставшимися в его распоряжении войсками, усиленными отрядами милиции из Голуэя, предпринял штурм города. Однако к этому времени уже пришли вести из Клонмела и в британском лагере стали распространяться упаднические настроения. Его солдаты воевали вполсилы, и их моральный дух окончательно упал, когда надежды на легкую победу не оправдались.

Тем временем Гош продвигался через Ати к Дублину, вновь обходя с флангов силы британцев, которые пытались блокировать дорогу в районе Карлоу. К этому времени Кархэмpton с горечью осознал, что недооценил скорость передвижения противника и численность его армии, а сам не сумел укрепить свои войска для того, чтобы противостоять главным силам французов. Семнадцатого января он оставил свои войска у Карлоу, поскольку теперь они уже оказались в тылу у французов, а сам поспешно отправился в Дублин, чтобы руководить новым сосредоточением войск, которые собирались в районе столицы. Чтобы усилить гарнизон, сюда с большей частью сил Ольстера прибыл Лейк, хотя для подавления восстания в Энтриме ему пришлось вернуть обратно четыре полка милиции. Таким образом, когда 19 января Гош тщетно призывал город сдаться, число его защитников превышало 10 000 человек. Численно армия Гоша превосходила гарнизон Дублина примерно на 3000 человек, однако по количеству орудий французы заметно уступали противнику. К тому же они не могли препятствовать морскому сообщению

Дублин с Британией. 21 января Гош предпринял стремительный штурм города, однако не сумел повторить успех, имевший место под Клонмелем. Атака была отбита, и, как писали лондонские газеты, «противник потерял тысячу человек». Началась длительная осада. Так прошел январь, а затем и февраль. В начале марта британцы удерживали лишь небольшие островки территории Ирландии: Дублин, Белфаст, Лондондерри и Лимерик, которые с одной стороны были окружены врагами, а с другой — равнодушными морскими волнами. Безусловно, имели место и активные действия, такие, например, как попытка Кросби, в распоряжении которого находились войска, разбитые при Клонмеле, взять Корк. Морские пехотинцы, которых в этом районе высадил флот, давали ему численное преимущество, однако в конечном счете он добился не больших успехов, чем Дэлримпл. Затем из Портсмута прибыли 5000 солдат регулярной пехоты, которые должны были отправиться «на верную смерть» в составе экспедиционных сил Аберкромби в Вест-Индию. Солдаты были рады тому, что получили отсрочку, но оказалось, что они совершенно не приучены к военной жизни и еще не привыкли к дисциплине, поэтому их пьяная радость, вызванная отправкой в Дублин, никак не могла приблизить снятие осады. Этот эпизод стал лишним доказательством (если еще были нужны доказательства) того, что мистер Питт уже исчерпал все ресурсы личного состава. Флот Бридпорта все еще господствовал в Ирландском море, однако войск, которые можно было бы отправить через это море в Ирландию, оставалось уже слишком мало.

Мыс Сан-Висенти

Но даже британское господство на морях недолго оставалось бесспорным, поскольку французский флот к концу января вновь готов был вступить в бой. Несмотря на активные действия британских кораблей, французы были в состоянии обеспечить стабильную доставку небольших подкреплений Гошу, в том числе и переброску небезызвестного «Черного легиона» американца Тейта. Этот легион был сформирован из уголовников и дезертиров. Перво-

начально планировалось, что они сожгут дотла сначала Бристоль, а затем Ливерпуль. Однако ввиду ситуации, сложившейся в Ирландии, их «мастерство» поджигателей должно было найти другое применение, а именно — Уэксфорд. Местное население плохо к ним отнеслось, но это не давало повода сдаться, так и не причинив противнику никакого ущерба. Так или иначе армия Гоша теперь могла получать значительные подкрепления, особенно после того как 2 февраля Бонапарт захватил Мантую. Однако наибольшие опасения у англичан вызывало то, что основные силы испанского флота, в составе не менее двадцати семи линейных кораблей, вышли из Средиземного моря. Эта армада явно превосходила британскую блокирующую эскадру в составе пятнадцати кораблей, которая базировалась в Лиссабоне. Вице-адмирал сэр Джордж Кит Элфинстоун, который только что сменил Джервиса, и его флагман Калдер, сосчитав количество кораблей противника, благополучно появившихся в районе мыса Сан-Висенте¹ туманным утром 14 февраля, оставили всякую мысль о сражении. Скорее всего, британцы проиграли бы его, но даже если бы им удалось выиграть, все равно более десятка кораблей противника смогли бы продолжить свой путь в Брест, где они соединились бы с силами французского флота. Элфинстоун позволил им беспрепятственно уйти и следовал за ними на приличном расстоянии. Лишь коммодор Нельсон, который командовал 74-пушечным кораблем «Кэптен», восстал против пассивных действий. Он заявил, что это было бы просто невысказано при Джервисе, и самовольно в одиночку атаковал могучий 136-пушечный «Сантиссима Тринидад», явно в надежде на то, что это приведет к активным действиям других кораблей эскадры. Но, увы, испанский гигант лишь брезгливо отмахнулся от этой атаки. «Кэптен» лишился мачт и был вынужден спустить флаг. Таким образом, больше ничто не мешало адмиралу Кордове вести испанскую армаду в Брест. Оттуда в начале марта он без особых трудов смог совершать рейды в пролив Св. Георга и Ирландское море, тем самым препятствуя перевозкам

¹ В английском звучании Сент-Випсеит (*Прим. ред.*)

британских войск в Дублин и защищая перевозки французских войск, предназначенных для усиления армии генерала Гоша. Еще большие опасения Лондона вызывало то, что Кордова теперь вполне мог сорвать каботажные морские перевозки вдоль всего западного побережья Англии, Уэльса и Шотландии. Теперь не надо было сжигать дотла Бристоль или Ливерпуль, как это предлагал Тейт, поскольку эти города были бы не в состоянии выполнить свои экономические функции, если бы были перерезаны морские пути, ведущие к ним. Все эти обстоятельства не могли не повлиять самым губительным образом на состояние финансов. Английский банк уже прекратил выплаты в полновесной монете, и теперь все более реальной становилась угроза прекращения всех видов выплат вообще.

Мыс Трафальгар

После падения Мантуи и прибытия испанского флота в Брест революционная Франция недолго продолжала войну. 18 апреля в Леобене Австрия подписала предварительные условия мира, что в дальнейшем привело к заключению 18 октября мирного договора в Кампо Формио. Тем временем осада Дублина разрешилась без особого кровопролития заключением перемирия в Килмейнхайме 24 марта. Это перемирие привело к Лилльскому мирному договору, который был подписан 3 сентября. В Англии все надежды возобновить войну в апреле и мае были разрушены мятежами матросов военно-морского флота в Спитхэде и Норе. В конечном счете они привели к замене крайне непопулярной консервативной администрации Питта коалицией вигов под предводительством Фокса и Портленда. Теперь пришлось соглашаться со многими условиями мирного договора, которые лорд Мальмсбери прежде отвергал, хотя взамен признания независимости молодой Ирландской республики, во главе которой стоял Уолф Тоун, хитрые островитяне получили ряд уступок. Сохранялась беспошлинная торговля республики с Бристолем и Ливерпулем, а также арендная плата землевладельцам, живущим теперь в Англии. Тем не менее, на Ирландию уже не распространялось суровое британское су-

допроизводство и закончилось присутствие английской армии. Как это ни удивительно, но в Ирландии оппозиция этим соглашениям была ничтожна и многие представители англо-ирландского дворянства (такие, как Ричард и Артур Уэллесли) стали честно служить правительству Ирландской республики.

Мир принес благословенный покой, который продолжался тридцать лет, — и не только в Британии, где война главным образом нанесла ущерб экономике, доведя ее до состояния крайнего напряжения, но и во Франции, где ущерб измерялся в гораздо большей степени кровью и политическими потрясениями. Как и предполагалось, мир содействовал расцвету французской демократии, свободной от ужасов военной тирании или изощренных социальных экспериментов, которые сопровождались всеобщей военной мобилизацией. В результате проведенных весной выборов к власти пришло благоразумное и умеренное правительство. Надежды армии и крайних левых рухнули, когда в сентябре (фруктидоре) окончилась неудачей попытка переворота. Генерал Гош прославился как защитник свободы, а Бонапарт, который мог стать узурпатором, эмигрировал, будучи жестоко оскорблен, как и Лафайетт и Дюмурье, которым досталась похожая участь. Между тем после пяти лет напряженных военных действий армии и флоты европейских государств смогли наконец уйти с политической сцены. Всех офицеров, за исключением самых преданных и надежных, теперь можно было отправлять в отставку. Границы снова открылись, что способствовало быстрому возрождению международного общения и торговли.

Такой была обстановка, когда 21 октября 1805 года коммодор Нельсон, которому выплатили лишь половину положенного выходного пособия, случайно встретился с опозоренным генералом Бонапартом. Эта встреча произошла на термальных источниках недалеко от мыса Трафальгар, что на юго-западе Испании. Они пили, предаваясь ностальгическим мечтам обо всех славных победах, которые могли бы одержать, если бы только в результате выборов к власти не пришли проклятые политиканы и если бы не было этого чертовски противоестественного европейского мира.

В реальности

В основе моего очерка лежат как подлинные исторические факты, имевшие место в Ирландии, так и реальные тенденции развития европейской стратегии того времени. Я попытался использовать реальную историческую топографию и включил в свое повествование подлинные воинские части того времени. Все действующие лица, имена которых упоминаются в моем изложении, на самом деле жили в то время. Однако печальная преждевременная кончина Джервиса, который вскоре получил титул графа Сент-Винсента, является первым «альтернативным» фактом, сыгравшим значительную роль в моем изложении. В действительности здоровье стало подводить Джервиса только после того, как он подавил мятеж, вспыхнувший на флоте в 1797 году, но даже после этого он прожил еще двадцать шесть лет, и умер лишь в 1823 году. Он прибыл в Лиссабон только 22 декабря, однако ради художественного единства времени, места и действия я на неделю приблизил это событие. Второй «альтернативой» стало то, что туман, сгустившийся 19 декабря, чудесным образом растаял. После этого мы неизбежно оказываемся в новой исторической реальности.

Капитан Фустель, судя по всему, дважды получил взятку. Его «небольшие ошибки в навигации» имели колоссальное стратегическое значение, поскольку лишили армию ее командующего. Ввиду отсутствия Гоша его войска так и не высадились в заливе Бантри. Тем не менее большинство современных историков допускают, что если бы они высадились, то действительно быстро бы взяли Корк. И даже ирландские пикейщики сыграли бы свою роль, так как в действительности они в мае 1798 года в Лейнстере дважды отражали атаки британских драгун¹.

Реально имевшие место беспорядки 1798 года были подавлены без особого труда и почти без применения кавалерии, что резко отличается от драматического успеха описанного мной восстания 1797 года. Необходимо пом-

¹ Фергюсон. «Армия и Ирландское восстание 1798 года», с. 94.

нить, что в действительности британцы предприняли значительные меры по укреплению обороны Ирландии лишь после того, как французская экспедиция в залив Бантри закончилась неудачей. Эти меры были прямым следствием неудачной экспедиции Гоша. Что касается Юмбера, то он в 1798 году произвел высадку лишь тысячи французских солдат, что составило одну десятую от той армии, с которой Гош мог бы ступить на берег Бирхейвена.

В реальности войска Тейта не были в Уэксфорде, а высадившись 24 февраля 1797 года в Фишгарде, на юго-западе Уэльса, вскоре капитулировали. Что касается адмирала Джервиса, то он, не обращая никакого внимания на количество кораблей испанского флота, появившегося у мыса Сан-Висенти, атаковал их и одержал знаменитую победу. Вице-адмирал Кит, наоборот, получил репутацию чрезмерно осторожного флотоводца, когда в 1799 году на Средиземном море лишь создавал видимость борьбы с адмиралом Брюи. Следовательно, мы имеем все основания усомниться в том, что 14 февраля он вступил бы в сражение с противником, если бы командование британской эскадрой перешло к нему. Мятежи на флоте действительно угрожали правительству тори падением, однако, поскольку они не сопровождались потерей Ирландии, правительство смогло удержаться. Кроме того, умеренные во французской Директории сделали почти все, чтобы вызвать бурю фруктидора, не хватило лишь самой малости.

В изложении этих знаменательных событий мне особенно помогли Энди Кэллан, Майк Кокс, Джулиан Хамфрис, Джонатан Норт и Нед Уилмott, которым я весьма благодарен за их ценные советы и предоставленные мне сведения. Кроме того, оказалось весьма полезным с помощью Ричарда Маддера применить к этим предполагаемым военным операциям теорию военных игр. Особенно полезными были консультации некоторых нынешних жителей района Бантри. Я хотел бы поблагодарить Майкла Дж. Кэрролла из книжного магазина в Бантри и его тезку из Корка; Руперта Тэнсли из Общества Искусств Бантри, а также Джима О'Салливана из Каслтаун Биа (бывший Бирхейвен).

Боевые порядки*Первая высадка в середине декабря 1796 года*

1-й Свободный легион 1-го Западного округа (Красный легион) (три батальона, один эскадрон и артиллеристы).

94-я полубригада (три батальона).

27-я полубригада (два батальона).

Гренадерские роты 81-й и 94-й полубригад.

24-я полубригада (три легких батальона).

Иностранная бригада — в основе французские гренадеры, после высадки доукомплектована ирландскими новобранцами:

Полки (два батальона)

Фердьют 224 чел.

О'Мира 143 чел.

Ле Шатр 155 чел.

Де Ли 90 чел.

Конные егеря де Ламоро (29 чел.).

1-й Экспедиционный корпус (124 чел.).

Вспомогательные роты (451 чел.).

7-й полк конных егерей (один эскадрон).

6-й гусарский полк (два эскадрона).

10-й гусарский полк (один эскадрон).

12-й гусарский полк (два эскадрона).

Проводники (33 чел.).

Артиллеристы (1000 чел.).

Вторая высадка планируемая в конце декабря 1796 года

27-я полубригада (один батальон).

46-я полубригада (три батальона).

52-я полубригада (четыре батальона).

81-я полубригада (три батальона).

34-я полубригада (четыре батальона).

94-я полубригада (один батальон, спасшийся после кораблекрушения).

7-й полк конных егерей (один эскадрон).

Кавалерия добровольцев (пять эскадронов).

Силы полковника Тейта, высадившиеся в феврале 1797 года.

2-й Свободный легион 1-го Западного округа (Черный легион) (двенадцать рот, в том числе две гренадерских).

БИБЛИОГРАФИЯ

Alison, Archibald. History of Europe from the Commencement of the French Revolution to the Restoration of the Bourbons . Edinburgh and London, 1856.

Blackstock, Alan. An Ascendancy Army: The Irish Yeomanry 1796–1834. Dublin, 1998.

Carroll, Michael John. A Bay of Destiny. Bantry. Cork, 1996.

Ferguson, Kenneth. The Road to Waterloo. London, 1990.

Flanagan, Thomas. The Year of the French. New York, 1980.

Jones, Colin. The Longman Companion to the French Revolution. London, 1988.

Lavery, Brian. Nelson's Navy: The Ships, Men and Organisation 1793-1815. London, 1989.

McAnally, Henr. The Irish Militia 1793–1816: A Social and Military Study. Dundalk, 1949.

Lloyd, Christopher. St Vincent and Camperdown. London, 1963.

Чарльз С. Грант

ВОЕННАЯ КАМПАНИЯ БОНАПАРТА В ЕГИПТЕ

Чарльз Стюарт Грант родился в 1948 году. Его покойный отец Чарльз Грант был известен как один из родоначальников теории военных игр и автор многих книг, в том числе «Военная игра». Чарльз Стюарт Грант с детства интересовался военной историей и военными играми. Продолжая дело отца, он написал целый ряд книг, в том числе: «От копья до ядра — 1680 — 1720», «Сценарии военных игр» и «Боевые операции военных игр». Однако главным объектом его исследований всегда была эпоха наполеоновских войн и особенно военная кампания Бонапарта в Египте. Грант — офицер армии США, женат, имеет трех детей, и, поскольку его военная служба подходит к концу, он с нетерпением ждет момента, когда сможет уделять больше времени военной истории и написанию книг.

Заманчивый Восток

В 1798 году, когда перспективы вторжения в Англию становились все менее реальными, французы приступили к поиску других способов нанести

ущерб Британской империи и расширить свои владения. Во Франции было два главных сторонника вторжения в Египет. Первым был Шарль Морис де Талейран-Перигор, министр иностранных дел, непревзойденный дипломат и политик, отличавшийся удивительной политической жизнеспособностью (впоследствии, в течение всего периода Империи, он находился на службе у Наполеона). Вторым сторонником был молодой, амбициозный и удачливый генерал Наполеон Бонапарт. Этот неуклюжий молодой воин, которому тогда было двадцать девять лет, уже успел спасти от гибели французскую армию в Италии и стать героем. Будучи выдвигенцем Директората, Наполеон теперь был назначен командующим армии вторжения в Англию, которая сосредоточилась вдоль южного берега Ла-Манша. И Талейран и Бонапарт убеждали Директорию в том, что Египет, который уже давно интересовал Францию, должен стать объектом вторжения. Еще в начале 1797 года Бонапарт всерьез заинтересовался этой идеей. Тогда он писал Директории: «Недалек тот день, когда мы будем вынуждены признать, что для нанесения Англии смертельного удара необходимо захватить Египет»¹. Риск был невелик, так как у британцев на Средиземном море не было флота, а преимущества — в случае успеха — были бы весьма значительными. Главной целью было — перерезать торговый путь англичан в Индию и тем самым нанести Британии серьезный ущерб. Однако предлагалось и нечто гораздо большее. Франция стремилась к колониальной экспансии и, естественно, к расширению торговли и экономическому росту. Решению этих задач мог способствовать захват Египта. Все эти убедительные доводы Талейрана и Бонапарта сломили сопротивление Директории.

Инструкции, которые Бонапарт получил от Директории, были оформлены в декрете от 23 жерминаля VI года (12 апреля 1798 года):

Исполнительная Директория,
принимая во внимание, что беи, которые захватили власть в Египте, вступили в самые тесные связи с

¹ Переписка Наполеона, том 111, № 2103, с. 230.

англичанами и поставили себя в полную зависимость от них, а также то, что они стали проявлять явную враждебность и творить самые ужасные жестокости по отношению к французам, которым они постоянно досаждают и которых грабят и убивают;

ввиду того, что долг Директории — преследовать врагов Республики, где бы они ни находились;

учитывая также и то, что бесчестное вероломство, благодаря которому англичане стали хозяевами мыса Доброй Надежды, привело к тому, что доступ к Индии обычным маршрутом стал весьма затруднен для кораблей Республики, и поэтому необходимо открыть для вооруженных сил Республики другой путь в Индию, чтобы там вступить в сражение с сателлитами английского правительства и перекрыть источник его несправедного богатства,

принимает следующий декрет:

СТАТЬЯ 1. Главнокомандующий Восточной армией возглавит поход сухопутных и морских сил в Египет и завладеет этой страной.

СТАТЬЯ 2. Он осуществит изгнание англичан из всех их восточных владений, до которых только сможет добраться, а главное, разрушит их поселения на берегах Красного моря.

СТАТЬЯ 3. Он пересечет Суэцкий перешеек и предпримет все необходимые меры для того, чтобы обеспечить Французской республике свободный доступ к берегам Красного моря и исключительное владение ими.

СТАТЬЯ 4. Всеми доступными ему средствами он улучшит условия жизни населения Египта.

СТАТЬЯ 5. Насколько возможно, он будет поддерживать добрые отношения с халифом и его приближенными.

СТАТЬЯ 6. Настоящий декрет не будет опубликован.

Таким образом, декрет давал санкцию на завоевание Египта, а его последняя статья недвусмысленно говорила о чрезвычайной секретности этой операции. Последующие события наглядно продемонстрировали, какое значение имела эта секретность.

Французский флот

Теперь Наполеон был занят сосредоточением всех необходимых сил, хотя внешне поддерживал видимость того, что готовится к вторжению в Англию. Силы, которые он собрал для завоевания Египта, были сосредоточены в нескольких средиземноморских портах:

Тулон: генералы Клебер, Боннэ и Ренье — 14 000 пехотинцев, 860 кавалеристов, 1160 артиллеристов;

Генуя: генералы д'Илье и Мюрат — 6000 пехотинцев, 850 кавалеристов, 250 артиллеристов;

Чивитавеккия: генерал Дезэ — 6900 пехотинцев, 1080 кавалеристов, 250 артиллеристов;

Аяччо: генерал Вобуа — 3900 пехотинцев, 680 кавалеристов.

Кроме того, у Бонапарта было 180 верховых и 300 пеших проводников, а также 60 полевых и 40 осадных орудий. Было взято лишь 1200 лошадей, недостаток лошадей планировалось компенсировать в Египте. Общая численность армии составляла примерно 54 000 человек. Для перевозки этих сил был собран флот под командованием адмирала Брюэса, в состав которого входило тринадцать линейных кораблей, один из них, «Ориент», нес 120 пушек, на нем находились адмирал и главнокомандующий, два корабля имели на вооружении по 80 пушек, остальные десять — по 74. Кроме того, в состав флота вошли два венецианских 65-пушечных линейных корабля, шесть венецианских и восемь французских фрегатов, семьдесят два малых военных корабля всех типов. Транспортные суда в количестве четырехсот единиц также были собраны в Тулоне, Генуе, Аяччо и Чивитавеккия.

Таким образом, пятьсот парусников должны были выйти в Средиземное море.

Погоня

Бонапарт отплыл из Тулона 19 мая 1798 года. Хотя его приготовления не прошли незамеченными для британцев, однако место высадки его армии все еще было неизвестно.

2 мая адмирал граф Сент-Винсент направил Нельсону следующие указания:

«Поскольку я получил надежные сведения о значительных военных приготовлениях в Тулоне и о прибытии в Марсель и Геную определенного количества транспортных судов для погрузки войск, Вам надлежит с той частью эскадры, которая подчиняется непосредственно Вам, так как находится в Гибралтаре, войти в Средиземное море и проследовать восточнее, чтобы, используя все средства, которые имеются в Вашем распоряжении, а также наши возможности на берегах Прованса и Генуи, попытаться определить цель военной экспедиции, о месте назначения которой имеются различные суждения. Одни говорят об островах Сицилия и Корфу, а другие — о Португалии или Ирландии. В последнем случае эта эскадра должна присоединиться к эскадре испанских кораблей, которая в Картахене готовится к выходу в море и к которой Вы также проявите внимание; а в случае, если Вы получите сведения, которые сочтете достаточно важными, чтобы передать их мне, Вам следует отправить с ними «Бон Ситуаени» или «Герпсихор» и продолжить патрулирование с оставшимися кораблями эскадры так долго, как сочтете необходимым и как позволят ваши запасы воды, обращая особое внимание на следующее: если экспедиция будет двигаться к Гибралтару, Вам не следует позволять ей пройти пролив до того, как это сделаете Вы, иначе они не дадут Вам вовремя присоединиться к моим силам — чтобы совместно воспрепятствовать объединению французского и испанского флотов в заливе Кадис.

Сан-Винсенти»

2 мая Нельсон вошел в Средиземное море. 17 мая он захватил каперское судно и от его команды узнал, что в Тулоне готов к отплытию флот в составе пятнадцати кораблей. Но тут вмешалась сама судьба: 19 мая разыгралась сильная буря, которая разбросала корабли Нельсона и нанесла им серьезные повреждения. Именно поэтому французы отплыли из Тулона незаметно. После ремонта

кораблей, который проводился в лихорадочной спешке, корабли Нельсона 27 мая вновь вышли в море. Однако прибыв к Тулону 31-го, они обнаружили, что французы уже ушли. Нельсон бросился в погоню, причем место планируемой высадки французов все еще было ему неизвестно. 22 июня он услышал, что они захватили Мальту и ушли, взяв курс на восток.

Корабли, разминувшиеся ночью

В конце июня Нельсон по-прежнему ничего не знал о местонахождении французов. В рапорте своему командиру, графу Сан-Висенти, составленном 29 июня на борту флагманского корабля, Нельсон писал:

«На основании тех сведений, которые я смог собрать за все время преследования, мне кажется очевидным, что они либо намерены оказать помощь мятежному паше и свергнуть нынешнее правительство Турции, либо основать колонию в Египте и открыть торговый путь в Индию через Красное море; хотя это может на первый взгляд показаться странным, но если противник проявит инициативу и так или иначе принудит пашу Египта дать свое согласие, то он сможет без особого труда направить армию на побережье Красного моря. А если они действуют согласованно с Типпу Сахибом, то, имея в Суэце корабли, они вполне могут добраться до Малабарского Берега, на что в это время года у них, скорее всего, уйдет три недели. В этом случае нашим владениям в Индии грозит большая опасность.»

Нельсон взял курс на Александрию и прибыл туда 28 июня, однако, не обнаружив французов, 29-го он снова вышел в море. Поскольку французский флот двигался медленнее, англичанин опередил его и прибыл в Александрию первым. Французы появились там на следующий день после отплытия Нельсона. Поразительно, что два флота, потерявшие друг друга, фактически шли один за другим буквально по пятам, приближаясь настолько близко, насколько это вообще было возможно. Теперь

британский флот продолжал поиск противника у берегов Турции.

Захватив по пути Мальту и оставив там гарнизон, французы 27 июня подошли к египетскому берегу. Затем, уже ночью, Бонапарт приказал фрегату «Ля Жюнон» идти к Александрии, чтобы взять на борт французского консула и выяснить, какие сведения он может предоставить. Двадцать девятого числа, в час дня, «Ля Жюнон», чуть было не встретившись с британским флотом, подошел к Александрии и встал на якорь. В город на поиски консула был послан отряд, который вернулся на корабль лишь около полуночи. В результате опроса выяснилось, что высадка непосредственно в Александрии была невозможна, так как ей было бы оказано противодействие. С точки зрения моряков, наиболее предпочтительным местом для высадки был пологий участок берега в районе Абукира, который находился на расстоянии пятнадцати миль к востоку от Александрии. Однако, учитывая необходимость действовать поспешно (ввиду возможного появления флота Нельсона) и несмотря на возражения моряков, местом высадки была выбрана бухта Марабу, которая лежала в восьми милях к западу от Абукира. Высадка началась в полдень 1 июля. Бонапарт был намерен выгрузить все пять дивизий. Дивизии Мену, Дезэ и Реньера находились на транспортных судах в трех милях от берега, тогда как дивизии Клебера и Боннэ — на военных кораблях, которые стояли примерно вдвое дальше от берега. Высадка продолжалась всю ночь и проходила в атмосфере полного хаоса и множества неприятных случайностей. Море было беспокойным, и многие страдали от сильнейшей морской болезни. Примерно в 4 часа пополудни 1 июля Бонапарт покинул свой флагманский корабль и перебрался на борт мальтийской галеры. В час ночи он с небольшого баркаса наконец и сам высадился на берег, где уже находилось около 5000 человек. Значительная часть дивизий Боннэ, Мену и Клебера уже были на суше, однако большая часть дивизии Дезэ все еще находилась в море, а Реньер высадил лишь несколько сотен человек.

В три часа ночи с 1 на 2 июля Бонапарт произвел смотр войск и отдал приказ выступить к Александрии. Он взял с собой дивизии Клебера, Боннэ и Мену, оставив прочих охранять плацдарм. Солдаты, у которых не было ни пищи, ни воды и которые так и не отдохнули, должны были теперь двигаться маршем на Александрию и брать ее штурмом. Лошадей не было, а пушки еще не доставили на берег. Марш все больше привлекал интерес бедуинов, которых набралось до четырехсот всадников. Они вклинивались в промежутки между походными колоннами, показывая свое бесстрашие и мастерство верховой езды, однако не делали попыток по-настоящему атаковать. В восемь часов утра французы подошли к Александрии и заняли позиции у ее стен. Дивизия Мену подошла к городу с восточной стороны и оказалась прямо перед фортом треугольной формы, Клебер подошел с севера, со стороны ворот Помпея, а генерал Боннэ с запада подошел к воротам Розетты.

Оборона Александрии находилась в плачевном состоянии. Стены обветшали, а у защитников было мало пороха и пушек. Город сузился и теперь занимал лишь малую часть своей первоначальной площади. Французы сумели приступом взять стены, несмотря на беспорядочную стрельбу и град разного рода метательных снарядов и камней. После жестокой схватки на улицах города около полудня у колонны Помпея появилась делегация, которая обратилась к Бонапарту, заявив о сдаче города. Однако глава города Мохаммед эль-Корейн удерживал одну из башен вплоть до наступления ночи 2 июля. Бонапарт в знак уважения к проявленной им решимости назначил его комендантом города, возложив на него обязанности по обеспечению снабжения французской армии и восстановлению порядка.

Что касается высадки войск, то она была завершена к 5 июля, после чего Бонапарт дал указания адмиралу Брюэсу, который из-за илистой жижи у берега не мог ввести флот в гавань Александрии, найти поблизости место, пригодное для якорной стоянки. Адмирал повел флот в залив Абукир, где он смог взять свежие запасы продовольствия и воды. Однако Брюи понимал, насколько уязвим его

флот, и неоднократно отправлял Бонапарту послания с просьбой разрешить кораблям уйти с этой открытой якорной стоянки. Каждый раз он получал твердый отказ; Бонапарт не хотел лишать себя единственного средства эвакуации, не убедившись в полной безопасности своего пребывания в Египте.

Упущенная возможность

Перед прибытием основных сил британского флота, 21 июля, два фрегата произвели смелую рекогносцировку французского флота. «Сихорс» и «Терпсихор» вошли в залив Абукир и легли в дрейф на расстоянии не более мили от французов. «Сихорс» использовал некоторые сигналы, которые удалось выяснить у команды захваченного французского фрегата «Сенсиль», а «Терпсихор» поднял французский флаг над английским, показывая, что он взят в плен французами. Они увидели, что французский флот, находясь на некотором расстоянии от Абукира, необычайно уязвим для нападения противника. В принципе позиция французов имела и некоторые преимущества: флот был выстроен в линию, один конец которой упирался в берег, что не давало возможности его обойти, в то время как с севера безопасность линии обеспечивали форты самого Абукира и остров Абукир. Однако якорная стоянка большей части кораблей была слишком удалена от берега, к тому же не были предприняты обычные меры безопасности, а именно: сомкнутый ряд кораблей поддерживается с помощью канатов, соединяющих их друг с другом, что препятствует проникновению кораблей врага внутрь боевого порядка.

Проведя рекогносцировку в непосредственной близости от ничего не подозревающих французов, «Сихорс» и «Терпсихор» незаметно покинули бухту, чтобы присоединиться к основным силам британского флота. К сожалению, по крайней мере для Нельсона, они и понятия не имели, где может находиться флот, и после продолжавшихся некоторое время поисков прибыли в Сиракузы уже после того, как Нельсон оттуда ушел, так и не получив сведения, которые они везли.

Битва в Долине Пирамид

Тем временем Бонапарт, который в свою очередь так и не узнал об опасности, угрожавшей его флоту, двинулся на юг. После нескольких стычек и битвы при Шебрейше¹, 21 июля французы столкнулись с войсками Мурад-бея в битве, которая состоялась в Долине Пирамид. Здесь Бонапарт впервые увидел мамелюков. Эти превосходные всадники, одетые в шелк и кольчуги, были весьма внушительно вооружены: каждый имел длинный карабин, две пары пистолетов (одна — в седельных кобурах, вторая — за поясом), стилет и саблю из хорошо закаленной стали с чрезвычайно острым лезвием. Вдобавок к этому у него был топор, прикрепленный к луке седла. Кроме того, за каждым мамелюком следовал невольник, который нес дротик. Обычно мамелюк мог иметь двух или трех невольников, которые сопровождали его в бою. Атака мамелюков выглядела эффектно, хотя и свидетельствовала о практическом отсутствии дисциплины, поскольку строй почти не соблюдался. Тем не менее они действовали с отчаянной храбростью. Эта атака больше напоминала военные сражения эпохи Средневековья, нежели боевые действия конца XVIII столетия. Атакующие никак не ожидали, что противник выдержит их натиск, и тем более — что их встретит массированный ружейный огонь дисциплинированных сомкнутых рядов пехоты, готовой удержать свою позицию. В такой ситуации каре французской пехоты было непобедимо.

Мамелюки Мурад-бея рассредоточились за укреплениями, их левый фланг подходил к пирамидам неподалеку от Гизы, а правый упирался в Нил. Резерв, которым командовал Ибрагим-бей, находился на восточном берегу Пила, откуда он не мог оказать основным силам никакой поддержки. Кроме мамелюков, силы противника состояли из огромного количества плохо вооруженной пехоты, которую составляли крестьяне — *феллахи*.

Когда французы двинулись на Мурад-бея, кавалерия мамелюков рассредоточила свои силы и отдельными

¹ 13 июля.

отрядами атаковала французские каре¹. Эти дивизионные каре, которые иногда называют единственным тактическим нововведением Наполеона, состояли из трех полубригад — одна стояла спереди, другая — сзади, каждая — глубиной в шесть рядов, а третья полубригада прикрывала обе боковые стороны каре. Продвигаясь вперед в таком боевом порядке, французы обошли с флангов и разбили кавалерию мамелюков. Затем они взяли штурмом город Эмбабех, ставший ловушкой для феллахов, которые упали духом, видя разгром мамелюков, и побежали, не выдержав обстрела французской артиллерии. Многие из них утонули в Ниле. Французы потеряли лишь тридцать человек, тогда как потери мамелюков, как сообщали, составили 2000 человек. Кроме того, были захвачены 400 верблюдов и пятьдесят орудий. В результате победы, одержанной в этой битве, с властью мамелюков в Нижнем Египте было покончено. Наполеон, который через три дня вошел в Каир, теперь почувствовал себя в достаточной безопасности для того, чтобы позволить флоту адмирала Брюи покинуть воды у побережья Египта.

Спасение французского флота

20 июля, за день до битвы в Долине Пирамид, Нельсон, пребывая в Сиракузах, все еще находился в полном неведении². Он писал графу Сент-Висенту:

«Милорд, из моего письма от 12 июля вы узнаете о том, что я в то время делал. Теперь же я должен ознакомить вас с тем, что удалось выяснить из разговоров, имевших место на нескольких судах, пришедших с запада, и одного

¹ Подобные построения русские применяли в битве при Кагуле в 1775 г. (Прим. ред.)

² Эта ситуация сложилась из-за того, что Адмиралтейство ставило охрану торгового судоходства впереди обеспечения разведывательной службы. Нельсон имел в своем распоряжении только упомянутые выше фрегаты и вынужден был посылать в разведку линейные корабли.

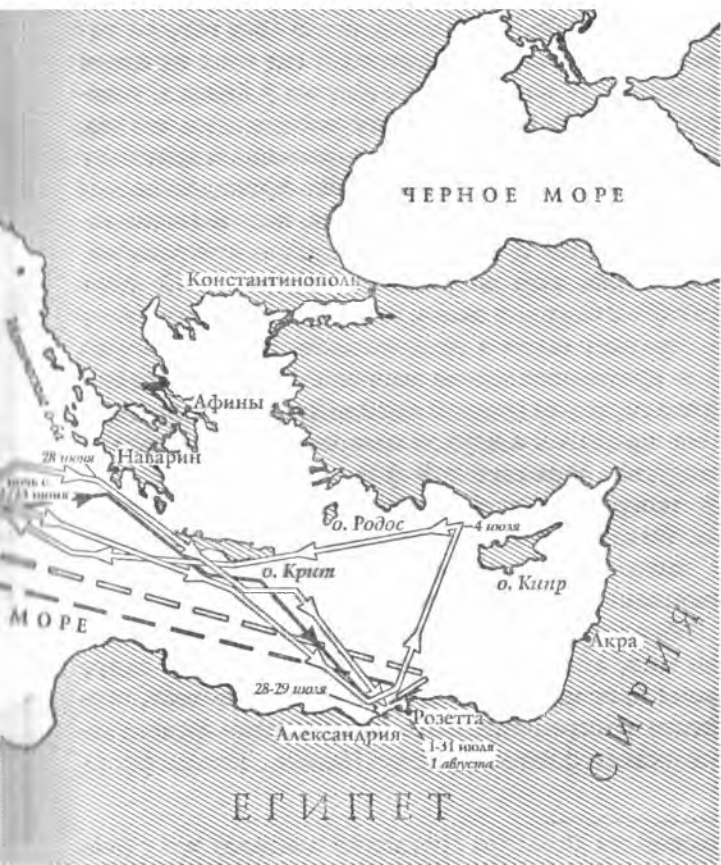
судна, которое пришло с Корфу. Из их сообщений я понял, что французский флот не находится ни западнее Сицилии, ни на Корфу. Вчера я прибыл сюда и не услышал ничего, кроме туманных догадок, что французы ушли на восток...»

Выйдя из Александрии, британский флот продолжил свой безуспешный поиск французов, преодолев 400 миль, отделявших его от побережья Турции, затем — 300 миль, двигаясь в направлении Крита, и еще 700 — на запад, к Сицилии. Затем Нельсон снова взял курс на восток. Наконец в районе побережья Греции англичане, захватив французский бриг, выяснили, что флот противника месяц назад видели у берсгов Крита и что он двигался на юго-восток. Теперь Нельсон знал, что пунктом назначения французского флота была Александрия. Поэтому он взял курс на Египет и 1 августа прибыл в Александрию.

За месяц, прошедший со времени последнего визита Нельсона, здесь многое изменилось. Он увидел, что над городом реет французский флаг и ведутся активные военные приготовления. Гавань была заполнена порожними транспортными судами, однако флота здесь не было. Транспортные суда были соблазнительной целью, и Нельсон приказал кораблям «Маджестик» (74 пушки) и «Линдер» (50 пушек) незаметно приблизиться к ним и атаковать. Но тут британские корабли подверглись неожиданному и весьма серьезному обстрелу. Огонь велся из старого форта, в котором французы разместили несколько тяжелых корабельных орудий, тем самым усилив оборону гавани. Раздосадованный Нельсон отвел свои корабли и, оставив «Линдер» и получивший повреждения «Маджестик» для дальнейшего наблюдения за гаванью, взял курс на восток, вдоль побережья. Он продолжал поиски французского флота. Подойдя к Абукиру, Нельсон обнаружил активные военные приготовления, которые велись на берегу, форт с сильным гарнизоном и артиллерией и стоявшие в бухте два корвета. Однако не было никаких признаков флота Брюэса. Нельсон снова взял курс на восток.

Бассейн Средиземного моря

июль 1799 году.

Он вновь разминулся с французами. 30 июля из Каира в Абукир, весь в пыли, прискакал личный адъютант Бонапарта Эжен Богарне в сопровождении отряда драгун. (Эжен был пасынком Бонапарта — сыном Жозефины от первого брака. Когда он вместе с Бонапартом прибыл в Египет, ему было всего семнадцать лет. В 1804 году он получил звание генерала, на следующий год стал принцем Империи, а затем — вице-королем Италии.) Деша, которую он привез, имела далеко идущие последствия, так как это был новый приказ Бонапарта, разрешавший адмиралу Брюе покинуть побережье Египта. На французских кораблях все пришло в движение, отряды, пополнявшие запасы продовольствия и воды, были срочно возвращены, и утром 31 июля, еще до рассвета, французский флот снялся с якоря и покинул залив, взяв курс на Корфу. В ту ночь они прошли всего в десятке миль от британского флота — в противоположном направлении. Противники не подозревали, что находятся так близко друг от друга¹.

Нельсон пребывал в дурном настроении, хуже того — он был напуган. Французский флот выполнил все свои задачи и теперь, по всей видимости, возвращался во Францию. Нельсон испытывал особое беспокойство в отношении выполнения приказа Сент-Винсента (обратить особое внимание «на то, что если экспедиция будет двигаться к Гибралтару, Вам не следует позволять ей пройти пролив до того, как это сделаете Вы, иначе они не дадут Вам вовремя присоединиться к моим силам для того, чтобы совместно воспрепятствовать объединению французского и испанского флотов в заливе Кадис». Теперь фран-

¹ В реальности Бонапарт предложил адмиралу три решения: ввести корабли в гавань Александрии, найти для них безопасную стоянку в другом месте побережья, или уйти с флотом на Корфу сразу же после взятия Александрии. Брюэс выбрал Абукир, но не организовал должным образом охрану рейда и боеготовность кораблей. Существует, впрочем, версия, утверждающая, что это указание сфабриковано уже после разгрома флота. Из-за гибели адмирала и всего его архива вместе с флагманским кораблем проверить эту версию не представляется возможным.

цузы вполне могли оказаться в западной части Средиземного моря и, в зависимости от наличия у них сведений о местоположении англичан, могли сделать то, о чем Сент-Винсент предупреждал Нельсона, а именно — блокировать Гибралтарский пролив. Он понимал, что теперь охотник мог стать жертвой. Поспешный переход британского флота в западную часть Средиземного моря, в связи с тем что Нельсон слишком задержался в его восточной части, оказался лишь повторением уже имевшей место безуспешной погони. Покинув побережье Египта, англичане через двадцать шесть дней подошли к Гибралтарскому проливу. Здесь, к великому облегчению Нельсона, не было обнаружено никаких следов присутствия французского флота. На самом деле адмирал Брюйе понятия не имел о том, какую возможность предоставила ему судьба. Более всего он был заинтересован в безопасном возвращении в Тулон, что он и сделал, причем как раз в тот самый день, когда Нельсон подошел к Гибралтарскому проливу. Так два флота разминулись в последний раз.

Сент-Винсент не нашел оправданий тому, что Нельсон не смог разбить французов и сорвать их вторжение в Египет. Следующая выдержка из депеши лорду Спенсеру, который был тогда Первым Лордом Адмиралтейства, показывает, как Сент-Винсент расценил действия Нельсона в Средиземном море:

«Адмирал Нельсон и его флот присоединились к моим силам, и я уже обсудил с ним действия, которые он предпринял в последние несколько месяцев. Из его отчета, сообщений и других источников я пришел к выводу, что адмиралу Нельсону не хватает двух важнейших качеств, необходимых военно-морскому начальнику высокого ранга. Он неудачлив, и, боюсь, что ему не хватает упорства. Командир просто не может позволить себе быть неудачливым и смириться с тем, что невезение упорно преследует его во время плавания. Одним из примеров такого невезения является шторм, который имел место 19 мая и который стал причиной того, что он прибыл в Тулон слишком поздно и уже не смог предотвратить выход французского флота. Что касается

его упорства, то я считаю, что если бы он проявил больше решимости, то смог бы использовать по меньшей мере три возможности перехватить французский флот. Но он не сумел этого сделать, и в результате французы теперь владеют восточной частью Средиземного моря, они захватили Мальту и оставили на ней свой гарнизон, они в целости и сохранности доставили в Египет свою армию, которая теперь угрожает нашим интересам в Индии, и мы стали посмешищем для Европы. Смею заключить, что молодой адмирал еще не готов к самостоятельному командованию».

Это было чрезвычайно резкое суждение о человеке, который лишь за год до этого помог Джервису, тогда еще адмиралу, одержать победу при мысе Сан-Висенти и получить титул.

Завоевание Египта

В период между июлем и декабрем французы, подавив восстание в Каире и проведя реорганизацию административной системы страны, укрепили свой контроль в Нижнем и Верхнем Египте. Бонапарт привез с собой ряд наиболее одаренных представителей французской научной мысли. Двадцатого августа он издал приказ, согласно которому на следующий день должно было состояться собрание, посвященное «принятию устава и созданию Каирского Института, а также рассмотрению лиц, которые войдут в его состав». На этом собрании был составлен проект документа, опубликованного 22 августа, в котором говорилось:

«В Египте надлежит создать Институт по изучению наук и искусств, который будет основан в Каире. Главными задачами Института должны стать:

- 1. Прогресс и распространение знаний в Египте.*
- 2. Исследования и публикация изысканий в области естественных и технических наук, а также по истории Египта. Предоставление консультаций правительству по различным вопросам».*

Институт состоял из четырех отделений: математики, физики, политической экономии, а также литературы и искусства. Именно исследования этого Института стали основой современных знаний о Древнем Египте.

В ноябре французский флот, который больше не беспокоили англичане, вновь доставил значительные подкрепления. Однако еще до этого Бонапарт предпринял ряд инициатив, направленных на улучшение и укрепление своей армии. Наиболее экзотическим стал полк всадников на верблюдах, который был создан после множества экспериментов по использованию в армии верблюдов. В число частей входили медицинские части по эвакуации раненых и транспортные подразделения, созданные Бонапартом в 1799 году.

Кроме того, было сформировано множество иностранных частей. В их число входил отряд туземных проводников, который также называли «ротой Омара», Греческий Легион, который достиг размеров бригады и включал пехоту, кавалерию и артиллерию, и Коптский Легион, созданный в сентябре 1799 года. Предполагалось, что он будет сформирован из коптов — угнетенного коренного населения Египта, исповедовавшего христианство. Однако удалось набрать весьма небольшое количество добровольцев-коптов, и в основном в состав этого подразделения вошли египетские мусульмане, турки, а также жители Дельты и Верхнего Египта других национальностей. Бонапарт привез с собой и Мальтийский Легион, сформированный на Мальте. Отчасти этот шаг стал мерой безопасности, направленной на снижение потенциальной угрозы, которую могли создать для французских оккупационных сил беспокойные мальтийцы. И наконец, была сформирована рота мамелюков, которая впоследствии стала ротой сирийских конных янычар.

Приступив к созданию системы административного управления Нижнего Египта, Бонапарт поставил перед генералом Дезэ задачу преследовать и уничтожить силы Мурад-бея в Верхнем Египте. Дезэ и Бельяр, который стал его заместителем, получили в свое распоряжение 1000 кавалерии, 3000 пехоты, 100 пушек, флотилию малых речных судов и караван верблюдов. Армия Дезэ, чтобы

избежать передвижений под палящим солнцем, была вынуждена совершать переходы лишь ночью. 6 октября у Эль-Лухана они настигли Мурад-бея. На следующий день Дезэ подтянул свои обозы, и ночью французы спали с оружием в руках и заняв свои позиции в каре. 8 октября при Эль-Лухане небольшие силы Дезэ, которые насчитывали 3000 человек, столкнулись с тысячами мамелюков. Когда атака мамелюков была отбита, а потери составили примерно 400 человек убитыми и ранеными, мамелюки стали отходить, а французы перешли к преследованию противника. После этого поражения Мурад изменил свою тактику. Теперь он перешел к нанесению постоянных беспокоящих ударов, совершая набеги на арьергард походной колонны французов и нарушая линии их коммуникаций. Это наряду с преодолением препятствий на Ниле замедляло продвижение армии. Пополнив свои силы приблизительно 2000 хиджасских пехотинцев, Мурад 22 января 1799 года вновь столкнулся с французами. Сражение состоялось у Сабхуда, что в шестнадцати милях к югу от Гирджи. Получив в свое распоряжение дополнительные силы кавалерии, Дезэ нанес тяжелые потери пехоте из Мекки, которая была в составе сил Мурада, после чего египетская армия была разбита и бежала.

После битвы при Сабхуде Дезэ продолжил преследование Мурада, двигаясь через Абидос, Пенерию, Фивы и Гермонтис, вплоть до Сиены, где французы переправились на правый берег Нила. Силы Дезэ оказались здесь 2 февраля, через два дня после того, как отсюда ушли мамелюки. Французы покрыли расстояние в 250 миль за десять дней, и силы их были на исходе. Лишь 4 февраля Дезэ продолжил движение. Оставив у Ассуана Бельяра с 21-й полубригадой, он по правому берегу двинулся на юг. Тем временем 11 февраля Даву встретил противника у Редезеха и, несмотря на песчаную бурю, разбил его. Дезэ продолжал идти на юг и 8 марта вошел в Асьют, где и остался на десять дней. Затем он, пройдя 180 миль вверх по реке, вернулся в Кену, неподалеку от Фив. За период с 4 февраля по 27 марта его войска прошли в общей сложности 550 миль.

Вернувшись в Сиену, Бельяр узнал, что Мурад-бей пытается отрезать его от сил Дезэ, продвигаясь по пустыне в районе Асьюта. В связи с этим в ночь с 24 на 25 февраля Бельяр выступил из Сиены, оставив в районе Кены свою речную флотилию, так как хотел быстро настичь Мурада. 2000 пехотинцев из Мекки под командованием ишана Хассана 3 марта обнаружили флотилию севернее Карнака. Среди прочих судов там находилось «Л'Итали», на борту которой находилось около 200 солдат морской пехоты, 300 раненых и оркестр 61-й полубригады. Судно подверглось ружейному обстрелу и ответило огнем своих орудий. Однако в попытке вывести корабль из-под обстрела капитан посадил его на мель, после чего оно было атаковано и захвачено мекканской пехотой. Было также захвачено несколько барж. Пленные французы были зарезаны. Победители заставили оркестр сыграть, а затем его постигла та же участь.

4 марта Бельяр получил сведения о том, что 6—7 тысяч мекканской пехоты высадились в Кусейре. Это случилось всего через два дня после того, как он узнал о захвате «Л'Итали» и участии ее экипажа. Силы Бельяра переправились на правый берег Нила и двинулись на север. 8 марта, имея в своем распоряжении немногим больше тысячи человек, он в районе Абнуда столкнулся с главными силами противника численностью в 3000 мекканской пехоты и 550 мамелюков. Сражение продолжалось три дня, но французы вновь одержали победу.

25 мая Бельяр выступил из Кены, чтобы, преодолев 150 миль по пустыне, выйти к побережью Красного моря и взять Кусейр. Именно через Кусейр поступали в Египет подкрепления из Мекки, то есть этот небольшой порт имел стратегическое значение. Бельяр взял всего 350 пехотинцев (которые отправились в поход верхом на верблюдах), 400 верблюдов, которые везли запасы воды и продовольствия, а также одну пушку. Отряд сопровождали шестьдесят дружественно настроенных арабов. Захватив 29 мая Кусейр, он оставил в нем для несения гарнизонной службы две трети своих сил и, двинувшись 1 июня в обратный путь, вернулся в Кену через три дня.

К этому времени Дезэ уже взял под контроль Верхний Нил, разместив гарнизоны и опорные пункты вдоль обоих берегов реки.

1799: завоевание Сирии

Установив контроль над Нижним и Верхним Египтом, Бонапарт решил, что настало время расширить свои завоевания. Все чаще поступали сведения о том, что турки готовят вторжение в Египет. Бонапарт решил перехватить инициативу и с 13 000 солдат осуществить вторжение в Сирию. Генерал Боннэ, получив в свое распоряжение 1500 человек и два орудия, 7 декабря 1798 года подошел к Суэцу, имея приказ его взять. Силы вторжения должны были соединиться в районе Кари (Кафих), войска под командованием генерала Легранжа из дивизии Реньера были отправлены туда 23 декабря. Основные силы армии подошли в начале февраля. 6 февраля Реньер получил приказ взять Эль-Ариш. Его авангард прибыл туда 9 февраля. Судя по сообщениям очевидца, условия, в которых совершался переход, были ужасными:

«Пустыня своим однообразием все это время создавала гнетущее настроение, а ее безграничность вселяла ужас. Поднялся ужасный смерч, дороги стали непроходимы, и дальше четырех шагов нельзя было ничего различить. Мы шли по колено в зыбучих песках, а усилившаяся буря подняла тучи пыли, в которой мы не могли видеть даже друг друга. Наша артиллерия не могла дальше двигаться, и приходилось постоянно останавливаться и подталкивать орудия, чтобы помочь артиллеристам, которые уже ничего не видели из-за пыли. Порывы ветра все время останавливали нас. Наконец на исходе одного из этих ужасных дней мы остановились для ночлега на расстоянии одной лиги от места назначения. Наши силы были на исходе, но ветер утих и мы смогли разжечь костры из сухого кустарника и сварить кофе».

Даже дождь не принес облегчения:

«Мы вышли из Коллионеса и двинулись к Газе. К нашему огромному удивлению, примерно на полпути мы заметили, что небо затягивают тучи. Вскоре хлынул ливень, и мы промокли насквозь. Впервые со времени нашего пребывания в этой раскаленной пустыне прошел дождь, и не просто дождь, а ливень! Мгновенно земля размокла, и нехоте пришлось идти по колено в грязи, а орудия, которые увязли по ступицы колес, едва двигались. Солдаты толкали орудия, а возницы хлестали лошадей».

17 февраля Бонапарт с дивизией Боннэ подошел к Эль-Аришу, куда за день до этого прибыл Клебер. Генерал Ланн, который принял командование дивизией Виалья, присоединился к ним на следующий день. 20 февраля после упорного сопротивления Эль-Ариш сдался.

21 февраля войска продолжили свое движение, однако дивизия Клебера, которая шла в авангарде, сбилась с пути, но все же смогла догнать основные силы еще до того, как они подошли к Газе. 24 февраля город был взят без сопротивления. Французская армия, учинив грабежи, оставалась в нем в течение четырех дней, а затем пошла дальше. Первого марта французы остановились в Эр-Рамие, между Яффой и Вифлеемом, в котором остались христиане — мусульмане покинули город. Выступив через двое суток, французы в тот же день подошли к Яффе.

4 марта начались приготовления к штурму города. Несмотря на проломы, которые французам удалось проделать в стенах, гарнизон не принял условий сдачи, и 7 марта в 2 часа дня город был взят штурмом. Взятие Яффы закончилось ужасной резней и грабежами, что было одним из крайних проявлений жестокости за всю кампанию. 8 марта Бонапарт послал в город Эжена Богарне и Круазье, чтобы определить, можно ли восстановить там хоть какой-то порядок. Они возвратились с тысячей пленных, которых уверяли в том, что их обменяют, однако по какой-то неизвестной причине, то ли из-за недостатка продовольствия, то ли из опасения того, что они вновь возьмут в руки оружие, то ли из-за желания

произвести впечатление на гарнизон Акры, но Бонапарт всех их казнил.

Именно в это время среди французов началась бубонная чума. Тем не менее армия продолжила свой путь к Сен-Жан-д'Акр (или просто Акр) и захватила порт Хайфа в южной части залива Акр. Французский осадный парк прибыл морем через два дня и был разгружен в течение следующего дня. Вместе с ним высадились 4000 человек пехоты, недавно прибывшей из Франции. По пути в Палестину французская эскадра захватила в плен британского коммодора сэра Сиднея Смита, уничтожив два его корабля. (Сэр Сидней командовал небольшой эскадрой, в состав которой входили лишь пять кораблей. Перед ним была поставлена задача вступить в дипломатические переговоры с Турцией. Захват коммодора и потеря двух кораблей вынудили оставшиеся три корабля прекратить выполнение задачи и сделать попытку прорыва в относительно безопасный Гибралтар.)

Стены Акры, одного из городов, возведенных крестоносцами, хотя и нуждались в ремонте, однако были еще достаточно прочными. Они выделялись на фоне полуострова, который на две трети был окружен водой, а над стенами горделиво возвышалось несколько башен. Общая длина стен города составляла приблизительно тысячу ярдов, а население — от 10 до 12 000 человек. Однако обороне города не уделялось должного внимания, и французский флот сумел блокировать город.

Осада продолжалась тридцать четыре дня. Отчаянная попытка турок помочь защитникам города закончилась поражением, которое 16 апреля на горе Табор нанес противнику генерал Клебер. Через два дня взятые в плен турецкие военачальники были отправлены с белым флагом к воротам Акры, чтобы убедить его защитников в том, что их положение безнадежно, и в том, что в случае сдачи их не постигнет участь защитников Яффы. Победил здравый смысл и инстинкт самосохранения — город капитулировал на следующий день. По совпадению за день до этого французам удалось сделать пролом в стене. В результате капитуляции падение Акры не сопровождалось такими жестокостями, какие имели место в Яффе. Напротив, с на-

селением обошлись мягко, и представители города вошли в состав новой местной администрации.

Сопrotивление теперь стало раздробленным, и в лагерь французов прибыла делегация сирийских вождей и шейхов, чтобы заключить мир. Через пять дней после падения Акры Бонапарт совершил триумфальный въезд в Дамаск. Дорога была усыпана пальмовыми ветвями, вдоль улиц стояли толпы людей, которые бросали цветы. Молодому генералу были преподнесены в дар драгоценности, которые он и принял. После этого Бонапарт приступил к реформам государственного устройства страны. Он назначил новую администрацию, ввел новые законы, поощрял торговлю и убеждал население в том, что система налогообложения не нанесет ущерба экономике.

Многое было заимствовано из опыта Каира. Члены Каирского Института были доставлены морем и приступили к созданию аналогичного института в Сирии. Бонапарт ездил в Иерусалим, чтобы там направить деятельность института. Тем временем были заключены контракты на ремонт фортификационных сооружений главных городов, а из местного населения были сформированы полки, которые должны были оказать французам помощь, неся гарнизонную и полицейскую службу. Были разработаны планы строительства целого ряда фортов, расположенных в стратегически важных пунктах дороги, ведущей в Каир. Кроме того, были сформированы конные и пешие полки из арабов. Они были созданы и обучены по образцу французской армии и впоследствии вошли в состав той ее части, которая была отправлена для оказания помощи индийским князьям в их борьбе против британцев.

Именно в Дамаске Бонапарт познакомился с Ясмип — дочерью одного из местных принцев. Эта прекрасная юная девушка вместе со свитой Бонапарта сопровождала его во всех поездках по стране, и он был страстно увлечен ею. Однако перед отъездом из Дамаска он навсегда распрощался с Ясмип, которая через семь месяцев родила сына. Бонапарт официально так и не признал мальчика в качестве своего отпрыска, но все же оказал Ясмип весьма щедрое благоволение. Когда мальчик

вырос, он стал губернатором Французской Сирии, и многие называли его Али Бонапартом.

Бонапарт возвращается в Египет

Через два месяца чрезвычайно активной политической, гражданской и военной деятельности Бонапарт убыл морем из Акры, оставив в Дамаске в качестве губернатора Сирии генерала Клебера, и в начале июня возвратился в Александрию.

В июле генерал Дезэ получил сведения о том, что Мурад-бей продвигается через пустыню и его силы в составе примерно 300 мамелюков уже появились в Файюме. Мурад-бей был намерен двигаться на север и соединиться с 20 000 турок, которые должны были прибыть в Абукир. Дезэ двинулся из Верхнего Египта на север, преследуя противника, а другие французские войска выступили в поход из Каира. 14 июля Бонапарт возглавил армию, которая вышла из Каира в надежде принудить Мурада вступить в битву, однако последний продолжал свое движение, уклонившись от сражения. 15 июля, получив сведения из Александрии о том, что турки высадились в Абукире, Бонапарт, развернув свои войска, двинулся на север. Прибыв 20 июля в Эль-Рахминию, он дал войскам день отдыха и, получив подкрепления, выступил в Абукир.

Абукир

Турецкая армия под командованием правителя Румелии Мустафы-паши высадилась с кораблей турецкого флота, в состав которого входили пять линейных кораблей, три фрегата и 50—60 транспортных судов. Различные источники по-разному оценивают численность турецкой армии, называя от 7 до 20 000 человек¹. Но все они указывают на то, что в ее составе не было кавалерии.

¹ Командующий турецкими войсками Мустафа пакауне битвы писал турецкому правительству, что располагает лишь 7000 боеготовых солдат. Бонапарт в отчете о битве, который был составлен 28 июля и предназначен для

Сразу после высадки был взят штурмом редут, который обороняли 500 французских солдат. Все они были убиты. Однако форт, который защищали всего тридцать пять солдат, продержался три дня и только после этого сдался. Турецкая армия не попыталась развить свой успех и вместо этого приступила к укреплению позиций, создав три линии обороны, каждая из которых протянулась на всю ширину полуострова. Тем временем, 24 июля, Бонапарт произвел смотр своей армии численностью около 10 000 человек, которая уже приблизилась к Абукиру. Несмотря на то что дивизия Дезэ еще не подошла, Бонапарт отдал приказ на следующий день атаковать позиции противника.

Сражение началось ранним утром 25 июля.

Выступившие из Александрии кавалерийская бригада Мюрата и пехотная бригада Дестэна шли в авангарде. За ними на правом фланге шел Ланн, а Ланюз, который командовал войсками Рампона, шел во втором эшелоне. Мену, выступивший с небольшими силами из Розетты, шел по дальнему берегу залива, а Мармону, к его великому неудовольствию, надлежало оставаться в Александрии. Однако он не был единственным недовольным военачальником, поскольку Даву, силы которого подошли из Каира, ждал приказа, но получил лишь два эскадрона кавалерии и 100 наездников на верблюдах, с которыми он должен был организовать связь атакующих сил с Александрией и не подпускать арабов.

Первая линия турецкой армии, которая заняла позиции вдоль двух насыпей, подверглась фронтальной атаке Дестэна и Ланна, а с тыла по ней нанесла удар кавалерия Мюрата. Турки были разбиты и обращены в бегство, отрезаны от основных сил или сброшены в море. К этому

Директории, указывает, что было убито 9000 турок. В своем втором отчете, составленном 2 августа, он увеличивает это цифру до 18 000 человек. Другие источники упоминают 7000 (сэр Сидней Смит), 8000—9000 (секретарь Смита) и 9000 (Клебер).

времени кавалерия Мюрата оказалась на правом фланге, дивизия Ланна — в центре, Ланюз — на левом фланге, а Дестэн — в тылу. Теперь они подходили ко второй линии турецкой обороны.

Мюрат вновь бросился вперед, однако все его атаки были отбиты огнем турецкой корабельной артиллерии. Бессьер повел разведчиков к траншеям, но не смог их преодолеть, получив отпор от сомкнутых рядов противника. Эта приостановка соблазнила турок, и они оставили свои укрепленные позиции. Фужьер из дивизии Ланюза повел в атаку 18-ю полубригаду. Это был один из лучших полков Итальянской армии, в рядах его воевал Суше. В идеальном боевом порядке он устремился на поле Риволи. Бросив своих солдат на укрепления, защитники которых численно превосходили французов вдвое, Фужьере обнаружил, что его силы слишком растянуты, и когда они уже подошли к траншее, он приказал голове колонны остановиться. Подобно лошади, которая остановила свой бег у изгороди, полк не смог обрушиться на редут и отступил. Турки, выбежав из траншей, чтобы получить вознаграждение от своих начальников, принялись отрезать головы раненых. Мюрат, сразу же воспользовавшись этим шансом, ударил туркам в тыл. К его кавалерии тут же присоединился 18-й полк, который с остальными подразделениями дивизии Ланюза опять пошел вперед. Тем временем Бонапарт бросил вперед силы Ланна. Тут началось ужасное массовое избиение турецких войск.

Кавалерийская атака Мюрата, которая взломала линию турецкой обороны вплоть до форта, состоялась около полудня. Когда силы турок были расчленены, на горизонте появился французский флот. Он направлялся в Александрию, однако по мере приближения к Александрии изменил курс и стал двигаться в направлении звуков артиллерийской канонады. Уступая как в численности, так и по количеству орудий и быстроходности, турецкий флот не шел ни в какое сравнение с французским. За исключением нескольких транспортных судов, которые сдались, весь турецкий флот был уничтожен ме-

нее чем за час¹. Между тем около 2000 турок сумели спастись в форте Абукира, но многие другие были изрублены и заколоты штыками. Вероятно, около 4000 солдат противника были сброшены в море; где они либо утонули, либо были застрелены с берега. В то время как в заливе горели ярким пламенем громады турецких кораблей, армия Наполеона преследовала последние остатки деморализованной турецкой армии. К часу дня битва завершилась полной победой французов. Армия Мустафы-паши была полностью уничтожена. Мюрат лично взял в плен Мустафу, но, разоружая его, получил пулю в челюсть и лишился двух пальцев. Бонапарт учтиво принял своего пленника.

Битва при Абукире положила конец попыткам турок вытеснить французов из Египта и Сирии и лишила Турцию способности вести наступательные действия. В этом же месяце Бонапарт вернулся в Дамаск, где был заключен мирный договор между Францией и Турцией. По условиям этого договора турки признавали за Францией колонии в Египте и Сирии. Франция в свою очередь обещала более не вторгаться на турецкую территорию. Кроме того, Турция обещала военную поддержку действиям французов в Индии.

Дальнейшее развитие событий

Теперь Франция имела и в Египте, и в Сирии лояльные и стабильные режимы. Турецкая армия и флот потерпели при Абукире такое катастрофическое поражение, что более не представляли никакой серьезной угрозы, поэтому мирный договор, подписанный в Дамаске, должен был

¹ Турецкие корабли славились своей быстроходностью, и догнать удирающий турецкий флот было достаточно трудно. С другой стороны, трудно поверить в то, что турки решились на проведение десантной операции, не имея господства на море. В подобной ситуации они обязательно заручились бы поддержкой со стороны английской или русской эскадры. (Прим. ред.)

определить все обозримое будущее. Теперь Франция обладала плацдармом для ведения будущих военных операций в Индии и безопасным сухопутным торговым маршрутом в эту страну. В мае 1799 года во время Сериингапатама погиб главный индийский союзник Франции Типу Султан, что положило конец влиянию Франции в Майсуре. Однако французы распространили свое влияние в других районах субконтинента, особенно в Махараштре. На севере Индии вооруженные силы Конфедерации Махараштры включали несколько бригад, сформированных французом Бенуа де Буаном по европейскому образцу. В дальнейшем в Индию были отправлены французские советники, которые в 1800 году вступили в контакт с Конфедерацией Махараштры. Затем последовала военная помощь, которая в конечном счете привела к созданию крупных хорошо вооруженных армий, солдаты которых были обучены французами.

В 1802 году Баджи Рао II, Пешва, наследный правитель Махараштры, был разбит Холкаром Индаурским в битве при Пуне. Пешва был союзником англичан, которые пытались восстановить его правление. Отказ Холкара уступить власть привел ко Второй Махараштрской войне, в ходе которой англичане одновременно вели боевые действия как в Деккане, так и в Индустане. Командовали их войсками соответственно сэр Артур Уэлсли и главнокомандующий генерал Джерард Лэйк. Уэлсли успешно сражался во время памятной кампании на плоскогорье Деккан. Двадцать третьего сентября он, несмотря на тяжелые потери, одержал победу в битве при Ассайе. Еще одна победа, которая последовала в октябре, позволила восстановить власть Пешвы. Однако далеко на севере, в Индустане, генерал Лэйк не был столь удачлив. Армия Махараштры, которой командовал французский авантюрист Пьер Кюлье Перрон, была усилена французскими войсками и обученными французскими инструкторами арабскими частями из Сирии и Египта. Они прибыли в Индию как сухопутным так и морским путем и весной 1803 года объединились в Дели. Летом в двух основных сражениях Перрон разбил генерала Лэйка, в результате чего последний был отброшен на юг. В этой кампании наилучшим

образом проявили себя обученные французами арабы, поскольку их кавалерия сыграла решающую роль, вступив в бой с небольшим количеством британских и сипайских драгун.

В конце 1803 года силы Конфедерации Махараштры, которые находились под влиянием Франции, сосредоточились в Индустане. Последующие военные кампании не могли решить исхода войны, поскольку боевые действия в Европе на десять лет лишили обе стороны, воюющие в Индии, каких-либо серьезных подкреплений, и разобщенность сторон только укрепилась. В 1807 году Французский Индустан был официально принят в состав Французской империи.

Однако, возвращаясь к 1800 году, следует сказать, что в это время Франция господствует в Средиземном море, владея Мальтой и угрожая интересам Британии на Сицилии и в Неаполе. Благодаря работе основанных Бонапартом институтов был достигнут прогресс во многих областях. Были разработаны планы осуществления предписаний Статьи 3, мандата, выданного Бонапарту Исполнительной Директорией, в которой говорилось: «...пересечет Суэцкий перешеек».

Теперь Наполеон обратил свой взор к Франции, где политические проблемы и военные поражения могли привести к большим изменениям. Он был уверен, что выполнил все указания Директории и даже сделал больше: Франция теперь владела сильными колониями в Египте и Сирии, в которых было 60 000 французских солдат и еще 15 000 солдат, рекрутированных из местного населения. Турция теперь стала союзницей, а дорога в Индию была в руках Франции. Молодой генерал решил, что настало время возвращаться домой.

22 августа он отплыл из Александрии, оставив Клебера губернатором Дамаска, а генерала Андреосси — губернатором Каира. Его сопровождали начальник штаба Бертье, а также генералы Дезэ, Ланн, Мармон и Мюрат. Особенно трудным было решение взять с собой Дезэ: его грандиозный успех в Верхнем Египте, который стал причиной того, что он получил прозвище «султан», сыграл значительную роль в покорении Египта, но здесь его полководческий

талант, скорее всего, не нашел бы должного применения. Тем временем Франция испытывала трудности, и Дезэ мог наилучшим образом реализовать свой талант на родине, сражаясь на полях битв Европы. (Именно такие решения меняют ход истории — в следующем году Дезэ примет участие в битве при Маренго и, спасая французскую армию от поражения, ценой своей жизни вырвет победу для Бонапарта). Наполеон взял и четырех своих адъютантов (Эжена Богарне, Дюрока, Лавалетта и Мерлана), а также Бессьера с отрядом разведчиков. Все пятеро станут в будущем маршалами Франции.

По пути Бонапарт лишь ненадолго остановился на Мальте, чтобы посетить французского губернатора острова. Вернувшись во Францию, Бонапарт отправился из Тулона в Париж. На всем пути его встречали с ликованием и почестями. Хотя, несомненно, он был весьма амбициозным человеком, но вряд ли уже тогда он мог предполагать, что основал две постоянные колонии и создал условия, которые приведут к основанию третьей колонии (в Индии) — и все они однажды войдут в состав империи, правителем которой станет он сам.

В реальности

Почти все изложенное, вплоть до событий, имевших место 1 августа, совпадает с историческими фактами. Однако Бонапарт не отдал приказ, позволявший французскому флоту покинуть залив Абукир, и Нельсон 1 августа обнаружил его. Хотя день уже был на исходе, он взял на себя инициативу и атаковал французов. В ходе «битвы на Ниле», которая началась днем и продолжалась вечером¹, французский флот был практически уничтожен. Как было сказано выше, он не был готов к нападению противника, и Нельсону удалось зайти ему в тыл и внезапно атаковать. Потеря флота отрезала Наполеона от Франции и лишила его возможности получать подкрепления. Господство британского флота в восточной части Средиземного моря позволило сэру Сиднею Смиту сыграть решаю-

¹ Точнее, началась вечером, а закончилась утром.

щую роль в обороне Акры. Адмирал помог защитникам города советом, оказал поддержку с моря и предоставил в их распоряжение дополнительные орудия и артиллеристов, которые заняли позицию в форте. Турецкая армия действительно была разбита при Абукире, однако в связи с тем, что французы лишились флота, турецкая эскадра не была уничтожена.

Бонапарт ушел из Египта, так и не установив в нем стабильное французское правление и не создав плацдарм для военных действий в Индии. (В действительности Вторая Махараштрская война 1803—1805 гг. закончилась тем, что Франция в конечном счете утратила свое влияние в Индии, а Британия укрепила свои позиции на полуострове.) На самом деле Бонапарт бежал, оставив Клебера, а затем Мену командовать деморализованными французскими войсками. Дезэ не сопровождал Бонапарта во Францию, а уехал позже, его отъезд задержался на некоторое время из-за присутствия британского флота, однако он все же возвратился вовремя — и спас Бонапарта при Маренго. В 1801 году англичане и турки вновь захватили Египет, изгнав оттуда французов¹.

¹ В ходе переговоров о заключении мира французам было разрешено эвакуировать с английской помощью свои войска. До этого ситуация была патовой.

Филип Хейторнтвейт

ПОБЕДА ЖЮНО В ПОРТУГАЛИИ, 1808

Филип Хейторнтвейт родился в Колне, Ланкашир. В настоящий момент проживает в том же графстве и в течение многих лет сочетает занятия бизнесом с историческими исследованиями и написанием книг. Автор серии справочников по военной истории, в том числе «Первая Мировая война — из первоисточников», «Колониальные войны — из первоисточников», многие его публикации посвящены эпохе наполеоновских войн. Среди них: «Эпоха Наполеона — из первых источников», «Годы Веллингтона», а также «Деятели эпохи наполеоновских войн». Кроме того, написал целый ряд книг о форме и вооружении основных армий того периода и о многих военных кампаниях. Для наполеоновской серии издательства Гринхилл он написал предисловия к произведениям «На Полуострове с французским гусаром» и «Жизнь в армии Наполеона».

«Самые тривиальные обстоятельства, — заметил однажды Наполеон, — приводят к событиям величайшего значения». Если бы в августе 1808 года вместо фрегата Королевс-

кого флота «Брейзен» в бухту Масейра прибыл конвой, который вез пополнение, то возможно, что британскими силами в битве при Вимейро командовал бы сэр Артур Уэллесли, а история пошла бы по другому пути.

Высадка британских экспедиционных сил в Португалию, которая состоялась в 1808 году, была отнюдь не первым появлением английской армии в этой стране. Как и прежде, она была вызвана враждебностью Британии к Франции и ее союзникам. Как только в Испании началось восстание, которое было вызвано оккупацией страны войсками Наполеона, британское правительство пришло к выводу, что испанцам следует оказать всю возможную помощь. Пятнадцатого июля 1808 года министр иностранных дел Джордж Каннинг в палате общин заявил, что любой противник Франции *«уже в силу самого этого факта»* становится союзником Великобритании» и что «для Британии не может быть ничего важнее, чем успех восстания в Испании». В связи с этим из Сицилии и Гибралтара в этот район был направлен небольшой контингент британских вооруженных сил под командованием сэра Brenta Спенсера. Однако испанцы отказались от помощи, которую он предложил им в Кадисе. Чтобы укрепить британские силы на Иберийском полуострове, туда были отправлены подразделения, командование которыми было доверено сэру Артуру Уэлсли. В дополнение к своему несомненному полководческому таланту (он сумел добиться больших успехов в Индии, а в последнее время командовал британскими экспедиционными силами в Дании), Уэлсли имел значительные связи и пользовался доверием кабинета министров, членом которого сам являлся (будучи министром по делам Ирландии). Сочетание способностей и связей делало его наиболее вероятным кандидатом на должность командующего экспедиционными силами.

Португалия в 1808 году

В начале 1808 года в Португалии вспыхнуло восстание, направленное против французской оккупации. В Опорто была сформирована «верховная хунта». Масштабы

восстания настолько расширились, что командующий французской оккупационной армией генерал Андош Жюно даже рассматривал возможность ухода из страны и присоединения к французским силам в Испании. Однако в конечном счете он решил сосредоточить свои силы вокруг столицы страны — Лиссабона. Поэтому британское правительство решило нанести свой первый удар по французским войскам в Португалии. Кроме того, эта операция должна была отвлечь некоторые силы французов от подавления ширящегося восстания в Испании. Уэлсли мог по своему усмотрению либо начать боевые действия собственными силами и использовать силы Спенсера, либо ждать подкреплений. Под его командованием находилось примерно 8500 пехоты, горстка кавалерии и две роты артиллерии, в которых было пятнадцать орудий (две трети — легкие 6-фунтовые пушки, остальные — 9-фунтовые). Силы Спенсера насчитывали 4500 пехоты и шесть легких 6-фунтовых пушек. Британские силы во многом испытывали недостаток, и в первую очередь это касалось транспорта. Так, из-за нехватки лошадей-тяжеловозов нельзя было воспользоваться пушками Спенсера.

Действия англичан

Уэлсли решил высадить свои силы в бухте Мондего, где 15 августа к нему присоединился Спенсер. Британцы двинулись к Лиссабону по дороге, которая шла вдоль побережья, что позволяло осуществлять снабжение и получать подкрепления морем. В состав подкреплений, которые были ему обещаны при отправке и которые он получил еще когда планировал высадку в бухте Мондего, вошли около 4000 солдат под командованием бригадиров Рота Акленда и Роберта Анструтера, а затем — еще 10 000 солдат под командованием сэра Джона Мура. Намного менее приятным для Уэлсли должно было оказаться то, что вместе с этими войсками прибыли три генерала, каждый из которых был старше его по званию. Фактически они отстранили Уэллеса от командования.

С одним из них, сэром Джоном Муром, Уэллесли мог сотрудничать без каких-либо затруднений, поскольку они относились друг к другу с уважением. Мур, который недавно вернулся в Британию после неудачных попыток наладить сотрудничество со шведами в районе Балтийского моря, пользовался в армии большим уважением и был гораздо более харизматической личностью, нежели Уэлсли. Он был кумиром для тех, с кем пытался создать подразделения профессиональной легкой пехоты. Однако в кабинете министров его не считали «другом», а напротив, относили к числу политических оппонентов. К тому же он не обладал таким длинным реестром побед, как Уэллесли, хотя успехи, которые последний сделал в Индии, оценивали ниже, чем его удачные действия в Европе. Кое-кто в правительстве, видимо, вообще сомневался в правильности того, что Мур был назначен одним из командиров экспедиционных сил. Уже после того как было решено отправить его на полуостров, над ним (и соответственно над Уэлсли) был назначен начальником командующий силами в Гибралтаре сэр Хью Дэлримпл. Вероятно, предполагалось, что Дэлримпл будет осуществлять командование лишь некоторое время, до тех пор пока Уэллесли не проявит себя должным образом, что даст основания назначить командующим именно его, после чего Дэлримпл вернется в Гибралтар. Вероятно также и то, что сэр Гарри Баррард был назначен заместителем Дэлримпла, чтобы в случае если последний потерпит неудачу, командование не взял бы на себя Мур. Эти назначения, должно быть, стали серьезным ударом и для Уэлсли, и для Мура, и если бы на их месте оказались менее мужественные военачальники, то, вероятно, это привело бы к прошениям об отставке. Но, к чести обоих, они предпочли исполнить свой долг. Еще находясь на борту корабля «Донегал» в бухте Мондего, Уэллесли писал лорду Каслрифу (военному министру): «Буду я командовать армией или нет, должен ли я буду уйти из армии или нет, но я буду делать все, чтобы обеспечить ее успех, и вы можете рассчитывать на то, что я не буду действовать поспешно и начинать боевые действия чуть раньше, чем должно, чтобы приобрести честь победителя».

Сразу же после высадки Уэлсли разделил свои небольшие силы на шесть бригад (три бригады состояли из трех батальонов каждая, и три — из двух батальонов каждая) и распределил между ними артиллерию. Когда он выступил в поход на Лиссабон, существовала надежда на то, что у него будет возможность действовать во взаимодействии с португальской армией генерала Бернадина Фрейре, однако этот генерал не был согласен с планом похода на Лиссабон и поэтому предоставил в распоряжение Уэлсли лишь небольшой португальский отряд.

Приготовления Жюно

Командующий французскими войсками в Португалии, старый сподвижник Наполеона Андош Жюно обладал деятельным характером. Его силы численностью около 25 000 человек ускоренным маршем прибыли в Португалию. Однако, поскольку Жюно пришлось по пути оставить несколько гарнизонов, численность сил, которые остались в его распоряжении для ведения боевых операций, значительно уменьшилась. Тем не менее, узнав о высадке в бухте Мондего, он решил собрать максимальное количество солдат, сократив до минимума свои гарнизоны. Командующий французской армией считал (и вполне справедливо), что лучший способ подавить сопротивление португальцев — разгром англичан. Он даже был готов оголить гарнизон Лиссабона, считая, что присутствие в устье Тежу русской эскадры под командованием адмирала Синявина будет препятствовать любым попыткам португальцев поднять восстание, хотя и знал, что Синявин, как и многие русские офицеры, был крайне недоволен альянсом России с Францией. В данном случае Синявин был настроен оказать лишь самую минимальную помощь, которую только могли ожидать от союзника.

Продолжая собирать свои войска, Жюно отправил на встречу англичанам генерала Анри-Франсуа Деляборда предоставив в его распоряжение 4500 солдат. Эти силы должны были установить контакт противником и по возможности его остановить. По мере своего продвижения Уэллесли 16 августа в районе Обидоша столкнулся с си-

лами Деляборда. После перестрелки авангард французов отошел. На следующий день Уэлсли, обнаружив, что войска Деляборда заняли позиции на холме Ролика, попытался обойти противника с флангов, но французы, отступив на милю, заняли примерно такую же позицию. Уэлсли последовал за ними и вновь попытался обойти Деляборда с флангов, но его центр слишком стремительно выдвинулся вперед, и как только он вступил в бой, сразу же пришлось оказывать ему поддержку. Последовала жесткая схватка, и началось избиение одного из батальонов Уэллесли. Это был 29-й пехотный батальон, командир которого подполковник Джордж Лэйк (сын генерала Джерарда Лэйка) так неблагоприятно повел его вперед. В результате боя батальон потерял четверть своего состава, погиб и сам Лэйк. Солдаты Деляборда удерживали свою позицию, несмотря на неоднократные атаки англичан, но как только на гребне холма был вырыт ложемент, а угроза флангового обхода стала очевидной, Деляборд счел разумным отойти. Отступление его войск сначала носило организованный характер, но, уже покидая позицию, его подразделения нарушили боевой порядок, смешавшись друг с другом, и в этот момент подверглись жестокой атаке своих преследователей. Несмотря на численное неравенство сторон, войска, которые приняли непосредственное участие в схватке, были численно равны, поскольку сражалась лишь треть войск Уэлсли. Потери Деляборда составили около 600 человек и три пушки из пяти, имевшихся в его распоряжении. Уэллесли потерял 474 человека, причем 190 — из состава 29-го батальона. Возможно, бой у Ролики был лишь небольшим эпизодом, однако в свете событий, которым суждено было произойти через несколько дней, он имел важное значение как пример способностей Уэлсли.

Первые подкрепления — бригады Акленда и Анструтера — уже отплыли из Гарвича и Рамсгейта соответственно, но неблагоприятные ветры задержали их прибытие. Уэлсли беспокоился по поводу этих подкреплений и, зная о том, что форт Пениш (плацдарм к юго-западу от Ролики) все еще находился в руках французов, он решил пройти мимо него и занять позицию в районе залива,

который был расположен еще дальше к югу. Это был залив, в который впадает река Масейра. Там могли бы высадиться и подкрепления. Девятнадцатого августа, когда Уэлсли размещал свои войска лагерем на возвышенности, удаленной от устья Масейры, ему сообщили, что вместо эскадры, которая должна была доставить подкрепления, в бухту вошел лишь один корабль «Брейзен», на борту которого прибыл сэр Гарри Баррард. Несмотря на досаду, которую, видимо, испытывал Уэлсли, он по всей форме доложил своему начальнику обстановку. Баррард, в свою очередь, сообщил ему, что вместо продолжения похода на Лиссабон надлежит собрать все силы в районе поселка Масейра, чтобы прикрыть высадку подкреплений. В состав этих подкреплений, утверждал Баррард, должны войти не только бригады Акленда и Анструтера (где бы в открытом море они в данный момент ни находились), но также и войска под командованием Мура, которые уже прибыли в район бухты Мондего, опередив Акленда и Анструтера, и вскоре могли начать высадку. Однако высадка была отменена, когда «Брейзен» доставил Муру приказ вновь погрузить войска на корабли и следовать в бухту Масейра. Когда 24 августа туда на борту «Брейзена» прибыл сам Мур, чтобы провести рекогносцировку и получить дальнейшие указания, он обнаружил, что исход битвы уже решен.

Как было сказано выше, если бы не капризы погоды, Акленд и Анструтер могли бы прибыть в бухту Масейра раньше Баррарда. В этом случае у них была бы возможность произвести высадку еще до того, как Жюно принял свою атаку. В этом случае его атаке противостояли бы войска под командованием Уэлсли, а не Баррарда. Случись так, и уже мало что зависело бы от умения Жюно, и, по всей вероятности, победа Уэлсли при Ролике повторилась бы и при Вимейро. Но ветер и волны предрешили исход битвы.

Пятидесятитрехлетний сэр Гарри Баррард, гвардеец, любимец герцога Йоркского, был человеком честным, но малоинициативным. В последние годы он командовал войсками, дислоцированными в Великобритании, однако в 1807 году принял командование дивизией, которая входила

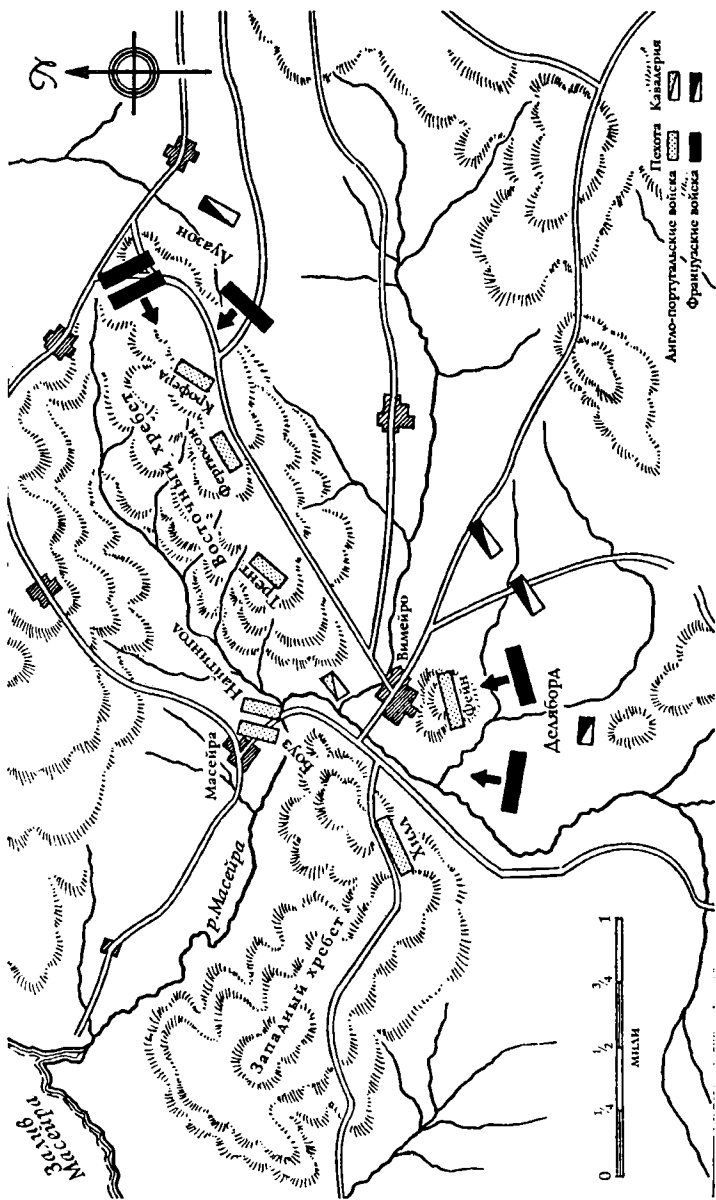
ла в состав экспедиционных сил, отправленных в Данию. Опыт ведения боевых действий он приобрел еще во время Американской войны¹. Однако наиболее значительным было его участие в операции экспедиционных сил, высадившихся в Остенде в 1798 году, которая закончилась катастрофой. Целью этого рейда было вывести из строя канал Брюгге. Тогда Баррард был назначен заместителем командующего экспедиционными силами сэра Эйра Кута. Поставленная задача была успешно выполнена, однако бурное море не позволило британским силам возвратиться на родину, как это планировалось. Они были атакованы, и после того как Кут был ранен, командование перешло к Баррарду, который сдался вместе со всеми британскими силами, чтобы спасти их от полного уничтожения. Вид бухты Масейра, должно быть, напомнил ему то затруднительное положение, в котором он оказался десять лет назад. И действительно, высадка в Масейре была делом совсем не простым. Во время прилива это было совершенно исключено, но даже во время отлива предприятие оставалось весьма рискованным. Единственным местом, пригодным для этой цели, могла быть песчаная отмель протяженностью 300 ярдов, расположенная между двумя скалистыми мысами, «где огромные буруны превращались в пелену кипящей пены... еще на значительном расстоянии от берега, буруны, которые приходили из Атлантики и Бискайского залива, достигали высоты дома и, попадая в узкое пространство, ограниченное двумя мысами, превращались в величественные стены воды. Они стремительно мчались вперед и, с ревом превращаясь в пену, обрушивались на берег». Воспоминания об Остенде безусловно оказали влияние на Баррарда, и принятое им решение прикрыть высадку в бухте Масейра привело к фатальному разделению сил, которое имело место как раз во время атаки Жюно. Но несмотря на сыгравшую критическую роль чрезвычайную осторожность Баррарда, которую некоторые рассматривали даже как проявление робости, не столь трудно понять его мотивы и отнестись к ним с сочувствием.

¹ Война за независимость в США.

Вимейро

Всего в миле от побережья находилась деревня Масейро, а за ней — возвышенность. К югу от реки возвышался хребет, который сэр Джон Фортескью назвал «западным хребтом», а к северу, по его же определению, находился «восточный хребет»; здесь русло реки поворачивало на юг и проходило вдоль ущелья, расположенного между этими хребтами. Рядом с ущельем расположилась деревня Вимейро, к югу от которой находился небольшой холм, который вряд ли можно назвать «сильно пересеченной изолированной возвышенностью» — как его описывает Уильям Нейпьер. Джонатан Лич называет его «холмом весьма незначительной высоты». Именно на этой возвышенности Уэлсли собирался разместить свои бригады, причем в меньшей степени по соображениям обороны (так как он надеялся, что продолжит продвижение на юг), просто это место было удобным для лагеря. Однако Баррард, для которого главным было найти позицию, пригодную для прикрытия высадки войск, решил разместить часть армии на позициях вокруг деревни Масейра. Размещенный таким образом, этот отряд мог быть использован в качестве резерва для усиления других позиций и, что было еще важнее, мог защитить место высадки — в случае, если французские войска попробуют атаковать позиции англичан, обойдя западный хребет. Хотя это было совершенно невероятно, тем не менее Баррард не мог избавиться от опасений, зная из своего горького опыта, что любая попытка высадки подкреплений или даже эвакуации армии просто невозможны, если войска на берегу подвергаются нападению и вынуждены сражаться.

Поскольку Акленд и Анструтер все еще находились в море, пережидая штиль, Баррард имел в распоряжении лишь шесть бригад Уэлсли, состав которых остался без изменений, если не считать перевода 50-го пехотного батальона из бригады Кэтлина Кроферда в легкую бригаду Генри Фейна. В состав последней входили немногочисленные подразделения, сформированные из опытных солдат: четыре роты 95-го стрелкового батальона, немецкие

Битва при Вимейро.

стрелки из 5-го батальона, а также 60-й Королевский Американский полк. Бригада должна была удерживать холм Вимейро. Две самые слабые бригады Баррарда — командирами их были Барнард Боуз и Майлс Найтииголл, — каждая из которых состояла лишь из двух батальонов, находились в резерве. Справа, вдоль западного хребта, заняла позиции бригада Роуланда Хилла, а бригады Кроферда и Рональда Фергюсона находились на восточном хребте. Португальский отряд под командованием ирландского офицера Николаса Трента расположился лагерем дальше к северу. Обоз, который Уэлесли предлагал собрать воедино и разместить неподалеку от деревни Вимейро, чтобы иметь возможность выступить без промедлений, был отведен по приказу Баррарда к деревне Масейра. Такие позиции занимали британские войска, когда 21 августа облака пыли возвестили о приближении армии Жюно.

Движение армии Жюно, выступившей из Лиссабона, замедлял большой обоз. По пути командующему французской армией удалось присоединить к своим силам множество французских отрядов, самым крупным из которых была дивизия генерала Луи-Анри Луазона, которая получила приказ оставить свои позиции в районе Бадахоса и оказать поддержку Деляборду. Но дивизия Луазона подошла лишь после того, как Деляборд потерпел поражение при Ролике. Когда силы Жюно и Луазона соединились с войсками Деляборда, общая численность французской армии составила около 17 000 человек. Таким образом, Жюно имел превосходство над силами Баррарда, кроме того, у французов было большее количество орудий, а численность их кавалерии превышала численность английской на 2000 человек, что предоставляло Жюно неоспоримое превосходство в этом роде войск. Едва ли Баррард и Уэлесли могли знать, что им будут противостоять столь значительные силы противника. Возможности их разведки были весьма ограничены в силу малочисленности имевшейся кавалерии. Небольшие отряды лиссабонской конной полиции, бежавшие из столицы, присоединились к англо-португальской кавалерии (конный отряд Трента был сведен в бригаду, объединившись с конницей Баррарда). Вполне возможно, что именно прибывшие из Лиссабо-

на португальцы сообщили о бездействии эскадры Синя-виша, в результате чего английское командование пришло к ошибочному выводу, что Жюно будет вынужден оставить в Лиссабоне более значительные силы. Более того, когда в районе Ролики некоторое количество солдат, дезертировавших из 4-го Швейцарского полка Деляборда, перешли на сторону англичан, Баррард, возможно, счел, что подобные случаи нелояльности будут иметь широкое распространение в армии Жюно. Однако это предположение также было ошибочным. Тем не менее Уэллсли все же выразил тревогу в отношении места расположения резерва, продолжавшего оставаться в районе Масейры, даже когда по облакам пыли, которые поднимали войска Жюно, стало ясно, что французы явно не намерены атаковать вдоль побережья.

Жюно оказался перед выбором: либо нанести удары по позициям британцев сразу в нескольких местах, либо сосредоточить силы и нанести мощный удар в одном месте. Однако в любом случае он мог столкнуться с затруднениями, поскольку ему приходилось атаковать противника, занявшего позиции на возвышенности. Первый вариант мог показаться более предпочтительным, однако Жюно решил предпринять отвлекающий маневр, начав демонстративную подготовку к атаке сильных позиций англичан на западном хребте и в районе Вимейро, а главный массированный удар нанести на левом фланге Баррарда.

Имея в своем распоряжении явно чрезмерное количество генералов, Баррард приказал Уэллсли взять под свое командование силы Хилла и Фейна, расположенные на правом фланге, а Брента Спенсера (который до этого времени был заместителем Уэлсли) назначил командовать левым флангом. Вскоре по облакам пыли (которые фактически стали для англичан единственным способом получения сведений о направлении движения армии Жюно) стало ясно, что противник намерен разделить свои силы, хотя было трудно определить, в какой именно пропорции. На самом деле Жюно отправил примерно 4000 пехоты под командованием Деляборда для отвлекающего маневра на правом фланге англичан, а остальные силы под командованием Луазона — на левый фланг.

Начало битвы

Несмотря на то что единственной целью демонстрации на правом фланге было отвлечь часть сил Баррарда, атака Деляборда, которая началась еще до того, как остальные силы Жюно были готовы нанести главный удар, развивалась с большим воодушевлением. Французы наступали по узкой дороге вдоль реки Масейра, между западным хребтом и холмом Вимейро, который, впрочем, также был ими атакован. Уэллесли применил новую для того времени тактику. Он расположил своих пехотинцев на тыльных склонах таким образом, что французы не могли видеть большую часть бригады Хилла, и лишь роты батальона легкой пехоты были развернуты на виду у противника. В то же время Фейн выстроил основную массу своих стрелков в цепь, оставив в резерве лишь 50-й батальон, и они остановили французских стрелков, которые шли в авангарде бригады Деляборда. В результате внезапного появления войск Хилла из-за гребня холма и подхода свежих сил Фейна, французы дрогнули, а затем началось их беспорядочное отступление под огнем англичан, которые затем пошли в штыковую атаку. Однако эта атака вскоре закончилась, так как Уэллесли отдал приказ возвращаться на исходные позиции. Несмотря на потери и беспорядок, французы быстро перегруппировались, что произвело большое впечатление на англичан. Как отметил Уильям Нейпьер, «быстрота, с которой французские солдаты перегруппировались, восстановив боевой порядок после столь серьезного испытания, была изумительной». После этого Деляборд, отказавшись от дальнейших атак, перешел к интенсивной позиционной перестрелке с англичанами, тем самым продолжая связывать их силы.

Атака, предпринятая французами на левом фланге Баррарда, имела совсем иной результат. Дивизия Луазона двинулась вдоль восточного хребта, в то время как Спенсер, чтобы препятствовать продвижению французов, переместил свои бригады еще левее. В авангарде французов опять шла очень плотная цепь стрелков, против которых Спенсер выдвинул роты батальона легкой пехоты, един-

ственное подразделение легкой пехоты, которое оказалось под рукой (71-й батальон, недавно переформированный в батальон легкой пехоты, находился в тылу бригады Фергюсона, и поэтому его солдат не было среди тех, кто первыми встретили атаку французов). Именно тогда наиболее остро сказалась нехватка подразделений легкой пехоты (они, в том числе 43-й и 52-й батальоны, которые в Шорнклиффе были обучены Муром, все еще находились в море в составе сил Анструтера).

Брент Спенсер, видимо, не блистал талантами (Уэлли называл его «ужасным тугодумом»), хотя под огнем противника проявлял хладнокровие. Однако принятое им в тот момент решение оказалось ошибочным. Британские стрелки, которые выдвинулись вперед, чтобы оказать противодействие полчищам французских стрелков, уступали своим противникам численно и были менее опытные. Французы, не дав своим противникам опомниться, отбросили их назад. В связи с этой ситуацией и, возможно, для того, чтобы выиграть время, необходимое для подхода всех сил левого крыла армии, Спенсер дал приказ нескольким ротам вступить в перестрелку. Но, к сожалению, эти солдаты и понятия не имели о тех требованиях, которым должны были отвечать стрелки и которым вполне соответствовал превосходящий их численно противник. Положение, в которое попали англичане, красочно описывает один очевидец:

«Оказавшись в затруднительном положении посреди кукурузного поля и оливковой рощи, молодые солдаты не знали, куда им идти, старые также растерялись, а когда по ним был открыт ружейный огонь, они даже не поняли, откуда он велся. В ответ они стали стрелять наугад, некоторые просто в воздух. Их буквально косил огонь противника, и они падали, как кегли, среди кукурузного поля. Оставшиеся в живых бросились назад, убегая с поля боя, усеянного трупами своих однополчан. Это был, — вспоминает он, — самый неравный бой, который только можно вообразить, унесший жизни множества молодых красивых парней, которых таким образом принесли в жертву».

Поредовшие боевые порядки этих стрелков были отброшены назад и — вместе с некоторыми ротами батальона легкой пехоты — были развернуты в цепь. Беспорядочно отступали два батальона Кроферда и три батальона Фергюсона. Стрелки, столкнувшись с намного превосходящими силами их Луазона, которые продолжали атаку, также в смятении отступили. Увидев, что англичане отходят, португальцы, которыми командовал Трент, также стали беспорядочно отступать.

Когда стало ясно, что Жюно наносит главный удар на левом фланге, Баррард, должно быть, понял свою ошибку, которая заключалась в том, что он оставил свой резерв у Масейры и, к его чести, немедленно отправил приказ командирам резервных бригад выдвинуться вперед и оказать поддержку Спенсеру. Однако к тому моменту, когда они смогли вступить в бой, атакующие силы Луазона уже продвигались вдоль хребта; таким образом, резерв столкнулся с необходимостью совершить трудный подъем на вершину холма по сильнопересеченной местности — навстречу противнику, воодушевленному своим недавним успехом. Тем не менее бригада Найтинголла предприняла энергичную попытку. Особенно рвался в бой 29-й батальон, который, вероятно, стремился отомстить за своего командира, убитого в бою при Ролика. Однако в сложившихся обстоятельствах этот маневр имел мало шансов на успех, и батальон отошел, не имея ни малейшей возможности возвратить свои пушки, которые пришлось оставить под натиском наступающих сил Луазона.

В связи с полным разгромом левого фланга своей армии Баррард направился на правый фланг, чтобы присоединиться к Уэлсли. Надежные Хилл и Фейн, получив от него указания, поскакали в центр позиции англичан, чтобы внести хоть какой-то порядок в сложившуюся ситуацию и перегруппировать армию вокруг не пострадавшей бригады Боуза и теперь уже несколько потрепанной бригады Найтинголла. Значительное количество подразделений левого крыла все еще оказывали французам сопротивление, однако были не в состоянии остановить продвижение Луазона, войска которого уже начали спускаться с восточного хребта. Здесь французы были атако-

ваны небольшим отрядом численностью всего в 200 всадников кавалерии Баррарда из состава 20-го легкого драгунского полка и таким же количеством португальских кавалеристов. В атаку против передовых частей Луазона их вел подполковник Чарльз Тейлор. Хотя финал этой атаки был печальным (сам Тейлор был убит, а его подразделение фактически уничтожено и перестало существовать как боевая единица), тем не менее она смогла заставить Жюно остановиться и начать перегруппировку сил. Эта задержка тем более была ценной для Баррарда и Уэлсли, что позволила последнему на скорую руку создать линию обороны между Масейрой и возвышенностью. Впоследствии, когда Жюно возобновил атаку, дивизия Луазона не смогла взломать эту линию обороны, но лишь благодаря тому, что сюда с правого фланга подошла бригада Хилла. В районе Масейры англичане отбили три атаки противника, причем по крайней мере первые две из них были весьма энергичными. Однако несколько пострадал британский обоз, часть которого не смогли увести в тыл, и бой приблизился к нему. Много боеприпасов было потеряно, когда взорвалось несколько фургонов. Тем временем Фейн продолжал удерживать Деляборда.

В течение следующего дня битва не возобновлялась, как будто противники заключили перемирие. Обе стороны понесли значительные потери и нуждались в реформировании своих сил. Однако не было сомнений в том, за кем в тот день осталось поле боя. Баррард все еще цеплялся за свою позицию, которая прикрывала плацдарм, предназначенный для высадки. Однако его армия понесла ужасные потери, кавалерия была полностью разбита, а большинство орудий и значительная часть обоза безвозвратно потеряны. Несмотря на большие потери, которые понес Жюно (особенно во время атак на Масейру), он удерживал всю возвышенность и таким образом господствовал над позициями противника (чтобы предотвратить фланговый обход своих частей, Фейн отступил через деревню Вимейро, чтобы соединиться с основными силами Баррарда, занявшими позиции вокруг Масейры).

Однако Жюно прекрасно понимал, что победу необходимо закрепить. Он безусловно принимал в расчет то, что британские подкрепления уже в пути и некоторые пленные, значительное количество которых было захвачено в момент катастрофы левого фланга англичан, подтвердили, что на подходе по меньшей мере две бригады и что их прибытия можно ожидать в самое ближайшее время. Что касается англичан, то они были крайне заинтересованы в этих подкреплениях.

Несмотря на трагические события дня и столь серьезные потери, моральный дух британских войск был на удивление высок. К тому же его укрепили успешные действия по обороне Масейры, которые имели место на исходе дня. Однако среди офицеров явно усиливалось недовольство тем, как Баррард руководил ходом сражения. Офицеры всех рангов испытывали доверие к Уэлсли, поскольку видели, как совсем недавно он умело командовал своими войсками, и в то же время у них оставалось все меньше доверия к способностям командующего. После относительно спокойной ночи (в течение которой люди отдохнули и распределили оставшиеся запасы продовольствия и боеприпасов) у англичан, должно быть, перехватило дух, когда на рассвете они увидели в бухте только что прибывший корабль. Он привез не подкрепления, а то, в чем армия не испытывала ни малейшей нужды: еще одного генерала.

Ранним утром 22 августа этот генерал — сэр Хью Дэлримпл — сошел на берег и принял командование войсками, вероятно, к великому облегчению Баррарда. Несмотря на его возраст (родился в 1750 году), выбор Дэлримпла в качестве командующего ничего хорошего не предвещал. Будучи губернатором Гибралтара, он установил тесные связи с испанской «патриотической» партией и был знающим человеком, но его нельзя было назвать боевым генералом. Вероятно, оценка, которую дал ему Мур, наиболее точна: *«Человек определенно неглупый, но который никогда не служил в действующей армии в чине генерала, и за шестнадцать лет войны удосужился проходить службу лишь в Англии и на Гернси и совершенно растерялся, оказавшись в новой для него обстановке».*

Более того, Дэлримпл, казалось, был намерен игнорировать мнение своего самого способного подчиненного, сэра Артура Уэлсли, который запишет позже: *«Во время первой беседы, которую я имел с сэром Хью Дэлримплом сразу после его прибытия в Португалию, утром 22 августа, я, полагая, что являюсь его советником... теперь имел все основания считать, что не пользуюсь его доверием, более того, к мнениям, которые я высказывал, он относился с предубеждением».*

Ситуация, в которую вмешался Дэлримпл, была серьезной, однако, как считал Уэлсли, не безнадежной. Он считал возможным, что армия, даже находясь в столь неблагоприятных условиях, могла выдержать еще одну атаку и прикрыть высадку подкреплений в случае, если их прибытие не будет задержано (хотя Уэллесли допускал возможность, что вскоре придется оставить позиции, поскольку в противном случае «мы будем отравлены зловонием, исходящим от мертвецов и раненых, или умрем от голода»). Ни Дэлримпл, ни Баррард не испытывали иллюзий относительно возможностей армии к сопротивлению, хотя альтернатива — посадка войск на транспортные суда по мере их прибытия, — фактически была бы невозможна в случае атаки Жюно. Именно в этот момент передовые посты Фейна доложили о появлении французского офицера с адъютантами и горнистом (некоторых стрелков едва удержали от того, чтобы подстрелить такую чудесную мишень!) Это произошло в результате совещаний Жюно со своими старшими офицерами. Хотя в битве, которая состоялась 21 августа, перевес был явно на стороне французов, их противник не был полностью разбит. Жюно не сомневался в успешном исходе новых атак, однако его войска понесли значительные потери, и еще одно сражение могло самым губительным образом ослабить его силы, которые не смогли бы оказать противодействия ни высадке британских подкреплений, ни массовому восстанию португальцев. Хотя он понимал, что ему все равно придется атаковать сразу после того, как корабли с британским подкреплением появятся у берега, он надеялся достичь своих целей без дальнейших потерь еще до их прибытия. Поэтому 22 августа, незадолго до полудня, он отправил к

англичанам командира своей кавалерии. Генерал Франсуа-Эрвэнн Келлерманн (герой Маренго и сын маршала Келлерманна) был направлен к британцам в качестве эмиссара. Келлерманн попросил командира передовых постов Фейна дать ему провожатых в лагерь сэра Гарри Баррарда. Француз, который еще не знал о прибытии Дэлримпла, был принят английскими генералами в Масейре. Уэлсли, по всей видимости, предполагал, что эта миссия имела целью лишь временное прекращение огня, необходимое для того, чтобы похоронить убитых и собрать раненых, многие из которых до сих пор оставались на поле боя. Однако с первых же слов Келлерманна, касавшихся способов «урегулирования дела без дальнейшего кровопролития», стало ясно, что целью миссии являются более глубокие переговоры. Ситуация, в которой оказались обе армии, вне всяких сомнений указывала на то, что обстоятельства сложились не в пользу англичан. Однако в то время как и Дэлримпла и Баррарда больше всего интересовало, как с помощью переговоров выйти из затруднительного положения, в котором они оказались, Уэллесли тоном, который не предвещал ничего хорошего, говорил офицерам своего штаба «с холодом и высокомерной горечью», что теперь они могут подумать об обеде, поскольку солдатам в этот день больше нечего будет делать. Несмотря на мнение Уэллесли, нетрудно понять и даже оправдать желание британских военачальников освободить себя от ответственности за дальнейшее развитие опасной ситуации, так как ничтожные перспективы удержания плацдарма, уже не говоря о смертельном риске высадки подкреплений в непосредственной близости от врага, безусловно должны были привести в трепет даже самых хладнокровных людей.

Договор

После того как на время переговоров были прекращены боевые действия, представители обеих сторон встретились в Масейре, в небольшом доме, отведенном англичанами под штаб. С французской стороны переговоры вел в основном Келлерманн (который достаточно знал английс-

кий, хотя переговоры велись на французском). Для Жюно это был своего рода триумф. Он следил за тем, чтобы англичанам не предлагали заведомо неприемлемые условия, такие, например, как безоговорочная капитуляция. Однако на первом этапе переговоров французы поставили более жесткие условия, чем те, на которых Жюно планировал достичь обоюдного согласия. Эта уловка должна была создать у англичан иллюзию того, что они якобы достигли значительного успеха на переговорах, а фактически приводила к тому, что Британия, по крайней мере временно, отказывалась от присутствия своих сил в Португалии.

На основании условий договора, который поздно ночью был заключен в Масейре, британские войска под командованием Дэлримпла должны были покинуть бухту Масейры, как только в их распоряжении окажутся транспортные суда, взяв с собой оружие и личные вещи. Британская артиллерия, захваченная в течение минувшего дня, оставалась у французов. Пленные англичане, захваченные главным образом во время атаки Луазона, освобождались (тем самым полностью снимались проблемы содержания и охраны значительного количества военнопленных), а те раненые британцы, состояние которых не позволяло отплыть вместе с армией, в конечном счете должны были быть доставлены в Лиссабон, откуда они по мере выздоровления будут возвращаться в Британию на торговых судах. Португальцам, которые все еще оставались в лагере Дэлримпла, по их желанию разрешалось либо вернуться в армию Фрейра, либо без всяких препятствий вернуться домой. Запасы, которые войска не смогли с собой взять, надлежало сдать, хотя значительная их часть была уничтожена в боях у Масейры.

И наконец, самое важное: перемирие должно было продолжаться месяц, и в этот период, согласно достигнутому соглашению, силам, которые находились под командованием Дэлримпла, запрещалось вести наступательные действия. Это полностью исключало использование ожидаемых подкреплений. Общая численность войск Мура и бригад Анструтера и Акленда составляла около 15 000 человек, превосходя численность армии, разбитой Жюно при Вимейро. Условия договора запрещали их высадку.

Но и оставаться на кораблях в течение месяца, до конца срока действия перемирия, очевидно, было бы невозможно. Тот факт, что Дэлримпл не слишком возражал против этого условия, говорит о том, что он, по-видимому, считал слишком опасной попытку высадить войска на виду у армии Жюно, готовой оказать противодействие этому маневру. Проще говоря, всем экспедиционным силам оставалось только одно — возвратиться домой.

Явно не пребывая в восторге от такого результата, Дэлримпл, вероятно, все же считал, что он спас британские силы от вполне возможной катастрофы, однако вряд ли хоть один солдат из состава этих сил согласился бы с ним. Когда 24 августа прибыл Мур, ожидая, что ему прикажут высадить войска в бухте Масейры, он обнаружил «величайшее смятение и всеобщее недовольство».

Это всеобщее недовольство было направлено против высшего руководства армии, так как все, казалось, разделяли мнение Уэлсли, что есть шансы выдержать по крайней мере еще одну атаку. Ирония ситуации заключалась в том, что когда Мур прибыл в бухту, он обнаружил, что другие суда, которые привезли бригады Акленда и Анструтера, готовились начать не разгрузку, но, напротив, погрузку — погрузку армии Дэлримпла, стремясь взять на борт как можно больше солдат.

Поражение экспедиционных сил было встречено в Британии с испугом. Первой реакцией, как и следовало ожидать, были яростные дебаты в парламенте. Недовольство усилилось еще больше, когда мнение офицеров армии, которое сначала нашло отражение в личных взаимоотношениях, стало известно широкой публике. Армия не считала себя побежденной, но была убеждена в том, что ее подвел высший командный состав. Одним из проявлений такого мнения было послание командиров бригад и Брента Спенсера, в котором они писали Уэлсли:

Желая выразить высокую признательность и уважение, которое мы испытываем по отношению к вам, а также величайшее удовлетворение тем, что нам по счастливой случайности выпало служить под вашим началом, мы

сегодня заказали столовое серебро стоимостью в тысячу гиней, которое подготовят и вручат вам.

Этот подарок с выгравированными именами дарителей и их подписями был свидетельством глубокого уважения, которое они питали к нему как к человеку, и безграничного доверия, которое они оказывали ему как офицеру. Об этом жесте, естественно, стало известно публике, и он еще больше усилил недовольство бездарными действиями Дэлримпла и Баррарда. Кроме того, этот факт косвенным образом свидетельствовал о том, что офицеры не доверяют этим двум генералам. В стране продолжало расти негодование, вызванное провалом экспедиции. Даже Уильям Уодсворт поспешно написал не слишком талантливую поэму под названием «*Посвящение Договору в Масейре*».

*Масейра! Масейра! Будь проклято имя твое,
Там, где полки Альбиона должны были славу стяжать,
Все обернулось прахом, печальна участь солдат...*

Проправительственная пресса сосредоточила свое внимание на Дэлримпле и Баррарде, хотя гораздо более резкой критике подвергла министерство, которое их назначило. В то же время газеты, не отличавшиеся лояльностью к правительству, ставили под сомнение саму идею оказания помощи Испании. Уильям Коббет, который был самым яростным критиком министерства, предвидя, что Британия возобновит войну на Иберийском полуострове, заявил, что эта военная кампания приведет «лишь к истощению страны, не имея ни малейшего шанса принести хоть какую-то видимую пользу... чем раньше мы откажемся от нее, тем лучше... Это может привести к тому, что Франция понесет определенные расходы и потери, по в то же самое время мы ослабим сами себя в десять раз больше, чем Францию».

Неудивительно, что министерство и те, кто его поддерживал, стремились сосредоточить внимание на заслугах Уэлсли, которого называли «победителем Ролики» (тем самым преувеличивая значимость этой победы), однако другие были менее великодушны. Многие говорили

о том, что Уэлсли оказывают поддержку его друзья в правительстве и указывали на связи его семьи. Так, Коббет, выступая с речью в Уинчестере, говоря о возвращении Уэлсли из Португалии, заявил, что его семья ежегодно получает из казны около 23 766 фунтов, что, по его словам, равнялось скудным ежегодным бюджетам шестидесяти округов. Газета «Ньюс» в таком же стиле отмечала, что даже если бы Уэлсли был освобожден от ответственности за провал экспедиции, «то те, кто стал свидетелем зловещих усилий его друзей, не усомнятся в том, что он обязан своим оправданием в гораздо большей степени именно этим усилиям, а не тому, что утратил свои иллюзии, особенно если сравнить его с другими генералами, у которых мало влиятельных друзей, в силу чего они не получили такой поддержки».

Фактически эти генералы отделались лишь легким испугом и почти неофициальным порицанием. Правительство не испытывало ни малейшего желания повторять разбирательства военного трибунала, которые имели место в отношении Уайтлока (под руководством этого генерала операция экспедиционных сил в Южной Америке закончилась полным провалом) и лишь недавно закончились. Хотя и была образована следственная комиссия по Масейре, однако она быстро закончила свою работу, преуменьшив вину командования экспедицией. Тем не менее ни Баррарду, ни Дэлримплу впредь не доверяли командование действующей армией, и оба были опорочены критикой. Наглядным примером такой критики была строчка Байрона: *Для полководцев вроде наших цветенье лавра ни к чему*. Неудачи, казалось, преследовали несчастного Баррарда. Вскоре после окончания работы следственной комиссии он потерял своего младшего сына, который служил гардемаринном в Королевском флоте и погиб в результате того, что шлюпка с королевской яхты «Ройял Соверейн» перевернулась в гавани Уэймута. И все же спустя примерно пять лет Дэлримпл подал прошение о компенсации того морального ущерба, который был нанесен критикой его действий в Португалии. В результате он получил титул баронета.

Впоследствии

Жюно и французы избежали подобных трудностей, хотя и столкнулись с другими проблемами. Победа при Вимейро, и особенно результаты договора, заключенного в Масейре, принесли Жюно не только заслуженные почести, но и то, чего он так страстно желал — жезл Маршала Франции. (Неудивительно, что Келлерманн, который всегда считал, что его атака, сыгравшая решающую роль в битве при Маренго, недостаточно вознаграждена, в частных беседах выражал недовольство тем, что умение, которое он проявил, ведя переговоры в Масейре, не получило должной оценки). Изгнание англичан из Португалии восстановило на Иберийском полуострове позиции французов, которые пошатнулись после капитуляции Дюпона при Байлене (19 июля 1808 года), хотя эта капитуляция и не имела решающего значения. Битва при Вимейро ослабила армию Жюно сильнее, чем он того ожидал. И хотя Жюно мог по-прежнему удерживать Лиссабон и центральную часть Португалии, тем не менее он был вынужден просить подкреплений, без которых не смог бы подавить движение повстанцев на севере и юге страны. Уход британцев в этот решающий момент позволил Наполеону сосредоточить свои силы против испанских армий, не отвлекая их на то, чтобы справиться с иностранным экспедиционным корпусом, который оказывал помощь местным армиям. Таким образом, Наполеону представилась реальная возможность завершить войну на Иберийском полуострове, избежав долгих лет напряженного противостояния, которое могло истощить ресурсы его империи и оказать негативное влияние на ход военных кампаний в других районах Европы.

Воистину серьезной проблемой, возникшей вследствие битвы при Вимейро, была та, с которой столкнулось британское правительство после возвращения потерпевших поражение экспедиционных сил. Тот факт, что сами участники экспедиции не считали себя побежденными, лишь усиливал давление на кабинет министров и ставил его перед необходимостью как можно быстрее

принять решение о том, как следует действовать в дальнейшем. Ни один из возможных вариантов не казался слишком привлекательным. Уйти с Иберийского полуострова, как того требовала оппозиция, и ждать другого удобного случая оказать противодействие Наполеону в каком-либо другом месте — значило бы отказаться от уже принятой политики оказания поддержки всем тем, кто сражался с французами, и опровергнуть собственные гарантии, уже предоставленные испанским и португальским лидерам. Британия располагала силами, необходимыми для возобновления войны на полуострове, причем не только теми, которые вернулись из Португалии, так и не высадившись на берег. Однако если решение возобновить боевые действия было принято без всяких сомнений, то конкретное место высадки оставалось под вопросом. Одним из возможных вариантов было оказание помощи испанцам посредством высадки в Кадисе, но не слишком дружелюбная реакция последних на предложение, уже сделанное Спенсером (еще до того, как он присоединился к Уэлсли), заставляла усомниться в целесообразности этой идеи. Оставалась возможность высадки в северной Испании, возможно, в Ферроле (где в 1800 году уже высаживалась экспедиция, которая закончилась безрезультатно), Корупье или Виго. Кроме того, можно было еще раз высадиться в Португалии, но в этом случае надо было действовать без промедления, а лучше всего — произвести высадку еще до того, как подкрепления позволили бы Жюно разбить силы португальцев, даже несмотря на то, что благоприятное для боевых действий время года уже подходило к концу. В связи с этим Уэлсли заметил, что по мере приближения зимы будет ухудшаться состояние дорог, армии потребуются зимние квартиры, а флот сможет оказать поддержку (и пополнять запасы армии) лишь в районе Лиссабона или Оporto.

Другой проблемой, с которой столкнулось правительство, был вопрос о назначении командующего новой экспедицией. Мур дал ясно понять, что он (весьма великодушно) отказывается от любых претензий на высшее командование в пользу Уэллесли, так как последний достиг успехов на ранних этапах минувшей кампании. Кроме

того, он считал, что если французы одержат победу в Испании, то поражение в Португалии не будет иметь никаких оправданий. Таким образом, Уэлсли мог ожидать того, что министерство может назначить его верховным командующим в случае, если будет санкционирован еще один рейд на территорию полуострова. Однако в этом случае его задача была бы гораздо более сложной, чем если бы Жюно проиграл битву при Вимейро и если бы не британцы, а французы были бы изгнаны из Португалии. Более того, чем дольше откладывалась бы высадка британских войск, тем больший урон нанесли бы французы испанским и португальским силам. Нельзя было не учитывать возможность второго и еще более тяжелого поражения британских сил, которое правительство уже не смогло бы выдержать. И даже если бы имелась возможность изгнать французов из Португалии, это потребовало бы таких усилий, которые значительно снизили бы возможности англичан немедленно оказать поддержку испанским силам, которые еще сражались против войск Наполеона. При сложившихся обстоятельствах, даже для того, чтобы удержать Португалию, потребовались бы годы изнурительной войны.

Такими были чреватые опасностями перспективы, с которыми столкнулось британское правительство. Курс, который был выбран, является официально зарегистрированным фактом, однако не вызывает сомнений то, что все сложилось бы совсем по-другому, если бы Жюно не был столь удачлив в битве при Вимейро.

В реальности

В основе такого развития событий лежат следующие предпосылки: 1) Перед битвой при Вимейро вместо ожидаемых подкреплений прибыл Баррард. 2) Жюно сумел собрать все силы и нанес главный удар по левому флангу англичан, что Нейпьер и рассматривал как единственно верное решение. Что касается оценок событий августа 1808 года, то их можно найти у сэра Уильяма Нейпьера и сэра Чарльза Оумэна — согласно данным, приведенным в примечаниях. Что касается итогов кампании, то

они изложены М. Гловером в книге «*Британия испытывает отвращение: сэр Артур Уэллсли и договор, заключенный в Кинтре*» (Лондон, 1970). Все цитаты, приведенные выше и указанные в примечаниях, являются подлинными и все они относятся к периоду битвы при Вимейро (за исключением высказывания Коббета, которое на самом деле было сделано в ноябре 1811 года), хотя не все они имели место именно при тех обстоятельствах, которые здесь изложены.

БИБЛИОГРАФИЯ

Fortescue, Sir John. A History of the British Army. London, 1910.

Gurwood, J., ed. Dispatches of Field-Marshal the Duke of Wellington. London, 1834—1838.

Leach, J. Rough Sketches of the Life of an Old Soldier. London, 1831.

Leslie, J.H. The Services of the Royal Regiment of Artillery in the Peninsular War. London, 1908.

Napier, Sir William. History of the War in the Peninsula. London, 1832.

Oman, Sir Charles. A History of the Peninsular War. Oxford, 1902—1930, reprinted London, 1995.

Schaumann, A.L.F. On the Road with Wellington. London, 1924, reprinted 1999.

Джон Г. Джилл

РЕШИМОСТЬ В БАВАРИИ: АВСТРИЙСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ 1809 ГОДА

Джон Г. Джилл является автором работы «Под сенью орла к славе: Наполеон и его германские союзники во время военной кампании 1809 года», а также редактором книги «Солдат Наполеона», которая представляет собой комментарии к письмам и дневникам лейтенанта баварской пехоты, воевавшего под знаменами Наполеона. Кроме того написал несколько статей о военных операциях эпохи Наполеона, о временном союзе стран революционной Европы, а также главу об атомной программе нацистов в книге «Выбор Гитлера», под редакцией Кеннета Макси. Автор главы о действиях германских союзников Наполеона в Испании, в книге «Война на Полуострове». В 1977 году получил степень бакалавра искусств в колледже Мидлбери (по двум дисциплинам: истории и немецкому языку), а в 1987 — году степень магистра искусств в университете Джорджа Вашингтона (по международным отношениям). Будучи подполковником армии США, получил назначение в Аналитический Отдел Министерства Обороны, где вступил

в должность офицера-эксперта по анализу обстановки в Южной Азии. Подполковник Джилл проживает в Александрии, штат Вирджиния.

В начале 1808 года монархия Габсбургов пребывала в плачевном состоянии. Пятнадцатилетняя цепь унижительных поражений, которые нанесли ей французы, привели к катастрофическому ухудшению положения этой династии в Европе. Австрийцы были изгнаны из Италии и Германии, Священная Римская Империя прекратила свое существование, Пруссия потерпела катастрофу, а Россия вступила в союз с Францией. Традиционных гарантий безопасности Вены больше не существовало. Австрия оказалась в изоляции и была на грани полной катастрофы. Угрозы исходили со всех сторон: французы угрожали из Италии, Германии и Силезии, а русские — со стороны Галиции. Поскольку австрийская армия еще только начала приходить в себя после катастрофической для нее войны 1805 года, а перспективы вступления с кем-либо в альянс сводились к нулю, старая монархия оказалась в полном одиночестве перед лицом французской угрозы и едва ли была способна хоть как-то повлиять на собственную судьбу.

В этой атмосфере незащищенности и тревоги неожиданное вторжение Наполеона на Иберийский полуостров весной 1808 года произвело самое тягостное впечатление. В Вене многие рассматривали внезапное лишение всех прав и тюремное заключение испанских Бурбонов как некое предзнаменование будущей судьбы австрийских Габсбургов. Однако решительный граф Йоганн Филлип Штадион, который был в то время министром иностранных дел старой монархии, считал, что затруднительное положение, в которое попала Франция, начав вторжение на Иберийский полуостров, могло предоставить Австрии единственную возможность вернуть все, что было утрачено за последние двадцать лет, и восстановить свое положение в Европе. Убежденный в том, что Бонапарт намерен уничтожить Австрию, как только уладит дела в Испании, Штадион нагнетал в столице Габсбургов атмосферу отчаяния, необходимости безотлагательных действий и огромной

опасности, нависшей над Австрией. И когда затруднительное положение французов на Иберийском полуострове уже ни у кого не вызывало сомнений, он выдвинул идею превентивной войны, которая должна была бы предотвратить ожидаемую угрозу. Под влиянием Штадиона и активной фракции сторонников войны монархия Габсбургов изменила политический курс и пошла на конфронтацию с Наполеоном. Начиная с осени 1808 года Австрия, благодаря усилиям Штадиона, уже не могла избежать участия в наступательной военной кампании против Наполеона, которая должна была начаться весной следующего года.

Австрийская армия

Армия, которая должна была осуществить это наступление, была, пожалуй, лучшей из всех, какие только сражались под знаменами Габсбургов в эпоху наполеоновских войн. В течение восьми лет в Австрии периодически проводились военные реформы, которые улучшили возможности армии отражать выпады воинственной Франции и приспособили ее к изменившейся тактике ведения войны.

Наиболее заметным изменением в структурной организации войск было введение системы корпусов. Если прежде боевые порядки состояли из крыльев, линий и колонн, то в 1809 году войска впервые были разделены на девять регулярных корпусов, приблизительно равных по боевой мощи. Их поддерживали два резервных корпуса, в состав которых входила тяжелая кавалерия и гренадеры. В тактическом отношении новый строевой устав служил основой для расширения возможностей пехоты действовать подвижно, вести перестрелку и оказывать противодействие кавалерии. Кроме того, высшее командование предприняло меры для повышения морального духа войск, сделав военную службу более привлекательной: был сокращен срок службы, ограничены телесные наказания и расширены взаимные обязательства между солдатом, его полком и его императором.

Однако эти реформы не были частью единого плана, и многое из того, что они могли бы дать армии, было

утрачено в результате их непоследовательного осуществления. Так, большинство австрийских генералов уклонялось от введения корпусной системы, поскольку она, хотя и предоставляла независимость, по в то же время и требовала от них инициативы. Более того, во время спешной военной мобилизации, которая развернулась в первые месяцы 1809 года, не было времени посредством учений и маневров ближе ознакомить командующих и их штабы с новой структурной организацией. Традиционно слабым местом австрийской армии по-прежнему оставались слишком медленные оперативные действия корпусов и дивизий. Проблему усугубляли «бесконечная писанина», которой требовало командование Габсбургов, а также административная рутина. Тактические преимущества, которые предлагали реформы, также не были полностью реализованы. Такие тактические новинки, как боевые действия небольших отрядов стрелков, которые умело ведут ружейный огонь по противнику (это мастерство играло важнейшую роль в тактической подготовленности низших чинов), задохнулись под прессом строевых уложений австрийской армии. Один прусский доброволец с горечью замечал: «*В австрийской армии нет ни одного подразделения, которое было бы специально предназначено для ведения боевых действий в расчлененном строю*»¹.

Командующим армией и автором всех реформ был эрцгерцог Карл. Младший брат кайзера Франца, тридцативосьмилетний Карл был умелым, храбрым и опытным воином. Впервые он принял участие в боевых действиях в 1792 году, а с 1796 по 1805 гг. командовал главными силами Австрии, успешно действуя против французов. Правда, его противниками были не самые выдающиеся генералы Франции. Кроме того, он был достаточно известен как военный теоретик. Публикуя свои работы и финансируя специальный военный журнал, Карл пытался повысить образовательный уровень офицерского корпуса австрийс-

¹ Георг Фрейер фон Валентини, *Versuch einer Geschichte des Feldzugs von 1809 an der Donau*, 2-е изд. (Берлин, 1818), сс.282–283.

кой армии. Однако в своих теоретических изысканиях, как, впрочем, и в практических действиях на поле боя, он редко выходил за привычные рамки военной мысли восемнадцатого столетия. Его подход к ведению боевых действий отличался нерешительностью, неуверенностью и чрезмерной осторожностью во всем. Несмотря на личную храбрость, опыт, ум и преданность династии, Карлу не хватало того, что Клаузевиц называл «священным пылом». Его всегда в большей степени беспокоило то, как избежать поражения, нежели то, как напрягая все свои силы, вырвать у врага победу. Армия, которой теперь командовал Карл, хотя и была лучше подготовлена к войне, чем раньше, однако имела значительные недостатки, которые в ходе предстоящей кампании будут серьезно препятствовать успешным действиям австрийцев.

Зная о недостатках своей армии, Карл сначала боролся против возобновления борьбы с Наполеоном. Но Штадион оставался непреклонным. Он убедительно доказывал, что Австрии на кратчайший миг представилась уникальная возможность действовать и что необходимо нанести упреждающий удар, пока Наполеон еще не разбил Испанию и не устремил свой взор на Дунай. *«Мы должны предвидеть опасность и, не дожидаясь реализации планов Наполеона, выбрать самый удачный момент для того, чтобы раз и навсегда внести ясность в наши напряженные отношения с Францией»*, — призывал он высших сановников монархии¹. И хотя в период с осени 1808 года по январь 1809 кайзер испытывал колебания, тем не менее настойчивость Штадиона постепенно сломила его сопротивление. На совещании, которое состоялось 8 февраля 1809 года, было наконец принято решение в пользу начала военных действий. Карл, который в очередной раз находился в состоянии глубокого пессимизма, скорее был среди противников войны, нежели среди ее сторонников. Он уныло твердил: *«Я не голосовал за войну. Пусть те, кто принял это решение, возьмут на*

¹ Цитата из меморандума Штадиона от 12 октября 1808 года.

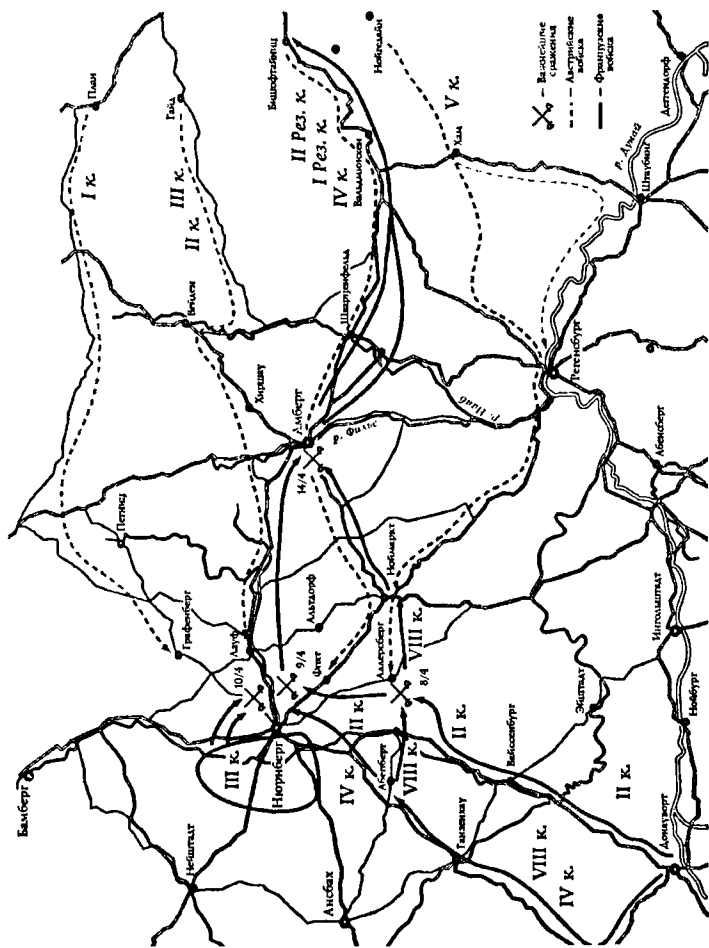
себя всю ответственность»¹. Однако несмотря на его весь его пессимизм, во все концы монархии вскоре помчались курьеры с приказами для армии начать подготовку к новой войне с Францией.

План Майера

Человеком, который отвечал за план операций австрийской армии, был генерал-майор Антон Майер фон Гельденсфельд — генерал-квартирмейстер Карла. Испытывая чувство собственной исключительной значимости, он в отношениях с Карлом иногда переходил грань дозволенного и вел себя попросту нагло. Работать с Майером было не просто, но в то же время это был энергичный и умный солдат, который никогда не забывал о мелочах и обладал значительным боевым опытом. Согласно общим указаниям, которые получил Майер, на первом этапе австрийская армия должна была разбить Рейнскую армию маршала Николя Даву, которая находилась в центральной Германии. Кроме того, в южной Германии следовало атаковать войска французов и их союзников, входящих в состав Рейнского союза (Рейнбунд). Во время боевых действий следовало оказывать поддержку повстанческим движениям в тех германских государствах, которые считались наиболее нелояльными по отношению к французам и которые могли перейти на сторону Австрии. В случае успеха первый этап войны должен был закончиться полным разгромом Даву. Австрийская армия должна была занять центральную позицию вдоль реки Неккар и нижних притоков Рейна еще до того, как Наполеон сможет направить из Франции значительные подкрепления.

Майер, считавший главным объектом австрийского наступления армию Даву, разработал свой план так, чтобы на главном театре боевых действий, которым была центральная Германия, оказалось как можно больше австрийских войск. Поэтому он сосредоточил пять из девяти регулярных корпусов (с I по V), а также оба резервных корпуса (127 000 человек) в Богемии. Эти силы должны были

¹ Карл — Майеру, из воспоминаний последнего.

Военные действия в Баварии, 1809.

двигаться в направлении Нюрнберга. Еще два регулярных корпуса (49 800 человек) должны были сосредоточить свои силы южнее Дуная, VI корпус — вдоль течения реки Инн, а VIII корпус — в районе Зальцбурга. Кроме того, была надежда на то, что Пруссия вступит в союз с Австрией и уже на первом этапе войны направит в район боевых действий 40 000 своих войск¹.

Майер разработал также планы операций на второстепенных направлениях. На восток он направил VIII корпус, который, сосредоточившись в районе Кракова, должен был войти в Польшу и, разбив армию Великого Герцогства Варшавского, вывести последнее из войны, что, безусловно, должно было склонить Пруссию к вступлению в союз с Австрией. На юг он направил IX корпус, который должен был сосредоточить свои силы в районе Клагенфурта и Лайбаха — с тем чтобы обеспечить безопасность границы с Италией и способствовать захвату южных районов Тироля.

Реакция французов

В далекой Испании Наполеон внимательно следил за военными приготовлениями австрийцев. В январе 1809 года, когда намерения Вены уже не вызывали сомнений, он отдал приказ о мобилизации сил своих германских союзников и поспешил в Париж, чтобы лично осуществить контроль за приготовлениями, которые, как он надеялся, не позволят Австрии начать войну. Вскоре хлынул целый поток приказов, адресованных командующим армиями, министрам и послам, направлены ноты русскому царю, отдан приказ о наборе призывников, двинулись в поход отдельные полки, и так далее и тому подобное.

Столь интенсивные меры были просто необходимы для того, чтобы противопоставить австрийскому наступлению хотя бы равные силы французов, так как основ-

¹ Все приводимые цифры, показывают лишь количество пехоты и кавалерии (т.е. не учитывают численность личного состава артиллерийских, инженерных и прочих подразделений).

ная часть ветеранов Наполеона находилась в Испании. Помимо нехватки войск, положение осложнялось разбросанностью имевшихся в распоряжении Бонапарта сил. Наполеон спешно приступил к их сосредоточению, однако в середине марта французские войска и батальоны их германских союзников все еще были рассеяны на широком пространстве между Ганновером и Страсбургом. Из пяти корпусов, которые были направлены в южную Германию, лишь II французский, VII баварский и VIII вюртембергский (общей численностью приблизительно 55 000 человек) находились в полной боевой готовности, сосредоточив свои силы южнее Дуная. Соединения IV корпуса ветеранов (33 700 чел.) под командованием маршала Андре Массена были растянуты на дорогах, ведущих из Страсбурга в Ульм, а ядро армии — огромный III корпус (61 300 чел.) под командованием Даву — еще только начинал сосредоточивать свои силы в районе Бамберга. Однако Наполеона это не особенно беспокоило. Хотя он и был вынужден принять срочные меры, направленные на усиление и сосредоточение своих войск в Германии, тем не менее он считал, что времени на подготовку еще вполне достаточно. 27 марта начальник штаба Наполеона маршал Александр Бертье писал Даву: *«Его Величество все еще придерживается мнения, что австрийцы будут готовы лишь в конце апреля»*. Но Наполеон недооценил своего врага. Австрийцы вошли в Баварию уже на следующий день.

Решение начать наступление 28 марта 1809 года было принято австрийцами лишь после долгих и острых споров. В основе разработанного Майером плана операций лежали два предположения. Во-первых, Майер надеялся обнаружить главные силы французов в Тюрингии и северной Баварии. Во-вторых, как уверял Майер, Пруссия должна была вступить в союз с Австрией и предоставить для ведения боевых действий в Центральной Германии по меньшей мере 40 000 солдат. В данных обстоятельствах сосредоточение главных сил на центральном участке театра военных действий, в Богемии, давало Австрии наибольшую свободу стратегического маневра.

Однако к середине марта стало ясно, что эти предположения не имели ничего общего с действительностью. По сведениям разведки, французы сосредоточивали свои силы в районе Дуная и даже еще южнее (это были войска Массены, Удино и два корпуса германских союзников Наполеона), а в ноте министра иностранных дел Пруссии деликатно сообщалось, что король Пруссии *«считает разрыв между Австрией и Францией несчастьем для всей Европы, а особенно — для Германии»*¹. Пруссия не вступила в союз с Австрией. Эти новые обстоятельства дали основания соперникам Майера в верховном командовании австрийской армии потребовать внесения существенных изменений в предложенный им план. Суть этих изменений сводилась к тому, что основные силы армии следовало сосредоточить южнее Дуная и начать наступление, форсировав Инн. Майер был крайне раздражен таким чрезмерно осторожным и, как он считал, даже малодушным планом. Он признавал, что наступление вдоль Дунайской долины предоставит армии возможность двигаться по хорошим дорогам, а тыл основных сил будет постоянно прикрывать IX корпус, дислоцированный на границе с Италией. Кроме того, в этом случае, армия будет находиться в самой выгодной позиции для того, чтобы отразить возможный контрудар французов в направлении Вены. Однако в ходе неоднократных совещаний он настойчиво убеждал в необходимости заставить французскую армию врасплох и нанести удар, пока ее силы еще разрознены. Наступление из Богемии, хотя и более рискованное, позволило бы армии Габсбургов разбить силы Даву, разбросанные к северу от Дуная, еще до того как французские войска, расположенные к югу от реки, смогли бы прийти Даву на помощь. Когда Карл заявил, что *«кампанию следует начать без промедления и нанести решительный удар всеми силами»*, стало ясно, что на этот раз возобладало мнение Майера. Более того, было решено нанести удар по французам, не дожидаясь, пока они со-

¹ Министр иностранных дел Пруссии — послу Австрии, 13 марта 1809 года, цитата заимствована из книги Адольфа Беера *Zehn Jahre Oesterreichischer Politik*.

средоточат все свои силы, даже если австрийская армия еще не будет полностью готова к наступлению. Это решение вызвало тревогу у осторожных командующих корпусами, которые заявляли, что *«основные соединения армии еще не готовы к боевым действиям»*. Они утверждали, что 54 000 солдат, в число которых входила основная масса легких сил армии, все еще находятся в пути, следуя к местам дислокации своих полков. Кроме того, еще не было налажено тыловое обеспечение (склады не были заполнены достаточным количеством оружия и обмундирования, а в обозах не хватало лошадей и необходимого снаряжения), часть артиллерии до сих пор не прибыла к местам дислокации, а количество боеприпасов пока еще было явно недостаточным. Тем не менее план Майера был одобрен, и 20 марта воинство Габсбургов, покинув места расквартирования в центральной Богемии, двинулось на запад, заполнив все дороги, ведущие к границам Баварии.

Атака австрийцев

Французская разведка почти сразу же заметила движение австрийской армии. 21 марта полковник Андрэ Шарль Меда, командир 1-го стрелкового полка, докладывал, что *«корпус, расквартированный в районе Пилзена, Зааца, Праги и Клаттау, движется в направлении границы»*¹. Даву, отправив этот доклад вместе с целым рядом других аналогичных сообщений в Париж, начальнику штаба Бертье, приказал своим передовым постам усилить бдительность: *«Попытайтесь вести ближнее наблюдение, а ночью держите лошадей оседланными»*. Баварцы, которые занимали позиции вдоль течения реки Инн, также заметили движение австрийцев. В докладе от 27 марта командующий VII баварским корпусом маршал Франсуа Лефевр сообщал о том, что наблюдал *«значительные запасы фуража и большие стада рогатого скота в районе Вельза, а также 20 хлебопекарен, которые работали день и ночь...»*

¹ Сообщение полковника Меда, цитируемое в книге Делфина Шарля Ора «1-й Стрелковый Полк» (Шатодюн, 1903), с. 119.

Многие подразделения движутся в направлении Зальцбурга». Той же ночью встревоженный полковник Меда спешно отправил к маршалу Даву гонца: «Ваша Милость, имею честь направить вам сержанта-курьера, который везет декларацию об объявлении войны... Я подниму свои передовые посты и сообщу об этом всем подразделениям». Вскоре, разбрызгивая весеннюю грязь и не обращая внимания на дождь и снег, в Париж помчались курьеры, которые везли своему императору важные новости. Наполеон, получив эти сообщения 30 марта в 9 часов вечера, холодно заметил: «Они перешли Инн — это война», и стал диктовать приказы. Спустя восемь часов он и его штаб уже были в пути, направляясь в Германию.

Когда Наполеон получал сведения о неожиданном вторжении Австрии, армия эрцгерцога медленно входила в Баварию. Основные силы армии, которые находились под непосредственным командованием Карла, разбившись на четыре большие колонны, шли на запад по труднопроходимым горным дорогам Богемии. Самым северным маршрутом следовал I корпус, который двигался из Плана в направлении Пегница, прикрывая правый фланг армии. Следующая колонна — II и III корпуса — двигались из Гайда через Амберг в направлении Лауфа. Покинув места дислокации в районе Бишофтайнирц и Престич, IV корпус и два резервных корпуса также шли на Амберг, но затем должны были повернуть на юго-запад и следовать в направлении Ноймаркт-ин-дер-Оберпфальц. Но самая ответственная задача выпала на долю V корпуса, который должен был действовать на южном участке театра военных действий. Этому корпусу надлежало в полном одиночестве двинуться из Нойгедайна через Хам на Регенсбург, оставляя заставы вдоль течения Дуная вплоть до Штраубинга, а также гарнизон в Регенсбурге. Затем корпусу следовало повернуть на северо-запад — к Ноймаркту — и прикрывать левый фланг основных сил армии. Первая фаза наступления должна была завершиться соединением всех четырех колонн в районе Нюрнберга, где Карл надеялся дать сражение и разбить отрезанный от других сил корпус Даву.

В то время как Карл вел свои 127 000 солдат к Нюрнбергу, VI и VIII корпусам общей численностью 49 800 человек надлежало очистить от войск противника все пространство между Дунаем и Тиродем и ввести французов в заблуждение относительно намерений австрийской армии. Карл надеялся, что эти два корпуса под командованием начальника VI корпуса фельдмаршал-лейтенанта Йоганна Гиллера свяжут франко-баварские войска южнее Дуная и не позволят им прийти на помощь корпусу Даву. Первые несколько дней все складывалось удачно для Карла. Когда Наполеон 31 марта выехал из Парижа, австрийцы, отбросив заслоны французской и баварской легкой кавалерии, подходили к Амбергу и Регенсбургу. Однако уже появились серьезные трудности. Хотя война продолжалась всего четыре дня, тыловое обеспечение армии было на грани срыва. Многочисленные обозы застряли на узких горных дорогах Богемии, задерживая движение боевых частей арьергарда. Постоянный дождь, порой переходящий в снег, создавал дополнительные зазоры на главных маршрутах движения колонн, и командующие корпусов умоляли дать войскам день отдыха, чтобы солдаты могли отремонтировать обувь и привести в порядок снаряжение. Боевой дух армии заметно упал. Идя навстречу просьбам своих подчиненных, Карл 31 марта дал войскам день отдыха и, чтобы восстановить боевой дух армии, приказал выдать каждому солдату пол-литра вина, однако эти добрые намерения привели к прямо противоположным результатам, когда стало ясно, что выдавать солдатам нечего, так как повозки с вином все еще находились на восточных склонах Богемских гор¹. Кроме того, в каждом корпусе росло число заболевших солдат, оно доходило уже до семи процентов от общей численности личного состава. Привычка австрийцев оставлять небольшие отряды по всему маршруту движения также уменьшала количество штыков и сабель, имевшихся в распоряжении главных сил армии.

¹ История с вином действительно имела место, когда австрийцы, которые 10 апреля перешли границу, 13-го числа остановились для отдыха.

К счастью для Карла, силы корпуса Даву были слишком рассеяны, чтобы оказать серьезное сопротивление. Однако интенсивность перестрелок с французскими арьергардными частями усилилась, когда в результате медленного, но упорного продвижения австрийцев на запад три северные колонны в ночь на 7 апреля оказались на расстоянии двадцати километров от Нюрнберга. Однако на левом фланге V корпус эрцгерцога Людвиг отставал. Согласно полученным указаниям, молодой Людвиг оставил в Регенсбурге гарнизон, который состоял из бригады неполного состава (два батальона пехоты, эскадрон кавалерии и батарея артиллерии). Оставив на подходах к Регенсбургу еще один отряд, он, повернув на северо-запад, вышел на шоссе, ведущее в Нюрнберг. Ужасная погода и постоянное беспокойство, вызванное тем, что его левый фланг не был прикрыт, замедляли движение колонны, которая подошла к Бернгау (что в шести километрах к юго-западу от Ноймаркта) лишь поздно вечером 7 апреля. В результате всех этих задержек ближайšie соседи V корпуса в тот вечер были удалены от него на двадцать километров. Так, IV корпус находился в районе Фохта, а подразделения обоих резервных корпусов растянулись по дороге, ведущей в Амберг.

В ту ночь забрызганный грязью курьер доставил Карлу, который находился в Лауфе, новости от Гиллера. Как и Людвиг, Гиллер докладывал об ужасной погоде, измотанности войск, отставании тылов и неопределенности в отношении действий противника. Эти обстоятельства не позволили двум его корпусам вовремя достичь запланированной цели. Однако Гиллер решил не упоминать ни о том, что его кавалерия не сумела собрать надежных сведений о противнике, ни о том, что он оставил по пути следования множество отрядов. Один историк назвал эти действия Гиллера «оперативным беспокойством».¹ Тот же историк считал, что действия Гиллера совершенно

¹ Бицдер фон Кригельштейн, говоря о беспокойстве австрийцев в отношении безопасности монархии, приводит термин «стратегическая обеспокоенность».

не соответствовали выполнению поставленной перед ним задачи — очистить южный берег Дуная от войск противника и прикрыть границы монархии. Как заметил один офицер штаба, фельдмаршал *«пробирался по территории противника как в тумане»*. Нет нужды говорить о том, что войска Гиллера двигались очень осторожно и чрезвычайно медленно.

Перед самым рассветом 4 апреля Наполеон выбрался из своей коляски и ступил на мощный тротуар Донауворта. Он уже продумал свой стратегический план. В случае задержки австрийского наступления он бы использовал Регенсбург в качестве главной отправной точки своих операций и отрезал бы армию противника от баз снабжения в Богемии. Хотя в результате неожиданного вторжения австрийцев Регенсбург оказался вне пределов досягаемости французов, идея изоляции армии Карла от Богемии продолжала оказывать влияние на аналитические построения Наполеона. Об этом свидетельствовали приказы, которые он отправлял по пути в долину Дуная. Еще из первых сообщений Даву и Лефевра было понятно, что подавляющая масса армии противника движется на Нюрнберг и что к югу от Дуная Карл оставил лишь символические силы. Поэтому еще 2 апреля в Страсбурге император дал указание II, IV и VIII корпусам соединиться в районе Донауворта и приказал дивизионному генералу Бомону немедленно выступить из Страсбурга и двигаться со своей дивизией, в состав которой вошли только что сформированные драгунские полки, в Аугсбург. В результате Наполеон к своему удовольствию обнаружил, что вюртембергцы уже заняли позиции севернее Дуная, а вскоре ему сообщили, что IV корпус Массены и II корпус дивизионного генерала Николя Шарля Удино должны прибыть к месту назначения в этот же день.

Эти три корпуса вместе с кавалерией, общей численностью 55 000 человек, Наполеон планировал бросить против левого фланга Карла, тогда как Даву надлежало противостоять основным силам австрийцев в центре. VII корпус Лефевра должен был сдерживать превосходящие силы Гиллера, но мог и отступить в крепость Аугсбург или отойти севернее Дуная в том случае, если австрийцы

будут действовать энергично, что было маловероятно. Неопытные драгуны Бомона должны были присоединиться к французским войскам, занявшим позиции к югу от Дуная. Кроме того, Наполеон спешно направил офицеров во все концы Рейнбунда — собрать все воинские части вплоть до последнего солдата. X корпусу его брата Жерома надлежало оставаться в северной Германии, чтобы не допустить беспорядков среди местного населения. Вестфальская дивизия в Меце, французская дивизия в Ганновере, саксонский IX корпус в Дрездене и воинские части малых германских государств (31 000 чел.) вскоре походным маршем двинулись в Баварию.

Тем временем Наполеон отправил Даву послание, в котором ознакомил его с общим планом действий и дал указание по возможности не вводить в сражение одну из дивизий многочисленного III корпуса. Приведя свою армию в движение, он отправился инспектировать фортификационные сооружения, встречаться с командирами корпусов и принимать восторженные приветствия батальонов Массены, переправлявшихся через бурный Дунай. *«Через месяц мы будем в Вене»*, — заверил он солдат¹. 5 апреля в 2 часа ночи эти солдаты и их император двинулись ускоренным маршем на Нюрнберг.

Битва при Аллерсберге

В субботу 8 апреля рассвет, по словам одного ветерана, был *«тоскливым, холодным и дождливым»*. Для австрийских солдат V корпуса эрцгерцога Людвига это означало еще один малоприятный дневной переход под морозящим дождем в направлении Аллерсберга, а затем — на северо-запад, к Нюрнбергу. Они надеялись, что либо в деревне, либо в городе им все же удастся отдохнуть хотя бы с минимальными удобствами. Однако когда передовые части корпуса, которыми оказались подразделения Кинмайерского гусарского полка, проходили через Аллерсберг, то на холмах к югу от деревни они заметили французскую

¹ Цитата из речи перед вюртембергскими войсками, произнесенной Наполеоном 20 апреля 1809 года.

легкую кавалерию. Батарея конной артиллерии австрийцев открыла огонь по противнику, а гусары, быстро построившись в боевой порядок, погнались за слишком любопытными французами. Взобравшись на вершину ближайшего холма, австрийские всадники увидели колонны французской пехоты, которые спешно двигались по дороге из Гильпольтштейна. Это была передовая бригада корпуса Удино, которая 5 апреля выступила из Донауворта и ускоренным маршем двинулась по Вайссенбургской дороге. Вскоре австрийской пехоте пришлось вступить в довольно жаркий, хотя и малоуправляемый бой, который медленно разворачивался на поросших деревьями склонах холмов. По мере подхода новых подразделений французской пехоты Удино вводил их в сражение, которое развернулось на его правом фланге, расширяя цепь стрелков, которая все дальше и дальше уходила на восток. Людвиг и его советники поступали аналогичным образом. Поскольку около 5000 солдат и две батареи были оставлены на дорогах между Ноймарктом и Регенсбургом, V корпус располагал лишь 18 000 солдат, которые могли участвовать в этом сражении. Только этими силами могли воспользоваться австрийцы для того, чтобы сдержать горячих, хотя и неопытных французов. Битва закончилась бы ничем, если бы около трех часов дня на правом фланге Людвига внезапно не появился вюртембергский корпус дивизионного генерала Доминика Вандамма. К этому времени австрийский военачальник уже ввел в бой с Удино большинство своих войск, и его слабый правый фланг стал быстро разрушаться под внезапным натиском вюртембергцев. Пока начальник штаба V корпуса делал отчаянные попытки перебросить несколько батальонов на правый фланг, бригада легкой пехоты вюртембергского корпуса прорвалась в центре, угрожая разрезать корпус Людвига на две части. Когда на пересеченной лесистой местности подразделения V корпуса полностью утратили взаимодействие, отступление австрийцев быстро превратилось в паническое бегство. Лишь наступившая ночь и плохая координация действий Удино и Вандамма спасли V корпус от полного уничтожения. Потери австрийцев превысили 5 000 человек, а французов и вюртембергцев

составляли не более 1200. Неожиданная атака вюртембергцев и последовавшее за ней беспорядочное отступление сломили моральный дух V корпуса, который в большом смятении отошел к Ноймаркту.

Битва при Аллерсберге оказала большое моральное воздействие на обе армии. Для французов и их германских союзников она стала еще одним подтверждением военного гения Наполеона и прелюдией к еще более крупным победам. Они ясно почувствовали, что инициатива перешла в их руки. Что касается войск Габсбургов, то они были глубоко потрясены поражением V корпуса и тем, что теперь Наполеон лично будет командовать армией, сражающейся с ними. Австрийцы, несомненно, были подавлены и сломлены, а ситуация начиная с 8 апреля стала все больше оборачиваться в пользу французов.

8 апреля, уже когда стало темнеть, на поле битвы прибыл Наполеон.

Проскакав вдоль строя ликующих вюртембергцев, он поздравил их, а также командира корпуса, а затем отправил их в сырую ночь продолжать преследование корпуса Людвига. Согласно его плану 9 апреля Вандамму надлежало завершить уничтожение V корпуса, а Удино должен был вместе с 3-й дивизией тяжелой кавалерии присоединиться к войскам Массены и 2-й дивизии тяжелой кавалерии, для того чтобы нанести удар по левому флангу главных сил Карла в районе Нюрнберга.

Решающее противостояние

8 апреля, когда Карл пытался сосредоточить силы своей армии для решительного удара, I и II австрийские корпуса в районе Нюрнберга периодически вступали в перестрелку с войсками Даву. Однако в течение этого дня, по мере того как сражения, развернувшиеся в районе Аллерсберга, приобретали все большую значимость, Карл направил в район Ноймаркта для поддержки Людвига сначала III корпус, а затем и два резервных корпуса. Поздно вечером, когда катастрофа, постигшая V корпус, уже не вызвала сомнений, эрцгерцог, в надежде восстановить контакт с чрезмерно растянувшимся

левым флангом, приказал IV корпусу на рассвете выступить в южном направлении.

Эти распоряжения Карла оказали самое непосредственное воздействие на ход сражений, развернувшихся в окрестностях Нюрнберга 9 и 10 апреля. Во-первых, направив III корпус и два резервных корпуса на помощь разбитым войскам Людвига, командующий австрийской армией расплыл свои силы, фактически исключив участие этих корпусов в предстоящей битве. Во-вторых, его распоряжения, отданные IV корпусу, привели к тому, что 9 апреля этому соединению пришлось вступить во встречный бой с наступающими силами французов. На самом деле австрийцам вполне мог бы сопутствовать успех, если бы они действовали по заранее подготовленному плану, выбрав для себя благоприятную позицию. Вместо этого они серьезно осложнили свое положение, не сумев избежать битвы с более подвижными силами французов, что требовало применения тактики расчлененного строя и высокой степени оперативной гибкости.

Таким образом, 13 000 солдат фельдмаршала-лейтенанта Франца Розенберга оказались в весьма затруднительном положении, когда 9 апреля, после полудня они лицом к лицу столкнулись с 17 000 солдат Удино. И все же австрийцы держались, пока авангард Массены не ударил по их правому флангу. Отброшенный назад, корпус нес тяжелые потери, отражая яростные атаки кирасирской дивизии Удино. Только благодаря самоотверженным контратакам гусар Виисента Шеволегерса и Стипшича, Розенбергу, уже под покровом темноты, удалось вывести из боя свои разбитые батальоны и отойти на север, где ему могли оказать поддержку I и II корпуса австрийской армии.

Наступила холодная ночь, во время которой продолжалась ружейная перестрелка. Наутро Наполеон приказал II и IV французским корпусам атаковать новые позиции австрийцев. Три корпуса Карла были развернуты восточнее Нюрнберга. Позиция австрийцев напоминала букву L. I корпус находился справа (к северу), II корпус располагался на самой вершине, а ослабленный IV корпус Розенберга занимал наиболее уязвимый левый фланг.

Хотя атака французов развивалась достаточно медленно, их постоянно усиливавшийся натиск принуждал Карла неоднократно перебрасывать подразделения правого фланга для укрепления ослабевших сил Розенберга. Наполеон, находясь в расположении многочисленного корпуса ветеранов Даву, который практически не принимал участия в сражении, наблюдал за ходом битвы. Вскоре после полудня подразделения I Резервного корпуса австрийской армии, выполняя приказ Карла, начали появляться на дороге, ведущей из Альтдорфа. Удино был вынужден приостановить атаку на подразделения Розенберга, чтобы отразить эту новую угрозу. Хотя позиция австрийской армии оказалась не столь безнадежной, как рассчитывал Наполсон, он решил, что ждать больше нельзя, и ввел в бой две дивизии левого фланга Даву. Устремившись вперед под свинцовыми облаками апрельского неба, 21 000 превосходных солдат, входивших в состав дивизий генералов Шарля Морана и Луи Фриана, обрушились на поредевший строй I корпуса генерала кавалерии Генриха графа Бельгарда. Некоторое время австрийцы держались, но их положение было уже безнадежным. Вскоре их строй прогнулся и начал разрушаться. Тогда Даву бросил в бой 3-ю дивизию и 3000 «железных всадников» из состава 2-й дивизии тяжелой кавалерии II корпуса. Выдержать этот натиск австрийцам было уже не под силу, и их оборона рухнула. Когда сумерки сменились ночной мглой, дорога на Амберг была забита дезорганизованными толпами австрийцев, в панике бегущих на восток.

К счастью для Карла, III австрийский корпус под командованием фельдмаршала-лейтенанта Фридриха Франца Фюрста Гогенцоллерна-Гехингена подходил из Лаутерхофена. В течение последующих трех дней, вступая в жаростные арьергардные схватки с противником, солдаты Гогенцоллерна храбро прикрывали отход разбитой армии (I, II, IV корпуса), которая следовала по дороге Лауфто — Амберг. В это же время V корпус и резервный корпус отходили по дороге Ноймаркт — Амберг, преследуемые Удино, Вандаммом и 3-й дивизией тяжелой кавалерии. Теперь Карлу было уже не до броска на Рейн. Чтобы спасти армию, он решил оказать сопротивление у

Амберга. Эта местность была ему хорошо знакома, поскольку еще в 1796 году он одержал здесь одну из своих побед. Пребывая в отчаянии, он сообщал кайзеру: *«Поскольку половины армии больше не существует, у меня нет другого выхода, кроме отступления в Богемию»*. Карл убеждал, что ради сохранения монархии необходимо как можно быстрее заключить мир¹.

Благодаря упорству, с которым III корпус продолжал вести арьергардные бои, Карл смог перегруппировать остатки армии и занять позиции севернее и западнее Амберга. Он надеялся задержать преследовавших его армию французов, вступив с ними в оборонительное сражение, тем самым предоставив своему громоздкому обозу возможность уйти через труднопроходимые ущелья в Богемию. Обеспечив безопасность своих обозов, армия могла бы затем с боями выйти из Баварии и, оказавшись по ту сторону гор, восстановить свою мощь. К несчастью для Карла, его планы были сразу же разгаданы. 13 апреля, когда измотанные постоянными арьергардными боями войска Гогенцоллерна уже подходили к Амбергу, бригада генерал-майора Людвиг Тьерри сбилась с пути. Авангард Массены застал австрийцев врасплох, и когда на отступающее каре обрушилась баденская и гессенская легкая конница, оборона Тьерри рухнула. В ходе настоящей травли спасавшихся бегством австрийцев был взят в плен сам Тьерри и более тысячи его солдат, затем была рассеяна и значительная часть бригады генерал-майора Николаса фон Кайзера. Погоня продолжалась вплоть до Кармензольдена (это всего в пяти километрах западнее Амберга), где II корпус австрийской армии остановил увлекшиеся погоней и уже не соблюдавшие боевого порядка отряды преследователей.

Тем временем остальные подразделения армии Наполеона подошли к полю битвы. В сумерках французские войска выстроились в виде полукруга, охватив Амберг с севера и запада: Удино — в районе Уллерсберга, вюртембергцы Вандамма — южнее Аммерталя, Массена — в рай-

¹ Перефразированная цитата из подлинного письма, которое Карл написал кайзеру 23 апреля 1809 года.

оне Зибенайхена, а корпус Даву — в лесном массиве севернее и северо-восточнее Трасслберга. Тем же вечером, составляя распоряжения, Наполеон написал: «Я намерен окончательно уничтожить армию принца Карла сегодня или самое позднее завтра»¹.

Что касается австрийцев, то холмистая местность и необходимость контролировать дороги, проходящие через Амберг, принудили Карла занять невыгодную для обороны позицию. Он сосредоточил I корпус Бельгарда на правом фланге, восточнее Фильса, поручив ему охранять северные подходы к Амбергу; II корпус он поставил в центре, между Фильсом и Аммербахом; V корпус расположился на открытых склонах холмов, растянувшихся на левом фланге; оба резервных корпуса заняли позиции в низине, южнее Амберга. Ночью он отослал назад измотанные в боях III и IV корпуса, которым поручил обеспечить безопасность переправы через реку Нааб в ходе предстоящего отступления.

Наполеон планировал начать битву ударом II корпуса по левому флангу австрийцев, препятствуя отступлению Карла и принуждая его ввести в бой резервы еще до того, как в сражение вступят VIII, IV и III корпуса французской армии, которые один за другим будут наносить удары по позициям австрийцев. Утром новобранцы Удино, стряхнув иней со своих шинелей, второпях перекусив и сделав глоток коньяка, двинулись вперед. Вскоре разгорелся яростный бой за деревни Ленгенлох и Гайлох. Французы захватили часть Гайлоха, но, несмотря на свою храбрость, не смогли взять всю деревню. К полудню стало ясно, что атака Удино захлебнулась, а резервы австрийцев так и не были введены в бой. Чтобы не дать австрийской армии уйти и уничтожить ее в одном сражении, Наполеон спешно направил офицеров штаба в три корпуса, еще не вступивших в сражение, с приказом немедленно атаковать. Около часа дня пять французских пехотных дивизий при поддержке 2-й дивизии тяжелой кавалерии ударили в центр позиции австрийцев. Одновременно с ними

¹ Цитата из записки, которую Наполеон отправил Даву 22 апреля 1809 года.

4-я дивизия Даву и бригада легкой кавалерии, развернувшись широким фронтом, двинулись на восток, атакуя правый фланг австрийцев в долине Крумб. Чтобы обеспечить мощный резерв, Наполеон сосредоточил силы 1-й дивизии Даву и корпуса Массены, а также 1-ю дивизию тяжелой кавалерии в долине Фильс, в районе Трасслберга — Швайгхофа.

Французам сразу же удалось взять Шюфлах и Аммерсрихт, но когда они подошли к основным позициям I и II австрийских корпусов, их атака уже утратила свою мощь. В то время как эти атаки превращались в перестрелки, другие соединения французской армии перешли в наступление. Взяв Шюфлах, Массена развернул свою 4-ю дивизию, которая вскоре овладела Шпекманнсхофом. Взятие этой деревушки и запоздалое наступление вюртембергцев в долине Аммербаха заставило отойти левое крыло II корпуса и привело к чрезвычайному напряжению на стыке позиций II и V австрийских корпусов. Людвиг отвел свой правый фланг, и Ленгеилох заняли войска Вандамма. Между тем 4-я дивизия Даву, отбросив слабую дивизию фельдмаршала-лейтенанта графа Фреснеля, вступила в бой с Фогельзангским пехотным полком. Это сражение перешло в яростную рукопашную схватку за деревню Ашах.

Наполеон считал, что пришло время нанести *masse de decision*¹. Получив напутствие Массены, 26-й легкий и 18-й линейный полки из состава 1-й дивизии, которой командовал дивизионный генерал Клод Легран, двинулись вперед, покинув позиции резерва, расположенные юго-восточнее Вюцлхофа. Почти мгновенно подавив последние очаги австрийского сопротивления на западном берегу Фильса, два французских полка ринулись вперед, вбивая клин между I и II корпусами австрийской армии. Хотя стремительная атака и проход по узкому пространству между рекой и холмами расстроили боевые порядки полков, воодушевленная французская пехота продолжала упорно двигаться к Амбергу. В этот момент Карл скакал впереди пяти гренадерских батальонов. Схватив знамя,

¹ Решительный удар (фр.)

он указал на линию приближающихся синих мундиров и послал своих солдат в отчаянную контратаку. Внезапная атака гренадеров рассеяла уже потерявшие боевой порядок французские полки и заставила их откатиться назад. Французам пришлось в большом смятении переправиться по мосту на другой берег Фильса. В этой суете чуть было не попал в плен сам Массена.

К счастью для французов, командиры двух ближайших соседних подразделений быстро и решительно отреагировали на этот эпизод. Первым вступил в бой полковник Луи Шуар, чей 2-й кирасирский полк должен был оказать поддержку пехоте. Он повел своих всадников в яростную атаку, которая опрокинула гренадеров и вновь отбросила их на другой берег Фильса. Девятый кирасирский полк, а вскоре и вся 1-я дивизия тяжелой кавалерии мощными потоками устремились вдоль обоих берегов Фильса к месту сражения. Другим офицером, который поспешил на выручку пехоте, был командир 1-й дивизии генерал Легран. Увидев атаку австрийцев, он немедленно поскакал в расположение Баденской бригады и буквально бегом повел ее вперед. Этот спонтанный удар пехоты и кавалерии невозможно было отразить. Гренадеры были отброшены в Амберг, а французская кавалерия и баденская пехота следовали за ними по пятам¹.

Центральный участок обороны Карла рухнул — баденцы мчались по улицам города, а французская тяжелая кавалерия заполнила его окраины. Еще оставшиеся в распоряжении Карла боевые порядки также находились в ужасном состоянии. На левом фланге II корпус, напрягая последние силы, пытался вырваться из-под пресса войск Массены и Вандамма, давление которого все больше усиливалось. На правом фланге 4-я дивизия Даву взяла Ашах, и французские вольтижеры уже двигались навстречу противнику, выходя из лесистой местности близ Крумбаха. Эрцгерцог приказал начать общее отступление и дал указание командующему резервом генералу кавалерии Йоганну Флирсту Лихтенштейну, прикрыть отход

¹ В основе этого эпизода лежат реальные события, имевшие место во время битвы при Цнайме 11 июля 1809 года.

войск. Бросив своих драгун и кирасиров на французские войска, которые продвигались в районе Амберга, Лихтенштейн выиграл время, необходимое для того, чтобы оставшиеся в его распоряжении гренадеры могли зажать позицию на небольшой возвышенности к югу от Гармерсдорфа. Здесь они образовали заслон, который удерживал преследователей достаточно долго для того, чтобы остатки армии могли уйти с поля боя. К этому времени 1-я и 4-я дивизии Даву уже были готовы нанести концентрированный удар по позиции Лихтенштейна. Наступала ночь, когда колонны деморализованной армии Габсбургов направились к мостам через реку Нааб.

Победа и поражение

Однако переправа через Нааб едва ли могла спасти австрийцев от окончательного разгрома. Армия, которая уже не могла оказывать серьезного сопротивления, под командованием упавшего духом Карла отступала в Богемию, по дороге теряя обозы, понтонные средства и тысячи людей, которые из солдат становились военнопленными. Войдя в горные ущелья, подразделения разбитой армии оказались в ловушке и были рассеяны, а затем и уничтожены французами и их германскими союзниками. Обстановка на других театрах военных действий была аналогичной. Южнее Дуная Гиллер, получив невразумительные сведения о бедствиях, постигших основные силы армии, отступал к Инну со всей быстротой, на какую только был способен. Еще южнее IX корпус был атакован превосходящими силами французов и итальянцев, которые нанесли удары из Италии и Далмации. И наконец, VII корпус, который действовал в Польше, оказался в оперативном тупике. Взяв Варшаву, он оказался не в состоянии выполнить возложенную на него задачу по уничтожению польской армии.

В то же время Наполеон продолжал вести очередную победоносную войну. К 17 апреля он сосредоточил свою измотанную боями, но ликующую армию в районе Вальдмюнхена, у самой границы с Богемией, а его легкая кавалерия совершила рейд по приграничным районам Богемии,

дойдя до Бишофтайница. В течение двух предыдущих недель Наполеон сумел перехватить инициативу и наголову разбить главные силы армии Габсбургов. Теперь он готовился к вторжению в пределы монархии, чтобы завершить уничтожение австрийской армии и взять Вену. 22 апреля, в Будвайзе Наполеон получил от австрийцев первое мирное предложение, а 1 мая, уже в Вене, он диктовал свои условия мира.

В реальности

Для того чтобы этот сценарий стал жизнеспособным, потребовалось внести ряд важных изменений в реальное развитие событий. Во-первых, почти на две недели было сдвинуто время начала австрийского наступления: с 10 апреля на 28 марта 1809 года. В основе этого допуска лежат реальные возможности, которыми обладала армия Габсбургов весной того года. Армия не смогла бы сосредоточить свои разрозненные подразделения раньше 20 марта, а для того чтобы выступить с мест сосредоточения и занять позиции у границы, ей потребовалась бы по меньшей мере еще неделя. Поэтому есть все основания считать, что датой вторжения в Баварию могло оказаться 28 марта. Во-вторых, одной из причин, которые на самом деле задержали вторжение в Баварию, было принятое в последнюю минуту решение перенести основной театр военных действий из Богемии в долину Дуная. Таким образом, наш вымышленный сценарий оставил без изменений главную цель операции: быстро пересечь границу и нанести удар по отрезанному от других соединений французской армии корпусу Даву. В-третьих, этот сценарий передает в распоряжение основных сил австрийской армии дополнительные 20 000 человек из VIII корпуса, который в результате осуществляет вторжение в Баварию из Зальцбурга. Такие действия были предусмотрены в первоначальном варианте оперативного плана Майера. Но в реальности австрийцы отказались от такого развертывания сил, отдав предпочтение усилению войск эрцгерцога Йоганна на итальянском фронте. В нашем варианте это развертывание осталось без изменений,

позволив сосредоточить в Богемии более значительные силы и сделав более реальной возможность нанесения дополнительного удара с берегов Инна.

Не вызывает сомнений, что все эти допущения предполагают гораздо большую степень агрессивности и решительности командного состава австрийской армии, чем это было на самом деле. В действительности именно консервативные взгляды военного руководства монархии Габсбургов препятствовали тому, чтобы вторжение в Баварию состоялось 28 марта, как, впрочем, и тому, чтобы основной удар был нанесен из Богемии, а не из более безопасной долины Дуная. Кроме того, этот консерватизм не допустил того, чтобы на итальянской границе остался лишь один корпус, за счет чего была бы усилена группировка основных сил, наносящих удар в Германии. Таким образом, оперативный план Майера был рассчитан на то, что его будет осуществлять волевой командный состав, который придаст армии импульс, необходимый для более решительных действий. На самом деле в результате запутанных интриг Майер в феврале был уволен и заменен генерал-майором Йоганном фон Прохазкой — *«одним из самых посредственных офицеров армии»*, — как называет его эрцгерцог Йоганн в своей книге¹.

И наконец, стоит остановиться еще на двух факторах, которые касаются французской стороны и которые могли бы сделать последствия атаки австрийцев еще более губительными для империи Габсбургов, чем они оказались в реальности 10 апреля. Во-первых, значительную опасность для французской армии представлял тот факт, что в апреле Наполеона не было на театре военных действий и в течение первой недели войны его замещал начальник штаба маршал Бертье. Если бы австрийцы атаковали раньше, Наполеон узнал бы о вторжении еще до того, как Бертье уехал из Парижа, и, по всей вероятности, они бы вместе отправились на театр военных действий, тем самым устранив одну из главных причин замешательства французского командования. Во-вторых, в действи-

¹ *Feldzugserzählungen 1809* (Вена, изд. Алоиза Фекце, 1909), с.28.

тельности Наполеон направил основные силы своей армии на Вену, а не на преследование остатков армии Карла, разбитой в нескольких сражениях южнее Дуная, в районе Регенсбурга. Таким образом он позволил Карлу отойти в Богемию и вновь столкнулся с укрепившим свои силы врагом лишь спустя месяц, в битве при Асперн-Эсслинге. Если бы австрийцы атаковали из Богемии, Наполеон, по всей вероятности, действительно уничтожил бы их при попытке уйти через горные проходы. Если бы Карл и главные силы австрийской армии были бы нейтрализованы или уничтожены, война, по всей вероятности, закончилась бы гораздо раньше и не возникла бы необходимость в еще одной крупной битве.

БИБЛИОГРАФИЯ

Beer, Adolf. Zehn Jahre österreichischer Politikk. Leipzig, 1877.

Charles, Archduke of Austria, Ausgewählte Schriften. Wien, 1893.

John, Archduke of Austria, Felczugserzählungen 1809, ed. Alois Veltze. Wien, 1909.

John, Archduke of Austria, Krieg 1809. Wien, 1907.

Kriegelscein, Christian Freiherr Binder von, Der Krieg Napoleons gegen Oesterreich 1809. Berlin, 1906.

Ore, Delphin Charles, 1er Régiment de Chasseurs. Chateaudun, 1903.

Pirquet, Pierre-Martin, Journal de Campagne. Liege, 1970.

Rössler, Hellmuth, Oesterreichs Kampf um Deutschlands Befreiung. Hamburg, 1940.

Valentini, Georg Freiherr von, Versuch einer Geschichte des Feldzugs von 1809 an der Donau. Berlin, 1818.

Дигби Смит

РУССКИЕ ПРИ БОРОДИНО

Дигби Смит, бывший офицер Британской армии, энтузиасты наполеоновской эпохи знают его как Отто фон Пивка. Является весьма уважаемым исследователем данной эпохи и автором многих книг, в том числе: «Справочник наполеоновских войн», «Армии 1812 года», «Армии периода наполеоновских войн» и готовящейся к публикации книги «Полки Наполеона».

7 сентября примерно в 7:30 утра два казачка, заставив своих низкорослых лошадей войти в неглубокую речку Колочу, осторожно перешли ее вброд как раз напротив теперь уже опустевшей деревни Новое Село. Превосходное утро еще только начиналось, но мало кто из 220 000 солдат русской и французской армий, столкнувшись лицом к лицу примерно в миле к югу от этого брода, могли позволить себе полюбоваться живописной местностью и прекрасной погодой — их мысли были заняты гораздо более серьезными вещами. Интенсивная артиллерийская дуэль между французской Великой армией и русскими началась, когда еще не было и шести часов. Канонада продолжалась даже после того, как

в ходе артиллерийской подготовки расположенные южнее Колочи Багратионовы флеши превратились в развалины, а их защитники погибли.

Казачи поскакали вперед по краю небольшой долины, пользуясь тем, что их скрывали от посторонних глаз деревья и кусты, разбросанные на равнине. Соблюдая дистанцию примерно в 100 ярдов, за ними следовала группа из еще шестидесяти казаков, в центре которой можно было увидеть фигуру мужчины средних лет, который скакал на лошади явно более породистой, чем у остальных. На нем был синий, отороченный серебром костюм и черная астраханская папаха атамана донских казаков. Его шея и грудь сверкали орденами и знаками отличия. Это был генерал Матвей Иванович Платов, который с небольшим отрядом покинул расположение своих войск, чтобы выяснить, каковы силы противника на северном участке поля битвы.

Четвертому корпусу принца Евгения уже удалось вырвать у русских деревню Бородино, расположенную на новой Смоленской дороге. Однако все его попытки, развивая этот успех, атаковать «Большую батарею» на невысоком холме южнее Бородино привели лишь к кровавым схваткам и в конечном счете были отражены. Мост через Колочу был разрушен, и в течение часа ситуация здесь оставалась без изменений.

Что делает противник? Платов намеревался выяснить этот вопрос. После десятиминутной скачки он нашел по крайней мере частичный ответ. Не считая гарнизона, оставленного в Бородино (8-й легкий и 1-й Хорватский пехотные полки 13-й дивизии Дельжона), на открытой равнине к северу от реки и на дороге не было ни одного соединения французской армии. Приблизившись к деревне Беззубово, Платов обнаружил скопления артиллерии и обозных повозок французов и их союзников, протянувшиеся в западном направлении вдоль дороги к деревне Валуево и вокруг нее. Но никаких войск и никакого флангового прикрытия он не увидел.

Это была просто невероятная удача! Такой шанс нельзя было упускать. Им надо было воспользоваться, причем — как можно быстрее, пока он не ускользнул.

Платов должен был немедленно доложить об этом Кутузову и возвратиться с войсками, чтобы нанести удар по такой соблазнительной цели. В случае удачи русские могли бы расстроить все планы Наполеона. Платов обратился к своему адъютанту, полковнику принцу Гессен-Филиппстально, дав ему указание как можно быстрее доложить Кутузову о ситуации и попросить разрешения совершить набег на обоз противника, взяв всех казаков, которые были в распоряжении Платова — 5000 человек.

Отсутствие войск противника севернее Колочи объяснялось тем, что принц Евгений, с целью возобновить попытки выполнить приказ Наполеона и взять «Большую батарею», отвел от Бородино все свои силы, в состав которых входил IV корпус, часть I корпуса, III кавалерийский корпус Груши и две бригады баварской кавалерии. Он сосредоточил их южнее Колочи, так, чтобы можно было подойти к цели, не имея на пути таких препятствий, как река. Его просчет, который заключался в том, что он не оставил войск, необходимых для прикрытия северного фланга своей позиции, должен был очень дорого ему обойтись.

Планы русских

Когда принц Гессен-Филиппсталь, преодолев брод у Нового Села, возвращался в ставку, он встретился с полковником Толлем из штаба Кутузова. Получив сведения о французах, Толль полностью одобрил предложение Платова и согласился вместе с Гессен-Филиппсталем представить его Кутузову. Более того, он предложил для нанесения удара использовать не только казаков, но и I кавалерийский корпус Уварова.

Вскоре после этого адъютант командующего III корпусом генерала Тучкова, который защищал участок южнее Багратионовых флешей, мчался в штаб Кутузова с просьбой срочно направить в распоряжение генерала подкрепления, поскольку его корпусу грозит удар главных сил Наполеона. После недолгих обсуждений Кутузов направил 23-ю пехотную дивизию Бахметьева из состава IV корпуса Остерман-Толстого. Поскольку день только

начинался, Главнокомандующий мог направить в помощь Тучкову лишь эти силы. К 9 часам утра 23-я дивизия уже следовала к угрожаемому участку поля битвы.

В 9.30 утра фон Толль и Гессен-Филиппсталь прибыли в штаб Кутузова, который разместился на холме в деревне Горки. Главнокомандующий был окружен толпой адъютантов, старших офицеров, гвардейцев и денщиков. Рядом с ним стояла группа священников, облаченных в черные рясы, с иконами и кадилами. Полковник фон Толль быстро рассказал Кутузову о чрезвычайно благоприятной ситуации, которая сложилась на северном фланге, а также изложил планы того, как ей воспользоваться. Кутузов слушал его с явно скучающим видом, пристально осматривая юго-западный участок поля битвы. *«Ну что же, господа, — сказал он, когда фон Толль закончил, — что будем делать?»*. Генерал-майор Ойген, принц Вюртембергский, который командовал 4-й пехотной дивизией, входившей в состав II пехотного корпуса Багговута, быстро нашелся с ответом: *«Ваша светлость, это на самом деле исключительный шанс, и если мы хотим воспользоваться им в полной мере, нам следует нанести удар не только силами одной кавалерии, а силами всех родов войск. Помимо прочего туда следует направить хотя бы один пехотный корпус»*. После того как с этим предложением согласились другие присутствующие в штабе командиры подразделений, Кутузов одобрительно кивнул головой: *«Очень хорошо, возьмите казаков и кавалерию Уварова. Ах да, Карл Федорович, не будете ли вы столь любезны оказать Платову поддержку? Такой удар мог бы значительно ослабить напряжение, которое испытывает наш центр»*.

Тем временем южнее ставки Кутузова IV корпус принца Евгения (за исключением 13-й дивизии Дельзона) вместе с III кавалерийским корпусом Груши двигались вперед с намерением атаковать «Большую батарею». Французские стрелки постепенно теснили 5-й, 6-й, 41-й и 42-й полки русских егерей, рассредоточенных вдоль поросшего кустарником берега Семеновского ручья примерно в километре от батареи. Французы уже открыли ружейный огонь по орудийной прислуге. Артиллерия принца

Евгения переправилась через Колочу по трем импровизированным мостам, наведенным для облегчения передвижения в тылу передовых позиций, расположенных в районе деревни Алексинки. Теперь орудия везли вперед, чтобы начать обстрел «Большой батареи». Все пространство между батареями противников и вокруг них вскоре заволкло густым дымом, который скрывал передвижения наступающей французской пехоты. Кроме того, артиллерийский огонь по русским вела с фланга батарея, оставленная французами севернее Колочи и западнее реки Войны. Эта первая атака была предпринята 14-й дивизией Брусье, которая в 10 часов утра вступила в бой с VII корпусом Раевского, подразделения которого заняли позиции в сооруженных на скорую руку земляных укреплениях и неподалеку от них. Атака закончилась неудачей: французские войска подверглись интенсивному обстрелу картечью. Им пришлось отойти для перегруппировки на западный берег Семеновского ручья.

Атака

В 10:30 горны и барабаны возвестили о том, что русские полки начали движение, целью которого было нанесение удара по незащищенному участку позиции принца Евгения к северу от Колочи. Пятитысячная масса казаков, разбитая на полки, шла в авангарде, за ней следовал I кавалерийский корпус (двадцать восемь эскадронов) общей численностью 2500 всадников и двенадцать пушек. За ними шел II корпус, состоящий из 10 300 человек (двадцать четыре батальона) и двадцати четырех пушек.

В 10:45 1-я дивизия Морана и II кавалерийский корпус Монбрюна предприняли вторую атаку против «Большой батареи»¹. Французская пехота вступила в бой, используя тактику «смешанного боевого порядка». Впереди шел 30-й линейный полк под командованием генерала

¹ Доклад генерала Ермолова Кутузову, 20 сентября (2 октября).

Бонами, а за ним — 13-й легкий полк. С близкого расстояния солдаты 30-го линейного полка дали залп по Полтавскому полку 26-й дивизии Паскевича, который прикрывал батарею, а затем ринулись в штыковую атаку. Время для атаки было выбрано удачно, поскольку русские орудия израсходовали последние запасы картечи и на время замолчали⁵. После жестокой рукопашной схватки французам удалось захватить «Большую батарею». Ее командир генерал Раевский за несколько дней до этого раненый в ногу, все же сумел избежать плена.

Однако батарея недолго оставалась в руках генерала Бонами, так как другие французские подразделения не оказали ему поддержки. К счастью, Кутузов приказал генералу Ермолову, взяв две (по некоторым данным — три) батареи конной артиллерии и другие подразделения двигаться на юг и оказать помощь 2-й армии Багратиона, которая уже едва выдерживала мощные удары, наносимые французами по флешам (сам Багратион был ранен во время жестокой схватки). Когда Ермолов следовал вдоль долины, расположенной позади «Большой батареи», он, взглянув вверх, увидел множество французов на вершине холма и русских артиллеристов и пехотинцев, сбегających вниз по склону. Действуя интуитивно и по собственной инициативе, Ермолов приказал изготовить к бою орудия конных батарей и открыть огонь по противнику. Собрав все подразделения, которые оказались под рукой (3-й батальон Уфимского пехотного полка, а также 18-й, 19-й и 40-й полки егерей), Ермолов повел их в контратаку. После отчаянной пятнадцатиминутной схватки французы были выбиты с холма. Получив несколько штыковых ран, генерал Бонами, чтобы спасти свою жизнь, кричал, что он неаполитанский король. Его подлинное имя и звание были установлены, лишь когда он предстал перед Кутузовым, что положило конец преждевременному ликованию русских. Как это ни странно, по эпизоду с «пленением короля» суждено было повториться еще раз, причем в тот же день.

Между тем принц Евгений отвел свои силы, чтобы перегруппировать их для третьей атаки.

Битва продолжается

Тем временем южнее, у Багратионовых флешей, не утихла жестокая битва.

Мы не знаем, сколько было флешей — две или три. Свидетельства, оставленные участниками битвы, противоречивы, к тому же тогда, в спешке, не вели соответствующих записей. В конце XIX столетия русские полностью реконструировали две флеша примерно на том же месте, где они стояли во время битвы (на каждой размещалась батарея из двенадцати орудий), и третью, которая была намного меньше первых двух. Это земляное укрепление, напоминающее по форме букву V, находилось между двумя большими флешами, чуть позади них. Его вершина была обращена к югу. В этом месте нет каких-либо природных образований, и подходы к флешам со стороны французов были совершенно открыты. Укрепления в большой спешке возводились московскими ополченцами, у которых не было ни времени, ни инструментов для возведения габионов, которые могли бы придать рыхлым земляным стенам прочность, необходимую для того, чтобы выдержать удары артиллерии.

Гарнизон флешей состоял из VIII корпуса генерала Бороздина (27-я дивизия Неверовского и 2-я гренадерская дивизия принца Карла фон Мекленбурга), входящего в состав 2-й Западной армии князя Багратиона. Непосредственную поддержку им оказывали расположенные в районе практически уничтоженной деревни Семеновская 2-я сводная-гренадерская дивизия Воронцова и 2-я кирасирская дивизия под командованием Дука, а также восемьдесят четыре орудия. Кроме того, имелся дополнительный заслон егерей, в состав которого входили 49-й и 50-й егерские полки, развернутые по фронту укреплений.

Первую атаку предпринял I корпус Даву: 5-я дивизия Компана двинулась на южную флешь, а 4-я дивизия Дессэ — на северную. Для оказания поддержки подошла 2-я дивизия Фриана. Оставшиеся две дивизии I корпуса были направлены на северный участок, в распоряжение принца Евгения. I кавалерийский корпус генерала Нансути располагался за корпусом Даву, а в тылу у Нансути,

на северном фланге, занял позиции III корпус маршала Нея. Около 6:30 утра Наполеон приказал начать атаку на флеш.

Предпринятый французами артиллерийский обстрел вначале был совершенно неэффективным, так как орудия находились на слишком большом расстоянии от цели. Но когда ошибка была обнаружена и орудия передвинули ближе, обстрел стал результативнее. Французские стрелки, имея численное преимущество, оттеснили егерей непосредственно к флешам, а французская артиллерия, которая двигалась вперед вместе с пехотой, оказывала последней максимальную поддержку. Как и планировалось, тридцать 3- и 6-фунтовых легких полевых орудий, сопровождавших пехоту (в соотношении два орудия на батальон), приблизившись к флешам на расстояние 500 шагов, открыли по русским огонь картечью. Всего в этой грандиозной битве приняли участие более 300 французских и русских орудий. Грохот канонады был невероятным, тучи дыма и пыли порой снижали видимость до десяти ярдов. Барабаны монотонно выводили *pas de charge*¹, и французская пехота, ряды которой косили ядра и картечь русской артиллерии, расположенной по обеим сторонам каждой флеш, неумолимо шла вперед. Русский артиллерийский офицер Лёвенштерн вспоминал: *«Испытания, которые выпали на долю наших батарей, были ужасными, но колонны противника таяли, несмотря на то что все время подходили подкрепления. Чем больше усилий прилагал противник, тем большие потери он нес».*

В семь часов солдаты 5-й дивизии Компана ворвались в южную флеш, но тут же были отброшены стремительной контратакой русских. И все же в результате повторной атаки французам удалось взять укрепление. Несмотря на растущие потери среди командного состава (были ранены маршал Даву, а также генералы Компан, Дюплен, Рапп и Дессэ), французы взяли обе флеш. Однако тыльная часть этих укреплений (восточная сторона) была открытой и поэтому не могла защитить французов от огня русской артиллерии, расположенной за флешами. Затем

¹ Быстрый шаг (фр.).

последовала контратака русских, предпринятая 12-й дивизией генерал-майора Васильчикова, отправленной на южный участок из расположения VII корпуса Раевского, а также кирасирами под командованием Дука. Русские вновь обрели контроль над разрушенными укреплениями, отбросив французов к кромке леса, который лежал между позициями сторон.

Когда III корпус подошел с севера, чтобы оказать помощь Даву, маршал Ней бросил в бой 14-ю бригаду легкой кавалерии Берманна. Первый залп русской артиллерии, обрушившийся на эту бригаду, пробив брешь в боевых порядках ее передового полка (4-го полка конных стрелков), обратил его в бегство, причем конные егеря увлекли за собой и следовавший за ними полк. Третий полк, под командованием принца Вюртембергского Генриха Шеволегерса, разомкнув ряды и пропустив бегущих, атаковал ближайшее к нему каре русской пехоты. Но эта атака оказалась безрезультатной, поскольку волны наступающих разбивались о русское каре, как волны прибоя о скалы. Теперь 10-я дивизия Ледру подступила к северной флешу и взяла ее. Бригада Берманна, понесшая значительные потери, перегруппировалась и вновь пошла в атаку, но сама подверглась удару русских кирасиров под командованием Дука, которые атаковали на правом фланге. Пять русских свежих полков на отдохнувших сытых лошадях привели противника в замешательство и прогнали его с поля боя, в ходе атаки захватив конно-артиллерийскую батарею Вюртемберга. Лишь прибытие к месту боя I кавалерийского корпуса Нансути и 25-й вюртембергской пехотной дивизии стабилизировало ставшую было критической обстановку. Эта «дивизия» представляла собой лишь жалкую тень своего первоначального состава и перед самой битвой была переформирована в три батальона. Однако несмотря на это ее боевой дух позволил снова взять южную флешу. Это произвело такое впечатление на неаполитанского короля, который сам вел в атаку I кавалерийский корпус Нансути, что он верхом на лошади забрался на взятое укрепление и поздравил солдат.

Было уже одиннадцать часов. Южнее флешей VIII (Вестфальский) корпус Наполеона двигался на юго-восток, что-

бы оказать помощь своим польским товарищам из V корпуса, которые все еще пробивались с боями сквозь густой заболоченный лес с целью нанести удар по левому крылу русских в районе Утицы. Тем временем в кровавую мясорубку сражения за флешу был брошен IV кавалерийский корпус Латур-Мобура. Русская 3-я пехотная дивизия Коновницына подошла с юга, а 1-я кирасирская дивизия Бородина ударила с востока. Концентрация живой силы и вооружений обеих армий на столь ограниченном пространстве была просто невероятной, и артиллерия обеих сторон изрыгала ядра и картечь в самую гущу схватки, не считаясь с безопасностью своих же товарищей.

Именно в этот момент исход сражения за флешу начал склоняться в пользу русских. 25-я «дивизия» вюртембергцев, занявшая южное укрепление, где находился Иоахим Мюрат, была уже настолько малочисленна, что следующая атака кирасиров Дука смяла их небольшое каре. Мюрат, одетый, как всегда, в какой-то немыслимый театральный костюм, находился внутри каре. Не сумев заставить свою уставшую лошадь перепрыгнуть через стену флешу, он был взят русскими в плен. Когда Мюрата и пленных вюртембергцев отвели в тыл, русская пехота и артиллерия вновь заняли укрепление и открыли ураганный огонь по метавшимся во все стороны солдатам четырех корпусов противника. Захват в плен Мюрата видели несколько его адъютантов, и эта новость моментально разнеслась по I кавалерийскому корпусу. После столь напряженных усилий потерять командира такого высокого ранга, да еще и одну из взятых флешей — это было уже слишком! Давление русских усилилось необычайно. Лошади французских кавалеристов устали и не шли ни в какое сравнение со свежими лошадьми противника. Французы медленно отходили назад под напором ликующего врага, который с новыми силами бросался в бой.

Одной из причин такого развития событий было то обстоятельство, что французы оказывали недостаточное давление на «Большую батарею». Вместо того чтобы действовать совместно с другими соединениями, которые наносили удары по флешам, войска принца Евгения прекратили атаки батареи. На пространстве между флешами и

Колочей, где раньше располагались IV и III кавалерийские корпуса, теперь находился лишь тонкий заслон баварской кавалерии, ряды которой неумолимо таяли под огнем русской артиллерии. Как же это произошло? В чем была ошибка?

Несчастье на фланге

Чтобы ответить на эти вопросы, мы должны возвратиться на плоскую равнину, расположенную севернее Бородино. Внезапно появившись здесь примерно в 10:50 утра, значительные силы русских устремились на запад, вызывая хаос в обозах французской армии, расположенных в районе Валуево. С целью остановить продвижение русских 84-й, 92-й и 106-й линейные полки выдвинулись в район между Бородино и Беззуново. Столкнувшись с такими мощными силами кавалерии, они были вынуждены образовать каре в открытом поле. Вскоре подошла русская артиллерия, которая открыла по ним огонь с близкой дистанции, ядрами и картечью разнося в клочья плотные ряды каре. Отрезанный от своих, 84-й полк отступил к вышедшей из берегов Войне у Беззуново и после неоднократных кавалерийских атак был уничтожен. Под столь же мощным натиском русских отошли 92-й и 106-й полки, которые не располагали своей артиллерией и не имели поддержки кавалерии. Генерал Дельзон, который находился в каре 106-го полка, был убит, а его дивизия практически прекратила свое существование.

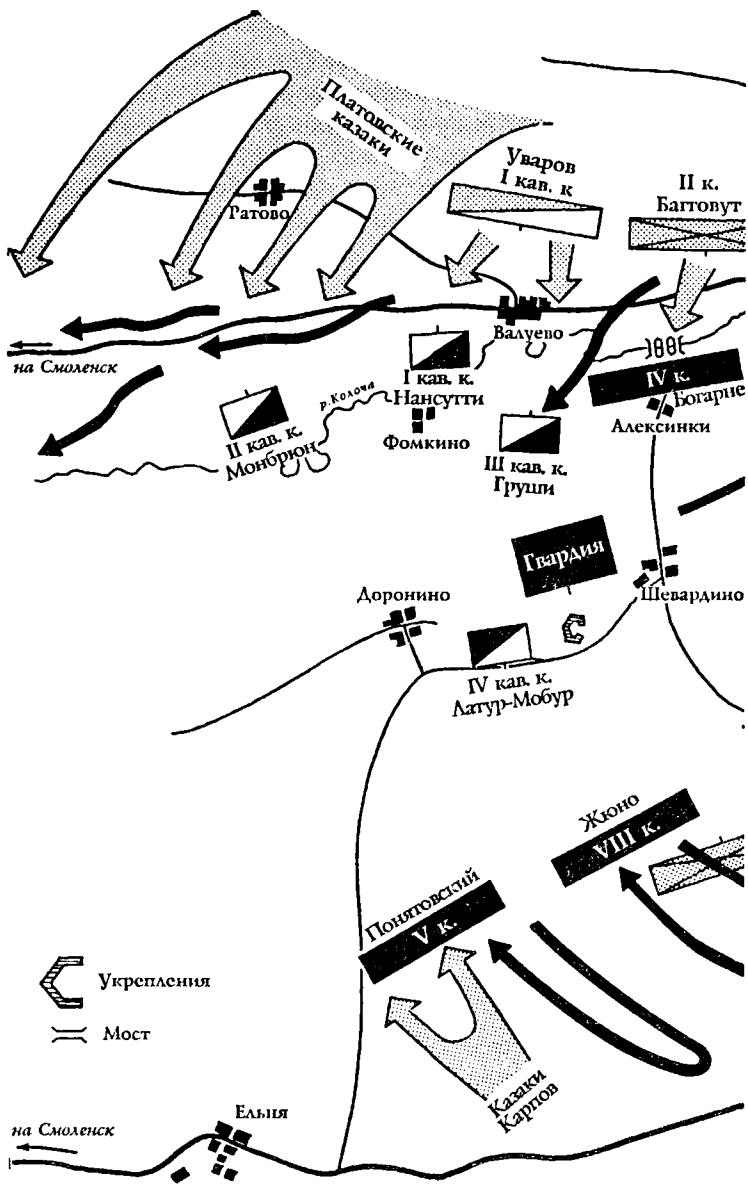
Гарнизон села Бородино, который состоял из 1-го Хорватского полка и 8-го легкого полка, вскоре оказался под огнем, который велся с трех сторон. Этому соединению пришлось уйти из деревни и пробиваться назад к своим позициям, чтобы, перейдя Колочу, соединиться с остатками Баварской кавалерии.

В 11:30 принц Евгений получил первые известия об этой катастрофе и буквально покрылся холодным потом. Он допустил серьезный тактический просчет, который никогда не простит его отчим-император! Евгений немедленно отменил третью атаку на «Большую батарею» и развернул свой корпус — в надежде остановить продви-

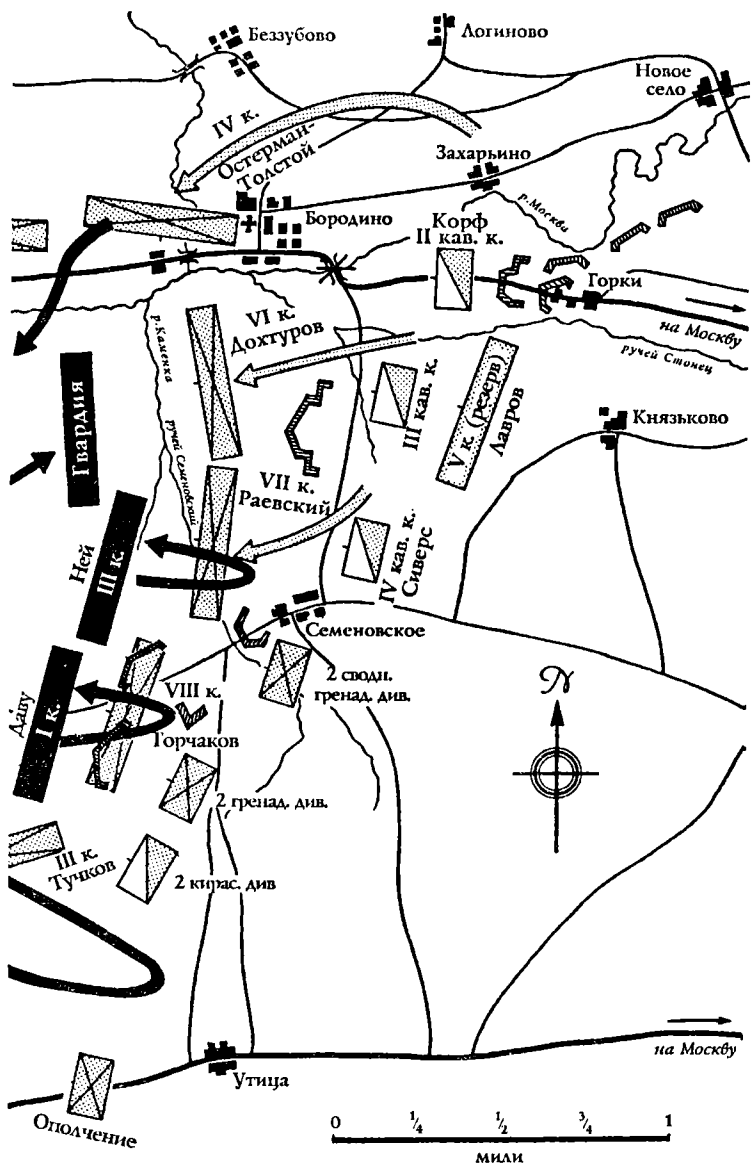
жение русских еще до того, как оно нанесет непоправимый урон. Он все же не посмел полностью оголить свою позицию, расположенную по фронту батареи, хотя для того, чтобы остановить русских, должен был снять все свои подразделения. Поэтому дивизия Баварской кавалерии осталась — для того чтобы хоть как-то прикрыть брешь, образованную в результате ухода его основных сил. Однако для выполнения задачи по удержанию позиции, расположенной в центре поля битвы, менее всего подходила кавалерия. Огромные потери, которые вскоре понесла баварская кавалерия, показывают, какую высокую цену пришлось заплатить за столь «оригинальное» решение этой дилеммы.

Однако вновь перебросить силы корпуса севернее реки было не так просто. Увидев, что к ним приближаются орды казаков, охрана обоза, расположившегося на Новой Смоленской дороге, бросилась наутек. Некоторые из тех, кто находился ближе к трем небольшим мостам, наведенным через Колочу в районе Алексинки, направились на юг под защиту императорской гвардии. Когда им преграждали путь другие повозки, многие обрезами постромок своих упряжек, и, освобождаясь от пушек и телег, мчались во весь опор. Вскоре огромная масса этих брошенных повозок скопилась в Валуево. В Алексинках пушки и оглобли, зарядные ящики и телеги, перегородив мосты, часто падали в реку. Движение в обоих направлениях стало невозможным. Пехота и кавалерия принца Евгения без особых проблем переправились на другой берег, но его артиллерия, задержавшись более чем на час, не смогла принять участие в сражении, которое развернулось севернее переправы, из-за того что северный берег, возвышаясь над южным, не позволял французским артиллеристам вести прицельный огонь.

К этому времени Наполеон уже понимал, что произошла какая-то ошибка. Он верхом выехал из Шевардинского редута и направился на север, чтобы самому выяснить обстановку. Когда он прибыл в Алексинки, грохот взрывов, доносившийся со стороны множества брошенных артиллерийских повозок, подсказал ему, что казаки целенаправленно уничтожают его бесценный запас

Битва при Бородине.

Обстановка на 17 часов.

боеприпасов. Он сразу же приказал II кавалерийскому корпусу оставить свою позицию в резерве сил, атакующих флешу, форсировать Колочу в районе Фомкино и, пройдя сквозь толпы беженцев западнее Валуево, атаковать казаков. Из резерва для оказания поддержки Евгению должен был выдвинуться легион Вистулы Клапареда. Атаки на флешу должны были продолжаться с еще большей интенсивностью, а V (польскому) корпусу было приказано прекратить движение к Утице и, повернув назад к деревне Шевардино, занять позицию за I и III корпусами в районе флешей. Вестфальцы также должны были возвратиться на север и оказать поддержку I корпусу.

Во время затишья, которое наступило после ухода с позиций перед «Большой батареей» войск Евгения и Груши, русские перегруппировали силы своего гарнизона, усилили его и подвезли боеприпасы. Заметив, что перед ними нет ни одного подразделения пехоты противника, они направили к реке Семеновская VI корпус Дохтурова, придав ему пять батарей (шестьдесят пушек) из трехсот-пушечного артиллерийского резерва армии. Таявший на глазах заслон Баварской кавалерии не мог надолго задержать эту атаку и в поисках укрытия от губительного огня русских отступил на запад. Цепи русских егерей устремились вперед и, перейдя Семеновскую, стали закрепляться на отвоеванном участке.

Ситуация стала складываться в пользу русских. Хотя Кутузов был слишком осторожен, чтобы продолжать свое наступление силами крупных подразделений, тем не менее наступление Наполеона было полностью расстроено. На северном участке его силы, которые более часа оставались без поддержки артиллерии, были сильно помяты, а потеря такого огромного количества боеприпасов и более семидесяти пушек во время хаоса, который имел место на этом участке битвы, значительно снижала возможности контрудара. Пленение Мюрата нанесло серьезный удар по моральному состоянию сильно поредевшей французской кавалерии, чьи лошади не шли ни в какое сравнение с ухоженными лошадьми противника. Что касается русских, то отсутствие давления на «Большую батарею» позволяло им перебрасывать к флешам свои силы с север-

ного участка, и все же у них уже не хватало подразделений, которые можно было бы ввести в сражение. Значительная часть их артиллерии была повреждена, боеприпасы были на исходе, а от 2-й армии в ходе сражений за флешы остались лишь немногие отдельные подразделения. После того как на южном участке поляки и вестфальцы ушли из района Утицы, русские соответствующим образом развернули свои войска. Оставив в районе этой деревни лишь ополченцев, казаков и одну батарею конной артиллерии, III корпус Тучкова двинулся через лес на север, чтобы нанести удар по южному флангу выступа, который образовали французские войска, все еще удерживавшие свои позиции в центре, напротив флешей. Потери французских I, III и VIII корпусов, оказавшихся под огнем, который велся с трех сторон, росли с ужасающей быстротой.

Бойня продолжалась до наступления ночи. Но уже на исходе дня было понятно, что русские продолжают удерживать все свои исходные позиции и вновь овладели деревней Бородино. Великая армия, утратив былую мощь, все же продолжала оставаться достаточно опасной. Однако она уже больше не могла продолжать своего наступления на Москву.

Тупик

Потери французов и русских были приблизительно равны и составили по 35 000 убитых, раненых и пропавших без вести с каждой стороны, однако помимо этого Наполеон потерял семьдесят пять пушек, а также большую часть своего резервного артиллерийского парка и боеприпасов. Численность его кавалерии сократилась настолько, что теперь она представляла собой лишь жалкое подобие того, чем она была до битвы. В сражение пришлось вступить даже императорской гвардии. Она спасла армию от полного краха, встав на пути бегущих под ударом Тучкова остатков трех корпусов и остановив наступление русских. Но гвардия тоже понесла тяжелые потери. Таким образом, в этой битве пострадал даже неприкосновенный резерв Наполеона.

8 сентября русские зализывали раны и оценивали те силы, которые остались в их распоряжении. Хотя Кутузов объявил царю о победе, его армии, особенно 2-я армия Багратиона, понесли слишком тяжелые потери, чтобы перейти в наступление. Кроме того, необходимо было доставить из тыла боеприпасы, на что должно было уйти по меньшей мере три дня. Однако русские солдаты были хорошо обеспечены продовольствием, а их раненые были доставлены в защищенный Можайск и близлежащие деревни, тогда как несчастные раненые солдаты Великой армии, истекая кровью и страдая от голода, сотнями умирали прямо на поле битвы.

Тяжелая обстановка сложилась на военном совете французов, который в тот вечер состоялся в Шевардино. Наполеон был вне себя от гнева. Стремительно шагая из угла в угол и быстро задавая вопросы, он вскоре выяснил, в каком плачевном состоянии находится его армия, а также установил причину успеха рейда Уварова на северном участке, который чуть было не закончился полной победой русских. Принц Евгений стал козлом отпущения за все просчеты, допущенные французами в ходе сражения, и за его неудачный исход. Император, лицо которого стало багровым, совершенно потеряв самообладание, в присутствии своих командующих, штабных офицеров и ординарцев, выкрикивал оскорбления в адрес своего пасынка. Когда наконец принц совсем упал духом под уже ослабевающими взрывами негодования императора, все наблюдавшие эту сцену оцепенели от ужаса до такой степени, что были не в состоянии даже пошевелиться. Каждый из них готов был сквозь землю провалиться, чтобы не видеть этого безобразного зрелища, которое ставило их в столь неловкое положение. *«Это последняя битва, которую я проиграю по вашей вине, сударь! — выкрикивал император. — За все эти годы вы так ничему и не научились! Вы отстраняетесь от командования. Убирайтесь вон с глаз моих!»*¹.

Как только Евгений покинул собрание, настроение Наполеона сразу же изменилось. Он стал спокоен и снова

¹ Коленкур, *С Наполеоном в России* (Нью-Йорк, 1937), с.476.

полностью овладел собой, как будто ничего и не произошло, действовал быстро и решительно, а выслушивая доклады, часто пощипывал нюхательный табак. Список потерь его высшего командного состава был удручающе длинным. Монбрюн, Коленкур, Компер, Уар, Ланабер, Морион, Пложонн, Ромёф, фон Бреуннинг, Дама, фон Лепель и Шастель были убиты. Маршал Даву и генералы Рапп, Нансути, Груши, Моран, Фриан, Дезэ, Компань, Бельяр, Таррю, Сен-Жермен, Брюйер, Пажоль, Дефранс, Шеелер, Бонами, Лауссе, Альмера, Сокольниковский, Бурдесуль, Бессьер, фон Борштель, Ле Ребеваль, Хлопицкий, Шуар, Домангюэ, Дюфор, Женгуль, Легра, Гаммарштейн, Викенберг, Красинский, Кюно Мурье, Субервич, Тест, Тьюри, Триэр, Д'Энан, Катаню и Бюрт были ранены. Выслушав доклады командующих корпусами, Наполеон на мгновение задумался, глядя на огни лагеря, раскинувшегося к востоку от его ставки. *«Ну что же, — сказал он тихо, — мы перезируем в Смоленске и покончим с этим в следующем году. Отходим завтра в пять часов».*

Сохраняя молчание, офицеры быстро разошлись, а Бертье и его подчиненные приступили к составлению распоряжений на следующий день. Сводка о результатах битвы, составленная в ту ночь и предназначенная к отправке в Париж и столицы сателлитов империи, была выдержана в оптимистических тонах.

Столь же оптимистичными, хотя и несущими совершенно иной смысл, были депеши, отправленные из штаба Кутузова царю в Москву, а также сообщения, направленные ликующими царедворцами Александра на другие театры военных действий, союзникам, нейтралам и даже потенциальным противникам. В них говорилось о полном крушении планов Наполеона войти в Москву; об ужасных потерях его армии; о том, что по мере отхода на запад его силы продолжают таять; и о том, что предстоящей зимой остатки его армии безусловно найдут на просторах России свою гибель. 24 сентября курьеры доставили эти известия в Петербург, 21-го в Полоцк, Виттгенштейну. 27 сентября их получили командующие южными армиями — генерал Торماسов (командующий 3-й армией) и адмирал Чичагов (командующий Дунайской армией), а

1 октября они были доставлены командующему русским корпусом в Риге Штейнхейлю. Копии были отправлены в Британию посылными судами Королевского флота.

Отступление

Между тем Великая армия двигалась на запад, к Смоленску. Погода была мягкой, по крайней мере — в начале отступления, а потери от действий противника — минимальными. Однако спустя четыре дня обстановка изменилась. Начиная с этого времени казаки, подобно стервятникам, стали постоянно кружить вокруг израненного врага, нападая на команды фуражиров и группы дезертиров, уничтожая запасы зерна и продовольствия, перехватывая курьеров. Кроме того, группы партизан, которыми командовали такие вожаки, как Давыдов, тоже изводили захватчиков. Ни одно подразделение французов численностью менее батальона не рисковало двигаться в одиночку. Для фуражировок французам приходилось выделять целые бригады, в состав которых входила артиллерия.

Авангард Наполеона прибыл в Смоленск 29 сентября, а спустя два дня преследовавшие французов казаки получили энергичный отпор в схватке, разгоревшейся под обвалившимися стенами города. Между тем в городе уже было собрано все содержимое складов продовольствия, фуража, обмундирования, медикаментов и перевязочных материалов, боеприпасов и снаряжения. Вскоре усталые, изможденные и голодные французские войска утолили голод, получили новое обмундирование, оружие и боеприпасы. Это самым чудесным образом повысило моральный дух армии. Смоленск был подготовлен к обороне, а значительные силы французской армии приступили к созданию надежных линий коммуникаций с Варшавой, Литвой и Пруссией. Целый поток распоряжений был отправлен в Париж, приводя в движение правительство, которому надлежало осуществить очередной набор призывников и не допустить распространения пропаганды об успехе русских. Как можно более широкие слои населения должны были получить приемлемую информацию, основанную на смягченных фактических данных.

Сообщения русского царя, отправленные в отдаленные от основного театра военных действий районы, произвели определенный эффект. В каждом случае парламентареры вручали противнику копии этих сообщений. Производились артиллерийские салюты, звонили колокола церквей, а благодарственные молитвы русских могли услышать и на позициях противника. Что касается морального духа, то у русских он стремительно возрастал, а у французов и их союзников неумолимо падал. Их командиры, которые принимали участие еще в Египетской кампании, вспоминали, как Наполеон в 1799 году оставил свою армию в Египте, и с удивительной проницательностью разгадали, что означает оправдывающийся тон отправленной Наполеоном в Париж сводки о битве при Бородино¹.

В Полоцке корпус Витгенштейна, получивший подкрепления, в состав которых вошли части регулярной армии и ополчения, воспользовавшись моментом, начиная с 24 сентября предпринял ряд наступательных операций против II и VI корпусов противника. Оборванные и страдающие от голода баварцы, входившие в состав VI корпуса, утратили волю к сопротивлению, и оба изрядно поредевших корпуса оставив город двинулись на юго-запад. Витгенштейн преследовал их, «направляя» движение противника к Вильно. 14 октября эти два корпуса и их преследователи были уже в районе Даниловичей, в результате чего группировка французов, которая во главе с Наполеоном находилась в Смоленске, оказалась в полной изоляции.

На юге 3-я армия Тормасова и Дунайская армия Чичагова (недавно прибывшая из Молдавии) 29 сентября нанесли мощный удар по австрийцам и их саксонским союзникам, которые теперь уступали русским в численности войск. Зная об изменении баланса сил, Шварценберг отступил к Хелму. Получив секретные инструкции из Вены, он 9 октября уведомил саксонцев и русских о том, что австрийцы переходят к сугубо оборонительной тактике, после чего отошел на юг, в Галицию. Таким образом, саксонский корпус был вынужден отступить на запад и

¹ 29-я сводка.

двигался в глубь Великого герцогства Варшавского, к Люблину.

Стремительный ход событий в Латвии также складывался отнюдь не в пользу Наполеона. В середине октября командующий расположенной там прусской дивизией генерал Йорк заключил «Шлокский договор» с генералом Дибичем — прусским офицером, который был на службе у русских. Согласно условиям этого договора Пруссия также становилась нейтральной. Маршалу Макдональду, в распоряжении которого осталась лишь 7-я дивизия (наполовину состоявшая из немцев), ничего не оставалось, как отступить от Риги на юг, к Тильзиту на реке Неман, куда он и пришел 30 октября.

Во Франции же антивоенная партия с каждым днем чувствовала себя все более уверенно.

Эта партия располагала сетью информаторов как в самой Франции, так и в странах Европы. Донесения агентов не оставляли сомнений в том, что общественное мнение устало от «налога кровью» (так называли воинскую повинность) и развала французской экономики, которая в результате морской блокады, прервавшей торговые связи Франции с колониями, была доведена британцами и Континентальной системой Наполеона до полного банкротства. Эти настроения достигли своей кульминации 22 октября, во время заговора Мале, когда антивоенная партия захватила власть и объявила о смещении Наполеона. Слабая оппозиция путчу вскоре была подавлена. Французы устали от славы и трофеев, которые не могли наполнить ни пустые желудки, ни пустую казну. Им действительно опротивела война, и они были готовы поддерживать любое правительство, которое бы пообещало мир, изобилие и выгодную торговлю. Наполеон сошел с французской политической сцены, а его магия больше не завораживала Францию. Известия о новых поражениях в Испании лишили Францию политической воли удерживать под своей властью становившуюся все более непокорной Европу.

Находясь в далеком Смоленске, Наполеон был хорошо осведомлен о том, что ситуация складывается наихудшим образом. Поток сведений из Франции, который и так

поступал к нему эпизодически, окончательно иссяк, когда 25 октября главные силы Чичагова, внезапным ночным штурмом захватив цитадель и склады Минска, перерезали линии коммуникаций Наполеона. Пронаполеоновское правительство Литвы, которое находилось в зачаточном состоянии, рухнуло, и страна покорно вернулась под управление России.

Наполеон взят в плен

Следующей ночью (26 октября) император тайно уехал из Смоленска. Скромный экипаж Наполеона сопровождали всего два эскадрона польских улан из состава гвардии. Наполеон ехал на запад, чтобы навести порядок в своей империи. Маршал Ней принял командование таявшими остатками Великой армии, изоляция которой становилась все более угрожающей. Эта армия была уже не в состоянии восполнять запасы продовольствия и фуража.

Спустя всего два дня, 28 октября, эскорт, сопровождавший Наполеона, попал в засаду и был рассеян отрядом Дениса Давыдова. Этот отряд состоял из гусар, казаков, ополченцев и конной артиллерии. Прежде Давыдов однажды видел Наполеона, во время встречи последнего с царем, которая состоялась на Немане в 1807 году. Как только Давыдов увидел в мерцающем свете факелов императора, который стоял у своего экипажа, он понял, какую огромную ценность представляет этот пленник. Все было кончено. Наполеона срочно доставили в штаб Кутузова, который тогда находился в Витебске. Там пленного императора приняли чуть ли не с благоговением¹.

Отсюда курьеры помчались в ставку царя, чтобы получить указания, как поступить со столь блистательным гостем и как сообщить публике о таком чудесном развитии событий. Между тем четырем уланам, сопровождавшим Наполеона, удалось избежать плена и добраться до Варшавы, откуда известие о катастрофе подобно лесному пожару распространилось по всей Европе.

¹ Давыдов. «На службе у Царя против Наполеона» (Лондон, 1999), с.94.

В сопровождении сильной охраны, которая в большей степени была необходима для защиты от разгневанных крестьян, нежели для предотвращения побега, Наполеон был доставлен в Москву. Там он сразу же оказался за высокими стенами Кремля. Вначале царь и его придворные рассматривали ценного пленника как разменную монету, используя которую, они рассчитывали добиться от Франции больших уступок. Соответствующие предложения были направлены по дипломатическим каналам в Париж, однако к тому времени как они туда попали, новое французское правительство уже достаточно прочно держало власть в своих руках. Оно уже направило мирные предложения всем противникам Франции и приступило к переговорам с Бурбонами, которые находились в изгнании в Англии, предполагая реставрацию этой династии на французском троне.

Все это привело к резкому падению ценностей «разменной монеты». Ни один член французского правительства не желал возвращения императора, и уж тем более не хотел идти на существенные территориальные уступки ради его свободы. Казалось, что в лучшем случае бывшего императора ждет тихий уголок в Сибири.

Капитуляция и мир

В середине ноября под нажимом нового французского правительства маршал Ней и таявшие остатки его армии (в течение этих недель дезертирство еще более усилилось) капитулировали в Смоленске. Нефранцузские подразделения, которым было оставлено их оружие, артиллерия и знамена, сразу же отправились домой. Последними попали на родину французские подразделения, которые составляли ядро армии Наполеона. Им было позволено взять с собой личное оружие и знамена, но лишь символический артиллерийский парк, который состоял всего из двадцати четырех пушек. В состав французских подразделений, покидавших Россию, входило всего несколько эскадронов кавалерии и практически отсутствовал обоз, поскольку французы съели большую часть своих лоша-

дей, ставших подобиями скелетов. Это, впрочем, позволило им выжить.

Возвращение во Францию превратилось в низкопробный фарс, когда на заключительном этапе унижительного марша им пришлось проходить по злорадно ликующим германским государствам, которые не забыли об обидах, нанесенных в свое время французами. Чтобы обеспечить безопасный переход остатков Великой армии, было выделено большое охранение. Другой неприятной неожиданностью для уцелевших деморализованных солдат оказалось то, что теперь им пришлось платить вперед за продовольствие и напитки, которые им поставляли (что значительно отличалось от спокойных дней 1806 года). Возвратившись в гарнизоны, они узнали, что правительство намерено самым решительным образом сократить армию, чтобы сэкономить деньги, необходимые для выплаты репараций. Узнали они и о том, что предстоящая полная реорганизация армии должна была списать со счетов номера их славных полков, которые еще совсем недавно заставляли трепетать от ужаса жителей десятка европейских столиц.

На Франкфуртском конгрессе, который состоялся в 1813 году, европейские монархи в конечном счете решили, что Наполеона (который по-прежнему оставался в Кремле, «наслаждаясь» гостеприимством царя) безопаснее всего будет содержать в Англии, в самом центре страны, которая всегда была его самым непримиримым врагом. В соответствии с этим решением Наполеону было отведено большое поместье в центре Уорвик Касла, равноудаленного от берегов всех морей, омывающих Британские острова. Оказавшись там, Наполеон сразу же приступил к активной деятельности: он создавал свой миниатюрный двор и принимал множество людей, приехавших к нему из Франции, Соединенных Штатов Америки и многих других стран. Он очень хотел увидеть Новый Свет, но поскольку это было совершенно невозможно, смирился с тем, что придется довольствоваться центральной Англией. Выполнение этой задачи несколько облегчали поставки вина и коньяков самых разнообразных марок, а также целый штат весьма искусных и изобретательных поваров.

Бывший император так и не привык к британской погоде, но тактичное присутствие Марии, графини Валевской, а также периодические визиты его сына, герцога Рейхштадского, поднимали его настроение. Он всегда был занят, причем, как правило, делал одновременно три или четыре дела. Наполеон получал большое удовольствие от словесных перепалок со своим «тюремщиком», несчастным сэром Хадсоном Лоу, который в этих битвах обычно терпел полное поражение: свободное владение французским языком никогда не входило в список его достоинств, а тщательно отрепетированные аргументы (которые должны были стать продолжением уже проигранной Наполеону вечерней битвы) неизменно уничтожались еще в течение первых минут нового словесного сражения¹.

В последующие годы Наполеон написал свои мемуары и вел постоянную переписку с герцогом Веллингтоном, который иногда навещал его. Они так и не стали близкими друзьями, но их уважение друг к другу было взаимным и искренним. У Наполеона была склонность читать лекции, а герцог был слишком вежлив, чтобы прерывать бывшего императора, когда тот становился слишком скучен, что, впрочем, случалось крайне редко. Благодаря советам Наполеона годы, в течение которых герцог Веллингтон занимал пост премьер-министра (1828 — 1830 и 1833 — 1846), стали двумя самыми конструктивными, рациональными и удачными периодами британской истории.

Наполеон умер 5 мая 1821 года. Он был похоронен со всеми воинскими почестями в Уорвик Касле. Его могила оставалась там до 1840 года, когда останки перевезли в Париж и погребли в Доме Инвалидов, где они находятся и поныне.

Следует упомянуть и об одном эпизоде, который вносит некоторый диссонанс в череду уже изложенных событий. Один слегка неуравновешенный бонапартист, Пьер д'Оффсрюр, в течение нескольких лет опубликовал целую серию памфлетов, в которых утверждал, что Наполеона травил ядом герцог Веллингтон, снабжавший его нюха-

¹ Наполеон, Мемуары (Лондон, 1818), том XIII, с. 113.

тельным табаком с подмешанным в него мышьяком. В основе этих обвинений лежит малоубедительное «доказательство», которое заключается в отсутствии целого ряда расписок о получении ядов, проданных герцогу его аптекарем. Впоследствии были проведены судебные экспертизы, в результате которых было установлено, что содержание мышьяка в останках Наполеона действительно достигает смертельного уровня. Однако подозрение скорее падает не на герцога, а на одного человека из персонала Наполеона, который вместе с ним разделил изгнание в Уорвик Касле и которому Наполеон отписал большую часть своего имущества.

В реальности

Большинство событий, описанных в этой вымышленной версии, действительно имели место в ходе грандиозной Бородинской битвы. Исходные позиции войск, мощные артиллерийские обстрелы, потеря деревни Бородино, битвы за флеши и «Большую батарею» — все это имело место в действительности, как и рекогносцировка Платова и глубокий рейд по недостаточно защищенному флангу французов. Войска Евгения *были* отведены от Бородино на юг, за Колочу, и, *нанеся* удар по «Большой батарее», через пятнадцать минут взяли ее. Кутузов согласился оказать Платову поддержку (как предлагал фон Толль), но отклонил предложение герцога Вюртембергского направить в рейд не только кавалерию, но и пехоту. Таким образом, силы, которые приняли участие в этой операции, состояли из двадцати восьми эскадронов и двенадцати легких пушек I кавалерийского корпуса Уварова (2500 чел.), а также из 5 500 казаков. Последние, безусловно, представляли собой угрозу для рассеянных, отрезанных от основных сил и упавших духом солдат охраны обоза, а также для не знакомых с военным делом возниц повозок, скопившихся в огромных количествах вдоль Новой Смоленской дороги, но не годились для действий против регулярной кавалерии или пехотных каре. Они могли выглядеть угрожающе на расстоянии, но в тактическом плане на поле битвы мало что значили,

поскольку не были обучены атаке в конном строю. Другой причиной, которая даже еще в большей степени повлияла на то, что рейд оказался таким малоэффективным, было отсутствие конкретной хорошо продуманной задачи: весь замысел операции сводился к «блестящей идее» отомстить противнику.

Как только на западных подходах к Беззубово были обнаружены силы русских, французские 92-й и 106-й полки из состава 13-й дивизии Дельжона построились севернее деревни Бородино в каре. Таким же образом поступил и 84-й полк, который был удален от первых двух и занимал позицию южнее Беззубово. Тыл этого полка упирался в небольшое озерцо, образованное мельничной запрудой на реке Войне. Восточнее Беззубово расположилась 12-я бригада легкой кавалерии (конные егеря) генерала Орнано, состоящая из 9-го и 19-го полков.

Курьеры с тревожными известиями были отправлены к принцу Евгению, который в это время готовился к третьей атаке против «Большой батареи». Получив эти сведения, он отменил атаку и отправил назад, к западу от реки Семеновской свой IV корпус, а также 1-ю и 2-ю дивизии I корпуса. Эти подразделения вновь перешли Колочу и, чтобы оказать противодействие кавалерии Уварова, заняли позицию западнее Бородино. В результате ухода этих войск в позиции французов напротив «Большой батареи» образовалась значительная брешь, которую заполнили II корпус Монбрюна, III корпус Груши и IV Латур-Мобура кавалерийский корпус, которые понесли ужасные потери, когда им пришлось в течение двух часов удерживать фронт.

Так что же на самом деле произошло во время рейда?

Русские разделили свои силы. Казаки Платова двинулись на запад, чтобы напасть на обоз, а кавалерия Уварова вступила в бой с пехотными каре 13-й дивизии. Прусский полковник Карл фон Клаузевиц, который был начальником штаба Уварова, предложил ослабить сопротивление каре с помощью артиллерийского огня, что было чрезвычайно удачной идеей. Однако Уваров отклонил ее,

аргументируя тем, что это займет много времени. Он хотел нанести стремительный удар, а затем быстро уйти, не дожидаясь, пока подойдут французские подкрепления. Закономерным результатом такого решения было то, что три атаки, предпринятые гусарами лейб-гвардии, были отбиты, и русские понесли потери, после чего стойкий 84-й полк отступил и, перебравшись через мельничную плотину, оказался в безопасности. Им пришлось оставить два полковых орудия, но это была незначительная потеря. Атаки, предпринятые русскими против 92-го и 106-го полков, были столь же безуспешными, и поскольку направленные Евгением в этот район дополнительные силы уже начали прибывать, русские были вынуждены на этом закончить дело.

И все же инцидент еще не был полностью исчерпан. Наполеон окончательно отменил уже приостановленную третью атаку против «Большой батареи» и выехал из своего штаба, расположенного в Шевардинском редуте, на Новую Смоленскую дорогу, чтобы самому посмотреть, насколько серьезна сложившаяся там ситуация. Он также направил дивизию Молодой гвардии Руже севернее Колочи, а легион Вистулы послал на восток, к реке Каменка.

Рейд русской кавалерии спутал план битвы, разработанный Наполеоном, которому в течение двух часов пришлось восстанавливать баланс сил. Однако русские не сумели в полной мере воспользоваться ситуацией, что отнюдь не ставит под сомнение правильность принятого ими решения атаковать ослабленный фланг принца Евгения. В тот момент никто в ставке Кутузова еще не понимал, что уже сделано все, что только можно было сделать, и когда Уваров доложил Кутузову о результатах операции, тот лишь сказал: *«Я знаю, храни тебя Господь»*. Когда русская кавалерия ушла от Бородина, принц Евгений получил приказ возобновить атаку против «Большой батареи».

К трем часам дня (когда Евгений начал очередную атаку) сражение за Багратионовы флеши уже выиграли французы и их союзники, однако огромные потери обеих

сторон и ход сражения на центральном участке свидетельствовали о том, что ситуация заходит в тупик. 2-я русская армия, точнее, та малая часть, которая от нее осталась, находилась восточнее деревни Семеновская, то есть юго-восточнее «Большой батареи», и была не в состоянии оказать поддержку своим товарищам, которые защищали укрепление. В конечном счете батарея была захвачена 7-й бригадой тяжелой кавалерии Лоржа (а не 2-й кирасирской дивизией Коленкура, как это изложено в Наполеоновском мифе) и пехотой принца Евгения. Между тем на южном участке поляки и вестфальцы большую часть дня вели бои в районе Утицы, но не достигли видимого успеха.

Вечером битва окончательно зашла в тупик. Русские стойко держались на холмах, расположенных к востоку от взятых укреплений, а Великая армия понесла слишком большие потери, чтобы продолжать сражение. Потери русских составили около 43 000 человек, а потери союзников — приблизительно 28 000. Обе стороны потеряли примерно двадцать орудий. Наполеон, не зная, что предпринять в том затруднительном положении, в котором он оказался, медленно двинулся к Москве, тем самым направив свою армию прямо в западню, приготовленную для нее царем. Остальное известно из истории.

БИБЛИОГРАФИЯ

Baden, Wilhelm Hochberg, Markgraf von. Denkwuerdigkeiten. Heidelberg, 1906.

Bogdanowitch, Generalmajor M.I. History of the Campaign of 1812. Leipzig, 1836.

Chandler, David. The Campaigns of Napoleon. London, 1967.

Clausewitz, General Carl von. Hinterlassene Werke. Berlin, 1832.

Ditfurth, Maximilian, Freiherr von. Die Schlacht bei Borodino am 7 September 1812. Marburg, 1887.

Duffy, Christopher. Borodino: Napoleon Against Russia. London, 1972.

Gerdes, A. Die Geschichte der Truppen Bergs und Westfalen 1812 in Russland. Langendreer, 1914.

Gerhardt, O. Die Wuerttemberger in Russland 1812. Stuttgart, 1937.

Hohenhausen, Leopold von, Biographic des Generals van Ochs. Kassel, 1827.

Holzhausen, P. Die Deutschen in Russland. Berlin, 1912.

Kraft, Heinz. Die Wuerttemberger in den Napoleonischen Kriegen. Stuttgart, 1865.

Lossberg, Friedrich von. Briefe in die Heimat Geschrieben Waehrend des Feldzugs 1812. Berlin, 1912.

Pivka, Otto von. Armies of 1812. Cambridge, 1977.

Roth von Schreckenstein, Freiherr, Generalleutnant. Die Kavallerie in der Schlacht an der Moskva am 7 September 1812. Muenster, 1855.

Smith, Digby. The Greenhill Napoleonic Wars Data Book. London, 1998.

Wuerttemberg, Eugen Herzog von. Erinnerungen aus dem Feldzuge des Jahres 1812 in Russland. Breslau, 1846.

Джонатан Норт

БОРЬБА ЗА МОСТ В БОРИСОВЕ

Джонатан Норт, редактор этой книги, в 1991 году закончил Уорвикский университет (дисциплины: эпоха Возрождения и современная история). Провел несколько лет работая в Восточной Европе переводчиком, затем вернулся в Великобританию, где в 1996 году начал публиковаться. Автор статей о наполеоновской эпохе и истории Восточной Европы. Перевел и подготовил к печати мемуары Генриха фон Брандта, которые были опубликованы в 1999 году под названием «В легионах Наполеона».

19 октября 1812 года началось отступление Великой армии Наполеона из Москвы. После кровавых боев под Малоярославцем Великая армия продолжила свой отход к Смоленску по местности, опустошенной во время летнего наступления. Погода ухудшалась, дорога была разбита, а численность французской армии постоянно уменьшалась. Истощенные французы и их союзники дошли до того, что использовали в качестве пищи собственных лошадей. Армию изматывали постоянные атаки казаков и нападения враждебно настроенных крестьян, которые объединились в

банды. Прорвав заслон русских войск, которые под Вязьмой попытались встать на пути отступления, армия продолжала двигаться на запад, к Смоленску. 6 ноября выпал первый снег, а спустя три дня Наполеон и его гвардия вошли в обгоревшие руины некогда великого города. Через несколько дней к городу пробилась и остальные подразделения армии, которые подвергли его грабежам. Солдаты надеялись, что здесь им удастся хоть на время избавиться от постоянных невзгод. Однако как только Наполеон изучил обстановку, он понял, что в Смоленске нельзя оставаться на зиму: в августе город был опустошен огнем артиллерии и до сих пор стоял в руинах. Следовало продолжать отступление.

Пока Наполеон обдумывал свои перспективы, русские войска находились в движении. Армия Кутузова не пошла за французами в Смоленск, а, обойдя город, готовилась нанести удар по отступающей армии в районе городка Красный, расположенного в нескольких километрах к западу от Смоленска. На северном направлении русские войска, прибывшие из Финляндии после заключения мирного соглашения со Швецией, совместно с войсками Витгенштейна атаковали II, VI и IX корпуса французов, которые защищали северный фланг Великой армии. Девятого ноября, после вступления в Смоленск, Наполеон приказал Виктору и его IX корпусу перейти в наступление и нанести удар по силам Витгенштейна — чтобы освободить путь для отступления.

Минск в опасности

Однако еще большее беспокойство французского императора, которому изменила удача, вызывало развитие событий на южном направлении. Еще в августе из Бухареста на север двинулась русская армия, закаленная шестилетней войной с турками. Этой армией командовал адмирал Чичагов. В начале осени эти силы, пройдя через западную Украину и соединившись с русскими войсками, расположенными в этом районе, стали играть в кошки-мышки с австрийскими и саксонскими союзниками Наполеона, которым была доверена охрана французских

коммуникации. После задержки в Брест-Литовске, которая продолжалась в течение двух последних недель октября, Чичагов, под командованием которого находилось 65 000 человек, наконец решился выступить в поход на Минск, который был важнейшей базой французов. Таким образом он намеревался выполнить приказ царя, полученный в сентябре. Согласно этому приказу Чичагову надлежало *«захватить Минск и, заняв позицию вдоль реки Березина, соединиться с Витгенштейном»*. Выйдя из Брест-Литовска 29 октября и оставив под командованием Сакена 30 000 человек, которые должны были связать действия австрийских войск Шварценберга и саксонских войск Ренье, адмирал с оставшимися у него силами двинулся на Минск.

Поручив Сакену связать австрийцев, что тот и делал, энергично атакуя саксонцев и тем самым принуждая Шварценберга оказывать помощь Ренье, Чичагов неспешно двинулся на север. Третьего ноября он подошел к Слониму. Авангард вел Ламбер, за ним следовали Сабаньев и Войнов, а Чаплич шел в арьергарде. В связи с отходом Наполеона к Смоленску и вероятностью дальнейшего отступления его сил Минск приобретал чрезвычайное стратегическое значение. Захват Минска не только лишил бы французов запасов, необходимых, чтобы провести зиму в нормальных условиях, но также позволил бы русским двинуться на север и, взяв Борисов, овладеть мостом через Березину, по которому проходила дорога, соединяющая Москву с Варшавой. В результате французы оказались бы отрезанными от Европы. Однако, поскольку Чичагов не знал, что Наполеон ушел из Москвы, русский адмирал (который скорее был протеже царя, нежели способным полевым командиром) не мог знать и о том, сколь значительную роль могут сыграть его действия. В Слониме, как, впрочем, и в Брест-Литовске, Чичагов испытывал колебания, поскольку его больше заботили австрийцы, которые оставались в тылу, нежели захват минских складов.

Французским гарнизоном Минска командовал сорокадвухлетний поляк, генерал Миколай Бронниковский. Зимой прошлого года Бронниковский провел среди пальм и миртовых рощ Валенсии и теперь испытывал беспо-

койство как из-за холодной осенней погоды, так и из-за слухов о приближении русских. В течение лета французы заготовили огромные запасы продовольствия, которые теперь хранились на складах Минска. В общей сложности было заготовлено около 3600 центнеров муки, 22 000 бушелей овса, 6000 центнеров сена и 200 бочонков коньяка. Город служил также и крупным госпиталем французской армии: 5000 раненых были размещены в женском монастыре бернардинок и в церкви Петра и Павла. Что касается обороны Минска, то Брониковский мог рассчитывать на гарнизон, в состав которого входили два батальона французской пехоты (из 95-го и 46-го линейных полков), Вюртембергский батальон (из 7-го полка), сомнительного качества 22-й и 23-й полки Великого Герцогства Варшавского, которые были сформированы из недавно призванных на воинскую службу литовских рекрутов, два батальона из состава 2-го полка литовских стрелков и два эскадрона из состава 18-го уланского полка. Кроме того, в распоряжении Брониковского находились 300 французских драгун и 70 литовских жандармов — для решения полицейских задач. Они отражали набеги мародеров, которые орудовали в радиусе нескольких миль вокруг Минска (так, лишь в течение последней недели октября были арестованы и расстреляны шесть португальцев, десять испанцев, двадцать пять французов и один хорват), сдерживали налеты банд беглых крестьян, которые, пользуясь отсутствием своих хозяев, повсеместно занимались грабежами. В отношении артиллерии он мог рассчитывать на небольшое количество немецких канониров и отряд французских артиллеристов, который был направлен в IX корпус, но, опасаясь партизан, остался в Минске.

2 ноября Брониковский получил от Шварценберга невнятное сообщение о продвижении русских войск. Он привел гарнизон в боевую готовность, задержал выход из Минска всех подразделений, которые следовали через город транзитом, временно сформировав из них три батальона, разработал планы возведения укреплений, предупредил об опасности Марсе, который находился в Вильно, и приказал генералу Коссецкому защищать мост в Новом Свергене.

11 ноября, когда осуществлялись все эти меры безопасности, авангард Чичагова, которым командовал энергичный французский эмигрант граф Ламбер, атаковал деревню Несвиж, рассеяв учебный эскадрон 18-го уланского полка. Русские, взяв в плен шестьдесят два человека, сами потеряли всего двух человек, которые в ходе атаки получили ранения. Однако десять литовцев сумели уйти. Миновав позиции Коссецкого, они на следующий день появились в Минске. Брониковский получил известие об их прибытии вечером, как раз в тот момент, когда готовился приступить к обильному ужину. Он тут же составил депеши, в которых просил срочно оказать помощь. Эти послания были адресованы Маре, Домбровскому, польская дивизия которого, в тот момент находившаяся чуть восточнее Бобруйска, блокировала подступы к этому городу; Удино, корпус которого располагался еще дальше, а также Шварценбергу. Командующий австрийскими войсками, следуя за Чичаговым, 12 ноября вступил в Слоним, но был вынужден повернуть назад чтобы оказать помощь своим саксонским союзникам, которые подвергались энергичным атакам Сакена.

Тем не менее Брониковский получил весьма значительную поддержку от Домбровского, который, получив депешу из Минска, сразу же собрал все, что было у него под рукой (1-й, 6-й, 14-й и 17-й полки польской пехоты, а также 2-й, 7-й и 15-й полки польских улан), и двинулся к Минску. 16 ноября Брониковский на немецком языке энергично приветствовал его прибытие.

Удино не столь быстро реагировал на призыв Брониковского. 18 ноября его корпус двинулся к Борисову. Пехота заняла *tete du pont*¹ на западном берегу реки, а артиллерия и кавалерия Дюмерка расположились в самом городе. Маре, находясь в Вильно, едва ли мог оказать какую-то помощь.

Тем временем Брониковский приступил к укреплению Минска. 13 и 14 ноября (когда Наполеон ушел из Смоленска и продолжил марш своей измученной армии на запад) энергичный польский генерал наблюдал за строи-

¹ Предмостное укрепление (*фр.*)

тельством земляных укреплений. Эти работы возглавил инженер-капитан, который в Минске выздоравливал после ранения. Его имя лишь впоследствии получило известность¹. Кроме того, Брониковский снес некоторое количество построек, расположенных по берегам реки Свислочь, чтобы обеспечить ведение прицельного огня из цитадели — в случае, если русские прорвут внешнюю линию обороны.

11 ноября в Новом Свергене внезапно появились спасавшиеся бегством остатки 18-го уланского полка. Коссецкий отвел свою кавалерию на другую сторону реки, разместив пехоту и одну пушку на северном берегу. 15 ноября возвратившийся из разведки отряд кавалеристов доложил, что русские, численностью 25 000 человек, только что вышли из Несвижа. Разграбив замок князя Радзивилла и отдав должное винному погребу аристократа, они двигаются вперед. Понимая безнадежность своего положения, Коссецкий сжег мост и отступил.

Уничтожение моста остановило дальнейшее продвижение авангарда русских, которым командовал Ламбер. Когда стемнело, подошли основные силы Чичагова. После краткого совещания с Ламбером адмирал решил, что как только рассветет, надо во что бы то ни стало попытаться форсировать реку. На следующее утро его кавалерия стала перебираться на другой берег в тех местах, где река уже была скована льдом. Сам Чичагов наблюдал за наведением моста для пехоты и артиллерии. Переправа артиллерии, несмотря на героические усилия раздосадованных и замерзших людей, потребовала времени. Пехота Чичагова — *«ветераны десяти кампаний, крепкие, сытые, хорошо вооруженные и снаряженные солдаты»* — как указывает генерал Ланжерон, который командовал одной из дивизий армии адмирала, лишь утром 18 ноября соединилась под Минском с кавалерией.

¹ Об удивительной личности этого офицера, в свете его последующей блестящей карьеры, см. Работы Исторической Ассоциации Верхней Гаронны, том XXIX-b, январь 1876.

Начало осады

Теперь Минск был изолирован. Русская кавалерия, которой умело командовал Ламбер, перерезала дороги, ведущие в Борисов и Вильно. Удино, который находился в Борисове с 9000 пехоты II корпуса (кавалерия II корпуса под командованием Корбино, прежде направленная в распоряжение VI корпуса, теперь возвращалась и должна была присоединиться к войскам Удино) и кирасирами Дюмерка, был всерьез обеспокоен ситуацией на юго-западе, но считал, что у него слишком мало сил, чтобы вести активные действия. Кроме того, он понимал, насколько важно удерживать в своих руках длинный и весьма уязвимый мост через реку Березину, который был расположен в Борисове. Чичагову пришлось рассредоточить свою пехоту по деревушкам, разбросанным вокруг Минска. Становилось все холоднее, к тому же возникали трудности с продовольствием и фуражом. В своих мемуарах Ланжерон с горечью упрекает адмирала в этой задержке. Он считал, что боевой дух и храбрость русских войск диктовали: лучшим тактическим решением была бы внезапная смелая атака¹. Однако Чичагов был, несомненно, прав, когда вместо рискованного штурма города решил дожидаться подхода своей артиллерии. Тактика внезапного штурма, которую так успешно использовал Суворов, всего два года назад при Рущуке, привела к самым печальным последствиям². 18 ноября, во второй половине дня большие орудия все еще не подошли. Чичагова буквально преследовали его дивизионные генералы Ланжерон и Сабаньев, которые, как утверждает Ланжерон, встав на колени, умоляли адмирала попытаться взять Минск ночным штурмом.

¹ Досада Ланжерона понятна. Многие офицеры Чичагова были недовольны службой под началом этого неопытного командира. См. Ланжерон, Мемуары, (Панс, 1902), сс. 362-3.

² Ночной штурм Рущука (ныне город Русе в Болгарии) был трагической ошибкой и стоил русским 12 000 жизней. См. Ф. фон Шуберт, *Unterdem Doppeladler: Erinnerungen eines Deutschen im Russischen Offiziersdienst 1789-1814* (Штутгарт, 1962), с.212.

К полуночи войска, которые должны были штурмовать город в первом эшелоне, были сосредоточены во временных траншеях (с большим трудом выкопанных в мерзлой земле солдатами 14-го и 27-го егерских полков) вне пределов досягаемости защитников города. Ланжерон решил поставить в центре штурмовой колонны Витебский и Козловский полки, на правом фланге 13-й егерский полк, а на левом фланге Кобринский и Колыванский полки, общая численность первого эшелона составляла примерно 5500 человек. Была безлунная ночь и в городе царила мертвая тишина, когда ровно в четыре часа русские, выбравшись из траншей, тремя плотными колоннами без единого звука устремились вперед к французской линии обороны. Они взяли земляные укрепления еще до того, как была объявлена тревога. Защитники едва ли успели сделать и выстрел. Казалось, все складывается очень удачно для русских. Капитан Шуберт, немецкий офицер, который в то время находился на русской службе, принял участие в штурме и впоследствии описал драматические события той грозной ночи, когда русские солдаты, заполнив своей массой укрепления и вдохнув аромат победы, сочли, что дело уже выиграно: *«Они могли бы остановиться здесь, восстановить свои боевые порядки и ждать прибытия основных сил, но кто сможет остановить войска, особенно ночью, когда они совершили настоящий боевой подвиг, когда они считают, что битва выиграна и когда они уверили себя в том, что богатый город у них в кармане?»*

Домбровский, не ожидая, что русские предпримут такую атаку, разместил на укреплениях лишь три роты литовских солдат. Основная часть гарнизона в это время спала. Однако, услышав первые выстрелы, он немедленно на них отреагировал. Построив 1-й и 6-й польские полки на открытом пространстве у Свислочи, он повел их в наступление, приказав перейти на бег. Вплотную за ним следовал Бронниковский, который вел батальон 7-го вюртембергского полка и батальон 95-го французского полка.

Русские, утратившие в результате первоначального успеха всякую дисциплину, были застигнуты врасплох внезапным появлением противника. Поляки, сохраняя молчание, подошли к бурлящей массе русских на 100 шагов, а

затем с криком бросились в штыковую атаку. Русские, не ожидавшие такого удара, откатились назад за укрепления и пустились в бегство. Эмигрант Рошешуар, который в то время находился на русской службе, вспоминал, что русские войска *«объяты паникой и обезумевшие от ужаса кричали: «Французы! Французы!» и были совершенно не в состоянии сказать что-либо еще»*¹. Оказавшись зажатым между 1-м польским и 95-м французским полками, один батальон Витебского полка был полностью уничтожен. Вообще, дивизия Ланжерона понесла значительные потери². Огромным был и моральный ущерб русских. Весь их выигрыш состоял из единственной пушки, которую пришлось бросить, поскольку не было возможности взять ее с собой.

Поляки не отходили далеко от своих укреплений, однако их артиллерия открыла огонь и весь день обстреливала позиции русских, правда, без особого успеха. Бессистемный обстрел продолжался и все следующее утро, которое было чрезвычайно холодным и пасмурным. Домбровский привел в порядок поврежденные укрепления и ускорил строительство второй линии обороны, которая состояла в основном из забаррикадированных домов. Он также послал свою кавалерию в Борисов, к Удино. Проведя весь день в наблюдениях за тем, как русские устанавливают на позиции свою артиллерию, французские драгуны, польские уланы и литовские жандармы вечером прорвались сквозь казачьи патрули и ускакали на северо-восток.

¹ См. Энтони Бретт-Джеймс, 1812: *Свидетельства очевидцев поражения Наполеона в России* (Лондон, 1966), с.123.

² Мартипъен указывает в списке потерь двух раненых польских офицеров и одного убитого офицера 95-го полка. Но, по всей вероятности, он ошибается, утверждая, что два офицера 6-го польского полка в тот день были ранены «в Молодечню»; там не было сражения, и офицеры, несомненно, получили ранения в Минске. Согласно официальному докладу Домбровского, потери русских составили около 500 человек.

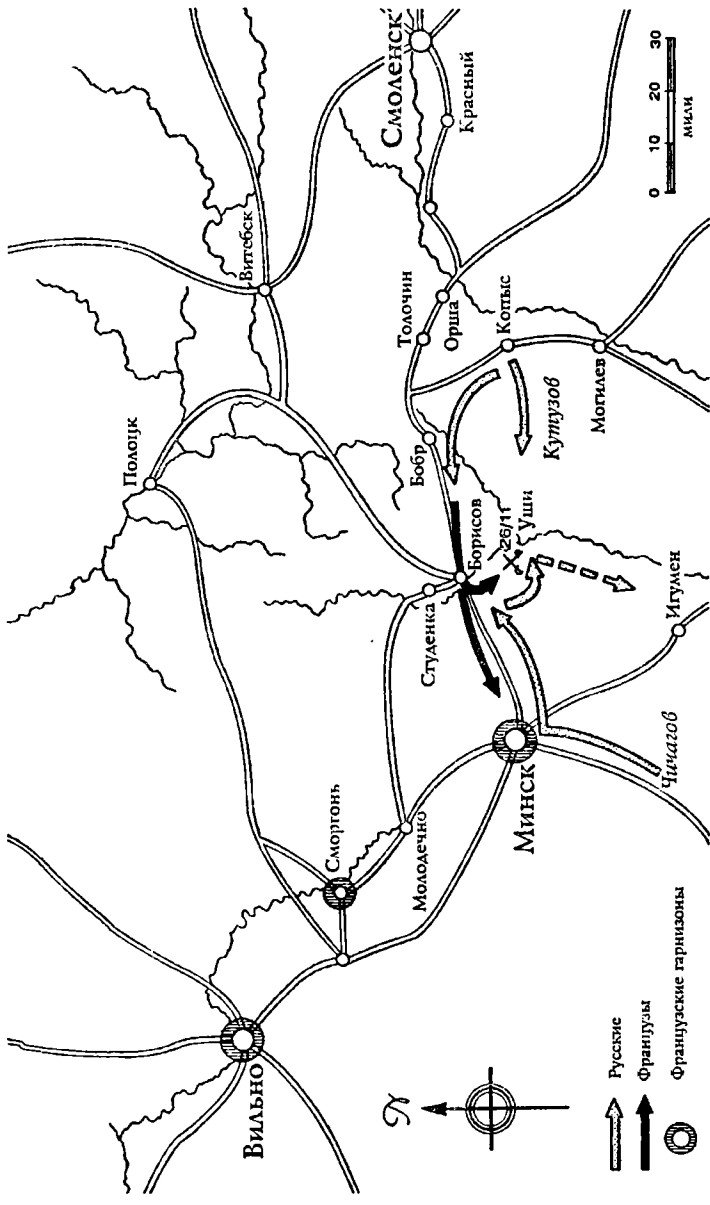
20 ноября, когда осада Минска усилилась и русская артиллерия на рассвете наконец открыла огонь по городу, Великая армия, пробившись с боями через заслоны русских войск в районе Красного, входила в Оршу, расположенную в 40 милях от Борисова. Первыми сюда прибыли остатки IV корпуса принца Евгения, который, обнаружив в Орше изобилие запасов, необходимых для обеспечения армии, отправил Удино и Виктору уведомление Бертье о приближении Московской армии: *«Длительный поход этой армии, а также множество славных сражений, в которых ей довелось участвовать, делает настоятельной необходимостью ее обеспечения отдыхом и продовольствием»*. В ответ Удино сообщал, что Минск, с его огромными складами, осажден *«45-тысячной русской армией»*.

Обстрел русской артиллерии нанес Минску значительный ущерб. Особенно досталось цитадели, на которую обрушился град русских ядер. Несмотря на то что толстый слой недавно выпавшего снега поглотил значительное количество русских ядер, войска, которые обороняли укрепления, также понесли потери. В течение дня дезертировало некоторое количество литовцев, значительная часть которых попала в руки легкой кавалерии русских, патрулировавшей севернее города.

20 ноября уязвленный поражением Чичагов, подавшись уговорам своих офицеров, вновь предпринял атаку укреплений. Сначала русские совершили отвлекающий маневр, атаковав западную часть города, Вильненское предместье. Три егерских полка (13-й, 14-й и 27-й, под командованием князя Трубецкого) устремились через открытое пространство к французским траншеям. После того как атака была отбита, русские отступили, перегруппировались и повторно атаковали позиции противника. Три артиллерийских залпа возвестили о начале атаки главных сил, которые нанесли удар по городу с юго-востока. Солдаты устремились вперед, шинели их развевались на ветру. Под дробь барабанов, с развернутыми знаменами четыре русских полка шли тремя плотными колоннами, намереваясь решительным штурмом взять

укрепления. Однако, попав под картечь противника и губительный ружейный огонь двух французских батальонов, колонны русских понесли значительные потери. Среди убитых был и генерал Энгельгарт. В какой-то момент русские ворвались на укрепления и вступили в жестокую рукопашную схватку с защитниками. Эта схватка продолжалась до тех пор, пока направленные Домбровским резервы не сбросили русских с усыпанных трупами укреплений.

Последовала новая атака, в которой к полкам, принявшим участие в первом штурме, присоединились три смешанных гренадерских батальона под командованием Ланжерона. Русская артиллерия, которой командовал Бужычев, была выдвинута вперед и, несмотря на большие потери, открыла разрушительный огонь по укреплениям. Эта попытка имела больший успех, и русские войска, проявляя невиданную отвагу, ворвались на укрепления и отбросили французов в город. Защитники, воодушевленные героическим примером Домбровского, приготовились оборонять забаррикадированные дома. Не дожидаясь, пока более значительные силы русских ворвутся в город, Брониковский нанес хорошо продуманный фланговый контрудар, лично возглавив лучшие роты литовских полков и два батальона 17-го польского линейного полка. Русским вновь пришлось отступить, расстроив боевые порядки свежих сил, которые двигались им на помощь. Однако на этот раз французы и поляки слишком увлеклись преследованием противника, в результате чего две роты 46-го линейного полка (около 120 чел.) были взяты в плен. Когда французы, поляки и литовцы вновь заняли оборону на укреплениях, русская артиллерия в отместку подвергла эффективному обстрелу позиции ликующих защитников укреплений. В пять часов вечера, когда стемнело, шумно заговорила артиллерия обороняющихся. То же самое повторилось и на следующий день, когда войска из состава дивизии Воинова бросились на укрепления. Их атака была отбита благодаря умелой обороне укреплений. Русские мало чего добились — они лишь захватили две пушки противника и открыли огонь по Вильиенскому предместью Минска. Других успехов не было.

Военные действия на Березине, ноябрь 1812.

Чичагов был крайне удручен этими неудачами, хотя отправил в Москву победную реляцию, в которой сообщал о захвате двух пушек и тысячи пленных. С присущим ему непостоянством Чичагов приказал прекратить штурмы¹. Командиры его подразделений настаивали на продолжении штурмов, поскольку Минск едва ли можно было взять измором, но адмирал был непоколебим. Тем же вечером он решил оставить у Минска дивизию Воинова, придав ей в качестве поддержки кавалерию Чаплича. Этим силам надлежало блокировать Минск, тогда как сам Чичагов с остальными войсками намеревался двигаться к переправе через Березину и ждать там прибытия Витгенштейна. Адмирал не хотел оставлять у себя в тылу войска противника, но в данном случае он был убежден, что гарнизон Минска едва ли попытается вести действия за пределами города, в связи с тем что у него недостаточное количество кавалерии и артиллерии.

Подготовка к походу, которая началась ночью, продолжалась все утро следующего дня. Однако в 11 часов утра французы предприняли решительную вылазку и, дойдя до первой линии русских траншей, нанесли противнику значительный урон. Лишь после полудня 22 ноября войска Чичагова наконец выступили в поход и в течение трех часов, до того как стемнело, мерным шагом двигались в северо-восточном направлении. Основная часть армии расположилась лагерем прямо на снегу и страдала от холода, так как стояла морозная погода. Менее тысячи счастливых сумели встать на постой в маленькой деревне Жодино. К рассвету 23 ноября силы адмирала уменьшились на 2000 человек.

Аналогичная ситуация, только в еще большем масштабе, имела место и в некогда блестящей армии Наполеона. Его войска теперь подходили к Бобру, расположенному

¹ «Его мозг, подобно вулкану, каждую минуту извергал какой-нибудь новый план и с каждым этим вздорным и неосуществимым планом следовало немедленно соглашаться», — писал рассерженный Лапжерон о своем командире.

всего в двадцати пяти милях от Борисова. Император приказал IX корпусу Виктора отойти к Борисову и блокировать армию Витгенштейна, прикрывая северный фланг армии Наполеона. Он не надеялся на то, что Виктор подойдет к Березине раньше 26 ноября. Беспокойство Наполеона в отношении Борисова моста уменьшилось, поскольку в городе стояли войска Удино, а когда Великая армия подошла к Толочину, ее встретил отряд Корбино, высланный навстречу императору скорее из желания выразить почтение, нежели в силу практической необходимости. После Красного русские несколько ослабили преследование Наполеона. Кутузов, отправив вперед Ермолова, Милорадовича и массы казаков, сам остался с основными силами армии в Копысе.

Битва за мост в Борисове

23 ноября стоял сильнейший мороз. Силы Чичагова, завершив свой марш, в 3 часа дня появились перед укреплениями Борисова, расположенными на западной стороне Березины¹. Прибытие русских не стало неожиданностью для французов. В то же время Чичагов, который знал, что в Борисове стоят вражеские войска, совершенно не представлял себе, какова их численность и какому корпусу они принадлежат. Генерал Обри, который командовал артиллерией Удино, удачно разместил свои пушки и, как только русские оказались в пределах видимости, дал по ним залп. Артиллерия Чичагова ответила, дав залп в основном с перелетом, поэтому русские ядра нанесли ущерб самому городу, который был заполнен войсками, стекавшимися в него со стороны Бобра. Русские стрелки начали дуэль со своими противниками, которые вели огонь из укреплений, защищавших подступы к мосту. Эта перестрелка продолжалась до конца дня.

24 ноября русские добились значительного успеха, когда отряд казаков, обнаружив брод, который находился севернее города, напротив богом забытой деревушки

¹ Эти укрепления были возведены самими русскими еще в начале кампании.

Студянка, перешел реку и двинулся в направлении главной дороги. Они совершили рейд по обозам II корпуса, подожгли несколько повозок и захватили некоторое количество пленных.

Пленники, доставленные в штаб Чичагова, предстали перед адмиралом. К его удивлению, оказалось, что их подразделения входят в состав Московской армии Наполеона (это были пехотинцы из корпуса Жюно) и что Великая армия уже входит в Борисов. Потрясенный этим известием Чичагов, который считал, что Наполеон находится в сотнях миль восточнее, был обескуражен: менее чем через сутки ему, возможно, придется вступить в бой с французским императором и его мощной армией. Он отправил Воинову распоряжение двигаться к Уше, расположенной в пятнадцати милях к югу, чтобы там соединиться с главными силами, и спешно двинул свою армию в том же направлении.

Когда войска Чичагова выступили на юг, первые подразделения Московской армии Наполеона начали переходить мост в Борисове. Однако количество войск, переправлявшихся на западный берег Березины, значительно превышало пропускные возможности моста, и Удино дал распоряжение генералу Эблю построить второй мост, пригодный для переправы пехоты. Воданкур оставил свидетельства того, какие именно подразделения форсировали Березину 24 ноября: артиллерия Удино, которую прикрывала кавалерия Корбино и Дюмерка, а также польские уланы из дивизии Домбровского (около 3000 человек); VIII корпус Жюно (1000 чел.); V корпус Зайончека (2500 чел.), усиленный Могилевским гарнизоном; III корпус Нея (2000 чел.) и наконец, около 2000 оставшихся без лошадей истощенных кавалеристов. На следующий день в Борисов прибыл Наполеон с императорской гвардией. Он испытывал неожиданный прилив энергии, которой так не хватало в ходе этой долгой и неудачной кампании. Наполеон направил Маре и Домбровскому целый поток распоряжений и разработал план изоляции и уничтожения армии Чичагова до подхода основных сил русской армии. Узнав о том, что корпус Виктора уже подошел, он распорядился ускорить движение Великой армии,

которая в течение еще нескольких дней форсировала Березину под руководством «железного маршала» Даву, после чего двинулась на Минск. Наполеон дал указание предпринять все возможное для того, чтобы ускорить поход 50 000 отставших солдат.

Попытки упорядочить переправу через Борисов мост, которые предприняли отдельные подразделения военной жандармерии и жандармерии II корпуса, которой командовал Равье, в определенной степени достигли успеха. Французы ускорили переправу еще до того, как утром 28 ноября корпус Виктора, который находился в Борисове, начал свои знаменитые арьергардные операции, целью которых было остановить Витгенштейна и Ермолова, угрожая им окружением в случае преследования отставших подразделений армии Наполеона и тем самым обеспечивая переправу последних через Березину.

Наполеон наносит ответный удар

Корпусу Удино, в авангарде которого были польские уланы Домбровского и дивизия Лагранжа, согласно приказу Наполеона надлежало двигаться в направлении Минска, а затем, совершив фланговый разворот, с востока атаковать населенный пункт Уши, расположенный на Березине. Сам Наполеон, взяв свою гвардию и соединения Зайончека, Нея, Дюмерка и Корбино (в общей сложности 14 500 пехоты и 3200 кавалерии), 25 ноября выступил на юг. Им надлежало вступить в бой с расположившейся лагерем в Уше 20-тысячной армией Чичагова, имевшей 120 пушек.

Чичагов, выполняя приказ удерживать позицию вдоль Березины, посылал отряды на другую сторону реки в отчаянных попытках обнаружить хоть какие-то признаки основных сил русской армии. На исходе дня двадцать пятого ноября его передовые посты были смяты стрелками Кесселя из состава императорской гвардии, а деревня, в которой он разместил свой штаб, подверглась обстрелу артиллерии Сорбье. Чичагов построил свои войска в линию, причем деревня Уши прикрывала правое крыло его армии. Однако левое крыло в целом было открыто с фланга, несмотря на то что некоторой защитой служил

Минский лес и небольшой холм. Адмирал надеялся, что вскоре появится Воинов, но тот, выйдя из Минска в этот же день, наткнулся на войска Удино. Воинов повернул на юг и двинулся к Игумену, а войска Удино, выполнив задачу по прикрытию отхода в направлении Минска остатков Великой армии, после нескольких недель вынужденного бездействия отбросили силы Воинова и ускоренным маршем двинулись в направлении деревни Уша. Польские крестьяне провели войска Удино скрытыми тропами и проселочными дорогами. 26 ноября перед самым рассветом французы и поляки подошли с юга к позициям Чичагова. Как раз в это время гвардия Наполеона предприняла массированную атаку деревни Уши, которая была ключевой позицией правого крыла русских.

Услышав о том, что на его левом крыле появились войска, Чичагов, считая, что это прибыли силы Воинова и Чаплича, приказал левому крылу выдвинуться вперед. Этот приказ был выполнен, и при поддержке огня мощной артиллерийской батареей русским удалось добиться успеха, атаковав поредевшие силы Нея и Зайопчека. На правом фланге русских, в самой деревне, развернулось кровопролитное сражение. В этом сражении принял участие самый способный хронист этой кампании, сержант Бургонь, который оставил свидетельства об этом бое:

«Мы обнаружили, что большое количество пеших солдат скопилось в домах, часть которых была объята пламенем. Началась отчаянная рукопашная схватка. Была ужасная резня, каждый дрался за свою жизнь. Мы подошли к скотному двору, в котором оказалось множество русских, окруженных нашими. Мерцающий свет выстрелов озарял сцену ужасной бойни, русские и французы в полной неразберихе стреляли друг в друга в упор».

Императорская гвардия, подавляя любое сопротивление, продвигалась по деревне, нанизывая на острия сверкающих штыков все, что попадалось навстречу. Русские войска, которые предприняли атаку на левом фланге, были дезорганизованы собственным успехом и выбились из сил, пробираясь по глубокому снегу. Боевой пыл

русских уже начал остывать, когда им в тыл ударила дивизия Лагранжа. Одновременно с ней фронтальный удар по скоплению обескураженных русских войск нанесла кавалерия императорской гвардии под командованием Мюрата, а также кирасиры Дюмерка. Фланг русских рухнул, солдаты бросились кто куда. Лишь Житомирский и Кинбурнский драгунские полки продолжали оказывать сопротивление и, предприняв доблестную атаку, отбросили польских гвардейских улан¹. Центр русских, которым командовал Ланжерон, потеряв ориентировку в связи с крахом обоих флангов, стал отходить, подвергаясь непрерывным атакам французской кавалерии и натиску своих же отставших солдат, которые пытались прорваться в тыл. В то же время смешанные гренадерские батальоны, так опозорившиеся под Минском, здесь покрыли себя славой, повторив подвиг гвардейцев Измайловского полка при Бородино. Они даже пошли в штыковую атаку на французских кирасиров. При поддержке русской артиллерии, проявившей беззаветную храбрость, эти войска, оказывая упорное сопротивление, организованно отступали, обеспечивая отход других подразделений армии. Артиллеристы, так и не бросившие своих пушек, были изрублены саблями и заколоты штыками. Обезумевшие от ярости французы вытаскивали укрывшихся под пушками и убивали их.

Наполеон приказал своей кавалерии по возможности продолжать преследование русских, однако оно не продлилось долго, поскольку лошади были в ужасном состоянии. Основная масса русских войск бежала в направлении Игумена настолько быстро, насколько позволял снег, а часть кавалерии спаслась, переправившись через Березину.

Император пришел в полный восторг от успеха, поскольку это была его первая настоящая победа в этой кампании. Французы захватили около 100 русских пушек,

¹ Любопытно, что и Клаповский и Заюский приукрашивают этот эпизод, утверждая, что были отброшены голландские уланы, которых затем выручили поляки. См. Клаповский, «Мемуары польского улана» (Чикаго, 1996), с. 165.

огромное количество повозок и 3200 пленных. Они вывели из строя около 5000 русских, большая часть которых была ранена, а их собственные потери составили 1500 человек (в основном пострадала гвардия)¹. Однако наиболее ценным приобретением французов были захваченные лошади, которые были немедленно распределены между кавалерией и артиллерией гвардии. Армия Чичагова, численность которой сократилась до 10 000 человек, бросая по пути орудия, устремилась на юг, к Игумену, где соединилась с подразделениями Воинова.

В то утро Наполеон составил свою знаменитую 29-ю сводку, в которой сообщал о героическом отступлении к Березине, условия которого были ужасными, и о триумфальной победе над русскими армиями, которые тщетно пытались препятствовать возвращению Великой армии во Францию. Он распорядился отправить в Минск те русские пушки, которые можно было перевезти, а остальные сбросить в Березину. Кроме того, Наполеон отправил письма Маре, международному дипломатическому корпусу в Вильно, Шварценбергу и Макдональду (X корпус которого располагался чуть севернее Риги), в которых сообщал о своем триумфе. Он распорядился по всей империи звонить в колокола, а в Париже служить *Te Deum*. Старейший император пережил второе рождение в снегах России.

Отправив Удино и Корбино на юг — следить за действиями Чичагова и не допустить восстановления Дунайской армии — Наполеон в сопровождении Мюрата и Коленкура на санях отправился в Минск. Он находился в приподнятом настроении и в течение всего путешествия поддразнивал Коленкура, спрашивая его: «*Как воспримет ваш друг Александр то, что его самого и его командиров перехитрили?*» Потрепав по щеке герцога Виченцского, Наполеон пообещал, что к 1814 году с Россией будет покончено. Коленкур также оставил свидетельства о намерениях императора в отношении Польши. Наполеон рас-

¹ Оставшись на поле боя, большая часть русских раненых погибла от холода, так как температура воздуха упала ниже нуля.

смастривал вопрос о восстановлении польского государства, что подтверждает его фраза: «Для Польши настало время прогнать русских домой»¹.

Французы восстанавливают мощь

Улицы Минска заполнил поток постоянно прибывающих солдат, оставших от Великой армии во время ее отступления на запад. По всему городу были установлены плакаты, указывающие, где расположены те или иные подразделения. Чтобы поддержать в городе хоть какой-то порядок, Домбровский размещал более или менее сформированные подразделения у складов и ворот. Тем не менее некоторые склады и дома подверглись разграблению. Некоторое время в Минске царил хаос, однако с появлением Наполеона, который прибыл в город 27 ноября, дисциплина во всех подразделениях армии ужесточилась. Даву, который прибыл в тот же день, проявил в этом отношении особое рвение. Солдаты были поставлены на довольствие, больные были направлены в госпитали под надежную опеку Ларрея и Десгеннета. Одним словом, некоторый порядок был восстановлен. Гражданские лица, русские пленные и некоторое количество раненых генералов, в том числе Понятовский и Нансути, были отправлены в Гродно под охраной литовского полка. Началась подготовка армии к продолжению войны.

По возвращении подавляющего большинства оставших в свои подразделения Наполеон располагал в Минске следующими войсками: Императорская гвардия (14 500 чел.), в том числе легион Клапареда, остатки I (6500 чел.), III (4000 чел.), IV (5000 чел.), V (5600 чел.) и VIII (2000 чел.) корпусов, а также резерв кавалерии (3000 кавалеристов без лошадей). В Вильно Маре собрал около 1500 кавалеристов, некоторое количество солдат вестфальских полков, неаполитанской гвардии, а также несколько маршевых батальонов, кроме того, он мог рассчитывать на войска Луазона, численностью 15 000 чел.,

¹ Арман де Коленкур, «Мемуары генерала Коленкура» (Париж, 1933), том III, с.224.

расположенные в районе Сморгони. Вреде со своим VI Баварским корпусом, а также бригады Кутара и Франчески (всего 10 000 чел.) прикрывали Вильно с севера. Виктор с 10 000 солдат сжег мост в Борисове и отошел по Минской дороге к Жодино. Удино, в распоряжении которого был II корпус и уланы Домбровского (всего 12 000 чел.), преследуя остатки армии Чичагова, приближался к Игумену. Несмотря на все невзгоды, выпавшие на долю французской армии, Наполеон все еще мог рассчитывать на войско численностью приблизительно 100 000 солдат. Кроме того, император приказал Шварценбергу поручить преследование Сакена Ренье и Дюрютту, а самому ускоренным маршем двигаться к Слониму, чтобы прикрыть южный фланг армии Наполеона. Он также дал указание Юделе соединиться с X корпусом Макдональда, поскольку этот маршал отошел к Тильзиту, и обеспечить безопасность Данцига и Немана.

В начале декабря Наполеон со своей гвардией, пешим резервом кавалерии, IV и VIII корпусами выступил из Минска и двинулся к Вильно, чтобы там расквартировать войска на зиму. Перед уходом он присвоил Брониковскому звание дивизионного генерала¹. Миновав позиции дивизии Луазона и временно сформированного полка кавалерии Банговского, который расположился в районе Молодечно, император прибыл в Вильно, сделав своей резиденцией епископский дворец. В ходе длительной беседы Наполеон задал Маре множество вопросов, которые касались состояния Польши и ситуации во Франции. Он приказал ускорить подход войск Гренье из Италии и разрешить использование Национальной гвардии за пределами Франции. Он также распорядился провести еще четыре набора рекрутов (по годам рождения) и заменил консулов Сената. Наполеон рассчитывал, что эти меры

¹ В честь Брониковского в Минске была воздвигнута статуя, которая находилась на Святодуховской площади. К сожалению, в 1822 году этот памятник был разрушен австрийскими войсками, когда они в ходе австро-польской войны взяли Минск.

позволят ему набрать еще 300 тыс. повобранцев, которые будут проходить службу в России и Испании.

Русские, страдавшие, как и французы, от холода и нехватки продовольствия, не сидели сложа руки. Кутузов, который только что узнал о несчастье, постигшем армию Чичагова, 30 ноября подошел к Березине, имея в своем распоряжении 30 000 человек. Опасаясь попасть в западню Наполеона, осторожный Кутузов не стал форсировать реку, а лишь отправил на западный берег несколько казачьих отрядов, которым надлежало вести разведку и нанести беспокоящие удары по французским частям. Начальник его штаба Беннингсен пришел в ярость. 2 декабря он и сэр Роберт Уилсон имели весьма острую беседу с Кутузовым. Вне себя от гнева, Беннингсен обвинил Кутузова в измене и подал в отставку. В ответ Кутузов заявил, что если Беннингсен возвратится в лагерь, то он его повесит. Уилсон, который также был в ярости, написал срочное послание царю, призывая его немедленно приехать из Санкт-Петербурга и возглавить армию *«в этот момент величайшей необходимости»*. Кутузов приказал Чичагову собрать свои силы у Бобруйска, отправил Ермолова на север, отвел войска Витгенштейна от Борисова и присоединил их к своим силам.

Нехватка провизии заставила русскую армию 7 декабря отступить к Копысю. Этот маневр вызвал у Уилсона еще больший гнев. Однако в течение второй недели декабря Ермолов, действуя против Вреде, добился небольшого успеха, за что русский генерал был щедро награжден Александром (хотя на вопрос Александра, какую награду он сам пожелал бы, Ермолов ответил: *«Ваше Величество, я пожелал бы получить звание немца»*.)

Несмотря на призывы Санкт-Петербурга и тот факт, что Березину уже сковал лед, Кутузов отказался наступать. Он опасался, что армия не перенесет эту зиму и был обеспокоен признаками недовольства в своих войсках¹.

¹ В особенности мятежом трех линейных полков, который был подавлен через десять дней. Мятеж подняли ополченцы, которых перевели в пехоту. Они требовали отмены

16 декабря Кутузов для проведения рекогносцировки сил противника отправил на западную сторону Березины войска Остерман-Толстого. Но они были отброшены назад силами Виктора и Удино, причем потери русских составили 4000 человек и шесть пушек. Это положило конец действиям русских в центре, и Кутузов отвел большую часть своих войск к Орше, где находились значительные запасы продовольствия и боеприпасов. На южном направлении Чичагов был поставлен в безвыходное положение австрийскими войсками Шварценберга, которые действовали уже за пределами Слонима. Ермолов оттеснил Вреде к Вильно, но не смог развить успех в силу недостаточной численности войск и ухудшившейся погоды.

Польский вопрос

Наполеон, воспользовавшись этой остановкой в продвижении русских, 15 января вывел свою армию из Вильно и двинулся к Варшаве. Остановившись в гостинице «Англетер», он сосредоточил свои усилия на том, чтобы направить в район боевых действий как можно больше войск¹. Он также приступил к разработке планов восстановления польской государственности, рассчитывая на то, что воодушевленные поляки пополнят его армию гораздо большим количеством войск. Он призвал в Варшаву королей Саксонии и Пруссии (и в течение всего года держал при себе несчастного Фридриха), имел длительную беседу с Понятовским и отправил пространный меморандум в Вену, императору Францу и канцлеру Меттерниху. К февралю Наполеон принял решение. Сначала он уведомил короля Саксонии (который также был и Великим Герцогом Варшавским), что он компенсирует ему территории,

крепостного права в качестве компенсации за самопожертвование народа.

¹ В течение первой недели января в район боевых действий было отправлено около 50 000 человек, в том числе полк вольтижеров, полк стрелков, 4-й полк легиона Вистулы и дивизия Гренье.

изъятые у саксонских герцогских домов¹. Чтобы унять опасения австрийцев в отношении Галиции, Наполеон предложил передать им свои Иллирийские провинции и кусок территории на реке Инн. Получив такие щедрые предложения, Франц, за которым стоял Меттерних, дал принципиальное согласие на восстановление Польского королевства. Затем Наполеон скрепил сделку твердым обещанием оказать помощь австрийцам, когда те нападут на сербов (в тот момент сербы, подняв восстание, сражались с турками). Таким образом Наполеон закрывал глаза на ашекецию Балкан.

Поскольку Россия оказалась в изоляции, а Австрия ничего не имела против, Польша наконец могла вновь стать королевством. Первого марта 1813 года Наполеон, в сопровождении польских улан и стрелков гвардии, направился в Польский сейм. Барон Грос в ярких красках изображает полную великолепия сцену, когда Наполеон в императорской бархатной мантии величаво проходит среди собравшихся вельмож, одетых в национальные костюмы. На самом деле все выглядело несколько иначе: Наполеон, в своем испачканном пятнами от нюхательного табака мундире стрелка, сопровождаемый сотней гренадеров, кратко объявил о восстановлении Польского королевства и сразу же уехал на свидание со своей любовницей Марией Валевской и незаконнорожденным сыном Александром².

Через некоторое время в том же месяце был коронован Полятовский, который правил территорией Великого Герцогства Варшавского и частью Литвы, которая все еще была оккупирована французскими войсками. Он

¹ В 1814 году саксонские войска вошли на территории Сакс-Готского и Сакс-Веймарского герцогств. Вступление в Веймар было омрачено смертью поэта Гёте, которого случайно убил пьяный саксонский гренадер, капрал Шиллер.

² История жизни Александра полностью изложена в книге Пжержейзуковойвского «Польский Наполеон» (Лондон, 1863). Во время великой революции 1834 года, будучи претендентом на польский трон, Александр действовал самым постыдным образом.

увеличил численность войск, введя воинскую повинность, и стал чеканить медную монету. Несмотря на энтузиазм поляков и их стремление защитить Великую Польшу, содержание еще 50 000 солдат вызвало крах зыбкой финансовой системы нового королевства и Польше в течение еще шестидесяти лет пришлось бороться с бедностью¹.

Ситуация в Литве также была тяжелой. Крестьяне обнаружили, что освобождение от крепостного права поставило их в еще большую зависимость от жадных польских дворян. Пользуясь отсутствием своих помещиков, они поднимали волнения по всей Литве. Этим беспорядкам способствовали голод (неурожай 1812 года совершенно истощил французскую армию вторжения), холера, тиф и бедность. В течение 1812 года по всей Литве рыскали многочисленные банды недовольных. К апрелю 1813 года положение ухудшилось и теперь в некоторых районах Литвы вспыхнуло восстание. 10 апреля в Несвиже толпа, возмущенная размерами арендных плат Радзивиллу и обременительной воинской повинностью, растерзала интенданта князя барона де Корсака. Восстание распространилось по Подолии и Волыни, а армия повстанцев, которая насчитывала около 35 000 человек, двигалась вдоль Припяти. Недавно было установлено, что более 4 тысяч помещиков со своими семьями были убиты, а правительственные чиновники спасались бегством.

«Смутное время»

В декабре 1812 года в армии Кутузова неоднократно вспыхивали мятежи. Восставшие настойчиво требовали освобождения крепостных, что должно было стать наградой за освобождение Святой Руси от нашествия Наполеона. Кутузов, смущенный посланиями Александра, в которых царь сбивчиво писал о праведности абсолютной мо-

¹ Маршал Даву, поднимая вопрос о недостаточном снаряжении новых рекрутов, писал Наполеону: «Не хватает оружия для новобранцев польских полков.» Даву, «Переписка», № 475.

нархин, подавил первые мятежи. Однако новые вспышки недовольства наблюдались и среди ополченцев, и в свежих войсках, которые двигались к местам боевых действий. В Смоленске между восставшими и Екатеринбургским полком разыгралась настоящая битва. Партизаны отказывались расходиться по домам и, опасаясь, что дворяне пошли на сговор с французами и собираются сместить царя, подняли в марте 1813 года открытое восстание в Могилевской провинции. Именно здесь в мае хаотические восстания разгорелись с новой силой, а после того как умер Кутузов, закончилось поражением весеннее наступление русских (которое было предпринято новым командующим армией Витгенштейном), а у восставших появился настоящий вождь — Михаил Гордачев. Этот вождь вскоре собрал множество приверженцев, обещая наградить их *«собственностью на земли и леса, без выкупа и без денежных взносов или взносов товарами, а также освободить от податей, возложенных на них злым дворянством»*. К июню его армия, которая находилась в районе Смоленска, насчитывала уже более 60 000 человек и порой наносила поражения даже регулярным войскам, которыми командовал Уваров. Повстанцы опустошали целые районы, доказывая тем самым, что слова Гордачева *«Многих господ и князей и многих несправедливых людей повесил я по всей России»* не были пустыми. Смута довела Россию до такого состояния, что персы беспрепятственно разгуливали по Кавказу¹. В июне на регулярную армию уже нельзя было положиться — пехотные части выражали недовольство тем, что им платили жалованье бумажными ассигнациями, стоимость которых равнялась нулю. В конечном счете они сами себя расформировали². Солдаты Апшеронского полка убили ненавистного Аракчеева, который был военным министром Александра.

¹ Взяв в июне 1812 года Батум и перерезав около 36 000 русских и грузин. В следующем году турки даже превзошли персов, когда, взяв Одессу, убили 45 000 человек, а губернатора генерала Ришелье посадили на кол на главной площади.

² Летом 1813 года бумажный рубль стоил лишь 25 копеек.

Сумятица в Европе

Наполеон дорого бы дал за то, чтобы воспользоваться нестабильным положением, которое имело место в России в 1813 году, но численность его войск значительно уменьшилась в результате эпидемий, свирепствовавших в Минске и Вильно. Кроме того планы Наполеона расстроили литовские повстанцы, а также беспорядки в Пруссии и Вестфалии. Поэтому его войска на востоке продвинулись лишь до Смоленска. Его польские новобранцы больше использовались в ходе операций Шварценберга на Украине. Внимание императора в значительной степени было сосредоточено на подчинении Испании и подавлении восстания в Германии (в марте в Пруссии вспыхнуло стихийное восстание).

В Испании Жозеф Наполеон и Суше в ходе второй осады Бургоса сумели разбить войска Веллингтона и оттеснили герцога на юг в направлении Кадиса. Наполеон, действуя по принципу «разделяй и властвуй», возвратил в Испанию Фердинанда VII и сразу же увидел, что оппозиция Жозефу раскололась на две партии. Война с испанскими роялистами, которых поддерживали британцы, продолжалась до 1819 года, когда французские и испанские либералы наконец одержали победу в битве при Алмейде. Однако вскоре после этого триумфа Жозеф Бонапарт умер от малярии в городе Марбелла, который отличался нездоровым климатом. Сразу после поражения при Алмейде роялисты отплыли в Мексику, а униженный Веллингтон наблюдал за тем, как его страна запросила мира¹.

¹ Тем, кто интересуется подробностями этой грандиозной кампании, следует обратиться к работе сэра Чарльза Оумэпа «История войны на Полуострове», том VI: «От битвы при Толедо к заключению мира в Лиссабоне, июль 1817 — январь 1819» (Оксфорд, 1830). В 1817 году Фердинанд провозгласил себя императором Мексики и, оплачивая расходы золотом, открытым в Калифорнии, которая тогда входила в состав Мексики, приступил к экспансии Луизианы и дельты Миссисипи. См. несколько тенденциозную работу Ричарда Никсона «Южная Буря: подробный апа-

В то время как в Западной Европе наступило некое подобие мира, Восточная Европа погрузилась в мрак невиданного хаоса. В России царь, чрезвычайно расстроенный поражением, которое он потерпел от Наполеона, все более уходил в сумрачный мир религиозного мистицизма, пока в июне 1814 года не скончался при весьма загадочных обстоятельствах во время церковной службы в Санкт-Петербурге. Гордачев обвинял дворян, а дворяне обвиняли мятежников. Во всяком случае (историки до сих пор не в состоянии пролить свет на этот эпизод) именно с этого времени Россия перестала существовать как единая сущность. В течение некоторого периода царствовал брат Александра Константин, но, преследуемый мятежниками, был вынужден вместе с 25 000 своих сторонников отправиться в изгнание на Аляску, которая в то время была русской провинцией.

Когда Россия раскололась на множество анархических провинций и княжеств, которые позже стали называть общим термином Евразия, ее соседи набросились на легкую добычу: турки, двинувшись из Крыма, соединились с персами и терроризировали русское население, доходя до самой Москвы. К ним присоединились татары, которые подняли восстание. Лишь в 1824 году, на короткий период соединив свои силы с австрийцами, евразийские князья смогли восстановить некоторое подобие порядка во внутренних районах. Но они лишь на время облегчили положение своих княжеств, которые все следующее столетие оставались пешками в руках Габсбургов¹. Поляки восстановили контроль над большей частью территорий, утраченных ими в 1772 году и после ухода французов в 1817 году осуществляли управление своими восточными провинциями из Смоленска. Даже прежние союзники Александра шведы теперь воспользовались положением

лиз истинного значения мексиканской угрозы 1810–1960 (Нью-Йорк, 1972), том XXXIX.

¹ Эта эпоха вошла в историю Евразии как эпоха второй смуты. Некоторые историки считают, что этот период, продолжавшийся с 1812 по 1826 г., стоил евразийскому (русскому) народу более миллиона жизней.

своих бывших друзей, восстановив Финляндию, взяв балтийские государства, а заодно и Курляндию под свой протекторат и направив в 1815 году свою эскадру в Санкт-Петербург.

Австрийцы, воспользовавшись анархией, взяли под свой контроль Украину (несмотря на то, что она официально входила в состав Польши). Завоевание Сербии эрцгерцогом Карлом также было успешным, и австрийцы взяли Белград, хотя у Карла случился эпилептический приступ и его пришлось заменить Фердинандом. К сожалению, в августе 1814 года эрцгерцог Фердинанд был убит в Сараево. Его практически мгновенная смерть омрачила триумф австрийцев.

Завоевание остальной части Балкан не вызвало серьезных затруднений, и вскоре австрийцы установили свой контроль над всем бассейном Дуная. Территория Пруссии сжималась, а в результате восстания в стране усиливалась анархия. В 1813, 1815 и 1819 гг. в результате так называемых разделов Пруссии ее территории отошли соответственно Саксонии, Польше и Швеции. Таким образом, Австрия стала господствующей германской державой, владыкой центральной и юго-восточной Европы, и имела если не политическое, то экономическое главенство в Рейнской Конфедерации. Франко-австрийскому господству суждено было укрепиться, причем самым неожиданным образом, путем заключения в 1827 году брачного союза, имевшего величайшее историческое значение.

Новый порядок

Наполеон, ставший свидетелем восстановления мира в Западной Европе и наступления хаоса в Центральной и Восточной Европе, умер в 1820 году от рака печени. Преемником Наполеона стал его десятилетний сын, а регентшей была признана императрица. Поскольку мать нового императора принадлежала к династии Габсбургов, он не мог не стать союзником Австрийской империи, а так как его наставником был Меттерних, то молодой император вступил в союз с Австрией с большим энтузиазмом. Семь лет

Наполеон II — Император Французов, Король Италии и Протектор Рейнской Конфедерации — правил империей своего отца. А в 1827 году Европа увидела, как монархические династии Франции и Австрии вновь связал брачный союз. В Вене состоялось торжественное бракосочетание Наполеона II и принцессы Марии, которое сопровождалось грандиозными празднествами¹.

Таким образом, после унижений Прессбурга, Кампо Формио, Люневиля и Шонбрунна наступила эпоха австро-французского содружества — Франция контролировала Западную и Центральную Европу, а на востоке и юго-востоке континента господствовала Австрия, которая после тридцати лет войн установила здесь новый порядок. И по размерам, и по амбициям Австро-Венгерская империя теперь была сопоставима с империей эпохи Карла V.

Габсбурги прошли долгий путь, начиная с мрачных дней 1792 года, гибели Марии-Антуанетты и первых залпов большой войны.

В реальности

Наполеон, конечно, потерпел в России сокрушительное поражение. Бородинский сыграл в этом разгроме значительную роль, оставив 21 ноября Минск, который заняли русские войска под командованием Чичагова. В результате этого Наполеон лишился важнейшей базы снабжения.

Но даже после этого, весной 1813 года, французскому императору удалось собрать новую армию. Русские, поменявшись ролями с императором-корсиканцем, перехватили инициативу и спасли пруссаков. Австрия же, выжидавшая, чья сторона начнет брать верх, присоединилась к союзникам лишь в августе 1813 года. В основе империи

¹ Церемония вступления в брак этой пары отличалась роскошью и королевской щедростью. Подробности последовавшего за этим медового месяца, который отличался распутством супругов, см. А.Морион, «Книга королевских скандалов» (Лондон, 1998).

Габсбургов лежала беспринципность, и если бы ситуация сложилась по-другому, то Австрия, в духе Габсбургов, вполне могла бы встать на сторону Франции.

БИБЛИОГРАФИЯ

Brett-James, Antony. 1812: Eyewitness Accounts of Napoleon's Defeat in Russia. London, 1966.

Britten Austin, Paul. 1812: The Great Retreat. London, 1996.
Caulaincourt, Armand de. Mémoires du général Caulaincourt. 3 vols. Paris, 1933.

Oman, Sir Charles. History of the Peninsular War. 7 vols, Oxford, 1902–30; reprinted London, 1995.

Tolaff, Ivan. The Time of Troubles: The Fall of the Russian Empire, 1812–1830. Anchorage, 1989.

Zalusky, Joseph-Henri. Souvenirs du général comte Zalusky. Paris, 1998.

Джон Дж. Галлахер

ПОБЕДА ПРИ КУЛЬМЕ: КАМПАНИЯ 1813 ГОДА

Джон Дж. Галлахер, профессор истории Университета Южного Иллинойса. Автор последней биографии маршала Даву «Железный маршал», истории наполеоновского Ирландского легиона и биографии генерала Александра Дюма.

В январе 1813 года французская армия находилась в жалком состоянии. некогда мощная военная машина, которая летом прошлого года вторглась в пределы России, теперь насчитывала не сотни тысяч солдат, а лишь десятки тысяч. Неотступно преследуемая столь же ослабленной русской армией, она отходила через Германию на запад. Наполеон снова был в Париже. Он вернулся в столицу не только для того, чтобы укрепить свое политическое положение, пошатнувшееся в связи с тем, что известия о масштабах катастрофы, постигшей Великую армию в России, уже достигли Франции. Император намеревался подготовить к весенней кампании новую армию.

Французы все еще держали под жестким контролем Италию, однако результаты боевых действий в Испании оставляли

желать лучшего. Двести тысяч французских ветеранов без особого успеха сражались с Артуром Уэлсли — герцогом Веллингтоном. Войска герцога, следуя в авангарде англо-португальской армии, двигались на север, приближаясь к границе с Францией, которая, как и вся Европа, устала от войны. Все больше французов проявляли нежелание отправлять своих сыновей на войну. Однако к апрелю 1813 года Наполеон все же сумел набрать в западной части Германии около 200 000 солдат.

Весной 1813 года армия союзников состояла в основном из русских войск и прусских подразделений. В ходе кампании 1812 года русские, как и французы, понесли огромные потери. Хотя на запад все время шли подкрепления, которые должны были увеличить численность русской армии, однако эти новые войска были плохо обучены и не привыкли к тяготам длительной войны. Кроме того, зима и бесконечные марши сократили численность этих подкреплений. Лишь 13 марта Пруссия, выйдя из союза с Францией, присоединилась к союзникам. Хотя после поражения 1806—1807 гг. ей было позволено иметь армию численностью не более 42 000 человек, пруссаки сумели создать обученный резерв, используя который, весной 1813 года энергично приступили к воссозданию своей армии. Поэтому в апреле Фридрих Вильгельм смог выставить около 80 000 солдат. Шведы под руководством бывшего французского маршала Жана-Батиста Бернадотта также собрали в шведской Померании свои скромные силы, которые насчитывали около 28 000 человек¹. Австрия, хотя и склонялась в сторону союзников, однако не испытывала желания вновь объявлять войну Франции, поскольку за последние двадцать лет делала это уже четыре раза и всякий раз, испытав горечь поражения, была вынуждена принимать условия унижительных мирных договоров. Князь Клеменс Меттерних, который формировал внешнюю политику Австрии, хотел путем переговоров дос-

¹ Россия отобрала у Швеции Финляндию, но шведы рассчитывали сразу после поражения Наполеона возместить эту потерю захватом Норвегии, которая входила в состав профранцузской Дании.

тичь европейского урегулирования и вернуть земли, захваченные Наполеоном, а также восстановить престиж Австрии, утраченный ею на полях сражений.

Англия по-прежнему оставалась самым старым и самым упорным врагом Франции. В то время как другие страны были вынуждены заключать мир с Наполеоном, Англия с момента разрыва в 1803 году Амьенского договора постоянно находилась в состоянии войны с Францией. Хотя численность ее войск, сражавшихся на континенте, была невелика (исключением был, пожалуй, лишь контингент английских войск в Португалии), английский флот после Трафальгарского сражения, которое состоялось у берегов Испании в 1805 году, сохранял господство на море. Кроме того, за последние десять лет Англия неоднократно предоставляла финансовую поддержку Австрии, Пруссии и России, что повторилось и в 1813 году, когда на континент вновь хлынули английские финансовые потоки, которым надлежало укрепить армии союзников.

В 1813 году пасынок Наполеона Евгений Богарне командовал армией на Эльбе, численность которой составляла 50 000 человек. Хотя он удерживал плацдармы на восточном берегу Эльбы в районе Виттенберга и Магдебурга, его положение было весьма шатким, поскольку армии союзников форсировали реку как севернее, так и южнее места главного сосредоточения его сил, которое находилось в районе Виттенберга. Тем не менее Наполеон приказал ему удерживать линию обороны вдоль течения рек Эльба и Заале.

Михаил Кутузов, который командовал русской армией с августа 1812 года, был при смерти, и вскоре номинальный пост командующего союзными силами занял генерал Людвиг Витгенштейн. Союзники не смогли полностью разрешить проблему единого командования, хотя в какой-то степени командование их силами осуществлял единый комитет. И царь Александр I, и прусский король Фридрих Вильгельм IV вместе со своими советниками находились в расположении войск. Фактически русский генерал Витгенштейн командовал левым крылом армии, а прусский генерал Гебхард фон Блюхер — правым. При

этом ни один из них не выполнил бы прямого указания другого. В этом отношении французы обладали значительным преимуществом, поскольку имели единое командование, сосредоточенное в руках Наполеона.

Французский император был недоволен тем, что Евгений отступил так далеко на запад Германии. Он надеялся, что французская армия сможет удерживать линию обороны вдоль реки Одер. Когда это стало невозможно, он приказал своему пасынку удерживать левый берег Эльбы. Однако имевшая численное превосходство армия союзников держала инициативу в своих руках, и Евгений мог лишь замедлить ее наступление. В начале апреля он безуспешно пытался удержать линию обороны по левым берегам рек Эльба и Заале. В это время союзники получили ложные сведения о том, что Наполеон с подкреплениями соединился с армией Евгения. Считая, что теперь им придется столкнуться с имеющей численное превосходство французской армией, которой командует сам Наполеон, союзники решили остановить свое продвижение и отойти на оборонительные рубежи.

На самом деле Наполеон и его стодвадцатитысячная Майнская армия подошли к линии Эльба — Заале лишь в конце апреля. Согласно его стратегическому плану французская армия, разделив свои силы, должна была одновременно нанести два удара: один — в направлении Берлина, а другой — в направлении Лейпцига и Дрездена. Удар в направлении Дрездена должен был рассеять линии коммуникаций и снабжения союзников и навязать противнику решающее сражение западнее Эльбы. Это был классический удар Наполеона. Удар в направлении Берлина преследовал две цели: политическую и военную. Цель политическая: наказать Пруссию за измену. Цель военная: этот удар в северном направлении должен был отбросить прусские войска от главной армии союзников, которая находилась южнее Эльбы, и тем самым уменьшить возможности этой армии противостоять главным силам Наполеона. Продвигаясь восточнее Берлина в направлении Вислы, можно было затем оказать помощь Штеттину, Данцигу, Торну и другим осажденным городам, в которых французы, отступая из России через Польшу

и Восточную Германию, оставили сильные гарнизоны в надежде вернуться сюда весной.

Сначала все складывалось весьма благоприятно для французов. Выехав 15 апреля из Сен-Клу (Париж), Наполеон на несколько дней остановился в Майнце, чтобы закончить последние неотложные дела, а 25 апреля прибыл в Эрфурт, где и принял командование двумя армиями. В это время маршал Луи Даву с 20 000 солдат был отправлен на нижнюю Эльбу, чтобы вернуть Гамбург, который был оставлен французами 12 марта. После взятия Гамбурга войскам Даву надлежало защищать крайний левый фланг и быть резервом армии, которая должна была двинуться на Берлин. Армия на Эльбе, которой командовал Евгений, теперь насчитывала около 58 000 человек. В ее состав входили следующие корпуса: маршала Жака Э. Макдональда (XI корпус), генерала Жака Ж. Лористона (V корпус), генерала Жана Л. Ренье (VII корпус), маршала Клода Виктора (II корпус), и Жозефа Латур-Мобурга (Кавалерийский корпус). Закрепившись левым крылом в районе Магдебурга, Евгений должен был, взяв Галле и Мерсебург, готовиться к форсированию нижнего течения реки Заале. Маршалы Мишель Ней и Огюст Фредерик Мармон, которые командовали III и VI корпусами соответственно, должны были, форсировав Заале, двигаться в направлении Лейпцига. Их правый фланг прикрывал IV корпус генерала Шарля Бертрана, а XII корпусу маршала Николя Удино надлежало, следуя за Бертраном и оказывая ему поддержку, двигаться на север через Тюрингский лес, образуя крайний правый фланг армии.

К востоку от Заале союзники сосредоточили свои силы южнее Лейпцига, защищая коммуникации, связывающие их с Дрезденом, и рассчитывая нанести удар по правому флангу армии противника сразу после того, как французы форсируют реку. Общая численность сил Витгенштейна, включая корпуса Блюхера, Йорка, Берга и Випцингероде, а также кавалерию Торماسова, составляла 73 000 человек. Если бы ему удалось разбить один-два французских корпуса еще до подхода основных сил Наполеона, то у него появился бы вполне реальный шанс уничтожить по крайней мере часть армии Наполеона.

Битва при Лутцене

В течение нескольких дней армии Наполеона двигались к Эльбе. 1 мая Эльбской армии было приказано форсировать Заале в районе Мерсебурга, а Майнской армии, которую вел маршал Ней, а поддержку оказывал маршал Мармон, надлежало двигаться к Лейпцигу. Генерал Бертран и маршал Удино должны были поддержать Нея на правом фланге и сформировать правое крыло наступающей армии. В то время как Наполеон готовился к наступлению на Лейпциг, командование союзников занималось сосредоточением своих войск южнее города Лутцен и проведением масштабной рекогносцировки, с помощью которой пытались выяснить, каковы силы и намерения противника. Во время одного из серьезных боев, который состоялся 1 мая в районе Позерны, был убит маршал Жан-Б. Бессьер. Тем не менее Ней захватил Лутцен, а его передовые отряды, двигавшиеся в южном направлении, вступили в постоянное огневое соприкосновение с основными силами Витгенштейна.

Однако утром 1 мая ни Ней, ни Витгенштейн не были готовы начать полномасштабное сражение с противником: все еще не прибыли ни войска Мармона, которому належало оказывать поддержку Нею, ни подразделения союзников, которые должны были усилить позицию Витгенштейна. К счастью для Нея, войска союзников двинулись в атаку лишь в полдень. К этому времени Наполеон, которому уже сообщили о том, что главные силы обеих сторон заняли позиции южнее Лутцена, спешил на выручку Нею. С запада и юго-запада к Луцеиу подходили войска Мармона и Бертрана. В течение всего дня III корпус Нея подвергался ожесточенным атакам противника и понес значительные потери. Однако к тому моменту, когда пришла помощь, Ней по-прежнему удерживал свои позиции. Первыми к полю битвы подошли подразделения императорской гвардии во главе с Наполеоном. Затем на левом фланге Нея стали появляться части IX корпуса Макдональда, а на правом — подразделения Мармона. Витгенштейн был вынужден ввести в бой все свои силы: корпуса Блюхера, Йорка, Берга, Винцингероде

и Прусскую гвардию. В 6 часов вечера Наполеон решил, что пришло время нанести. Он приказал Молодой гвардии атаковать центр позиции союзников, а Старой гвардии оказать непосредственную поддержку этой атаке. В то же время Макдональд слева, а Мармон и Бертран справа должны были смять фланги противника. Войска союзников, испытывая давление со всех сторон, начали отходить. Армию Витгенштейна спасло лишь то, что уже стало темнеть. Это позволило союзникам отступить на восток, в направлении Дрездена, оставив победителям левый берег Эльбы и Лейпциг.

Битва при Лутцене дорого стоила обоим противникам. Потери были приблизительно равны и составили около 20 000 человек с французской стороны и, вероятно, на тысячу меньше со стороны союзников. Однако как только развеялся пороховой дым, стало ясно, что Наполеон одержал крупную победу. Лутцен стал боевым крещением для новобранцев армии Наполеона и возродил уверенность армии если не в непобедимости императора, то во всяком случае в его полководческих способностях. Что касается союзников, то битва нанесла серьезный удар по моральному духу их армии. Однако несмотря на это, командиры корпусов в ходе отступления на восток сумели перегруппировать свои силы, чтобы подготовиться к следующему этапу кампании.

Битва при Баутцене

Теперь у союзников возникли разногласия в отношении стратегического плана. Фридрих Вильгельм хотел отступить на север, чтобы прикрыть Берлин и Пруссию, тогда как русские хотели, используя свои линии коммуникаций, отходить на восток, чтобы прикрыть Варшаву и Польшу. Русский план имел дополнительное преимущество, поскольку отход союзной армии на восток проходил бы в непосредственной близости от Австрии, которая, как надеялись союзники, должна была вскоре присоединиться к их борьбе против Франции. Будучи главным союзником, Россия, сделав некоторые уступки Пруссии, настояла на своем варианте. Генерал Фридрих Вильгельм фон Бюлов

с корпусом численностью 30 000 человек должен был создать заслон на пути к Берлину, тогда как основным силам армии союзников надлежало отступать к Дрездену, а в случае необходимости — и к реке Одер.

Что касается Наполеона, то он внес лишь незначительные изменения в свой первоначальный стратегический план, сохранив намерение разделить свои войска. Одной армейской группировке надлежало двигаться на Берлин, тогда как главные силы, преследуя союзников, должны были нанести удар в направлении Дрездена. Ней получил в свое распоряжение корпуса Виктора (II), Ренье (VII) и Лористона (V), которые вместе с его III корпусом и кавалерийским корпусом Себастьяни в общей сложности насчитывали около 84 000 человек. Эти силы через Лейпциг двинулись в северо-восточном направлении и должны были, форсировав Эльбу, подойти к Берлину. В то же время Наполеон с другой частью французской армии численностью 115 000 человек двинулся в направлении Дрездена. Союзники решили не отстаивать столицу Саксонии, хотя номинально их оборонительный рубеж проходил вдоль Эльбы. Тем не менее к 10 мая французам удалось форсировать реку в окрестностях Дрездена, после чего король Саксонии был вынужден предоставить свою скромную армию в распоряжение императора. Александр и Фридрих Вильгельм решили занять оборону западнее Одера. Местом, которое они выбрали для позиции своих войск, оказался Баутцен, расположенный на правом берегу реки Шпрее. Там инженеры союзной армии возвели несколько артиллерийских земляных укреплений, которые сделали еще более благоприятным для обороны естественный рельеф местности. Когда 16 мая войска Макдональда подошли к позициям армии союзников, уже не было сомнений в том, что именно здесь состоится битва. Тем временем Наполеон отправил Нейю распоряжение двигаться на юг с III корпусом и V корпусом Лористона, основные же силы Наполеона заняли позицию вдоль левого берега Шпрее. Император хотел, чтобы Ней оставил на севере Виктора и Ренье, войска которых должны были продолжать движение на Берлин. Однако Ней, неправильно ис-

толковав приказ Наполеона, двинулся на юг со всеми своими силами.

19 мая Витгенштейну сообщили, что войска Лористона следуют в южном направлении с целью соединиться с главными силами французской армии. Не зная, что непосредственную поддержку Лористону оказывает Ней, он приказал корпусам Йорка и Михаила Барклая-де-Толли (последний недавно прибыл из России с 14 000 солдат) перехватить и уничтожить французский корпус, который, как он считал, действовал в полной изоляции. Но когда Лористон весьма энергично взялся за корпус Йорка, а передовые дивизии Нея атаковали Барклая, союзники отступили к Баутцену и заняли свои исходные позиции.

Утром 20 мая Наполеон вывел свои корпуса на позицию для атаки противника, укрепившегося на другом берегу Шпрее. В его распоряжении находились четыре армейских корпуса, а также Старая и Молодая гвардия. Эти силы заняли позиции вдоль берега Шпрее, растянувшись с севера на юг. Удино находился на правом фланге, южнее Баутцена, Макдональд — напротив самого города, Мармон — севернее Баутцена, а корпус Бертрана, которым теперь командовал Суль — на левом фланге. Гвардия находилась в резерве, расположившись позади центра позиции французских войск. Затем Наполеон приказал Нею форсировать Шпрее ниже позиций двух противостоящих армий и вместе с Лористоном ударить по правому флангу и тылу противника. В случае удачи Нею надлежало перерезать пути отхода противника на восток и заставить его двигаться к австрийской границе. Примерно то же самое союзники намеревались сделать с Наполеоном, обойдя его левый фланг и заставив отступать на юг, в сторону австрийской границы.

Позиция союзников на правом берегу Шпрее была достаточно сильной, поскольку в центре она располагалась на возвышенностях, а на их левом фланге берег реки был заболочен. Корпуса Блюхера, Клейста, Йорка, Берга, Милорадовича и Горчакова растянулись с севера на юг, проходя через Баутцен, а войска под командованием князя Константина находились в резерве. Еще севернее Блюхера, на правом фланге армии союзников, находился корпус

Баркляя, который должен был противостоять войскам Нея, если тот форсирует Шпрее и будет угрожать фланговым обходом.

Наполеон, считая, что ему предстоит двухдневное сражение, начал битву в полдень, намереваясь нанести сокрушительное поражение силам союзников. Поскольку Ней должен был подойти лишь на следующий день, сражение развернулось севернее и южнее Баутцена. Французам удалось форсировать реку по всему фронту, и еще до того как стемнело, они прочно закрепились на правом берегу. Корпуса союзников, сохраняя боевые порядки, отошли, чтобы подготовить вторую линию обороны и продолжить сражение 21 мая. В течение следующего дня продолжались кровопролитные сражения, стоившие больших потерь обеим сторонам. Корпуса Нея и Лористона, прибывшие в район боевых действий, намеревались обойти армию союзников. Теперь, когда превосходящие силы французов угрожали обоим флангам (войска Удино и Макдональда продвигались на левом фланге), союзники начали отступать. Успешно отразив атаки Нея на правом фланге, Витгенштейн смог затем отступить на восток. Поскольку Наполеон не располагал достаточным количеством кавалерии, а его новобранцы нуждались в отдыхе, осуществить полномасштабное преследование войск союзников французам не удалось. В последующие дни, когда проливные дожди превратили дороги и поля в сплошные потоки грязи, армии союзников удалось окончательно оторваться от противника и в полном боевом порядке отойти к Одеру. Обе противоборствующие армии понесли значительные потери, которые составили около 20 000 человек с каждой стороны.

Перемирие

Накануне сражения при Баутцене у союзников имелись глубокие разногласия в отношении тактики предстоящей битвы, поэтому после поражения Витгенштейн отказался от командования союзными силами. Фактически командование принял Александр, однако это только ухудшило положение. Наконец вместо Витгенштейна был назначен

Барклай. Армия отступила в Силезию, а вслед за ней туда пошли и французы. Передовые корпуса Наполеона 1 июня заняли Бреслау. Тем временем маршал Даву 1 мая изгнал войска союзников из Гамбурга и укрепил позиции французов в нижнем течении Эльбы.

Незадолго до битвы при Баутцене Наполеон дал указание генералу Арману Коленкуру (бывшему послу в России) вступить в прямые переговоры с царем Александром. Однако в середине мая русский монарх все еще считал, что военная победа союзников возможна и, резко отклонив предложения Коленкура, отправил его с пустыми руками назад. Поражение при Баутцене и вступление французских войск в Бреслау привели к тому, что военное положение союзников значительно ухудшилось. Австрия с каждым днем испытывала все меньше желания объявлять войну Франции. Положение армии союзников на Одере оставалось, мягко говоря, шатким. После двух серьезных поражений армия остро нуждалась в реорганизации, снабжении и отдыхе. Теперь идея перемирия выглядела весьма привлекательно.

Несмотря на то что Наполеон в течение трех недель одержал две победы, он, как и союзники, был заинтересован в перемирии. Французская армия нуждалась в передышке. Спустя два месяца после выхода из Франции силы новобранцев были на исходе. Множество больных, измотанных боями и отставших от своих подразделений солдат, а также тяжелые потери, полученные в ходе сражений — все это значительно ослабило мощь французской армии. Недостаточное количество кавалерии затрудняло, а часто делало невозможным проведение разведки и преследование отступающего противника. Линии коммуникаций и снабжения были растянуты и нуждались в реорганизации. Все пространство от Гамбурга до Дрездена подверглось опустошению в ходе набегов казачьих отрядов. Поэтому, когда Австрия предложила себя в качестве посредника на мирных переговорах между воюющими сторонами, последние быстро согласились и 2 июня заключили перемирие.

Ни Наполеона, ни Александра не устраивали условия перемирия. Им просто была необходима передышка

для подготовки к следующей стадии кампании. В Праге шли переговоры о постоянном мире, на которых в качестве посредника выступал князь Меттерних. Однако поскольку ни одна из сторон не была готова идти на какие-либо уступки, эти переговоры фактически не имели успеха. В начале июля Швеция проявила твердое намерение встать на сторону союзников, а Англия предоставила России и Пруссии значительную финансовую поддержку (2 млн. фунтов стерлингов). Кроме того, английское правительство пообещало предоставить Австрии 500 000 фунтов, если та объявит войну Франции. 19 июля была подписана Рейхенбахская конвенция, согласно которой Австрия пообещала присоединиться к союзникам в случае, если Наполсон не примет условий мира. Во время перемирия в странах Восточной Европы стало известно о победе при Витории, одержанной 21 июня герцогом Веллингтоном. Теперь возобновление боевых действий стало неизбежным, и всем казалось, что удача на этот раз отвернулась от Наполеона и Франции.

Возобновление боевых действий

В июле перемирие было продлено до 16 августа. Однако уже 13 августа Блюхер, будучи не в силах более сдерживать себя, двинул свои войска на запад, чтобы нанести внезапный удар по французам. Так началась вторая фаза кампании.

К этому времени силы союзников были разделены на три отдельные армии. На севере, в окрестностях Берлина, была сосредоточена армия, численностью 110 000 пруссаков и шведов, которой командовал Бернадотт. Он должен был защищать столицу Пруссии, наблюдать за действиями Даву на нижнем течении Эльбы и оказывать противодействие левому флангу армии Наполеона. Блюхер командовал Силезской армией, которая насчитывала около 96 000 пруссаков и русских и была расположена южнее Бреслау. Главной армией союзников была Богемская армия, в состав которой входило 240 000 солдат, из них около 100 000 были русские и пруссаки, а остальные — австрийцы. Она была сосредоточена на пространстве между

Прагой и горами Эрцгебирге, которые служили границей между Германией и Богемией. Этой армией командовал австрийский князь Шварценберг, однако рядом с ним находились русский царь и прусский король. Монархи давали Шварценбергу советы, от которых он не всегда мог отмахнуться.

В целом стратегия союзников заключалась в том, чтобы вести против Наполеона войну на истощение сил. Впервые за всю эпоху Наполеоновских войн союзники, имевшие превосходство как в материальных ресурсах, так и в ресурсах живой силы, объединили свои усилия и действовали совместно. Поскольку казалось невозможным победить Наполеона в решающем сражении, они приняли стратегию, которая стала известна как Трахтенбергский план. Три армии союзников должны были наносить удары по войскам Наполеона с севера, востока и юга, избегая решающего сражения в тех случаях, когда Наполеон сам возглавляет французскую армию. В случае столкновения одной из армий союзников с войсками противника под командованием самого французского императора ей надлежало отступить, тогда как две оставшиеся армии должны были продолжать наступление и вступить в битву с французами независимо от того, какой маршал ими командует. Трахтенбергский план не был разработан детально, однако его общая концепция была встречена с пониманием всеми монархами и генералами союзных держав.

Наполеон, как и союзники, воспользовался перемирием. Его армия отдохнула и пополнила запасы продовольствия, оружия и боеприпасов. Дрезден стал главной базой снабжения армии. Император был намерен решить на полях сражений те политические проблемы, которые не удалось урегулировать за столом переговоров в Праге. Он решил разделить свою армию на три части. Маршал Удино был назначен командующим Северной армией численностью 46 000 человек, которая состояла из двух корпусов (IV корпуса Бертрана и XII корпуса самого Удино), а также III кавалерийского корпуса под командованием Аррийи. Кроме того, в нижнем течении Эльбы ему должен был оказать поддержку маршал Даву, который силами своего XIII корпуса (25 000 чел.) должен

был создавать угрозу Берлину. Этой Северной армии надлежало связать силы Бернадотта, не позволяя ему создать угрозу главной армии Наполеона, расположенной в Саксонии, и французским линиям коммуникаций, связывающих армию с базами снабжения на Рейне. Учитывая чрезвычайную осторожность шведского кронпринца (который совсем недавно был французским маршалом), Наполеон предполагал, что Бернадотт не предпримет наступательных действий.

Командование второй армией было поручено маршалу Макдональду, которому надлежало сдерживать Силезскую армию Блюхера, которая была сосредоточена между реками Одер и Бодер. Помимо его собственного XI корпуса, в распоряжении Макдональда находились VI корпус Мармона, V корпус Лористона и кавалерийский корпус Себастьяни. В общей сложности под его командованием находилось более 75 000 человек. Третья армия представляла собой наиболее мощную группировку французских сил, командующим которой был сам Наполеон. Она состояла из армейских корпусов Сен-Сира (XIV), Вандамма (I), Виктора (II), Нея (III), Ренье (VII), Гвардии (Новой и Старой) и четырех кавалерийских корпусов — всего около 165 000 человек.

Согласно плану Наполеона Удино и Даву должны были сдерживать силы Бернадотта на севере, Макдональд — силы Блюхера на востоке, а Сен-Сир — оборонять Дрезден. Сам же Наполеон во главе наиболее мощной группировки был намерен, двигаясь на юг вдоль течения Эльбы, пересечь горную местность и войти в Богемию. Этот замысел отличался от его прежнего плана нанести удар по Берлину и одновременно атаковать главные силы союзников. Взятие Берлина могло стать лишь морально-психологической победой французов, поскольку с военной точки зрения город не имел особого значения.

Более того, если бы Наполеон разбил главную армию союзников, в то время как две другие их армии продолжали бы удерживать свои позиции, войска Бернадотта в Берлине оказались бы в весьма угрожающем положении. Можно было бы усилить группировку Удино и изгнать

армию союзников из Берлина, если бы она к этому времени еще не ушла из прусской столицы.

Преждевременное наступление Блюхера, направленное против сил Макдональда в Силезии, привело к тому, что Наполеон с гвардией двинулся на восток. Получив 20 августа сведения о том, что Наполеон принял командование армией Макдональда, Блюхер, в соответствии с Трахтенбергским планом, немедленно остановил свое наступление и отошел за Одер. Тогда Наполеон приказал Макдональду занять оборону и сдерживать Блюхера. Тем временем Шварценберг под влиянием царя Александра и его советников двинул свои войска через горы на север, в направлении Дрездена. Когда Сен-Сир сообщил императору о том, что все силы Богемской армии союзников намерены нанести удар по Дрездену, Наполеон тотчас возвратился к Эльбе.

Битва при Дрездене

Князь Карл фон Шварценберг, командуя Богемской армией союзников, действовал в соответствии с Трахтенбергским планом. Под командованием Шварценберга находилось 180 000 человек, хотя на бумаге, с учетом различных отрядов и вспомогательных подразделений, численность его войск намного превышала эту цифру¹. Двадцать первого августа Богемская армия союзников двинулась на Дрезден. Ее сопровождали русский царь Александр, прусский король Фридрих Вильгельм и император Австрии Франц I. Угрожая правому флангу

¹ О мощи Богемской армии см. Джордж Нафцигер «Дрезденская кампания Наполеона: Сражения августа 1813 года» (Чикаго, 1994). Он считает, что общая численность армии составляла 237 770 человек (с. 142–3). Винсент Дж. Эспозито и Джои Роберт Икинг в работе «Военная история и атлас Наполеоновских войн» (Нью-Йорк 1964), приводят цифру 240 000 (с. 133), а Дейвид Чаудлер в книге «Военные кампании Наполеона» указывает, что численность Богемской армии составляла 230 000 человек (с. 901).

французов, она двигалась на север пятью колоннами, которыми командовали генералы Витгенштейн, Клейст, Гессен-Хомбург, Гюлай и Кленау. Преодолев горы Эрцгебирге, подразделения союзников 25 августа появились в долине Эльбы южнее Дрездена. Сен-Сир понял, в каком угрожающем положении может оказаться его корпус, и немедленно сообщил Наполеону о том, что на него обрушилась вся Богемская армия союзников.

В ответ на это Наполеон приказал II корпусу (Виктора), VI корпусу (Мармона) и I кавалерийскому корпусу Латур-Мобура двигаться к Дрездену, а сам, взяв императорскую гвардию (58 000 чел.), возглавил оборону города. В то же самое время, I корпусу Вандамма и VII корпусу Ренье надлежало двигаться вверх по течению Эльбы в направлении Пирны, тем самым создавая угрозу левому флангу и тылу армии Шварценберга. Таким образом император намеревался, удерживая Дрезден, нанести фланговый удар по силам противника. Это был классический маневр Наполеона.

Ранним утром 26 августа войска Шварценберга начали сражение за Дрезден. Однако осторожный австриец не стал сразу же использовать свое численное преимущество. В 10 часов утра Наполеон с передовыми частями императорской гвардии прибыл в Дрезден и возглавил командование. Хотя к городу все время подходили свежие силы французов, тем не менее в течение всего дня передовым частям Наполеона приходилось нелегко и они были вынуждены отходить под защиту артиллерии, размещенной в городе.

Хотя войскам Шварценберга удалось выбить французов из Гросс Гартена и взять большую часть их редутов, они не сумели прорваться в город. Когда в связи с наступлением ночи битва закончилась, Богемская армия, которая сражалась без корпуса Кленау (24 000 чел.)¹ имела вполне реальные шансы на следующее утро предпринять

¹ Кленау прошел через горы, расположенные намного западнее Дрездена, и, несмотря на призывы Шварценберга вступить в сражение, не прибыл вовремя на поле битвы.

решающий штурм Дрездена, в случае, если бы положение сил за ночь не изменилось.

Однако, к несчастью для союзников, обстановка изменилась. Всю ночь продолжали прибывать французские подкрепления, и утром 27 августа в распоряжении Наполеона уже находилось 120 000 человек, которые были готовы перейти в наступление. II корпус Виктора захватил единственный мост через разлившуюся после дождей реку Вайсерниц, которая текла на север, разделяя поле битвы на две части. В результате этого левый фланг союзников под командованием генерала Бьянки оказался отрезанным от остальной армии. Такое положение давало Мюрату возможность, объединив усилия с кавалерийским корпусом генерала Мари-Виктора Латур-Мобура и при поддержке корпуса Виктора, нанести удар по силам Бьянки и прижать левый фланг противника к горам. В то же самое время на левом фланге французов маршалы Ней (который прибыл в Дрезден и принял командование спешно сформированным корпусом) и Мортье, который командовал двумя дивизиями гвардии, обходили правый фланг союзников. С наступлением сил французов под командованием Мармона, Сен-Сира, а также оставшейся гвардии на центральном направлении рухнули последние надежды Шварценберга и монархов союзных держав. Спешно проведенный военный совет закончился тем, что они согласились с необходимостью общего отступления в Богемию.

В первый день сражения, имея численное превосходство над противником, союзники упустили возможность довести свое наступление до победного конца. Это предоставило Наполеону время, необходимое для сосредоточения сил, и позволило отбросить армию Шварценберга обратно в горы.

Отступление

Отступление армии союзников началось в ночь с 27 на 28 августа. Наполеон считал, что битва будет продолжаться и на следующий день, в результате чего французы

начали преследование союзников лишь поздно утром, когда уже не оставалось никаких сомнений в том, что их армия действительно отступает. В распоряжении Шварценберга находились только три дороги, по которым его армия численностью более 110 000 человек могла бы отступить от Дрездена на юг. Бьянки, группировка которого находилась западнее реки Вайсериц, не имея связи со Шварценбергом, отступал в юго-западном направлении. Некоторые участки дорог были слишком узкими для одновременного прохода войск, артиллерии и повозок, что порой чрезвычайно замедляло и затрудняло продвижение войск. Мюрат, при поддержке Виктора, возглавил погоню, двигаясь сначала на юго-запад к Фрайбергу, а затем на юг, к Цитау, преследуя разбитые силы левого фланга союзников и корпус Кленау, который также отступал в юго-западном направлении. Мармон, Сен-Сир и Мортье двигались на юг вслед за основными силами армии противника. Мармон следовал за Шварценбергом и Барклаем в направлении Диппольдисвальде, Фалькенхайна и Циннвальда, а Сен-Сир и Мортье преследовали Клейста, который двигался в направлении Пирны. Однако утром 28 августа Вандамм уже прибыл в Пирну, и Клейсту пришлось повернуть на юг, в горы, двигаясь в направлении Максена, Диттерсдорфа и Либенау.

Когда Наполеон понял, что битва выиграна и армия противника отступает, он передал в распоряжение Вандамма VII корпус генерала Жана-Луи Ренье¹ и приказал обоим корпусам, которые находились южнее Пирны, выйти на главную дорогу к Теплицу через Петерсвальде. Наполеон рассчитывал, что I корпус Вандамма (численность которого за счет усиления подразделениями 42-й дивизии достигла 38 000 чел.) и VII корпус (20 000 чел.) подойдут к Теплицу раньше колонн отступающей армии союзников, и таким образом силы противника окажутся в западне. В эту же ловушку 28 и 29 августа Вандамм загнал и русские силы генерала Остермана-Толстого, кото-

¹ Утром 27 августа Ренье, корпус которого, покинув позиции Удино, все еще был в пути, получил приказ двигаться на юг и оказать поддержку Вандамму.

рые находились южнее Пирны. Хотя Остерман и получил указание препятствовать любым попыткам французов зайти во фланг и тыл отступающей армии со стороны Эльбы, стратеги союзников никак не ожидали, что здесь окажутся столь мощные силы Вандамма.

Ранним утром 29 августа Наполеон отправил к Пирне маршала Мортье с двумя дивизиями императорской гвардии, которым надлежало в случае необходимости оказать поддержку Вандамму. В этот день Вандамм подошел к Кульму, Ренье находился южнее Петерсвальдэ, а войска Мортье двигались через Пирну по дороге, ведущей на Герригтесхюбель. Остерман получил приказ любой ценой остановить силы Вандамма у Кульма, чтобы позволить Шварценбергу и Барклаю отступить через горные перевалы и достичь равнин Богемии. Однако днем 29 августа силы Вандамма, имевшие численное превосходство, решительно атаковали русские позиции и вынудили Остермана отойти к Теплицу, где его войска были усилены передовыми подразделениями колонны Шварценберга, которые подходили со стороны гор, расположенных вдоль дороги на Циннвальд.

Когда в 6 часов вечера к Теплицу подошла передовая дивизия Ренье, Вандамм двинул вперед свой правый фланг — 1-ю дивизию генерала Армана Филиппона, которая должна была взять под контроль дорогу Циннвальд — Теплиц и блокировать отступающие силы противника в узком горном ущелье. Когда стемнело, Остерман все еще отчаянно цеплялся за Теплиц, а Вандамм уже отрезал пути отступления главных сил армии союзников.

Поздно вечером 28 августа штаб Наполеона прибыл в Пирну, а на следующий день император отругал Бертье за то, что тот предоставил слишком мало сведений о положении дел у Вандамма, а известия от Сен-Сира и Мармона поступали с большими задержками, вследствие чего постоянно оказывались устаревшими. 29 августа Наполеон по-прежнему оставался в Пирне, так как испытывал беспокойство в отношении обстановки, сложившейся у Макдональда и Удино. В это время он получил известия о том, что южнее Берлина дела идут хорошо, но Блюхер, уже вступивший в схватку с войсками Макдональда, оттеснил

французские передовые части. Макдональд просил подкреплений, так как считал, что 30 августа Блюхер предпримет серьезную атаку. Маршал получил указание как можно дольше удерживать свою позицию, а затем выйти из боя. Наполеону требовалось время, чтобы завершить разгром Богемской армии.

Битва при Теплице

Утром 30 августа узкие улочки Теплица были заполнены повозками, телегами и экипажами армии союзников. Перед тем как французы перерезали дорогу, ведущую к городу с севера, Остерман получил в подкрепление одну из дивизий Шварценберга. И все же его войска численно значительно уступали силам противника. К 7 часам утра 2-я дивизия Ренье подошла к Теплицу, и Вандамм был готов выбить противника из города.

Ранним утром 30 августа с целью предотвратить прорыв армии Шварценберга на открытую местность Вандамм усилил войска генерала Филиппона, который держал под контролем дорогу на Циннвальд. В 7 утра он начал сражение, выдвинув вперед свой левый фланг, с тем чтобы перерезать ведущую на юго-восток дорогу Теплиц — Лобозиц. За этим последовал мощный штурм самого города.

В эти ранние часы Остерман, рядом с которым находились австрийский император и прусский король, получил приказ Шварценберга нанести в 8 утра удар в северном направлении, двигаясь по дороге Теплиц — Циннвальд. Одновременно с ним Шварценберг собирался нанести своими силами удар в южном направлении. Таким образом они должны были, разблокировав дорогу, обеспечить прорыв на юг двух попавших в западню колонн и вступить в бой с силами Вандамма. Однако, как только Вандамм начал битву, Остерман был вынужден вступить в оборонительное сражение. Поэтому, когда Шварценберг в 8 утра попытался прорваться сквозь заслон французских дивизий, австрийцев встретил град картечи и ядер французской артиллерии. Не получив поддержки Остермана и не имея возможности использовать достаточное количе-

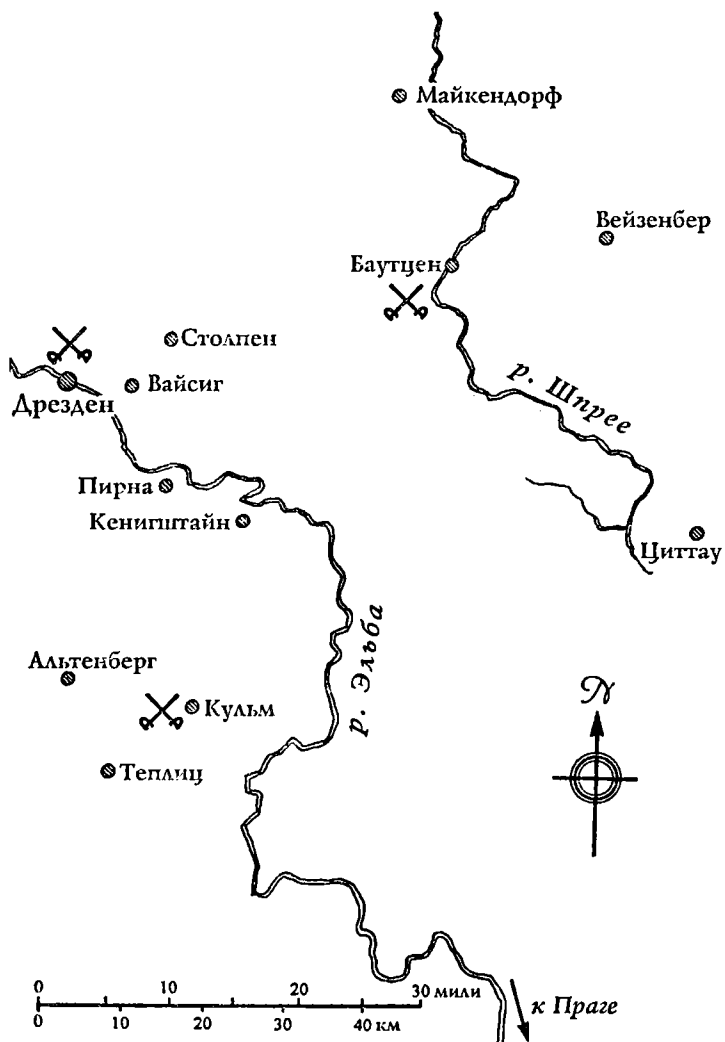
ство собственной артиллерии, австрийцы, которые понесли тяжелые потери, были отброшены обратно в ущелье. К полудню Остерман, несмотря на храбрость и большое умение, с которым он командовал своими войсками, уже не мог больше противостоять решительному натиску Вандамма. В час дня он приказал отступать на юг, в надежде спасти остатки своих войск. Отступая через горы на юг, по дороге к Либенау, генерал Клейст утром 30 августа получил сведения о том, что Вандамм уже подошел к Кульму. Таким образом путь отступления был перерезан. Хотя войска Сеп-Сира не слишком досаждали преследованием, тем не менее они находились в тылу у Клейста и упорно продолжали наступать. Оставалось только одно: двигаться по тылам Вандамма. Поэтому в районе Фюрстенвальде Клейст повернул на восток, чтобы выйти на дорогу Петерсвальде — Кульм в районе, расположенном между двумя этими городами. Перед самым полуднем пруссаки вышли к дороге, но обнаружили передовые части гвардии Мортье, которые двигались из Петерсвальде на юг и аррьергард Ренье, который находился на той же дороге всего в двух милях от правого фланга Мортье. Поскольку с тыла приближался Сен-Сир, Клейст оказался перед дилеммой: либо сдаться вместе со всей своей 20-тысячной группировкой, либо с боем прорываться между позициями Мортье и Ренье. Он выбрал последнее и в ходе сражения, которое продолжалось весь день, сумел повернуть на юг и пробиться к Кульму, оттесняя довольно слабый аррьергард Ренье, который преграждал ему дорогу, и не подпуская к своим тылам Мортье. Однако когда Вандамм, который в это время находился в Теплице, узнал о том, что у него в тылу Клейст, он направил отряд для поддержки аррьергарда Ренье. В ходе кровопролитной схватки продвижение Клейста на юг было остановлено. Поскольку сзади усиливал натиск Мортье, а возможности прорваться на юг теперь уже не было, Клейст повернул на восток и отступил по дороге к Ауссигу-на-Эльбе. Если бы ему удалось форсировать реку и разрушить за собой мост, он мог бы спасти то, что осталось от его армии.

К исходу дня 30 августа положение Богемской армии стало катастрофическим. На западе Мюрат преследовал

Кленау, колонны Шварценберга и Барклая оказались в ловушке в горах севернее Теплица, а остатки колонны Клейста спешно отходили на восток. Когда днем 30 августа Наполеон узнал о появлении Клейста на главной дороге, ведущей к Теплицу, он немедленно отправился на юг, чтобы лично осуществлять командование войсками Мортье. В тот же день поздно вечером он получил известие об успехе Вандамма, и уже на рассвете следующего дня император прибыл в штаб Вандамма, чтобы возглавить командование армией в Теплице.

На рассвете 31 августа Мортье преследовал Клейста; весь I корпус Вандамма выстроился на дороге Теплиц—Циннвальд, обратившись фронтом на север и перерезав пути отступления основных сил армии союзников; к югу от Теплица две дивизии Ренье преследовали Остермана; а подразделения гвардии, будучи резервом, оставались в Теплице, чтобы в случае необходимости оказать поддержку Вандамму, Мортье или Ренье. Шварценберг и Барклай оказались в безвыходной ситуации. Попавшим в западню на узкой горной дороге, заблокированной Наполеоном и Мармоном, войскам союзников оставалось лишь прорываться на юг через позиции французов, не подпуская к своим тылам войска Мармона. Они имели численное превосходство, но от него не было никакой пользы. Ширина ущелья, из которого они пытались выбраться, позволяла рассредоточить лишь одну бригаду, а Наполеон, который лично командовал блокирующими силами французов, сосредоточив здесь свою артиллерию, открывал губительный огонь, как только австрийские войска пытались прорваться. Шварценберг не мог выдвинуть вперед свою артиллерию, поскольку дорога была забита войсками, повозками и телегами.

Схватка продолжалась весь день. Союзники предпринимали одну атаку за другой. Сначала в бой шли австрийцы, а затем, уже ближе к вечеру, в атаку пошла русская императорская гвардия. Когда атаки Шварценберга приняли еще более ожесточенный характер, Наполеон подтянул из Теплица Старую гвардию, укрепив тем самым измотанную 1-ю дивизию Вандамма, которая приняла на себя главный удар неприятеля. Когда стемнело и сражение

Битвы при Дрездене и Кульме.

закончилось, обе армии занимали те же позиции, что и утром. Французы не делали попыток войти с южной стороны в ущелье, а союзники были не в состоянии прорваться на юг.

Первого сентября Александр, Шварценберг и их главные советники провели экстренный военный совет. Ситуация казалась безнадежной. Чтобы не допустить взятия в плен русского царя, было решено, что ему следует в сопровождении небольшого отряда бежать по горным тропам на запад, а затем двигаться на юг, к Праге. Когда Вандамм взял Теплиц, армия союзников лишилась обоза, и теперь взятые с собой запасы продовольствия стремительно таяли. После тяжелых боев у Дрездена и никем не предусмотренных сражений 30—31 августа боеприпасы также подходили к концу. С военной точки зрения, союзники могли удерживать свою позицию в горах в течение нескольких дней. В то же время они не имели шансов вырваться из ловушки, а французы были не в состоянии выбить их из ущелья. Однако, учитывая отсутствие пищи и каких-либо надежд на улучшение ситуации, армия союзников должна была капитулировать 2 или 3 сентября. Наполеон знал о тяжелом положении вражеской армии, и ему оставалось лишь попытаться еще более ухудшить его, а также удерживать свои позиции до тех пор, пока противник не запросит мира.

С большим трудом Александр сумел бежать, после чего 3 сентября Шварценберг начал переговоры о сдаче 70-тысячной армии, имевшей 120 орудий. Победа французов была почти полной. Правда 30-тысячная группировка Кленау, большая часть которой не принимала участия в битве при Дрездене, ушла практически без потерь. Что касается Клейста, то он понес тяжелые потери, пробиваясь через французские заслоны, однако сумел переправить через Эльбу 7000 своих изможденных боями пруссаков и сжег за собой мост¹. Но в ходе отступления Клейст лишился большей части артиллерии и обоза.

¹ Вандамм для охраны моста направил к Ауссенгу батальон, однако Клейст, появления которого французы не ожидали, сумел захватить мост неповрежденным.

Австрия просит мира

Наполеон приказал VII корпусу Ренье совершить в ночь с 2 на 3 сентября решительный бросок к позициям Остермана. Затем 3 сентября, когда Шварценберг запросил мира, Наполеон приказал Сен-Сиру (который в начале дня 2 сентября подошел к Теплицу) соединиться с войсками Ренье и двигаться к Праге. Он хотел подойти к главному городу Богемии еще до того, как туда доберется Кленау. Однако император потерял связь с Мюратом и Виктором, которые преследовали Кленау. Сначала они двигались на северо-восток через Дрезден, затем к Пирне и наконец на юг к Теплицу. Тем временем Кленау, который не знал о тяжелом положении остальной армии, повернул на юг и через горы направился к Праге. Двигаясь с запада, он в Шлане встретил войска Остермана, которые подошли сюда, отступая с севера. Александр присоединился к группировке Остермана. Объединенные силы союзников в общей сложности насчитывали теперь около 50 000 человек. Они двинулись к Праге и вошли в город 5 сентября. В начале того же дня Наполеон взял на себя командование корпусами Ренье и Сен-Сира, а ночью к нему подошли войска Мюрата и Виктора. Имея в своем распоряжении три корпуса, гвардию и кавалерию Мюрата, Наполеон двинулся к Праге, где и блокировал остатки армии противника. Излишне говорить о том, что три монарха союзных держав убыли из Праги еще до того, как началась осада города. Хотя князь Меттерних намеревался продолжать войну, император Франц был готов заключить мир со своим зятем. Он не хотел, чтобы французская армия в третий раз за последние десять лет вошла в Вену. К тому же у Австрии не было армии, способной остановить Наполеона, который мог подойти к городу в течение недели, самое большее — десяти дней. Меттерних неохотно начал переговоры о прекращении боевых действий.

Что касается Германии, то здесь на первом этапе ситуация складывалась не слишком удачно для французов. 30 августа Бернадотт, которого подталкивал к активным действиям смелый генерал Фридрих Вильгельм Бюлов, двинул свои войска на юг, к Виттенбергу. Силы Удино

ослабил уход VII корпуса Ренье, который должен был укрепить войска Вандамма. Не имея возможности вступить в открытое сражение, Удино отошел за Эльбу, разместив в Виттенберге свой штаб. Он немедленно сообщил маршалу Даву о своем тяжелом положении. «Железный маршал», в распоряжении которого находились 27 000 человек, тотчас двинул свои силы против Вальмодена, имевшего 25 000 солдат. Последний отошел на юго-восток и сообщил Бернадотту, что не сможет остановить Даву, если не получит подкреплений. Бернадотт отказался от планов форсирования Эльбы и направил для поддержки Вальмодена две дивизии. Тем временем Даву энергично продвигался вдоль восточного берега Эльбы и соединился с флангом Удино в Магдебурге. Однако Вальмоден, получив подкрепление, смог остановить продвижение Даву. Таким образом, к 4 сентября обстановка на северном театре военных действий стабилизировалась и противники удерживали позиции на противоположных берегах Эльбы. Между тем Бернадотт, узнав о разгроме Богемской армии, не испытывал желания предпринимать какие-либо дальнейшие наступательные действия.

Когда Блюхер узнал, что Наполеон, взяв гвардию, 25—26 августа отправился к Дрездену, решил нанести удар по группировке Макдональда, чтобы поддержать Богемскую армию. 29 августа на берегах реки Бодер генерал Блюхер вступил в боевое соприкосновение с войсками Макдональда. Последний, зная о победе при Дрездене, сообщил Наполеону о наступлении Блюхера, а также попросил новых указаний и подкреплений. На исходе того же дня Блюхер узнал о поражении Шварценберга, однако ему сообщили, что Богемская армия отступила, сохранив боевой порядок. Имея в своем распоряжении 87 000 человек, прусский генерал решил атаковать Макдональда, пока силы Наполеона связаны боями с армией Шварценберга. 31 августа он ускорил переправу через Бодер севернее Бунцлау. Однако Макдональд не стал вступать в сражение с превосходящими силами противника, а отступив за реку Квайс, вновь занял оборонительную позицию. Лишь 2 сентября Блюхер смог форсировать разлившуюся после дождей реку. Макдональд снова отступил на за-

над, призывая Наполеона срочно оказать ему поддержку. Наполеон не испытывал желания расплыть свои силы до того, как капитулирует Шварценберг, поэтому Макдональд получил приказ удерживать свои позиции как можно дольше, а затем отступать как можно медленнее. Блюхер, форсировав Квайс, атаковал силы Макдональда. Французы оказали упорное сопротивление, а затем, сохраняя боевые порядки, 3 сентября отошли к Гёрлицу, расположенному на берегу реки Нейсе. На следующий день Макдональд получил от Наполеона известия о том, что Мортье, а вслед за ним Вандамм наконец выступили на север с целью оказать ему поддержку.

4 и 5 сентября Макдональд продолжал отступать, подвергаясь энергичным атакам Блюхера и ожидая подхода сил Мортье и Вандамма, без поддержки которых не мог вступить в сражение с противником. Шестого сентября Блюхер уже знал о масштабах катастрофы, постигшей Богемскую армию. Лишь генерал Клейст, спасшийся на восточной стороне Эльбы, ушел от преследования и теперь обладал свободой маневрирования. Он двигался на юг, в направлении Праги. 7 сентября Мортье соединился с Макдональдом, который, находясь в Баутцене, готовился к обороне реки Шпрее. Блюхер зная о прибытии Мортье, теперь был обеспокоен тем, что его левый фланг не защищен от французских войск, возвращающихся на север. Но он успокоился, когда получил известия о том, что Наполеон идет в Прагу. Блюхер считал, что французский император движется на юг со всеми своими силами и что ему придется иметь дело лишь с Макдональдом и Мортье.

Вторая битва при Баутцене

8 сентября прусская армия заняла выгодную позицию на восточном берегу Шпрее. А еще ночью войска Мортье в количестве 15 000 человек соединились с силами Макдональда, увеличив численность французской армии до 90 000 солдат. Им противостояли примерно 92 000 пруссаков. Тем временем I корпус Вандамма (теперь без 42-й дивизии) находился примерно в двенадцати милях юго-восточнее Баутцена. План французов был прост. Макдональд,

форсировав Шпрее, должен был атаковать фронт позиции Блюхера, а Вандамм — нанести удар в тыл противника.

В 9 часов утра V корпус генерала Жака Александра Лористона, который стоял на левом фланге французов, стремительно форсировал реку, XI корпус (под командованием Макдональда), VIII корпус и Мортье отвлекали внимание противника в центре, III корпус (под командованием генерала Суама) поддерживал левый фланг, а VIII корпус князя Жозефа Антуана Понятровского оставался в резерве. 5 корпусу удалось закрепиться на правом берегу Шпрее, однако в полдень Блюхер направил часть своих резервов на ослабленный правый фланг, и около 2 часов дня наступление французов было остановлено. Именно в этот момент 1-я дивизия Вандамма появилась на дороге Баутцен — Хохкирх. Грохот артиллерийской канонады, раздавшийся прямо в тылу, сразу же посеял панику в рядах прусской армии. Залпы пушек Вандамма послужили сигналом Макдональду, который отдал приказ о генеральном наступлении по всему фронту. Блюхер бросил против Вандамма последние резервы (одну бригаду) и даже дивизию с центрального участка. В то же время он делал отчаянные попытки выйти из боя с корпусом Макдональда. 1-я дивизия Вандамма понесла огромные потери, когда на поле боя появилась 2-я дивизия, которая и стабилизировала ситуацию. К 3 часам дня основная часть прусской армии беспорядочно отступала на северо-восток, однако ее левое крыло численностью около 20 000 человек попало в окружение, после того как корпус Лористона, повернув на юго-восток, соединился с войсками Вандамма. Победа была полной, кавалерия генерала Ораса Франсуа Себастьяна преследовала противника до наступления темноты.

Получив известия о победе Макдональда у Баутцена, Наполсон поручил Арману Огюстену Коленкуру продолжать переговоры с Меттернихом и 10 сентября, взяв императорскую гвардию и VI корпус Мармона, выступил в направлении Дрездена. Он был намерен завершить кампанию в северной Германии и Польше, где Бернадотт все еще располагал более чем стотысячной армией. Кроме

того, еще 50 000 солдат под командованием Блюхера также отступили на север. Если бы эти две группировки объединили свои силы, то союзники имели бы мощную армию, особенно если бы ее действия направлял проницательный и способный Блюхер.

Преследуя Блюхера, который отходил на север, Макдональд невольно создал угрозу левому флангу Бернадотта. Это привело к тому, что последний начал общее отступление к Берлину. Силы Удино и Даву соединились, и согласно указаниям императора Даву возглавил командование 85-тысячной Эльбской армией, в состав которой входили XII корпус Удино, VI корпус Бертраана, XIII корпус самого Даву и кавалерийский корпус Аррийи.

Тогда же, в середине сентября, царь Александр и Фридрих Вильгельм встретили 59-тысячную русскую армию под командованием генерала Беннигсена, которая, выступив из Позена, следовала на помощь армиям союзников. Учитывая поражение Блюхера и отступление его войск на север, было решено объединить силы трех армий союзников (в общей сложности более 200 000 солдат) в Пруссии и попытаться удержать Берлин, или, если это будет невозможно, отступить за Одер.

17 сентября Наполеон подошел к позициям Макдональда и возглавил командование армией, которая с учетом VI корпуса и гвардии насчитывала 180 000 человек. Наполеон повел свои силы вдоль левого берега Одера и 20 сентября снял осаду с Кюстрина, французский гарнизон которого насчитывал 5000 человек. Теперь, когда французы подошли к Кюстрину, Бернадотт, испугавшись, что пути отхода на восток будут отрезаны, ушел из Берлина и со всей поспешностью отступил на северо-восток, чтобы форсировать Одер еще до того, как у Наполеона появится возможность отрезать его от остальной армии союзников. Лишь генерал Бюлов настаивал на том, чтобы защищать Берлин, пока будет оставаться хоть какая-то возможность. Он не допустил преждевременного ухода союзных войск из столицы Пруссии.

Даву, выполняя приказ Наполеона, замедлил отступление союзников, усилив давление на арьергард противника. Это позволило императору подойти к Штеттину еще до

того, как Бернадотт смог перейти Одер. Поэтому шведский кронпринц, повернув на север, стремительно отходил в направлении Шведской Померании. За ним неотступно следовал Даву. Шведские и прусские войска, численностью 35 000 и 25 000 человек соответственно, были эвакуированы из Штральзунда кораблями шведского и британского флотов, но генерал Бюлов не бросил свои войска и остался с 40 000 пруссаков в осажденном Штральзунде. Затем Наполеон приказал Даву и его XIII корпусу вновь соединиться с силами главной армии в районе Штеттина, где она готовилась к походу на Данциг с целью снять осаду города, гарнизоном которого командовал генерал Жан Рапп. Удино и Бертран продолжали блокировать Штральзунд.

Положение союзников самым драматическим образом ухудшалось. Без стотысячной армии Бернадотта Александр не мог вступить в сражение с превосходящими силами французской армии. Поэтому он начал общее отступление к Висле, которое позволило Наполеону снять осаду с Данцига и добавить еще 20 000 солдат к более чем 200-тысячной армии, которая уже находилась в его распоряжении. В штабе союзников все испытывали ощущение *дежа-вю*. В памяти Александра и Фридриха Вильгельма всплыли события кампании 1807 года в Польше, когда после поражения союзников в битве при Фридланде французы двинулись к реке Неман. Наполеон снова казался непобедимым. Александр мог попытаться повторить кампанию 1812 года. Эта кампания стоила Наполеону армии (которую, впрочем, он слишком быстро восстановил), погибшей в центральной России. Однако царь не испытывал желания вновь подвергать свой народ и армию таким ужасным страданиям. Лучше уж было подписать второй мирный договор и ждать удобного случая, чтобы перекроить карту Европы. Хотя Блюхер все еще командовал 50 000 солдат, прусский король, который лишился своей страны, мало что мог сделать без России. Учитывая эти обстоятельства, монархи союзных держав договорились вступить в переговоры с Наполеоном. Было решено занять на этих переговорах активную наступательную позицию, поскольку в распоряжении

союзников все еще находилась армия численностью 150 000 человек.

Французская армия в Польше, численностью 225 000 человек, находилась не в лучшем состоянии. В ее составе по-прежнему было недостаточно кавалерийских подразделений, солдаты устали от продолжительных переходов, крупных сражений и постоянных перестрелок. Кроме того, по мере продвижения армии к Неману система снабжения войск разрушалась. Измотанные солдаты и офицеры не выдержали бы еще одного вторжения в Россию. К тому же заканчивался сентябрь, поэтому не могло быть и речи о новой кампании. Наполеон также испытывал усталость, а состояние его здоровья оставляло желать лучшего. Восстановив свою репутацию и вновь контролируя всю Европу вплоть до границ с Россией, он был готов закончить кампанию и отправить французские войска на зимние квартиры.

Итак, все три стороны желали мира, и это способствовало тому, что вскоре Наполеон, царь Александр и король Фридрих Вильгельм договорились еще раз встретиться в Тильзите, где и был подписан мирный договор, который не отличался от договора 1807 года¹.

В реальности

После летнего перемирия Наполеон продолжил осуществление своего стратегического плана, приказав Удино наступать на севере и взять Берлин. Поэтому он оставил в распоряжении Удино VII корпус генерала Ренье. После победы, одержанной Наполеоном в битве при Дрездене, Вандамм маневрировал южнее Пирны, не имея никакой поддержки. Во время битвы при Кульме, которая состоялась 30 августа, он действовал без поддержки Ренье.

¹ В 1807 году Наполеон и Александр подписали Тильзитский мирный договор. Этот договор предоставлял Наполеону полную свободу действий на всей территории Европы, лежащей западнее реки Неман. Территории, расположенные восточнее реки, оставались под контролем или влиянием России.

Поэтому, когда около полудня генерал Клейст вышел в тыл Вандамма, I корпус французов оказался блокированным намного превосходящими силами противника и не мог рассчитывать на то, что ему будет оказана помощь. Вандамм и половина его корпуса были взяты в плен. Кроме того, 23 августа Удино был остановлен у Гросс Бее-рена, а Макдональд, который, вместо того чтобы перейти к обороне, двигался на восток, был 26 августа разбит на реке Кацбах. Таким образом, хотя Наполеон и одержал крупную победу при Дрездене, Богемская армия союзников победила при Кульме и смогла, отступив в безопасную Богемию, перегруппировать там свои силы. Кампания закончилась битвой при Лейпциге, которая состоялась 16–18 октября. Наполеон был разбит и отступил на западный берег Рейна.

БИБЛИОГРАФИЯ

Chandler, David. The Campaigns of Napoleon. New York, 1967. Duval, Jules Celestin X.A. Napoleon, Bulow, et Bernadotte, 1815. Paris, 1906.

Esposito, Vincent J., and Eiting, John R. A Military History and Atlas of the Napoleonic Wars. New York, 1964.

Gallaher, John G. «Political Considerations and Strategy: The Dresden Phase of the Leipzig Campaign», Military Affairs, vol. XLVIII, no. 2, April 1983.

Nafziger, George. Napoleon's Dresden Campaign: The Battles of August 1813. Chicago, 1994.

Pelet, Jean Jacques. Des Principes Operations de la Campagne de 1813. Paris, 1827.

Petre, Francis Loraine. Napoleon's Last Campaign in Germany, 1813. London, 1912.

Rousset, Camille Felix. M. La Grande Armée de 1813. Paris, 1892.

Thiry, Jean. Leipzig. Paris, 1972.

Thiry, Jean. Lutzen et Bautzen. Paris, 1971.

Петер Хофшроэр

**ЧТО, ЕСЛИ БЫ КОНСТАНТ
РЕБЕК, ПОДЧИНЯЯСЬ ПРИКАЗУ
ВЕЛЛИНГТОНА, ОТДАННОМУ
15 ИЮНЯ 1815 ГОДА,
ПОКИНУЛ КАТР-БРА?**

Петер Хофшроер, историк и лингвист, специалист по эпохе наполеоновских войн. Для серии Оспри «Человек и оружие» написал об армиях Пруссии и Ганновера, а для серии «Военные кампании» — о битве при Лейпциге 1813 года. Автор многих статей для таких журналов, как «Войны в истории», «Журнал Общества исторических исследований армии», «Эпоха Наполеона и Первой империи». Его работы, получившие большой успех; «Кампания 1815 года», «Ватерлоо — Веллингтон, его германские союзники и битвы при Лижни и Катр-Бра», а также «Кампания 1815 года, Ватерлоо — победа немцев», были опубликованы в 1998 и 1999 гг. соответственно. Он является одним из авторов книги «Маршалы Наполеона» под редакцией Дэвида Чандлера и войдет в число авторов готовящейся к публикации книги «Новый

словарь-справочник биографий выдающихся государственных деятелей». Ему присвоено звание члена Международного Наполеоновского общества, а Лига Бисмарка дважды наградила его памятными медалями — бронзовой и серебряной.

Начало военных действий

На рассвете 15 июня 1815 года Северная армия Наполеона вышла на исходные позиции. В 4 часа утра, после некоторой задержки, вызванной приведением войск в боевой порядок, авангард французской армии атаковал прусские позиции в районе Тьюэпа, расположенного юго-западнее Шарлеруа, рядом с важной переправой через реку Мёз и в сорока пяти километрах к югу от Брюсселя. Батарея корпуса Рейля открыла огонь по 2-му батальону 1-го полка вестфальского Ландвера (ополчения), из состава I армейского корпуса генерал-лейтенанта Цитена. Пруссаки предвидели атаку французов и были наготове. После того, как прозвучал предупреждающий артиллерийский залп, войска Цитена заняли свои позиции и приготовились к арьергардным боям. Грохот артиллерии услышали и в Шарлеруа, где находился штаб Цитена. Этот шум разбудил прусского генерала, которому удалось подремать несколько часов. Он встал и написал два послания: одно — командующему прусской армией на нижнем Рейне фельдмаршалу князю Блюхеру фон Вальштатту, а другое — командующему англо-голландско-германской армией герцогу Веллингтону.

Известия поступают в Брюссель

Два гонца с посланиями Цитена спешно выехали из Шарлеруа. Первый, майор граф Вестфален, проскакав около тридцати километров по сельским дорогам, в 8.50 утра прибыл в штаб Блюхера, расположенный в Намюре. Вторым гонцом был Меринский — офицер полевой жандармерии из охраны обоза. Прodelав путь длиной пятьдесят километров, в основном по мощным дорогам, он к 9 часам утра прибыл в штаб Веллингтона, который нахо-

дился в Брюсселе. В город Монс, расположенный у французской границы, Цитен отправил третьего офицера, майора фон Арнольда. Прибыв в город, майор после некоторых неизбежных задержек в 9.30 утра оказался в штабе генерала Вильгельма фон Дорнберга.

Меринский, как и было приказано, вручил свою депешу самому Веллингтону — лично в руки. Вероятно, считая, что герцог все равно поделится новостью с прусским офицером связи в Брюсселе генерал-майором фон Мюффлингом, Цитен не распорядился вручить депешу непосредственно Мюффлингу. Однако Веллингтон не стал предавать эту новость широкой огласке, сообщив о ней лишь нескольким доверенным лицам. Ожидая сообщений от своих информаторов в Париже и считая французское наступление блефом, который должен был прикрыть отступление в глубь Франции, Веллингтон никак не отреагировал на послание Цитена. Герцог не подозревал, что Наполеон провел его.

В течение дня в штабе Веллингтона царил обычная рабочая атмосфера. Утром он продолжил свою бумажную работу; в час дня написал записку по вопросу о предложенном переименовании своих дивизий; а перед обедом ответил на письмо русского царя Александра. Однако когда герцог уже садился за обеденный стол, к нему ворвался принц Оранский с известием о начале военных действий. Принц только что получил донесение от коменданта крепости Монс генерал-майора Бэра. Но Веллингтон и на сей раз не отреагировал. Следующим, кто испортил обед герцогу, оказался Мюффлинг, которому Цитен в 11 часов утра отправил сообщение о падении Шарлеруа и вступлении в город войск Наполеона. Поскольку для Мюффлинга это было первым известием о начале военных действий, то, сообщая о нем Веллингтону, он не стал акцентировать внимание на судьбе, постигшей Шарлеруа. Вместо этого он лишь поставил герцога в известность о том, что французские войска атаковали прусские позиции. И на этот раз не последовало никакой реакции Веллингтона. День продолжался.

Около 5 часов вечера в Брюссель пришла депеша от Блюхера. Фельдмаршал сообщал герцогу, что, действуя на

основании совместно разработанного плана, он выдвигает всю свою армию на позицию в районе Сомбреффа. И снова Веллингтон ничего не сделал. И наконец, около 6 часов вечера пришло донесение от подполковника сэра Джорджа Беркли — представителя Веллингтона в штабе Нидерландов, расположенном в Брен-ле-Кот. Оно полностью подтверждало первое сообщение, полученное Веллингтоном от Цитена. Только тогда герцог понял, что обязан действовать. Лишь в период между 6 и 7 часами вечера он отдал первые за весь день приказы. Из Брюсселя во все стороны помчались гонцы.

Теперь Веллингтон понимал, что его шансы, вовремя сосредоточив силы, оказать помощь пруссакам, значительно уменьшились. Это ставило под сомнение выполнение обещаний, которые он в письменном виде предоставил Блюхеру. Прусский фельдмаршал получил их через своего офицера штаба полковника фон Пфюеля. Кроме того, их получил и генерал Цитен, штаб которого находился в Шарлеруа. Теперь Веллингтон понимал, что ему нужно убедиться в том, что Блюхер сможет удерживать свою позицию столько времени, сколько потребуется герцогу, чтобы закончить сосредоточение своих войск. Веллингтон вызвал Мюффлинга в штаб. Герцог усадил его за стол и, пододвинув листы бумаги, попросил написать фельдмаршалу, что силы Веллингтона этой же ночью двинутся ему на помощь. Ожидавшему британскому гонцу было приказано как можно скорее доставить Блюхеру послание.

Однако плохие новости продолжали поступать. Около 10 часов вечера пришла еще одна депеша из штаба Блюхера. Помимо сообщения о том, что прусские войска сосредоточиваются на позиции у Сомбреффа, в ней говорилось и о падении Шарлеруа, что было новостью для герцога. Теперь Веллингтон начинал понимать, что он ошибся, считая французское наступление блефом, целью которого было прикрытие отступления войск Наполеона в глубь Франции. Герцог отдал еще ряд приказов, суть которых сводилась к следующему: его армии надлежало двигаться на восток, ближе к позициям пруссаков. Несмотря на это, он не отменил свое прежнее распоряжение, согласно которому 2-я Нидерландская дивизия должна была

двигаться к Нивеллю, оставив Катр-Бра — связующее звено между позициями войск Веллингтона и пруссаками.

Мюффлинг вернулся к себе и ждал дальнейших сведений от Веллингтона, чтобы затем передать их Блюхеру. Герцог понял, что ситуация хуже, чем он думал. Теперь было необходимо, чтобы Блюхер, действуя решительно, сдержал натиск французской армии, позволив Веллингтону завершить сосредоточение войск. Незадолго до полуночи герцог сообщил Мюффлингу, что он приказал всем своим силам двигаться к Нивеллю и Катр-Бра. В свою очередь Мюффлинг сообщил Блюхеру, что к 10 часам утра Веллингтон будет иметь в районе Катр-Бра 20 000 солдат. Веллингтон знал, что не сможет выполнить своего обещания, но, получая сообщения о том, что все четыре корпуса Блюхера на следующий день должны занять позиции в районе Сомбреффа, он был убежден: пруссаки сумеют продержаться до 17 июня, когда силы Веллингтона закончат сосредоточение.

Князь Бернхард решает защищать свою позицию

Тем временем французы подошли к прусским позициям и начали вклиниваться в промежуток между войсками Веллингтона и Блюхера. Замысел Наполеона сводился к тому, чтобы разделить армии союзников и разбить их поодиночке. Французский отряд, проводя рекогносцировку, двигался по главной дороге, ведущей из Шарлеруа к Брюсселю. Южнее Катр-Бра, в районе Фрасне, он наткнулся на два батальона из состава нассауской бригады под командованием князя Бернхарда Сакс-Веймарского. Князь Бернхард уже знал о передвижениях французов. Не получив никаких указаний, он по собственной инициативе приказал своей бригаде сосредоточиться на этом важном пересечении дорог. Бригада как раз подходила к намеченной позиции, когда ее передовые отряды столкнулись с «красными уланами» императорской гвардии. Лефевр-Денуэт, который командовал французским авангардом, понимая, что его кавалерия сама не сможет захватить эту позицию, попросил оказать поддержку пехотой. На помощь могла прийти лишь 5-я дивизия Башелу

из состава корпуса Рейля. Однако ее 4000 солдат слишком устали после сорокакилометрового марша под палящими лучами солнца, который им пришлось проделать в этот день, а также от постоянных стычек с противником. Вскоре стемнело, и начавшаяся было перестрелка утихла. Нассауская бригада удержала свою позицию.

Считая важной информацию о таком развитии событий, начальник штаба армии Нидерландов Жан-Виктор де Констант Ребек, который находился в Брен-ле-Кот, поручил одному из младших офицеров своего штаба, лейтенанту 9-го полка легких драгун Генри Вебстеру, скакать в Брюссель и передать сведения об изменении обстановки. В 10 часов вечера Вебстер выехал из Брен-ле-Кот.

Поступает приказ Веллингтона

В 10:30 вечера приказ, составленный Веллингтоном в 7 вечера, был доставлен в Брен-ле-Кот, в штаб 1 корпуса, которым командовал принц Оранский. Поскольку командующий отсутствовал, Констант Ребек вскрыл пакет и ознакомился с его содержанием. Веллингтон просил принца Оранского сосредоточить у Нивелля 2-ю и 3-ю дивизии армии Нидерландов¹. Третья дивизия уже была в районе Нивелля, но 2-я находилась в Катр-Бра. Зная о том, что Нассауская бригада под командованием Сакс-Веймара вступила с французами в бой у Катр-Бра, Констант Ребек на мгновение задумался, взвешивая все плюсы и минусы принимаемого решения. Однако, не желая вызывать гнев Веллингтона, он приказал Сакс-Веймару под покровом темноты уйти из Катр-Бра. Получив сразу после полуночи этот приказ, храбрый князь Бернхард пришел в ярость. Понимая, что сдача Катр-Бра французам приведет к разделению армии союзников на две части, он поскакал в Брен-ле-Кот, чтобы лично выразить свое несогласие с таким решением. Констант Ребек спокойно выслушал его доводы. В ответ на вопрос Сакс-Веймара, понимает ли он,

¹ Издание Джона Гервуда, «Официальные донесения фельдмаршала герцога Веллингтона, отправленные в ходе различных военных кампаний» (Лондон, 1838), том XII, с.473.

что пруссаки будут отрезаны и не смогут получить помощь от войск Веллингтона, сосредоточенных в районе Брюсселя, Констант Ребек только пожал плечами, заявив, что *«приказам лорда Веллингтона нужно подчиняться»*. Кроме того, у бригады Сакс-Веймара оставалось мало боеприпасов, поэтому она все равно не смогла бы долго удерживать свои позиции. Около двух часов ночи князь Бернхард вернулся к своим войскам. У него оставалось два часа, чтобы незаметно для противника завершить отход из Катр-Бра. Когда бригада Сакс-Веймара оставляла свои позиции, на французских передовых постах слышали какой-то шум, но поскольку люди слишком устали, им было не до выяснения причин этого шума.

Вебстер приезжает в Брюссель

Благодаря тому, что лейтенант Вебстер понимал безотлагательность порученного ему задания, он, сменив лошадей, сумел к полуночи добраться до места назначения, проскакав во весь опор все расстояние между Брен-ле-Кот и Брюсселем. Под покровом ночи он вошел в бальный зал герцогини Ричмонд и вручил пакет принцу Оранскому, который сразу же передал его герцогу Веллингтону. Англичанин прочитал следующее: *«Только что [в 10 часов вечера] из Нивелля прибыл капитан барон Гагерн, который сообщает: противник уже находится в районе Катр-Бра»*¹.

Герцог не верил своим глазам. Ближе к вечеру, окончательно убедившись в том, что наступление французов не блеф, Веллингтон решил, что главный удар будет нанесен через Монс, поскольку это направление было кратчайшим путем к Брюсселю. Он считал, что удар по прусским позициям в Шарлеруа и вокруг него является лишь отвлекающим маневром. Теперь герцог не знал, что и подумать. Он понял, что ему угрожает опасность быть отрезанным от пруссаков, в поддержке которых он так нуждался. Во время разговора с Пиктоном Веллингтон распорядился, чтобы

¹ Де Бас и Т'Серклас де Воммерсом, «Кампания 1815 года в Нидерландах» (Брюссель, 1908), том 1, с.410.

его дивизия была готова выступить не в четыре часа утра, а в два. Дивизии Пиктона надлежало, двинувшись по дороге к Шарлеруа, блокировать любые попытки французов нанести удар по Брюсселю.

Ней вступает в Катр-Бра

На рассвете 16 июня передовые части Лефевра-Денуэта доложили о том, что на пересечениях дорог у Катр-Бра нет войск противника. Лефевр-Денуэт приказал пехоте Башелу быстро захватить позицию и немедленно передать столь приятную новость маршалу Нейю, который командовал этим крылом французской армии. Ней лично отправился к Наполеону, штаб которого находился в Флеру. Придя в восторг, император сказал, что ему удалось провести Веллингтона, и хвастался, что вечером они будут ужинать в Брюсселе. Затем Бонапарт приступил к разработке планов. Он решил направить силы Груши на преследование пруссаков, которые, как он считал, теперь будут продолжать свое отступление. Ней должен был, немедленно взяв под контроль узкий мост у Женаппа, провести разведку в направлении Нивелля и оттеснить любые подразделения Веллингтона, которые он обнаружит. Сам же Наполеон был намерен с главными силами армии двигаться по дороге к Брюсселю. В случае серьезного сопротивления Ней мог оказать ему поддержку. Теперь настало время вбить клин в позицию союзников.

Блюхер решает отступить

Ранним утром того же дня Блюхер, который находился в своем штабе на мельнице Буси в местечке Бри, пришел к выводу, что ему предстоит столкнуться с главными силами армии Наполеона. Он уже получил известия о путанице при передаче и выполнении приказов, которые он отдал генералу фон Бюлову, и теперь знал, что его IV корпус (четвертая часть всех прусских сил) в течение этого дня не сможет подойти к Сомбреффу. Блюхеру, чтобы принять решение, необходимы были сведения о последних планах Веллингтона. Поэтому, чтобы выяснить, како-

вы планы голландцев, он отправил к Веллингтону своего штабного офицера майора фон Брюннека и ждал от него известий.

Затем пришло донесение Мюффлинга, которое тот отправил в полночь. В нем сообщалось, что армия Веллингтона численностью 20 000 человек будет двигаться через Нивелль и Катр-Бра, причем к последнему населенному пункту она должна подойти к 10 часам утра. Это сообщение успокоило Блюхера, и теперь он мог спокойно готовиться к тому, что доставляло ему самое большое удовольствие: сражаться с французами. Однако поступившие в 10 часов утра новые сведения испортили ему весь завтрак. В это время вернулся Брюннек, истекающий кровью от раны в руке. У самого Катр-Бра он попал в засаду. Этот населенный пункт был в руках французов. Поскольку еще вечером предыдущего дня там находилась Нассауская бригада под командованием Сакс-Веймара, Блюхер хотел знать, что же с ней случилось и почему ему ничего не сообщили. Начальник штаба генерал-лейтенант граф Нейдхардт фон Гнейзенау поднял бровь. Другой старший офицер штаба Блюхера генерал-майор фон Гролман что-то шепотом пробормотал. Их начальник обычно не позволял открыто выражать свои чувства по поводу ненадежности союзника, но Гнейзенау и Гролман не могли более сдерживаться. Очевидно, Веллингтон их просто бросил и, по всей вероятности, уже давно на пути в Антверпен и порты Па-де-Кале. Они же, имея теперь лишь три армейских корпуса, вынуждены будут противостоять всей французской армии.

Блюхер, остановив руку, невольно потянувшуюся к эфесу сабли, попросил перо и бумагу и продиктовал распоряжения войскам. Ему оставалось лишь противостоять силам Наполеона, не имея поддержки ни со стороны Бюлова, ни со стороны Веллингтона. Цитен получил указание вести арьергардные бои в Сомбреффе и его окрестностях. Генерал-майору фон Пирху и генерал-майору Фрейеру фон Тильманну, которые командовали II и III армейскими корпусами соответственно, было приказано двигаться на северо-запад, в направлении Жамблу, куда в течение следующего дня должен был подойти и

корпус Бюлова. Решение о дальнейших действиях Блюхер рассчитывал принять в зависимости от ситуации, сразу после сосредоточения всех своих сил в районе Жамблу. Туда же Блюхер перевел и свой штаб.

Веллингтон решает не уходить из Брюсселя

Когда дивизия Пиктона выступила из Брюсселя, было еще темно. Боевой дух войск был высок, но прощание с городом навевало некоторую печаль. Подчиняясь приказу, войска Пиктона двинулись по дороге, ведущей к Намюру. Лишь оказавшись южнее Суанского леса, они получили приказ остановиться для завтрака. Около 9 часов утра к месту привала подъехали Веллингтон и офицеры его штаба. После короткого совещания с Пиктоном герцог поспекал дальше в направлении Катр-Бра. С высот, расположенных напротив Женаппа, он увидел, что и сам город, и важнейший мост находятся в руках французов. Таким образом, все дороги, по которым он мог прийти на выручку пруссакам, были перекрыты французами. В 10 часов утра он отправил Блюхеру сообщение о положении, в котором оказались его войска. При составлении этого послания герцогу пришлось с особой осторожностью подбирать слова, так как он не хотел еще больше осложнить свое положение. Веллингтон опасался того, что пруссаки повернут к Рейну, предоставив его разрозненным силам отражать удар французов. Он писал:

«Высоты в районе Женаппа, 16 июня 1815, в 10 часов [утра]

Мой дорогой принц!

Силы моей армии расположены следующим образом. Армейский корпус принца Оранского находится в Нивелле. Резерв уже прибыл в Ватерлоо. Английская кавалерия будет в Нивелле в полдень. Корпус лорда Хилла находится в Брен-ле-Кот.

Я не вижу перед собой больших сил противника и жду известий от Вашего Высочества, а также прибытия войск, для того чтобы определить план своих действий на сегодняшний день.

Ни в районе Банш, ни на моем правом фланге ничего серьезного не обнаружено.

*Ваш покорный слуга
Веллингтон.»*

Веллингтон представил позиции своих войск гораздо более выдвинутыми на юг, чем это было на самом деле. Кавалерия не могла подойти к Нивеллю в полдень, а Хилл, конечно же, не был в Брене. Герцог знал, что часть сведений, которые он передавал своему союзнику, не соответствует действительности. Веллингтон хотел скрыть то, что могло бы заставить Блюхера повернуть домой. Гонец, пробираясь окольными путями, чтобы не нарваться на французов, расположившихся в районе Катр-Бра, сумел к полудню добраться до штаба Блюхера. Настроение фельдмаршала сразу же изменилось. Блюхер, бросив сердитый взгляд на Гнейзенау и Гролмана, вновь попросил перо и бумагу.

Фельдмаршал, отвечая Веллингтону, указал, что в Сомбреффе его войска столкнулись со всей французской армией и что, поскольку подход Бюлова задерживается, Блюхер отступает, дабы соединиться с войсками последнего в районе Жамблу. Отсюда он и выступит со всей своей армией, чтобы 17 июня оказать поддержку Веллингтону. Фельдмаршал выразил уверенность в том, что вместе они сумеют разбить Наполеона. В 1:30 дня это письмо было доставлено в деревню Ватерлоо, в которой совсем недавно Веллингтон разместил свой штаб. Взяв за основу ложные сведения, предоставленные герцогом, Блюхер сделал вывод, что Веллингтон сосредоточил достаточное количество войск, чтобы обеспечить себе надежную позицию. Хитрость Веллингтона привела к противоположному результату.

Приказы Веллингтона

Пребывая в мрачном настроении, Веллингтон обдумывал содержание письма Блюхера. Герцог прекрасно понимал, что не сможет пробиться к своему союзнику. Более того, поскольку пруссаки отступали, ему, по всей вероятности,

пришлось бы сегодня же без их поддержки вступить в бой со значительной частью сил Наполеона. В любом случае главной задачей Веллингтона было остановить продвижение французов к Брюсселю, поэтому он прежде всего дал указание Пиктону, заняв позиции вдоль хребта Мон-Сен-Жан, вступить в бой и задержать наступление противника. Затем герцог отправил гонца с приказом, согласно которому голландцы должны были медленно отступать к Аллю, как можно дольше задерживая французов. 4-й дивизии Хилла надлежало, присоединившись в районе Алля к войскам принца Оранского, двигаться в направлении Брюсселя через Нинов. Резервной кавалерии было приказано следовать в Брюссель. Как только Хилл окажется в Алле, голландцы должны были отойти к Брюсселю.

Действия Наполеона

В начале дня Наполеон разделил свои силы на две части. Ней, в распоряжение которого был передан корпус Рейля и легкая кавалерия гвардии, занял левый фланг, а Наполеон возглавил остальные силы армии, в состав которых вошли гвардия, корпуса Вандамма, д'Эрлана, Жерара и Лобау, а также — резервная кавалерия под командованием Груши. Однако забравшись на господствующую высоту, где находилась обсерватория Лижни, и увидев, что в одноименной деревне и ее окрестностях находится лишь один прусский корпус, Наполеон пришел к выводу, что в течение этого дня Блюхер будет продолжать отступление. Исходя из этого, он перегруппировал свои силы, поручив Груши командование правым крылом. В распоряжение новопеченного маршала были переданы корпуса Жерара и Лобау, а сам Наполеон возглавил командование четырьмя кирасирскими дивизиями Груши. Корпусу Жерара было приказано атаковать деревню Лижни. Груши, оставив Лобау в резерве у Флеру, выдвинул Пажоля и Эзельмана против левого фланга пруссаков. Тем временем Наполеон, взяв гвардию и корпуса Вандамма и д'Эрлана, направился в Катр-Бра, чтобы там соединиться с корпусом Рейля, входящим в группировку Нейя. Когда возшло

солнце, император, улыбаясь, стал подбадривать своих солдат рассказами о восходе солнца под Аустерлицем. При поддержке III кавалерийского корпуса Келлерманна Лефевр-Дезнётт взял под контроль дорогу, ведущую в Брюссель. Позавтракав и почистив ружья, в 2 часа дня выступила пехота Рейля. Д'Эрлан двигался к Нивелю. Гвардия и Вандамм следовали за Рейлем. В этот солнечный день боевой дух Северной армии Наполеона был на высоком уровне.

Днем 16 июня

Груши двигался к позициям пруссаков. Цитен организовал в Лижни надежную оборону, которая смогла противостоять атакам Жерара, начавшимся в 2:30 дня. Силы пруссаков были в значительной степени представлены необстрелянными ополченцами и новобранцами, но их объединяло прочное ядро, состоявшее из опытного офицерского и унтер-офицерского состава. Хотя сражения минувшего дня измотали этих молодых солдат, они испытывали слишком большое нервное возбуждение, чтобы как следует выспаться. И без того не идеальная система снабжения армии окончательно рухнула в ходе сражений предыдущего дня, и те скудные запасы продовольствия, которые еще оставались у солдат, теперь были исчерпаны. Но главной проблемой стала нехватка питьевой воды. Грязная вода из болотистого ручья была использована для чистки ружей. Были предприняты усилия по использованию строений деревни Лижни для обороны. Цитен хотел избежать столкновения на открытой местности своих плохо обученных солдат с французскими ветеранами. Вместо этого он принудил солдат Жерара вести кровопролитные уличные бои, в ходе которых их боевой опыт не играл большой роли.

Цитен проявил большую решимость, удерживая свои позиции. Атакующие силы французов сумели лишь ненадолго продвинуться к деревне. Роты силезских *schutzen* (специально обученных стрелков), используя любую возможность, выводили из строя французских офицеров. Когда Жерар вторично повел своих солдат в атаку на

Лижни, он сам был тяжело ранен в грудь, и командование перешло к его старшему дивизионному командиру Пешо. Самые храбрые солдаты пали в ходе жестоких уличных боев, которые велись за каждый квартал. Часто французы, захватывая дом, добивали раненых, которые пытались скрыться в подвале. Те, кому посчастливилось избежать такой участи, погибли во время пожара, который стал распространяться по всей деревне. Обе стороны понесли значительные потери.

В «Летописи» 19-го полка, входившего в состав бригады Хенкеля фон Доннерсмарка, имеется описание этого эпизода:

«Колонна правого фланга противника, двигаясь к деревне с севера, подходила к позициям стрелков, которыми командовал фон Глазенапп. Выдвинув вперед артиллерию, она перешла в атаку. Батарея нашей бригады открыла ответный огонь.

Французские стрелки нанесли концентрированный удар по позициям Глазенаппа, но эта атака была отбита. Их попытка захватить сад, расположенный на холме, также оказалась безуспешной.

Затем в течение получаса небольшой отряд противника пытался выбить Глазенаппа с занимаемых им позиций. Но эту атаку отразил 2-й батальон, который открыл ураганный огонь по французам. В конце концов противник, бросив в сражение более значительные силы, сумел после жестокой схватки захватить позиции Глазенаппа. Отсюда французы атаковали наши позиции по всему фронту, а их стрелки пытались обойти с фланга наш батальон.

Теперь одна колонна противника попыталась овладеть дорогой, ведущей к церкви, а другая двигалась к западным кварталам деревни.

Первая мощная атака была отбита. С большим трудом противнику удалось захватить плацдарм. Когда французы сорвались в деревню, им пришлось вести кровопролитные рукопашные схватки за каждый дом и подвал.

Майор фон Шоулер, собрав на окраине Лижни три роты, повел их в контратаку, двигаясь к церкви, которая

все еще находилась в руках батальона Королевского Ландвера. Шоулеру удалось прорваться к ручью Лижни, где он получил серьезное ранение в голову. Когда его заменил фон Борке, атака уже потеряла темп.

Началась артиллерийская дуэль. Тем временем лейтенант Кесслер повел вперед свои стрелковые взводы. Как только они подошли, началось общее контрнаступление прусских сил, в результате которого французы были выбиты из деревни. Полк вновь занял свои исходные позиции»¹.

Артиллерия Цитена, рассредоточившись вдоль гребня холма, на котором была расположена деревня Бри, не давала французам обойти правый фланг позиции прусской армии. Понимая, что попытки выбить пруссаков с занимаемых ими позиций посредством фронтальной атаки займут слишком много времени и будут стоить слишком больших потерь, Груши приказал своей кавалерии начать обход левого фланга Цитена, провоцируя его и угрожая отрезать ему пути отступления. Он надеялся, что этот маневр заставит пруссаков уйти из Лижни.

Первый армейский корпус Цитена отразил первую попытку французов, предпринятую с целью обойти левый фланг прусской армии. Однако прусская кавалерия страдала от последствий реорганизации, а солдаты Цитена не могли идти в сравнение с вымуштрованными ветеранами Пажоля и Эзельмана. В 4 часа дня резервной кавалерии Тильманна, входящей в состав III армейского корпуса, было приказано сдержать продвижение масс французской кавалерии, тем самым обеспечив отход пехоты Цитена.

В тот же вечер к Жамблу беспрепятственно подошли II и III прусские корпуса, однако солдаты корпуса Цитена после двух дней тяжелых боев буквально валились с ног. К 5 часам вечера позиция в Сомбреффе была уже в руках французов, хотя резервная кавалерия I и III корпусов прусской армии в тот вечер смогла надолго

¹ В основе этой записи лежит подлинная история полка с внесенными в нее изменениями.

задержать продвижение французов. К исходу дня прусаки сосредоточили свои силы в Жамблу. После того как ночью подошли силы Бюлова, в распоряжении Блюхера оказались три свежих корпуса, которые он мог использовать в сражениях предстоящего дня.

С высоты Мон-Сен-Жан Веллингтон мог видеть, что оправдываются его худшие опасения.

Четыре дивизии первой классной французской кавалерии подходили со стороны Женаппа. У герцога не было достаточного количества кавалерии, чтобы оказать им сопротивление. Более того, под рукой у Веллингтона было слишком мало пехоты, чтобы удержать свои позиции. В 4 часа дня, когда силы Лефевра-Денуэтта и Келлерманна появились в непосредственной близости, войска Пиктона начали с боями отступать к Суанскому лесу. Каре англичан краснели на всем пути к лесу, деревья которого не позволяли французской кавалерии в полной мере использовать свое преимущество. Бригада Пэка следовала в арьергарде. Последним под прикрытие леса ушел 42-й шотландский полк, на прощание отразив несколько атак гвардейской легкой кавалерии Лефевра-Денуэтта. Тем не менее дорога на Брюссель теперь была открыта.

Две нидерландские дивизии в полном боевом порядке отошли к Аалю, хотя д'Эрлан не слишком им досаждал. Имея численное преимущество над противником в соотношении два к одному, дивизия нидерландской кавалерии генерала Коллерта без особого труда оттеснила легкую кавалерию д'Эрлана. В ходе отступления дивизия Альтена присоединилась к нидерландским силам. В Аале их ждал Кук. Вечером к ним присоединилась 2-я дивизия, а в течение ночи подходили силы Колвилла. Резервная кавалерия уже миновала Ааль и продолжала двигаться к Брюсселю. Таким образом, Веллингтону удалось выйти из чрезвычайно опасного положения. Он сохранил свое хладнокровие, оказавшись в исключительно сложных обстоятельствах.

Вечером 16 июня

В тот день Веллингтону удалось в какой-то мере спасти ситуацию. Наполеон уже подошел к окраинам

Брюсселя, но был не в состоянии выполнить свое хвастливое обещание поужинать в самом городе. Теперь герцог почти сосредоточил все силы своей армии, а потери благодаря его тактическому умению были относительно невелики.

Войска Блюхера понесли более тяжёлые потери, но теперь вся его армия сосредоточилась в районе Жамблу. В то же время его отделяло от Веллингтона расстояние, превышающее дневной переход, а между союзниками находились войска Наполеона, которые могли нанести удар в любом направлении.

Д'Эрлан был на окраинах Ааля, Груши подошел к Жамблу, а сам император находился немного южнее Брюсселя. И все же сохранялось некоторое равновесие сил. Одиako Наполеон был намерен сделать следующий ход.

Поклонники Бонапарта в Брюсселе всю ночь собирали свои силы. Было распределено оружие, доставленное с тайных складов, и шла подготовка к организованному выступлению, намеченному на утро. Известия об этом достигли Веллингтона, который уже начинал нервничать, сомневаясь, что сможет удержать город. Он не испытывал желания рисковать исходом сражения, имея столь ненадежный тыл. Лишь Блюхер мог облегчить его положение, поэтому в ту ночь герцог поскакал в Уавр, чтобы там провести совещание со своим союзником.

Ночное совещание в Уавре

Веллингтон поехал на совещание в Уавр, надеясь на то, что сможет убедить пруссаков на следующий день двинуться в общем направлении на Брюссель. Опасаясь того, что мятеж в Брюсселе поддержат нидерландские подразделения, герцог решил изолировать их от остальных сил своей армии и направить к Антверпену, причём был намерен сделать это уже утром. Тем не менее он считал, что офицеры-бонапартисты вполне могут захватить командование нидерландской армией. Если бы им удалось взять под контроль даже часть этой армии, то один из путей безопасного отступления сил Веллингтона оказался бы заблокирован. Это было смертельно опасно для его армии и могло

привести к ее гибели. Герцог хотел избежать такого риска и поэтому решил, что необходимо организовать сопровождение нидерландских подразделений более надежными войсками. В результате таких мер в его распоряжении осталось настолько мало сил, что он мог вести лишь аррьергардные бои с противником. Тем не менее оставалась угроза того, что и эти его силы будут подавлены французами, поэтому он должен был убедиться, что Наполеон сосредоточил свое внимание на других участках театра военных действий.

Веллингтон начал осуществлять свой план. Пиктон получил приказ как можно дольше удерживать Брюссель. Оставшаяся в распоряжении Веллингтона пехота должна была на следующий день начать отступление в направлении Антверпена. Кавалерии надлежало, прикрывая отход пехоты, на некоторое время задержать Наполеона в районе Брюсселя. По дороге в Гент уже мчался гонец, который должен был передать Людовику XVIII, чтобы тот немедленно выехал в Остенде и оттуда на корабле переправился в Англию. Обо всем этом Веллингтон не собирался ставить в известность Блюхера. Мюффлинг, который находился в другом здании и не владел английским языком, также был совершенно не осведомлен о планах Веллингтона.

В ночь с 16 на 17 июня в городке Уавр состоялась встреча Веллингтона и Блюхера. Они обсудили планы на ближайшее будущее. Блюхер был убежден в необходимости, объединив силы, разбить Наполеона в решающем сражении. Тайный замысел Веллингтона заключался в том, чтобы уговорить своего партнера отвлечь внимание Наполеона и тем самым позволить герцогу без особых потерь улизнуть в Антверпен. Герцог обещал в течение дня удерживать Брюссель, а Блюхер согласился подвести свои войска к городу со стороны Лувена. Расставшись, оба были вполне удовлетворены результатами встречи. Гнейзенау и Гролман высказывали друг другу сомнения по поводу искренности намерений своего союзника. Мюффлинг убеждал их в том, что эти подозрения безосновательны.

Утром 17 июня

Первой покинула Брюссель 1-я британская дивизия. За ней из города выступила 2-я нидерландская дивизия. За ними последовали 3-я британская дивизия, 3-я нидерландская дивизия и 2-я британская дивизия. Вдоль дороги выстроилась кавалерия. Таким образом Веллингтон рассчитывал без особых эксцессов отвести нидерландские войска в Антверпен, не давая возможности неблагонадежным элементам поднять мятеж. До сих пор нидерландские войска выполняли свой долг, но обстоятельства изменились, и теперь Веллингтон должен был иметь все гарантии того, что совсем недавно образованному королевству ничто не угрожает. Британская 5-я дивизия должна была как можно дольше удерживать Брюссель, а кавалерии Аксбриджа надлежало поддерживать порядок на улицах города. В южных, франкоязычных кварталах города были возведены баррикады и случились перестрелки. Чтобы не вступать в бой, 4-я дивизия и силы принца Фредерика обошли город по северным окраинам и двинулись в направлении Вильвоорде.

Перед тем как покинуть город, Веллингтон вызвал в свой штаб Мюффлинга. Герцог объяснил ему, что обстановка в Брюсселе ухудшилась настолько, что оставаться здесь было бы слишком рискованно. Письмо с этими известиями было отправлено Блюхеру, но чтобы не наткнуться на французские патрули, гонцу пришлось двигаться окольными путями. Именно поэтому Блюхер узнал об истинном положении лишь спустя несколько часов.

Теперь силы Наполеона были организованы следующим образом: правое крыло, которым командовал Груши, состояло из корпусов Пешо (заменившего Жерара), Пажоля и Эзельмана; левое крыло, которым командовал Ней, было сформировано из корпусов Рейля, д'Эрлана и Келлерманна; Наполеон командовал резервом, в который входили Гвардия, а также корпуса Вандамма, Лобау и Милье. Французы выступили уже ближе к полудню, после того как позавтракали и почистили ружья. Поэтому к

тому времени, как Наполеон подошел к Брюсселю, силы Веллингтона уже давно двигались в направлении Антверпена. В 10 часов утра войска Вандамма, ворвавшиеся на южные окраины города, были встречены ликующими жителями. После непродолжительной перестрелки Пиктон отступил. Войска Аксбриджа, оставив северные окраины города, прикрывали арьергард отступающей армии. В 11 часов утра Наполеон уже завтракал во дворце Пале-Рояль. В полдень он обратился с речью к толпе, собравшейся у дворца. Известия о его успехе уже разносились по всему миру. Тем временем Людовик XVIII, находясь на борту корабля, приближался к берегам Англии.

Между тем II армейский корпус Блюхера, которым командовал Пирх, выступил в направлении Лувена. За ним следовали Цитен и Тилеманн. Биллов, удерживая позиции в районе Жамблу, прикрывал тыл армии, а солдаты Груши уже вступали в бои с прусскими патрулями.

Когда Наполеон обращался с речью к ликующим массам брюссельцев, он уже знал, что будет делать дальше. Он не собирался догонять Веллингтона и позволил ему укрыться за надежными стенами Антверпена. Своей главной задачей Наполеон считал разгром армии Блюхера. Поэтому он, отправив вслед за Веллингтоном Нея с корпусами Рейля и д'Эрлана, поддержанными кавалерией Эзельмана, и оставив в Брюсселе Лобау, выступил из города во главе корпуса Вандамма, гвардии и кавалерии с целью соединиться с войсками Груши. Так как пруссаки двигались на север, явно пытаясь соединиться с армией Веллингтона, Наполеон повел свои силы по дороге из Брюсселя к Лувену, препятствуя их маневру. Блюхер оказался между двух огней.

Во второй половине того же дня в штаб Блюхера прибыл гонец Веллингтона с известием о падении Брюсселя. Несмотря на опасения Гнейзенау и Гролмана, Блюхер решил, отбросив все сомнения, продолжать марш на Лувен. Если бы ему удалось вечером подойти к этому городу, то 18 июня он вполне мог бы соединиться с силами Веллингтона. Фельдмаршал все еще не подозревал об истинных намерениях своего союзника.

Вечером 17 июня

К вечеру основная часть пехоты Веллингтона уже вошла в Антверпен. Его кавалерия удерживала Мехельн. Из-за ливня, хлынувшего после полудня, французская пехота не смогла эффективно преследовать англо-голландско-германскую армию. Было слишком сыро, чтобы использовать огнестрельное оружие, а кавалерия Аксбриджа, сабли которой не пострадали от дождя, доставила массу хлопот кирасирам Милье.

Южнее Лувена авангард II корпуса Пирха вступил в бой с французскими аванпостами. В одной из этих стычек пруссакам удалось оттеснить конных стрелков Вандамма и атаковать его пехоту, заставив ее приостановить марш и построиться в каре. Бранденбургским гусарам почти удалось разрушить каре 23-го линейного полка, однако фланговая контратака 12-го полка конных егерей заставила бранденбуржцев отступить. Французская кавалерия опять показала свое превосходство, отразив атаку пруссаков. Пирх доложил о сложившейся обстановке в штаб. Груши неотступно преследовал Бюлова, чей арьергард, состоящий из гусар и улан, не шел ни в какое сравнение с ветеранами французской кавалерии.

Наполеон установил с Груши линию коммуникаций, которая протянулась из Брюсселя через Уавр. Все группировки Северной армии действовали согласованно и находились под полным контролем своего властелина. Император реализовывал стратегию центральной позиции с безупречным умением.

Подавленный Блюхер теперь понимал, что у него нет ни малейшего шанса беспрепятственно добраться до Лувена. Затем пришло донесение от Мюффлинга, в котором тот сообщал о движении Веллингтона к Антверпену. Гнейзенау и Гролман, с пониманием кивнув друг другу, договорились не сообщать об этом фельдмаршалу, чтобы не расстраивать его еще больше. Блюхер понимал, что без поддержки Веллингтона он не сможет пробиться к своему союзнику. Теперь ему оставалось либо двигаться на восток, к Рейну, либо испытать сокрушительное поражение.

Утром 18 июня

Людовик XVIII прибыл в Дувр и сразу же отправил в Лондон курьера с новостями. Эти известия вызвали самые серьезные последствия.

Веллингтон благополучно закончил свое отступление и оказался под защитой стен Антверпена.

Однако его нидерландские войска все чаще показывали признаки неповиновения, и герцог стал сомневаться даже в том, что он сумеет удержать Антверпен. Нею, с корпусом Рейля, было предписано вести наблюдение за этой крепостью. Корпуса д'Эрлана и Келлерманна должны были присоединиться к силам Груши, командование которыми взял на себя Наполеон. Эта группировка двигалась на восток, преследуя пруссаков.

Армия Блюхера отступала в направлении Тирлемона. Убедившись в том, что его силы слишком слабы, чтобы соединиться с армией Веллингтона, фельдмаршал решил отходить к Маастрихту и Льежу. Там он рассчитывал дожидаться русских и австрийцев, которые должны были выступить против Франции в конце месяца.

События в Лондоне

Вслед за прибытием курьера из Дувра премьер-министр Великобритании лорд Ливерпуль в тот же вечер собрал свой кабинет. По мере того как сгущались сумерки, высказывались все более мрачные политические прогнозы. Министр финансов Ванситтарт выразил недовольство чрезмерным напряжением ресурсов страны, которое вызовет затяжная война. Британция уже имела большую задолженность, и поэтому нельзя было рассчитывать на дополнительные кредиты. Министр внутренних дел виконт Сидмут предупреждал, что любое повышение налогов вызовет недовольство общества. Вновь разгорелся давний спор между военным министром графом Бархерстом и министром иностранных дел виконтом Каслрейем. Предметом спора было соответствие герцога Веллингтона должности командующего союзными силами в Нидерландах. Имея серьезные разногласия внутри кабинета и пустую казну,

премьер-министр ясно понимал, что продолжать войну будет весьма сложно.

Утром он встретился с послами России и Австрии. Он уведомил их о том, что Британия больше не намерена отправлять свои войска в Нидерланды, и выразил сомнения в отношении того, что правительство одобрит кредиты, необходимые для обещанных субсидий. Послы сообщили об этом своим правительствам. Политическая обстановка становилась для союзников все более угрожающей.

Наполеон предлагает мир

К 20 июня пруссаки отошли за реку Маас. Крепости Маастрихт и Льеж находились в их руках. Здесь они могли достаточно долго удерживать свои позиции и защищать северную Германию от французского вторжения. Блюхер написал своему королю письмо, в котором обратился с просьбой выделить ему дополнительные силы. В Пруссии находились еще три армейских корпуса, в состав которых входили королевская гвардия, тяжелая кавалерия и несколько подразделений опытных пехотинцев. Со стороны Мозеля уже подходил северогерманский армейский корпус генерала фон Клейста. Блюхер был уверен, что вскоре сможет возобновить активные боевые действия.

Веллингтон удерживал Антверпен, но испытывал сомнения по поводу лояльности горожан и уже подумывал о разоружении нидерландских войск. Это решение было бы чревато нежелательными последствиями, поэтому он на некоторое время его отложил, рассчитывая, что ситуация изменится к лучшему.

Тем временем армия Наполеона подошла к Антверпену, Маастрихту и Льежу. Поскольку сил для штурма этих крепостей у Наполеона явно не хватало, он решил перейти к политическим маневрам. Его осведомители в Лондоне сообщали о тупике, в котором оказался премьер-министр и его кабинет. Бонапарт направил мирные предложения Веллингтону, Блюхеру, царю Александру и императору Австрии Францу I. В этих посланиях Наполеон говорил о том, что он не хотел этой войны и

стремится к тому, чтобы прекратить ее. Население Бельгии было на его стороне и называло Наполеона своим освободителем. Будучи императором французов, он не имел никаких иных территориальных притязаний. К тому же, он понимал, что признание статуса-кво позволит избежать дальнейшего кровопролития.

События в Гейдельберге

22 июня сообщения из Лондона были доставлены в императорскую ставку, расположенную в Гейдельберге. Царь и император Австрии Франц уже проводили совместное совещание, когда пришли известия о том, что саксонская армия, которая в начале мая покрыла себя позором мятежа, направленного против своих прусских командиров, теперь давала клятву верности Наполеону. Клейст также сообщал о волнениях, имевших место в некоторых подразделениях его северогерманского армейского корпуса. Во время марша к позициям Блюхера значительно возросло число случаев дезертирства, и теперь Клейст не мог положиться на своих солдат. Некоторые из его подразделений были сформированы на территориях, которые до самого последнего времени — в течение нескольких лет — либо находились под прямым правлением Наполеона, либо были самыми верными союзниками императора. Свою роль играла и всеобщая усталость от войны, которая особенно сказывалась на новобранцах.

Без твердых гарантий поддержки со стороны британцев австрийцы не считали для себя возможным продолжать борьбу. Меттерних и император имели разногласия в вопросе признания нового режима Наполеона. Французский император был женат на австрийской принцессе, от которой имел сына. И мать, и дитя находились под защитой австрийского двора. Австрийский Бонапарт на французском троне после смерти своего отца был бы только на руку Австрии.

В тот вечер пришло мирное предложение Наполеона. Во время обсуждения сложившейся обстановки Меттерних пытался убедить царя пойти на перемирие с Наполеоном. Поскольку в любом случае русская и австрийская

армии могли выступить против Франции лишь через десять дней, разве такое решение не было бы разумным? Король Пруссии Фридрих Вильгельм III понимал, что не сможет действовать в одиночку. Он был младшим партнером царя и поэтому поддержал бы любое решение, принятое Александром. Король отправил Блюхеру послание, в котором сообщал фельдмаршалу, что согласен пойти на перемирие. Эта новость привела в ярость офицеров штаба Блюхера. Растаяли надежды фельдмаршала исправить на поле боя промахи, допущенные политиками. В ответ старый вояка направил королю послание, в котором просил об отставке.

Наполеон, видя, что коалиция союзников трещит по швам, согласился на выдвинутое ими предложение о прекращении огня и со своей стороны ответил предложением начать переговоры. То, что нельзя выиграть силой оружия, можно выиграть силой доводов — так рассуждал Наполеон.

Известия об успехах французов достигли Дрездена. Публично король Саксонии осудил недостойные действия своей армии, однако в частных беседах высказывал надежду на то, что они помогут вернуть утраченные Саксонией территории. Последовавшие за этим события свидетельствовали о том, что Берлин был обеспокоен развитием ситуации в соседнем государстве. Приведенные в боевую готовность прусские войска были отправлены на границу с Саксонией и поэтому не могли прийти на помощь Блюхеру.

Новости об изменении военной обстановки в Бельгии достигли Варшавы, где польские патриоты решили воспользоваться случаем и поднять восстание против правления русских. Поляки рассчитывали вернуть тот недолгий период расцвета империи Наполеона, когда они наслаждались вновь обретенной независимостью Польши. На улицах Варшавы возводились баррикады, а горожанам раздавали оружие. Вскоре восстание охватило и сельскую местность. Под угрозой оказалась линия коммуникации, связывающая русскую армию в Германии с Россией. До этого момента царь еще не решил окончательно, что ему следует предпринять. Но теперь условия диктовал уже не

он, а сами события. Александр с целью подавить восстание направил часть своих сил из Германии в Польшу. Вступление русской армии во Францию теперь казалось маловероятным.

Нелегкий мир

Первого июля в Маастрихте состоялась встреча Наполеона с представителями союзников. Понимая, что в ближайшее время им едва ли удастся сместить Наполеона, они решили принять статус-кво. Веллингтон настаивал на том, чтобы в Антверпене остался британский гарнизон. Наполеон соглашался, но при условии, что этот порт не станет владением династии Оранских. Под властью короля Виллема должны были остаться лишь территории, где население говорило по-голландски. Униженный и оскорбленный Веллингтон, вернувшись в Англию, сошел с политической сцены. Провал в Нидерландах навсегда перечеркнул его мечты стать политическим деятелем. Подавленные неудачей пруссаки согласились признать Наполеона императором Франции. Было достигнуто соглашение о том, что прусские гарнизоны останутся в Маастрихте, Льеже и Люксембурге, однако были отклонены требования присоединить к Пруссии всю Саксонию или ее часть. Поскольку силы Наполеона были слишком ослаблены и находились чрезвычайно далеко от Польши, французский император бросил поляков на произвол судьбы, фактически передав их в руки царя. Австрийцы, рассчитывая на то, что в будущем Францией будет править Наполеон II, предрекали династии Габсбургов новый золотой век. Они не предъявили Наполеону никаких требований. Позиции австрийцев в северной Италии остались без изменений. Была признана их ведущая роль в Германии и заложено основание их будущему господству в континентальной Европе. Теперь лишь у пруссаков оставался значительный воинский контингент на Рейне. Другая часть их армии продолжала внимательно наблюдать за Саксонией. Людовик XVIII теперь находился в постоянном изгнании и вел праздный образ жизни, поселившись в английской деревне. Ему было передано поместье Стратфилд

Сэй близ Рединга, а также особняк Эпли Хаус, который стал его лондонской резиденцией.

В реальности

В истории существуют важнейшие поворотные пункты, когда поступки ничем не примечательного лица могут оказать огромное влияние на конечные результаты событий. Инициатива Константа Ребека, который в реальности не подчинился приказу Веллингтона и отправил 2-ю Нидерландскую дивизию из Катр-Бра в Нивелль, оказала решающее влияние на успешный исход кампании. Интересно, смог бы таким же образом поступить кто-нибудь из британских офицеров, которые знали, что авторитет Веллингтона никогда не ставился под сомнение? Кроме того, если бы принц Бернхард Сакс-Веймарский не принял решения удерживать свою позицию в Катр-Бра, а отступил бы к Нивеллю, Константин Ребек, возможно, не проявил бы такой смелости. Этим двоим Веллингтон во многом был обязан своим успехом и славой.

Начало этого очерка, в том числе и глава «Князь Бернхард решает защищать свою позицию» представляет собой в основном изложение подлинных фактов и содержит минимум предположений. В основе этих предположений лежат вероятность и обоснованность. Веллингтон на самом деле отдал такой приказ. Однако, согласно нашему вымышленному сценарию, Константин Ребек подчинился приказу герцога. События, изложенные в главе «Вебстер прибывает в Брюссель», также имели место в реальности. Только после этого мы попадаем в область *«Что, если бы...»* Смесь реальных фактов и вымысла наглядно показывает, насколько близок был приказ, полученный Константином Ребеком от Веллингтона, к тому, чтобы стать причиной катастрофы. Вымышленное письмо, якобы написанное Веллингтоном в Женаппе в 10 часов утра 16 июня, очень похоже на письмо, действительно написанное им спустя лишь полчаса в Фрасне, чуть южнее Катр-Бра. Были изменены лишь несколько слов. Все остальное — вымысел, который достаточно правдоподобно отражает то, что, скорее всего, могло произойти при

подобных обстоятельствах. Одним словом, используя выражение самого Веллингтона, можно сказать, что все это «*весьма близко к истине*».

БИБЛИОГРАФИЯ

Chandler, Davi. Campaigns of Napoleon. New York, 1967.

Charras, Jean Baptiste Adolphe. Histoire de la campagne de 1815: Waterloo. Paris, 1869.

Chesney, Colonel Charles C. Waterloo Lectures: A Study of the Campaign of 1815. London, 1907, reprinted 1997.

Clausewitz, Carl von. Der Feldzug von 1815 in Frankreich. Berlin, 1835.

De Bas and T'Serclaes de Wommersom. La campagne de 1815 aux pays-has. 3 vols, Brussels, 1908.

Wellington, 2nd Duke of. Despatches. Correspondence, and Memoranda of Field Marshal Arthur Duke of Wellington. New Series, 8 vols, London, 1867.

Эндрю Аффинделл

НАПОЛЕОН И ВАТЕРЛОО

Эндрю Аффинделл — британский автор. Его первой книгой стала «Последний триумф орла», которая рассматривает причины победы Наполеона при Лижни. Через два года была опубликована книга, написанная совместно с военным историком Майклом Корумом, «На полях славы», посвященная битве при Ватерлоо. Он также написал главу для книги «Наполеон: окончательный приговор» и подготовил к печати сборник очерков покойного Джека Уэллера под названием «О Веллингтоне». Среди тем опубликованных им статей есть и анализ огневой мощи союзников при Ватерлоо, а также исследования франко-австрийской войны 1859 года. В данный момент он готовит к печати «Информационный бюллетень Общества друзей Музея Национальной армии».

Ватерлоо является одним из тех грандиозных сражений, чья слава никогда не померкнет. Оно было кульминацией краткой, бескомпромиссной и кровопролитной кампании, которая началась 15 июня 1815 года, когда Наполеон, внезапно вторгшийся в пределы Соединенных Нидерландов, двинул свои войска в направлении

Брюсселя. Ему противостояли две армии его противников: во-первых, — 117 000 пруссаков под командованием фельдмаршала Гебхарда Леберехта фон Блюхера; и во-вторых — объединенные силы численностью 93 000 человек, которыми командовал герцог Веллингтон. В состав этих сил входили войска из Британии, Соединенных Нидерландов и германских государств Ганновера, Брауншвейга и Нассау.

Общая численность армий союзников намного превосходила силы Наполеона, который мог противопоставить им лишь 124 000 человек. Однако союзникам было необходимо время, чтобы сосредоточить свои войска. Поэтому Наполеон имел блестящую возможность, не дожидаясь сосредоточения сил союзников, разбить одного из них. Шестнадцатого июня он нанес Блюхеру тяжелое, но не окончательное поражение при Лижни, что в двадцати шести милях к юго-востоку от Брюсселя. Продолжавший сосредоточение своих сил Веллингтон не мог подойти к Лижни, так как в восьми милях к северо-востоку, в районе Катр-Бра, его силы вели бои с войсками левого крыла французской армии, которым командовал маршал Мишель Нея.

17 июня

Потерпевшие поражение, но не сломленные пруссаки отходили на север. Их разрозненные силы соединились у города Уавр, расположенного в двенадцати милях севернее Лижни. Наполеон не стал их преследовать, напротив, утром 17 июня он оставался в Лижни и ждал сведений о передвижениях двух вражеских армий и возможных путях их отступления. Лишь около 11 часов утра он наконец приступил к действиям. Получив сведения о том, что рано утром Веллингтон все еще оставался в Катр-Бра, император приказал своим резервам, а именно императорской гвардии и большей части VI корпуса — соединиться в районе Катр-Бра с силами Нея и нанести удар по оказавшейся в затруднительном положении армии Веллингтона.

Ошибочные сведения ввели в заблуждение Наполеона, который решил, что пруссаки отступают на восток. Он дал указание маршалу Эммануэлю де Груши преследовать их. Впрочем, некоторые подразделения уже шли по следу пруссаков, например, II кавалерийский корпус генерала графа Реми Эзельмана, дивизия I кавалерийского корпуса генерала графа Клода Пажоля, а также пехотная дивизия генерала барона Франсуа Теста из состава VI корпуса. Кроме того, Наполеон передал в распоряжение Груши III корпус генерала графа Доминика Вандамма, IV корпус генерала графа Этьена Жерара и IV кавалерийский корпус генерала графа Эдуарда Милье.

Однако вскоре Наполеон пришел к выводу, что, передавая в распоряжение Груши столь значительные силы, он чрезвычайно ослабляет собственные войска, которым предстояло вступить в сражение с армией Веллингтона. Поэтому он изменил свое решение и продиктовал главному дворцовому церемониймейстеру генералу графу Анри Бернару распоряжение, согласно которому Груши надлежало вернуть корпуса Вандамма и Милье, отправив их на запад по дороге, ведущей в Катр-Бра. Таким образом, в распоряжении Груши оставались 20 000 солдат Пажоля, Эзельмана, Жерара и Теста. Но Наполеон не сразу понял, что пруссаки отходят не на восток, а на север.

Мы не знаем, как поступил бы Наполеон, если бы он не отменил свое первоначальное решение передать в распоряжение Груши 36 000 солдат. У самого императора осталось бы лишь 69 000 человек, и, по всей вероятности, он столкнулся бы с серьезными трудностями в случае битвы с армией Веллингтона. Во всяком случае, риск был бы смертельным. Груши начал преследование пруссаков, а силы самого Наполеона выступили в направлении Катр-Бра, чтобы там соединиться с войсками Нея.

В тот день было уже поздно вступать в сражение с Веллингтоном. Ней не слишком торопился выполнять полученный им приказ Наполеона, согласно которому он должен был посредством фронтальной атаки прижать силы Веллингтона к Катр-Бра. Герцог умело вышел из огневого соприкосновения с французами и отступил по

Брюссельской дороге в северном направлении. Проливной дождь превратил бельгийские дороги в сплошное болото, в котором увязли силы преследователей.

Веллингтон также остановил свою армию и рассредоточил ее на возвышенностях Мон-Сен-Жан, в двух с половиной милях к югу от деревни Ватерлоо, где на южной окраине Суанского леса он разместил свой штаб. Поздно вечером он получил сообщение от Блюхера, который находился в Уавре. Прусский фельдмаршал обещал: *«Я приду не с двумя корпусами, а со всей своей армией»*. Получив от пруссаков гарантии столь мощной поддержки, Веллингтон решил на следующий день принять сражение, оставаясь на позициях, которые он занял.

Ватерлоо: на рассвете 18 июня

Около 4-х утра взошло солнце. Наполеон был абсолютно уверен в своей победе. Однако к месту сражения подтянулись лишь передовые части французской армии, тогда как ее основные силы все еще находились в пути, растянувшись на пять миль вдоль Брюссельской дороги, на всем ее протяжении к югу от деревни Женапп. В связи с этим Наполеон отложил начало битвы, рассчитывая на то, что за это время к месту сражения подойдут все отставшие подразделения, а пропитанная влагой земля хоть немного высохнет, что позволит его артиллерии более активно маневрировать.

Тем временем Наполеон провел совещание со своими высшими военачальниками. Он развеял их опасения по поводу возможного соединения прусских войск с армией Веллингтона, считая, что пруссаки потерпели слишком тяжелое поражение при Лижни и не смогут быстро восстановить свои силы. Кроме того, он исключил возможность флангового обхода сил Веллингтона, поскольку пересеченная местность и влажная почва не позволят передвигаться достаточно быстро, особенно на восточных участках поля битвы. Во всяком случае Наполеон не хотел принуждать Веллингтона возобновлять отступление, а был намерен подавить его силы путем массивной фронтальной атаки. И это было не удивительно, поскольку

ку он мог выставить 83 000 своих солдат против 68 000 имевшихся у Веллингтона¹.

В 10 часов утра французская армия, за исключением III корпуса, который еще не подошел к полю битвы, блистая многоцветьем мундиров, уже маршировала по раскисшим от дождя полям, выстраиваясь в боевые порядки. Сражение началось в 11:30 утра. В первую очередь Наполеон нанес не слишком мощный удар по ферме Ужумон — сильному опорному пункту Веллингтона на западном участке поля битвы. Но когда половина II корпуса генерала графа Оноре Рейля оказалась втянутой в этот бой, атака вышла из-под контроля. Французская пехота тщетно атаковала строения фермы и огромную стену сада, в которой имелись бойницы. Потери атакующих росли.

Однако попытка взять Ужумон оказалась только предлюдией. Наполеон уже собирался предпринять массированную атаку, которая должна была смять правое крыло Веллингтона и тем самым выиграть сражение одним мощным ударом. Для подготовки этого решающего удара, который должны были нанести 16 000 пехотинцев I корпуса генерала Жана Батиста Друэ, графа д'Эрлана, восемьдесят орудий большой батареи начали обстрел этого участка позиции союзников. Имея поддержку кавалерии с обоих флангов, д'Эрлан должен был прорвать фронт противника, а затем, двинувшись на запад, перерезать дорогу на Брюссель и оттеснить силы Веллингтона на северо-запад. Затем Наполеон планировал ввести в сражение свой резерв, который состоял из III и VI корпусов, резервной кавалерии, а также императорской гвардии. Эти силы должны были вступить в бой с отступающей армией Веллингтона и закрепить победу.

Артиллерийская подготовка продолжалась в течение целого часа. Наполеон корректировал боевые порядки своих войск на восточном участке сражения, когда ему сообщили, что, согласно сведениям, полученным от пленного

¹ Не считая соединения численностью 17 000 человек, которое Веллингтон оставил в восьми милях отсюда, в районе города Аль, чтобы отразить возможную попытку обхода своего западного фланга.

гонца, IV корпус пруссаков стремительно движется в направлении восточного фланга французской армии. В связи с этим Наполеон дал указание двум дивизиям легкой кавалерии, а также VI корпусу генерала Жоржа Мутона, графа Лобау, предотвратить эту угрозу. Император по-прежнему был уверен в том, что у него достаточно времени и войск, чтобы сокрушить армию Веллингтона, но на всякий случай отправил Груши невнятное послание, в котором советовал маршалу приблизить его группировку к основным силам французской армии.

Затем в 2 часа дня I корпус двинулся вперед четырьмя большими колоннами. Сначала казалось, что все складывается просто замечательно. Затем на вершине холма блеснула сталь — это британские тяжелые драгуны, до сих пор скрытые от французов на тыльных склонах холмов, ринулись в атаку, яростно прорубая себе дорогу сквозь расстроенные ряды французской пехоты. Воодушевленные успехом, британские кавалеристы помчались дальше в направлении большой батареи, которая находилась на французской стороне долины. Здесь они подверглись мощной контратаке безжалостных французских улан. Оставшиеся в живых британцы повернули своих лошадей и поскакали назад.

Тучи сгущаются

Наполеон удвоил свои усилия, направленные на разгром Веллингтона. Пруссаки не представляли прямой угрозы, поскольку мощный VI корпус мужественного Лобау, несомненно, был в состоянии остановить их продвижение. Выполняя приказ Наполеона, французская артиллерия теперь сосредоточила огонь на Ля-Эй-Сен и на Ужумон. Артиллерийский огонь разрушил обе фермы, и французская пехота снова пошла в атаку.

Порывистый маршал Ней возобновил наступление, предприняв серию массированных кавалерийских атак, направленных против центра позиции Веллингтона. В этих атаках приняли участие кирасиры IV кавалерийского корпуса Милье и дивизия легкой кавалерии императорской гвардии. Наполеон счел эти атаки преждевременны-

ми, однако увидев, что им удалось преодолеть сопротивление противника, готовился поддержать кавалерию силами имевшейся в его распоряжении пехоты, а именно III корпусом Вандамма, а также теми подразделениями II корпуса, которые еще не были втянуты в сражение за Ужумон. К 5 часам вечера после нескольких атак французская кавалерия, несмотря на контратаки кавалерии союзников, утвердилась на высотах, прежде занимаемых войсками Веллингтона, и готовилась нанести удар по пехотным каре противника. Пушки Веллингтона, которые находились на высотах, были брошены артиллеристами, которые укрылись внутри каре. Теперь колонны французской пехоты могли беспрепятственно пересечь долину и закрепиться на плацдарме, отвоеванном кавалерией. Орудийные расчеты французской артиллерии также пробирались вперед, преодолевая непролазную грязь.

Вскоре полчища французских стрелков при поддержке артиллерии уже обстреливали с высот небольшие, лишённые маневра пехотные каре Веллингтона, южные линии которых отвечали слабым ружейным огнем. Командующий кавалерией Веллингтона граф Аксбридж галопом носился от одной кавалерийской части к другой, приказывая контратаковать. Однако голландцы и бельгийцы отказывались идти в бой без полка ганноверских гусар. Британская тяжелая кавалерия была разбита. Оставалась только британская легкая кавалерия, а также брауншвейгские гусары и уланы, которые атаковали при любой возможности и добились временного успеха, несмотря на численное преимущество врага.

Французы перешли к тактике позиционной борьбы, которая медленно, но верно изматывала силы Веллингтона. Картечь продолжала разрывать линии каре союзников. Выполняя приказ принца Оранского, контратаку предпринял пехотный батальон из бригады Нассау, однако почти мгновенно он был отброшен французскими кирасирами. Героическим защитникам фермы Ля-Эй-Сен, у которых закончились боеприпасы, пришлось оставить свои позиции — и фермой овладели французы.

Наполеон почувствовал, что наступил долгожданный момент. Отправив дивизию Молодой гвардии на помощь

Лобау, который сдерживал пруссаков, он передал Нею семь батальонов Средней гвардии, приказав ему пробить брешь в уже изрядно потрепанном центре позиции Веллингтона. Затем в эту брешь он намеревался пустить свежие силы III кавалерийского корпуса генерала Франсуа Келлерманна.

Вступление в бой Средней гвардии решило исход дня. На центральном участке сражения войска Веллингтона были сброшены с высот, что чрезвычайно ослабило позиции армии союзников на обоих флангах. Аксбридж бросил в схватку остатки британской тяжелой кавалерии и некоторое количество всадников Германского Королевского легиона. Эта отчаянная контратака поначалу смяла строй кирасиров, но вскоре захлебнулась, столкнувшись с батальонами Старой гвардии, которые, хладнокровно построившись в каре, открыли ураганный огонь. Попав под перекрестный обстрел, одни лошади поворачивали назад и падали, сраженные пулями, другие, обезумев, бросались вперед, вынося своих всадников на открытое пространство, где их настигали пики французских улан.

Веллингтон сразу понял, что если он попытается одновременно поддерживать контакт и с подразделениями, оборонявшими Ужумон на западном участке, и с пруссаками, которые подходили к восточному участку, то его армия по мере продвижения французов на центральном участке будет раскалываться надвое. Поэтому, чтобы сохранить армию, герцог вывел из Ужумона те части, которые еще можно было вывести, предоставив остальных защитников фермы собственной судьбе, после чего начал отступление на север.

Тем временем Аксбридж подтянул бригаду британских легких драгун сэра Джона Вэнделера, которая находилась на самом краю восточного участка поля битвы, оставив там гусар сэра Хассея Вивиана, которые должны были прикрыть отступление этого крыла армии¹.

¹ В то утро офицеру из бригады Вивиана было приказано провести рекогносцировку путей отступления — на случай, если подразделению придется таковое предпринять. См. Послания Ватерлоо под ред. Х. Сайборна, (1983), с. 196.

Принц Оранский также отреагировал на успех французов, немедленно отправив своего адъютанта капитана графа Марча к генералу барону Давиду Шассу — командиру 3-й голландско-бельгийской дивизии, которая находилась в резерве на западном участке. *«Французы прорвались в центре, — воскликнул Марч, едва переводя дыхание. — Вы должны немедленно контратаковать».* Доблестный Шасс, бросив свою дивизию в бой, сумел на некоторое время сдерживать натиск французов. Однако вскоре бригада генерала д'Обрема бежала, не выдержав внезапного удара французской кавалерии. Принц Оранский храбро сражался с двумя кирасирами, но был ранен, разружен и взят в плен.

Французские артиллеристы подкатывали все новые и новые орудия, которые подвергали немилосердному обстрелу подразделения Веллингтона, отступавшие по открытой равнине. Одна за другой взрывались повозки с боеприпасами, поднимая вверх столбы белого дыма, которые, скручиваясь в неистовом вихре, принимали форму гриба. Фактически Веллингтон ничем не мог ответить на этот обстрел, так как лишился большей части своей полевой артиллерии, когда его войска были сброшены с высот. Так, например, капитан Кавали Мерсер из отряда «G», входившего в состав Королевской конной артиллерии, вывел из строя свои пушки, а затем отступил через равнину с немногими уцелевшими солдатами и лошадьми¹.

Поражение Веллингтона

Подвергнувшись безжалостному разгрому, который продолжался более шести часов, армия Веллингтона теперь распадалась. Большая часть голландско-бельгийской кавалерии и значительная часть пехоты уже исчезли, и лишь британские, а также некоторые германские соединения продолжали организованно отступать, сражаясь с французами за каждый метр и не допуская распада линии арьергарда. Один небольшой трагический эпизод замедлил продвижение французов. В состав III корпуса

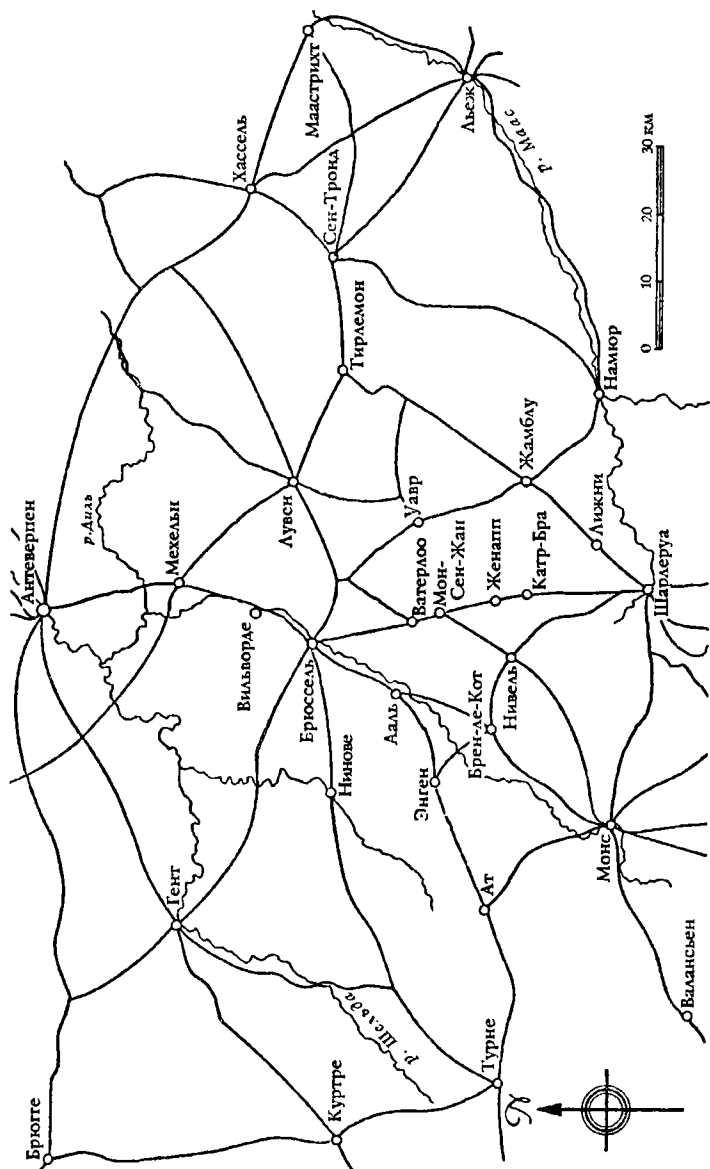
¹ К. Мерсер, «Дневник кампании Ватерлоо» (1985), с.168.

Вандамма входил 2-й полк швейцарской пехоты, солдаты которого носили традиционные красные мундиры. Из-за этих мундиров британцы сначала приняли швейцарцев за своих и не вели по ним огонь до тех пор, пока не поняли своей ошибки. Затем, в горячке и хаосе битвы, французы допустили аналогичную ошибку и, приняв солдат этого полка за англичан, дали несколько залпов по несчастным швейцарцам, в которых стреляли уже со всех сторон.

Сеть дорог, пересекавшая местность севернее позиций Веллингтона, облежала отступление его армии. Гораздо проще было отступить на восточном участке Брюссельского направления, поскольку здесь Суанский лес начинался милей южнее, чем на западном участке. И действительно, войска на восточном фланге, отступив лишь на 2600 ярдов от занимаемых ранее высот, оказались под прикрытием леса, а там, где он вплотную подходил к деревне Вер-Куку, войска, преодолев лишь 1800 ярдов, смогли укрыться под сенью деревьев. Бригада гусар сэра Хассея Вивиана, прикрывая восточный фланг отступающей армии, вошли в деревню Рансбеш, которая стала крайней восточной точкой новой позиции Веллингтона¹.

Брюссельская дорога была заполнена увязшими в грязи брошенными телегами и трупами, поэтому ни одна армия не могла бы ей воспользоваться. Вместо этого войска двигались по грязным полям. Кроме того, по мере своего дальнейшего продвижения французам предстояло столкнуться с цепью опорных пунктов, расположенных вдоль дороги. Первым таким пунктом была ферма, а затем и деревня Мон-Сен-Жан, далее — дома, разбросанные по обеим сторонам дороги, ведущей к деревне Ватерлоо. Там дорога входила в Суанский лес. Таким образом, именно та часть отступающих сил Веллингтона, которая находилась западнее Брюссельской дороги, оказалась в наиболее

¹ Названия населенных пунктов взяты из современных карт и в некоторых случаях отличаются от названий, указанных в знаменитой карте поля битвы, составленной в 1816 году В.Б. Краапом. Например: Мепиль — Ле Мезпиль; Мербреп — Мерб-Бреп; Рапсбеш — О'Рапсбеек; Вер-Куку — Верд Куку.

Бельгия.

опасной ситуации, хотя расположенные здесь деревушки Мебрен и Мениль представляли собой удобные для арьергардных боев позиции.

Исходя из высказываний Веллингтона на штабных совещаниях, которые имели место в то время, мы можем сделать вывод, что он счел лучшим отступить под защиту Суанского леса. Он мог бы там отчаянно защищаться и даже продолжить сражение при помощи прусских союзников, силы которых укрепили бы остатки его армии. С другой стороны, чтобы занять позицию, расположенную чуть южнее крепостных валов Брюсселя, на открытых холмах Укля и Изелля, ему все равно пришлось бы отступать через Суанский лес. Эта позиция позволила бы ему прикрыть дороги, ведущие из Ааля, Ватерлоо и Уавра, которые были главными подходами к Брюсселю. Блюхер и в этом случае мог бы присоединиться к нему.

Лес ничуть не затруднил бы отступление Веллингтона, а напротив, прикрыл бы его, задержав продвижение французов и позволив союзникам избежать боя. Как заметил один офицер Королевских инженерных войск, *«там нет никакого подлеска; он полностью состоит из бука и пересечен во всех направлениях просеками и аллеями, по которым верхом и в колясках проезжают знатные брюссельцы. Почти на всех направлениях лес пригоден для действий кавалерии, пехоты и артиллерии»*¹.

Однако Веллингтон знал, что в прошлом французские армии, намереваясь захватить Брюссель, не шли прямо на север, а чтобы не плутать в Суанском лесу, обходили его с запада. Это была одна из причин того, почему перед битвой герцог оставил в районе городка Ааль, расположенного почти в восьми милях к западу от Ватерлоо, группировку численностью 17 000 человек. Именно здесь, чтобы обойти лес, французы должны были переправиться через реку Санн. Эта группировка должна была по меньшей мере задержать Наполеона настолько, чтобы позволить армии Веллингтона отступить через лес, еще до того как французы сумеют ее окружить.

¹ Дж. Кармайкл-Смит, «Хронологическое изложение войны в Нидерландах» (1825), с. 403.

Но Веллингтона беспокоил промежуток, который образовался между его армией и силами Блюхера. Пруссаки были вынуждены снова перейти к обороне и теперь были весьма обеспокоены тем, что их северный фланг не защищен. К счастью, несколько прусских батальонов, а также Нассауская бригада из состава войск Веллингтона, которая действовала отдельно от основных сил, прочно удерживали замок Фришермон и деревню Смоэн, расположенные как раз на этом фланге. Кроме того, французы все еще были слишком связаны боями с подразделениями Веллингтона, чтобы переключить внимание на Блюхера. Между тем в самое ближайшее время брешь, образовавшуюся между силами Веллингтона и Блюхера, должен был заполнить I корпус прусской армии, которым командовал генерал граф фон Цитен. И действительно, к 6 часам вечера авангард гвардии Цитена уже миновал деревню Оэн, расположенную всего в 2300 ярдах к востоку от Рансбеша, где теперь находился восточный фланг Веллингтона.

К этому времени Ужумон был полностью блокирован. Тем войскам, которые занимали позиции в саду и на огороде, удалось с боем прорваться, но те, кто оставался в строениях, подверглись яростной атаке французов и вскоре были окружены. Боеприпасы защитников фермы были на исходе. Пушечные ядра уже пробивали массивные деревянные двери северных ворот, а черный дым вновь разгоревшегося пожара стелился над фермой. Запылал дом садовника, и сверкающий золотом поток гвардейцев был вынужден оставить свои огневые позиции, расположенные за южными воротами. Почти все другие строения были полностью разрушены, а скотный двор был буквально завален трупами.

Со стороны фермы Мон-Сен-Жан, расположенной на Брюссельской дороге, раздался нестройный ружейный залп. Это два батальона Ганноверского Ландвера и разрозненные остатки бригады Германского Королевского легиона полковника Христиана фон Омштеда отразили первый натиск французов на главные ворота фермы. Но в конечном счете при поддержке подошедшей артиллерии французам удалось прорваться внутрь. Они безжалостно

закалывали штыками всех, кто не сумел уйти, в том числе и раненых, которых санитары не смогли эвакуировать. Однако теперь французы столкнулись с еще более мощным оплотом противника: деревня Мон-Сен-Жан протянулась на 500 ярдов в северном направлении, и теперь Ней, перекрывая шум битвы, призывал своих артиллеристов перенести туда огонь.

Итак, продолжалось кровопролитное сражение, в ходе которого среди раненых оказался и Аксбридж. Когда стало смеркаться, ядра рвались уже в деревне Ватерлоо, расположенной у самого Суанского леса, в двух с половиной милях севернее первоначальной позиции Веллингтона. Первый полк пешей гвардии генерал-майора Перегрин Мэйтленда (в наше время известный как гвардия Ватерлоо) готовился противостоять французам с позиций, расположенных за баррикадами, возведенными из повозок, а также из домов, в стенах которых были проделаны бойницы. Другие соединения, в том числе и бригада генерал-майора Фредерика Адама, которой удалось сохранить свои боевые порядки, заняли позиции в расположенной западнее роще. Восточнее позиции занимала бригада генерал-майора сэра Джона Ламберта, а также соединившиеся остатки 5-й дивизии сэра Томаса Пиктона, которые теперь возглавлял полковник сэр Чарльз Белсон — командир 28-го пешего полка.

Первая попытка французов нанести удар по силам союзников, уже вступившим в Суанский лес, пришлось на подразделения Белсона, занявшие позиции восточнее Брюссельской дороги. Но на этом участке дома деревни Руссар вытянулись подобно цепочке фортов вдоль южной окраины леса. Потерпев здесь неудачу, французы, перед тем как перенести всю мощь своих ударов еще дальше на запад, атаковали британских гвардейцев, оборонявших деревню Ватерлоо. Здесь они сначала достигли большего успеха и углубились в лес. Однако в сумраке леса их боевые порядки быстро расстроились, и, несколько раз попав в засаду, французы бросились назад с поспешностью, почти переходящей в панику. Такая же судьба постигла в 1705 году наступавшую гвардию герцога Мальборо, когда

она в сумерках стремительно вошла в лес неподалеку от Ватерлоо и получила решительный отпор со стороны французских войск, которыми командовал родившийся в этих местах полковник Жак Пастер.

К 11 часам вечера сражение окончательно прекратилось. Несмотря на поражение в Суанском лесу, французы ликовали. За двадцать один год до этих событий, в эпоху революционных войн, начальник штаба Наполеона маршал Николя Сульт помог выбить с этой же возвышенности австрийские войска. Теперь он восторженно писал военному министру маршалу Луи Даву:

«Еще раз французское оружие одержало триумфальную победу на славном поле битвы у Мон-Сен-Жан. Никогда еще Император не был так велик. Спустя два дня после разгрома прусской армии при Флеру [Лижни], Его Императорское Величество разбил Веллингтона и заставил его беспорядочно отступать к Брюсселю. Те прусские подразделения, которые, объединившись, присоединились к силам Веллингтона, по всей вероятности, будут подвергаться ударам в течение всей ночи. Император приказывает вам немедленно отправить подкрепления армиям, защищающим восточные рубежи, куда вскоре после взятия Брюсселя он придет лично. Да возрадуется Франция!»

Несмотря на значительные потери и более продолжительное сражение, чем он ожидал, Наполеон все же разбил Веллингтона и теперь не сомневался в том, что герцог уйдет из Брюсселя и стремглав бросится в Англию. Но ему нужно было дождаться утра, чтобы начать преследование сил Веллингтона и тех прусских корпусов, которые подошли к месту сражения. Войдя в Брюссель, Наполеон сразу же стал обдумывать мирные предложения. Он собирался воспользоваться людскими ресурсами Бельгии, чтобы восполнить потери своей армии. Кроме того, он хотел возвести в звание маршала некоторых молодых военачальников, в том числе генерала графа Этьена Жерара, который 16 июня так отличился при Лижни, а также преданного генерала графа Антуана Дрюо из императорской гвардии.

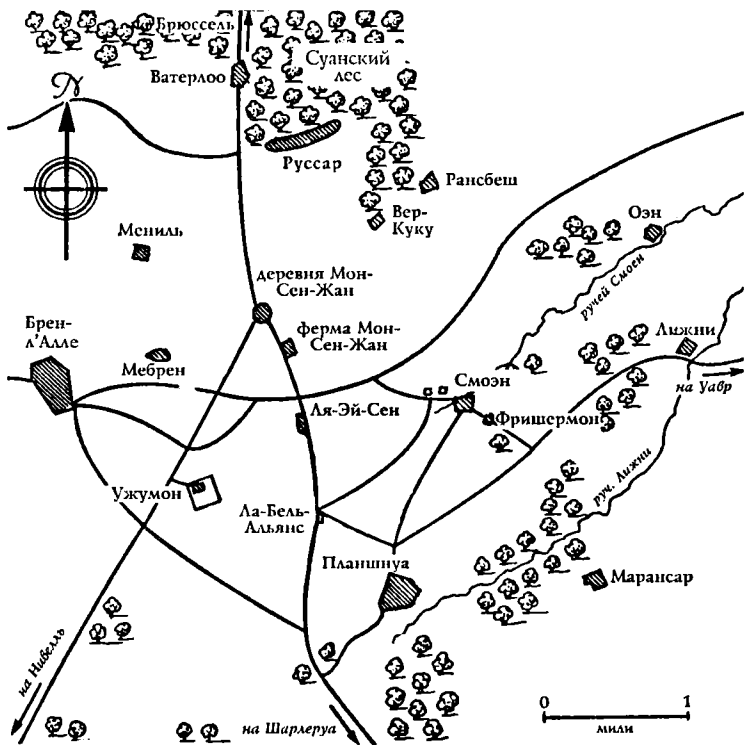
19 июня: поединок с Блюхером

За исключением Наполеона, едва ли кто-то крепко спал в ту ночь. Освещенное лунным светом, поле битвы представляло собой жуткую картину. Повсюду мерцало пламя горящих разрушенных ферм и деревень, а взбудораженные часовые неоднократно открывали огонь по мечущимся теням.

Даже сегодня мы не знаем точно, что же произошло той ночью в штабе Блюхера, если не считать того, что между Блюхером и начальником его штаба генералом графом Августом фон Гнейзенау произошел очередной яростный спор. Он разгорелся в 1:30 ночи, когда было доставлено послание Веллингтона, в котором герцог спрашивал, намерены ли пруссаки продолжать сражение. Гнейзенау, питавший серьезные подозрения в отношении Веллингтона и крайне озабоченный безопасностью прусской армии, опасался, что герцог желает использовать пруссаков в качестве прикрытия своего отступления через Суанский лес в направлении Антверпена.

Гнейзенау приходил в ужас от мысли, что прусской армии придется отступить на юго-восток, преодолевая крутой подъем, ведущий к раскисшей от грязи долине реки Ласн, где войска Блюхера будут разбиты. Чтобы избежать этого риска, он хотел отвести назад незащищенное южное крыло прусской армии, которое в течение дня 18 июня было выдвинуто вперед, когда пруссаки сосредоточили свои усилия на попытках взять деревню Планшнуа. Если бы Гнейзенау осуществил свой план, позиция армии стала бы более сбалансированной, и если бы пришлось отступить, армия смогла бы отходить на северо-восток, параллельно течению реки Ласн, не переходя ее, в направлении города Лувен, где она могла соединиться с III корпусом генерала барона Йоганна фон Тильманна (который был оставлен в районе Уавра в качестве арьергарда и без труда сдерживал группировку маршала Груши).

Но Блюхер категорически отверг идею ухода с позиций в районе Планшнуа, которые были с таким трудом отвоены у противника. Здесь было пролито слишком

Окрестности Ватерлоо.

много прусской крови. Взяв в результате упорных боев эту деревню, пруссаки теперь могли перерезать пути отступления армии Наполеона на юг. В 3 часа ночи после длительных споров гонец в конце концов отправился в обратный путь с известием о том, что Блюхер намерен вскоре после рассвета возобновить сражение, действуя с занимаемых им ныне позиций.

В течение ночи подразделения I и II прусских корпусов, которые стояли позади других соединений, подошли к позициям IV корпуса, расположенным на поле битвы, тем самым увеличив численность прусских войск до 70 000 человек. Основная часть этих войск, а именно II и IV корпуса находились на южном направлении, между Смоэном и Планшнуа, причем 7-я и 8-я бригады II корпуса (общей численностью 11 000 чел.) выдвинулись еще дальше, расположившись на южном берегу реки Ласн и, спешно обойдя Планшнуа, могли создать серьезную угрозу южному флангу Наполеона. На севере I корпус Цитена, растянувшись на две с половиной мили от Рансбеша на северном крае до Смоэна на южном, заполнил брешь между силами Веллингтона и Блюхера.

В результате потерь, понесенных французами 18 июня, Наполеон теперь располагал лишь 55 000 солдат, а численность сил Веллингтона в результате потерь и дезертирства сократилась приблизительно до 30 000 человек.

Верный своему слову, Блюхер начал второй день сражения с яростного натиска на VI французский корпус. Массы прусской кавалерии, соединившись на полях севернее Планшнуа, со стороны восходящего солнца волнами ринулись на позиции французов. Яростная артиллерийская дуэль взорвала рассветную тишину, а пороховой дым становился все более густым.

Еще на исходе прошлой ночи, после успешного боя с силами Веллингтона, Наполеон отвел в резерв Старую гвардию. Теперь он готовился снова пустить ее в дело, на этот раз против Цитена. Он хотел пробить позиции Цитена и нанести удар в юго-восточном направлении с целью

отрезать II и IV корпуса пруссаков и прижать их к долине реки Ласп. К середине утра все имевшиеся в наличии батареи гвардии вели артподготовку наступления, обстреливая войска Цитена. Свежая дивизия тяжелой кавалерии гвардии также приняла участие в этой атаке, начавшейся в 10 часов утра.

Корпус Цитена дрогнул под таким ударом, причем настолько ощутимо, что Блюхер даже приостановил атаку своей кавалерии на центральном участке. В какой-то момент казалось, что все кончено. Прусский офицер связи в армии Веллингтона барон Карл фон Мюффлинг был убит, пытаясь задержать отступление. Тем не менее пруссаки сумели, быстро собрав все свои орудия, пустить их в ход и стабилизировать ситуацию. Своевременное прибытие 9-й прусской бригады численностью более 5000 человек положило конец надеждам французов прорваться через позиции Цитена. (Эта бригада входила в состав III корпуса Тильманна, расположенного в Уавре, но после неудачи 18 июня она действовала отдельно от корпуса и проследовала за остальными силами Блюхера в направлении Ватерлоо). Наступление французских гвардейцев потеряло темп, и вскоре они вынуждены были остановиться. Теперь, подвергаясь обстрелу прусской артиллерии, они с мрачной решимостью пытались удержать только что захваченную ими открытую со всех сторон позицию.

Затишье на северном участке

Тем временем вдоль кромки Суанского леса наступило затишье. На рассвете французские часовые обнаружили, что им противостоит только линия передовых постов союзников, поскольку остальные силы Веллингтона укрылись в лесу.

В пятом часу утра, получив сведения о том, что Блюхер намерен возобновить сражение, герцог рискнул подтянуть к полю боя войска генерал-лейтенанта сэра Чарльза Колвилла, расположенные в районе Аая. Численность этого соединения превышала 5000 человек. В состав этих сил

входила британская и ганноверская пехота, полк ганноверских гусар, а также шесть пушек¹.

Получив распоряжение герцога, Колвилл в 7 часов утра выступил в поход, однако смог подойти к полю битвы лишь в полдень. Еще 10 000 человек, в том числе голландско-бельгийская пехота, ганноверский гусарский полк и шестнадцать пушек, оставались на позициях в районе Ааля. Ими командовал принц Фредерик — младший брат принца Оранского. Некоторые историки весьма резко критикуют Веллингтона за то, что он в момент, когда было совершенно неясно, как будут развиваться события, ослабил Ольскую группировку. Другие, наоборот, обвиняют его в том, что он не подтянул к полю боя все силы, находившиеся в районе Ааля, в том числе и голландско-бельгийскую пехоту принца Фредерика.

В лесу внезапно вспыхнуло сражение, вызванное попыткой французов атаковать укрывшиеся в нем силы противника. Однако Веллингтону удалось остановить французов и перейти в контратаку. Взмахом своей треуголки он поднял в штыковую атаку залегших шотландцев. И тут союзники испытали ужасный удар. Обратившись к Гордону с призывом: *«Вперед, 92-й, гоните этих приятелей!»* — герцог внезапно упал с лошади. Спешившись, офицеры бросились к Веллингтону. Но они были бессильны помочь своему командиру, так как пуля попала ему прямо в сердце.

Гибель Веллингтона на время парализовала его армию. Адъютанты бросились искать уцелевших старших офицеров. Безусловно, потребовалось время, чтобы совладать с этой ситуацией. Крупномасштабные атаки, направленные на поддержку пруссаков, были на пару часов приостановлены, и сражение на этом участке прекратилось. Солдаты приступили к приготовлению пищи — из продуктов, которые сумели раздобыть. Зловещая тишина ничуть не успокоила Гисейнау и позволила Наполеону спокойно сосредоточить свои усилия на пруссаках и не отвлекаться на свой слабо защищенный северный фланг.

¹ Дж. Колвилл, «Портрет генерала: хроника Наполеоновских войн» (1980), с.201.

Поскольку принц Оранский попал в плен, а граф Аксбридж был серьезно ранен, командование армией Веллингтона перешло к генерал-лейтенанту сэру Роулэнду Хиллу¹. «Папаша» Хилл явно не был героем, напротив, будучи человеком мягким, он скорее напоминал воспитанного провинциального джентльмена, нежели воина. Однако, проявив себя как храбрый и самостоятельный командир в боях на Иберийском полуострове, он и теперь оказался в состоянии организовать мощное наступление, которое началось около 12:30 дня. Хилл направил большую часть своей кавалерии на западный фланг для взаимодействия с подкреплениями Колвилла, которые должны были подойти из Ааля. Этим войскам надлежало обойти с фланга западное крыло французов и нанести удар в самое сердце армии Наполеона. Оставшиеся войска должны были, выйдя из Суайского леса, миновать возвышенность и двигаться далее на восток, чтобы оказать поддержку основным силам.

Солдаты Хилла, горевшие желанием отомстить за гибель командующего и своих боевых товарищей, были настроены безжалостно атаковать врага. Подполковник сэ

¹ Неясно, кто принял бы командование при других обстоятельствах. Сын участника битвы при Ватерлоо историк сэра Уильяма Фрэйзера писал: *«Насколько мне известно, эта тема часто обсуждалась, но я так никогда и не узнал, кто взял бы на себя командование в битве при Ватерлоо, если бы герцог Веллингтон был бы убит»*. Принц Оранский, будучи полным генералом, превосходил по званию Аксбриджа, который был генерал-лейтенантом. Но сам Аксбридж предлагал, чтобы в этом случае командование армией было передано ему. Накануне битвы он спрашивал у Веллингтона, кому тот планирует передать командование в случае гибели. *«Много лет тому назад я узнал из надежных источников, что все полномочия возлагались на Пиктона, которому в случае гибели Веллингтона передавалось полное командование как британскими силами, так и силами союзников»*. Но это весьма маловероятно. Во всяком случае, 18 июня, в начале дня Пиктон был убит. См. сэра У. Фрэйзера, «Слово о Веллингтоне» (без даты), сс. 1—3.

Нейл Кэмпбелл, командир 54-го пешего полка, который в составе сил Колвилла двигался со стороны Аалья, имел дополнительный стимул. Когда поверженный император находился в ссылке на Эльбе, подполковник выполнял функции представителя Британии на этом острове и нес ответственность за сохранность Наполеона. Но в тот момент, когда Кэмпбелл отсутствовал, будучи в поездке по материковой части Италии, Наполеон улизнул во Францию, оставив в дураках оскорбленного британца, который с тех пор питал особую ненависть к императору.

Катастрофа

Кавалерия Хилла умело отвлекла внимание французов от прибытия сил Колвилла, и атака союзников стала для противника неприятным сюрпризом. Почти мгновенно Хилл прорвал слишком растянутые линии I и II французских корпусов, вызвав панику среди солдат противника. Позиция французов просто рухнула. Вскоре после этого на противоположном участке сражения 7-я и 8-я прусские бригады, наступая через поля, лежащие южнее Планшнуа, наконец подавили сопротивление императорской гвардии и нанесли удар в западном направлении, перерезав Брюссельскую дорогу. Попавшая в западню французская армия сначала стала дробиться на части, а затем внезапно рухнула окончательно. Этот разгром вошел в мировую военную историю как одна из величайших катастроф.

Поскольку прусские войска уже перерезали Брюссельскую дорогу, единственным путем отступления, который теперь оставался у французов, была мощеная Нивелльская дорога, уходящая на юго-запад от Мон-Сен-Жана. Полчища прусской кавалерии мчались по полям, лежащим к югу от Ужумона, с целью соединиться с кавалерией Хилла, которая оказывала поддержку войскам Колвилла, наступавшим через Брен-л'Аллю в западном направлении. Несколько тысячам французов удалось бежать, перед тем как союзники сомкнули кольцо окружения, другим — с боем вырваться из ловушки. Однако вскоре пехота и артиллерия союзников пришли на помощь своей кавалерии.

Армия Наполеона забилась в предсмертной агонии, когда прусская артиллерия подвергла безжалостному обстрелу дезорганизованную толпу беглецов. В этом хаосе героически погиб Ней, который, преодолев грохот артиллерии, успел прокричать своим солдатам: *«Смотрите, как маршал Франции умирает на поле боя!»* Маршала Сульта ждал менее славный конец. Он был взят в плен пруссаками, которые из-за приземистой фигуры ошибочно приняли его за императора и сразу же расстреляли.

Тем временем на высотах близ Ла-Бель-Альянс Наполеон остановил два батальона 1-го гренадерского полка гвардии. В течение некоторого времени он надеялся с боем вырваться из кольца, а когда оставил эту надежду, было уже слишком поздно. То, что вскоре произошло, впоследствии дополнялось всякого рода мифами, однако главные факты не вызывают сомнений. Вместо того чтобы сдаться, доблестные гвардейцы, защищая своего императора, сражались практически до последнего солдата. Когда огонь наконец прекратился и рассеялся пороховой дым, пруссаки не увидели ни одного живого француза. Среди трупов было найдено тело убитого Наполеона.

Ближе к вечеру приблизительно 30 000 французов, попавших в котел при Ватерлоо, подчинившись своей судьбе, сложили оружие.

Последствия

В районе Уавра маршал Груши связал главные силы III прусского корпуса Тильманна, которые двигались вдоль течения реки Диль. Но у маршала было слишком мало сил для того, чтобы разбить пруссаков. Груши узнал о несчастье, постигшем Наполеона, лишь со слов взятого в плен на исходе 19 июня прусского гонца. Его войска, оставив свою чрезвычайно неудачную позицию, спешно двинулись на юго-восток в направлении Намюра. Затем, проявляя умение и решимость, которые так прославили маршала, они повернули на юг и пересекли границу с Францией. За эти умелые действия, а также за последующие заслуги король Луи-Филипп в 1846 году назначил его Главным маршалом Франции. Этого чрезвычайно

редкого звания были удостоены только легендарные военачальники XVIII века — Клод, герцог Виллерский и Морис, граф Саксонский.

Битва при Ватерлоо вызвала целый ряд последующих событий. Для французов она стала катастрофой, затмившей даже поражение в битве под Лейпцигом, состоявшейся за два года до Ватерлоо. Трагически оборвалась жизнь Наполеона, вступившего в новую затяжную войну с союзниками. Эта война, вероятно, продолжалась бы и в 1816 году. Блюхер и Хилл, не встречая сопротивления, приближались к Парижу, где в начале июля объявили о перемирии. В конце года был официально заключен мир.

В Британии известие о победе не вызвало особого ликования. Напротив, ужасающие потери и гибель самого Веллингтона стали причиной траура. Кроме того, первоначальные известия о разгроме армии герцога вызвали кровопролитное восстание в Ирландии, где численность гарнизонов была сокращена настолько, что это уже грозило весьма опасными последствиями¹.

Только в Пруссии известия о результатах битвы были встречены с нескрываемой радостью. Ведь в ходе этой кампании именно пруссаки приняли на себя главный удар противника, и героем дня, несомненно, стал Блюхер. В отличие от осторожного Веллингтона и нерешительного Гнейзенау, Блюхер проявил непреклонную решимость продолжить кампанию и разбить Наполеона. Однако недавно некоторые британские историки попытались пересмотреть этот эпизод и развеять то, что они назвали «*мифом Блюхера*». Они доказывают, что Веллингтон вступил в сражение при Ватерлоо только потому, что рассчитывал на своевременную поддержку со стороны пруссаков. Однако в действительности эта поддержка была оказана лишь через несколько часов, отчасти по причине того, что прусское высшее командование, проявив полный идиотизм, отправило на выручку Веллингтону те войска, которые находились на крайнем восточном фланге

¹ Дж. л'Эстрапж, «Воспоминания сэра Джорджа Б. Л'Эстранжа» (без даты), с. 208.

прусской армии. Но исходя из этого получается, что Блюхер мог предотвратить поражение, которое Веллингтон потерпел 18 июня и даже мог бы разбить Наполеона в тот же самый день.

В наши дни значительная часть поля битвы изменилась до неузнаваемости, поскольку основного массива Суанского леса уже не существует, а город Ватерлоо расширил свои границы и вереница домов растянулась вплоть до Мон-Сен-Жана. Однако южнее место бывшего сражения представляет собой в основном открытую сельскую местность, со множеством памятников, которые особенно часто встречаются на участке, где некогда были расположены позиции прусской армии. Мемориалы павшим британцам главным образом находятся в часовне, возведенной в память о Веллингтоне. Эта часовня расположена в центре Ватерлоо.

Кульминационным моментом любой экскурсии, безусловно, является осмотр памятника Наполеону, который находится неподалеку от Ла-Бель-Альянс. Это место и ныне посещают тысячи туристов из разных стран. Оно приобрело еще большую известность после того, как в 1962 году во время осмотра памятника здесь был убит президент Франции генерал Шарль де Голль. Теперь рядом со статуей Наполеона возвышается гранитный лотарингский крест. Взаимосвязь этих двух великих деятелей, столь трагически здесь погибших, даже сегодня трогает до глубины души. Роковая возвышенность Мон-Сен-Жан навсегда оставила глубокий след в национальном сознании французов.

В реальности

Сейчас мы видим, что 16 июня Наполеон упустил блестящий шанс одержать полную победу, поскольку не сумел разбить пруссаков при Лижни. Если бы в ходе этого сражения I корпус д'Эрлана обрушился на западный фланг Блюхера и окружил значительную часть прусской армии, как это и планировал Наполеон, тогда бы не было и Ватерлоо. В этом случае Веллингтон просто не вступил бы в

сражение с Наполеоном и, по всей вероятности, оставил бы Брюссель и отступил на север к порту Антверпен.

Утром 17 июня у Наполеона, не сумевшего разбить при Лижни Блюхера, оставалось три возможности.

Во-первых, он мог, лично возглавив главные силы своей армии, начать преследование пруссаков и завершить их разгром.

Во-вторых, он мог выделить значительные силы, которые бы увели пруссаков с театра военных действий, а оставшиеся у него войска он мог бы двинуть против Веллингтона.

В третьих, он мог бы выделить небольшой разведывательный отряд, который бы неотступно следовал за пруссаками, в то время как все оставшиеся войска, численностью примерно 97 000 человек, действовали бы против Веллингтона.

Наполеон выбрал второй вариант: отправив на преследование Блюхера около 32 000 солдат во главе с Груши, он оставил себе лишь 72 000 человек, с которыми и вступил в сражение при Ватерлоо. Однако император принял это решение лишь после некоторых колебаний. Сначала он доверил Груши около 36 000 человек, а именно III и IV корпуса, II и IV кавалерийские корпуса, а также по дивизии из состава VI корпуса и I кавалерийского корпуса. Однако уже через несколько минут он передумал и отозвал обратно IV кавалерийский корпус Милье и дивизию легкой кавалерии генерала барона Жана Домона, из состава III корпуса. Эти кавалерийские подразделения сопровождали его на пути к Ватерлоо¹.

В нашем вымышленном сюжете Наполеон идет еще дальше, оставляя в своем распоряжении весь III корпус. В результате потерь, понесенных при Лижни, численность этого корпуса чуть превышала 11 000 пехотинцев и артиллеристов. В нашем очерке рассматриваются возможные последствия участия этих дополнительных сил в битве при Ватерлоо.

Я предоставляю читателю право самому подумать над тем, что могло бы произойти, если бы Наполеон выбрал

¹ Х. Уссей, «1815 Ватерлоо» (1987), сс. 228–9.

третий вариант и располагал бы еще большим количеством войск во время сражения или если бы он остановил свой выбор на первом варианте и направил бы главные силы своей армии против Блюхера, а не Веллингтона. Однако здесь уже было сказано достаточно много в пользу того, что Наполеон едва ли остановил бы свой выбор на этих вариантах. Не вызывает сомнений и то, что впоследствии он глубоко переживал разгром своей армии, считая, что ему следовало отправить на преследование Блюхера лишь одну пехотную и одну кавалерийскую дивизию (менее 4000 чел.). Однако это замечание, сделанное уже после битвы, имея преимущество ретроспективы, тем не менее игнорирует то опасное положение, в котором, несомненно, оказался бы этот маленький отряд¹.

И наконец, не забывайте о том, что ход реальной битвы при Ватерлоо гораздо меньше отличается от вымышленного сценария, чем кампания в целом. К тому моменту, как 18 июня в 11:30 утра началось это сражение, Наполеон уже имел мало шансов на победу. Фронтальная атака против сил Веллингтона, занимавших выгодную позицию, могла быть успешной только ценой таких тяжелых потерь, которые принесли бы французам пиррову победу, подобную той, которую они одержали в 1812 году во время сражения при Бородине. Это, естественно, оттянуло бы на некоторое время окончательное поражение Наполеона. Но даже если бы ему удалось каким-то образом одержать безусловно важную победу в битве при Ватерлоо, он почти неизбежно был бы наголову разбит мощными силами союзников, вторгшимися во Францию. Вероятно, это произошло бы в том же самом году или годом позже.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Becke, A.* Napoleon and Waterloo. reissued London, 1995.
Chalfont, Lord. Waterloo: Battle of Three Armies. London, 1979.
Chandler, D. Waterloo: The Hundred Days. reissued London, 1998.

¹ Х. Паркер, «Три Битвы Наполеона» (1983), с.208.

Chesney, C. Waterloo Lectures. reissued London, 1997. Hous-saye, H. 1815 Waterloo. reissued Etrépilly, 1987.

Ropes, J. The Campaign of Waterloo: A Military History. re-issued London, 1995.

Siborne, W. History of the Waterloo Campaign. reissued London, 1990.

Uffindell, A. The Eagle's Last Triumph: Napoleon's Victory at Ligny, June 1815. London, 1994.

Uffindell, A. «Could Napoleon have won Waterloo?» in British Army Review. April 1998.

Uffindell, A. and Corum, M. On the Fields of Glory: The Battlefields of the 1815 Campaign. London, 1996.

Weller, J. Wellington at Waterloo. London, 1998.

ПОЛКОВНИК ДЖОН ЭЙТИНГ

ЗАСАДА У КАТР-БРА

Джон Р. Эйтинг, полковник армии США, ныне в отставке, был на военной службе в период с 1933 по 1968 гг., с несколькими перерывами, во время которых работал инструктором в средней школе. Этапы службы: Корпус резерва; инструктор ROTC; 71-е соединение бронированной полевой артиллерии; бронетанковая школа; ССВ; 8-я бронетанковая дивизия; Филиппинская войсковая разведка; Школа информации бронетанковых сил; подразделение J-2 Командования ВС США на Дальнем Востоке; Отдел Военного искусства и боевой техники Военной Академии Соединенных Штатов; G-2, Вашингтонский военный округ. После отставки «пытался стать историком»: автор, со-автор или редактор пятнадцати книг, в том числе «Сражения у Саратоги», «Жизнь американской армии», «Словарь солдатской разговорной речи», «Военная история и атлас Наполеоновских войн», «Меч и троп», «Военная форма эпохи Наполеона». Во время работы над главой, которая вошла в данную книгу, полковнику весьма пригодилась его воспоминания о множестве ночных боевых операций, особенно о контратаке немцев в Хириггенском лесу в ноябре 1944 года.

*И вот мы здесь на сумрачной равнине,
Охваченной смятением отступавших,
На поле брани, где сражались воины,
Не замечая звезд уже сверкавших.*

Мэтью Арнольд, «Дуврская Отмель»

«Мы понадобились Императору!»

Всгущающихся сумерках 7-я пехотная дивизия быстро двигалась по дороге, ведущей из Лижни в Катр-Бра, выполняя приказ, доставленный курьером, кивер которого пробил одна вражеская пуля, а в плечо попала другая. *«Если бы он сразу же послал нас туда, то не попал бы в такое положение! Но если опять понадобится утереть нос этим прусским ублюдкам, то мы всегда к их услугам».*

За два дня до этого 7-я дивизия была изрядно потрепана в боях у Лижни. Ее командир генерал Жан Жирар, тщедушный и на первый взгляд совсем не воинственный человек, обладал большой внутренней силой. Теперь экипаж вез умирающего генерала в Париж. Император оставил дивизию залечивать раны и приводить себя в порядок, а сам двинулся дальше. Полковые командиры зияли свое дело. Солдаты 7-й дивизии отдохнули, пополнили боеприпасы, а потери были восполнены разрозненными отрядами отставших от главных сил армии солдат, легко ранеными, выписанными из полевых лазаретов, а также дезертирами, которых пришлось вытаскивать из подвалов и кустов и в срочном порядке убеждать в том, что они просто *обязаны* стать героями. В составе артиллерийской роты все еще оставалось достаточно людей и лошадей для обслуживания пяти 6-фунтовых пушек. В составе дивизии даже остался кавалерийский отряд численностью более 200 человек, сформированный на основе отдельной роты 1-го гусарского полка. Этой ротой командовал капитан, человек настолько вежливый и мягкий в обращении, что офицеры-однополчане называли его «барышней». В то же время это был такой отчаянный вояка, что его солдаты говорили о нем с благоговейным страхом. Жак Мерль

собрал всех лошадей и кавалеристов, каких только смог найти. Этот разношерстный табор состоял из представителей самых разнообразных видов кавалерии, а также нескольких конных артиллеристов и возниц обозных телег. Тем не менее все они были готовы выполнить любой приказ Мерля.

Когда Наполеон прибыл в Катр-Бра, он обнаружил, что 7-я дивизия уже ждет его распоряжений. Вид этих свежих сил вывел императора из оцепенения. Не было смысла направлять их на другую сторону Брюссельской дороги в попытке остановить бегство его разбитой армии — дивизию просто отбросили бы прочь. Возможно, беглецы и прохрипели бы «*Vive l'Empereur*», но едва ли остановились бы. В то же время 7-я дивизия вполне могла сокрушить кавалерию преследователей.

Наполеон без промедления отдал приказы. Начальник штаба маршал Султ должен был взять свой штаб, а также половину уцелевших эскадронов гвардии и выступить к месту сбора сил, расположенному между Фраснэ и Шарлеруа. Артиллерийскому офицеру было поручено найти вдоль дороги, которая проходила южнее Катр-Бра, хорошую позицию для ведения орудийного огня. Второй бригаде 7-й дивизии, в составе 12-го легкого и 4-го линейного полков, надлежало занять позицию у кромки леса Боссу, чуть западнее дороги, причем ее левый фланг, растянувшийся в северном направлении от Нивельской дороги, слегка запаздывал с выполнением приказа императора. Две 6-фунтовые пушки должны были занять позицию на этой дороге, а кавалерии Мерля было поручено их прикрывать. Первой бригаде было приказано разделить свои силы. Одиннадцатому легкому полку надлежало удерживать дорогу, а изрядно потрепанному 82-му линейному полку, который теперь состоял лишь из одного батальона, было поручено поставить заслоны в Катр-Бра и Жемиионкур.

Беглецы уже начали появляться на дороге, когда офицер-артиллерист вернулся, обнаружив менее чем в миле небольшой завал, который позволял, установив рядом с ним пушки, вести обстрел участка дороги, ведущего в Катр-Бра. Наполеон разместил здесь оставшиеся у него три 6-фунтовые и две 12-фунтовые пушки (последние

удалось буквально вырвать из рук отступавших подразделений). Батальон 11-го легкого полка занял позиции по обеим сторонам батареи и мог блокировать дорогу, перегородив ее брошенными повозками.

Разместив пехоту и артиллерию, император обратился к Мерлю: *«Когда наши пушки прекратят огонь, пруссаки уже будут бежать — гоните их, хотя бы до Женаппа. Затем обойдите их с запада и возвращайтесь. Вы уже получили крест, а вечером станете полковником. Да, еще мне нужен человек тридцать хороших кавалеристов для одного развлечения. Есть ли у вас офицер, еще не получивший распоряжений, храбрый, умный и везучий, который мог бы возглавить этот отряд?»*

«Да, сир, — ответил Мерль и, обернувшись к своим кавалеристам, позвал: — Старший сержант Гронуар!»

Долговязая, тощая фигура Гронуара казалась естественным продолжением его лошади. На смуглом лице выделялся крючковатый орлиный нос и дико сверкающие глаза. Император бросил на него взгляд, затем посмотрел еще раз и вдруг осунувшееся лицо Наполеона оживилось, на миг превратившись в лицо пылкого юного генерала Итальянской армии.

— С Островов?

— Да, мой Император.

Наполеон рассмеялся: *«Отлично! Должно быть, это было при Арколе, двадцать лет назад. На этот раз ты будешь моим Эркюлем!»*¹ Затем оживленно добавил: *«Собери своих людей; тридцати будет достаточно. Выступай как можно скорее. Найди левый фланг пруссаков и следуй за ним. Подними как можно больше шума, но не вздумай героически погибнуть. К рассвету возвращайся. Тебя будут ждать офицерские эполеты».*

Сабля Гронуара блеснула, салютуя Наполеону. *«Слушаюсь, мой Император!»*

Он взял двадцать гусар из своей роты, горниста и сапера из числа драгун, а также полдюжины конных стрел-

¹ Чтобы нарушить строй австрийцев, Наполеон при Арколе воспользовался небольшим кавалерийским отрядом, которым командовал мулат, лейтенант Эркюль Доминик.

ков, среди которых был горнист. Затем, пока капралы проверяли подковы лошадей и оружие всадников, Гронуар, повинувшись чутью, приобретенному за двадцать лет воинской службы, решил осмотреть близлежащую разрушенную деревушку. Ворвавшись в подвал стоявшего на отшибе дома, он извлек оттуда дрожавшего от ужаса человека, на лице которого просто было написано, что он местный жулик. При виде золотого наполеондора, предложенного капитаном Мерлем и энергичных жестов Гронуара, которые наглядно убеждали в том, что иного выбора просто не существует, жулик прекратил ворчать и оседлал неухоженного пони. Животное нервно задергалось, когда конный стрелок накидывал на его шею аркан, который должен был стать гарантией дальнейшего сотрудничества. Затем маленький отряд с Гронуаром, проводником, сопровождавшим его стрелком и двумя говорящими по-немецки солдатами во главе (еще один солдат, владевший немецким, следовал в арьергарде) растворился в лесу.

Фигура Наполеона, зловещие жерла орудий и грохот барабанов 11-го легкого полка, подававших сигнал к построению, замедлили отступление. Те подразделения, которые сохранили боевые порядки, удостоились похвалы и получили указания относительно места сбора. Повозки и телеги были сброшены с дороги, а кавалеристов, проявивших явное неповиновение, стащили с лошадей. Отступление продолжалось, но становилось все более организованным.

Первые небольшие скопления прусской конницы были мгновенно смяты кавалеристами гвардии. Когда их полки, раньше других восстановившие свои боевые порядки, следовали через Катр-Бра, Наполеон уже отдавал дальнейшие распоряжения. Карабинеры 11-го полка выстроили повозки поперек дороги, прикрыв таким образом пушки. Затем...

Гронуар

Сержант Гронуар по-кошачьи бесшумно прокрался мимо безмятежно дремавших часовых прусского V корпуса и обнаружил идеальную цель — батарею орудий,

разместившуюся на небольшой поляне. Пушки были развернуты на юг, рядом лежали зарядные ящики, а лошади были привязаны к колесам орудий и деревьям. У каждой пушки тлея фитильный пальник, а канониры либо спали, либо сидели у небольших костров, поглощая содержимое котелков и бутылок. Единственный часовой дремал, прислонившись к дереву в том месте, где неровная дорога подходила к дальнему краю поляны. За деревьями мерцали походные костры пехотинцев.

По сигналу Гронуара его маленький отряд (за исключением сопровождавшего проводника стрелка, который испытывал отвращение к своей миссии) выстроился в линию. Взмахнув саблей, Гронуар прищпорил коня, взревели трубы горнистов и громко заорали всадники. Те пруссаки, что успели встать на ноги, были порублены, а те, кто спал, — затоптаны конями. Некоторым удалось спастись бегством. Никто их не преследовал. Спешившись, гусары развернули орудия и дали залп в направлении походных костров вражеской пехоты. Отвязанные лошади, напуганные взрывами и воплями, ускакали прочь. Один из зарядных ящиков подкатили к ближайшему костру.

Пока несколько солдат подбрасывали в костер дрова, сапер-драгуи обрубил спицы переднего колеса, сделав так, чтобы зарядный ящик невозможно было бы сдвинуть с места. Быстро вскочив на коня, француз вслед за проводником ускакал прочь. В течение нескольких минут они слышали грохот взрывающихся боеприпасов и видели, как горящие куски дерева градом падали с вершин деревьев. Огонь перекинулся и на другие ящики, которые взорвались почти одновременно, издав чудовищный грохот. Наступила жуткая тишина, затем треск прусских барабанов возвестил о построении пехотных полков. Удиравшие артиллеристы лепетали что-то о полчищах французской кавалерии; обезумевшие лошади натывались на боевые порядки пехоты. В конце концов солдаты двух прусских батальонов, с проклятиями пробиравшиеся через корпи деревьев и камни, осторожно углубились в лес. Там они несколько раз открывали стрельбу по отбившимся лошадям и зловещим теням. Некоторые выстрелы были сделаны в неверном направлении и, естественно,

вызвали ответный град пуль, выпущенных наугад. И без того обеспокоенные полковые и бригадные командиры приняли эту пальбу за настоящую перестрелку.

Одним словом, все силы ада преследовали пруссаков на Брюссельской дороге.

Сюрприз

Приказы Наполеона выполнялись беспрекословно. По его команде должна была открыть огонь артиллерия. Каждому орудью надлежало выпустить по шесть зарядов. К артиллерии должна была присоединиться и пехота, которой следовало, сделав шесть залпов, очистить дорогу от войск противника. Мерль также получил указание атаковать. Французы неизбежно должны были смешаться с пруссаками, но тут уж ничего нельзя было поделать. Лишь лунный свет мог позволить артиллеристам и пехотинцам отличить своих от чужих.

В ногоню!

Начальник штаба прусской армии генерал-лейтенант граф Август фон Гнейзенау не был баловнем судьбы. Ветеран австрийской и британской армий родом из Саксонии был одним из тех офицеров-иностранцев, которые едва сводили концы с концами, получая на прусской службе нищенское жалованье. Умом, трудолюбием и отвагой он проложил себе путь вверх. В процессе службы в прусской армии он, как и многие другие иностранцы, стал в военном отношении большим пруссаком, нежели любой юнкер. Однако способности Гнейзенау к штабной работе перечеркнули его мечты командовать войсками в бою. Теперь, когда французы наконец были изгнаны из Женаппа, у него появилась возможность осуществить свою мечту — ненавистный враг бежал после полного разгрома и нужно было настичь его. Он отдал приказ генерал-майору фон Пирху выдвинуть II корпус в направлении Меллери с целью оказать помощь генерал-лейтенанту Йоганну Тильманну, III корпус которого восточнее Уавра неоднократно попадал в затруднительное

положение. Затем Гнейзенау, игнорируя свои обязанности начальника штаба, собрал около 4000 кавалеристов, 15-й стрелковый полк и несколько отставших от своих подразделений пехотных рот и лично возглавил погоню за противником. Таким образом, в штабе не осталось ни одного достаточно компетентного старшего офицера. Но что поделаешь, слава манила Гнейзенау¹.

Скачка по залитой лунным светом дороге захватывала дух. Вопящие от ужаса беглецы падали под ударами прусских сабель, молили о пощаде и в слепом страхе разбегались по обочинам дороги. Однако возникли и непредвиденные препятствия. Ощетинившись штыками, наиболее стойкие части французских полков сомкнули ряды вокруг своих знамен, древки которых венчали орлы. Эти солдаты держались вместе, поскольку знали, что нарушить строй означает проявить бесчестие и погибнуть. Пруссаки скакали дальше, рассчитывая найти более легкую добычу. Они обрушились на оставшиеся без прикрытия пушки и зарядные ящики, возницы которых нещадно хлестали своих лошадей в тщетных попытках спастись. Группы всадников настигали их и пронзали пиками. Йена наконец была отмщена. Приговор был справедлив — кучи трупов и море крови. Кто знает, быть может, он настигнет и самого Бонапарта? В этом случае чудовищу, которое так унизило Пруссию, не будет пощады, только, как сказал старина Блюхер, «неоспоримое Божье правосудие».

Гнейзенау проскакал мимо фермы, расположенной у пересечения дорог. Вот уже и Катр-Бра! Еще через милю и беглецы, и их преследователи вынуждены были остановиться. Раздался треск ружейного залпа, и раненые кавалеристы попадали с лошадей. «*Повозки пересгордили дорогу!*» — крикнули ему. Похоже, что кое-кто из французов решил попытаться возобновить сопротивление.

«*Глупцы!*» — Гнейзенау повернулся к адъютанту, скакавшему рядом с ним. — *Пехоту вперед! Мы...»*

¹ В подобных обстоятельствах такой импульс является вполне естественным для штабного офицера. Именно так автор получил орден Пурпурного Сердца.

Последовал сильнейший удар, и генералу показалось, что на него обрушилось само небо.

Кавалерия, даже самые закаленные в боях полки, может без труда превратиться в неуправляемое стадо, особенно после наступления темноты. В это время суток ни один грамотный командир не станет использовать ее ни в арьергарде, ни в авангарде. А кавалерию Блюхера, значительная часть которой состояла из подразделений Ландвера и недавно переформированных частей, никак нельзя было назвать закаленной в боях.

В огне и взрывах внезапно обрушившегося ружейного и артиллерийского огня, который велся почти в упор, обезумели и лошади, и люди. Отряд Гнейзенау устремился назад, в направлении Женаппа, затаптывая несчастных пехотинцев, которые сопровождали кавалерию. Бойцы полков, которые находились в авангарде, буквально прорубали саблями путь сквозь менее пострадавшие задние ряды. Пленные французы освободились, а те группы отставших солдат французской армии, что находились в лесу и на фермах, расположенных вдоль дороги, пришли в себя и открыли огонь по несчастной колонне пруссаков. Французские канониры с остервенением палили из своих пушек. Ядра 12-фунтовых орудий рикошетом отскакивали от твердой поверхности Брюссельской дороги, а 6-фунтовые пушки изрыгали картечь. После того как было сделано шесть залпов, на дорогу выбежала французская пехота, уничтожая тех, кто еще остался в живых. Раненый и придавленный лошадью Гнейзенау был взят в плен.

Между тем за пределами Нивельской дороги, на которую уже опустилась ночная тень, Мерль ринулся со своим разношерстным эскадроном на толпы отступающих пруссаков. Проверенный в боях клич *«Vive l'Empereur»* перекрыл стук копыт и все прочие шумы, а горнисты с готовностью протрубили сигнал к атаке. *«Мечом покаявая противника в зад»*¹ и не отвлекаясь на пленных, Мерль гнал толпу пруссаков к Женаппу.

¹ Прямая французская аналогия выражения «следовать по пятам».

Блюхер в Женаппе

Женапп оказался ловушкой. Его узкий городской мост и главная улица все еще были забиты брошенными повозками. Теперь сюда прибывали солдаты всех прусских корпусов. Они медленно пробирались между завалами. В это месиво хлынула прусская кавалерия. Всадники хлестали своих лошадей, а заодно и всех, кто оказывался у них на пути. Кавалерия закупорила мост. Некоторые всадники падали в неглубокую реку, поднимая тучи брызг. Горе было тому, чья лошадь споткнулась.

В Женаппе маршал Блюхер временно разместил свой штаб. Когда в Катр-Бра открыла огонь артиллерия, измученный, коитуженный, но по-прежнему полный собственного достоинства фельдмаршал наслаждался приготовленной на скорую руку едой и коньяком, налитым в большой стакан. Шум, поднятый отступающими, становился все громче и громче. Все ближе раздавались вопли «*Raus! Ruchzug! Raus!*» И наконец от них уже задрожали стены. Взбешенный Блюхер выбежал на улицу, оттолкнув офицеров, пытавшихся его удержать. Выхватив саблю, фельдмаршал, изрыгая площадные ругательства, выбежал на середину дороги, громовым голосом приказывая остановиться.

Бесполезно. Остатки своей удачи старый гусар до конца израсходовал при Лижни. В темноте никто его не узнал. Блюхер был сбит чьей-то лошадью и затоптан. Адьютант, уже спасший его при Лижни, попытался сделать это еще раз, но был сражен ударами сабель — то ли прусских, то ли французских. Обезумевшая толпа пруссаков — кавалерия, пехота, кого там только не было — вырвавшись из Женаппа, бросилась на север, в направлении лагеря Веллингтона. Не дав беглецам соединиться с корпусом Цитена, французская артиллерия открыла по пруссакам огонь. Мерль, предпочитая не искушать судьбу, не стал врезаться в гущу отступавших пруссаков. Он уже изучил карту местности, которая была у конного стрелка, неотступно сопровождавшего Мерля с момента вступления в Женапп. В центре города к главной улице примыкал узкий переулочек, ведущий на запад. Свернув в него, Мерль

приказал своим драгунам спешиться и, выстроившись во фронт, прикрыть огнем перекресток главной улицы и переулка. С остальной частью эскадрона, фронт которого теперь сузился до четырех человек, вместо прежних восьми, Мерль продвигался вперед по узкому переулку. Через четверть часа он, выбравшись за пределы Женаппа, спокойно скакал по пустынной гряде холмов. На противоположной стороне долины мерцали огоньки костров лагеря Веллингтона.

Пленники ночи

В оставшиеся ночные часы сержанту Гронуару было не до разговоров о погоде. Его солдаты изрубили несколько измученных отрядов противника, сожгли несколько обозных повозок и обратили в паническое бегство ординарцев штаба прусской бригады. Под одним из гусар была убита лошадь и он был взят в плен преследовавшими отряд уланами (следуя указаниям Гронуара, он выдал себя за одного из солдат авангарда Груши). К двум часам ночи отряд сержанта уже настолько разозлил пруссаков, что Гронуар счел за лучшее переправиться на восточный берег реки Ласн. Каналья-проводник знал один брод, которым редко пользовались. Этот брод был узким, и переправа оказалась делом рискованным. Изможденных людей и лошадей сносило быстрым течением реки, ставшей полноводной после недавно прошедших дождей. Одного конного егеря унесло вместе с лошадью, и он утонул. Переправившись, они вошли в небольшую рощицу с каменистой почвой. Отряд разделился пополам: одни солдаты легли спать, другие их охраняли, поглощая остатки черствого хлеба.

Было еще темно, когда часовой доложил о том, что большая колонна движется со стороны поля битвы в северо-восточном направлении. Взяв двух говорящих по-немецки гусар, Гронуар приблизился к колонне и принялся бесшумно продвигаться вдоль вереницы уставших солдат. В ночной темноте покрытые копотью киверы французов и их выцветшие зеленые шинели не отличались от формы обычного прусского кавалерийского патруля. Время от

времени задаваемый по-немецки вопрос: *«Какая это часть, камрад?»* рассеивал всякие сомнения. Наконец сержант нашел то, что искал — майора, который в сопровождении своего ординарца вышел из колонны по нужде. Ординарец, запутавшийся в поводьях двух лошадей, успел лишь в изумлении открыть рот, увидев внезапно появившееся перед глазами дуло пистолета. Майор уже застегнул пояс и поправлял шарф. Он хотел было закричать, но крик застрял у него в горле. Мгновенно разоруженные пленные (помимо сабли и пистолетов у майора были изъяты часы и бумажник), были без промедлений доставлены в рожицу, где подверглись отдельному допросу.

Закончив допросы, Гронуар сделал следующие краткие выводы: колонной оказался II корпус Пирха, который двигался в направлении Меллери с целью спасти III корпус Тильманна, где бы тот ни находился. Ситуация на самом поле битвы оставалась неясной. Похоже, французы возобновили сражение. Проклятые англичане не оказали поддержки своим храбрым прусским союзникам, в рядах которых было слишком много неразберихи, но оставалось слишком мало физических сил и запасов пищи. Резким движением Гронуар извлек из кошелька майора самую крупную монету и поводит ей перед носом проводника. *«Если проведешь нас обратно к императору самым безопасным и кратчайшим путем, тогда она будет твоей. А если обманешь нас, тогда...»* И он провел заскорузлым пальцем по лезвию сабли.

Возобновление битвы

Тем временем в Катр-Бра император приводил свои войска в порядок. Седьмая пехотная дивизия оставалась на уже упомянутой оборонительной позиции и должна была стать заслоном на пути противника. Было приказано направить к Женаппу вольтижеров, чтобы очистить район от прусских патрулей, которые, возможно, захотят подойти поближе к французским позициям. Им удалось обнаружить лишь несколько отрядов, заблудившихся напуганных солдат, которые тотчас бросались наутек. Они бежали через лагерь IV корпуса Бюлова, больше похожий

на табор, испуганно вопя: «*Hier rommen der kleine mander*»¹. Эти крики еще больше усиливали тревогу пруссаков. Тучный генерал от инфантерии граф Бюлов попадал в одну критическую ситуацию за другой. При виде противника этот бесхитростный вояка быстро терял всякий контроль. Блюхер считал, что неопытные войска генерала способны выполнить лишь два маневра: неорганизованное наступление и хаотичное отступление. Без руководства и наставлений «Маршала Вперед»² и без Гнейзенау, который воплощал эмоциональные призывы старого гусара в конкретные приказы, возобладал бы второй маневр.

Маршал Ней вышел из состояния слепого безумия битвы. В этом ему помогло бегство пруссаков, порция коньяка и краткая вспышка гнева императора. Маршалу был поручен арьергард, в состав которого входили 7-я пехотная дивизия, 12-фунтовые пушки, три сохранивших боевой дух (хотя и весьма поредевших) полка из состава VI корпуса Лобау, а также пара эскадронов, наспех сколоченных из остатков 1-го уланского полка Жакино. Ней как нельзя лучше подходил для выполнения этой задачи и быстро вошел в курс дела. Ему было приказано удерживать позиции до получения дальнейших распоряжений и немедленно сообщать императору о любых продвижениях противника.

Затем император отправился на юг, через Фрасне, туда, где маршал Сульт, получивший задание, гораздо более знакомое ему, нежели выполнение обязанностей начальника штаба, железной рукой наводил порядок в подразделениях разбитой армии, чтобы подготовить ее к новому сражению. Были назначены места сборов корпусов и дивизий, командиры которых получили в свое распоряжение проводников. Чуть севернее Шарлеруа был подобран и приведен в порядок амбар, в котором разместился штаб армии. Все это организовал генерал Белли де Моптион — постоянный помощник Бертье, которого так

¹ «Вои идут маленькие люди!» (нем.) «Маленькие люди» — так немцы называли вольтижеров.

² Блюхер.

недооценивали. Отсюда постоянно выезжали курьеры. Им было поручено передать Груши, чтобы он подтянул свои войска, найти гвардию (которая уже обошла окольными путями Женапп), присоединить к основной группировке силы 2-й кавалерийской дивизии Пира и другие подразделения, отступившие по второстепенным дорогам еще дальше на запад. Другие курьеры должны были передать обозам армии распоряжение выслать вперед боеприпасы и запасные орудия, а затем переместиться к югу, в направлении Филиппвиля. Офицеры и сержанты из восстанавливающих боевые порядки полков, оцепив дорогу, вылавливали беглецов, направляя их в свои подразделения. Когда загорелись походные костры, сладкие увещевания сержантов стали оказывать на беглецов почти столь же благоприятное воздействие, как и запах горячей пищи.

Появление уполномоченного, направленного в Шарлеруа для осуществления передислокации обоза, вывело начальника гарнизона этого города из пьяного забытья. Мыча возражения по поводу отъезда обоза, он скорее свалился с лесницы, нежели спустился по ней. К счастью, первую половину этого стремительного спуска он проехал на шпорах, однако на заключительном этапе уперся зубами в нижнюю ступеньку. После этого дело перешло в плоскость приказов и распоряжений. Гарнизон выступил в направлении Фрасне, а группе жандармов из сопровождения обоза было приказано, оцепив район, прилегающий к мосту Шарлеруа, направлять движение отставших подразделений армии.

Это была крепкая армия, довольная тем, что можно перевести дыхание, но уже почти готовая к тому, что его снова предстоит сбить. Однако никаких атак противника не последовало, а шум битвы удалялся на север. Отставшие солдаты и раненые 7-й дивизии, которые присоединились к главным силам последними, хвастались без всякой меры: *«Ну и задали мы перцу этим проклятым колбасникам! Должно быть, вы слышали эти гнусные вопли! Клянусь, они до сих пор удирают».*

Медленно, но верно подразделения восстанавливали свои боевые порядки. Солдаты ели и отдыхали. Импера-

тор по-прежнему оставался с ними. Бойцы, некоторые из которых были призваны на службу в 1814 году и еще даже не пользовались бритвой, предавались воспоминаниям о сражении: *«Он очень хитер, наш Стриженный¹. Вот погодите, мы их посадим в самое дерьмо, тогда они узнают, с кем воюют!»*

За последние пять дней, в течение которых имели место два крупных сражения, их император сумел выкроить себе для отдыха всего двадцать часов. Наполеону пришлось испытать последствия серьезных ошибок, которые неоднократно совершались его подчиненными, до сих пор считавшимися вполне компетентными. Он вынужден был мобилизовать последние запасы своих физических сил и воли. Тем не менее император объехал подразделения своей армии, доверительно беседуя как с уже понохавшими порох ветеранами, так и с восторженными новобранцами. Он щедро раздавал похвалы, награды и порицания. Вернувшись в свой «дворец» — постель из соломы в отгороженном углу амбара — он, быстро выпив стакан вина и закусив куском хлеба, продиктовал приказы, прочел последние донесения и рухнул в постель, свернув в качестве подушки плащ и укрывшись шинелью.

В самый ранний час рассвета, когда первый луч солнца едва позволяет различить белые ворсинки на крупе гнедой лошади, старший адъютант императора полковник Журго разбудил Наполеона.

«Сир, с важными известиями вернулся тот самый сержант».

Вытянувшийся по стойке смирно, Гронуар, за спиной которого можно было видеть усталые лица его солдат, доложил императору, что II прусский корпус движется к Меллери с целью оказать помощь Тильманну. Однако до сих пор неясно, где именно может сейчас находиться корпус Тильманна. Пруссаки устали, и II корпус передвигается весьма медленно.

Император приблизился к сержанту: «Ты славно поработал, лейтенант!» Повысив голос, он обратился к

¹ Прозвище, которое французские солдаты дали Наполеону.

подчиненным Гронуара: «Я доволен всеми вами. Вы вполне заслужили награду». Затем обернулся к офицерам своего штаба: «Побеспокойтесь об этих людях. Принесите мои карты. Дайте этому майору вина и хорошенько его допросите». Он провел большим пальцем по заросшему шетиной подбородку: «Пошлите за Али и Маршаном¹ и распорядитесь подать кофе».

Фальшиво что-то насвистывая, император направился к уже разложенным картам, освещенным четырьмя свечами, установленными по углам стола. Внезапно он остановился. «Где уборная?»

Волнение и шум

Командир I корпуса прусской армии генерал-майор Ганс Иоахим фон Цитен счел шампанское из подвала фермерского дома, в котором разместился его штаб, вином низкого качества. Не помог даже коньяк, добытый там же, и добавленный генералом в шампанское. Офицер штаба доложил о том, что за пределами Женаппа ситуация вышла из-под контроля и снова начались боевые действия, которые, судя по всему, приближаются к позициям I корпуса. Вздоразженные беглецы из состава IV корпуса, а также из различных кавалерийских полков уже начинают проникать в походный лагерь I корпуса. Этот доклад вызвал еще большее раздражение Цитена, настроение которого и без того было испорчено.

Цитен был энергичным и ответственным офицером, хотя в данный момент он был несколько обескуражен. Он забрался на коня и в сопровождении адъютанта и ординарца (которые пребывали в том же состоянии, что и генерал) поскакал на запад, туда, где позиции его корпуса примыкали к левому флангу Веллингтона — Цитен хотел сам разобраться в сложившейся ситуации. Сопровождавший его эскадрон 2-го полка драгун Западной Пруссии немного запаздывал, так как солдатам, опустошавшим близлежащий дом и упивавшимся вином, понадобилось

¹ Мамелюк и камердинер Наполеона.

некоторое время, чтобы оседлать лошадей и выступить вслед за генералом.

Неровная проселочная дорога была завалена трупами убитых в недавнем сражении солдат. Порой раздавались стоны раненых. Нервно всхрапывая, лошади пробирались среди мертвых тел. Протрезвев на свежем воздухе, Цитен сообразил, что ситуация явно изменилась к худшему. Не обращая внимания на предостерегающие окрики, мимо генерала прошмыгнула группа беглецов. Со стороны Женаппа раздавалась сильная стрельба. С высоты, расположенной к западу от деревни, время от времени открывала огонь артиллерия. Судя по всему, она вела обстрел позиций Веллингтона. Проклятый Бонапарт!

А кто, собственно, «да здравствует»?

Французская пуля просвистела у самой морды лошади. В темноте Цитен различил только приплюснутые киверы французов и блеск их штыков. Пруссаки остановились, подняв на дыбы своих лошадей, и потянулись к седельным кобурам с пистолетами. Спешился адъютант, во мраке было видно лишь, как стремительно перемещается его кивер. Но штык пронзил его руку, а мелькнувший в темноте приклад угодил прямо в морду лошади Цитена. Заржав, животное бросилось назад, сбросив генерала прямо в придорожную канаву. Адъютант, ординарец и лошадь без всадника во весь опор помчались назад, прямо на колонну отставших драгун.

Цитен наткнулся на часового и нескольких фуражиров с бельгийской батареей¹, расположенной на самом краю левого фланга Веллингтона. Все они были настолько пьяны и агрессивны, что вразумить их мог разве что Архангел Михаил.

Пропустив адъютанта и ординарца, драгуны, издав нестройными голосами боевой клич, галопом ринулись вперед. Фуражиры, едва начавшие обшаривать карманы Цитена, тотчас пирунули в живую изгородь. Драгуны,

¹ Нидерландские артиллеристы продолжали носить киверы французского образца.

развернувшие строй для преследования противника, ворвались в расположение бельгийской батареи, а также на позиции расположенного по соседству подразделения Королевской конной артиллерии, которым командовал капитан Мерсер. Бельгийцы, нырнув под лафеты пушек и зарядные ящики, появились вновь с ружьями, банниками и гандшпугами в руках. Уставшие англичане к этому времени уже валялись с ног. Они подверглись обстрелу в конце сражения и были уверены, что огонь вела прусская артиллерия. Вооружившись тем, что оказалось под рукой, они подбегали к месту схватки. Раненый молодой француз, конный гренадер, которого британцы вернули к жизни, внес еще большую сумятицу прокричав «*Vive l'Empereur!*» Вопреки природной неговорчивости, столь характерной для их нации, артиллеристы с энтузиазмом вторили ему. Этот вызывающий клич раздался и со стороны ветеранов-бельгийцев. Командир прусской батареи, стоявшей к югу от позиций Мерсера, направил к месту боя отряд, чтобы выяснить, что же там происходит. Череп командира этого отряда раскроила сабля прусского же драгуна, а остальные разведчики удрали. Британский штабной офицер, проверявший позиции войск, приблизился к месту схватки, чтобы выяснить обстановку, но встретил явно недружественный прием. Мгновенно лишившись шляпы, одного стремени и всего самообладания, он во весь опор помчался в штаб Веллингтона, поднимая тревогу и горестно стеная.

К счастью, драгун было слишком мало и они были слишком пьяны, чтобы окончательно решить исход дела. Офицеры и сержанты постепенно восстановили контроль. Несмотря на все неистовство схватки, серьезные потери были невелики — удары пьяных солдат не отличались точностью и, как правило, наносились плашмя. Сломанные руки, разбитые лица, порезы и ушибы оказались самыми тяжелыми повреждениями.

В ходе последующих поисков раненых кто-то случайно обнаружил Цитена, чуть было не захлебнувшегося в канаве глубиной в дюйм. Его положение стало еще более угрожающим, когда один драгун попытался вернуть гене-

рала к жизни с помощью универсального лекарства военных — глотка шнапса из своей фляги. К счастью, вмешался Мерсер, который ввиду отсутствия бочки, необходимой для того, чтобы, нагнув над ней голову несчастного, освободить его от излишней влаги, положил тело Цитена поперек ствола девятифунтовой пушки. Поставленная задача в целом была выполнена, после чего несчастному пруссаку дали порцию рома британского разлива — крепчайшую гадость темного цвета, которая вызывала у непосвященного такое ощущение, как будто он проглотил разъяренного кота¹. Для измученного организма Цитена это было уже слишком. Его тело содрогнулось от рвоты, после чего раздался поток самых разнообразных проклятий (грубых, но искренних) в адрес Великобритании вообще и ее военной деятельности в особенности.

Этот поток был прерван лишь шумом, раздавшимся со склона холма — французские кавалеристы с воем пронесли через позицию прусской батареи и врезались в гущу драгун, которые в этот момент как раз перестраивались. Удар был весьма неожиданным, поэтому никому даже и в голову не пришло задуматься: французов было всего трое. В ответ прусская батарея дала фронтальный залп в направлении, откуда примчались французы. Этот залп должен был поразить многочисленные эскадроны противника, которые, судя по всему, следовали за своим авангардом, но вместо этого ядра поразили лишь окружающий пейзаж, бегущих пруссаков и нервы командиров войск союзников, услышавших артиллерийскую канонаду.

Эти три кавалериста оказались беднягами, отставшими от колонны Мерля. В Женаппе они проскочили переулок, в который свернули их однополчанс. Двое из них не сумели справиться с лошадьми и, делая отчаянные попытки удержаться в седлах, с воплями уносились в темноту. Третий, капрал, «*saoul comme dix Polonais*»², скакал, рубя саблей направо и налево. В самом центре приведенной в беспорядок позиции Мерсера его загнанная лошадь

¹ Из личного опыта и наблюдений двух старших офицеров, которые частенько прикладывались к спиртному.

² Пьяный как десять поляков (фр.)

оступилась, преодолевая колею, оставленную пушкой. Капрал описал параболу и, встав на ноги, попытался поднять саблю в салюте, но уронил ее. Подавшись вперед, он вырвал у изумленного канонира флягу с ромом. Сделав приличный глоток, он, учтиво поклонившись, вернул флягу. Затем, ударив себя в грудь обеими руками, объявил: *«Бригадир Жан Даву, Маленький Красный Тюльпан из авангарда Армии Сены маршала Даву»*, — и тотчас во весь рост рухнул на землю. Очевидцы с благоговейным трепетом утверждали, что он захрапел, еще не коснувшись земли.

«Даву!» Упоминание имени этого ужасного маршала, который не знал поражений, окончательно протрезвило Цитена. Он был просто обязан попросить Мерсера, чтобы об этих словах капрала сообщили и Блюхеру, и Веллингтону, хотя и сомневался в том, что у последнего хватит ума понять все значение этих слов — ведь 15 июня он внял предостережениям Цитена, лишь когда было уже слишком поздно. Отправив на прусскую батарею офицера, который должен был заставить орудия замолчать, он с трудом взобрался на коня и уехал, бросив на прощание несколько фраз, смысл которых, к счастью, понял лишь Мерсер. Унтер-офицеры и рядовые союзных армий расставались, по-своему выражая уважение друг к другу: *английская свинья — грязные немецкие собаки — бельгийская сволочь — гнусные ублюдки!*

Сомнения союзников

Продвигаясь на запад, Мерль с вожаком смотрел на огни походных костров союзников. Увы, его жалкая горстка солдат ничего не смогла бы сделать. Тем не менее он прорвался через несколько патрулей и аванпостов британских гусар, захватив несколько превосходных лошадей и заставив англичан повернуть назад и во весь опор скакать к позициям Веллингтона, чтобы доложить о приближении больших масс французской кавалерии.

И вдруг ему повезло — он наткнулся на французскую 12-фунтовую пушку, запряженную парой загнанных лошадей. Услышав французскую речь, артиллеристы выбрались

из укрытия. К их чести следует сказать, что они пытались прорваться вместе с пушкой к своим, но британские патрули были слишком активны. В зарядном ящике еще осталась дюжина ядер. Цель, конечно, находилась на самом пределе досягаемости, и все же... Конные артиллеристы из состава отряда Мерля помогли отвязать пушку и развернуть ее в нужном направлении.

И снова фортуна улыбнулась Мерлю. Второй снаряд угодил как раз в один из походных костров армии союзников, далеко разбросав тлеющие угольки и подняв высокий столб дыма. Следующий выстрел был столь же точен. Солдаты Веллингтона, которые в течение всего дня проявляли стойкость, выдержав обстрел французской артиллерии и атаки кирасиров, оставив свои костры, бросились наутек. Потери среди офицеров были значительными. Некоторые офицеры, считая победу полной, нашли более удобные места для ночлега. Мало кто из них оказался на месте, и мог навести порядок. Когда вновь загрохотала пушка и опять появились гусары, вопившие об опасности, отступление уже набрало силу и вовлекало все большие массы людей, которые ругались, толкались и бежали. Прошло достаточно много времени, прежде чем несколько барабанов пробили сигнал к сбору, а верховые офицеры, изрыгая проклятия, врезались в толпу беглецов.

Мерль, увеличив количество лошадей в упряжке, которая везла пушку, повернул на запад и, проехав с четверть мили, истратил оставшиеся заряды. Тем временем его драгуны спешили и сделали несколько ружейных залпов, чтобы усилить эффект представления. Затем они рысью ускакали прочь.

В конце концов суета в британском лагере улеглась, солдаты, громко обвиняя других и оправдывая себя, искали свои подразделения. Между тем другая волна беглецов двигалась к Брюсселю, вопя о разгроме и поражении. Эскадрон из состава еще надежного 1-го Германского Королевского легиона гусар, проводивший разведку в южном направлении, не сумел никого обнаружить. Тем не менее все были начеку и спали лишь урывками.

На исходе ночи в штабе герцога, расположенном в Ватерлоо, открылся военный совет. Довольно скверная

обстановка, в которой он начинался, стремительно ухудшалась. Веллингтон был физически измучен и морально опустошен. Он потерял инициативу и был почти разбит. Победа, которая досталась ему с таким трудом, теперь, казалось, ускользала из рук. Его армии был нанесен сильнейший удар, некоторые соединения до сих пор находились в полном смятении, а его главные военачальники либо погибли, либо были не в состоянии выполнять свои функции.

Пруссаки быстро доказали, что они пострадали не меньше. Старый Блюхер и Гнейзенау пропали, и никто не знал, что с ними и где они. Единого командования больше не существовало. На долю их уцелевшего старшего военачальника графа Бюлова выпал очень тяжелый день и не менее тяжелая ночь. Единственное, в чем он был твердо убежден, так это в том, что он будет выполнять лишь приказы старшего по званию военачальника, который состоит на прусской службе¹. Силы его корпуса были разбросаны в районе Женаппа, но точное местоположение подразделений никто не знал. Была потеряна связь с III корпусом Тильманна, и, судя по всему, он попал в трудное положение. Офицер штаба II корпуса Пирха решительно утверждал, что корпус получил приказ Гнейзенау двигаться на вырубку Тильманну. До тех пор пока соответствующее прусское руководство не отменит этот приказ, Пирх будет продолжать его выполнять. Прусская армия, подумал герцог, напоминает обезглавленного петуха.

Цитен приехал поздно. Ночные приключения значительно ухудшили его состояние. Но морально он был уязвлен гораздо больше, нежели физически. Он открыто заявил о том, что герцог пренебрег его предостережениями по поводу крупного наступления французов. Веллингтон не выполнил своего обещания оказать поддержку Блюхеру при Лижни. Он неумело руководил вчерашним сражением и был бы наголову разбит, если бы не пруссаки, ко-

¹ Младшему по званию Гнейзенау, который к тому же не был пруссаком, приходилось, отдавая распоряжения Бюлову, облекать их в следующую словесную форму: «Я имею честь покорнейше умолять Ваше Превосходительство...»

торые предприняли нечеловеческие усилия, чтобы спасти его. Теперь он пытается отдавать им приказы! Лично он; Цитен, не выполнит ни одного!

Герцог посмотрел на Цитена с высокомерием англо-ирландского аристократа, который уличил крестьянина, забравшегося в его курятник, а затем обратился к пруссаку с тем ледяным презрением, которое (как тайком рассказывали его офицеры после третьей бутылки вина) уже довело немало несчастных подчиненных герцога до самоубийства. Это было просто изуверское высокомерие. Цитен, не понимая и одного слова из десяти, тем не менее сумел уловить общее содержание высказываний герцога, которое его ошеломило. Он выпалил, что всего золота Англии не хватит, чтобы купить честь одного пруссака. Он (Цитен) соединится с войсками Пирха и Тильманна и сам прикончит Бонапарта. После этого он покинул совет, хлопнув дверью. Бюлов сбивчиво произнес несколько фраз, сопровождая их жестами, и покорно последовал за Цитеном.

Перевязанный адъютант, едва переставляя ноги, подошел к герцогу, протянув ему запечатанный пакет: *«Курьером из Монса, Ваша Милость»*.

События на севере

А в это время на севере командир французских войск, расположенных в районе Дюнкерка, наконец внял неоднократно приказам императора побеспокоить противостоящие силы голландцев, которые представляли потенциальную угрозу. Его возможности были ограничены, но он все же сумел сколотить некое подобие отряда: полроты стрелков, некоторое количество конных жандармов, таможенников и национальных гвардейцев, а также несколько богато украшенных добровольцев из состава местного почетного караула. На рассвете 18 июня он выдвинул их вперед, поставив во главе отряда вновь призванного на действительную службу командира эскадрона императорской жандармерии, который гордо носил воинское имя Гзентрелль. Еще в то время, когда Бельгия и Голландия входили в состав Франции, Гзентрелль, преследуя нарушителей

закона, превосходно изучил все тайные тропы своего района. Поэтому теперь его разношерстный отряд еще до рассвета успел на несколько миль проникнуть в глубь территории Нидерландов. Вскоре он наткнулся на полк голландского ополчения, который находился на марше. Крикнув «В атаку!», майор пришпорил коня. Голландцы ответили судорожным залпом, который пришлось в основном по верхушкам деревьев, после чего разбежались кто куда. Гзентрелль остановил коня и осмотрел свой отряд: стрелки, жандармы и таможенники были на месте, но большая часть их гражданских товарищей оставила на память о себе лишь облачко пыли, повисшее над дорогой, ведущей к дому. Гзентрелль пожал плечами. Горстка верных ему людей повторила его жест. Захватив брошенный нидерландский флаг и подобрав нескольких солдат национальной гвардии, которых сбросили их лошади, он двинулся в обратный путь, чтобы доложить о своей победе. Во время стремительного отхода несколько солдат национальной гвардии и почетного караула, конечно же, потерялись. В течение следующих нескольких дней по всей линии границы раздавалась пальба, которую вели отдельные лица и маленькие отряды. Этот грохот поднимал по тревоге командиров близлежащих воинских частей и беспокоил обитателей фермерских конюшен и курятников.

Донесение об этом почти бескровном столкновении неприятно удивило герцога. Полчища французской кавалерии надвигались со стороны Дюнкерка. Веллингтон всегда опасался удара, который французы могли нанести в самый тыл его армии с целью отрезать его от базы в Антверпене. Прежде он считал бы, что это донесение слишком преувеличивает значимость какой-то жалкой пограничной перестрелки и потребовал бы подтверждений из более компетентных источников. Но теперь за его все еще невозмутимым лицом скрывалась неуверенность. Тем не менее он отдал вполне конкретные приказы: армия должна быть готова выступить по первому сигналу; значительным силам кавалерии надлежит провести рекогносцировку, двигаясь в направлении Катр-Бра; генерал-майору фон Мюффлингу следует попытаться хоть как-то вразумить двух своих упрямых соотечественников; надлежит

предупредить об опасности англичан, живущих в Брюсселе, и Людовика XVIII в Генте.

Отдав эти распоряжения, герцог лично написал письмо леди Франсис Вебстер, советуя ей в целях безопасности переехать из Брюсселя в Антверпен. (Сердце герцога было весьма восприимчиво к несчастьям других, но, к сожалению, главным образом это касалось молодых замужних дам.)

Груши

Маршал Груши считал, что 19 июня будет решающим днем. Он начал его с того, что как следует потрепал корпус Тильманна, который в беспорядке отошел в северном направлении. Дебаты с подчиненными о том, что делать дальше, были прерваны появлением штабного офицера, прибывшего из Катр-Бра по приказу Наполеона. Атака французов при Мон-Сен-Жан была отражена, однако после успешной ночной контратаки их силы собирались между Фрасне и Шарлеруа. Именно там императору был нужен Груши.

Войска Груши выступили в предписанном направлении после того, как маршал отправил раненых и пленных в Намюр, поручив их сопровождение эскорту драгун. Впоследствии заблудившаяся бригада прусской кавалерии, с большого расстояния заметившая эту колонну, и приняла ее за отступающие войска Груши. Состояние дорог было скверным, но солдаты не падали духом. Свою битву они выиграли; теперь они покажут *проклятой* императорской гвардии и всем остальным, как надо побеждать. По дороге еще один курьер на взмыленной лошади привез маршалу доклад о том, что II прусский корпус численностью, вероятно, 20 000 человек идет в направлении Меллери («На вашей карте это вот здесь, маршал»). Пруссаки утомлены и идут медленно.

Сумятица в Генте

Между тем в Генте Его Наихристианнейшее Величество Король Франции Людовик XVIII (который после

некоторых колебаний согласился остановиться здесь по пути в свою длительную английскую ссылку) был ошеломлен тем, что над ним вновь нависла опасность. Промедление было бы ужасной ошибкой, поскольку могло ввести в искушение его испорченных подданных, способных проявить кощунственное насилие в отношении своего Богом помазанного короля. Поэтому благожелательность и мудрость короля заставляли его как можно скорее переправиться на противоположный берег Ла Манша и тем самым избавить своих подданных от этого искушения. Младший брат Артуа и сыновья Артуа — Ангулем и Берри, будучи особами королевской крови, были полностью согласны с этими доводами.

И вот уже раздавался горестный плач, готовились к отъезду экипажи, спешно седлали лошадей и уносились кто-куда верховые. Чувствуя, что до них никому нет дела, приближенные Людовика, занимавшие не слишком высокое положение при его «дворе», а также воины его разношерстной «Гентской армии» уже рыскали по кустам, подбирая все, что было забыто в суматохе бегства.

Реакция союзников

Утро было уже в полном разгаре, когда британские кавалеристы, проводившие рекогносцировку, достигли Катр-Бра, осмотрев перед этим окрестности Женаппа, а также поле битвы, прогремевшей днем, и место ночной контратаки. Время от времени они встречали прусские подразделения, двигавшиеся на север. Изредка пруссаки дружески приветствовали британцев. Осторожно проехав через Катр-Бра и не обнаружив в нем ни одного француза, они стремительно поскакали дальше. Кавалеристы не заметили французского офицера, который спрятался на чердаке фермерского дома, стоявшего на пересечении дорог.

Ней применил тактику русских — никаких патрулей и передовых постов по фронту своей позиции. Он разместил свои войска в укрытии. Тот французский офицер, что расположился на чердаке, внимательно следил за тем, чтобы на стекло его подзорной трубы не падал солнечный

свет, который мог вызвать предательские блики. Он увидел, как британская кавалерия выступила из Женаппа, и еще тогда дал знать своим о появлении противника. Подпустив англичан на 200 ярдов, пехота Нея поднялась из укрытий.

Все смешалось: почти кинжальный огонь пехоты и артиллерии, стрелявшей картечью, уланы, опустошающие фланги обезглавленной колонны, и беспорядочное бегство через Женапп.

Вскоре после этого эпизода герцог вновь собрал своих подчиненных. Очевидно, в Катр-Бра французы сосредоточили значительные силы. Чтобы выбить их оттуда, потребовалась бы мощная атака, но сражения предыдущих дня и ночи привели к тому, что армия герцога была просто не в состоянии предпринять такую атаку. Блюхер и Гнейзенау так и не были найдены. Цитен выступил в направлении Уавра. Бюлов пытался воссоединить силы своего корпуса и следовать за Цитепом. Не было никаких сведений о II и III корпусах, а следовательно, не приходилось ожидать и помощи с их стороны.

Донесения о том, что Груши и Даву соединяются с Бони?¹. Что касается первого, то этого следовало ожидать, что касается второго, то это сомнительно. Бони, конечно же, будет собирать каждого солдата и каждую пушку. А еще были донесения о рейде французов к Антверпену — вероятно, непомерно раздутые, но пренебрегать ими было бы неразумно.

«Клянусь Богом, джентльмены, этот приятель, Наполеон, опять надул меня! Тут уж ничего не поделаешь, мы должны отходить к Антверпену. Нам приходится отступать чаще, чем в свое время в Испании, хотя дело и подходит к самому концу. Мы выступаем, когда стемнеет, в следующем боевом порядке...»

Когда герцог закрыл совещание словами: «Если Бони станет преследовать, Брюссель и другие голландско-бельгийские крепости задержат его», все закивали, соглашаясь с ним. Никто не посмел высказать то, что беспокоило всех:

¹ Часто британцы именно так называли Бонапарта.

в какой мере можно будет доверять этим голландско-бельгийским гарнизонам, когда они увидят, что Веллингтон отступает?

На другой стороне пролива встревоженные лондонцы видели, как допоздна горел свет в казармах конной гвардии, Адмиралтействе и Уайтхолле. Герцог попал в беду. Эти заносчивые пруссаки, очевидно, бросили его. Австрийцы встали на Рейне, а русские все еще маршем идут через Германию. В Англии осталось мало войск. Можно было бы, конечно, мобилизовать ополчение, но... Полки уже получивших боевой опыт солдат возвращались из Канады, но они начнут прибывать не раньше чем через две недели. Им не очень-то сопутствовала удача в боях с этими проклятыми янки, однако они были ветеранами сражений, которые вел герцог в Испании. К сожалению, их, видимо, будет не очень много, а некоторые, наверное, не придут вовремя. Герцогу следует обходиться теми войсками, которые остались в его распоряжении, и, если потребуется, отступить к Антверпену. Этот плацдарм следует удерживать, обеспечив дополнительное транспортное сообщение.

Не вызывало сомнений то, что союзники Англии требуют дополнительных и еще более крупных ассигнований. А Британия измотана войной и высокими налогами военного времени. В недрах нации, подобно пожару на торфянике, тлеет недовольство, которое в любое время и в любом месте может вспыхнуть ярким пламенем насилия.

Эти люди, обсуждавшие при свете ламп последние события, были в основном уравновешенными, хладнокровными и закаленными десятилетиями войны патриотами. Они умели отличать реальное от желаемого. В конце концов кто-нибудь из них обязательно вполголоса поведал бы о том, что Бони толстеет и стареет и что у него есть сын, которому он хотел бы передать трон, и что если он будет снова разбит, то нам на голову свалится этот жадный русский, у которого туман в голове, и его прусский лизоблюд, у которого ботфорты выше колен. Можно было бы лишь...

Один за другим курьеры привозили в Берлин дурные новости, приводя столицу Пруссии в состояние потревоженного муравейника. Требуется больше войск? — Но

ведь на Нижнем Рейне имеется небольшой корпус Клейста, а на Эльбе стоят еще два корпуса, которые следят за действиями Австрии и при первой возможности проглотят то, что еще осталось от независимой Саксонии. Кроме того, неподалеку от Берлина расположился резервный корпус. Правда, в основном это необстрелянные и плохо вооруженные солдаты — несчастные рекруты из только что захваченных территорий Саксонии и Рейпленда. Жители этих областей явно не испытывали большой радости от того, что стали подданными прусской короны. В некоторых местных пивных красовались лозунги «*Hoch der keiser Napoleon!*» или даже «*Vive l'Empereur!*» Не вселяло оптимизма и то, что, к несчастью для скромного короля Фридриха Вильгельма III, пропали возглавлявшие элиту прусской армии Блюхер и Гнейзенау.

Были, конечно, и русские — около 180 000 солдат, которыми командовал самый нерусский полководец русской армии фельдмаршал Барклай-де-Толли. Проходя маршем через Германию и оставляя по пути больных и раненых, они, проявляя традиционную широту русской души, обращались с имуществом своих союзников так, как обращались бы с имуществом врагов. Однако Барклай, будучи осторожным и умным офицером, едва ли ринулся бы в драку, не выяснив, каково истинное положение дел. Впрочем, тогда вообще никто не знал, каково это истинное положение.

На Венском конгрессе правители Европы уже всю делили бывшую империю Наполеона. Они чем-то напоминали стервятников, слетевшихся к туше мертвого льва, издохшего как раз в тот момент, когда монархи укрепили свой единый дом. (До нитки обобранному королю Саксонии Фридриху Августу терять было практически нечего, поэтому он был смелее других. Один наблюдатель вспоминал даже, что поврежденный глаз короля Саксонии загорелся алчным огнем.) Царь Александр убыл, заявив, что сложная военная обстановка заставляет его взять в свои руки командование всеми войсками союзников. Это утверждение вызвало разноязычное бормотание, смысл которого на всех языках сводился к фразе: «Пусти козла в огород...»

Спокойствие сохранял лишь представитель Франции Шарль Морис де Талейран-Перигор — некогда вероломный министр иностранных дел Наполеона, который в прошлом отличался виртуозным умением оказывать влияние на других, не обременяя себя какими-либо обязательствами. Бросив на это сборище оценивающий взгляд, скрытый полуопущенными веками, он прикинул свои шансы: Наполеон был здравомыслящим человеком, который редко оставлял без внимания талантливых людей. Прежде он прощал Талейрану интриги и предательство. Теперь, если он выиграет еще несколько сражений, ему понадобится опытный дипломат, который сумеет, используя военный успех, заложить основание французской династии Бонапартов. Талейран решил некоторое время подождать и, оставаясь в безопасной Вене, продолжать изображать из себя лояльного представителя Людовика XVIII. В то же самое время он рассчитывал осторожно восстановить некоторые связи в Париже.

Одно из писем, которые император успел продиктовать перед тем, как рухнул в свою постель из соломы, расположенную в амбаре неподалеку от Шарлеруа, было отправлено в Париж военному министру маршалу Даву:

«Вы мне понадобились. Передайте Карно дела вашего министерства и командование парижским гарнизоном¹. Я предоставляю ему всю полноту власти. Направьте к театру боевых действий [далее следовал список воинских частей и мест передислокации]. Форсируйте возвращение из Вандеи двух полков Молодой гвардии. Еще раз повторите губернаторам Лилля и Дюнкерка мой приказ атаковать позиции противника, расположенные на их участках фронта. Привезите мне также маркиза де Лафайетта и герцога Отрантского². Передайте им, что вскоре я, вероятно, начну переговоры с англичанами и мне понадобятся их услуги. Без них Париж будет находиться в большей безопасности».

¹ Лазар Карно занимал пост военного министра в период с 1793 по 1797 гг., и с 1800 по 1801 гг., а затем пост министра внутренних дел.

² Жозеф Фуше, будучи редкостным негодяем, занимал пост министра полиции.

Вскоре Парижу суждено было увидеть не только отдельных солдат, бежавших в панике с поля боя, но также и целую процессию, которая, несмотря на свою немногочисленность, производила мрачное впечатление. Шесть перебинтованных кавалеристов, гордо восседая на лошадях, следовали за ликующими горнистами, каждый из которых размахивал захваченным вражеским знаменем.

Лафайетт внял призывам Даву. Тупой и эгоистичный идеалист, он уже видел себя незаменимым проводником, который укажет императору путь к миру и, может быть, даже убедит его отречься от престола в пользу Французской республики, которая, возродившись, вновь будет приветствовать Лафайетта как наставника и спасителя Франции.

Фуше был лишен как внутренней невинности Лафайетта, так и чрезмерной самоуверенности Талейрана. Император вполне мог знать о его недавней переписке с Веллингтоном. Фуше встретил посланца Даву с явным раздражением и попросил дать несколько минут на то, чтобы переодеться. Облачившись в одежду садовника, он улизнул через черный ход. Однако там его ждал один из адъютантов Даву и два старых солдата.

Армия фельдмаршала князя фон Шварценберга, назначенного главнокомандующим войсками союзников, атаковала вдоль всего Рейнского рубежа — от Страсбурга до швейцарской границы. И вдруг он резко прекратил свои атаки. Когда некоторые из его подчиненных, особенно кронпринцы Баварии и Вюртемберга, выразили свое недоумение, толстый австриец, откинувшись на спинку явно не рассчитанного на его вес кресла, лукаво улыбнулся: *«Известия, поступившие с севера, могут изменить все наши планы. Судите сами. Если Бонапарт уже разбил англичан и пруссаков, то мой добрый Государь Император Австрии может внезапно вспомнить о своих обязательствах любящего тестя, каковым он является по отношению к Императору Наполеону».*

На следующее утро

На рассвете 20 июня Груши нанес удар по населенному пункту Меллери. Этот удар оказался неожиданным и

сокрушительным для II корпуса Пирха. Генерал Вандамм, испуская ошибки, совершенные им два дня назад под Уавром, лично возглавил атаку, которая принесла ему долгожданный маршальский жезл.

Военные историки в целом согласны с тем, что военная кампания 1815 года, последовавшая за Ватерлоо, оказалась едва ли не самой блестящей кампанией Наполеона.

В реальности

По неизвестным причинам 7-я пехотная дивизия не появилась в Катр-Бра. Что касается менее значительных эпизодов, то начальник гарнизона Шарлеруа в действительности не падал с лесницы. В связи с этим история развивалась по известному всем сценарию.

БИБЛИОГРАФИЯ

Genappe: Municipal Records, Carton 78, January-September 1815.

Eposito, Vincent, and Eking, John R. A Military History and Atlas of the Napoleonic Wars. London, 1999.

Hofschröer, Peter. 1815: The Waterloo Campaign - Wellington, his German Allies and the Battles of Ligny and Quatre Bras. London, 1998.

Hofschröer, Peter. 1815: The Waterloo Campaign

Hofschröer, Peter. The German Victory. London, 1999.

Huddleston, F.W. Warriors in Undress. London, 1925.

Maclssac, Alexander. Diary of an officer of the North British Dragoons, appointed ADC to Wellington 19 June 1815. unpublished.

Marbot, Marcellin. Memoires. 3 vols, Paris, 1892.

Mercer, Cavalié. Journal of the Waterloo Campaign. London, 1870, reprinted 1989.

Siborne, Herbert T., ed. The Waterloo Letters. London, 1993.

Алистер Хорн

Повелитель мира

(Упущенные возможности Наполеона)

Алистер Хорн, доктор литературы Кембриджского университета, командор орденов Британской империи и Почетного легиона (Франция). Автор таких примечательных исторических исследований как «Падение Парижа: осада и Коммуна, 1870—1871 гг.», «Цена славы: Верден, 1916 г.», «Проиграть сражение: Франция, 1940 г.», «Дикая война ради мира: Алжир, 1954—1962 гг.», а также двух книг о Наполеоне: «Властитель Европы. 1805—1807» и «Как далеко до Аустерлица?»

На протяжении примерно двух десятилетий изумительной карьеры Наполеона возникало немало моментов, когда история вполне могла обернуться совсем иначе. И его противникам и ему самому не раз предоставлялся выбор. Возможно, оказался он другим, Наполеон до конца остался бы на вершине власти? Кто знает, как повлияла бы на будущее Европы предположительная победа Наполеона под Ватерлоо.

По словам историка Джорджа Руде, Наполеон был «...человеком действия и быстрых решений, поэтом и мечтателем, мечтавшим о завоевании мира, выдающимся реалистом и в то же время вульгарным авантюристом, азартным игроком, всегда делавшим высочайшие ставки». Он появился на исторической сцене в тот благоприятный момент, когда революция уже выдохлась и создались условия для того, чтобы политические судьбы Европы (и Мира!) надолго оказались в руках сильной личности.

Директория, сменившая диктатуру Робеспьера 1792—1794 годов, представляла собой слабое и разобщенное правительство. (В известном смысле с ней можно сравнить пришедшие к власти в России после долгих лет господства сталинизма режимы Горбачева и Ельцина.) 1799 год вполне мог стать годом примирения для народов Европы, проливавших кровь с тех пор, как Францию захлестнула волна Революции¹. Но четырьмя годами раньше один двадцатипятилетний генерал сделал себе имя «дымом крупной картечи», утихомирившей парижскую чернь². Свои первые крупные победы Наполеон одержал в Италии в 1796—1797 годах³, еще не достигнув тридцатилетия, а в результате переворота 18 брюмера (9 ноября 1799 года) он оказался фактическим правителем Франции. Вско-

¹ Пруссия и Австрия начали подготовку интервенции против Франции летом 1792 года в соответствии с соглашением, заключенным между ними 7 февраля того же года. После распада первой коалиции, в 1798 году сложилась вторая антифранцузская коалиция из Австрии, Англии, России и Турции. В 1799 году положение Франции стало катастрофическим. Поход союзников на Париж был вполне реальной перспективой и «примирение» было возможно только на условиях капитуляции Франции (*прим. ред.*).

² Мятеж 13 вандемьера (5 октября 1795 г.), подавленный Бонапартом, был правым, а термин «чернь», обычно употребляется по отношению к левым и люмпену (*прим. ред.*).

³ Первой победой Бонапарта было взятие Тулона в 1793 году (*прим. ред.*).

ре после этого национальный плебисцит подтвердил его верховенство, сделав пожизненным консулом. Взлет Наполеона к вершине власти разрушил какие-либо надежды на скорое примирение с Англией¹, особенно после того, как он убедил Директорию организовать под его началом злощастную экспедицию в Египет. Однако французы вплоть до 1803 г. воспринимали Наполеона как миротворца и лишь потом увидели в нем завоевателя и создателя империи. Что и приветствовали, ибо (как и немцы в пору легких успехов Гитлера) шли вперед за счастливой звездой своего вождя, пока дела не испортились окончательно.

Недолгий период Амьенского мира² (названный Уинстоном Черчиллем «коротким туристическим сезоном») предоставил враждующим сторонам реальную возможность урегулировать разногласия путем переговоров. Но ни Англия Питта, потерпевшая ряд неудач, но твердо настроенная сохранить Мальту³, ни Наполеон, доказавший свое превосходство на суше, хотя в море королевский флот нередко расстраивал его планы, не были к этому готовы. Достижение компромисса представлялось невозможным до тех пор, пока несговорчивому Питту противостоял непобедимый на суше Наполеон.

В мирное время Наполеон занимался внутренними делами, но, проводя во Франции социальные и законодательные реформы, он уже планировал будущие внешние завоевания. Самым удачным его ходом во внешней политике этого периода стала продажа Луизианы молодым

¹ Придя к власти, Бонапарт направил английскому королю и австрийскому императору предложение начать мирные переговоры, которое было ими отвергнуто (прим. ред.).

² Боевые действия прекращены с 1 октября 1801 г., подписан 27 марта 1802 года. По условиям мира Франция возвращала Египет Турции, а Англия отказывалась от большей части захватов в колониях и отказывалась от вмешательства в европейские дела. Англичане рассчитывали на открытие европейского рынка, но были обмануты. Под предлогом отказа Англии от эвакуации Мальты Наполеон прервал отношения 12 мая 1803.

³ Взятую у французов в 1800 году Мальту англичане были должны по условиям Амьенского мира.

Соединенным Штатам¹. Это позволило обеспечить если не открытую поддержку, то во всяком случае благожелательный нейтралитет американцев на случай будущего конфликта с Англией. Конечно, он мог и дальше извлекать выгоды из обладания огромной территорией, являвшейся прежде частью Испанской колониальной империи, но это почти наверняка привело бы его к противостоянию со Штатами, ссориться с которыми было не на руку ни ему, ни Питту.

Правильность решения Наполеона становится еще более очевидной, если вспомнить развернувшуюся еще при «старом (королевском) режиме» долголетнюю и дорогостоящую борьбу между Францией и Англией за острова Карибского бассейна. Последние считались, заметим, самыми ценными владениями в Новом Свете. На протяжении двадцати двух лет войны с Францией большая часть британских потерь приходилась на походы Питта в Вест-Индию, причем люди гибли не столько от пуль, сколько от желтой лихорадки. Она же унесла жизни девяти десятых от числа участников экспедиции, посланной Наполеоном в 1802 г., дабы вернуть богатый сахаром остров Санто-Доминго (ныне Гаити). Жертвой болезни пал и командующий французами генерал Леклерк, муж сестры Наполеона Полины. Из тридцати четырех тысяч французов в живых осталось лишь три. Хотя глаза Наполеона еще не раз обращались к утраченным карибским жемчужинам, после провала Доминиканской экспедиции и продажи Луизианы его активность в Новом Свете (к огромному облегчению Вашингтона) фактически сошла на нет. У послереволюционной Франции попросту не имелось военно-морских сил, достаточных для обеспечения своего постоянного присутствия на Американском континенте, и попытка утвердиться там сделала бы французские экспедиционные силы легкой добычей британского флота. Такого рода сценарий был бы попросту нежизнеспособным. Да и многие другие возможные варианты действий Наполеона в заметной степени обуславливались тем, что как морская держа-

¹ В 1803 году Франция продала США западную Луизиану, принадлежавшую ей с 1800 года.

ва Франция серьезно уступала Великобритании. Французский флот так и не смог оправиться от урона, нанесенного ему в годы Революции. В то время, как Наполеон одерживал победы на суше, молодой Нельсон уничтожил его суда¹ в 1798 г., а спустя три года тот же урок был преподан французам у Копенгагена². Несмотря на все это, в июле 1803 г. Наполеон объявил о создании «Национальной флотилии» с целью немедленного вторжения в Англию. Историки продолжают спорить, действительно ли Наполеон имел подобное намерение, однако, согласно многим свидетельствам, он, как и Гитлер, сделал бы это, если бы смог.

Так же, как и Гитлер, он обладал решающим превосходством в сухопутных силах, которые в случае удачной высадки могли просто «затопить» остров. Еще в 1797 г. была предпринята попытка завоевания Ирландии, но ее сорвал шторм. Поднятое на следующий год при подстрекательстве Франции Ирландское восстание англичане жестоко подавили. Разбили они и высадившийся два месяца спустя французский десант. Ирландский вариант оказался тупиковым, и не мог стать иным, во всяком случае до тех пор, пока морские подступы к Британским островам контролировал Королевский флот. Еще в начале XII века, когда мятежным баронам удалось на короткий срок утвердить в Вестминстере французского правителя³, последовавшая в будущем году вспышка английского патриотизма привела к полному уничтожению французского флота в сражении при Кале. С тех пор Франция, какого

¹ 1—2 августа у Абукира 1798 г. во время Египетской экспедиции Наполеона Бонапарта английский флот под командованием контр-адмирала Г. Нельсона разгромил французский флот, и армия Бонапарта оказалась отрезанной от Франции.

² В Копенгагене Нельсон без объявления войны напал на нейтральную Данию, имевшую несчастье обладать флотом. Эта операция в точности подобна «Катапульте» 1940 г., но непонятно, при чем здесь французы (*прим. ред.*).

³ Имеется в виду приглашение баронами, восставшими против Иоанна Безземельного (1199—1215), на английский престол французского принца Людовика.

бы могущества ни достигала она на суше, редко добивалась успеха в морском противостоянии с англичанами.

Тем не менее Наполеон приступил к строительству флота вторжения из более чем тысячи барж. Эти неуклюжие, плоскодонные и не имевшие киля суда идеально подходили для высадки на песчаные пляжи и могли заходить в устья британских рек, однако были совершенно непригодны для плавания в открытом море: даже учения не обходились без крушений и человеческих жертв. Многие британцы воспринимали угрозу вторжения серьезно, но «Правитель Королевского флота» адмирал «Джарви» Сент-Винсент был прав, когда говорил: «Я вовсе не утверждаю, будто французы не могут прийти. Я только утверждаю, что они не могут прийти морем». Сам Наполеон после Египетской кампании признавал: «Не будь англичан, я стал бы императором Востока, но повсюду, где только находится вода, куда можно спустить корабль, они непременно встречаются на нашем пути». Хотя Питт в то время не располагал заслуживавшей внимания армией, британское золото поддерживало противников Франции на континенте, а британский флот неоднократно срывал честолюбивые замыслы Наполеона.

С возобновлением военных действий в 1804 г. Нельсон имел пятьдесят пять кораблей против французских сорока двух, из которых в полной готовности пребывали только тринадцать. Однако Наполеон разыграл рискованную комбинацию: направил эскадру адмирала Вильнева в поход длиной 1400 миль в Вест-Индию, что должно было отвлечь Нельсона и обеспечить французам превосходство сил на Ла-Манше на срок, достаточный, чтобы осуществить вторжение. Наполеон с присущим ему избыточным оптимизмом решил, что для этого хватит двадцати четырех часов. «Мы на борту и в полной готовности», — заявил он своим адмиралам. Все лето 1805 г. Англия Питта (точно так же, как в 1940 г. Англия Черчилля), затаив дыхание, ждала вражеского вторжения, в то время как Наполеон на утесах Булони проклинал «гнусный ветер» и своих адмиралов. Его подвели и люди, и погода. Нужные двад-

цать четыре часа так и не наступили. И снова Наполеон поступил так же, как впоследствии Гитлер: резко изменил направление главного удара и повернул на восток. К концу августа двухсоттысячная Великая армия уже двигалась к австрийским владениям навстречу объединенным силам Австрии и России.

Угроза Британии отпала. Но существовала ли она в действительности? Могло ли «вторжение 1805 г.» завершиться успехом, и стоило ли вообще его затевать? Пожалуй, столь азартный и не склонный беречь солдатские жизни игрок, как Наполеон, вполне мог счесть это мероприятие стоящим риска. Однако королевский флот во всех отношениях (и качествами судов, и выучкой команд, и подбором командиров) превосходил французский настолько, что кости скорее всего выпали бы против него. Трудно было рассчитывать на успех, пытаясь вести игру в стихии, которая и для самого Бонапарта, и для его столь непобедимых на суше маршалов была, да так и осталась, непонятной и чуждой. Приведем знаменитые слова французского адмирала Мохана, сказанные два месяца спустя по поводу Трафальгарской битвы: «Эти далекие, потрепанные ветрами суда, которые Великая армия не удостоивала внимания, стояли между нею и господством над миром».

Заключенная в этих словах истина преследовала Наполеона до самого острова Св. Елены.

После невероятно быстрых переходов и блистательных маневров Наполеон 2 августа 1805 г. одержал под Аустерлицем величайшую из своих побед. Имея всего 73 тысячи солдат и 139 пушек, он наголову разбил объединенную армию Австрии и России, насчитывавшую 85 тысяч человек и имевшую двойное превосходство в орудиях¹. И под Аустерлицем, и ранее при Ульме Наполеон великолепно планировал сражения и отдавал себе отчет в каждом решении, однако на востоке Европы, в глубине вражеской территории, риск был чрезвычайно велик,

¹ Потери союзных войск составили 27 тыс. человек, 180 пушек, 40 знамен.

и в ходе кампании не раз возникала возможность иного поворота событий.

Что, если бы неспешно тащившаяся по дорогам русская армия все же успела соединиться с австрийским генералом Маком до разгрома последнего при Ульме?¹

Что, если бы Россия вступила в войну раньше, и русские полки атаковали растянутые фланги Наполеона?..

Что, если бы под Аустерлицем русский генерал Кутузов не принял решающего сражения, а применил тактику, принесшую ему успех в 1812 г.?..

И что, если бы Наполеон провел битву под Аустерлицем столь же небрежно как ту, которую год спустя дал под Йеной куда лучше вымуштрованным пруссакам?..

Обдумывая все это, я прихожу к выводу, что у истории не раз возникал шанс пойти другим путем. Ход игры мог оказаться иным, нежели то виделось главному игроку. Даже в ходе самого Аустерлицкого сражения был момент, когда успех или неуспех французов полностью зависел от быстроты спешившего из Вены маршала Даву. Но представим себе на месте Даву тщеславного, медлительного и некомпетентного «Belle-Jambe» Бернадота².

¹ Австрийская армия генерала Мака вторглась в союзную Наполеону Баварию, не дожидаясь русских войск. 20 октября французские войска окружили ее и принудили к сдаче в крепости Ульм на территории Вюртемберга.

² Автор несколько пристрастен к Бернадоту, возможно, потому, что последний сделал самую блестящую карьеру из всех маршалов. Англо-американская война 1812—1814 началась в результате стремления Великобритании к подрыву экономики и торговли США и экспансионистской политики определенных кругов США, рассчитывавших захватить территории в Канаде. Американские войска одержали победы на оз. Эри (сентябрь 1813 г.), оз. Шамплейн (сентябрь 1814 г.) и др. Однако английский десант захватил и сжег большую часть Вашингтона (август 1814 г.). В 1814 г. Гент был подписан договор, восстановивший довоенное положение, чье прискорбное поведение едва не стоило Франции победы под Йеной в 1806 г. и кого Наполеон подверг опале у Варгама в 1809 г.

Трудно представить себе, как смог бы перенести Наполеон поражение при Аустерлице. Это означало гибель Великой армии в центре Европы, в тысяче километров от Парижа, а вполне возможно, и собственное пленение! А между тем всего двумя месяцами ранее на другом конце Европы Нельсон нанес ему не менее ошутимое поражение. Со дня провалившейся при Трафальгаре попытки обрести свободу действий в открытом море Наполеон вынужден был при совершении каждого маневра, при принятии каждого решения иметь в виду это ограничение. Вот фактор, который невозможно переоценить.

Поражение французов при Аустерлице могло повлечь за собой еще более серьезные последствия. Уже не потребовалось бы битвы при Ватерлоо, а значит, мир, в котором народам предстояло прожить после нее целое столетие, не стал бы Pax Britannica. Добыв победу силой объединенных под его началом австрийских и русских войск, генерал Кутузов создал бы условия для такого послевоенного устройства мира, какое было бы продиктовано царем Александром. Итогом могло стать укрепление тяготевшей в то время к распаду империи Габсбургов. Существенно, что сама Россия вернулась бы в довоенные границы, разве что несколько расширившись за счет Оттоманской Турции. Совсем иная историческая судьба ждала бы Пруссию. Не подвергаясь военной опасности и не имея необходимости в объединении Германии под своей эгидой, она осталась бы второстепенным государством, едва ли способным угрожать в будущем общеевропейскому миру. Основным политическим результатом Аустерлицкого торжества союзников должно было стать эффективное и быстрое восстановление в Европе *status quo ante*¹.

Как уже отмечалось выше, сражение с пруссаками под Йеной-Ауэрштадтом² было разыграно отнюдь не с

¹ Положение, существовавшее до... (*лат.*)

² Йено-Ауэрштадское сражение произошло 14.10.1806 года и закончилось полным разгромом пруссаков (*прим. ред.*)

безупречностью Аустерлица. Столь же «шероховаты» и последние кровопролитные битвы с русскими при Пресиш-Эйлау и Фридлауде. К тому времени кости при каждом броске падали благоприятно для Наполеона ибо успех порождает успех, победа — победу. Но в более широком историческом плане триумф Наполеона в 1805—1807 гг. таил в себе опасность. Его победы были слишком велики, а унижение противников на континенте — Австрии, России и Пруссии — слишком глубоко для того, чтобы они могли смириться со свершившимся, не помышляя о мести. Возможно, без грандиозного торжества Аустерлица не было бы и никакого Ватерлоо. В 1807 г. будущее державы Наполеона следовало определять уже не генералам, а дипломатам. Точнее сказать, Генри Киссинджеру своего времени, бывшему епископу, ставшему министром иностранных дел, Шарлю Морису Талейрану де Перигору.

Конечно, с утверждением, что не закружись у Наполеона голова от череды казавшихся нескончаемыми успехов, Талейрану было бы легче, можно поспорить, однако победа Пруссии над Францией в 1871 г. убедительно доказала, что из чрезвычайно удачливых полководцев далеко не всегда получают такие же дипломаты. Девятнадцатого июня 1807 г. кавалерия Мюрата вышла к реке Неман, находившейся более чем в тысяче миль от Парижа и являвшейся западной границей России. Послы царя Александра встретили там французов с предложением о прекращении военных действий.

На следующей неделе два государя встретились на середине реки на спешно сколоченном плоту, чтобы договориться о будущем материка. Когда Наполеон взошел на плот, ему было 37 лет и он воистину являлся властелином Европы, однако на свою беду, видимо, мыслил себя, по выражению Томаса Вульфа, еще и «властителем Вселенной». Земли от Гибралтара до Вислы и даже дальше на восток управлялись им или непосредственно, или через его вассалов и ставленников. Как писал Уинстон Черчилль: «Он господствовал над всей Европой... Император Австрии являлся его запуганным и подобострастным са-

теллитом, король Пруссии со своей прекрасной королевой были нищими и чуть ли не пленниками в его свите. Братья Наполеона правили как короли в Гааге, Неаполе и Вестфалии...»

До Аустерлица Наполеон внушал страх, но после Тильзита Европа взирала на него с ужасом. Его завоевания за последние десять лет, бесспорно, не уступали по размаху деяниям Александра Великого. При этом, если Александр вел войска по безлюдным просторам Персии и Индии, справляясь с почти не оказывавшим сопротивления населением, то Наполеон прошел более тысячи миль по враждебной Европе, покоря великие державы и разбивая могущественные армии. Однако здесь трудно не провести тревожную параллель: Александр ставил своей целью не менее чем достижение «Края Света», и остановиться в Персеполисе просто не мог. Поход в Индию через пустыни Персии погубил его.

А мог ли остановиться Наполеон? На плоту посреди Немана у него был выбор. Ему предоставлялась прекрасная возможность мирными средствами закрепить военные успехи. Ничто не мешало ему войти в историю в качестве государя — объединителя Италии, тем более что как корсиканец по крови он был ближе к итальянцам, чем к французам. Милан, один из немногих покоренных городов, где имя Наполеона и поныне окружено почетом, поражает гостей памятниками завоевателю и проспектами, названными в его честь.

Была у него и другая возможность — посвятить всю свою исключительную энергию преобразованию Франции и преображению Парижа. Он хотел, как заявлял сам в 1798 г., сделать его «прекраснейшим городом мира, самым красивым не только из когда-либо существовавших, но и из тех, что будут существовать».

«Я желал сделать Париж городом с двумя, тремя или четырьмя миллионами населения, чем-то изумительным, грандиозным и до наших дней никогда не существовавшим... Если бы небеса даровали мне еще двадцать лет и немного свободного времени, вы бы тщетно искали старый Париж».

Но изо всех его широкомасштабных строительных проектов в жизнь воплотились лишь немногие, а мечта превратить Париж в гигантский монумент величию и славе его правления не суждено было сбыться именно из-за непомерности его военных амбиций.

Тильзит оказался для Наполеона порогом, последней возможностью сделать правильный выбор до того, как ему изменит удача. Вернувшись к Неману всего пять лет спустя, он был на пути к своему первому великому поражению и последовавшему за этим закату.

Коварный и проницательный Талейран понимал важность верного выбора и опасность неверного гораздо лучше своего императора. Он выступал против навязывания побежденным противникам унижительных условий мира. Особенно бесцеремонно (наложив тяжелейшие репарации и расчленив все ее территории к западу от Эльбы) Наполеон обошелся с гордыми пруссаками. Это привело к росту национального самосознания, способствовавшего всем победам Пруссии над Францией начиная с 1813 г. Не уязвленная ли гордость заставила Пруссию возглавить объединенную Германию и жестоко посчитаться с Францией в 1870, 1914 и 1940 гг.

Талейран надеялся на великодушие Наполеона по отношению к Австрии, что могло обеспечить равновесие сил в Восточной Европе и сделать эту страну барьером против России, ибо в конце концов злополучный австро-русский союз 1805 г. являлся случайным и противоестественным. Но вместо этого Австрия, как и Пруссия, оказалась оскорбленной и мечтающей о возмездии.

Россия после Тильзита стала формально союзницей Наполеона. Однако и она чувствовала обиду и раздражение. Воссоздание у самых границ России, на землях, традиционно считавшихся сферой ее влияния, Польского государства (Великого Герцогства Варшавского) Александр воспринял так же, как Ельцин в 1990-х гг. расширение НАТО на восток. Союз, заключенный Наполеоном в интересах продолжения его кампании против Британии, являлся искусственным и непрочным. Наполеон заставил царя присоединиться к направленной на удушение Анг-

лии «континентальной блокаде», но тот пошел на это без малейшей охоты¹.

Такого рода комбинации отнюдь не устраивали Талейрана, больше всего стремившегося положить конец пятнадцатилетней войне, разорвавшей Францию еще со времен Революции. В его глазах оставивший Францию без друзей Тильзитский мир являлся не более чем прелюдией к новой войне, и он не ошибался. Недовольный развитием событий Талейран по сути решился на измену, предложив свои услуги царю². Правда, сам дипломат отвергал все обвинения, заявляя, что это был лишь «вопрос времени» — казалось предпочтительным предать Наполеона прежде, чем тот погубит страну. А в Париже известие о заключении Тильзитского мира было встречено с явно большим восторгом и ликованием, нежели того заслуживало.

Но чего мог бы добиться Наполеон, последовав в Тильзите рекомендациям Талейрана? Опираясь не на военное принуждение, а на убеждение и дипломатию, он мог распространить некоторые привлекательные административные аспекты бонапартистской системы на всю Европу. Это с течением времени создало бы возможность установления над важными для британской экономики рынками куда более эффективного контроля, нежели жесткая «континентальная блокада», бившая по партнерам Франции на материке куда большее, чем по Англии.

В стратегическом плане у него имелась возможность добиться поддержки царя в организации угрожавшего самой основе британского владычества в Индии похода через Турцию и Ближний Восток. Мечта о таком походе посещала Наполеона еще со времен неудачной Египетской кампании 1798 г., и в этом вопросе он вполне мог встретить понимание России, чьи интересы постоянно

¹ Обещания Наполеона в отношении Турции также остались обещаниями. (*Прим. ред.*)

² Это произошло в осень 1808 года во время свидания императоров в Эрфурте. (*Прим. ред.*)

пересекались с британскими в Центральной Азии¹. На Ближнем Востоке Наполеон не встретил бы серьезного противодействия, а ислам, вполне вероятно, сумел бы поставить на службу интересам своей империи, определив ему место в одном строю с прочими религиями.

Впрочем, мы вправе вспомнить о судьбе воинов Александра Великого, во множестве сгинувших от болезней в страшных пустынях Персии и Белуджистана. То же могло случиться и с солдатами Великой армии — да и случилось, только не в песках, а на необозримых просторах России. К тому же при сохранявшемся господстве Британии над морями любые растянутые коммуникации неизбежно становились уязвимыми — их можно было бы перерезать, скажем, посылкой судов к Босфору или предусмотрительной высадкой десанта в Леванте. Да и Оттоманская империя могла преподнести сюрприз, оказавшись отнюдь не уступчивой и вовсе не бессильной.

Размышляя о «ближневосточном выборе», мы вправе задаться вопросом о возможных его последствиях для палестинских евреев. Во Франции Наполеон проявил серьезный и (даже по сегодняшним меркам) прогрессивный подход к еврейскому вопросу. Во время ожесточенной осады Акры (где королевский флот также основательно подпортил ему настроение) он издал прокламацию, торжественно провозглашавшую, что евреи имеют такое же «право на политическое существование, как и любая другая нация». Это никогда не было забыто. Могла ли переориентация Наполеона на Средний Восток привести к реализации еврейских национальных устремлений в Палестине на столетие раньше возникновения государства Израиль? Впрочем, не стоит забывать о том, какая пропасть лежала между обещаниями, дававшимися Наполеоном, скажем, полякам, и их исполнением. Геополитика значила для него куда больше, чем верность слову и принципам.

¹ Автор забегает вперед приблизительно на 50 лет. В 1806 году Россию интересовали только турецкие проливы и Закавказье. (*Прим. ред.*)

Однако в Тильзите Наполеон отринул все эти возможности, и не исключено, что измена Талейрана ознаменовала собой важнейший поворот в его судьбе. Как неоднократно признавался он сам уже в ссылке на острове Св. Елены, Тильзит, вероятно, был прекраснейшим его часом.

Попытки залатать дыры в «континентальной блокаде» привели к тому, что не прошло и нескольких месяцев после Тильзита, как Наполеон совершил свою самую крупную стратегическую ошибку. Португалия, старейший союзник Англии, оставалась ее последним бастионом в материковой Европе. Бонапарт решил уничтожить этот бастион, однако путь к нему лежал через Испанию. Оккупировав ее, он создал себе проблему, оказавшуюся неразрешимой¹. Спротивление ему вылилось в партизанскую войну, победить в которой почти невозможно. Непокорные испанские войска получили сильную поддержку в виде девятитысячного (и это было только начало) экспедиционного корпуса под командованием сэра Артура Уэлсли (будущего герцога Веллингтона). В разверзшейся по вине самого Наполеона войне, получившей название «испанская язва», англичане открыли свой «второй фронт». К концу 1809 г. в войну на Иберийском полуострове оказались втянутыми 270 тысяч отборных наполеоновских солдат, что составляло три пятых всех его сил. Это неизбежно повлекло за собой кардинальное изменение отношений с Россией. В Тильзите Наполеон продиктовал побежденному Александру свои условия, а по прошествии менее чем года оказался вынужденным просить того продемонстрировать дружеское расположение, удерживая в узде Австрию².

Между тем Австрия энергично перевооружалась, мечтая отомстить за Аустерлиц. Если мы спросим, мог ли

¹ Летом 1808 года Наполеон вероломно арестовал находившуюся у него с визитом испанскую королевскую семью и провозгласил королем своего брата.

² На свидании в Эрфурте Наполеон предлагал России участвовать в войне с Австрией в обмен на часть австрийских земель. Александр на это не согласился.

Наполеон повести себя иначе на Иберийском полуострове, то ответ будет один — несомненно. Он мог попросту не вступать на испанскую территорию. Перекрыв границы на Пиренеях, Наполеон предоставил бы гордым, националистически настроенным испанцам самим разбираться с британской авантюрой. В конце концов, испанцы не забыли о том, что у Трафальгара Нельсон топил и их корабли, так что не исключено, что, не случись французов, ибрийцы, прервав дремоту, обратили бы свой гнев против англичан¹. Беда заключалась в том, что Наполеон никогда не умел вовремя остановиться. Между тем нарастающие экономические проблемы и падение духа народа в самой Франции подтолкнули его к излюбленному решению диктаторов: отвлечь нацию от реальных невзгод, бросив в погоню за манящим призраком Славы.

Летом 1809 г. Наполеон оказался в состоянии войны с восстановившей силы Австрией. При Ваграме², недалеко от Вены и Аустерлица, он одержал последнюю свою большую победу, но заметную роль в ней сыграли иностранные, главным образом саксонские и итальянские рекруты, па которых едва ли можно было положиться в трудную минуту. К тому же, в отличие от Аустерлица, Ваграм не стал ни решающей, ни окончательной победой. Австрия оправилась довольно скоро. Тени сгущались, вражеские генералы учились.

С каждым последующим годом Королевский флот все туже затягивал удушающее кольцо блокады вокруг европейских портов³. В 1806, 1810 и 1811 г. Францию поража-

¹ Гибралтарская проблема также не улучшала англо-испанских отношений. (Прим. ред.)

² 5—6.7.1809 года. (Прим. ред.)

³ 4. «...Королевский военно-морской флот все туже затягивал удушающее кольцо блокады вокруг европейских портов». Блестящее фундаментальное исследование вопроса о последствиях «континентальной блокады» и английской блокады материка на русском языке см.: *Тарле Е.В.* «Континентальная блокада. I. Исследования по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона I» — Соч.: В 12 т. — М., 1958. — Т.3 (1-е изд. — М., 1913); *Он же.* Экономическая жизнь королевства Ита-

ли экономические кризисы, и Наполеону следовало бы внять этим предостережениям. В 1810 г. 80 процентов импортируемой Англией пшеницы проскользнуло в Англию с территорий, контролируемых Наполеоном, причем часть ее поступила из самой Франции. В то же время для обеспечения Великой армии шинелями и сапогами наполеоновским квартирмейстерам приходилось тайком нарушать им же установленный запрет на торговлю с Британией. В том же самом году из 400 сахарных заводов Гамбурга работали только три. Но наибольший урон от «континентальной блокады» несла Россия, которая со временем стала ею почти открыто пренебрегать. К лету 1811 г. в портах России побывало 150 английских судов, ходивших для видимости иод американским флагом. Наполеон не мог оставить без внимания столь дерзкое нарушение его воли. Грозовые тучи сгущались, а разразившийся в январе 1812 г. хлебный кризис создал дополнительную мотивацию для похода на восток.

Однако 1811 г. оказался весьма опасным и для Англии, где неурожай совпал с общим экономическим кризисом. Вышло так, что в 1812 г. небеса предоставили Наполеону уникальный шанс — в июне американский конгресс объявил Англии войну. Этот нелепый и крайне нежелательный, во всяком случае для англичан, конфликт явился прямым следствием деспотизма, проявлявшегося Британией в осуществлении морской блокады наполеоновской Европы. Но к тому времени, когда император мог бы воспользоваться неожиданно возникшей возможностью, он уже возвращался во Францию, потерпев поражение в России.

Что, если бы вместо похода на восток Наполеон в 1812 г. сосредоточился на взаимоотношениях с западом, причем поставив во главу угла не военные, а дипломатические усилия? Что, если бы он по-прежнему мог полагаться на Талейрана? Во время Французской революции Талейран два года жил в Филадельфии и имел

лии в правление Наполеона I. (Континентальная блокада. II) — Соч.: В 12 т. — М., 1958. — Т.4. — С.9-312 (1-е изд. — М., 1916). (Прим. ред.)

представление о движущих мотивах американской политики. Поскольку на морях господствовала Англия, Наполеон не имел возможности оказать американцам серьезную военную помощь, но они были бы благодарны ему за моральную и дипломатическую поддержку борьбы против диктаторских замашек «владычицы морей», их бывшей метрополии. Игра стоила свеч. Давайте подумаем и еще об одном возможном результате. В ноябре 1814 г. герцогу Веллингтону предложили пост главнокомандующего английскими силами в Северной Америке. Резко отрицательное отношение к этой войне побудило его ответить отказом, чего, возможно, и не случилось бы, выступи Наполеон на стороне американцев. Отказ Веллингтона явился большой удачей для Британии, так как борьба с бывшими колониями закончилась вничью всего через несколько недель после этого. Но сделай Веллингтон другой выбор, будущее Европы оказалось бы поставлено на карту, когда герцог находился бы в трех тысячах миль от места событий. Это могло бы произойти, сумей американцы создать серьезную угрозу Канаде, и особенно Квебеку.

Весьма вероятно, что Веллингтон сумел бы нанести американцам решающее поражение. Подумаем, не ввело бы это англичан в искушение возратить себе значительную часть бывших колониальных владений в качестве репараций, как бы вернуться в 1775 г.? Нам это представляется маловероятным: Англия не желала увязнуть в Новом Свете, и боевые действия в 1812 г. вела весьма вяло. Ее несомненным приоритетом являлся Наполеон.

Вышло так, что некоторые из полков Веллингтона, очень нужные под Ватерлоо, возвращались из-за Атлантики как раз накануне этого сражения. Ну а результаты отсутствия на поле боя самого герцога предсказать легко: лучшего подарка для Наполеона невозможно вообразить.

А у последнего к ноябрю 1812 г. дела шли отнюдь не лучшим образом. Наполеон дошел до Москвы и разрушил её. Но он не сделал того единственного, что могло дать ему преимущество в противостоянии с царем — не освободил

русских крепостных крестьян. Вынужденный повернуть обратно, он вернул лишь 93 000 солдат из 600 000, переправившихся в июне 1812 г. через Неман, да и то в самом жалком состоянии. Империя вернулась в границы, существовавшие до Тильзита, а действовавший в Испании Веллингтон уже угрожал рубежам самой Франции.

Вывод прост: Наполеон допустил ошибку, когда напал в 1812 году на Россию, имея в тылу непокоренную Испанию. (Впоследствии так же ошибся Гитлер, напавший на Сталина, оставив за спиной непобежденную Англию.) А по большому счету Наполеону вообще не следовало соваться ни в Испанию, ни тем более в Россию. В следующем, 1913 году объединенные силы Австрии¹, Пруссии и России впервые за всю историю наполеоновских войн сумели загнать в угол и разбить Великую армию в «Битве народов» под Лейпцигом.

За этим поражением последовали другие, теперь уже на земле Франции. Однако даже тогда Наполеону было еще не поздно остановиться: по меркам своего времени, союзники выдвигали сравнительно мягкие условия и во всяком случае не посягали на историческую и географическую целостность Франции². Однако Наполеон предпочел продолжить борьбу, тщетно уповая на то, что его «звезда» совершит чудо. Чуда не произошло: в апреле 1814 г. ему пришлось отречься и отправиться в свою первую ссылку, на остров Эльба неподалеку от Корсики. Однако спустя десять месяцев он ускользнул, высадился на юге Франции и стремительно двинулся на север, к Парижу. Начались знаменитые «Сто дней». Казалось, долгожданное чудо все же свершилось.

¹ 26 июня 1813 года Австрия предложила посредничество в заключении мира на условии передачи Австрии — Иллирии, Пруссии — Данцига, России — великого герцогства Варшавского и очищения городов Гамбург и Любек. Предложение было отвергнуто, и 10 августа Австрия объявила войну Наполеону. (*Прим. ред.*)

² В феврале 1814 года союзники предлагали Наполеону мир на условиях возврата в границы 1792 года, но он отверг эти предложения. (*Прим. ред.*)

И вот в июне 1815 г. под Ватерлоо все уже в который раз оказалось поставленным на карту. Согласно часто цитируемым словам самого «железного герцога»: «Это была такая гонка наперегонки, какой вы не видели». Но окажись он не во главе армии, а, как вполне могло случиться, в Канаде, Блюхер почти наверняка не совершил бы свой прославленный бросок на помощь союзнику, и битва под Ватерлоо, с той же степенью вероятности, была бы проиграна.

Правда, стоит отметить, что победа в этом сражении отнюдь не означала бы полное торжество Наполеона. Огромные свежие силы России, Австрии и германских государств уже двигались к французским границам, и за Ватерлоо несомненно последовало бы другое сражение, а возможно, и не одно. Но и окажись в конечном итоге Наполеон побежденным, победа, одержанная без участия англичан, принадлежала бы не им, а континентальным державам. Исходя из этого условия будущего мира предстояло бы выработать не Британии, а политикам держав Центральной Европы (России, Австрии и Пруссии), среди которых ведущую роль играл Меттерних. Будущее столетие несомненно выглядело бы по-иному, однако мы можем лишь гадать, был бы это век разброда и шатания (а не завещанной Ватерлоо стабильности), или же победители все же сумели бы обеспечить длительный мир, выработав свою форму «европейского концерта».

Но каким могло стать в этом уравнении место Америки? В какой мере развитие событий по альтернативному сценарию способствовало бы скорейшему включению недавних колоний в орбиту мировой политики? Предположим, что Англия потерпела сокрушительное поражение в июне 1815 г., или на Среднем Востоке, или в Индии, или после Тильзита не выдержала бы организованной Наполеоном «континентальной блокады» — чем любой из этих вариантов мог обернуться для молодых Соединенных Штатов? С известной степенью уверенности можно предположить, что необходимость, неблагоприятные внешние условия и общие интересы сблизили бы бывшие колонии и лишившуюся могущества бывшую метрополию — как и произошло в 1940 г.

Главная беда всех этих вариантов, сценариев, альтернатив, контрафактов и прочих «Что, если?» состоит в полнейшей зависимости их всех от характера самого Наполеона. Невольно вспоминаются слова Кассия, сказанные о Цезаре в «Юлии Цезаре» Шекспира: «Беда, дорогой Брут, не в наших звездах, а в нас самих...»

Однако Наполеон никогда не мог заставить себя признаться виноватым в собственных неудачах и упорно возлагал вину на других. Если позволить себе вновь процитировать Шекспира, он, подобно Гамлету, мог бы «...считать себя королем бесконечного пространства, когда бы... не было дурных мечтаний».

«Дурные мечтания» Наполеона — это не что иное, как стремление к нескончаемым завоеваниям. Подобно большинству завоевателей и до и после него, он просто не знал когда (и как!) можно остановиться, что прекрасно понимал Веллингтон.

«Завоеватель, — как-то заметил герцог, — подобен пушечному ядру. Он должен продолжать полет». Именно это заставило Талейрана разочароваться в Наполеоне и переметнуться к царю. Тильзит предоставил Наполеону последнюю возможность связать свое имя с длительным и прочным миром, однако характер не позволил ему не только ухватиться за эту возможность, но даже ее заметить. Впрочем, даже не упусти он ее, никто не в силах ответить, как долго позволили бы ему униженные, побежденные народы Восточной Европы, Пруссии, Австрии и России — пользоваться достигнутым.

Девяносто лет назад подающий надежды молодой английский историк Джордж Тревилльян выиграл конкурс, объявленный лондонской «Вестминстер Газетт» и получил премию за эссе под заголовком «Если бы Наполеон выиграл битву под Ватерлоо» (впоследствии он станет одним из самых известных историков в своем поколении). Как видится это Тревилльяну, инстинкт самосохранения побудил бы одержавшего победу, но истощенного бесконечной войной и донимаемого призывами к миру в рядах армии императора предложить своему главному врагу — Англии — «неожиданно мягкие» условия мирного договора. В результате Россию ожидало бы изгнание из Европы,

немцев — участь «самых спокойных и верных подданных Наполеона» (эти слова написаны за пять лет до 1914 года!), а Британию — изоляция¹.

В этой схеме можно увидеть намек на политическое устройство Европы, возможно, довольно близкое к мечтаньям Шарля де Голля или современных брюссельских технократов.

¹ Факт интересный с точки зрения оценки настроений в английском обществе начала XX века. В остальном сценарий более чем сомнительный с точки зрения самосохранения англичан. Поражение при Ватерлоо было бы для них далеко не первой неудачей на суше, и переоценивать эффект поражения, в котором обвинили бы Блюхера, не стоит. Россия же была настроена бороться с Наполеоном, невзирая на его попытки раскола коалиции, и русская армия в дело еще не вступала. (Прим. ред.)

Вальтер Скотт

**ПИСЬМА
ИЗ ЕВРОПЫ**

ПИСЬМО II¹

Пол — Майору, своему брату

После того высокого мнения, кое внушили мне частые и подробные рассказы ваши о славной крепости Бергопзом, бывшей некогда театром Ваших воинских подвигов, я должен признаться, что вид ее совершенно обманул мое ожидание.

Благодаря газетам и любопытным рассказам вашим о военных экспедициях я довольно знаком с терминами новейшей фортификации: бастионы, полумесяцы, куртины и палисады всегда представлялись моему воображению столь же благородными и поэтическими, как замки, высокие башни и другие древние укрепления. При всем том сомневаюсь, буду ли я всегда говорить о них с такой же почтительностью.

Некоторые рассуждения о началах фортификации и средствах употребляемых ныне для обороны, ослабили во мне сие уважение; однако же я не ожидал, чтобы самое крепкое место в Голландии и, может быть, во всем известном мире, образцовое творение

¹ Отрывок из Вальтера Скотта, «Письма мистера Пола своему семейству», перевод Ж. д'Жерве, СПб, типография Бородина, 1835 г.

Кегорна, — представилось взорам иностранца столь незначительным. Из всех английских поэтов, кажется, один Кэмпбелл отважился употребить технические выражения новейших фортификаций; вы, конечно, позволите мне припомнить несколько стихов любимого автора:

«Башня, подобная штандарт-юнкеру, страшила скитающееся войско».

Подъемные мосты, под обширными сводами коих раздаются удары почтальонова бича; усатый часовой останавливает его, спрашивает паспорт и записывает имя; таким образом всякий иностранец, столь же безвинный в своих намерениях, как и я, не прежде может въехать в город, как после всех этих предосторожностей. Это только детское впечатление; однако же никакой англичанин не может удержаться от негодования, видя себя подверженным столь странным предосторожностям.

Напрасно было бы говорить, что сей порядок есть дело обыкновенное во всяком укрепленном месте и что путешественник скоро привыкает к нему; но я упомянул об этом, надеясь, что описание первого впечатления моего при въезде в город будет для Вас любопытно. Сии страшные укрепления скоро будут бесполезны и, вероятно, останутся без всякого надзора — Бергопзом¹ был важной пограничной крепостью, когда принцы Оранские именовались еще штатгальтерами Соединенных Провинций; ныне же он служит средоточием Голландии с тех пор, как она соединилась в одно государство. Он охраняется корпусом Ланд-Фолии, сходным с нашим территориальным ополчением. Все силы Голландии отряжены на границу Франции, и еще набирается новое войско с тем же намерением.

Вечеру получил я от коменданта позволение прогуляться на валах — театре первых подвигов Ваших; но простите, что внимание мое более всего занято было достопамятным приступом неустрашимого согражданина нашего лорда Линдона, над храбростью которого восторжество-

¹ На современных картах — Берг-он-Зом.

вал случай в то самое время, когда успех казался несомненным.

Во время прогулки сопровождал меня один городской житель — родом из Шотландии, — очень хорошо говоривший по-английски. Он показывал мне все места, замечательные по приступам или по смерти какого-либо храброго начальника. Я не мог слепо верить всем рассказам его: Вы сами знаете, как трудно достать верные подробности о подобных предметах даже от очевидцев, каковы же должны быть повествования, полученные, так сказать, через другие руки?.. Впрочем, в некоторых обстоятельствах можно было поверить ему потому, что они почти всем известны.

Надобно заметить, что история кратко упоминает о многих достопамятных военных действиях; но в рассуждении сего приступа должно сказать, что англичане восторжествовали было над французами, но случай соделал все усилия их бесполезными. И действительно, осаждавшие овладели уже большей частью бастионов, и если бы успели соединить силы свои и таким образом произвести генеральный приступ, то город был бы взят. Уверяют даже, что французский генерал отправил своего адъютанта для предложения капитуляции, но, замешанный в свалке, тот был убит, а в это время обстоятельства французов поправились, почему командант и не повторил своего предложения.

Полагают, что беспорядок произведен солдатами, кои, войдя в город, рассеялись по питейным домам. Проводник мой упорно отвергал сие нарушение воинской дисциплины; он говорил, что одна из колонн, назначенных к переправе через морской рукав, тщетно покушалась перейти его во время отлива и принуждена была идти вброд, когда вода поднялась довольно высоко; что по причине жестокого холода и мокроты солдаты могли казаться пьяными; но что из всех пленных, запертых в церкви, при которой он был педелем, не заметил он ни одного пьяного.

Участь одного бельгийского офицера в нашей службе, отряженного для взятия бастиона, заслуживает особенного внимания. Он шел впереди отряда с величайшей неустрашимостью, и хотя большая часть солдат его разбежалась или пала от огня неприятельского (ибо осаждаемые

были при своих местах), он спустился в главный ров, перешел его по льду и с горстью храбрых товарищей проник во внутренние укрепления; достигнув гласиса и изнурившись от ран, он упал в ров. Солдаты не могли вытащить его, и он остался на льду до следующего утра, пока французы не нашли его еще живым и не взяли в плен. Они хотели было казнить его как изменника, но по убеждению нашего генерала, объявившего, что сей офицер с давнего времени находится в английской службе, оставили свое намерение. Тогда сей несчастный получил позволение переехать из госпиталя в собственный дом, где вскоре и умер от ран.

Я не преминул посетить то место, где Скеррет, Говард, Мерсер, Карлтон и другие отличные офицеры пали во время сего неудачного приступа. Говорят, что генерал Скеррет, получив тяжелую рану, отдавал рядовому французу часы и кошелек, прося его перенести себя в госпиталь; но жестокосердый солдат отвечал ему ударом штыка.

В то самое время, как я, слушая рассказ о сем несчастном сражении, печально ходил по бастионам, удивлялся крепости валов, едва не завосвавшихся мужественными англичанами, и оплакивал падших героев, — ночь, нечувствительно наступившая за сумерками, покрыла нас мраком, столь согласным с моими меланхолическими размышлениями. Сверкающая молния, пронзая мрак интервалов, освещала по временам бастионы, через которые мы проходили. Вид высокого и сухощавого проводника моего, человека уже преклонных лет, который, судя по голосу и телодвижениям, живо тронут был воспоминанием сих печальных событий, был точно такой, какой воображение могло представить для изображения их повествователя. Несколько капель дождя, изредка падающих, отдаленный звук барабана, возвещавший смену, грубое и сиплое «*la merde*», произносимое часовыми, — довершали впечатление сего зрелища. Уверяю вас, что это не выдумка, помещенная для украшения письма, но верное изображение прогулки моей по валам Бергопзома.

Я думаю, что Вы теперь занимаетесь приготовлением к болотной охоте; желаю Вам вполне насладиться оной. Берегите для меня местечко в вашей дружбе, а я постараюсь платить Вам частыми историями: это единственная выгода путешествия. Следующее письмо мое будет гораздо занимательнее, заключаая в себе подробности последних важных событий.

Не могу пропустить также, что в Бергопзомской церкви положен нашими офицерами мраморный камень, на котором вырезаны имена героев, погибших при сем достопамятном приступе. Всякий истинный англичанин, оплакивая прах воинов, мысленно посвятит подле памятника им, воздвигнутого и падшим при Фонтенуа, славные эмблемы чести и патриотизма.

Еще раз — прощайте, вспоминайте обо мне.

ПИСЬМО III

Пол — своему двоюродному брату Питеру

Твоя политика, любезный брат, есть, так сказать, отголосок политики шотландской. Ты знаешь лучше всех нашу старую характеристическую поговорку: «Получив успех в деле, будь осторожен». Но сия осторожность, относясь более к прошедшему, нежели настоящему времени, может быть хорошим правилом только в расчетах деревенского политика.

Хотя союзники успели низвергнуть с трона опасного властителя Франции, однако же сия держава имела еще довольно сил, чтобы рано или поздно произвести ужасную бурю. Прошлогодние происшествия редко занимают вас, и потому ты, конечно, позволишь мне упомянуть о важнейших из них. Первое взятие Парижа было столь сомнительно и сопровождалось столькими затруднениями, что победа, увенчавшая сию кампанию, казалось, произвела не столько радости, сколько удивления в самих победителях. Сие великое событие почиталось более исполнением странных надежд, нежели натуральным следствием взаимной борьбы, которое привело ныне союзников ко вратам Па-

рижа, так точно как прежде Бонапарта ко взятию Вены и Берлина. Довольные собственными успехами, победители не имели никаких причин к наложению тягостных условий на побежденных; французы со своей стороны с неизъяснимым удовольствием видели себя изъятими от всех ужасов внутренней и внешней войны, как-то: осады, грабительства и контрибуции.

Тягостные налоги и конскрипции, особенно беспрепятственные неудачи Бонапарта, сделали правление его ненавистным народу. Характер правления Бурбонов, при вступлении во Францию, был неоцененным благом не только для тех, кои восставали против деспотизма, но он еще мог рассеять сомнения многочисленного класса граждан, желавшего, чтобы бедствия и ужасы революции не вовсе были бесполезны. Политическая лаборатория, откуда долженствовало выйти равенство прав, разразилась в руках сих неблагоразумных испытателей; однако ж они утешались привилегиями, в коих король обнадежил их при своем утверждении.

«Хотя алхимик не находит важной тайны своей, не существующей ни в науке, ни в природе, зато открывает другие предметы, кои вознаграждают труд его: следовательно, его опыты не совсем напрасны».

Таким образом все партии удовлетворяли себя и других, и занятие столицы, почитаемое окончанием несчастий, понесенных Францией, было предметом всеобщей радости, в которой парижане приняли или старались принять участие, так же как их гости. Но сие спокойствие общественного духа, столь благоприятствовавшее миру, было непродолжительным: французы вскоре начали изъявлять признаки сожаления и негодования.

Первым поводом к неудовольствию были жалобы высшего дворянства и духовенства.

При утверждении Карла II английские дворяне, участвовавшие в революции по вине отца его, были совсем в ином положении, нежели французские эмигранты. Некоторые из них пали на поле сражения, другие погибли на эшафоте по приговору самовластного похитителя; но большая часть обедневших от сборов и конфискаций

находилась еще при своих землях и пользовалась правами собственности; их влияние, хотя и слабое, было заметно, и если бы они соединились в одну отдельную партию, то могли бы поддержать свои требования. Но чрезвычайное благоразумие и откровенность Ормонда, Кларендона и других главных начальников разрушили план обманчивого и гибельного их предприятия. Опасность от противоборства заранее не была объявлена народу республиканцами; он узнал о ней уже из манифеста роялистов, в котором они отрицались от всякого мщения и самолюбивых замыслов и приписывали все свои бедствия не особенному какому-либо классу граждан, но гневу Всемогущего, который ниспослал на главу их наказание, как за собственную вину их, так и за погрешности всего народа.

Таково было объявление английского дворянства в сей перелом.

Французские же дворяне, пережившие восстановление Бурбонов, не имели никакого влияния; несмотря на то они объявили требования, гораздо важнейшие, нежели английские аристократы при утверждении Карла II. Конечно, несправедливо обвиняют их, будто они ничему не выучились и ничего не забыли во время продолжительного своего изгнания. Однако должно удивляться их желанию составить собой особенный класс, отличный по своей верности и страданиям за короля.

К сим смешным требованиям французских эмигрантов присоединилась совершенная невозможность поддерживать оные: многолетнее изгнание прервало все сношения их с отечеством. Они разделились на многие классы, и старые изгнанники, покушавшиеся восстановить трон королевский оружием, взирали с презрением и ненавистью на новых, коих извергало каждое потрясение Французской революции. Из них мало было людей с отличными талантами; изгнанные в зрелых летах уже состарились; бежавшие же из Франции в юном возрасте, находясь долгое время между иностранцами, не знали нравов и обычаев своего отечества; и вообще ни те ни другие не имели практической опытности в делах общественных.

Итак, в сей партии не было мужей, отличных по своему происхождению; верности и особенной преданности к Людовику XVIII; он не мог избрать из них деятельных агентов для производства общественных дел. Между ними находились многие, достойные украшать двор, а не защищать его. Но должно ли удивляться, что люди, разделявшие бедствия своего монарха и явившие столько усердия и преданности к его особе, были приближены к нему при перемене счастья? Должно ли удивляться, что Людовик, взойдя на трон, сохранил любовь доброго и признательного государя к тем из своих подданных, которые соединены были с ним:

*И верностью в судьбине злой,
И дружбой искренней, святой.*

Один эмигрант, муж отличного достоинства, разбирая подозрения против монарха, осмелился сказать, что для надежной твердости трона, король должен продлить еще на десять лет силу закона об изгнании эмигрантов. Напрасно защитники Людовика старались заметить народу, что король был весьма далек от пристрастия к эмигрантам; многие думали, что он ожидал только минуты утверждения своей власти, чтобы удовлетворить их требования. Сии подозрения, поражавшие умы легковерных, подкрепляемы были недоброжелателями, которые пугали мирных поселян отдаленным звуком феодальных цепей; между тем как неизвестность насчет собственности тревожила многочисленных и сильных стяжателей национальных земель.

Всеобщая ненависть к духовенству и опасение, чтоб оно не потребовало церковных имуществ, возбуждали еще большее негодование, нежели мнимое пристрастие короля к эмигрантам.

Благочестие, отличавшее короля и графа д'Артуа во время их несчастья, не переменилось и по восстановлении трона Бурбонов: оно имело приметное влияние на служителей церкви.

Жалкое состояние общественного духа было причиной того, что их поведение, столь почтенное само по себе,

казалось в глазах ослепленного народа недостойным уважения. Помещики опасались учреждения прежних податей; бедные работники и купцы смотрели на запрещение работы по воскресеньям как на налог, обременяющий их трудолюбие; похитители церковных имуществ еще более боялись усердия священнослужителей, отказывавших им в причастии; протестанты Южной Франции с ужасом вспоминали гонения, которые они претерпевали, и страшились возобновления оных.

Многие боялись нового порядка, который мог произойти от влияния духовенства и дворянства; партия сих людей состояла из защитников старой демократии, кои называли себя конституционастами, а впоследствии либералами. Первое название приняли они по причине жаркой преданности своей конституции, а второе по причине мнимого превосходства над всеми старыми предрассудками. Между ними находили убежище все те, кои после продолжительного сопротивления Бурбонам принуждены были наконец покориться Людовику XVIII и которые провозглашали, что они склонились не под иго власти королевской, но под покровительство изданной им конституции. К сей партии присоединились еще люди, игравшие важную роль во время революции, и отличившиеся превосходными талантами и опытностью в делах политических.

В числе их был и знаменитый Фуше, герцог Отрантский, который, находясь долгое время в должности министра полиции при Бонапарте, хорошо знал все интриги французов. Впрочем, все заставляет думать, что он не желал сделать противную партию жертвой революции, а хотел только произвести бурю в тюильрийском кабинете.

Когда Наполеон приближался к Лиону, Фуше требовал у короля аудиенции для изъяснения некоторых важных дел. Людовик отказал ему в свидании и вместо одного отправил к нему двух дворян для узнания его предложений. Фуше напомнил королю о предстоявшей опасности и обещал, на некоторых условиях, остановить успехи Бонапарта; посланные спрашивали, в чем состояли средства, кои хотел он употребить для сего дела; он не заблагорас-

судил открыть их, однако же ручался за их действительность. Одно из условий, предложенных им, состояло в том, чтобы герцога Орлеанского наименовать главнокомандующим всех войск, а ему вверить главное внутреннее управление. Это предложение было отвергнуто; но особа, от которой я слышал сей анекдот, уверяла меня, что Фуше мог сдержать свое слово.

Получив отказ, герцог Отрантский соединился со своей партией и приступил к заговору.

В следующем письме буду я говорить об армии: положение оной при Бурбонах заслуживает особенного внимания.

Прощай, любезный друг, не забывай обо мне.

ПИСЬМО IV

К нему же

Последнее письмо мое окончил я некоторыми замечаниями насчет конституционистов или либералов, которые по разным причинам противились мерам Людовика XVIII, не имея, впрочем, никакого намерения способствовать видам Бонапарта. Их, вероятно, поддерживала партия недозвольных явным присоединением армии к генералу, под предводительством которого она столько раз побеждала. Никто не умел так искусно снискивать и сохранять приверженность войска, как Бонапарт; осторожный и строгий в словах, суровый и неприступный в обращении с другими подданными, он всегда готов был играть роль доброго товарища с солдатами, выслушивать их жалобы, исправлять проступки и даже принимать советы. Такая доступность ограничивалась чиновниками низших классов; с маршалами и генералами он был столь же горд и скрытен, как и с другими подданными. Таким образом, стараясь привязать армию к самому себе, он не возвышал ни одного любимца из опасения лишиться ее преданности. К сим причинам личной привязанности солдат, столь

глубоко укорененной и искусно поддерживаемой, должно присоединить их уверенность в его воинских талантах, обнаружившихся с таким блеском и соединивших на обширном поприще побед его могущество со славой французского оружия. Бесперывному ряду блистательных успехов они могли бы противополжить бедствия войны испанской, злополучную ретираду из Москвы, поражение при Лейпциге и другие последовавшие за тем несчастья; но, как французы и как солдаты, они мало расположены были к тому, чтобы остановить взор свой на сих тенях, помрачавших картину; к тому же национальная гордость их всегда находила причины к оправданию всех неудач. В Испании не сам Бонапарт предводительствовал войском, в России самые стихии сражались с ним; при Лейпциге он был покинут саксонцами; во Франции же изменил ему герцог Рагузский. Большая часть тех солдат, которые в 1814 и 1815 годах составляли ряды французской армии, находилась в плену в продолжение последних кампаний Бонапарта; почему они знали его не иначе, как победителя при Маренго, Ульме, Аустерлице, Йене, Фридрихсвальде и Ваграме. Ты, я думаю, не забыл, с каким восхищением пленные французы на ставке в **** говорили о воинской славе императора и признавались, что руки их могут служить Бурбонам, но сердца преданы Бонапарту. Даже радость их при возвращении в отечество отравлялась той мыслью, что сим они одолжены были нпзвержению императора.

Вспомни, что они изъявляли сии чувствования в то время, когда опасно было их обнаруживать; это ясно показывает весь восторг, каким они были исполнены во время вторичного своего присоединения к армии, воодушевленной таким же энтузиазмом.

Очевидная цель политики Бурбонов состояла в том, чтобы искоренить в сердце солдат, если возможно, сии опасные чувствования и поселить в них привязанность к царствующему дому; армия была предметом всех их попечений; солдат старались ласкать и поощрять как можно более; но все ласки и похвалы они принимали так точно, как свирепая собака, ворча, принимает хлеб из рук нового

хозяина. Напрасно напоминали о прежнем почтении к Генриху IV людям, которые, хотя и слышали о добродетелях сего монарха, но не менее знали, что его воинские деяния были столь малы в сравнении с подвигами Бонапарта, сколь нравственные качества превышали характер корсиканца.

Недуги почтенного старца не позволяли ему везде лично присутствовать, но наблюдение за ходом дел государственных чрез то нимало не ослабевало. При всем том солдаты и чернь парижская не умели оценить мирных качеств его и с сожалением воспоминали пылкую деятельность Бонапарта. В самом деле, деятельность экс-императора заслуживает удивления. Почти в одно время занимался он различными предметами: то галопировал пред войсками, то осматривал публичные работы; иногда видели его прогуливающимся в коляске; спустя несколько минут — рассматривающего в Лувре образцовые произведения художников. Для народа столь деятельного и тщеславного, как французы, сия везде-бытность заменяла все добродетели.

Слабое здоровье короля, препятствовавшее ему лично управлять армией, лишало его многих выгод. Ней, который, вероятно, искренно предан был своему государю до тех пор, пока не оставил его, хотел, чтобы он показался верхом в то время, когда французские полки проходили Париж. Но в оправдание короля ничего нельзя сказать трогательнее собственных слов его, начертанных в Манифесте: «Удрученный летами и двадцатипятилетними бедствиями, я не скажу вам подобно моему деду: соберитесь вокруг белых перьев моей каски; но я первый готов на все опасности, в которых не могу предводить вами».

При таких обстоятельствах все старания Бурбонов преклонить на свою сторону армию, чрез помещение в нее начальников, истинно преданных королю, не только остались без успеха, но и произвели всеобщее неудовольствие: некоторых из сих начальников не приняли корпуса, в кои они были отправлены; другие, хотя и заняли места, им назначенные, но не приобрели влияния, приличного своему сану, а иные, испытав явное негодование подчиненных им войск, принуждены были удалиться.

Но еще была другая важнейшая причина всеобщего негодования, хотя, по-видимому, она относилась более к армии. Французы, ревностнейшие из всех европейских народов к воинской славе, срывавшие столь долгое время пальмы побед, которые были единственным предметом их желаний, видели себя теперь лишенными первенства на поприще военном.

Воинская слава, столь дорого им стоившая, быстрое приращение государства и внезапный упадок — все это было уже для них предметом не восторга, а самых горестных воспоминаний. В Англии думали, что неисчислимые потери, понесенные Францией для утверждения своего могущества и поддержания воинской славы, охладили в ней жар к приобретению оной; но чувство скорби, потрясавшее французов при каждой новой конскрипции, уступило место тщеславию, возбужденному блеском первых побед. Несметные пожертвования и источники пролитой крови в глазах их ничего не значили в сравнении со славой Франции.

Когда народ, воодушевленный такими чувствами, видит в недрах своей столицы войска, которые он столько раз побеждал, — первое усилие его стремится к тому, чтобы свергнуть с себя иго тягостного унижения. Благоклонное же обхождение победителей возбуждает в нем чувство прежнего своего достоинства. «Знайте, что мы не побеждены еще; восстановление короля есть не что иное, как добровольный акт; всеобщая радость наша доказывает, что это только торжество мира по окончании войны, а не торжество Европы над Францией». Вот пластырь, которым французы старались закрыть глубокую рану свою. Сии простибельные припадки тщеславия продолжались до тех пор, пока французы не забыли критического положения, в котором находилось их отечество; но по удалении союзных войск ничто не могло удержать порывов их негодования. Тысячи враждебных признаков, которые, будучи рассматриваемы отдельно, ничего не значили, в совокупности ясно показывали союзникам перемену, произошедшую в общем расположении умов.

Уважение, в границах которого удерживало французов присутствие победителей, вскоре ослабело; вид всякого

иностранца напоминал им лишь собственное уничтожение; карикатуры, фарсы и сатирические куплеты обнаруживали во всей силе раздраженное самолюбие великого народа. Равнодушные, с которым англичане позволили французам забавляться на счет победителей столько, сколько можно было позволить побежденным, не только не уменьшило их мстительности, но еще более раздражило оную.

Самые миролюбивые иностранцы подвергались наглому оскорблению черни посреди улиц парижских, где недавно одно имя их было правом на уважение. Все сие обнаруживало дух, живо чувствовавший собственное уничтожение и старавшийся возратить себе прежнее почтение мезтью своим победителям. Французский народ в это время подобен был несчастному игроку, который, проигрываясь, ропщет на судьбу и забывает, что собственная его глупость есть главная причина неудачи.

Влияние вышеприведенных мною причин было столь сильно, что восторг, с которым народ принял предложение заговорщиков, превзошел их ожидание и обнаружился прежде назначенного времени. Усердие их простерлось до того, что даже не соответствовало осторожным планам Наполеона, который долго не соглашался на предложение оставить остров Эльба. Содействие Мюрата было весьма важно; вступлением в Северную Италию он обеспечил положение Бонапарта, который мог быть разбит в Южной Франции при самом начале своей экспедиции. Тогда начались тайные сношения между главными заговорщиками и королем Иоахимом, окончившиеся непосредственным его участием в успехе сего опасного предприятия. В Северной Италии находилось еще большое число солдат и офицеров, служивших прежде под начальством Евгения Богарне. Слабость немецких войск заставляла надеяться, что армия Мюрата, сделав быстрый марш, успеет присоединить к себе всех старых воинов.

Внутри Франции заговор производился с удивительной скрытностью. Свидания главных заговорщиков происходили в доме г-жи Марет, герцогини Бассанской; подчиненные же агенты рассеяны были повсюду, особенно в кофейнях и публичных домах Пале-Рояля — средо-

точии всего, что только есть в Париже распутного. Бонапарт, сказал мне третьего дня один роялист, для узнавания общественного расположения часто употреблял средства самые низкие, даже публичных женщин. Одно из мест ночных свиданий, известное под названием кофейни Монтасьер, более всех отличалось необыкновенной смелостью своих посетителей, кои отважно рассуждали о делах политических и жарко защищали низверженного императора. Равнодушие, с каким полиция, славившаяся при Бонапарте чрезвычайной бдительностью, смотрела на столь явные признаки измены, доказывает неисправность главных ее начальников и неверность их агентов.

Изображение фиалки, которое приверженцы Бонапарта носили на себе более двух месяцев в знак возвращения его в начале весны, не привлекло внимания полиции.

При такой деятельности с одной стороны и нерадении с другой, — не говорю уже об общем расположении, столько благоприятствовавшем заговору, — успехи Бонапарта не произвели почти никакого удивления. Вся армия шла пред ним как будто один человек, высшие же начальники, не имевшие достаточного влияния для пресечения успехов его, после нескольких неудачных покушений решились следовать быстрому течению потока, которого они не могли остановить.

Но сколь велико было недоверие к правлению Бурбонов, это видно из испуга среднего класса, который сим несчастным происшествием поражен был как громовым ударом. Он увидел себя снова вовлеченным в войну со всей Европой; он слышал уже торжественный звук прусских труб, раздающийся перед вратами французской столицы.

Чтобы рассеять сии беспокойства, Наполеон старался дать своим намерениям такой вид, который бы мог всех удовлетворить. В прокламации, изданной им в Лионе для армии, он говорил о войне, о завоеваниях и восстановлении воинской славы французов; но по прибытии в Париж переменял сию прокламацию и напомнил о Парижском договоре, объявляя всенародно, что он соглашается на требования союзников касательно прав и пределов Франции.

Он даже утверждал, что предприятие его одобрено ими и что Англия непосредственно способствовала его намерениям: «Иначе, — говорил он, — я не мог бы возвратиться с острова Эльба». Он прибавил, что восстановление его было подтверждено Австрией, которая не замедлит доказать сие, отправив во Францию Марию-Луизу и сына его. Наконец бесстыдство его простерлось до того, что он стал делать приготовления для встречи драгоценных залогов тестевой дружбы. Посредством такого низкого коварства хотел он воспользоваться легковерием изумленного народа, хотя был твердо уверен в непродолжительности своего обмана.

Объявление могущественных союзников уничтожило все надежды на мир. Чрезвычайные приготовления показывали французам, что война неизбежна и близка.

Прощай, любезный друг; продолжение сего рассказа ты найдешь в письме моем к Майору: описание военных происшествий неоспоримо принадлежит ему. Остаюсь и проч.

ПИСЬМО V

Пол — Майору

Я думаю, любезный Майор, что Вы читали уже последнее письмо мое, адресованное на имя нашего друга Политика, о состоянии армии при Бурбонах; содержанием же сему служит весьма важный предмет, о котором я намерен нечто сообщить Вам; — и действительно, кто бы осмелился говорить о военном искусстве с Александром Великим? Но так как битва при Ватерлоо совсем не то, что Банкер-Хиллское и два или три других сражения, кои Вы нам так часто и подробно описывали, то надеюсь, что слабое о ней повествование такого худого тактика, как я, может служить, по крайней мере, материалом для прекрасных записок Ваших. Впрочем, я употребил все старания для открытия истины: сам осмотрел поле сражения и долго говорил со многими храбрыми офицерами, коим отечество одолжено вечной благодарностью. Ваше снисхождение простит мои погрешности, а проницательность легко откроет и исправит недостатки.

Политическая жизнь Наполеона, замечательная по быстроте воинских предприятий,

не представляет, однако же, ничего подобного той деятельности, какую показал он в короткое время вторичного своего царствования.

В то время когда казалось, что он совершенно был занят разысканием различных партий, процессиями и осмотром войск, в то самое время важнейшие его приготовления были столь же великими в совокупности, как беспрерывными в исполнении. Пушки, мушкеты и всякого рода оружие выковывались на всех заводах и выходили из арсеналов с невероятной скоростью; старые корпуса пополняемы были рекрутскими наборами. Ветераны 1814 года опять были призваны под знамена, производились новые наборы для составления корпусов под названием свободных, союзных или вольных.

Воинственный гений Франции, окрыленный надеждой, воспринял всю силу свою, и все королевство казалось еще раз превращенным в обширный стан, которого Наполеон был вождем и душой.

Многочисленная армия отряжена была в Бельгию, где соседство англичан и пруссаков возродило справедливые опасения; другие корпуса расположены были в Эльзасе, Лотарингии, Франш-Конте, у подошвы Альп и на границе Пиренейской. Оставалось только знать, с какой стороны разразится буря.

Нет сомнения, что Бонапарт, надеясь на успехи Мюрата, по крайней мере, предполагая, что он может сделать долговременную диверсию, решился сам войти в Северную Италию и в ней основать театр войны. Довольно, думал он, одной угрозы с сей стороны, чтобы отвлечь от главного пункта все силы Австрии, которой печальный опыт показал, как она была слаба на итальянской границе. Часть русских войск, вероятно, была бы отправлена к ним на помощь; и в то самое время, как тройной ряд крепостей, вспомоществуемый сильной армией, защищал границы Фландрии, сам Бонапарт открыл бы кампанию на попрание первых побед своих, удалив войну от пределов Франции с надеждой в случае успеха пополнить свою армию всеми ветеранами Евгения Богарне. Но Австрия в сие критическое время явила деятельность, неви-

данную в ее истории, и войска, отправленные ею для встречи Мюрата, показали с самого начала то военное превосходство, коим отличаются северные народы. «Эти варвары, — говорили неаполитанцы после Римнийской схватки, — сражаются так отчаянно, как будто у них две жизни! Как можем им противиться мы, уверенные, что имеем одну?» Посему-то армия Мюрата отретировалась с такой поспешностью и столь слабым сопротивлением, что кампания окончилась почти при самом начале; с ней вместе прекратилось царствование короля Иоахима в приятных местах Неаполя. Ни один король в волшебных сказках не достигал престола так легко и так просто и скоро не лишался его.

Падение Иоахима оставило за собой самые худые последствия для Бонапарта; чрез сие он был заключен внутри Франции окружившими ее неприятельскими войсками, которые приближались со всех сторон и принудили его сражаться на собственной земле.

Однако же он не лишился своего мужества и приготовления его чрез то нимало не замедлялись; французская армия, уже многочисленная и хорошо снаряженная, подкреплена была новыми войсками и потребными припасами. Тогда стало известно, что Фландрия или граница Франции, смежная с сею провинцией, будет театром войны. Главная квартира назначена была в Лионе, городе, весьма крепком по своему положению, где производились особенные приготовления для составления резервной армии на случай неудачи.

Первые корпуса заняли Валансьен, вторые Мобёж; правое крыло их соединялось с войсками, расположенными в Арденне и Мозеле, а левое опиралось на страшные крепости Лилля.

Более всего беспокоил Наполеона недостаток в артиллерии: в продолжение кампании 1814 года союзники отбили у французов значительное количество пушек; но несвероятная деятельность его вознаградила и сию потерю. Кроме артиллерийского обоза, находившегося при каждом корпусе и при каждой дивизии, был обоз резервный, а императорская гвардия имела превосходную

артиллерию, которая почти вся состояла из новых пушек.

Казалось также, что Бонапарт не мог иметь кавалерии, но вышло совсем иначе. Полки, расстроенные в продолжение кампаний 1813 и 1814 годов, при Людовике XVIII были пополнены; стараниями же Наполеона и его офицеров прекрасно вооружены, так что никогда не видано было в поле лучшей кавалерии; она простиралась до 20 000 человек. В сем числе лансьеры отличались ловкостью, а кирасиры искусством в езде и добротой коней своих. Сии последние, т. е. кирасирские корпуса, составлены были из отборных солдат и показали славные примеры своей храбрости и опытности в кровопролитной битве при Ватерлоо. Вооружение их состояло из кирасы и досьера, сцепленных крючками, так, как в старинных бронях; у солдат они были железные, а у офицеров медные, обложенные сталью и опробованные пулей, так что не гнулись в прямом направлении; прибавьте к сему еще каску вместе с подбородником. Они не имели карабинов; длинная сабля и пистолеты составляли все их наступательное оружие.

Хотя известно по опыту, что лошади их качеством своим уступают нашим в тяжелой кавалерии; однако же, вероятно, они были лучше всех, находившихся в других европейских войсках.

Что касается французской пехоты, то ее храбрость и дисциплина превосходят всякую похвалу. Императорская гвардия, состоявшая из 20 000 человек, была войском отборным из всей армии. Ее когорты едва перенесли, и то с живейшим негодованием, перемену монарха в 1814 году; никакие отличия, никакие милости Людовика XVIII не могли истребить в них привязанности к прежнему своему государю.

Солдаты императорской гвардии имели все качества, потребные для поддержания нового положения дел, ими по большей части и произведенных, и для оправдания высокого о них мнения Франции, которая полагалась, несомненно, на их славу, счастье и могущество.

Прочие корпуса армии, исполненные благородной уверенности в самих себе и в своем вожде, умножились,

считая с артиллерией, при них находившейся; почти до 110 000 человек; сие войско вместе с гвардией и кавалерией составляло 150 000 человек, совершенно вооруженных, экипированных и снабженных военными запасами всякого рода. Надежды сей блистательной армии, возбуждаемые воспоминанием прежних побед, и уверенность в собственных силах были столь велики, что она не только не страшилась многочисленных войск, шедших против нее со всех сторон Европы, но еще роптала на медленность, удерживавшую ее далеко от поля сражения. Она шла под предводительством вождя, который умел искусно извлечь выгоду из таковых чувствований.

Во Франции, в армиях и почти во всей Европе предполагали, что Бонапарт станет ожидать нападения союзников; ибо, хотя качество зачинщика в сем случае, когда намерения обеих сторон были повсюду обнародованы, имело некоторую важность, но война оборонительная доставляла Наполеону ту выгоду, что он мог воспользоваться натуральными и искусственными укреплениями во французской Фландрии и, следовательно, изнурить союзников, подвергнув их всем бедствиям, которые обременяют неприятельскую армию, воюющую на земле, отважно защищаемой. Но пылкий и стремительный его характер, склонный более к нападению, нежели к защите, и затруднительные обстоятельства, в которых он находился, внушили ему план войны более решительной.

Власть его не довольно еще была утверждена, чтобы он мог надеяться на помощь народа во время неизвестности войны продолжительной: теперь-то он более, нежели когда-либо, имел нужду в блеске решительной победы, чтобы возобновить предубеждение или, как он сам выражался, очарование, неразлучное с его именем и счастьем.

К побудительным причинам наступательной войны присоединились еще настоящие. Силы, устремленные против Франции, были гораздо значительнее тех, какие могла противопоставить им сия истощенная держава, а посему защита пределов ее на всех пунктах казалась делом невозможным. Если бы Бонапарт противоположил

англичанам и пруссакам главные силы свои, то открыл бы чрез то русским и австрийским войскам путь, по которому они в прошлом году шли во Париж; с другой стороны, если бы он, надеясь на силу гарнизонов и крепостей, отрядил большую часть своей армии против русского и австрийского императоров, то значительные силы герцога Веллингтона и Блюхера позволяли им, прикрыв места сии обсервационной армией, зайти ему во фланг или нанести смертельный удар его могуществу, устремясь к столице. Столь очевидны были невыгоды войны оборонительной.

Внезапное вторжение в Бельгию более соответствовало отважному характеру Наполеона. Он мог быстро напасть на прусскую и английскую армии и поразить их отдельно друг от друга, с твердой уверенностью, что важная победа, привлекая на поле сражения всех французов, способных носить оружие, даст ему случай произвести всеобщий набор, который бы с избытком вознаграждал все возможные потери. Сия выгода и важный вид, который с того времени он имел право принять на себя в отношении к союзникам, доставили бы ему время и средства расторгнуть союз, устранив слабых и обольстив сильных членов его.

Намерение идти в Бельгию имело еще ту выгоду, чтобы избавить французский народ от тягостного пребывания армии. Долговременная война и множество успехов доставили военному званию во Франции преимущество пред другими.

Такая самоуверенность мало способствовала к устройству армии. Французские солдаты притесняли своих сограждан как неприятелей. Начальники не только не обуздывали их, но часто сами предавались хищничеству.

Ослабление дисциплины было причиной многих ссор и возмущений в недрах самой армии. Гвардия, гордясь своей славой, отличиями и привилегиями, возбуждала в других корпусах зависть, на которую отвечала надменностью и презрением и тем самым нередко порождала кровавые споры; а между кавалерией и пехотой с давнего

времени существовала вражда, часто обнаруживавшаяся в беспокойствах и возмущениях.

Сии несогласия и неуройства должно приписать неосмотрительности Бонапарта, который в сей, как и в других, более счастливых кампаниях, не радел об устройении магазинов для продовольствия войска. Хотя этим он облегчил обязанности вождя и ускорил приготовления к войне и походу, зато нанес ужасный удар дисциплине и нравственному характеру солдат, которые по необходимости должны были грабить свое отечество.

Бедствия, тяготившие французских поселян, уже готовы были перенестись на землю неприятельскую; марши разных армейских корпусов воспламенили воинственный гений, ознаменовавший славнейшие походы Бонапарта. Три большие армии, выступив в один день и почти в один и тот же час: одна из Лиона, управляемая самим императором, другая из Арденн, предводимая славным Вандаммом, а третья под командой Жерара, взяли одинаковое направление к самой границе Бельгии. Хороший порядок и искусное их соединение изумили всех французских начальников и как бы служили счастливым предзнаменованием ожидаемых успехов.

Для сих войск, соединившихся таким образом, 14 июня 1815 года Бонапарт издал одну из тех полутаинственных и полупророческих прокламаций, которым приучил он солдат своих удивляться как образцовым произведениям красноречия. Он не забыл своей системы напоминания счастливых дней, ибо в тот самый день, в который издал прокламацию, им одержаны были две победы при Маренго и Фридланде, после коих, так же, как и после выигранных при Аустерлице и Ваграме, он решился подвергнуться благородной погрешности — употребить с выгодой триумф свой. Он напомнил войскам поражение пруссаков при Йене. Не имея же ничего подобного сказать об англичанах, удовольствовался порицанием обращения их с пленными французами; уверял, что белги и ганноверцы усердно призывают их, хотя на время они принуждены были служить в рядах неприятельских, и кончил объявлением, что наступила

минута, когда должно победить или умереть для блага Франции.

Сию прокламацию приняли все с радостными восклицаниями, и поутру следующего дня (15 июня) армия готовилась уже вступить в Бельгию.

Но здесь оканчивается мой лист и напоминает мне продолжительность письма моего.

Вам преданный

Пол.

ПИСЬМО VI

К Майору

В предыдущем письме моем я рассказал Вам о приготовлениях Бонапарта к последней кампании. Кровавая игра, готовившаяся столько времени в тишине, наконец началась; но чтобы лучше нам следовать за ней в ее течении, нужно прежде бросить взгляд на состояние дел противоположной стороны.

Английская кавалерия была расставлена по реке Дендере, а пруссаки заняли линию, простирающуюся вдоль Самбры; сия позиция составляла некоторым образом передовые посты союзных армий.

Разделение сил союзников имело важную причину: соединив в одно место все силы свои, они открыли бы прочие пределы неприятелю, который мог выбрать произвольный пункт для нападения, — вот одна из главнейших выгод, которые нападающий имеет пред своим противником. Несмотря на то, английские и прусские войска так были расположены, что могли соединиться ко взаимной помощи; конечно, без сей предосторожности они не выдержали бы нападения французов, и Бонапарт разбил бы их на всех пунктах.

Марш Наполеона был столь же быстр, как и не ожидаем: Второй корпус французской армии, атаковав прусские аванпосты, опрокинул их и продолжал путь свой к Маршьен-дю-Понь, овладев сей деревней, укрепил мост, перешел через Самбру и подался к большому местечку, называемому Госсели, для воспрепятствования ретираде прусского гарнизона из Шарлеруа в этом направлении. Французская легкая кавалерия, следуя движению Второго корпуса до Маршьена, повернула вправо и, переправившись через реку, шла по левому берегу до Шарлеруа, которым и овладела, не дав времени пруссакам разрушить мост.

Третий корпус армии занял путь, ведущий к Намюру; прочее же войско расположилось между Шарлеруа и Госсели в многочисленных деревнях, населяющих сие изобильное пространство. Прусский гарнизон в Шарлеруа и другие отряды, выдержавшие сию жестокую атаку, отступили в порядке к Флерюсу, который был пунктом соединения Блюхеровой армии.

Выгоды, полученные французами от сего первого успеха, были невелики и состояли только в малом числе магазинов и пленных; зато он способствовал к возбуждению их храбрости и самоуверенности.

16-го числа, в три часа утра, войска, находившиеся еще по ту сторону Самбры, переправились через сию реку — Бонапарт начал приводить в действие отважное свое намерение: атаковать в один день двух столь страшных противников, каковы были Веллингтон и Блюхер.

Левое крыло французской армии, состоявшее из 1-го и 2-го корпусов и четырех дивизий кавалерии, было вверено Нею с назначением идти на Брюссель через Госсели и Фрасне и уничтожить все препятствия, которые могли бы ему противопоставить бельгийские или английские войска.

Центр армии, вместе с правым крылом и императорской гвардией, составлявшей резервный корпус, шел вправо к Флерюсу против Блюхера; им командовал сам Бонапарт.

Известие о движении Наполеона и схватке, произошедшей между французами и пруссаками, пришло в

Брюссель 15-го числа к вечеру. Герцог Веллингтон, принц Оранский и многие другие отличные начальники в это время были на бале, данном герцогиней Ричмонд. Он был тотчас прекращен; брюссельский гарнизон первым выступил для встречи неприятеля; подобное повеление дано было кавалерии, артиллерии и гвардии, стоявшей в Энгигене; прочие корпуса, расположенные гораздо далее, назначены были для их подкрепления.

Наши хайлендеры¹, составлявшие два прекрасных полка, 49-й и 92-й, быстро вооружились; они служили гарнизоном в Брюсселе во все продолжение зимы и весны и хорошим поведением снискали привязанность всех жителей. Даже во время моего пребывания «маленькие шотландцы» (так называли их) были еще предметом похвалы фламандцев. Они жили на квартирах так дружелюбно, что нередко можно было видеть монтаньяра, надзиравшего за детьми или охранявшего дом своего хозяина. Теперь они явили характер совсем другой и весело соединились при звуке национального своего напева: «Come to me and I will give yon flesh» («Стекайтесь ко мне — я дам вам пищу вашу»). Это зов, обращаемый обычно к волкам и лисицам, которым во следующий день предстояла обильная яства из трупов неприятельских.

Эти два полка, составлявшие часть дивизии сэра Томаса Пиктона, 16-го числа поутру выступили вместе с другими под командой храброго и злополучного вождя их. Герцог Брауншвейгский тронулся также в поход со своими черными брауншвейгцами, названными так по причине траура, который они носили по отцу его.

Беспокойство брюссельских жителей простерлось до крайности, когда они узнали о намерении Бонапарта мстить им, слух носился, что он обещал цветущий город их отдать на разграбление своим солдатам, если они возьмут его. Но, несмотря на подобные опасения, казалось, что большая часть жителей не хотела купить себе пощады ценой добровольного подданства и по всей вероятности, число Наполеоновых сообщников в сем городе было очень невелико и имело весьма малое влияние.

¹ Шотландцы.

Но каковы бы ни были чувства некоторых жителей, большая часть граждан взирала на успехи французов как на величайшее бедствие, какое только могло постигнуть город их, и внимала отдаленному гулу канонады как роковым звукам, долженствовавшим решить их жребий. Они думали, что сия неизвестность будет продолжительна, потому что в один день не могла кончиться борьба, от которой зависела участь Европы. Я сказал уже, что 16-го числа левое крыло французской армии под предводительством Нея выступило к Брюсселю по дороге через Госсели. Во Фрасне она встретила и прогнала несколько бельгийских отрядов, но храбрый принц Оранский, достойный сего прекрасного названия, достойный начальника своего Веллингтона и степени, им занимаемой, поспешил к передовым постам на помощь: это подкрепление дало им возможность сопротивляться неприятелю.

Позиция, занятая бельгийскими войсками, была весьма важна, ибо она составляла прямую линию между деревнями Сарт-а-Мулен и Катрбра¹. Сия последняя «аренда», или деревня, так названа потому, что в ней большая дорога, лежащая по направлению от Шарлеруа к Брюсселю, пересекается с другой почти под прямым углом. Обе эти дороги для союзников были необходимы: большой дорогой они сообщались с Брюсселем, а той, которая ее пересекает, с правым крылом прусской армии, расположенным в Сен-Амане.

Просторный и густой лес, названный Бугристым, прилежал к дороге, простирающейся от Брюсселя к правой стороне английских позиций; через сей лес проходила ухабистая дорога, которую можно назвать рытвиной, а между лесом и французскими позициями были поля; засеянные рожью, которая во Фландрии растет очень высоко.

Французы употребляли все усилия, чтобы овладеть Бугристым лесом, через который они могли бы выйти на Брюссельскую дорогу. Принц Оранский сделал все, что только мог, к его защите, но, несмотря на то, белги не устояли.

¹ Катр-Бра.

В сию критическую минуту дивизия Пиктона, корпус герцога Брауншвейского и тотчас после них прибывшая из Энглена гвардейская дивизия приняли участие в действии. «Что это за солдаты, занимающие лес?» — спросил герцог Веллингтон у принца Оранского. «Белги», — отвечал принц, — не зная об отступлении их от сего важного пункта. «Белги! — сказал герцог, которого орлиный взор вмиг открыл все произошедшее. — Это французы хотят пробраться на дорогу; надобно тотчас их выгнать из леса».

Сие препоручено было гвардейским гренадерам под начальством генерала Метленда, который, выдержав ужасной огонь со стороны скрытого неприятеля, устремился в лес, воодушевленный благородной решительностью. Французы, не имевшие до сего времени равных себе в подобных сражениях, сделали каждое дерево, каждый перелесок, каждый ровчик, особенно небольшой ручей, протекавший посреди леса, постом, который защищали с чрезвычайным упорством. Но они были опрокидываемы с места на место до тех пор, пока их совершенно не сбили с позиции.

Тогда началось сражение совсем другого рода. Англичане несколько раз старались выйти из леса, чтобы построиться в линию, но всегда стесняемы были французской кавалерией и не могли удерживаться на своем месте; тогда французские колонны покушались снова завладеть лесом; но так же, в свою очередь, принуждаемы были отступать от огня англичан. Таким образом взаимное нападение и ретирада, произведшие с обеих сторон жаркое сражение, продолжались до трех часов; наконец генерал Метленд совершенно овладел сим важным постом, защищавшим Брюссельскую дорогу.

Между тем на других пунктах сражение началось с не меньшей яростью; бригада Пиктона, состоявшая из 92-го, 42-го и 44-го Королевских Шотландских полков, была расположена близ «аренды» Катр-бра, под ужасным огнем, который сделался еще губительнее оттого, что французы находились на возвышении; между тем как наши солдаты, посреди поля, засеянного рожью, достигающей до самых плеч, не могли метко стрелять. Они выдержали упорное наступление французской легкой

кавалерии, которой противостоял каждый полк отдельно, составляя батальон каре. Но при наступлении неприятеля 42-й полк, будучи расположен во впадине, засеянной рожью, не мог в надлежащее время составить свое каре, и две роты, находившиеся вне оногo, были стоптаны кавалерией. Старый их предводитель Макара также пал на месте. Многие из солдат, мало-помалу отступая, так отчаянно сопротивлялись окружившей их французской кавалерии, что все были совершенно изрублены.

Для наших солдат ничего не было прискорбнее, как видеть поражение своих товарищей, не могли подать им никакой помощи; но они не забыли старой пословицы монтаньяров: «Сегодня одно только мщенье, а завтра уже сожаленье» — и встретили кирасиров таким жестоким огнем, что те принуждены были отступить. Несмотря на то, французские кавалеристы явили чрезвычайное мужество. Отраженные на одном пункте, они с яростью атаковали дорогу, ведущую к Брюсселю, в намерении овладеть защищавшими ее двумя пушками; но лишь только они приближались, вдруг открыт был против них картечный огонь и в то же самое время корпус монтаньяров, расположенный позади «аренды», произвел по ним столь ужасный залп, что сей полк истреблен был в одно мгновение.

Следствием атак было то, что французы, потеряв немалое число солдат, отступили в беспорядке; многие из них обратились в бегство к Шарлеруа, распространяя слух, будто англичане их преследуют. Но преследование не было произведено; английская кавалерия совершила столь долгий переход, что на поле сражения прибыла не прежде ночи, и потому не могла подать никакой помощи. Между тем Ней опять занял прежнюю свою позицию при Фрасне, и сражение кончилось с наступившей ночью.

Тогда англичане могли удостовериться в следствиях сего сражения: от некоторых полков, по причине множества убитых и раненых, осталось только по несколько взводов. В числе убитых был герцог Брауншвейгский, который, в сей превратный век, один остался неизменным образцом храбрости и постоянства древних германцев. Полковник Камерон, о котором лорд Веллингтон в испанских депешах своих отзывался столь часто в почтитель-

ных выражениях, пал, командуя 92-м полком, от напора кавалерийского корпуса, подкрепляемого пехотой. Многие другие имена знаменитые внесены были в сию кровавую роспись; но если день этот был днем прискорбня, то он был также и днем торжества.

Правда, не получено никакой решительной выгоды: только расстроен план Наполеона, имевший целью податься к Брюсселю; однако же это воодушевило войска и утвердило их надежды: ежели они после затруднительного похода из разных мест, едва успев соединиться, удачно противились многочисленному неприятелю, то на что могли они надеяться, когда силы их были соединены; а артиллерия с кавалерией, коих отсутствие было столь чувствительно в продолжение сего кровопролитного дня, подали им новую помощь!

Кроме того, английская армия имела вернейшее доказательство победы: она расположилась на месте, занимаемом французами во время сражения, с твердым намерением возобновить оно на следующий день.

Впрочем, все сие зависело от известий, ожидаемых из Флерюса, откуда во все продолжение дня слышан был гул ужасной канонады — верный признак генерального сражения между Наполеоном и князем Блюхером.

Представляя Вам обстоятельные подробности о сей краткой, но достопамятной кампании, сражение при линии оставляю до другого времени.

Засим остаюсь, и проч.

ПИСЬМО VII

К Майору

Выступив против Блюхера с центром и правым крылом своей армии, Бонапарт, вероятно, предполагал, что Нею гораздо легче будет исполнить свое предприятие, нежели ему, и что маршал не встретит никакого затруднения в пути своем к Брюсселю или его окрестностям до тех пор, пока англичане успеют собрать силы, могущие остановить его; сам же вознамерился напасть на Блюхера и, одержав над ним победу, прервать всякое сообщение между прусской и английской армиями, дабы таким образом заставить их действовать отдельно.

Прусский ветеран расположился в крепком стане, ожидая неприятеля, ненавидимого им более всего на свете. Армия его простиралась по линии, где три деревни, построенные на отлогом и неровном месте, служили редутами, которые защищала пехота, подкрепленная артиллерией. Правое крыло его заняло деревню Сен-Амаи, центр — Линьи, а левое — Сомбреф. Во всех этих хорошо выстроенных деревнях было много домов с пространными задними дворами или огородами, из коих каждый мог служить пунктом защиты. Место, открывающееся за ними, образует некоторую

возвышенность, перед которой был глубокий овраг, кое-где покрытый кустарником. Деревни находились на краю оврага и позади каждой из них расставлены были пехотные отряды, с тем чтобы в случае нужды подкреплять защищавших оные.

В своей крепкой позиции Блюхер соединил три корпуса армии, что составляло до 80 000 человек; четвертый же, под командой Бюлова — генерала, отличавшегося во время кампании 1814 г. — квартировавший между Льежем и Ганнутом, к нему еще не подоспел. Силы неприятельские простирались, как видно из прусских депеш, до 130 000 человек; но так как Ней при Катрбра имел не менее 30 000 человек, то, по всей вероятности, войско, находившееся под командой Бонапарта в сражении при Линьи, считая в том числе резерв, составленный из всей первой дивизии, не превышало 100 000 человек. Таким образом, обе армии были почти равны числом; они были также равно воодушевлены мужеством и воинским жаром.

Пруссаки никогда не забудут тех бедствий, которыми французы обременили их отечество после Йенского поражения. Разорение мирных сел, сопровождаемое всеми ужасами, какие только могут выдумать распутство, грабительство и бесчеловечие; убиение братьев и детей, насилие, причиненное женам и дочерям, — вот что было предметом разговора на биваках, вокруг огней, между солдатами прусского Ландвера и возбуждало в них ненасытное мщение. Счастливая кампания 1814 года была слишком коротка для утоления их мести; теперь настало благоприятное время, в которое они надеялись вполне насытить жажду оной.

Французы также питали к пруссакам личную ненависть, не менее их воодушевляющую. Как, думали они, сии пруссаки, сохранившие свою независимость единственно по милости императора, который одним словом мог обратить государство их в провинцию, сии самые пруссаки, коим мы так великодушно позволили участвовать в наших победах, первые осмелились поднять против нас знамя бунта, когда ярость стихий истребила армии, ведомые Бонапартом для завоевания России?! Но сего не

довольно: они вторглись в священные пределы Франции, разбили наши войска на нашей же земле и сильно вспомоществовали занятию столицы. Кроме того, ими командовал Блюхер, непримиримый враг французов, которого никакое поражение не могло ослабить, никакой успех — удовлетворить. Даже когда Парижский договор принят был полномочными других держав, как для всех выгодный, сей непреклонный полководец явно изъявил свое неудовольствие, видя Францию столь счастливо окончившей борьбу. Посреди радостных кликов и всеобщих поздравлений на лице его изображалось (так думали парижане) свирепое негодование.

Теперь сей непримиримый враг был пред ними и предводительствовал войсками, воодушевленными подобными чувствами и составлявшими авангард бесчисленной армии, которая, если бы не была решительно разбита, наводнила бы Францию и исполнила мстительный план свой, в прошлом году столь странно уничтоженный.

Воспламененные национальной ненавистью, обе партии отвергнули обыкновенные законы войны и ту взаимную разборчивость в сношениях, которая умеряет иногда жестокость оной. Пруссаки объявили свое намерение — ни давать, ни просить никакой пощады; две французские дивизии выставили черное знамя в знак такого же объявления. Меня уверяли, что они, для изъявления смертельной ненависти своей, искажали или отрезывали уши пленным, попавшимся в их руки при переходе чрез Самбру.

Сражение началось жестокой канонадой, с помощью которой Третий корпус французской армии, предводимый Вандаммом, атаковал деревню Сен-Аман. Пруссаки встретили французов с величайшей неустрашимостью; несмотря на то, последние, ударив в штыки, успели овладеть деревней и утвердиться в церкви и на кладбище.

Пруссаки употребляли величайшие усилия, чтобы возвратить сей пост, служивший ключом к правому их крылу. Сам Блюхер повел батальон и произвел столь удачный напор, что один край деревни был занят снова, и пруссаки овладели той частью находящихся позади оной высот, которую успехи Вандамма принудили оставить.

Деревня Линьи, будучи атакуема и защищаема с одинаковой яростью, непрерывно переходила из рук в руки, обе стороны попеременно были подкрепляемы пехотными отрядами, расположенными позади деревни. Многие дома, окруженные, по фламандскому обыкновению, дворами, служили отдельными редутами, на которые одни нападали, а другие защищали с равным ожесточением. Невозможно представить ярости обеих войск: казалось, каждый солдат отмщал свое собственное оскорбление — и в тесных улицах деревни битва продолжалась целых пять часов.

Беспрерывная канонада с обеих сторон гремела все послеполуденное время; но такой образ сражения для пруссаков был невыгоден. Будучи расположены на вершине и по бокам высот, находящихся позади деревень, они подвергались огню более, нежели французы, пользовавшиеся рытвинами и неровностями своего места. В продолжении сего упорного сражения Бонапарт, вероятно, усомнился в успехе, и потому, чтобы удержать за собой Сен-Аманский пост, приказал Первому пехотному корпусу, стоявшему при Фрасне, а также одной дивизии Второго корпуса, предводимого Жераром и назначенного в резерв маршалу Нею, перейти на правую сторону для подкрепления своей армии. Ней в письме своем к Фуше жаловался на это распоряжение, лишившее его средств удержать за собой победу при Карт-Бра. Но сие подкрепление было бесполезно; ибо Вандамм около семи часов, после многократных усилий, преодолел упорство пруссаков при Сен-Амане, а Жерар овладел деревней Линьи. Сомбреф, находившийся по левую сторону прусской линии, с успехом защищаем был саксонским генералом Тельманом против маршала Груши; и пруссаки, несмотря на то, что были вытеснены из деревень, расположенных на краю амфитеатра, образуемого холмами, сохранили еще свой альянсьеман па возвышении, ожидая с нетерпением подкрепления или от англичан, или от своей Четвертой дивизии¹, шедшей под начальством Бюлова. Но герцог Веллингтон сам был довольно занят при Катрбра, а Бюлов не

¹ Корпуса.

мог преодолеть затруднений, неразлучных с долгим походом по дурным дорогам скудной страны. Между тем Бонапарт кончил сражение одним из тех смелых и искусных маневров, которые характеризуют его тактику.

Овладев деревней Линьи, находящейся на краю центра прусской линии, он сосредоточил в сем пункте императорскую гвардию, бывшую до тех пор в резерве; восемь батальонов славной старой пехоты, соединенные в одну страшную колонну, подкрепляемую четырьмя эскадронами кавалерии, двумя кирасирскими полками и гренадерами конной гвардии, прошли деревню Линьи, спустились в овраг, отделяющий ее от высот, и начали на них восходить под губительным огнем пуль и картечи. Они выдержали ужасный залп с удивительным мужеством и, приблизившись к прусской линии, произвели такой натиск на ряды, ее составляющие, что почти расторгли центр армии и прервали всякое сообщение между обоими крылами; в то же самое время французская кавалерия ударила и опрокинула прусскую.

В сию критическую минуту Европа едва не претерпела невозвратимой потери: участь ее зависела от смерти или плена неукротимого Блюхера, которому он было подвергнулся. Храбрый маршал сам выступил против французской кавалерии; но был отражен: под ним убили лошадь — и он упал на землю. Адъютант его подпал такой же участи; первые слова князя, как только стал он приходить в чувства, изъявляли заклинание, чтобы сей верный офицер лучше умертвил его, нежели допустил впасть в руки французов. Однако же прусская кавалерия опять соединилась, ударила на французов и, отразив их в свою очередь, принудила стремительно отступить, даже за то место, где распростерт был князь, покрытый плащом адъютанта. Генерал, спасенный таким образом, был посажен на лошадь и начал распоряжаться отступлением, сделавшимся уже необходимым.

Прусская артиллерия, будучи расставлена вдоль линии слишком растянутой, не могла быть скоро увезена, и потому многие пушки достались французам; но пехота ретировалась в порядке и рядами своими, непроницаемыми для кавалерии, отряженной ее преследовать, достойно

поддержала отличное мнение о своей дисциплине, посредством которой в прошлогодних кампаниях и после ретирады она была в состоянии идти вперед и снова приобрести победу.

Во время отступления, продолжавшегося всю ночь, пруссаки взяли направление к Тельи; на другой день последовал за ними генерал Тельман с левым крылом, которое, оставив деревню Сомбреф, защищаемую им в продолжение прошедшего дня, служило арьергардом Блюхеровой армии. Наконец Четвертый корпус под начальством Бюлова присоединился к прусской армии, снова расположившейся близ деревни Вар, в десяти милях от места, на коем она претерпела первое поражение. Блюхер и прочие начальники ничего не забыли к приведению ее в такое состояние, чтобы она могла твердо выдержать вторичное нападение.

В сей злополучной битве пруссаки претерпели великое поражение. Потери их простирались до 20 000 человек, что составляло четвертую часть всей армии.

Происшествия 16-го числа имели существенное влияние на планы предводителей обеих армий; в то самое время, когда герцог Веллингтон хотел воспользоваться выгодами, приобретенными им при Катрбра, и атаковать Нея при Фрасне, он получил 17-го числа поутру известие, что Блюхер в прошедший день был разбит и ретировался. Посему герцог не мог ничего иного предпринять, как собрать силы свои и занять такую позицию, чтобы иметь сообщение с правым крылом пруссаков; ибо остаться в прежней выдавшейся позиции значило дать случай Бонапарту расположить свою армию между англичанами и пруссаками, или даже, если бы захотел он, устремить все силы свои против герцога, который был гораздо слабее его. И так английский генерал решился отступить к Брюсселю. Сие движение совершенно было в надлежащем порядке, под прикрытием кавалерии, находившейся под командой храброго графа Оксбриджа.

Бонапарт принял свои меры. Разбитие пруссаков позволяло ему преследовать их со всей своей армией, кроме войска, находившегося под начальством маршала Нея, который между тем мог занять герцога; но это значило

подвергнуть маршала неизбежному поражению; ибо, ежели он в прошедший день не получил успеха над авангардом английской армии, тем более невозможно ему было сопротивляться ей тогда, когда все силы ее были соединены и снабжены подкреплениями всякого рода. Кроме того, Наполеон знал, с какой быстротой Блюхер соединил пруссаков даже после совершенного поражения; гораздо выгоднее было ему обратить все силы свои против английской армии, оставив только Вандамма и Груши с 25 000 человек для обеспокоивания Блюхера с тыла, следуя за ним при отступлении его от Сомбрефа к Вару, и для воспрепятствования ему принять участие в сражении, предпринимаемом против англичан.

Наполеон, вероятно, предполагал найти английскую армию на месте, занимаемом ею 16-го числа, но движение собственных сил его к Фрасне от Сен-Амана и Линьи дало время герцогу Веллингтону исполнить свое предприятие. Ретирада уже началась, и в одиннадцать часов утра пост при Катрбра занят был только сильным арьергардом, назначенным для прикрытия отступления английского генерала. Бонапарт начал преследовать ретирующуюся армию; погода была пасмурна, вечером пошел дождь, так что дороги, и без того уже испорченные английской артиллерией при первом ее марше или отступлении, были почти непроходимы. Кавалерия, отряженная для наступления на английский арьергард, должна была проходить пашни, которые по причине дождей, превратившись в болота, совершенно препятствовали всякой быстроте в движениях. Ненастное время и дурные дороги доставили немалую выгоду англичанам, которым необходимо было пробираться по узким улицам деревни Женапп и переходить мост маленькой речки в виду неприятельской армии. Французская кавалерия раза два нападала на наш арьергард, но была так хорошо принята одним гвардейским и Голубым Оксфордским полками, что оставила свое покушение.

Я слышал, что герцог Веллингтон, проходя Женапп, удивлялся бездействию неприятеля; это заставило его думать, что не сам Наполеон командовал дивизией, отряженной для преследования англичан. Французский офи-

цер, которому я говорил об этом, причиной сего бедствия полагал значительные потери, понесенные ими при Катрбра и Лишьи, расстройство кавалерии, неизбежное после двух жестоких сражений, неблагоприятную погоду и дурные дороги. Вам самим, любезный Майор, как отличному тактику, надлежит решить, удовлетворительны ли сии причины?

Беспокоимая еще несколько времени неприятелем, английская армия отступила на равнину к вечно памятному Ватерлоо. Там расположилась она на Брюссельской дороге.

В следующем письме моем я постараюсь сделать верное описание ее положения.

Незадолго пред этим герцог препоручил инженерному полковнику Кармайклу Смиту снять план с этой равнины и прочих военных позиций вокруг Брюсселя; теперь он велел ему представить сей рисунок, и с помощью несчастного сэра Уильяма Лэнси и полковника Смита он сделал свои распоряжения касательно военных действий следующего дня. Сей план, и сам по себе драгоценный памятник, сделался еще достопамятнее оттого, что найден был в кармане Уильяма Лэнси, еще дымящийся в крови сего храброго офицера; ныне он находится у Кармайкла Смита.

После распоряжений, отданных на ночь, герцог Веллингтон занял квартиру в худом трактире небольшой деревни Ватерлоо; армия встала под ружьем на скате небольшой возвышенности, которая почти вся была покрыта рожью, еще не сжатой. Французские полки приходили один за другим в продолжение вечера и заняли высоту в виду англичан; деревни, расположенные позади сего возвышения, наполнены были солдатами многочисленной их армии. Бонапарт же занял квартиру в маленькой деревне Планшенуа.

После таковых распоряжений оба генерала ожидали происшествий, долженствующих совершиться в следующий день. Казалось, самые стихии вооружились против готовившейся битвы; жестокая гроза свирепствовала всю ночь и была сопровождаема яростными порывами ветра, проливным дождем, непрерывным сверканьем молнии и

сильными ударами грома, какого офицеры наши никогда не слыхивали.

Обе армии претерпевали ужасную бурю на открытом биваке без всякой защиты. Хотя сне обстоятельство было общим, однако же англичане (как в сражении при Азенкуре), казалось, упали духом, тогда как надменность и жар французов возвысились до степени, необыкновенной даже у солдат сей нации.

Англичане не могли удалить мысли, что успех при Катрбра, стоивший им столь дорого, не имел, по крайней мере им так казалось, никакого последствия. За многотрудным маршем и кровопролитным сражением последовала ретирада, равно изнурительная; поражение же пруссаков, о котором слух начал распространяться с обыкновенными прибавлениями, доставило Бонапарту удобство атаковать их отдельно со всеми своими силами, кроме весьма малого числа войск, употребленных им для преследования побежденных и рассеянных союзников. Если прибавить к сему, что в рядах англичан находилось несколько тысяч иностранцев, на верность которых нельзя было положиться, то надобно признать, что их уныние было не без причины; несмотря на то, они имели беспредельную доверенность к своему вождю, необоримую храбрость и твердую решительность в исполнении своего долга, предоставляя все прочее Провидению.

С другой стороны, французы, получив успех при Линьи, забыли потери свои при Катрбра и если вспоминали об одной, то не иначе как приписывая ее измене. Говорили, будто Бурмон и еще некоторые офицеры судимы были военной следственной комиссией за дурное поведение, бывшее причиной сего несчастья.

К сему неосновательному слуху, которым Бонапарт искусно умел польстить оскорбленной гордости солдат своих, присоединились доказательства более убедительные: допуская неполный успех Веллингтона, говорили они, будто английский генерал командовал только правым крылом прусской армии и разделял поражение с Блюхером, что он сам подтвердил, подражая его отступлению. Все способствовало торжеству их; ни один солдат не ду-

мал, чтоб англичане осмелились учинить расстах¹, а и того менее сопротивляться победителям до тех пор, пока не будут прогнаны к кораблям своим; никто из них не сомневался в присоединении к императору бельгийских войск; а предполагать, что на другой день поутру они могли встретить какие-либо препятствия в пути своем к Брюсселю, значило обнаружить худое усердие, и потому все сожалели о бурной ночи как об обстоятельстве, способствовавшем ретираде англичан.

Сам Бонапарт разделял или казался разделяющим сии чувствования: когда туманная заря 18 июня открыла ему неприятелей, расположенных еще на высотах, которые они заняли в прошедшую ночь, и казалось, решились защищать, он не мог скрыть своей радости и воскликнул, простирая руки к английским позициям с движением, изъявлявшим желание схватить добычу: «Наконец и англичане в моих руках!»

Радость французов по обыкновению обнаруживалась в остротах, отпускаемых насчет неприятелей. Смерть герцога Брауншвейгского была главным предметом сарказмов французских офицеров, которые хотели доставить двор Иерониму, бывшему королю Вестфалии. Чтобы сей лестью снискать благоволение своего государя, они смеялись над злосчастной судьбой Брауншвейгских герцогов. Национальная одежда бедных монтаньяров, которые были еще расположены по постам, занимаемым ими при Катрбра, подавала повод ко многим насмешкам, коих не хочу здесь приводить, но ссылаюсь на французскую пословицу: «il rив bien qui rit le dernier».

Прежде, нежели я приступлю к подробному описанию битвы при Ватерлоо, позвольте мне на минуту остановиться на Ваших критических замечаниях касательно военных действий 16-го числа. Вы говорите, что Бонапарту не следовало нападать на английскую и прусскую армии в один и тот же день, и стараетесь обратить мое внимание на письмо маршала Нея к Фуше. Второе Ваше мнение состоит в том, что по разбитии пруссаков при Линьи

¹ Отдых.

Наполеону должно было преследовать Блюхера по крайней мере со всей кавалерией и привести его в такое состояние, чтобы он не прежде мог соединить силы свои, как под стенами Местриша. Этого мнения, говорите Вы, все военные критики в соседстве нашем, то есть все наши друзья, носящие синее платье с красным воротником, капитаны, получающие половинное жалованье, отставные вольнослужащие офицеры и проч. и проч. Несмотря на сей единогласный приговор ваш против экс-императора, я осмеливаюсь защищать его.

Во-первых, участь Бонапарта требовала величайшей осмотрительности, а потому он ничего не мог предпринимать наудачу.

Теперь припомните, что 16-го числа Блюхерова армия уже соединилась при Линьи, между тем как армия Веллингтона была еще в пути к Катрбра. Маршал Ней советовал Наполеону идти прямо к Брюсселю через Катрбра и Женапп, оставив справа и, может быть, позади восьмидесятитысячную армию пруссаков, ожидавших с часу на час подкрепления с Бюловым, который вел двадцатитысячную дивизию. Какие были бы последствия сего движения? Угрожаемый всеми силами неприятеля, Веллингтон оставил бы намерение соединить свою армию в poste, столь выдавшемся, как Катрбра; он ничего другого предпринять не мог, как сосредоточить оную при Ватерлоо. Если бы император прямо устремился на сей пункт и атаковал англичан отдельно от пруссаков, неужели Вы думаете, что Блюхер не поспешил бы в сем случае на помощь к союзникам, когда он старался соединиться с ними даже после совершенного поражения? Словом, пруссаки, не атакованные, а только маскируемые силами, гораздо их меньшими, могли сами напасть: следовательно, Бонапарт поступил благоразумно, обратив большую часть войска своего против армии, которой все силы были уже соединены, в надежде, что дивизия, вверенная Нею, будет иметь перевес над английскими войсками. И действительно, сей план его увенчался почти совершенным успехом; ибо Наполеон разбил пруссаков, и выгоды, им полученные, принудили англичан отступить, а ему дали удобный случай атаковать последних со всеми си-

лами в генеральном сражении: так что победа, казалось, должна была склониться на его сторону.

А что Неё в сражении 16-го числа не получил успеха над неприятелем, у которого сил было гораздо менее, нежели у него, то это ничему другому приписать не должно, как превосходным талантам английского генерала и храбрости его солдат. Это видно даже из донесения маршала, который негодует на победу, одержанную Бонапартом в тот день, в которой сам же он был разбит.

Заметно также негодование Нея из тона, каким он жалуется на то, что лишен был подкрепления Первой бригады, которая находилась в резерве между правым крылом его и левым Наполеона и отряжена была, как говорит он, на помощь к последнему в то время, когда победа была несомненна. Но это несправедливо: Наполеон приказал бригаде выступить тогда, когда ее помощь казалась необходимой, чтобы занять деревню Сен-Аман и ударить пруссакам во фланг; но он отослал ее на прежнее место тотчас, как усмотрел, что можно было и без нее овладеть сим пунктом. Поистине нельзя ожидать ничего более в подобном обстоятельстве.

На тон, принятый маршалом в сем случае, можно отвечать следующими стихами Уолси:

*Саррею лучше бы немым во веки быть,
Чем так говорить.*

Что касается другого пункта Вашей критики, то гораздо труднее представить причины, достаточные к его опровержению. Надобно думать, что французы победу при Линьи не почитали решительной, а удивительный порядок, сохраненный прусской армией во время ретирады, кажется, охладил в них жар к преследованию. Хотя французы сильно поразили пруссаков, овладев их позициями, но известия в Бонапартовом «Бюллетене» о поспешном их отступлении и потере великого множества пленных, как ныне известно, совершенно ложны.

Блюхер, заслуживающий во всем нашего доверия по откровенному признанию в своем поражении, уверяет, что прусская армия во время отступления занимала

пространства не более одной мили, представляя неприятелю непроницаемый фронт, устройство коего заставило французов прекратить преследование.

Итак, заключим (платя во всем должную дань удивления военному гению Бонапарта) тем, что хотя пруссаки и были сбиты со своей позиции, но отступали в чрезвычайном порядке, так что силы, их преследовавшие, по причине своей малочисленности имели неважную выгоду; сам же Наполеон по необходимости сделать движение влево со всей армией для вознаграждения потери, которую претерпел Ней, не мог преследовать их с достаточным числом войска.

Сими рассуждениями, которые я осмеливаюсь предложить Вам, не нарушая глубокого уважения моего к Вашей опытности, оканчиваю описание важных происшествий 16 и 17 июня. Остаюсь, навсегда преданный вам

Пол.

ПИСЬМО VIII

к Майору

Поле сражения при Ватерлоо весьма удобно к описанию. Сванийская роша¹, состоящая из густых буковых деревьев, пересекается Брюссельской мостовой дорогой, которая, выходя из сей роши, имеет направление через небольшую деревню Ватерлоо. На обширном косогоре, называемом Мон-Сен-Жан, близ «аренды», находящейся у самой Брюссельской дороги, роша оканчивается, и сие место становится совершенно открытым. Английские войска расположены были двумя линиями вдоль косогора; вторая линия, развернувшись за вершиной горы, была некоторым образом в безопасности от огня неприятельского; первая же, составленная из отборной пехоты, заняла самую вершину, где левая сторона ее находилась под защитой длинного плетня и рва, кои простирались в прямом направлении от деревни Мон-Сен-Жан к местечку Оген. От сего плетня и рва получили свое название две деревни: одна, расположенная впереди плетня, на самом косогоре, названа Ге-Сент, а другая, находящаяся на конце оного, Тер-ла-Ге.

¹ Суанский лес.

Место, занимаемое Тер-ла-Ге, весьма неровное и покрытое кустарником, служило крепкой позицией для левого крыла английской армии.

Между Тер-ла-Ге и Огеном находится дорога, оканчивающаяся перед лесистыми дефиле Сен-Ламберта, через которые левое крыло наше сообщалось с прусской армией. Центр английской армии занял деревню Мон-Сен-Жан, расположенную посреди возвышения, в том самом месте, где большой путь, ведущий к Брюсселю, разделяется на две дороги, из коих одна идет к Нивелю, а другая к Шарлеруа. Ганноверские стрелки защищали деревню Ге-Сент, находящуюся впереди Шарлеруасской дороги и почти на середине холма. Правое крыло английской армии, простиравшееся вдоль сего возвышения, прикрывало Нивельскую дорогу до Угумона, где и примыкало к глубокому рву.

Долина, находящаяся между двумя высотами Мон-Сен-Жан, не имеет никаких строений и в сей достопамятный день была покрыта обильной жатвой: посреди оной и вправо от центра английской армии стоял замок Умон, или Угумон — это есть (или лучше сказать, было) жилище, построенное в старинном стиле фламандской архитектуры, с башней и — сколько я мог судить по его развалинам — с некоторым родом вала. Оно было окружено с одной стороны широким и крепким забором, а с другой — садом, разделенным на аллеи в голландском вкусе, и защищалось высокой стеной. Вокруг всего строения, на расстоянии трех или четырех арпанов, простирался непрерывный лес. Сей замок служил важной опорой правому крылу англичан.

Такова была позиция английской армии в тот достопамятный день. Позиция же французов не столь удобна к подробному описанию. Некоторые войска их расположены были в полном виду, а другие в деревнях, находящихся позади высоты Альянса.

Утро 18-го числа сопровождалось столь же сильной грозой, какая свирепствовала всю ночь. Но краткий промежуток спокойствия англичане умели употребить в свою пользу: они вычистили свое оружие и ничего не упустили приготовить к решительному сражению в на-

ступающий день. Также роздана была войскам провизия — и большая часть успела подкрепить себя спасительной пищей.

С рассветом дня многочисленные корпуса французской кавалерии начали занимать высоты Альянса, противоположные горе Мон-Сен-Жан; наша кавалерия отряжена была для встречи оных. Все ожидали схватки только между конницами обеих армий, и пехота думала быть простой зрительницей. Но бегство французского кирасирского офицера, приверженного партии Людовика XVIII, заставило предпринять другие меры. Он открыл, что Наполеон предназначал генеральную атаку, которая должна начаться на правом крыле общим наступлением пехоты и конницы.

Между тем сообщение левого крыла нашего с прусской армией было свободно. Офицер, отправленный к Бюлову в четыре часа поутру, встретил его дивизию, уже идущую к нам на помощь; она проходила дефиле Сен-Ламберта, по весьма узким дорогам, которые переход многих артиллерийских полков и бригад сделал еще более непроходимыми. Одно чувство, как уверял меня сей офицер, воодушевляло всех пруссаков: желание — простертое даже до иступления — ускорить марш свой, чтобы участвовать в славе сей великой битвы, погибнув на поле оной или отместив потери 16-го числа. Простые солдаты, видя его проезжающего со своим спутником, приветствовали их восклицаниями: «Сберегите наше место, храбрые англичане! — был общий крик их. — Сберегите наше место до тех пор, пока мы соединимся с вами!» — и они удвоили силы свои, чтобы скорее прибыть на место битвы. Но марш был очень затруднителен; они проходили страну весьма неровную, сделавшуюся еще непроходимее от дождей, продолжавшихся всю ночь, и столь неудобную для перехода многочисленных корпусов кавалерии, артиллерии и проч., что даже наши оба офицера, хорошо снаряженные и поспешавшие отдать отчет о своей миссии, не могли прибыть на поле сражения прежде 11 часов.

Сражение уже началось. Говорят, что Бонапарт сам выпалил из первой пушки, но это сомнительно; известно только, что он находился в таком месте, откуда видна была

вся долина, и пробыл там до тех пор, как остались ему две крайности: смерть или поспешное бегство. Первым постом его была обсерватория, построенная в густом лесу во время снятия с сего места тригонометрического плана, сделанного по повелению нидерландского короля еще за несколько недель до сражения; после он находился на возвышении впереди Альянса и, наконец, у подошвы горы на Брюссельской дороге. За ним следовал штаб-майор и особенный эскадрон, назначенный для охранения его особы. Под ним командовали Сульт, Ней и другие отличные начальники; но он сам отдавал все приказания и принимал все донесения.

Тучи кавалерии, сгустившиеся на горизонте со стороны Бель-Альянса, тогда начали приближаться. Один из наших лучших и храбрейших офицеров признавался мне, что он несколько упал духом, когда, обращая взоры свои вокруг, заметил, сколь малым было число войск, собственно принадлежащих Великобритании, и вспомнил неблагоприятные обстоятельства, которым наши солдаты были подвержены. Один случай снова ободрил его: проезжавший мимо адъютант, отдавая нужные приказания, заметил одному гвардейскому батальону, чтобы он берег выстрелы до тех пор, как неприятель приблизится на малое расстояние. «Не беспокойтесь о нас, — отвечал старый солдат из середины строя, — не беспокойтесь, сударь, мы знаем свое дело». «С сей минуты, — сказал мне неустрашимый друг мой, — я уверился, что сердца солдат воодушевлены истинным мужеством и что на поле сражения они легко могли потерять жизнь, но никогда честь». Спустя несколько минут началась беспримерная битва.

Первая атака французов, как предуведомил беглый роялист, устремлена была на правое крыло наше, именно на Угумонский пост и большую Нивельскую дорогу. Один взгляд, брошенный на карту, тотчас покажет, что, овладев сим постом с помощью артиллерии, французы могли бы устремиться на центр нашей линии, особенно если бы Угумон взят был в то же время. Они успели только вполтину на сем последнем пункте: ярость нападения была столь сильна, что Нассау-Уссингенский корпус стрелков,

которому вверен был Угумонский лес, оставил сию часть поста; и самый замок не уцелел бы без мужественного сопротивления и необоримой храбрости защищавших оный. Полковник Доннелл, брат нашего шефа хайлендеров Гленгарри, принужден был сражаться грудь в грудь против нападающих и одолжен собственной силе своей, не менее как и храбрости, тем успехом, с каким исполнил он опасное поручение — удержать неприятеля. Испанский генерал дон Мигель Алава вместе со своими адъютантами старался собрать рассеявшихся стрелков нассаусских; особо дон Никола де Менвизри отличился своей деятельностью. «Что бы могли сделать испанцы, — спросил князь, отличный умом и храбростью, а также и опытностью, которую явил он во время Испанской войны, — дон Мигель, в таком огне?» — «По крайней мере, — отвечал кастилец, — они не обратились бы в бегство, не увидев неприятеля, как то сделали некоторые из подданных вашего батюшки».

После бегства легких войск и занятия леса французами Угумон почти на всем протяжении битвы выдерживал сильное наступление и одолжен своим спасением крепости стен и глубине рва, более же всего необоримой храбрости тех, коим вверен был сей пост. Говорят, что во время атаки надсмотрщик или дворецкий сего замка выстрелил несколько раз с верха башни по англичанам. Но его заметили и расстреляли. Я не могу ручаться за достоверность этого анекдота: он, мне кажется, противоречит духу бельгийцев, которые, как известно, были все против французов. Как бы то ни было, пост сей защищаем был с мужеством, равным неустрашимости нападавших; гарнизон производил сильный огонь в отверстия, сделанные в стенах сада и в заборе виноградника; французы действовали ужасно, но все их усилия были тщетны.

Несмотря на сие, Угумон, будучи некоторым образом отрезан, не мог сообщаться с прочей английской армией; французская кавалерия произвела сильный напор на правое крыло наше. Легкие войска, поставленные впереди английской линии, были опрокинуты, и иностранная кавалерия, долженствовавшая подкреплять их, отовсюду

бросилась назад. Брауншвейгская черная пехота первая оказала неприятелю твердое сопротивление; она расположена была батальонным каре, как и большая часть английских сил в сей достопамятной битве, где каждый полк составлял особенное каре, почти непроницаемое для врага; ибо внутри его солдаты были построены в несколько рядов. Расстояния между каре достаточно было, чтобы поставить батальоны в линию, когда бы они получили приказание развернуться. Полки в их относительных постах можно сравнить с местами на шахматной доске. Итак, кавалерийский эскадрон не мог пройти между двумя каре без того, чтобы не подвергнуться с фронта страшному огню тех, кои находились по краям флангов. Несколько раз французы предпринимали сие, но всегда претерпевали одинаковую неудачу.

Впрочем, сей порядок сражения, представлявший столь удачное сцепление для отражения кавалерии, с виду казался неважным. Солдаты, построенные таким образом, занимали весьма малое пространство. Один отличный офицер, который назначен был со своим отрядом для подкрепления брауншвейгских солдат, признавался мне, что когда увидел яростное нападение французской кавалерии, коей быстрый напор и ужасный крик, казалось, колебали землю, ею попираемую, и потом обратил взоры свои на малые черные массы, отделенные одна от другой и подвергавшиеся бурному стремлению столь страшного потока, — он невольно усомнился в успехе битвы.

Но когда брауншвейгские войска открыли огонь со свойственным им хладнокровием, быстротой и меткостью, успех недолго казался сомнительным. Артиллерия, со своей стороны, столь же превосходная как по устройству, так и по быстроте движений, произвела над кавалерией ужасное действие и усеяла землю людьми и лошадьми. Сей отпор нимало не ослабил мужества французов, которые шли вперед, невзирая на страшный огонь, готовый поглотить все их ряды; и ежели атака конницы прекращалась на минуту, то только для того, чтобы дать место артиллерии, которая на расстоянии ста пятнадцати туазов производила в густых рядах наших ужасное поражение. «Первый выстрел из пушки, — сказал мне офицер, о котором я упо-

минал, — положил семь человек в каре, где я находился; другой был не столь губителен: он убил только трех».

Несмотря на столь ужасный огонь и ввиду густых туч кавалерии, которая, подобно хищным птицам, ожидала минуты расстройств в рядах наших, чтобы устремиться на оные — храбрые солдаты вмиг соединились на трупах своих товарищей и в мрачном молчании снова принимали порядок сражения, к которому приучила их дисциплина.

Наконец, после величайших усилий, приложенных французами, чтобы разорвать наше правое крыло, особенно же утвердиться на Нивельской дороге, и сопротивления англичан, сделавшего все их напряжения тщетными, битва на сей стороне, казалось, успокоилась, чтобы с большей яростью, если это было возможно, свирепствовать в центре и левом крыле.

Деревня Мон-Сен-Жан была первым пунктом, на который Бонапарт, пользуясь большой дорогой, находящейся между нею и Бель-Альянсом, устремил пехотные и кавалерийские колонны свои, подкрепляемые ужасным огнем.

Вершина холма в этом случае доставляла англичанам большую помощь. Вторая их линия, расположенная позади возвышения, была в безопасности от прямого огня артиллерии, хотя и подвергалась выстрелам бомб, который неприятель бросал для обеспокоивания войск, справедливо предполагая, что они скрыты за возвышением. Первая линия получала некоторую выгоду от крепкого забора, который простирался вдоль центра и левого крыла, закрывая отчасти последнее; впрочем, он был не столь крепок, чтобы служить ретрашементом или парашетом.

В то самое время, когда осаждавшие батальоны старались овладеть забором, английская кавалерия, переходя оный в промежутках, несколько раз отражала их; наконец французская кавалерия поспешила на помощь своей пехоте — и англичане, не успевшие в пору соединиться после расстройства, неизбежного при такой ужасной схватке, были почти совершенно разбиты.

Несмотря на все усилия графа Оксбриджа, кавалеристы наши претерпели жестокое поражение в неравной встрече с невредимыми кирасирами; многие были убиты,

некоторые взяты в плен и умерщвлены в пылу сражения. Даже Немецкий полк, отличавшийся храбростью и дисциплиной во время Испанской войны, в сем случае не мог выдержать напора французской кавалерии. В эту критическую минуту сэр Джон Элли, ныне служащий в чине генерал-квартирмейстера, испросив позволение вести бригаду, составленную из гвардейских солдат Голубого Оксфордского полка и Серых шотландцев, произвел на кирасиров столь сильное наступление, что они тотчас были опрокинуты. Многие французские отряды были загнаны в ров, наполненный хвощом, и истреблены сильным огнем артиллерии.

Некоторые черты воинского хладнокровия, оказанные в самом пылу сражения, достойны замечания. Гвардия, шедшая для подкрепления 95-го полка, который с помощью ружейного огня выдерживал жесточайшую атаку, кричала ему как будто на параде: «Браво, 95-й! Намыль французов хорошенько: мы их обреем!»

В сумятице, произведенной ужасным поражением кавалерии, многие лица отличились редким мужеством и неустрашимостью; из числа их заслуживает особенного внимания один гвардейский капрал по имени Шейв; он успел убить десять французов собственной рукой, прежде нежели сам поражен был выстрелом из пистолета.

Даже офицеры, которых привычка нынешних европейских воинов сделала более распорядителями, нежели участниками битвы — даже они сражались как простые солдаты. «Вы сегодня очень разгорячились», — сказал один офицер своему другу, молодому человеку высокого сана, в то время как он, изломав две сабли, вооружался третьей. «Что ж мне прикажете делать? — отвечал ему молодой человек с приятной лаской. — Мы здесь для того, чтоб бить французов: ныне первым из нас тот, кто более убьет их». Сказавши сие, он опять бросился в середину схватки. Сир Джон Элли, распорядившийся наступлением, сам отличился чрезвычайной храбростью. Его окружило множество кирасиров; но он, будучи необыкновенно крепкого сложения, управляя с чрезвычайным искусством саблей и лошадью, быстро пробился сквозь

толпу и истребил большую часть оной. Вообще обе стороны отличались столь необыкновенным мужеством и искусством, что раны и удары, наносимые ими в тот день, могут показаться невероятными или заимствованными из истории рыцарских времен: у некоторых тела были разрублены до самой поясицы, у других головы совсем отделены от туловища. Следствием сей схватки было то, что вся французская кавалерия легла на месте, а пехотная колонна, состоявшая из 3000 человек, сложила оружие — и была отправлена в Брюссель. Прибытие оной в город усугубило ужас брюссельских жителей. Они долго ожидали французов как победителей — и даже увидев их пленными, не могли рассеять своего страха. Продолжительный гул пушек уведомлял их, что сражение еще не кончилось и самый вид пленных, надеявшихся быть отмщенными, подтверждал это. Один кирасирский офицер особенно замечен был по своей гордой мине, прекрасной осанке и презрительной улыбке, с которой внимал радостному крику черни. «Император, — будто говорил он им, — сейчас будет здесь». Нахмуренные брови его и яростное движение руки — все выражало роковые последствия прибытия императора.

И действительно, сражение продолжалось с яростью, беспрестанно возрастающей, на миг оно затихло в центре и на правом крыле; но вскоре возобновилось еще с большим ожесточением. Атаку начали кавалерийские колонны, следовавшие одна за другой, подобно разъяренным волнам бурного моря. Бельгийская конница, выставленная вперед для сопротивления, обратилась в бегство и рассыпалась в величайшем беспорядке.

Первая артиллерийская линия наша, состоявшая из 30 пушек, была отбита французами, и канониры получили повеление, покинув пушки, отступить в середину пехотных каре; но неприятель не мог ни овладеть пушками, ниже сделать им какое-либо употребление. Тогда сцена сражения приняла необыкновенный вид: многочисленные корпуса французской кавалерии яростно устремились на малые каре нашей пехоты в намерении разорвать оные; но все усилия их остались тщетны.

Между тем конная артиллерийская бригада, находившаяся под начальством несчастного майора Нормана Рамсея, начала палить по колоннам. Они несколько раз подавались назад, но только для того, чтобы потом устремиться с новой яростью и напряжением, которое, казалось, почти несвойственным духу и силам человеческим. Всякий раз, когда французская кавалерия принуждена была отступить, наши артиллеристы из каре, в которых они находились в безопасности, прибегали к своим пушкам — и губительный огонь преследовал эскадроны, сражавшиеся в отступлении. Особенно достойны замечания два артиллерийских офицера, которые, выбежав из каре в ту минуту, когда отступала кавалерия, зарядили одну из оставленных пушек и выпалили по кавалеристам. Один французский офицер, заметив, что сие действие, будучи повторено несколько раз, произведет значительную потерю в людях, остановился подле пушки во время отступления своего эскадрона и замахнулся шпагой, как бы грозя английским офицерам, чтобы не приближались снова. Он был тотчас убит гренадером; но его великодушное пожертвование собой спасло большую часть его товарищей. Многие французские офицеры оказали подобное усердие к защите дела, в котором они, по несчастью, приняли участие с таким жаром. Один штаб-офицер, подведя солдат своих весьма близко к пехотному каре нашему, вдруг был оставлен ими, когда англичане открыли огонь. В критическом положении он бросился на штыки неприятельские, простирая руки и как бы ожидая пули, долженствовавшей поразить его. Он был тотчас убит, ибо в сию минуту войска не могли иметь никаких сношений.

С другой стороны, хладнокровие наших солдат простиралось до такой степени, которая может показаться несбыточной: посреди ужасного шума, производимого кровопролитной сечей, все приказания начальников исполняемы были с такой точностью, что адъютанты безопасно могли пробегать строи пред наступлением решительной минуты. Каждая фаланга, образуя непроницаемую крепостцу, защищалась отдельно; а все вместе, с помощью перекрестного огня, взаимно обороняли друг друга и наноси-

ли ужасную гибель неприятелям, которые несколько раз покушались отрезать фланги и даже задние ряды. Немцы, ганноверцы и брауншвейгцы соблюдали одинаковый порядок и производили огонь с такой же дисциплиной, как англичане, с которыми они были перемешаны. Несмотря на столь благородное и мужественное сопротивление, положение нашей армии становилось более и более критическим. Герцог Веллингтон выставил в первую линию самые лучшие войска свои; они уже много потерпели, те же, которые должны были подкреплять их, оказались в некоторых случаях слабыми и неспособными выдерживать такой ужасный напор. Он сам был свидетелем бегства одного бельгийского полка в то время, когда проезжал заднюю сторону холма для приближения второй линии к первой. Герцог прискакал к ним, остановил бегущих и соединил их в намерении подвести к огню. Белги тотчас закричали: «Вперед! вперед!» — и так как они хорошо обучены были во французской службе, то и шли в надлежащем порядке, вытянувшись и подняв голову вверх со всей воинской точностью. Но, выйдя из-за холма и снова подвергнувшись густому граду пуль и картечи, они тотчас покинули своего генерала, предоставив ему искать себе сотоварищей более решительных. Тогда он обратился к брауншвейгскому полку, который повиновался с меньшим энтузиазмом, нежели храбрые белги, но сохранил свое место с большей твердостью.

На другой стороне ганноверские гусары Камберлендского полка должны были также подкреплять наступление английских войск. Неустрасимый их предводитель не слишком торопился к исполнению своего долга, так что адъютант, посланный от герцога Веллингтона, принужден был объявить ему, чтобы он шел вперед или ретировался назад, дабы не подать худого примера прочим войскам. Полковник принял со всей важностью эти слова за приказание, предоставлявшее ему на выбор то или другое — и, поблагодарив адъютанта за внимание герцога, не желавшего подвергнуть полк его жестокому огню, объявил, что займет позицию позади деревни Сен-Жан. В самом деле он исполнил сие с досадой на адъютанта, осыпавшего его

самыми обидными упреками. Этот случай, хотя весьма неприятный сам по себе и могший повлечь за собой гибельные последствия, был, однако же, столь забавен, что герцог Веллингтон и все окружавшие его не могли удержаться от смеха, когда рассерженный адъютант начал рассказывать о случившемся. Я слышал, что многие офицеры и солдаты бежали из сего полка и присоединились к другим кавалерийским корпусам, стараясь смыть позор свой в крови врагов. Но их бестрепетный вождь не почитал еще себя безопасным в избранном им poste и удалился в Брюссель, где произвел страшную тревогу, распространяя слух, что французы его преследуют.

Не думайте, чтобы я приводил сии обстоятельства для порицания национального характера ганноверцев и белгов; другие полки их достойно поддержали славу свою на поле сражения; но это я пишу для тех, которые говорят, что герцог, имея силы почти равные Бонапартовым, долго боролся с ним. Можно сказать по всей справедливости, что первая линия, подкрепленная несколькими полками второй, одна выдерживала весь напор: следовательно, весьма неблагоприятно было бы действовать наступательно даже в то время, когда англичане получали решительные выгоды; на новобранцев же, составлявших большую часть войск, назначенных для подкрепления первой линии, нельзя было положиться. Конечно, 80 000 англичан кончили бы сражение в два часа; но тогда оно не было бы так решительно, потому что французы, не слишком изнуренные краткой битвой, могли принять лучшие меры для прикрытия своей ретирады.

Между тем сражение продолжалось на всех пунктах, а центр и левое крыло были атакуемы с чрезвычайной яростью. Наконец французы овладели укрепленным местечком Ге-Сент, находившимся в центре английской армии. Ганноверские стрелки защищали сей пост с неодолимым мужеством, так что истратили весь порох и принуждены были выдерживать неравную битву на штыках сквозь стенные отверстия и амбразуры; несмотря на то, они все до одного пали на месте.

Так как въезд в сию крепостцу был со стороны большой дороги, куда неприятель направил главный огонь.

свой, то невозможно было подать им никакой подмоги; офицер же, охранявший сей пост, не догадался сделать пролом в стене с задней стороны. «Мне должно было бы обратить внимание на сей пункт», — сказал однажды герцог Веллингтон, почитавший наблюдение за малейшими подробностями битвы одной из главных своих обязанностей. — «Но вполне естественно, — прибавил он, — что я не мог всего объять». Впрочем, пост сей не принес большой пользы неприятелям, хотя они и долго занимали его: наша артиллерия, находившаяся на вершине холма, имела в своей власти эту позицию, так что Бонапарт при защите оной потерял гораздо более людей, нежели при взятии.

На правом крыле атака Угумонского поста все еще продолжалась с прежней яростью. Французы, долгое время не имевшие никакого успеха, прибегли к бомбам, посредством коих зажгли огромную скирду сена, а потом и самый замок. Тогда пламя быстро начало распространяться, развевая густые облака пепла, который в соединении с дымом от непрерывной пальбы предвещал малочисленному гарнизону нечто ужасное. И действительно, ни один из раненых, кои принесены были в сей замок с поля сражения, не смог спастись. Но защищавшие замок не потеряли своего мужества — и все усилия неприятеля вытеснить их из сада и двора остались без успеха.

Наконец упорство французов, претерпевших в сем пункте значительную потерю, начало ослабевать. Правое крыло наше, пользуясь случаем, утвердило свое сообщение с Угумоном и подкрепило его защитников.

Во время упорного сражения сам герцог несколько раз подвергался величайшей опасности. Он подъезжал к каждому каре, стараясь ободрить всех своим присутствием. Многие выражения, произнесенные им тогда, еще и ныне с восторгом повторяются офицерами, как заключавшие в себе некоторую магическую силу.

В ту минуту, как он остановился посреди большой дороги в виду Мон-Сен-Жана, многие пушки устремлены были против него; ибо неприятель узнал его по многочисленной свите и движениям офицеров, получавших приказания. Несколько пуль попало в дерево, находящееся по правую сторону дороги и теперь известное под именем

Веллингтонова дерева. «Вот доказательство ловкости французских канониров, — сказал герцог одному офицеру из своей свиты. — Мне кажется, они стали стрелять гораздо метче, нежели в Испании». Подъехав к 95-му полку, который выстроился в первой линии и ожидал ужасного напора кавалерии, он закричал: «Смелее, 95-й! Не попустим врагу победить нас! Что скажут об этом в Англии?» В другом случае, увидев большую толпу солдат своих, захваченных в плен, и опасное положение остальных их товарищей, он сказал со всем хладнокровием равнодушного зрителя: «Будьте спокойны: мы еще выиграем сражение».

Хладнокровие герцога возбуждало всех, принимавших от него приказания, к непоколебимому мужеству: его быстрый и решительный взор вселял в них неограниченную уверенность. Вокруг него пало множество штаб-майоров, кои, умирая, ни о чем более не беспокоились, как о сохранении жизни своего вождя. Сэр Уильям Де Лэнси, будучи поражен пулей, упал с лошади. «Оставьте меня умирать, — сказал он поспешившим к нему на помощь, — но берегите герцога». Несчастный сэр Александр Гордон, подававший о себе великую надежду превосходными талантами и рановой опытностью, смертельно ранен был в ту самую минуту, когда заметил генералу опасность, которой тот подвергался. Полковник Каннинг и многие другие офицеры умерли с именем Веллингтона на устах. Один молодой офицер, посланный с важным поручением к некоему бригадному генералу, на обратном пути получил рану в грудь. Воодушевляемый чувством долга, он собрал все силы свои, прискакал к герцогу и, отдав отчет в поручении, испустил у ног последнее дыхание. Можно сказать по всей справедливости, что ни один генерал не получал от своих подчиненных более сильных доказательств преданности. Сия неограниченная преданность нашла себе благодарное вознаграждение в горестном чувстве героя, умевшего оценить ее. «Поверьте мне, — сказал герцог, — что после бесславного поражения ничего нет прискорбнее выигранной битвы. Храбрость моих войск спасла меня от многих бедствий; но купить победу при Ватерлоо жизнью таких храбрых друзей было бы в глазах

моих величайшим несчастьем, если бы сия потеря не вознаграждалась общим благом».

Несмотря на столь важные пожертвования, англичане не могли быть совершенно уверены в своем успехе. Французы продолжали еще атаку с чрезвычайным упорством, хотя и были отражены на многих пунктах, — и наши пехотные каре, выдерживавшие напор их с неодолимой твердостью, претерпев значительную потерю в людях, начали ослабевать. Один генерал принужден был объявить, что из всей его бригады осталась только третья часть, которой необходимо отдохнуть хотя несколько минут. «Скажите ему, — отвечал герцог, — что его требование исполнить невозможно: он, я и все англичане должны умереть при своих постах, не уступая ни шагу неприятелю». «Этого довольно, — сказал генерал, — я и все мои подчиненные готовы разделить общий жребий».

Один из наших друзей осмелился спросить герцога, часто ли он обращал взоры свои к лесу, откуда ожидал пруссаков? «Нет, — отвечал он, — я чаще всего посматривал на часы; ибо я уверен был, что ежели войска мои сохранят свою позицию до ночи, то я успею ночью соединиться с Блюхером и на другой день вместе с ним поработить Бонапарта. Но признаюсь, — прибавил он, — я с удовольствием видел каждый час, счастливо протекающим». — «Но если бы, паче чаяния, неприятель овладел нашей позицией?» — «Мы имели позади себя лес для ретирады». — «Но ежели бы и лес достался в его руки?» — «Невозможно, он никогда не мог так сильно разбить нас».

Из сего краткого разговора видно, что отступление англичан в сей достопамятный день доставило бы Бонапарту только однодневный успех.

В продолжение ужасной борьбы прусский генерал со свойственной ему неустрашимостью спешил на помощь к союзникам. Он шел так быстро, что в четвертом часу дивизия Бюлова начала уже громить правый фланг французской армии. Бонапарт тотчас заметил сие движение.

Кроме огромных сил, действовавших в битве, он имел в резерве большой корпус под начальством графа Лобо. Сей корпус явился пред Бюловым с такой быстротой, что

произвел в офицерах наших недоумение насчет места, откуда он взялся.

Сражение в этом пункте началось жестокой схваткой стрелков, но продолжалось не с большим упорством, потому что прусский генерал ожидал корпуса Блюхера, который замешкался по разным обстоятельствам. Мы говорили уже о дурном состоянии дорог, по которым должна была проходить прусская армия; к сему присоединились еще ощутительные последствия Линьийского поражения, так что Блюхер прежде вступления в дефиле принужден был остановиться на некоторое время, дабы узнать, могли ли англичане удержаться в своей позиции до прибытия его к ним на помощь; ибо в случае их поражения Блюхер был бы окружен в дефиле Сен-Ламберта: спереди победоносными французами, а сзади корпусом, преследовавшим его в пути к Вару. Таково было мнение лучших офицеров наших; но верность неустрашимого князя не позволяла ему медлить долгое время в походе, и он, несмотря ни на какие препятствия, решился как можно скорее подать помощь знаменитому союзнику.

Груши и Вандамм, соединив силы свои, преследовали арьергард прусской армии, находившийся под командой Тауэнзейна, до Вара. Наконец Тауэнзейн остановился в деревнях Вар и Бельж в намерении защищаться. Вероятно, появление корпуса Бюлова на правом фланге заставило Бонапарта атаковать пруссаков в разных, отдаленных друг от друга пунктах, с тем чтобы воспрепятствовать соединению их с Веллингтоном. Поручение дапо было генералу Груши. Но Бонапарт не знал, а Груши не догадался, что войска, ему противопоставленные, были не чем иным, как крепким арьергардом, прикрывавшим марш главного корпуса, который под начальством самого князя проходил уже Сен-Ламбертские дефиле и готов был соединиться с Веллингтоном.

Упорное сопротивление Тауэнзейна утвердило Груши в той мысли, что он имел дело с большей частью прусской армии: Варский мост несколько раз переходил из рук в руки. Наконец один французский полковник, взяв часть своего полка, мужественно перешел мост и утвердился на

противоположном берегу реки. За ним последовал весь полк с громким криком: «Vive l'empereur!» — и хотя сей храбрый офицер, подавший собой пример другим, был убит на месте, солдаты его успели овладеть деревней. Вскоре и Бельж достался им в руки — и Груши ожидал только дальнейшего повеления. Но ожидание было тщетным: гул пушек, доходивший до него, час от часу становился реже и реже; наконец совсем замолк, так что Груши уже на другой день поутру услышал ужасную весть об участии Наполеона.

Между тем Блюхер продолжал свой марш в дефиле Сен-Ламберта. Несмотря на жестокие последствия падения с лошади 16-го числа, неустранимый прусский ветеран оставил коляску и показался верхом пред рядами своих воинов, стараясь ободрить их словами и собственным примером. При закате солнца армия его вышла из-за леса, который находился во фланге обеих войск, оспаривавших пальму победы. Одной из главных ошибок Бонапарта можно счесть худое мнение о силе прусского характера, особенно Блюхерова. Зная, что прусская армия явилась на поле сражения, он все еще думал, что Груши ее преследует и что она сражается в отступлении или делает косвенное движение, стараясь употребить последние средства для прикрытия своей ретирады. Некоторые полагали, будто он пруссаков принял за корпус Груши; но это несправедливо. Зачем заблуждение его увеличивать до степени, близкой к глупости?! Одна легкая ошибка была достаточна к его гибели. Впрочем, Бонапарт (как видно из письма маршала Нея) распространил между своими солдатами слух, что Груши идет к ним на помощь.

Спустя несколько времени он вообразил, что его генерал изменил ему и присоединился к Блюхеру. Тогда, забыв всю кровь, пролитую в сей битве, он решился употребить последние усилия.

Несмотря на упорство, с коим Бонапарт возобновил свое нападение на английскую позицию, и значительные потери, понесенные его кавалерией и пехотой, он имел еще в резерве до 15 000 человек гвардии, которая, будучи расположена на вершине и позади Бель-Альянса, оставалась

до сих пор в бездействии. Этим резервом, который был истинно предан ему и оставался единственным его пособием, хотел он нанести неприятелю последний удар отчаяния. Он оставил прежний отдаленный пост свой и расположился посреди большой дороги в четырех милях от английской армии. По обеим сторонам сего места находилось множество холмов, кои препятствовали пулям доходить до него в прямом направлении. Здесь он соединил свою гвардию и объявил, что пехота и кавалерия англичан совершенно разбиты и что остается только выдержать огонь артиллерии; в заключение своей речи он указал пальцем на большую дорогу и воскликнул: «Друзья! вот путь к Брюсселю!» Торжественный крик ответствовавшей ему гвардии заставил наши войска и даже герцога Веллингтона думать, что атака начнется под личным предводительством Наполеона. Взоры всех обратились к тому месту, откуда неслись восклицания; но за мраком наступающей ночи, соединившимся с дымом от непрерывной пальбы, ничего нельзя было хорошо рассмотреть.

Никто не внимал сему крику с такой надеждой, как наш великий генерал, который, вероятно, в то время говорил про себя, подобно Макдуфу, исполнителю Макбетова мщения:

*Этого-то я и ожидал:
сей шумный восторг возвещает мне
приближение важнейшей жертвы моей.*

И действительно, все предполагали, что Бонапарт сам будет управлять атакой; но он не показался в голове своей гвардии, на которую полагал всю надежду, — и тем самым обманул ожидание и друзей своих, и неприятелей.

Однако же императорская гвардия, собрав рассеянные пехотные и кавалерийские корпуса, кои еще выдерживали битву, гордо пошла на неприятеля. Но англичане успели воспользоваться уроном французов: правое крыло наше, находившееся под командой лорда Хилла, мало-помалу подавалось вперед при каждой их неудаче; наконец оно совершенно переменяло свою позицию. Тогда наша ар-

тиллерия произвела столь сильный огонь, что голова французских колонн, стремившихся к наступлению, была уничтожена прежде, нежели они успели выйти на большую дорогу. Ярость французов была чрезвычайна: несмотря ни на какие препятствия, они старались достигнуть холма, который защищал наших солдат от огня артиллерии, подкреплявшей атаку; но это было последнее их усилие. «Вперед!» — закричал герцог Веллингтон, находившийся с гвардейской бригадой, и англичане во мгновение ока взошли на холм и ударили в штыки.

Гвардейский корпус, представлявший до сих пор каре, вытянулся в линию, которая по глубокой предусмотрительности нашего вождя составлена была из четырех рядов вместо двух. Наступление было решительным. Наполеонова гвардия находилась в двадцати туазах от нашей; но ни один солдат его не противостал английским штыкам. Беснадежность на резерв привела французов во время отступления в замешательство. Это обстоятельство тотчас было замечено обоими генералами. Увидев торжественный марш пруссаков, испровергнувших все, что только противилось им на правом фланге, герцог приказал всем английским войскам построиться в линию и действовать наступательно.

Тогда вся линия, построенная в четыре ряда и подкрепляемая кавалерией и артиллерией, устремилась с вершины занимаемого ею возвышения на французов и обратила их в бегство. Стрелки императорской гвардии покусились было прикрыть отступление, но были вмиг истреблены английской кавалерией.

Бонапарт усмотрел несчастный конец сражения так же скоро, как и английский генерал, но совсем с другим чувством. Весь день он выказывал величайшее хладнокровие и неустрашимость: по временам хвалил дисциплину и храбрость некоторых английских корпусов и сожалел об их неизбежной гибели. Он даже равнодушно выслушивал донесения об успехах пруссаков на правом фланге, устремляя все свое внимание и полагая всю надежду на гвардию. Но когда он увидел, что она совершенно расстроилась, а кавалерия смешалась с пехотой, то

обратился к своему адъютанту и сказал: «Они перемешались!» Вдруг лицо его покрылось смертной бледностью, взор сделался неподвижен; и он горько покачал головой. Вскоре за тем два корпуса английской кавалерии устремились на оба фланга, и так как пруссаки обошли уже правый фланг, то Бонапарт был в опасности попасть в плен. Тогда, произнеся роковое: «Спасайся кто может!» — он оставил несчастную армию, которая в сей самый день с такой неустрашимостью проливала за него кровь свою. Свита его, состоявшая из десяти или двенадцати человек, стремительно бросилась за ним, так что Бонапарт отложил всякое попечение в соединении своих войск и прикрытии их ретирады.

Каково бы ни было поведение Бонапарта в других случаях, здесь должно предположить, что или первый успех ослепил его, или он совершенно упал духом под конец сего достопамятного дня; ибо, показывая на всем протяжении битвы величайшее хладнокровие, он сделал отступление, нимало не сообразное с честью воина, которого храбрость и личный характер вознесли на самую высокую степень могущества.

Между тем англичане в центре и пруссаки на левом фланге не встретили почти никакого сопротивления. В ту самую минуту, как английские войска построились в линию, стараясь нанести неприятелю решительный удар, закатывающееся солнце показалось из-за туч, как бы для того, чтобы осветить последними лучами славу победителей. Труд, потери, все было забыто в это время; ибо наступательный порядок сражения возбудил всеобщий энтузиазм. Вся линия под личным предводительством герцога Веллингтона подавалась вперед с чрезвычайной быстротой и неустрашимостью. Огонь из 150 неприятельских пушек не мог остановить ее ни на минуту; скоро и артиллеристы французские, оставив пушки, обратились в бегство в величайшем беспорядке; те, которые старались еще соединить их, были раздавлены бегущими. Первая линия неприятельская стремительно бросилась на вторую, и обе смешались в общем смятении. Обозы, ящики, пушки и все, что только могло задержать их в пути, было разбросано по большой дороге и равнине; не говорю уже о бесчислен-

ном множестве убитых и раненых, тщетно вымаливавших себе пощады от победителей, которые в упоении торжества безжалостно топтали их. Все пушки французов, в числе 150, достались англичанам; последняя из них была отбита адъютантом генерала Адана, капитаном Кэмпбеллом, который сам выстрелил из оной по бегущим неприятелям и таким образом имел честь кончить битву, начатую, как говорят, Бонапартом.

Прощайте, любезный Майор; извините меня за длинное письмо, в котором находится много такого, что уже Вам известно. Весь рассказ почерпнут мной из донесений главных начальников, участвовавших в сей знаменитой битве. Надеюсь также, что Вы простите меня за частые повторения, необходимые для большей достоверности описываемых происшествий.

ПИСЬМО IX

Пол — сестре своей Маргарите

Я должен теперь представить Вам, любезная сестрица, краткое описание поля Ватерлоо — краткое потому, чтобы не наскучить Вам известными подробностями, ибо сие поле было уже несколько раз описано. Путешествия, предпринимаемые англичанами и нашими туристами для обозрения оного, были столь многочисленны, что окольные крестьяне значительно обогатились через происшествие, которое сперва угрожало им совершенной гибелью. Одна старушка, содержательница главного трактира в Ватерлоо, во время моей бытности в оном почувствовала всю цену занимаемого ею места и удвоила цену нашего кофе за то, что сделала нам честь, показав кровать, на которой великий лорд изволил почивать перед сражением. Трудно решить, доколе будет продолжаться налог на любопытство англичан? Правду сказать, добрые фламандцы некоторое время не понимали энтузиазма англичан, приезжавших осматривать это классическое место. Страна их долго была театром военных действий, в коих местные жители почти никогда не участвовали. Для них как выигранная, так и проигранная бит-

ва были равны и казались делом посторонним, так что крестьянин по удалении войск опять принимался за свои обыкновенные работы с таким равнодушием, как после грозы, шумящей вдалеке от его поля. Теперь вы можете себе представить изумление этих чистосердечных *rososurantes*, когда они увидели бесчисленное множество англичан всякого звания, спешащих к полю Ватерлоо.

Я был из первых посетителей оною; до меня, однако же, приезжало более шести семейств. Все старались взять к себе в проводники Жана Лакоста, фламандского крестьянина, который сделался известным по услуге, оказанной им Бонапарту в должности вожатого, — и он повторял со всеми подробностями одинаковый рассказ свой всякому, желавшему его слушать. Я долго его расспрашивал; но, как мне кажется, не получил никаких известий, кроме тех, о коих было опубликовано в газетах с чрезвычайной заботливостью; ибо Вы, я думаю, мало любопытствуете знать, что в тот достопамятный день экс-император ездил на серой лошади, был в сером же сюртуке, надетом поверх зеленого мундира и, в память цвета своей партии, как я предполагаю, в фиолетовом жилете и панталонах. Впрочем, я следовал за Лакостом от одного места до другого с живейшим движением, заставляя его показывать со всевозможной точностью все посты, кои в тот великий день занимал низверженный государь. По достижении последнего из них мной овладело какое-то невыразимое, торжественное чувство; я живо вообразил, как на этом самом месте человек, занимавший столь долгое время первую степень в Европе, видел все надежды свои исчезнувшими, все могущество ничтожным. Не прошел еще месяц с тех пор, как тот, которого имя было ужасом Европы, топтал землю, находившуюся под моими ногами. Напротив расположен был генерал, которого счастливое окончание битвы заставило провозгласить победителем властолюбивого завоевателя. Окружавшие меня места, где ныне царствует совершенное спокойствие, представляли сцену ужасного торжества. Сей самый человек, которой шел со мной, находился тогда подле Наполеона и был свидетелем его душевного волнения; видел, как он постепенно переходил от надежды к беспокойству, от

беспокойства к страху, от страха к отчаянию. Все эти воспоминания рождали в душе моей чувства, коих описать невозможно. Зрелище битвы так быстро переменялось, что даже посреди долины, на коей происходила она, я как бы сомневался в ее избыточности.

Сам Лакост показался мне человеком лукавым. Он жаловался, что любопытство путешественников заставляет его покидать обыкновенные и необходимые занятия. Я советовал ему брать с каждого семейства или общества, желающего видеть его и расспрашивать, по пяти франков.

«Таким образом, — прибавил я, — ты увидишь, что Бонапарт сдержал свое обещание обогатить тебя, хотя употребил для этого такой способ, о котором он никогда и не воображал». Почтенный Лакост поблагодарил меня за мой совет; — и я осмеливаюсь думать, что он ему будет не бесполезен.

Поле сражения ясно показывало обстоятельства битвы; нужно было только знать позицию обеих армий.

Трупы и прочие ужасные остатки битвы были сожжены или зарыты в землю; те же, кои находились еще на поле, не заключали в себе ничего важного, как-то: изорванная упряжь, старые шляпы, остатки мундиров, книг и бумаг: они покрывали землю в великом множестве, особенно в тех местах, где действие было кровопролитнее. Чаще всего попадались мне на глаза военные книжечки, кои носили при себе все французские солдаты. Я взял одну из книжек, которая красивой и опрятной наружностью доказывает строгую дисциплину французской армии: каждый солдат обязан был иметь у себя такую книжку для записывания в ней не только состояния своего вооружения, но и случаев, когда он отличился или подвергнулся наказанию; в конце книжки прилагалось расписание обязанностей простого воина, из коих одна состояла в умении стряпать кушанье, особенно хороший суп. Книжка, находящаяся у меня, принадлежала Малле, солдату 2-го батальона, 8-й линии. Он служил с 1791 года до 18 июня 1815 года. Этим днем, вероятно, кончился свет его и все земные надежды. Письма и разные другие бумаги были также разбросаны в беспорядке и в некоторых местах це-

лыми кипами; но большая часть их совсем изгладилась, так что нельзя было прочесть. В местах, где пали английские солдаты, находилось большое число шарлатанских медикаментов; однако между общими лекарствами эмпириков не было ни одного против опасностей кровопролитной битвы. Кроме этих остатков, поверхность долины представляла очевидные следы сражения: пшеница и рожь, покрывавшие оную, превратились в черную пыль, земля же во многих местах была изрыта бомбами и артиллерийскими лафетами. Признаки грозного и быстрого разрушения живо напоминали все ужасы отчаянного боя. Впрочем, не зная ничего о произошедшем в этой долине, можно было подумать, что за несколько дней до того здесь стояла большая ярмарка. Преходящие признаки мало-помалу исчезали, ибо плуг бороздил уже долину в разных местах. Во мне родилось желание — может быть, более чувствительное, нежели благоразумное, — чтобы поле сие оставить хотя бы на один год в пару: каждый шаг земледельца, казалось мне, топтал труп героя, павшего за свое отечество. Но волнующиеся колосья хлеба, уже готового произрасти, вскоре покроют смиренные могилы и изглядят с лица земли печальные следы ярости человеческой.

Дома и деревушки, подвергнувшиеся более прочих артиллерийскому огню, весьма много потерпели от ядер, которые пролетали сквозь них во всех направлениях. Деревня Ге-Сент почти вся была разрушена. В окрестностях все дома наполнены были ранеными, из коих многие едва имели силу добраться до ближайшего убежища, где бы могли спокойно умереть.

В деревне Сен-Жан и прочих, находившихся посреди английских позиций, оказались только проломы вокруг окон и в наружных стенах. Деревни же, расположенные на противоположной высоте, между французскими бивуаками, будучи совершенно разграблены, потерпели и снаружи и внутри.

К прочим доказательствам отличного мнения, какое иностранцы возымели об английском великодушии, можно отнести требование значительной суммы денег, учиненное владельцем этих мест, за деревни, сделавшиеся

жертвой сражения при Ватерлоо. Его спросили, почему он надеялся на исполнение требования, столь странного в военное время, когда известно было, что ни один английский солдат не мог участвовать в разорении, на которое он жаловался, ибо разграбленные деревни и дома находились на позиции Бонапарта? Фламандец хотя и не читал Лейда, знал, однако же, очень хорошо учение об убытке по роду следствий, так что не понимал влияния, какое имело представленное опровержение на его требование. Он сказал, что если б англичане не защищали дорогу с таким упорством, то французы спокойно пошли бы на Брюссель и не причинили никакого опустошения. Наконец, получив решительный отказ, он принужден был замолчать, хотя не с большим удовольствием. Угумон (место, важнейшее из всех) был совершенно разрушен. Обгорелые остатки маленького замка лежали кучами посреди сада, коего плодоносные и полураздробленные деревья дают еще достаточное понятие о прекрасном состоянии, в котором находилось это жилище до тех пор, пока осенняя гроза не разразилась над ним. Многие путешественники покупали персики и собирали оставшиеся в саду орехи с благочестивым намерением произрастить в Англии деревья, кои бы сохранили память об этом знаменитом месте. Роща, окружавшая Угумон, почти вся повалена ядрами и картечью; я заметил одно дерево, которое было поражено в двадцати различных местах. Я думаю, что владетель опустошенного замка получит от нидерландского правительства справедливое вознаграждение. (Не могу умолчать о том, что несмотря на все старания сжечь или погребсти трупы, земля во многих местах, особенно около Ге-Сент и Угумона, издавала вонючий запах: это заставляет предполагать, что погребение совершено было неаккуратно или наскоро).

Число убитых с точностью определить нельзя; впрочем, с довольною вероятностью можно предположить до 40 000 павших с обеих сторон до начала отступления. Я разговаривал с некоторыми очень сведущими офицерами, которые полагают гораздо более. Представив себе столько трупов человеческих (не говорю уже о многих тысячах убитых лошадей), зарытых на пространстве двух миль в

длину и одной в ширину, невольно изумишься, как еще не распространилась зараза в дополнение к ужасам битвы.

Жители Ватерлоо подвергались великим опасностям и разорению в продолжение сей жестокой борьбы; несмотря на то, они нашли средства с избытком вознаградить свои потери. Сперва они участвовали в воинских добычах, ибо наши солдаты, будучи слишком изнурены, не могли им в том воспрепятствовать. Многие из них грабили французские и даже английские обозы, в то самое время как наши войска, получив приказание сражаться в отступлении, принуждены были бросить все, что могло задержать их в пути, лежащем через Сваннйскую рошу. Слава приближавшейся победы исполнила восторгом все сердца, так что никто и не думал преследовать грабителей. Многие из наших офицеров лишились своего платья и прочих пожитков в ту минуту, когда уже готовы были, так сказать, занести ногу на французскую землю.

Более невинный источник обогащения жители окрестностей нашли в продаже разных мелочей и оружия, собранного ими на поле сражения. Сии вещи сами по себе не имели никакого достоинства и сделались драгоценными единственно по любопытству англичан, так точно, как некогда в Риме книги Сивиллы по своей редкости и постепенному уменьшению. В каждой деревне открыты были рынки для английских путешественников. Во время моего проезда мужчины, женщины и дети бегали к нам навстречу и предлагали шпаги, пистолеты, карабины, ножны и пр. и пр. За все можно было заплатить весьма умеренную цену. Я купил себе довольно хороший карабин за пять франков, хотя должен был торговаться долгое время, ибо старушка, коей он принадлежал, запросила с меня наполеондор — цену, почти равную той, которую я заплатил в Бирмингеме.

Все искали с большим старанием кресты Почетного легиона; их цена на рынке чрезвычайно возвысилась. Я купил самый простой за 50 франков. Крылья, которые французские солдаты носили на своих касках, и прочие украшения императорской гвардии также очень скоро раскупались; но их можно было иметь за несколько су. Особенным предметом любопытства

были кирасы, которых сперва, вероятно, находилось очень много, ибо носившие оные все до одного погибли в сражении. Победители собрали также большое количество кирас, кои употребляли для кушанья вместо сковород; я сам видел одного монтаньяра, жарившего себе говядину или баранину в оружии побежденного неприятеля; впрочем, их осталось еще довольно, чтобы составить счастье жителей Сен-Жана, Ватерлоо, Планшенуа и других деревень. В бытность мою в Бель-Альянсе я купил кирасу простого солдата за 6 франков, но за другую, которая принадлежала офицеру и была с насечкой отличной работы, я заплатил в Брюсселе вчетверо более; что касается касок, которые, скажу мимоходом, были превосходной отделки, то их уже нигде почти нельзя найти, ибо крестьяне тотчас распродали их для употребления вместо старой меди, а покупщики, опасаясь обратного требования, расплавляли со всей возможной скоростью.

Усердие, с коим мы производили покупки и собирали все, что только могли найти на поле сражения, оскорбило одного из героев Ватерлоо, который по благосклонности своей взялся быть моим проводником; он удивлялся участию, принимаемому мной в таких предметах, на которые он привык смотреть как на бесполезные остатки битвы. Я почел обязанностью напомнить ему, что он сам пожинал лавры на этом самом месте и хотя бы ради этого должен извинить рвение скромного собирателя персиковых косточек, орехов и других безделиц. К счастью, энтузиазм одного путешественника, купившего себе целые ворота в Бель-Альянсе, ослабил несколько упрек воина, доказав, что моя глупость еще не из первых. Признаюсь, я сам очень любопытствовал узнать, что предпринимали сделать с этими воротами, не хотели ли раздробить их на мелкие части подобно тутовому дереву Шекспира.

Одна дама подарила мне весьма любопытную тетрадку, которая найдена была на поле сражения. Она заключает в себе собрание французских песен, и почти вся испещрена кровавыми пятнами, кои ясно показывают судьбу ее владельца. Два из этих романсов показались мне довольно занимательными. Впоследствии я видел их в переводе, по

случаю встречи моеї с одним из наших шотландских поэтов; сей перевод я к Вам препровождаю.

Последние стихи сей песни нельзя разобрать по причине множества пятен и дурной орфографии. Сие маленькое собрание заключает в себе и другие поэтические отрывки; но они, слишком напоминая свободу гвардейского корпуса, не стоят труда, который бы должно было употребить для их перевода.

Не хочу также докучать Вам другими переводами; только прилагаю в конце письма моего оригинал, желая отдать справедливость любезному моему трубадуру. Работа моя была довольно затруднительна, ибо переписчику, как видно, не слишком знакома была орфография; я же не столь хорошо знаю французский язык, чтобы исправить совершенно его ошибки.

Остаюсь с преданностью и пр.

Пол.

ПИСЬМО X

Пол к Э...

Слово, которое я дал Вам, любезный друг, писать и доставлять подробности, относящиеся к Вашим статистическим занятиям, давно уже, так сказать, лежит у меня на душе и побуждает к немедленному исполнению. Но Вы, конечно, простите нерадение друга, который, будучи помещиком с пятнадцати лет, до сего времени смотрел на своих овец и коров, покойно гуляющих по лугу, более как на прекрасный ландшафт, нежели как на предметы торговой спекуляции, и который, по непростительной беспечности, о репе и картофеле своем думал только в то время, когда видел их на столе. При помощи какого-нибудь фламандского помещика я сделал бы для вас любопытное и подробное описание земли, которой плодородная почва с избытком вознаграждает труды земледельца. Быстрота и правильность — душа земледельческой работы — наблюдаются здесь с чрезвычайной точностью: едва оканчивается жатва хлеба, как плуг бороздит поле, еще покрытое соломой, оставляя только места для складки приготовленных снопов.

Плодородие здешней земли беспримерно; оно даже превосходит обилие лучших угодий наших и равно благоприятствует как земледелию, так и разведению лесов. Хороший рынок есть неразлучный спутник изобилия, — и я думаю, что Брюссель, известный по своему многолюдству и всем удобствам, могущим удовлетворить роскошь, принадлежит теперь к малому числу тех городов, в коих можно жить с большой экономией. Я сделал счет, из коего видно, что я мог бы провести год в Брюсселе, пользуясь хорошей квартирой и всеми выгодами обыкновенной роскоши за сумму, почти равную той, которую я плачу в Шотландии. Но при сем сравнении я вспоминаю с сердечным движением, что мое скромное шотландское жилище, будучи окружено обширным морем, находится в безопасности от всех конвульсий, потрясающих землю; соперничающие армии никогда не придут решать судьбу мира в десяти милях от моего дома; а гром пушки разве тогда прервет мой сон, когда нужно будет возвестить какое-либо радостное происшествие: сии обстоятельства, внушая чувство личной свободы и душевного спокойствия, суть причины более нежели достаточные к тому, чтобы отдать преимущество моему бедному отечеству.

Но для особ, которые не из экономии, а по причинам более побудительным ищут кратковременного пребывания вне своей родины, Брюссель имеет сильные приманки. Здешнее английское общество, сколько могу судить, состоит из первых лиц; в нем участвуют с удовольствием лучшие голландские фамилии; но это отвлекает нас от главного предмета: возвратимся к нашим овцам.

Фермы и избы голландские имеют вид довольства и удобства, который вполне соответствует здоровой и веселой наружности их обитателей. Искусство вырывать негодные травы, предупреждать всякий беспорядок и пользоваться всеми углами садов и виноградников нигде не обнаруживается с такой выгодой, как в Голландии. Разнообразные виды фламандской природы представляют обширное поприще таланту здешних живописцев, которые занимаются изображением лесов и рощей, окружающих

их дома. Сии леса, состоящие по большей части из бука, смешанного с березой и дубом, весьма многочисленны и доставляют жителям обильный запас дров, несмотря на то, что во Фландрии находится также очень много угольных шахт, особенно близ Шарлеруа.

Фламандские рощи имели прежде гораздо большую цену, нежели ныне; ибо деревья, годные для корабельной постройки, почти все срублены по повелению Бонапарта, который хотел во что бы то ни стало построить флот в Антверпене. Ничто так не обнаруживает обширности сего предприятия и средств, употребленных к исполнению оною, как великолепные верфи, построенные в сем городе; огромные каменные плиты прекрасного цвета и отменной прочности были привезены туда водой из окрестностей Шарлеруа. Поправки, сделанные Бонапартом в укреплениях Антверпена, были чрезвычайно прочны; несмотря на то, английская артиллерия уничтожила корабли даже в этих страшных бассейнах. Мачты потонувших судов во время бомбардирования, производившегося сэром Томасом Грэхемом, и теперь еще видны на поверхности воды.

Жители Антверпена не слишком выгодного мнения о талантах Карно, хотя англичане отзываются о нем с похвалой. Он управлял городом во время осады. Мне показывали остатки маленькой его батареи, которая, говорят, расположена очень дурно и не доставила никакой выгоды, как оборона бесполезная и родившаяся нечаянно в воображении знаменитого математика.

В других отношениях ожидание жителей в рассуждении Карно обмануто было весьма приятным образом. Назначение его внушало им живейшее беспокойство; ибо они помнили, что он был министром и орудием Робеспьера. Несмотря на то, Карно не подал ни малейшего повода к жалобам, — и уничтожение предместий, которые закрывали огонь его батарей и тем самым препятствовали защите города, исполнено было с такой умеренностью, какой только могли желать жители. Самый город, который осаждающий генерал по своему снисхождению старался пощадить как можно более, потерпел от англичан весьма

мало, хотя некоторые дома и были совершенно разрушены бомбами. Сей участи подверглась и таможня, которой чиновники столь долгое время удручали фламандцев грабительством, что разрушение опой произвело в них величайшую радость.

Бельгия, или Фландрия, со времени присоединения своего к нидерландской державе, приобрела новое политическое существование. Вообще перемена границ государства почитается не весьма полезной вещью, но соединение Голландии по справедливости должно исключить из сего общего правила; это соединение — повторяю — скорее можно назвать возобновлением натуральной связи, существовавшей между двумя странами еще до Филиппа II, нежели новым разделением земли, особенно потому, что положение Фландрии как поприща, на котором долгое время решались распри европейских народов, было весьма ненадежно. Для народа, находившегося под игом иностранцев, согражданство людей, говорящих одним языком и имеющих одинаковые нравы и обычаи, весьма выгодно. Несмотря на то, предрассудки, укоренившиеся в Бельгии в течении двух веков, столь сильны, что еще должно употребить много труда для истребления оных.

Главная причина опасения заключается в различии религий. Фламандцы суть весьма усердные и суеверные католики, над которыми духовенство имеет власть неограниченную; одно намерение короля ввести терпимость всех вероисповеданий произвело в них живейшее беспокойство. Архиепископ Льежский, бывший недавно жарким приверженцем Бонапарта, находился в весьма затруднительном положении от буйной декларации одного партизана со стороны кальвинистов, так что принужден был жаловаться на него в своем пастырском увещании. Но ныне царствующая королевская фамилия утвердилась столь сильно, что целого века, мне кажется, мало для того, чтобы сии возмутительные декларации могли остановить успехи веротерпимости. Несмотря на то, король не пренебрегает советами своих новых подданных-католиков. Он обещал употребить

все свое влияние для возвращения картин, которые французы вывезли из разных нидерландских церквей, особенно из Брюсселя и Антверпена. Между сими последними было образцовое произведение Рубенса — «Снятие со креста тела Господня», которое вместе с двумя другими, относящимися к подобным предметам находилось прежде в главном алтаре великолепного антверпенского собора. Подобной участи подверглись и прочие утвари сего величественного храма, кроме одной картины, украшавшей часовню, тоже Рубensoвой работы. Чувство благоговения, часто пробуждающееся и в самых грабителях, спасло ее от похищения.

Несмотря на то что король обещал потребовать назад церковные картины, большая часть фламандцев смотрит на сие обещание как на поруку, что религия, им исповедуемая, не воспрепятствует ему покровительствовать католикам. Почти нет никакого сомнения, что при постепенном влиянии времени и примера, грубые предрассудки и суеверия исчезнут во Фландрии так, как и в других европейских странах.

Ничто столько не способствовало укоренению народной любви к Оранскому дому, как деятельный и твердый характер наследного принца. Его подвиги во время сражений при Катрбра и Ватерлоо, и рана, полученная им в последнем, еще более укрепили связи, соединявшие царствующий дом с новыми подданными, отвыкшими с давнего время повиноваться государям, кои могли бы предводить ими в битве и проливать собственную кровь для их спасения.

Воснная сила их, возрастающая ежедневно, уже довольно значительна: хотя некоторые бельгийские войска дурно вели себя в последнюю кампанию, было, однако, много и таких (особенно в пехоте и артиллерии) кои по своему мужеству и дисциплине без стыда могут стать наряду с лучшими английскими войсками. Храбрые белги по справедливости гордятся воинской славой, которую они приобрели с такой же честью, как и принц, ими управляющий. На каждом брюссельском перекрестке встречаются уличные певцы, продающие разные стихи в честь

принца и солдат его. Я, как страстный любитель народных песен, купил себе образчик фламандской поэзии, в котором, скажу мимоходом, о герцоге Веллингтоне и Джоне Булле вовсе не упоминается, как будто их и не было при Ватерлоо.

Сие небольшое опущение фламандских бардов произошло, однако же, не от ненависти к герцогу или англичанам. Напротив того, наши раненые получали на протяжении своей болезни и теперь еще, во время выздоравливания, получают от брюссельских жителей самые трогательные доказательства внимания и добродушия. Сии доказательства дружбы изъявляемы были еще в то время, когда Блюхер был разбит и когда ретирада герцога Веллингтона могла возбудить в них сильные опасения насчет собственной безопасности и мщения французов, раздраженных приверженностью фламандцев ко врагам Наполеона. Добрые брюссельские жители не боялись благодетельствовать нашим воинам; они доставляли больным свежую пищу, многие расточали свои ласки первому раненому, который им попадался; вводили его к себе в дом, кормили как собственного сына, не заботясь нимало о бедствиях, которые таковое гостеприимство могло навлечь на главу их.

В Антверпене, куда 17-го и 18-го числа перенесена была большая часть раненых при Катрбра, народ оказывал подобное участие к судьбе их. Многие из наших земляков говорили мне, что они непременно умерли бы без попечения великодушных фламандцев, которые, будучи подвигнуты состраданием, забывали и счастье и сан свой.

И действительно, самые знатные люди оставляли свою гордую разборчивость, стараясь подать помощь всем, кто только имел нужду в оной. Но и они так же часто удивлялись мужеству и терпению больных своих. «Ваши соотечественники,— сказала мне одна дама, очень хорошо говорившая по-английски,— тверды как железо. Я видела одного раненого солдата, который плелся по дороге, с трудом опираясь на перила, находившиеся по сторонам оной. Подойдя к нему, я ему

заметила, что он опасно ранен. “Мне ли беспокоиться о ране своей, — отвечал несчастный хайлендер, — я родился в Лохабере”. И едва я успела предложить ему помощь, как он упал мертвый к ногам моим».

В Брюсселе один почтенный мануфактурщик принял в дом свой и содержал тридцать раненых солдат; работа мастеровых не мешала великодушным хозяевам кормить их как нельзя лучше.

Мы надеемся, что воспоминание о сей дани покровительства и благотворения фламандцев не только не изгладится из памяти англичан, но еще укрепит вечную связь между Англией и страной, на которую более всего можно взирать как на натуральную ее союзницу.

Я опять отдалился от земледелия к делам военным и политическим. Впрочем, я не могу почти ничего прибавить к подробностям, особенно Вас касающимся; ибо Вы, без сомнения, уже видели фламандские плуги, грабли и вилы, кои были представлены шотландскому обществу одними из деятельнейших членов его. Самое замечательное из всех земледельческих орудий, которые удалось мне видеть, есть род палки с крюком. Оратай, держа крюк в левой руке, жнет хлеб с помощью серпа, находящегося на конце палки, и собирает его в кучу в одно и то же время. Сия операция так быстра, что два человека, идущие вслед за одним жнецом, едва успевают вязать снопы из сжатого им хлеба; но я думаю, что она может быть употребляема только на месте ровном, где вовсе нет камней.

Убор комнат и все хозяйственные орудия фламандцев носят на себе отпечаток национального их характера. Они очень прочны, но грубы и нестройны и в составе своем заключают вещества гораздо более, нежели нужно. Колодезные рычаги обыкновенно состоят из длинного деревянного таскала, а телеги и повозки столь же неуклюжи, как лошади, которые их возят. Эти подробности почти не стоят того, чтобы их описывать; но в сей огромности и нескладности, есть нечто, обнаруживающее национальный характер, который отражается и в самых мелочах.

Прощайте, любезный друг; жалею, что не имею ничего любопытного сообщить Вам о любимом вашем предмете; впрочем, все, что бы я ни написал, принесло бы мало пользы человеку столь опытному в своем искусстве, как Вы, который не имеет нужды учиться у голландцев откармливать телят и свиней.

Остаюсь и пр.

Пол.

ПИСЬМО XI

Пол к Э...

Наконец, любезный друг, пересехав дорогу, ведущую из Брюсселя в Париж, посреди шумного военного торжества и ужасных следов опустошения, я нахожусь в завоеванной столице. Путешествие наше было довольно занимательным: хотя дорога не представляла никакой действительной опасности, однако иногда предстоял наружный вид, могший утратить такого простого гражданина, как друг Ваш. И действительно, все было ново для меня, и сцены, поражавшие взоры мои, произвели на меня глубокое впечатление. Мы ехали по следам победоносной английской армии; подкрепления всякого рода и войска, недавно отправленные во Фландрию, спешили отовсюду для присоединения к армии, так что все города и дороги наполнены были иностранными войсками; ибо, хотя главная цель войны и достигнута, однако же никто не мог еще почитать ее совершенно оконченной. Конде сдался уже спустя несколько дней; Валаансен же держался еще — несмотря на то, что он вошел в сношения с нами, мы приготовлялись бомбар-

дировать этот город. Другой слух, дошедший до нас, состоял в том, что назначено было перемирие и что гарнизон, будучи в несражающемся положении, может пропустить через город столь неопасный караван, как наш, без всякого беспокойства. Я любопытствовал увидеть страшные действия настоящей войны, но весьма далек был от желания, чтобы Валансьен сгорел для моего удовольствия, и очень обрадовался, когда узнал, что последний слух был основателен. Вследствие сего мы проехали ретраншаменты и батареи осаждавших спокойно и без всяких вопросов со стороны голландских и прусских часовых, которые молчаливо расхаживали взад и вперед по постам своим; наконец мы приблизились к крепостным воротам, где офицер спросил у нас паспорта и пожелал узнать, военные ли мы люди.

Услышав отрицательный ответ наш, он нам позволил въехать в сей мрачный, грязный и худо выстроенный город. Вот люди, думал я, смотря на худо одетых солдат, охранявших валансьенские ворота, вот люди, которые хотели завоевать весь мир и которых имя тридцать лет было ужасом Европы.

В самом деле, вид их был довольно дик и страшен; во взоре блистал еще остаток гордости и энтузиазма, обнаруживавший полную уверенность в своем мужестве; впрочем, они казались весьма расстроенными. Иные носили белую кокарду, другие сохранили трехцветную, а один из них, более благоразумный, к собственному удовольствию и забаве товарищей, надел на свою шляпу обе, дабы соотнобразиться с обстоятельствами, смотря по тому, та или другая сторона возьмет верх.

Нам не позволили взойти на валы, и я не почел необходимою прогуливаться в городе, где царствовало неприятельское солдатство, предоставленное самому себе. В глазах жителей изображались печаль и прискорбие. Хозяйка дома, в коем мы остановились, далекая от изъявления обыкновенной французской веселости, плакала почти при каждом вопросе нашем. Генерал Рей, надев белую кокарду, старался успокоить тревожившихся жителей; но так как союзные войска не были еще

впущены в город, то сомнительно было, чтобы они удовольствовались блокадой, которой до тех пор ограничивались военные действия против Валансьена. Жители, по словам хозяйки, искренне уважали англичан, которых они хорошо знали потому, что Валансьен во время войны был главным депо пленных; но они боялись, чтобы город не заняли пруссаки и белги. На другой день с нами случилась встреча не слишком приятная; это был рассеявшийся кондейский гарнизон, который союзники, овладев городом, распустили. В физиономии простого солдата, лишившегося мундира, какой бы он нации ни был, есть нечто жалкое. Его походка, взор, воинские ухватки и остатки мундира, не представляя более опрятности, показывающей, что он принадлежит к армии образованной, становятся страшными, как предвестники какого-нибудь злосчастия.

Дикие и отвратительные черты лица, усы и странная одежда придавали солдатам, составлявшим гарнизон в Конде, вид совершенно разбойнический. И действительно, они были истинными образцами ужасной школы своей: недавно они остановили на дороге и убили французского офицера, роялиста по имени Гордон, за то единственно, что их принудили сдать крепость королю. Брат убитого офицера преследует теперь сие злодеяние, но все его старания при дворе Тюльрийском остаются еще без успеха. Солдаты тянулись в беспорядке разными толпами на пространстве двух или трех миль. Скорбь и негодование ясно изображались во взорах их.

Одни из них, замечательный по своей свирепой физиономии, воскликнул несколько раз: «Vive le roi!»¹, — сопровождая свое восклицание эпитетом, который показывал, что оно не было изъявлением почтения и верности.

На каждом перекрестке два или три солдата отделялись от толпы, обнимали своих товарищей и прощались с ними. При сем зрелище невольно родилась в душе моей мысль: что будут делать эти люди, которые при та-

¹ Да здравствует король!

ких худых обстоятельствах вступают на попрание гражданской жизни, со своими дикими привычками и неукротимыми страстями? может ли отважный мародер полюбить спокойные занятия мирного трудолюбия? не станут ли они, напротив, ходить по миру, умирать с голоду или воровать до тех пор, как какое-нибудь несчастное обстоятельство снова не доставит им знамя и вождя? Не без тайного удовольствия освободились мы от наших спутников, мимо которых я ехал ночью через лес не очень в радостном расположении; ибо они были весьма похожи на людей, кои охотно кричат честному человеку: «Стой!» Впрочем, мы не можем пожаловаться ни на какого вора, кроме ужасного грабительства трактирщиков, на которых, однако же, мы не имеем права сердиться; ибо всякий благоразумный путешественник, подъехав к трактиру, должен торговаться прежде, нежели расположится занять какой-либо покой.

На каждой станции должно снова торговаться с хозяином или хозяйкой, и разве по нерадению или ошибке передашь лишнее. Едва ли нужно упоминать, что более всего запрашивают в самых дурных трактирах; однако несмотря на сию привычку набавлять цену на все для путешественников, надобно отдать справедливость строгой честности французов: наша поклажа и деньги были всегда в целости. Я забыл однажды в трактире свой маленький портфель, в котором было немного денег и которого наружность могла подать подозрение, что в нем заключалось что-либо драгоценное; трактирщик, нашедши его, подбежал к нашей коляске и отдал мне портфель прежде, нежели я заметил свою потерю, между тем как ему ни чего не стоило солгать, особенно в то время, когда дом его наполнен был солдатами всех наций, которых присутствие могло служить для него достаточным извинением. Это обстоятельство внушило мне доброе мнение о честности французов, которые, кроме своего ремесла, не позволяют себе никаких обманов.

Путь, ведущий из Брюсселя в Париж, в обыкновенном своем положении не представляет ничего такого, чтобы могло особенно занять путешественника. Большие дороги,

начатые Суллой и оконченные его преемниками, обнаруживают великолепие, которое дотоле было неизвестно. Чрезвычайная ширина их доказывает дешевизну земли в ту эпоху, когда они были проложены; но середина мостовой весьма хорошо отделана, и езда по одной легка и безопасна даже в дурную погоду, между тем как в хорошую можно ехать с удовольствием подле широкого рва, простирающегося по обеим сторонам дороги. Она обыкновенно обсажена тройным рядом вязов и даже фруктовых деревьев.

Но большей частью живописных местоположений путешественник во Франции не наслаждается по тем же самым причинам, по которым дороги в ней столь прекрасны и удобны; ибо они почти все сделаны по повелению правительства, которое имеет право пролагать путь прямо от одного пункта до другого, и, следовательно, почти все лежат в прямом направлении, столь скучном для путешественника: напрасно ищет он постепенного раскрытия прекрасных видов, сменяющих друг друга вдоль разнообразной дороги, которой извилины змеются вокруг хлебного поля и виноградников и избегают прямизны как бы из уважения к какому-нибудь старому помещику, или из снисхождения к семейственной любви и согласию, — даже к предрассудкам и капризам владельца. Я не люблю стоической добродетели Брута, когда он старается проложить большую дорогу, и я на его месте судил бы снисходительнее о стране, где публика гораздо более уважала частные владения, нежели заботилась о том, чтобы большие дороги проведены были прямо для какой бы то ни было причины.

Впрочем, путешественник, проезжающий дорогу, по которой я ехал, мало будет сожалеть о сей прямизне. Реки текут лениво и берега их не имеют ничего занимательного. В городах встречается иногда церковь, достойная любопытства, но никогда другое какое-либо замечательное строение: однообразие архитектуры XV века — времени, в которое большая часть сих храмов была построена — скоро утомляет внимание любопытствующего.

Укрепления городов сделаны по правилам новейшей фортификации, следовательно, более прочны, нежели живописны; что касается феодальных замков, которые придают столько прелести местоположениям в Шотландии и Англии, я не видал ни одного из них. Кажется, что политическое намерение Людовика XI — сделать дворянство совершенно зависимым от короны посредством приглашения оного к своему двору, намерение, сильно отозвавшееся впоследствии, особенно при Людовике XIV, в ниспровержении древних благородных фамилий, имело столь полный успех, что в сей части Франции изгладило все следы пребывания деревенских дворян, которые пользовались властью и уважением, основанными на любви покровительствуемых ими крестьян. Не осталось даже и развалин от древних укрепленных жилищ; деревенские же дома, изредка встречаемые путешественником, сходны с теми, которые построены в Англии в царствование королевы Анны. Рвы, их окружающие, находятся в запустении, стены разломаны, и все вообще имеет вид беспорядка, расстроившего собственность, которой владетель отсутствовал несколько лет.

Свирепые революционные патриоты объявляли войну замкам, а покровительство хижинам. Но они мало находили замков, достойных разорения, и еще менее хижин, требующих покровительства. Земледелец французский, откупщик или крестьянин, не любит жить в фермах, но селится в деревне: сие обстоятельство, которое в отношении к деревенской экономии не вовсе бесполезно, много вредит красивости местоположений. Уединенная ферма сама по себе есть уже предмет довольно занимательный: она всегда возбуждает в душе размышления о домашней зависимости, посредством коей простые, но добродетельные крестьяне тесно соединены с богатым и трудолюбивым фермером, имеющим над ними власть подобную патриархальной, влияние которой никогда не прерывается, потому что подчиненность в этом случае зависит от доброй воли обеих сторон. Напротив того, большая деревня, состоящая из

многих фермеров и малых владельцев, которые нанимают работников за глаза и без разбора из самого бедного класса жителей, гораздо более подвержена ссорам и несогласиям, возмущающим многолюдное общество.

Обыкновение не обгораживать обрабатываемые поля составляет другой недостаток в красивости французских местоположений. Земля рачительно возделана и, по-видимому, ни один уголок не остается в запустении, но отсутствие заборов и плетней представляет взору, привыкшему к богатству Англии, странное зрелище опустошения и лени, между тем как в самом деле нет ни того, ни другого. Там, где нет огорождений, нет и домашних животных, которые в природе придают сельским ландшафтам столько же прелести, как в живописи и поэзии, и потому откармливаемый во Франции скот содержится на задних дворах при каждой мызе или большой ферме и выпускается на паству в местах отдаленных и открытых для всякого.

Проезжая северную Францию, более всего скучаешь однообразием деревенских домов и угодий. Редко взор утомленного путника останавливается на деревьях, растущих отдельно на открытой земле. Сами рощи во Франции расположены не очень красиво, хотя чрезвычайно обширны; ибо доставляют жителям достаточное количество дров. Деревья редко рассаживают группами, а еще реже составляют из них плетни, разве вдоль больших дорог. Густой лес никогда не заменит приятного разнообразия отдельных рощиц, в коих аллеи пересекают одна другую в различных направлениях.

Отсутствие заборов придает также и деревне с первого взгляда вид беспорядка и нерадения; но по строгом рассмотрении путешественник с удовольствием примечает, что его подозрение неосновательно. Земля вообще плодородна и каждой участок оной рачительно обрабатывается. Она доставляет с избытком все жизненные потребности, как-то: хлеб, вино, масло и пр.

Рассматривая Францию в сем отношении, нельзя не удивляться тому необузданному высокомерию, которое побуждало жителей столь плодородной страны к опус-

тошению песчаных земель Пруссии и необозримых степей России, где они нашли себе только смерть и позор. Но час мщения прошел, и каковы бы ни были чувства, возбужденные в нас жестоким вызовом, бедственное положение этой страны заслуживает сожаления. Дорога, по которой мы ехали, почти всегда была занята толпами военных людей; здесь тянулся длинный кавалерийский отряд, фуражирующий на всем протяжении своего пути, там проезжал артиллерийский парк по пашням. Немного далее встречали мы какой-нибудь полк, который старался занять деревню, провести в ней ночь и заставить бедных крестьян снабдить гостей своих всем, что им угодно было требовать. В другом месте разные толпы пехоты и кавалерии отправлялись для фуражировки. Хлеб уже созрел на пашнях, но редко земледелец отваживался жать оный, и то украдкой, чтобы солдаты не воспользовались его трудами. Это была жатва нового рода для Вас и для Вашего верного Грева; она производилась вооруженной рукой, и снопы свозимы были не в житницы фермы, но в воинский стан, под прикрытием усатого пруссака, раскуривающего с важным видом трубку свою на облучке воза. Часто эти подвиги сопровождались забавными случаями. Однажды небольшой отряд прусских солдат, наложив несколько возов хлеба, встретился с толпой французских крестьян, причем и те и другие должны были на минуту остановиться; в то время как одна часть французов старалась дать место воинам, другая приблизилась к пруссакам и, уверившись, что ни один из них не разумел по-французски, начала жестоко бранить их, сохраняя, однако же, и в самых порывах своего ругательства, вид почтения, который заставлял предполагать, что французы извиняются в своей медленности. Таким образом те, которых последние называли мошенниками, ворами и разбойниками, с важностью вынимали изо рта трубку и отвечали на такие приветствия «Das ist gut, ser woll» («Это хорошо, очень») и другими снисходительными выражениями. Жестоко было бы лишить бедных французов такого остроумного и невинного способа удовольствоваться свое

негодование; однако же я не мог не заметить им, при приближении прусского комиссара, что он понимает их язык, почему они все тотчас и возвратились к своим повозкам.

Жители старались сколько можно более поправиться победителям, изъявляя все знаки верности дому Бурбонов. Горожане уничтожали все, что только напоминало Бонапарта. Лучшим маляром был тот, который искусно мог переменить слово «imperial» на «royal»; но много находилось и таких искусников, коих талант производил только ясное соединение двух прилагательных, столь несогласных между собой. Некоторые благоразумные трактирщики, истомившись непрерывными переворотами, оставили на своих вывесках только пустое место в ожидании того времени, когда правление сколько-нибудь утвердится.

Сии доказательства усердия жителей к победителям были не бесполезны. Союзные войска вели себя очень хорошо, хотя и были случаи, которые, по-видимому, противоречат сказанному; но известно, что они неизбежны в такое критическое время. Особенно англичане умели приобрести себе доверенность жителей.

С одним из моих друзей случилось в некоторой разграбленной деревне любопытное происшествие. Он вошел в сад, принадлежавший к дому, по-видимому, менее бедному, нежели те, которые его окружали, но в самом деле столь же разоренному. Осматриваясь вокруг, он заметил за кустом двух или трех мальчиков, которые, увидев себя открытыми, тотчас убежали. Он звал их, но напрасно. Однако же английский выговор ободрил мать их, находившуюся позади другого куста, так что она осмелилась показаться. Друг мой узнал с некоторым изумлением, что она хорошо говорит по-английски. Воспитанию ли или каким-либо другим обстоятельствам она тому одолжена была, этого я не припомню. Только она ему рассказала, что ее семейство отважилось выйти из своего убежища в лес, где она и бродила уже два дня без пристанища и почти без пищи, чтобы посмотреть на опустошение, какое причинили неприятели в ее доме,

как вдруг снова была встревожена приходом солдат. Уверившись, что это были англичане, она согласилась остаться у себя, будучи исполнена той уверенности, которую внушает национальный наш характер. Наконец, приняв покровительство своего гостя, она послала сына за последней розой, находившейся в опустошенном саду ее, и поднесла ему оную, как единственное средство, которое осталось ей для изъявления благодарности: это последняя, сказала она, но я почитаю за счастье поднести ее англичанину. Надобно заметить, что во Франции даже низший класс народа в подобных обстоятельствах всегда обнаруживает вежливость, неизвестную другим нациям.

Впрочем, не нанося упрека дисциплине английских солдат, можно сказать по всей справедливости, что и они позволяли себе некоторые вольности; так, например, ежели во время роздыха попадалось им вблизи фруктовое дерево, они тотчас обрывали его.

Посреди военных сцен сообщение французских почт, находящихся под непосредственным распоряжением правительства, производилось безостановочно. На каждой из них прибита была прокламация, сочиненная на четырех языках, т. е. на французском, немецком, английском и русском за подписанием четырех генералов: сим повелением запрещалось всем офицерам и солдатам, как французским, так и союзным, брать почтовых лошадей или другими какими-либо способами препятствовать сообщению между Парижем и провинциями. Таким образом, при грозном шуме войны почты во Франции были безопасны и исправны, и нас в пути ничто не задерживало.

В то самое время, как некоторые деревни представляли жалкую картину опустошения, города не потерпели почти ничего; потому что солдаты, проходившие через них, находились всегда пред глазами офицеров; а в гарнизоны посылаемы были особенные командиры для наблюдения за дисциплиной. Однако в иных заметили мы, во время своего проезда, еще свежие следы бомбардирования, произведенного за неделю или за две до

нашего прибытия. Камбре взят был приступом; жители оного, бывшие вообще роялистами, благоприятствовали атаке; часть осаждавших взшла по лестнице старой башни, примыкавшей к скрытому ходу, которой проложен был через ров и сообщался с валом посредством калитки: сей ход открыт был жителями. Гарнизон состоял частью из национальной гвардии, которую Бонапарт откомандировал из прежнего ее кантона для защиты Камбре. Перонский гарнизон, именовавшийся некогда Перонской Девственницей или Девичьей крепостью, потому что всегда оставался целым, был взят подобным же образом. Перон расположен при реке Сомме, посреди низменной и болотистой равнины, и укреплен превосходно; но он, как и другие крепости на фландрской границе, мало имел способов к сопротивлению — Бонапарт и в этом случае верил судьбу свою единственно счастью, ибо не заготовил ничего для поддержания войны оборонительной. Доказательством же неопытности перонского гарнизона служит то, что он забыл завязать глаза английскому офицеру, который отправлен был с требованием сдачи. Сей офицер был человек отличного ума и достоинства, и глаза его, вероятно, не оставались в праздности в то время, когда осаждаемые, против обыкновения, предоставили им полную свободу. По возвращении своем он открыл возможность овладеть ретраншментом, находившимся в предместье по левую сторону реки. Тотчас началась атака и была столь счастливо совершена на всех пунктах, что солдаты, составлявшие гарнизон, положили оружие и возвратились к своим мирным занятиям, от коих они отторгнуты были Бонапартом. Сей успех так мало стоил, что офицер, получивший оный, едва согласился подробно рассказать мне о своем приступе. Но мне, который видел вал, хотя и понизившийся несколько от времени, но все еще очень крепкий, чрезвычайно глубокие и наполненные водой рвы; гласис, над ними возвышающийся; палисады, построенные из деревьев, покрывавших крепостные окрестности, — мне даже намерение овладеть этими укреплениями казалось предприятием важным и многотрудным.

Во всех городах, сколько я могу судить, чувства народа решительно клонились в пользу законного монарха, и я не сомневаюсь в их искренности, ибо приверженцы Бонапарта в подобных обстоятельствах не старались уничтожить эти чувства. В одном или двух городах готовились небольшие праздники, чтобы торжествовать возвращение короля. Приготовления показались нам не очень пышными; но от города, который недавно испытал все бедствия войны и еще имел в недрах своем иностранный гарнизон, нельзя было ожидать пышности и великолепия.

Однако же посреди сих сцен тревоги и беспорядка мы ехали с приятной уверенностью, что мы принадлежим к сильнейшей партии. Звук английских барабанов и труб раздавался пред нашим ночлегом каждой вечер; а поутру гремела побудная музыка; ибо во всех городах, лежащих по дороге нашей, находились английские войска и команды — и мы везде были осыпаны приветливой учтивостью наших соотечественников.

Прибыв к Сен-Максанскому мосту, который недавно был театром сражения между пруссаками и французами, мы увидели следы страшного опустошения. Сен-Максан довольно крепкий город и имеет прекрасный мост чрез реку Уазу, коего арка, разрушенная в вышеупомянутом сражении, опять возобновлена. Судя по выгоде, которую могли доставить французам высокие и лесистые берега Уазы, должно заключить, что мост сей был сильно защищаем ими. Однако ж пруссаки овладели оным, но как? — этого сказать нам никто не мог.

В городе некоторые дома были сожжены, другие разграблены; число амбразур и открытых отверстий в стенах домов и садов ясно показывает причину столь сильного разорения. Усилия, употребляемые для защиты крепости, всегда бывают губительны для жителей: ибо она всегда подвергается или огню одной какой-либо партии, или грабежу обеих.

В Сен-Максане нам сказывали, что город Сонлис, находящийся недалеко оттуда, на дороге, по которой мы ехали в Париж, потерпел еще гораздо более. Подле

него происходило сражение между частью армии Блюхера и частью корпусов Груши и Вандамма; сии генералы, поспешая прикрыть столицу после сражения при Ватерлоо, сделали отступление, приносящее им великую честь.

Мы не хотели быть свидетелями новых следов опустошения и потому охотно приняли предложение почтальонов переменить прежний путь свой на шантильийский; они хотели везти нас окольной дорогою, лежащей через лес; прекрасный путь, который они убедили нас предпочесть большой дороге, по несчастью, не мог уцелеть, подобно ей, от тяжелого перехода артиллерии, кавалерии и обозов. Он сделался ухабистым рвом, на коем четыре лошади, везшие нас, брыкались, рвались, задыхались и ржали, будучи понуждаемы непрерывными ударами бича и проклятиями почтальонов, так что каждую минуту опасались, чтобы наша маленькая почтовая коляска не разлетелась вдребезги. Однако же французские почтальоны, несмотря на худую упряжь свою, возят весьма искусно; и наши, после многих усилий и поворотов, благополучно наконец проехали дорогу, на которой йоркширский почтальон пришел бы в отчаяние, даже и тогда, когда вожжи его не были бы связаны бесчисленными узлами.

Шантильийский лес, вероятно, был обширен в то время, когда еще в нем охотилась фамилия Конде. Но все деревья, годные для строений, были срублены; из оставшихся же я не видал почти ни одного старше двадцати лет. Те, коим после революции достались поместья эмигрантов, были вообще хитрые спекуляторы: они старались все свои земли и леса обращать в деньги; ибо владетельные права их тогда были очень ненадежны.

Шантильи, сделавшийся классическим местом по имени великого Конде, представлял нам обширное поле для занимательных размышлений: он и сам по себе заслуживает внимания; некоторые строения расположены весьма приятно, но во время моего проезда почти во всех домах окна закрыты были ставнями, вероятно, из предосторожности от грабежа пруссаков, которые в то

время окружали город. Войска состояли большей частью из молодых людей, которые, по-видимому, расположены были забавляться на счет завоеванной страны. Однако ж я не заметил ни чего дурного в их поведении. Они овладели сапогами наших почталъонов и с довольным видом расхаживали по трактиру в этом страшном наряде, коего толстота и прочность нимало не уменьшились со времен Йорика и Лафлера¹. Но гусары прусские еще более забавлялись в великолепных дворцовых конюшнях, избежавших горестного жребия, который постигнул дворец. Огромный свод, воздвигнутый принцем Конде для лошадей своих, имеет пятьдесят футов в высоту, двести туазов в длину и около тридцати шести футов в ширину. Сие величественное здание, которое, судя по огромности, можно почесть более приличным для бегунов короля Бробдингнега, нежели для лошадей обыкновенного роста, было прежде разделено на многие отделы; но они уже давно разрешены. Посредине возвышается великолепный купол, имеющий девяносто футов в высоту и шестьдесят в диаметре. В углублении, находящемся под куполом и в виду главного входа, сделан пышный фонтан, который упадает в широкую раковину и оттуда стекает в обширный мраморный водосм. Сей фонтан, который с честью мог бы занять место и в самом дворце, был назначен для удовлетворения конюшенных потребностей.

В некотором расстоянии от конюшен находятся печальные развалины припцева дворца.

Великолепный замок соответствовал некогда в пышности своим конюшням; теперь от него остались одни развалины, загромоздившие каналы, вырытые для украшения и защиты. Он был разрушен парижской чернью во время революции. Революционеры, присвоившие себе материалы его, клали их в небольшом здании, которое называлось малым замком и соединялось с главным дворцом посредством шоссе. Таким образом малый замок уцелел, хотя сначала и был разграблен. Шантильи

¹ См. «Чувствительный поденщик» Стерна.

со всеми своими угодьями продан был как национальное имущество; но покупщики не выплачивали денег — и правительство взяло его назад. Сиим средством король, по восстановлении своем, мог без затруднения возвратить замок принцу Конде. Малый замок поправлен был наскоро и самым простым образом для принятия законного владетеля; вид сих поправок составляет печальную противоположность с великолепием прежних украшений. Везде видны только рамы огромных зеркал. Впрочем, ежели я хорошо вслушался в слова проводника моего, сии поправки не должны быть строго разбираемы, ибо они суть добровольное приношение шантильийских жителей, которые, узнав, что принц Конде хотел снова поселиться в замке своем, приложили все возможные старания для улучшения оного. Накануне нашего приезда они приготавливались торжествовать возвращение принца — и на куполе конюшни снова выставили белый флаг в знак вторичного восстановления Бурбонов.

Подле малого замка находятся остатки главного дворца, о котором я уже упоминал. Он расположен был на скале и обведен глубокими и широкими рвами, всегда наполненными чистой водой. Внутренность его заключала в себе все, что только могла выдумать роскошь того времени; а подземные своды были столь обширны, многочисленны и разнообразны, что могли сделаться убежищем воров, почему вход в оные и был завален по приказанию полиции.

При замке во время цветущего его состояния находился огромный театр, оранжерея и чрезвычайно красивая зала; сам он расположен был посреди партер, разгороженных в виде маленьких островов и украшенных статуями, водометами и вазами, что все вместе составляло великолепную перспективу.

Теперь все разрушено, и иностранец лишь из рассказов проводника своего узнает, что сии запустелые и пересекаемые каналами насыпи назывались прежде оранжерейными партерами, галереями ваз, островами любви и проч. Взирая на столь быстрое падение одного из са-

мых великолепных памятников суеты человеческой, с удовольствием обращаюсь я, любезный друг мой, к нашему старому жилищу, вспоминаю прекрасные его окрестности и утешаюсь той мыслью, что натуральные красоты наших мест гораздо прочнее роскошного здания, которое Бурбоны воздвигли некогда в Шантильи. Прощайте! Остаюсь и пр.

Пол.

ПИСЬМО XIV

Пол — Майору

Жадность Ваша, любезный Майор, к военным подробностям достойна человека, присутствовавшего при защите Бергоцзома в 1747 году; она не удовлетворялась даже длинным письмом, отправленным мною из Ватерлоо. Теперь я окружен войсками всех наций. Но как описать Вам сцену, столь блистательную, разнообразную и вместе столь ужасную и новую для глаз моих? Это довольно трудно. Париж представляет теперь обширный лагерь, составленный из солдат почти всей Европы; он находится под присмотром прусского барона Муфлинга, управляющего союзными войсками. Вам, конечно, небезызвестны обстоятельства, предшествовавшие сему необыкновенному перевороту; позвольте мне, однако ж, упомянуть об них в кратких словах.

После поражения французской армии при Ватерлоо дивизия, находившаяся под командой Вандамма и Груши, осталась целой. Эти генералы посредством искусного отступления не только спасли ее от угрожавшей гибели, но еще успели присоеди-

нить к ней большую часть остатков главной армии. По прибытии в Париж они нашли дела в самом затруднительном положении. Убежав с поля Ватерлоо, Бонапарт первый привез в знаменитую столицу Франции известие о своей неудаче. Он думал, что либералы, при этой крайности, примут сильное участие в судьбе его, снова вручат ему всю власть, какую только может единодушие доставить диктатору, и употребят последние усилия для его защиты. Но он измерял свое влияние по прошедшим, а не по настоящим обстоятельствам. Страх, удерживавший прежних его сообщников в должных пределах уважения, уже исчез. Они тотчас дали ему почувствовать, что обстоятельства требовали от него совершенного отречения, и грозно вызывали к себе его министров, стараясь прибрать в свои руки бразды правления.

Наполеону не оставалось ничего более, как презреть их угрозы или отречься от короны. В первом случае он мог бы разогнать сие возмутительное скопище, ибо войска и чернь парижская были на его стороне; но он не имел пужной для этого решительности. Напрасно брат его Лукиан, вступивший снова на опасное поприще политики и желавший возбудить в нем прежнюю смелость, советовал ему выгнать из присутственных палат всех бунтовщиков с помощью войск и овладеть полной властью; он мало надеялся на успех, да и самый успех принудил бы его жить и умереть вместе с войсками, что ему было весьма неприятно. И он вознамерился увитую тернами корону свою возложить на главу юного своего сына. Собрание старалось уклониться от такого предложения — и приверженцы Бонапарта получили весьма сомнительное согласие касательно сего условия. Лукиан сильно ходатайствовал за брата, а Лабедоер горячился, но все их усилия были тщетны. Палаты, захватив в руки свои кратковременную и ненадежную власть, завели спор, который невольно напоминает известные слова Свифта об одном клубе: «Вот они опять на своих скамьях — и чувствуя себя счастливыми на сей раз, опять пришились за законы».

Вместо того чтобы приступить к деятельным приготовлениям для отражения иностранцев, парижские сенаторы занялись отвлеченными теориями и смешными прениями о форме правления. Один член парламента, приверженный к положительному законодательству, пожелал узнать расстояние между Парижем и Сен-Кантемом (тогдашней главной квартирой лорда Веллингтона); но его тотчас принудили замолчать, как человека, отдалившегося от настоящего своего предмета; однако же вопрос его был не неуместен: хотя армия Груши и прибыла в столицу, но вслед за ней шли союзники. Палаты, которые переняли уже все старые замашки и язык конвента, выбрали из среды своей депутатов, кои должны были уверять солдат, что члены палат готовы встать в ряды их и что для тех, которые падут в сей великой борьбе, день смерти будет днем новой жизни. Говорят, что г. Гарнье, вовсе не привыкший к такому языку, хотел сказать «днем бессмертия», но сие неприличное выражение совершенно ослабило действие его красноречия.

Итак, депутаты, опоясавшись трехцветными шарфами, отправились; они говорили солдатам о естественных началах свободы, о ненарушимых правах человека, и для единодушного восклицания предлагали им такие слова: «Да здравствует народ! да здравствует свобода!» Но их увещания не слишком много подействовали на воинов, которые отвечали им только криком: «Да здравствует император!» Депутаты старались отнести эти восклицания к Наполеону II — и поблагодарив, подобно герцогу Бэкингему, своих верных друзей и сограждан за чувства, коих те не обнаруживали, возвратились в палаты, чтобы отдать отчет в своем посольстве. Был, однако ж, один пункт, в котором французские солдаты согласовались с законодательным собранием, именно в твердой решимости — основанной на сознании собственной вины и страхе наказания — сопротивляться всеми силами восстановлению законного монарха, хотя все умные люди во Франции знали по опыту, что оно оставалось единственным средством к спасению государства от совершенной гибели. Касательно сего пункта происходили самые жаркие споры, производились самые буйные решения; особенно ниж-

няя палата доказала, что ей недоставало только времени и силы, чтобы возобновить анархию революции, так точно, как она переняла ее язык.

Беспокойство палат составляло разительную противоположность с равнодушием того, кто возбудил эту бурю: он беспрестанно разъезжал по Парижу, то отправлялся в Элизе-Бурбон, то в Маль-Мезон и обратно; везде давал праздники и делал приготовления к отъезду, о цели которого никто не знал. Все это производил он с таким спокойствием, как простой путешественник, вознамерившийся провести во Франции некоторое время.

Для довершения своего притворства он потребовал от палат экземпляр какого-то сочинения, которое он желал иметь у себя. Наконец приближенные союзников ускорило отъезд его; и когда они были уже в трех милях от Парижа, он решительно оставил столицу, которую за несколько дней перед тем называл своей. Палаты решились было защищаться, но недостаток средств совершенно воспрепятствовал исполнению этого намерения.

Говорят, что Бонапарт еще до отъезда своего из Парижа советовался с Карно о материалах, необходимых для защиты столицы, и что последний оценил их в двести миллионов, прилагая к тому трехгодичный труд. Несмотря на все это, отвечал экс-император, довольно будет шестидесяти тысяч хорошего войска и двадцатичетырехчасового приступа, чтобы взять город.

Однако же Бонапарт сделал все нужные приготовления к исполнению этого гигантского предприятия. Монмартрские высоты были укреплены с большим старанием. Деревня Сен-Дени снабжена была сильным гарнизоном, кроме того, в северной части города произведено было затопление посредством отведения двух потоков в недоконченный Уркский канал, коего высокие берега представляли весьма крепкую позицию.

Чернь парижская занималась работой с энтузиазмом, который не уступал самым буйным порывам революционного бешенства. Приближенные английской и прусской армий, которые в случае нужды могли быть подкреплены всеми русскими и австрийскими войсками, нисколько не охлаждало жар французов. Они твердо были

уверены, что Париж не иначе мог быть взят, как изменой, и с гордостью повторяли, что они имеют еще Массену, Сульга и Даву (столь же знаменитых по своим воинским талантам, как и по грабительству). Хотя крепкое положение северной части города могло несколько оправдать эту минутную уверенность, зато противоположная сторона Парижа была совершенно открыта, кроме Медонских и Сен-Клузских высот и Иссийского поста. Оба последних пункта могли некоторое время защищать обширную равнину, которая окружала южную часть Парижа и не представляла никаких средств к защите, кроме малого числа ретраншаментов, домов и садов с высокими заборами, в коих сделаны были отверстия для стрельбы. С этой-то стороны союзные генералы решились начать атаку. 30 июня Блюхер перешел Сене близ Сен-Жермена и, заняв Версаль, грозил французским позициям, находившимся при Медоне, Иссе и на высотах Сен-Клузских, между тем как герцог Веллингтон, остановясь в Гонессе, открыл сообщение с пруссаками чрез мост Аржентиль. Французы, несмотря на свое отчаянное положение, не теряли бодрости; луч славы еще раз заблестал па их оружии. Генерал Эксельман произвел атаку с таким искусством, что удивил пруссаков, занимавших Версаль, и взял в плен небольшой отряд кавалеристов; но французы в свою очередь были атакованы, сбиты с высот Сен-Клузских, Иссийских и Медонских и принуждены запереться в самом городе. Сие поражение произошло 2 июля — и Блюхер тотчас отправил своего адъютанта к английскому генералу с просьбой, чтобы последний прислал ему одну батарею из конгривовых ракет для довершения удара, который он замышлял нанести осажденным.

Между тем честные парижане страшились своих защитников столь же, как и неприятелей; жар французских солдат превратился в настоящее бешенство — и чернь, воодушевленная подобным энтузиазмом, изрыгала страшные угрозы и проклятия как на союзников, так и на парижан, благопритествовавших законному правлению.

В таком-то положении находился гарнизон, опасный для столицы столько же, как самый злейший ее неприятель, когда союзники заключили условия капитуляции с

Массеной, который в это критическое время был в качестве главнокомандующего французскими войсками. Таким образом участь Парижа еще раз предана была великодушию Европы, и царица провинций снова сделалась рабой.

Я слышал споры некоторых жарких политиков-домоседов, которые изъявляли желание, чтобы Париж был сожжен и разграблен; но это желание, произнесенное в пылу патриотической ревности и оскорбленного самолюбия, не слишком справедливо, особенно ежели представим себе все ужасы, могшие быть следствием такого происшествия.

Мы, англичане, должны еще менее желать, чтобы кто-нибудь из наших солдат участвовал в ужасном своевольстве, которое бы могло быть следствием этой трагической развязки. Замечено, что грабеж Магдебурга нанес смертельной удар дисциплине армии Тилли; известно также, что французы совершенно расстроились после московского грабежа.

Таким образом, спасение Парижа в ту минуту, когда гибель его казалась неизбежной, было равно выгодно как для победителей, так и для побежденных — и оно еще более увеличило ту славу, которую герцог Веллингтон приобрел в сей незабвенной кампании; ибо нельзя отрицать, что его могуществу и мудрому посредничеству французы одолжены большей частью статей капитуляции, по силе коей король французский снова сделался обладателем своей столицы, а союзная армия, войдя в оную, из неприятеля превратилась в спокойный гарнизон.

Когда я прибыл в Париж, политические потрясения уже прекратились; распоряжения короля производились с таким спокойствием, будто Людовик XVIII никогда не лишился своего престола. Но дух общественный, не привыкший еще к этой перемене, волнуем был разными слухами о заговорах, подобно разъяренному морю, которое и после бури долго не перестает поражать берег. Говорят, что Лабедоер, недавно схваченный в Париже, был агентом какого-то заговора, в коем участвовали обезоруженные солдаты Северной армии вместе с некоторыми жителями парижских предместий.

Одна часть злоумышленников предполагала одеться в платье парижской национальной гвардии и напасть врасплох на квартиры русского и австрийского императоров, прусского короля, лорда Каслрига, лорда Веллингтона и Блюхера, между тем как другая, в мундирах союзных войск, должна была завладеть постами национальной гвардии и в особенности дворца Тюильрийского. Сомневаюсь в действительности сего смешного и неудобноисполнимого предприятия, но что между многими празднующимися людьми, которые находились тогда в Париже, происходило нечто буйное — это довольно вероятно; ибо стража, охранявшая вышеупомянутых особ, была удвоена; часовые с чрезвычайным вниманием осматривали и подробно расспрашивали всякого, кто приближался к их постам.

Теперь надзор за спокойствием внутри Парижа возложен по большей части на национальную гвардию, наружность и мундир которой напоминают мне голубые полки эдинбургских волонтеров. Она занимает разные публичные площади и окрестности Тюильри: служба трудная для почетного класса граждан, из коих составлены полки национальной гвардии; ибо я думаю, что для сего потребно ежедневно по крайней мере 500 человек; но сей корпус довольно многочислен и уверенность, что спокойствие города зависит от его усердия и ревности, примиряет его со своей должностью.

Охранение особы короля и дворца вверено особому королевскому корпусу, состоящему из людей весьма видных, которых мундир чрезвычайно красив, хотя и небогат. Все солдаты оного считаются в офицерском чине, вследствие чего получают большее жалование. Они: очень учтивы в обращении, особенно с иностранцами.

Сей корпус много потерпел, сопровождая короля к границам. Некоторые из тех, коих выбрали между солдатами Бонапарта, возвратились опять под знамена его; другие последовали за своим государем столь далеко, сколь он им позволил, и подверглись наконец разным преследованиям; многие даже были убиты. Как бы то ни было, мне кажется, что корпус, избранный из первейших фамилий в государстве, есть не только украшение, весьма

приличное трону, но еще может служить средством к восстановлению во Франции военного характера, столь испорченного во время последней войны. Есть еще в Париже армейская сила совсем другого рода: это патрули жандармов, или, лучше, военная полиция, составленная из людей, нарочито выбранных для сей должности и которые, в числе трех или четырех, часто показываются не только в Париже, но и во всей Франции; мундиром и оружием своим они походят на драгун тяжелой нашей кавалерии, следовательно, с первого взгляда кажутся не слишком годными для отправления полицейской службы. Но система их учреждения весьма хороша, и ежели во время последнего покушения Бонапарта на престол полиция оставалась в бездействии, то сие должно приписать не оплошности низших чиновников, а нерадению главных начальников, от которых первые получали приказания. Жандармы при императорском правлении были столь страшны, что один вид их заставлял бледнеть и трепетать; если они менее страшны при правлении законном, то это потому, что враги анархии ныне могут смело прибегнуть под покровительство законов, установленных для защиты невинных.

Все находящиеся теперь в Париже французские войска состоят из национальной гвардии, гвардейского корпуса и жандармов. Герцог Тарентский, маршал Макдональд, равно известен как по своим воинским талантам, так и по отличной верности. Его марш с итальянской границы в намерении соединиться с Моро прежде сражения при Нови и счастливое отступление, которое сделал он, проиграв сию знаменитую битву против ужасного Суворова, столь же утвердили воинскую славу его, как и верность, выказанная им во время последнего нашествия Бонапарта, доказала благородство его души.

Говорят, что число всех иностранных войск во Франции простирается до миллиона; но я знаю из верного источника, что оно не превышает восьмисот тысяч, — масса солдат, коей подобной никогда не существовало, разве что в романах. Англичане, пруссаки и русские находятся от Парижа в расстоянии однодневного марша. Австрийцы почти все отправлены в южную Францию. Те, которых мы

видим здесь, составляют часть венгерской гвардии императора: все они суть люди весьма статные, чему немало еще способствует их белый мундир. Конечно, по своей ловкости они могут почитаться самым лучшим полком из всех союзных войск, но вообще сии гвардейцы не имеют того мужественного и гордого вида, которым отличаются англичане, русские и пруссаки.

Русские в окрестностях Парижа очень многочисленны. Я был на одном смотре, которой делали северным воинам союзные монархи, герцог Веллингтон и другие. Главная аллея Елисейских полей была наполнена войсками всякого рода. Государи, генералы и их свита занимали середину площади Людовика XV — и войска в продолжение двух часов проходили без остановки пред ними сжатой колонной, которой фронт простирался во всю ширину аллеи.

Пехота состоит из людей статных, высоких, ловких и способных к перенесению чрезвычайных трудов; за ней везли артиллерийский обоз, устроенный превосходным образом, после которого шли разные драгунские и кирасирские полки. Стальные кирасы гвардейских кирасир, ярко отражая солнечные лучи, производили над зрителями удивительное действие. Другие полки имели кирасы, сделанные из кованого железа. Русские кавалеристы весьма красивы; но лошади их, исключая офицерские, были не слишком хороши и, как кажется, мало способны для службы такого рода. Во время этого величественного зрелища площадь была охраняема лейб-казаками русской гвардии — людьми весьма видными и искусно обученными. Казаки, иррегулярные и прочие легкие войска того же имени показывались в Париже только случайно; но их атаман граф Платов находится в самой столице: он-то иногда и призывает в опую храбрых питомцев пустыни.

Вид истинного казака убеждает в его пользу. Черты лица его благородны, в глазах блистает огонь мужества и неустрашимости; в оружии и одежде его, часто расшитой серебряными узорами, виден вкус, уже довольно образованный. Но разные племена татар, которых французы смешивают под одним названием, имеют наружность дикую: «Часто видишь их одетыми в овечьи кожи, носящими

лук, стрелы, щиты, сделанные из красной меди и другие оружия первобытного общества». Французы, которых и самое нашествие со всеми своими гибельными следствиями не могло лишить остроумия, называют их северными купидонами. Я видел одного человека, который из окрестностей Великой Китайской стены пришел сражаться с французами под стенами Парижа!

Прусские войска составляют весьма красивое поколение светло-русых людей. Все мундиры их суть или красного, или синего цвета. Русские и пруссаки полагают изящный идеал формы человеческой в том, чтобы как можно более уподобиться станом своим треугольнику, или, лучше сказать, даме, затянутой по старой моде. Они стягиваются широким поясом или чем-то подобным поясу и воздымают грудь и плечи до тех пор, пока те не достигнут желаемой пропорции.

Когда пруссаки квартировали у частных людей, то французы всего более жаловались на их ужасный аппетит; впрочем, они не делали никаких неприятностей хозяевам, а только были голодны через каждые три часа. Это без сомнения преувеличено; известно, однако ж, что офицеры прусские наслаждаются парижскими удовольствиями несоразмерно с жалованьем, получаемым ими в отечестве.

Говорят, что некоторые из наших вспомогательных войск просили у герцога Веллингтона позволения пользоваться одинаковыми преимуществами с пруссаками; но он, как меня уверяли, немедленно объявил, что позволить солдату издерживать во Франции более, нежели в своем отечестве, по его мнению, опасно дисциплине, вредно характеру войска и противно выгодам государя. Посему-то войска английские получают такое же жалованье, как и в Англии, только оно выдается им за счет Франции.

Благоразумие и твердость отличают герцога Веллингтона столько же, может быть, как военные дарования и храбрость на поле сражения. Он предвидит, что важность Англии в Европе и предпочтение, которое во многих обстоятельствах делало ее посредницей различных споров между союзниками, зависит от соблюдения народного характера в отношении к верности, чести и бескорыстию.

Поэтому всякая жалоба на английского офицера в нарушении дисциплины или притеснении немедленно удовлетворяется, для того чтобы французы, при всей к нам ненависти, не имели ни малейшего предлога оправдать ее даже в собственных своих глазах. Начальники наши часто отказывались от квартир, кои назначаемы им были в частных домах, а становясь на постой, стараются как можно менее беспокоить хозяев и совершенно не принимают вина и съестных припасов. За эту умеренность вознаграждаются они почтением французов, в котором последние не могут отказать их личным достоинствам и вежливости.

Блюхер, по-видимому, имеет первенство между пруссаками; но думают, что генерал Гнейзенау, славный своими дарованиями по должности генерал-квартирмейстера, имеет настоящее влияние. Предполагают, что своим влиянием он обязан тайным обществам, а особливо так называемому «Обществу порядка в вере и чести». Это общество составилось по похвальному и патриотическому желанию восстать против французской власти. Оно сохранялось в тайне, что было необходимо, когда иностранцы владели прусскими крепостями, но теперь тайна бесполезна. Почти все армейские офицеры принадлежат к этому обществу и оно более всего нравится немцам. Говорят, что правительство начало подозревать оное, но в нем нет никакой опасности, пока им будет управлять верный Блюхер.

Что касается наших войск, то они заслуживают всеобщее удивление исправностью своего вооружения. Хорошее состояние лошадей, людей и их одежды награждает в глазах знатока недостаток суетных украшений.

Странная одежда наших хайлендеров изумляет всех французов. О том, к какому классу людей относят их; можно судить по словам, которые я слышал от одной французской дамы, когда мимо нее проходили горные жители: «Я видела диких американцев!» Любопытно видеть наших шотландцев, когда они на бульварах справляют свои покупки. Солдат, держа между большим и указательным пальцем шестипенсовую монету так крепко, как в кузнечных тисках, показывает требуемое количество товара, а француз, обильный жестами и болтанием, уменьшает оное по возможности, — и они стоят в таком положении

до тех пор, пока не поймут друг друга и не условятся в настоящей цене. Все солдаты без исключения, англичане и иностранцы, ведут себя с величайшей учтивостью. Редко увидишь их пьяными, хотя они имеют к этому множество случаев. Между тем союзники взяли больше осторожности на случай какого-либо движения, преднамеренного или нечаянного. Многочисленный отряд пруссаков поставлен на Новом Королевском мосту с двумя пушками, заряженными картечью; лошади оседланы, фитили зажжены и люди при первом повелении готовы действовать. Вот что случилось однажды: прусский офицер осматривал свой пост; в это время несколько человек из черни заспорили с солдатом, державшим его лошадь; она, испугавшись, вырвалась. Подошедший офицер был обруган чернью. Солдат побежал искать помощи и тотчас возвратился с тридцатью товарищами, которые бросились на толпу с пиками, как бы намереваясь всякого умертвить, но с великим искусством били только древками. Они взяли из толпы пять или шесть человек самых буйных и отвели их к барону Муфлингу, несмотря на требование арестованных отвести их в полицию или к французскому судье. В настоящем положении столицы комендант захотел лучше наказать их военным судом: для каждого постлали связку соломы, положили и исправляли *a la militaire* уздами гусарских лошадей. Вид этого исправления удивительно подействовал на чернь, так что никто не захотел в другой раз попробовать прусской расправы. Эта мера показалась без сомнения странной англичанам; но дело в том, что, может быть, жизнь многих сограждан спасена за счет спин этих бедняков; ибо там, где много горючих веществ, должно тушить каждую искру. В одном кантоне побито несколько прусских солдат, сей кантон должен будет внести большую контрибуцию, если виновные не отыщутся. Пале-Рояль, где должно было каждый день опасаться подобных явлений, охраняется ротой народной гвардии, ротой английских войск и третьей ротой пруссаков.

По какой-то учтивости союзников, гвардию государей составляют поочередно войска каждого народа. Так, например, англичане стоят у российского императора, русские у императора австрийского, а шотландцы у короля

прусского. Этим они стараются показать французам и войску, как искренен союз государей в общем деле Европы. Важный пост Монмартрский в теперешнем своем состоянии может назваться крепостью Парижа. Он вверен англичанам, которые исполняют свою должность с точностью и постоянством; даже иностранные офицеры не могут посещать оного без сопровождения англичанина. На высоте поставлено 200 пушек. Там находят по временам множество оружия и укреплений, засыпанных землей; все открытое присуждено нам — и я думаю, что двести пушек соединятся со ста пятьюдесятью, взятыми при Ватерлоо. При сем замечу довольно странное обстоятельство: замок Венсан, находящийся в трех милях от Парижа и окруженный со всех сторон союзными армиями, будучи не сильнее лондонской Белой башни¹, кажется, не хочет сдаться. Комендант не принимает к себе ни роялистов, ни союзников, будучи ободрен безнаказанностью, происходящей от презрения или от желания государей щадить людей французского короля.

Я не заметил, чтобы солдаты союзников старались быть вместе; но они весьма учтивы в своих встречах. Музей, открытый для всех, представляет теперь подвижную картину всех народов Европы в военном платье. Вы видите высокого венгра, загорелого итальянца, белокурого пруссака, плосколицего татарина, англичан, ирландцев, горцев, которые, втроем или вчетвером, обходят огромные залы и любуются чудесами, в них находящимися. Самые дикие, кажется, смягчаются и с почтением принимают участие в этом странном смешении, которое сильно поражает взоры зрителя.

Большая часть замечаний их должна быть любопытна; я собрал некоторые. «А! Джск! — говорил английский драгун своему товарищу, показывая на картину Сальватора, представляющую сражение, — посмотри-ка на красы — уже успели нарисовать и сражение при Ватерлоо». — «Тише, что ты за невежа, — отвечал ему товарищ, — это не сражение при Ватерлоо; разве не видишь, что все лошади с длинными хвостами!»

¹ Тауэр.

Я спросил у одного монтаньяра, внимательно смотревшего на Венеру Медицейскую: «Какова кажется она тебе, камрад?» — «Ваша честь разве из Инвернесса? — вскричал он сперва, потом прибавил: Говорили мне, что эта статуя удивительна, но я покажу вам гораздо лучше», — и честолюбивый сержант, бывший сам малого роста, подвел меня к колоссальной, в восемь футов величиной, женщине. Нельзя спорить против суждения художников, но я думаю, что красота Венеры вовсе не видна для профанов.

Там, где монархи предводительствуют победоносными войсками, военные экзерциции делаются со всевозможным блеском: в Париже теперь производятся смотры ежедневно, с семи часов утра до десяти или одиннадцати. Смотр английской конницы возбудил всеобщее удивление, несмотря на пыль, часто затемнявшую ее движения. Один раз между русскими и пруссаками было примерное сражение. Император российский командовал прусской армией, а король прусский, в мундире полковника русской гвардии, управлял россиянами. В другой раз пруссаки повторяли сражение при Исси, движения французской армии, атаку и защиту этой деревни 2 июня. При одном из таких смотров русские, под предводительством императора, производили атаку в одну линию, по просьбе английского генерала. Вы знаете, что англичане в генеральном нападении линией почитают себя искуснее всех других народов, по причине необыкновенной твердости и хладнокровия солдат, между тем как нападение колоннами присвоено французами и прочими иностранцами: как бы то ни было, русские выдержали линию с чрезвычайным порядком и на значительном расстоянии, а именно в полумильном переходе. В военном зрелище, о коем я Вам говорю, два обстоятельства особенно поразили меня: множество действующих лиц и, в сравнении с тем, совершенный недостаток зрителей. Можно было надеяться, что в таком многолюдном городе, как Париж, коего жители долгое время славились страстью к публичным зрелищам, всегда найдется большое число зрителей. Но я никогда не видал более ста французов, и те появлялись тогда только, когда смотры были, так сказать, перед глазами, как-то: на площади

Людовика XV. Это обстоятельство ясно показывает, как глубоко проникнуты они настоящим несчастьем.

В следующем письме я сообщу Вам наблюдения мои об общественном образе мыслей во Франции; но прежде должен исполнить свое обещание Пастору.

Весь ваш

Пол.

Post scriptum.

Позвольте мне прибавить к моим анекдотам о Ватерлоо последний, относящийся к одному из храбрых наших соотечественников, в семействе коего мы находим чисто-сердечную дружбу. Я хочу сказать вам о полковнике 3-го гвардейского полка, Фрэнсисе Хебберне, который имел честь командовать отрядом, посланным для удержания Угумона в то время, когда тот был атакован целой дивизией Иеронима Бонапарта. Полковник с одним своим батальоном храбро защищал это важное место, несмотря на то, что все сообщения его с прочей нашей армией были прерваны неприятельской козницей; наконец отразив французов, он был подкреплён двумя батальонами, одним ганноверцев и другим брауншвейгцев. Полковник Вудфорт, соединившийся с полковником Макдональдом, командовал в доме и садах Угумона; а полковник Хебберн в лесу. Я потому напоминаю здесь об этом, что имя Гома, сражавшегося под предводительством Хебберна, выставлено в газетах во время общего смятения, не позволившего разбирать заслуги каждого. Ошибка сделана: может быть, трудно ее поправить публично, хотя нетрудно уведомить наших шотландских друзей, что родственник одного из самых храбрых наших воинов отличился в славном сражении. Полковник Хебберн, как Вы сами помните, служил в испанской кампании и тяжело ранен при Барросе.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I

Несостоявшееся вторжение

(Ирландские экспедиции французского флота,
1796—1798 годы)

В конце 1795 года, после серии неудачных морских боев с англичанами, военное руководство Франции приняло решение — не искушать более судьбу, ввязываясь в стычки с заведомо более сильным противником, а вместо этого развернуть против Британии масштабную крейсерскую войну. В сущности, французы таким образом превосхитили так называемую «доктрину владения морскими путями» и задолго до адмиралов Вегенера, Грооса и Деница противопоставили борьбе за владение морем борьбу на океанских коммуникациях. Эту борьбу должны были вести весьма разнородные силы — отдельные боевые корабли вплоть до линейных, небольшие отряды, а также «частные предприниматели» в лице каперов-приватиров.

Однако подрыв коммуникаций неприятеля, как и любой другой род диверсионной деятельности, может иметь смысл лишь при одном условии — если конечной его целью является ослабление противника в преддверии генеральной схватки. То есть крейсерская война против Англии должна была иметь конечной целью вторжение непосредственно на Британские острова. Увы, этого так и не сумели понять немцы ни в Первую, ни во Вторую Мировую войны...

Французское командование в этом отношении оказалось несколько мудрее. Оно решило-таки организовать высадку, только не в Британии, а в Ирландии. Изумрудный

Эрнн действительно выглядел самым слабым местом «владычицы морей», а любой противник Англии мог рассчитывать здесь на активную поддержку местного населения.

Не удивительно, что известия об очередных волнениях непокорных ирландцев навели руководство Первой республики на мысль об организации «освободительного похода» в Ирландию. Еще в апреле 1796 года представители ирландских революционных организаций вошли в контакт с Директорией через французского посланника в Гамбурге. Тогда же в Париж из союзных Северо-Американских Штатов прибыл Уолф Тоун — один из лидеров ирландских эмигрантов.

Наиболее активным сторонником идеи оказания помощи освободительному движению в Ирландии был генерал Гош, один из наиболее популярных и влиятельных республиканских полководцев, чей авторитет в то время соперничал с авторитетом Бонапарта. Но Бонапарт вел успешные действия в Италии, а Гош находился в самой Франции, его войска стояли в Вандее и Бретани, где наконец-то был подавлен долгий и кровавый мятеж роялистов.

Самым привлекательным в идее Ирландской экспедиции была возможность осуществить высадку относительно малыми силами. Безусловно, Гош не слишком обольщался относительно масштабов предполагаемого народного восстания и боеспособности повстанческих сил. Вряд ли он всерьез собирался зажечь большой пожар малыми силами. Однако в случае успешной высадки французам предстояло действовать в католической стране, где их воспринимали как освободителей, а противников — как оккупантов. Это давало надежду на успешную борьбу даже с превосходящими силами противника и при отсутствии надежной связи с материком.

Но в этом и крылся основной недостаток французского плана — он всего лишь «давал надежду», опирался не на достижение заведомого превосходства, а на столь тонкие и не подверженные строгому планированию материи, как удача и случайность.

Алфред Тайер Мэхзи так характеризует французскую военную доктрину в описываемый период: «...каждый раз, когда предпринималась какая-нибудь экспедиция, требовавшая передвижения морем, неизбежно приходилось прибегать к различным, более или менее удачно задуманным, хитростям; на-

дежда на успех основывалась тут не на разумной уверенности, доставляемой господством на море или же искусным сгруппированием сил, но на сочетании случайностей, которое хотя и могло в данном частном случае быть более или менее благоприятным, но которое никогда нельзя было считать обеспечивающим степень уверенности, необходимую даже и в рискованных комбинациях военной игры». И добавляет, что «за те шесть лет... которые предшествовали заключению в 1802 году Амьенского мира, крупные французские эскадры только три раза выходили в море; и каждый раз успешность их действий обуславливалась или отсутствием в тех водах британских эскадр, или же тем, что французам удавалось обмануть бдительность англичан. Как и при уничтожении торговли, главными факторами здесь были скрытность действий и хитрость, а не сила».

К этому стоит добавить, что в 1796 году некогда могущественный флот Франции представлял собой довольно жалкое зрелище. Собственно говоря, больше всего он напоминал состояние российского флота после 1917 года. Значительная часть офицеров перешла на сторону контрреволюции либо отбыла в эмиграцию, оставшиеся же были сильно стеснены в своих возможностях. Наиболее яркие революционные флотоводцы (коих было немало) брали решительностью и талантом, но не опытом, прочие же не отличались даже решимостью. Тем более что «старорежимные воспепцы» как у политического руководства, так и в матросской среде, мягко выражаясь, не пользовались доверием. Новых же опытных и обученных морских офицеров было просто неоткуда взять — ведь подготовка моряка требует гораздо больше времени и сил, нежели подготовка пехотинца.

Впрочем, республиканские воспепальники не видели в том большой беды. Жан Бон Сен-Андре, руководивший морским ведомством во времена Директории и Консульства, сформулировал задачи флота весьма по-революционному: «Преенебрегая, сознательно и по расчету, искусными эволюциями, наши моряки найдут, быть может, более приличным и полезным стараться сваливаться с противником на abordаж в таких схватках, в которых француз всегда был победителем, и таким образом удивить Европу новыми доблестными подвигами».

Чуть позже Наполеон выразился еще лакопичнее: *«Англичане сильно присмиреют, когда Франция будет иметь одного или двух адмиралов, желающих умереть».*

«Раз Его Величество думает, что от морского офицера для успешного прохождения службы не требуется ничего, кроме смелости и решительности, то мне ничего не остается более желать», — только и смог ответить на это командующий французским флотом адмирал Вильнев. Памятуя о дальнейшей судьбе этого злосчастного флотоводца, невозможно не вспомнить другую фразу, произнесенную почти полтора века спустя адмиралом Редером, но звучащую весьма сходно: *«Германский флот не сможет сделать больше, чем просто показать, что он знает, как умереть отважно».*

Таким образом, отсутствие активных (не говоря уже об успешности) морских операций приводило к постепенной деградации флота. Упадку флота способствовала и жесткая блокада континентального побережья, установленная Англией. Британские крейсера стерегли выходы из всех основных портов Франции. Они не только препятствовали каботажному плаванью, но и не давали французам ни малейшего шанса скрытно вывести свой флот в море. Последнее тоже в немалой степени способствовало бездействию французских военно-морских сил, к тому же имевших серьезные затруднения со снабжением.

«Снабжение военных портов даже французскими же продуктами производилось тогда главным образом при посредстве судов прибрежного плавания, и портам этим постоянно приходилось терпеть затруднения, доводившие их иногда до полной несостоятельности, от неутомимых в своем старании неприятельских судов, напоминающих своей деятельностью рассказы об испанских гверильяхах в их предприятиях против обозов и коммуникационных линий французских армий в Пиренейскую войну» (А.Т. Мэхэн. «Влияние морской силы на Французскую революцию и Империю»).

Впрочем, у английского флота тоже имелись свои проблемы. На сухопутном театре войска союзников терпели поражения за поражением, и невозможность как-то повлиять на события сама по себе воспринималась чувствительной пощечной британскому самолюбию. Тем временем могуще-

ственный флот Великобритании занимался рутинными делами — проводкой караванов, действиями против остатков французских сил в колониях и патрулированием вдоль французского побережья. Моряки были припущены безучастно наблюдать далеко не вдохновляющий ход событий на материке, не имея возможности встретиться с противником в генеральном бою что тоже серьезно подрывало их веру в собственные силы.

После отставки адмирала Хоу от командования флотом Капала, новым командиром был назначен адмирал Бридпорт. Его главная квартира располагалась в Спитхэде, где, как правило, находилась в зимнее время основная часть британского флота. В течение всей зимы в море действовала лишь приблизительно четвертая его часть — то есть семь-восемь линейных кораблей и несколько фрегатов. Эти суда вели крейсерство к западу от острова Уэссан и у входа в Английский канал, периодически возвращаясь в Спитхэд для замены. Остальная часть флота находилась в базе в высокой степени готовности, и по получении известия о выходе французских главных сил должна была двигаться им навстречу.

Составленный генералом Гошем план Ирландской операции предусматривал использование минимального числа кораблей. Вызвано это было суровой необходимостью — в Бресте элементарно не хватало продовольствия и предметов снабжения, а команды многих боевых судов были укомплектованы не полностью. Первоначально французское руководство серьезно надеялось на прибытие подкреплений из других мест — в первую очередь из Средиземного моря.

Главной надеждой был командующий Средиземноморской эскадрой адмирал Вильнев. В Тулоне у него имелось пять линейных кораблей, в октябре 1796 года сюда прибыли еще двадцать шесть испанских кораблей. Кроме того, из Северной Америки должна была прийти эскадра контр-адмирала Ришери, состоявшая из шести линейных кораблей и трех фрегатов¹.

¹ Эта эскадра была отправлена из Тулона еще 14 сентября 1795 года. Она успешно прорвалась через Гибралтар, разгромила британский конвой и взяла крупную добычу, но затем в течение десяти месяцев вынуждена была

Увы, на ожидание этих сил было потрачено драгоценное время, реальное же подкрепление оказалось ничтожным. Первоначально выход экспедиции был назначен на октябрь, затем его пришлось перенести на 1 ноября, но к этому сроку подкрепление еще не прибыло, да и корабли в Бресте оказались не готовы. Лишь 5 ноября из Иль-д'Экса (порт близ Рошфора) пришло известие о прибытии сюда пяти линейных кораблей долгожданной эскадры Ришери. Однако в Брест эти суда, ослабленные долгим плаванием, смогли выйти лишь 8 декабря. 11 декабря они прибыли в порт назначения, и только здесь выяснилось, что ожидание было абсолютно напрасным — корабли находились в таком плохом состоянии, что лишь два из них были способны снова выйти в море.

Отряд Вильпева тоже сильно задержался в Тулоне и вышел оттуда лишь 1 декабря 1796 года. Но 6 декабря испанские корабли под командованием адмирала Лаиagara отделились от своих союзников и ушли в Картахену¹. 10 декабря французская эскадра на виду у британского флота благополучно миновала Гибралтар, причем корабли английского адмирала Джервиса так и не смогли ее догнать из-за очень свежего восточного ветра.

Всего в распоряжении генерала Гоша имелось (не считая эскадры Ришери) 15 линейных кораблей, 13 фрегатов и 14 вспомогательных судов. На этот флот должно было погрузиться около 18 тысяч солдат. Суда загружались «под завязку» — на каждый линейный корабль было принято по шестьсот десантников, вместе с командой это давало до тысячи трехсот человек. На фрегат сажалось несколько меньше — по две с половиной сотни солдат. Кроме того, на судах экспедиции находилось 41 160 мушкетов для вооружения ирландских повстанцев после высадки.

Естественно, что боеспособность эскадры от этого значительно снизилась. В сущности, теперь она представляла собой

отстаиваться в блокированном англичанами Кадисе. Лишь в августе 1796 года эскадра Ришери вышла к берегам Канады, где захватила и уничтожила до сотни английских коммерческих судов.

¹ В Картахене командующим испанской эскадрой был назначен адмирал Кордова. В конечном счете эта эскадра все-таки вышла в море — и была разгромлена англичанами в битве при Сент-Винсенте 16 февраля 1797 года.

караван вооруженных транспортных судов, единственной задачей которых было незаметно для противника пересечь трехсотмильное водное пространство и высадить своих пассажиров на побережье Ирландии. Декабрьские шторма, с одной стороны, затрудняли выполнение этой задачи, но с другой — повышали шанс незаметно проскочить мимо англичан. Увы, существовал и третий фактор, в итоге оказавший фатальное влияние на судьбу всей экспедиции, — отсутствие энтузиазма у высших флотских офицеров, не веривших в успешный исход предприятия. Вилларе Жуаез, командовавший флотом в Бресте, считал, что зимняя погода и господство англичан на море дают экспедиции слишком мало шансов на успех. По его мнению, гораздо больший эффект могла дать отправка сильной эскадры в составе восьми линейных кораблей в Восточные моря и Ост-Индию. Это позволяло достигнуть в районе Индийского океана локального превосходства над англичанами и создать здесь серьезную угрозу британским колониям.

В конечном счете морской министр Трюге предложил компромиссный вариант: послать эскадру в Индию после ее возвращения из Ирландии. На это Вилларе Жуаез высказал резкое опасение, что после Ирландии французские корабли будут находиться в таком состоянии, что уже не смогут никуда идти.

В конечном счете Гош пришел к выводу, что с таким флотоводцем экспедиция заранее будет обречена на провал. По его настоянию командующий был смещен и на пост начальника французского флота заступил Морар де Галль, блестящий офицер и опытный моряк, прославившийся (кстати, вместе с Вилларе) еще под командованием великого Сюффрены. Новый адмирал решительно взялся за дело. Увы, скоро Гошу стало ясно, что *«коренные недостатки организации, испорченной годами небрежного отношения и господства ошибочных взглядов, не могли быть побеждены человеком уже преклонных лет в короткие дни спешных приготовлений»* (как выразился по этому поводу Мэхэн). *«Бедный Морар де Галль, — цитирует далее Мэхэн высказывание самого Гоша. — Он уже постарел на двадцать лет; как мне жаль его!»*

Тем не менее упомянутое Мэхэном *«сочетание случайностей»* пока складывалось для французов исключительно благоприятно. Начиная с первых чисел января в течение почти

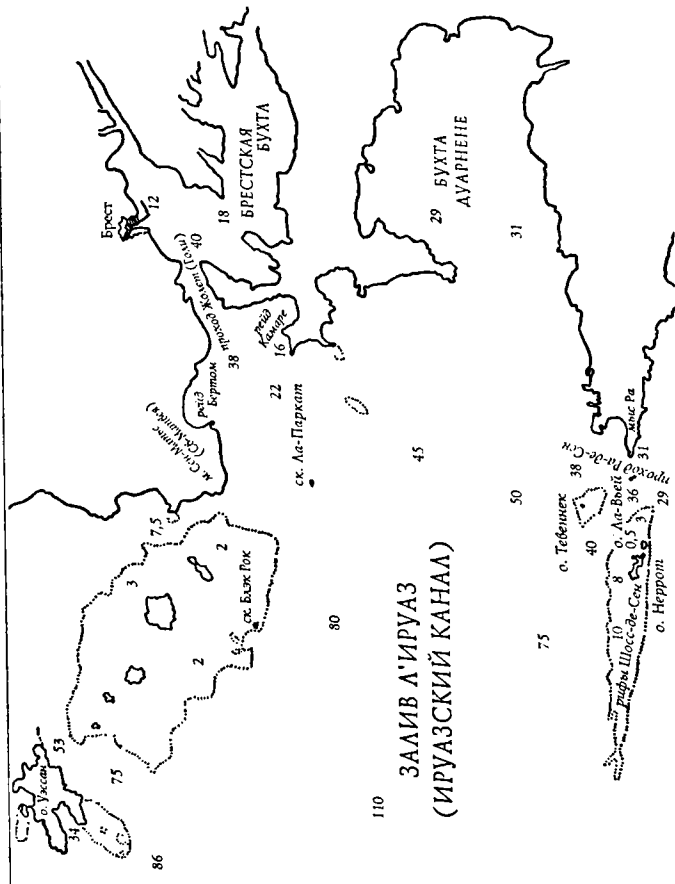
шести недель дули устойчивые восточные ветры. Погода не изменилась и к утру 15 декабря 1796 года, когда после длительных проволочек и оттяжек все сорок судов экспедиции (за исключением двух кораблей Ришери) наконец-то снялись с якоря и вышли из гавани Бреста. Пройдя через пролив Жолет, они обогнули полуостров Келери и к вечеру стали на якорь на рейдах Бертом и Камаре в бухте Анс-де-Камаре. Здесь они должны были ожидать два боеспособных корабля Ришери — «Пегас» и «Револьюсьонэр», вместе с которыми число линейных кораблей у французов должно было дойти до семнадцати.

Пока все благоприятствовало экспедиции. В заливе Л'Ируаз маячили два или три британских фрегата, но Морар де Галль выслал небольшой отряд, который заставил англичан отойти дальше в море. Для французской эскадры возникла реальная возможность оторваться от наблюдения со стороны противника.

Англичане давно уже имели информацию о ведущихся в Бресте приготовлениях к дальнейшему походу. Поэтому крейсерская эскадра британского флота под начальством адмирала Кольпойса не была в этом году переведена на зимние штаты. В ней оставалось 15 линейных кораблей, и большую часть времени они должны были держаться в море западнее острова Уэссан, у входа в Английский канал. Эта позиция позволяла контролировать как сам пролив Ла-Манш, так и западное побережье Франции.

Как только командовавший английским дозором у Бреста сэр Эдуард Пелью обнаружил выход французской эскадры, он отправил один из своих фрегатов, «Феб», с донесением к Кольпойсу. Увы, здесь морское счастье изменило британцам. Посланец Пелью искал свои корабли в заранее обусловленной точке раандеву в восьми милях западнее Уэссапа, в то время как тяжелые трехдечные корабли Кольпойса, выйдя из-под прикрытия французского берега, были отогнаны восточным ветром значительно дальше — миль на пятьдесят. В назначенной точке «Феб» никого не обнаружил и сумел отыскать эскадру лишь четыре дня спустя — 19 декабря, когда принесенное им известие уже безнадежно запоздало.

Зато Пелью, один из наиболее энергичных фрегатских командиров того времени, сделал все возможное и невозможное. Он отошел от французов лишь на небольшое расстояние и

110
ЗАЛИВ Л'ИРУАЗ
(ИРУАЗСКИЙ КАНАЛ)

Подходы к Бресту.

утром 16 декабря с двумя оставшимися фрегатами «Индефатигебл» и «Револьюсьонэр»¹ снова направился к якорной стоянке французов. Вскоре после полудня англичане вновь обнаружили неприятеля, как раз в этот момент выбравшего якоря и ставившего паруса.

В третьем часу короткого зимнего дня оба корабля Ришери прошли проливом Жолет и присоединились к основным силам эскадры. Убедившись, что французский флот действительно готовится выйти в море почти в полном своем составе, Пелью отправил с донесением к адмиралу Кольпойсу второй свой фрегат, сам оставшись на «Ипдефатигебле» следить за противником.

Понимая, что морское сражение в данной ситуации им крайне невыгодно, и Гош, и Морар де Галль желали любой ценой избежать встречи с противником. Не собираясь сражаться и желая иметь большую маневренность, оба командира экспедиции вместе перешли с флагманского линейного корабля на более легкий и быстроходный фрегат «Фратернитэ» — «Братство». Их примеру последовали младшие флагманы. Один лишь Ришери, у которого фрегатов не имелось, остался на своем линкоре.

Командование французских сил было осведомлено о наличии возле Уэссана английской эскадры — ее неоднократно видели с острова, да и корабли Ришери донесли о наличии в этом районе вражеских сил. Поэтому французский адмирал решил выходить из залива Л'Ируаз не через широкий западный проход, а узким и опасным каналом Ра-де-Сеп, находящимся между мысом Ра и рифовой грядой Шасс-де-Сеп, прикрывавшей залив Л'Ируаз с юга. Этот узкий проход имеет минимальную ширину всего три мили и изобилует множеством опасностей, однако при попутном ветре и с хорошими лодчанами пройти его вполне возможно.

Учитывая это, Морар де Галль отдал своему флоту приказ: после снятия с якоря взять курс на проход Ра и по выходе оттуда поворачивать к западу. На тот случай, если корабли все-таки не смогут удержаться вместе и кто-либо из них отстанет, каждому капитану был вручен запечатанный пакет. В пакете хранился приказ — в случае утери контакта с эскад-

¹ Оба корабля были трофейными, захваченными у французов. По традициям того времени назвавший им не меняли — таким образом в составе британского флота оказался фрегат под названием «Револьюционер».

рой и ее командованием двигаться к южной оконечности Ирландии и в течение пяти последующих суток держаться возле мыса Мизен-Хэд у входа в залив Бантри, где и намечалась высадка десанта.

Увы, ожидание двух кораблей Ришери слишком затянулось. Погода стояла пасмурная, с порывистым ветром, и ближе к четырем часам дня стало заметно темнеть. Морар де Галль смог еще раз убедиться, что его корабли с неопытными офицерами и плохо обученными командами не способны даже уверенно держать кильватерный строй. До прохода Ра оставалось еще пятнадцать миль, и эскадра рисковала не успеть к нему засветло. Ближе к сумеркам ветер стал меняться на южный, угрожая сделаться противным — а тогда следование судов проходом Ра стало бы совершенно невозможным. Осознав эту опасность и принимая во внимание, что наблюдатели противника вновь скрылись из виду, Морар де Галль решил отменить свое распоряжение о следовании каналом Ра. На «Фратернитэ» был поднят сигнал, приказывающий кораблям поворачивать через фордевинд на запад и двигаться широким Ируазским каналом.

Это была непростительная ошибка со стороны столь опытного офицера: раз отданное приказание не следует отменять, кроме как в случае крайней необходимости. При беспорядке, царившем на французской эскадре, да к тому же в сгущающихся сумерках сигнал этот просто не был разобран большинством кораблей. Поворот на запад кроме флагманского фрегата исполнили лишь с полдюжины других судов, в числе которых оказался только один линейный корабль. А весь остальной флот продолжал двигаться к проходу Ра-де-Сен. Увидев это, Морар де Галль приказал державшемуся рядом с ним корвету догнать и вернуть обратно уходящие корабли. Увы, это действие тоже не достигло цели. Более того, вновь подошедший к французской эскадре и никем на этот раз не замеченный, последний фрегат Пелью в сумерках пристроился к головным судам Гоша и де Галля. Англичанин постарался внести свою лепту в создавшуюся неразбериху — он пускал осветительные ракеты, жег фальшфейеры и стрелял из пушек, совершенно расстроив все попытки французского адмирала хоть как-то дать сигнал своим судам. Благо, будучи кораблем французской постройки, «Индефатигебл» ничем не отличался от остальных фрегатов эскадры де Галля, а флага в темноте заметно не было.

Самое удивительное, что французам неслыханно повезло — несмотря на почь, южный ветер и царящую неразбериху, почти все их корабли благополучно миновали проход Ра-де-Сейп. Лишь 74-пушечный линейный корабль «Седунсан» наскочил на камни у самого входа в канал и разбился, при этом большую часть команды удалось спасти.

В половине девятого вечера оставшийся с руководством экспедиции небольшой отряд обогнул западную оконечность гряды Шасс-де-Сен и направился к югу, намереваясь отыскать основную часть эскадры и присоединиться к пей. Видя это, храбрый Пелью отделился от французов и спешно направился в Фалмут, куда и прибыл 20 декабря. Увы, в этом порту тоже никого не было, и местоположение эскадры Кольпойса оставалось загадкой для самих англичан.

К утру 17 декабря французская эскадра оказалась разделена на три отряда, безнадежно потерявшие друг друга из виду. Вместе с Гошем и де Галлем находились лишь линейный корабль «Нестор» и два фрегата. 20-го числа оба фрегата тоже потерялись в густом тумане. Увы, если бы этого тумана не было, то обнаружить основные силы экспедиции флагману не составило бы особого труда: они находились совсем рядом, на расстоянии прямой видимости. Но судьбе было угодно распорядиться иначе.

На следующую ночь от флагмана отделился и «Нестор». Тем не менее Гош приказал держать курс на бухту Бантри. Однако здесь ему опять не повезло — той же ночью его обнаружил британский линейный корабль и, понимая свою слабость, французы не решились принимать бой у чужих берегов. К утру 21 декабря «Фратернитэ» удалось оторваться от погоны, однако теперь он находился значительно западнее меридиана Мизен-Хэд и ему пришлось двигаться обратно — против шторма.

Тем временем со вторым флагманом эскадры контр-адмиралом Буве, державшим флаг на линейном корабле «Имморталитэ» («Бессмертие»), остались восемь линейных кораблей и девять прочих судов. Таким образом, здесь были основные силы экспедиции, в том числе и заместитель Гоша, генерал Груши. Увы, прекрасный штабист Груши никогда не отличался инициативностью — восемнадцать лет спустя Наполеону придется убедиться в этом при Ватерлоо...

Четко выполняя данные ему распоряжения, Буве в течение двух дней, 17 и 18 декабря, продолжал двигаться на запад. 19-го числа он вскрыл пакет с инструкциями и повернул на север, к мысу Мизен-Хэд. В тот же день он встретил в море еще один французский отряд, имевший в своем составе семь линейных кораблей. Таким образом, к 20 декабря 1796 года под началом второго флагмана собралась почти вся французская эскадра — 15 линейных кораблей, 10 фрегатов и с десятком прочих судов. Недоставало только самого руководства — энергичного и талантливого генерала Гоша и опытного адмирала де Галля. Увы, их отсутствие оказалось решающим для судьбы всего предприятия.

Тем не менее, все эти дни удача была неизменной спутницей французского флота. Ветер держался устойчивый восточный, лишь ненадолго сменившийся юго-западным. Но самое главное — в течение четырех дней над морем к югу и юго-западу от Англии стоял туман, настолько густой, что с кормы корабля нельзя было различить его носа. Чтобы суда могли следовать друг за другом, периодически приходилось подавать сигналы пушечными выстрелами. Неудивительно, что перехватить французскую эскадру в море или хотя бы установить за ней наблюдение англичане не имели ни малейшего шанса. Увы, по той же самой причине не смогли отыскать свои корабли и Гош с Мораром де Галлем на своем фрегате «Фратернитэ».

Утром 21 декабря туман рассеялся, и с французских кораблей увидели ирландский берег, находящийся не более чем в трех лигах. Погода стояла превосходная, с палубы можно было даже различить полосы снега на прибрежных горах. До устья вожделенной бухты Бантри было рукой подать. В полдень корабли приблизились к берегу настолько, что, по выражению Уолфа Тоуна, «можно было бы перебросить туда сухарь». Но затем эскадра повернула оверштаг и пошла обратно в море — Буве решил в точности выполнить все инструкции и отложить высадку до прибытия адмирала.

Правда, у нерешительности второго флагмана французов была еще одна причина. Длинная и узкая бухта Бантри протянулась почти на тридцать миль в направлении с юго-запада на северо-восток, ее высокие берега создавали ветровой коридор, своеобразную «аэродинамическую трубу». При восточном ветре, столь способствовавшем французской эскадре на ее пути к берегам Ирландии, в бухте возникал устойчивый и

очень сильный воздушный поток, направленный от вершины к устью. При неопытности французских команд попытка преодолеть этот сильный противный ветер оказалась неудачной, и Буве решил дожидаться изменения погоды.

Здесь сыграла роль и еще одна существенная деталь: из-за восточного ветра французская эскадра на последнем участке своего пути была несколько спесена к западу против расчетного и оказалась не у мыса Мизен-Хэд, лежащего по восточную сторону от бухты, а возле острова Дёрсей, находящегося у западного ее края. Если бы суда экспедиции вышли к берегам Ирландии именно в том месте, на которое рассчитывали, то они могли бы просто обогнуть Мизен-Хэд и примерно половину пути двигаться галсами на север, а не па восток-северо-восток, как от острова Дёрсей. Таким образом, по крайней мере, половина пути до вершины бухты была бы пройдена без труда.

«Для целого же флота, составленного из тридцати пяти судов, укомплектованных и вооруженных подобно судам Буве и притом же вынужденных беспрестанно давать друг другу дорогу при взаимном пересечении курса, оказалось невозможным добраться до вершины бухты Бантри — где, между тем, они нашли бы защиту от восточных ветров, свирепствовавших на море непрерывно в течение всей следующей недели», — констатирует Мэхэн.

Ночь эскадры провела в море, а с утра 22 декабря адмирал Буве решился на попытку прорыва в бухту. Целый день суда настойчиво лавировали, пробиваясь против сильного встречного ветра. Увы, чтобы двигаться против ветра в достаточно стесненной и опасной акватории, необходима была идеальная ловкость и слаженность работы команд, чего французы не имели. Недостаточная подготовка моряков сказалась именно в том месте, где проблему невозможно было решить за счет храбрости и натиска, либо полагаясь на удачу.

Все же к ночи адмирал Буве с пятнадцатью вымпелами (среди которых было восемь линейных кораблей) добрался до северо-восточной оконечности острова Бир, где стал на якорь в преддверии ночи. Прочие суда ветер задержал далеко позади, а до вершины бухты оставалось еще двенадцать миль. 23 декабря целый день дул сильный восточный ветер, и попыток движения не предпринималось. На следующий день ветер как будто бы стих, и адмирал снова решил пробиваться вперед, несмотря на то, что другие суда не подошли — помедлив с

постановкой на якорь накануне, они были отнесены ветром дальше в море. Однако продвигнуться им вновь не удалось, хотя было сделано до трехсот галсов.

С заходом солнца эскадра снова стала на якорь. За ночь ветер усилился до штормового и, не ослабевая, дул весь следующий день 25 декабря, так что сообщение с берегом нельзя было установить даже на шлюпках. На нескольких судах лопнули либо начали травить якорные канаты, и их потащило обратно в море. Вскоре после наступления темноты начал сдавать якорь на флагманском корабле Буве, который ветром погнало к острову Бир. В конечном счете адмирал приказал рубить оба каната и пошел в море, сигналом приказав делать это и остальным судам. Но из-за темноты приказание пришлось отдавать голосом, и его, естественно, услышали не все. А кто услышал — не поторопился выполнять, все еще надеясь на чудо.

В конечном счете, к 27 декабря, когда ветер вновь будто бы начал стихать, в бухте оставалось еще десять французских судов, из которых шесть были линейного класса. На них находилось до четырех тысяч солдат — меньше четверти всей первоначальной экспедиции, а количество орудий и боевых припасов для десанта было совершенно недостаточным. Старший по званию командир созвал у себя военный совет, на котором было принято решение возвращаться в Брест. Правда, к вечеру ветер все-таки начал меняться на юго-западный — но все признаки приближающегося шторма не вселяли оптимизма. Перед темнотой корабли снялись с якорей и отправились в обратный путь к Бресту.

После ухода кораблей Буве у берегов Ирландии остался лишь один французский корабль — линкор «Друат де л'Омм» («Права человека»). Потеряв остальных, он упорно держался здесь до 5 января 1797 года, и лишь затем лег на курс к Бресту. Однако вечером 13 числа, так и не добравшись до французских берегов, «Друат де л'Омм» был постигнут двумя английскими фрегатами — одним из которых оказался «Индефатигебл» отважного капитана Пелью. Ситуация усугубилась тем, что как раз перед наступлением темноты француз потерял от шторма фор- и грот-стенги. Пользуясь тем, что ветер был западным, французский капитан решил держать курс к берегу. Но в половине шестого «Индефатигебл» догнал его и открыл огонь, а спустя час на

расстояние пушечного выстрела приблизился и второй английский фрегат — «Эмезон».

С небольшими перерывами бой длился всю ночь. В половине одиннадцатого на французском корабле была сбита бизань-мачта, и он маневрировал уже с трудом. Впрочем, в условиях шторма англичанам тоже пришлось нелегко — вскоре они были вынуждены закрыть пушечные порты нижней батареи, на верхней же батарее артиллеристы работали по пояс в воде.

С рассветом на горизонте внезапно открылся низменный берег Франции. Как выяснилось потом, корабли находились в бухте Однерп в 35 милях к югу от Бреста, между мысом Ра и скалами Пенмарк. Была половина пятого утра, шторм не утихал, и у французского капитана оставался только один выход — выбросить свой корабль на берег. Маневрируя под ветром, английские фрегаты разделились, и «Друат де л'Омм» на некоторое время оказался один на один с «Эмезоном». Когда Пелью на «Индефатигебле» вновь приблизился к месту боя, все уже было кончено — французский линкор лежал на боку в глубине мелководной бухты и через него ходили буруны. «Эмезон» торчал на мели в двух милях севернее поверженного противника. Французам все же удалось свести бой вничью. Из 1300 человек, находившихся на борту корабля, они потеряли 260 убитыми и ранеными в бою, еще 217 погибло при крушении во время шторма. Англичане свезли свою команду на берег без потерь — но лишь для того, чтобы сдать в плен.

По все это случилось значительно позже. А 29 декабря Гош и Морар де Галль на «Фратернитэ» наконец-то встретились с первыми судами своей экспедиции. Увы, одно из них, «Сцевола», уже тонуло, тяжело поврежденное штормом, а другое, «Револьюсьоп», пыталось снять с него экипаж. Узнав о том, что суда в бухте Бантри разметало штормом, Гош и Морар решили возвращаться обратно, и 13 января оба корабля прибыли уже в Рошфор. Основная же часть французской эскадры прибыла в Брест накануне, 12 января, — затратив на дорогу во Францию куда больше времени, чем ушло у них на поход к Ирландии.

Сам контр-адмирал Буве вернулся сюда еще 1 января. За это скорое возвращение 16 февраля 1797 года он был без суда разжалован Директорией и уволен со службы, на которую вновь возвратился лишь во время Консульства. К 14 января

все уцелевшие французские суда вернулись в свои порты. Их насчитывалось тридцать пять. Пять кораблей (считая и потерпевший крушение злосчастный «Седьюзан») погибли или были уничтожены своими командами, еще шесть или семь судов оказались захвачены противником.

Следует отметить, что англичане оказались поразительно нерасторопны. Адмирал Кольпойс, начальник флота, назначенного для наблюдения за Брестом, узнал о выходе французских кораблей только 22 декабря, причем цель движения противника оставалась невыясненной! Благодаря действиям Пелью, Бридпорт получил это известие в Портсмуте примерно в одно время с Кольпойсом, но о прибытии французского флота к берегам Ирландии в Лондоне стало известно не ранее 31 декабря, причем к этому времени главные силы Бридпорта так и не вышли в море. И это при том, что о ведущихся в Бресте приготовлениях к экспедиции англичанам было известно едва ли не с лета! Даже Джеймс, официальный историк британского флота, признает, что *«главные потери, понесенные неприятелем, были результатом энергичной деятельности одного 64-пушечного корабля и четырех или пяти фрегатов, стоявших 29 декабря на Коркском рейде»*.

Мэхэн считает, что в случае успешной высадки французам как минимум удалось бы захватить Корк — кстати, являвшийся их первоочередной целью. Ссылаясь на записки Уолфа Тоупа, он пишет: *«Только непрерывная непогода, сопровождавшаяся противным ветром, воспрепятствовала высадке, которую при более благоприятных обстоятельствах, не колеблясь, произвел бы и Буве. Если бы неприятель и не потерял от этого никакого другого уцербя, то во всяком случае он потерял бы Корк, находящийся всего в сорока пяти милях оттуда... Насколько тяжел был бы этот удар для англичан, можно судить по тому факту, что в этом пункте находилось различных запасов на сумму полутора миллиона фунтов стерлингов и, между прочим, тут хранилась заготовленная на следующий год для флота провизия. Ирландия была в то время богатым источником для снабжения флота»*.

Несмотря на неудачу Ирландской экспедиции, генерал Гош не отказался от ее повторения. К этому его побуждало, между прочим, и нарастающее соперничество с генералом

Бонапартом, который своими победами в Италии списал себе множество сторошиков в Париже. Переведенный из Нормандии в Самбро-Маасскую армию (как раз в это время установившую полный контроль над Австрийскими Нидерландами)¹, он начал готовить экспедиционный корпус и здесь. Теперь 15 тысяч солдат должны были отправиться в Ирландию с острова Тексель — с голландским флотом адмирала Винтера.

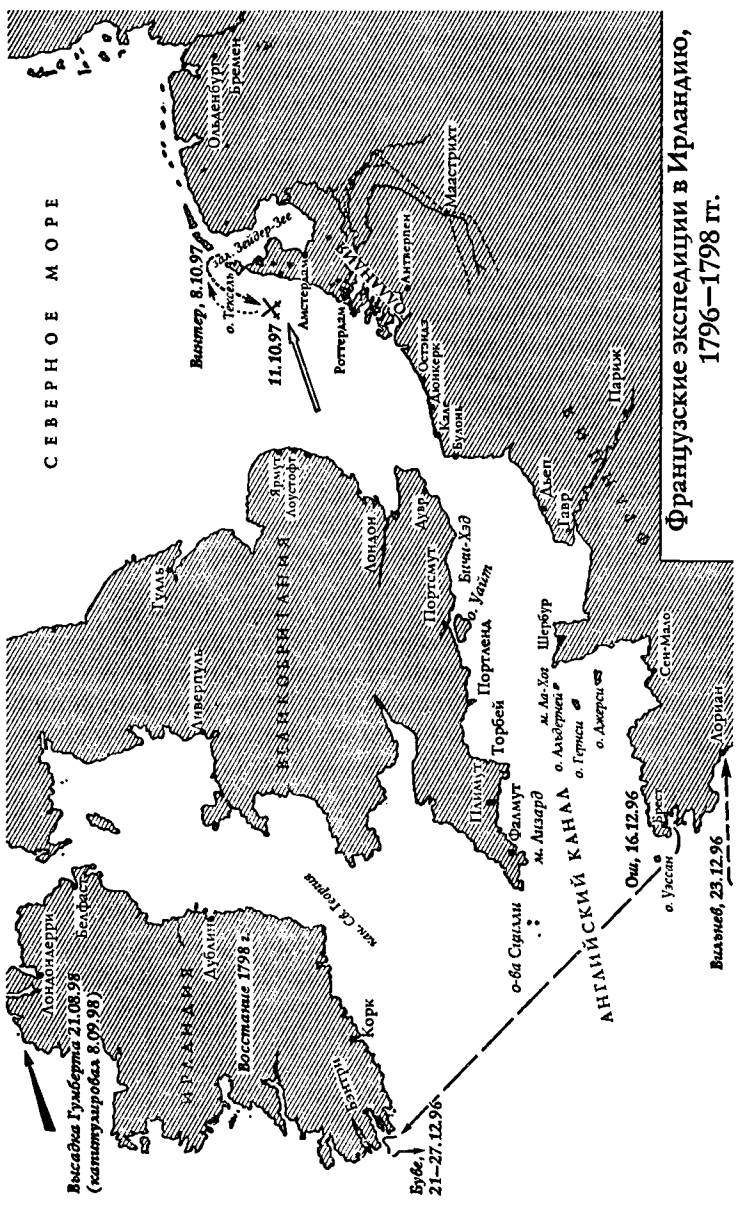
Новая экспедиция была назначена на конец лета 1797 года. Однако, несмотря на благоприятную ситуацию (в английском флоте вспыхнуло несколько бунтов), выход опять раз за разом откладывался по погодным условиям — для перехода через бар требовалось дожидаться высокого прилива, однако ветер постоянно дул сгонный. В результате эскадра Винтера в составе 15 небольших линейных кораблей² вышла в море лишь 8 октября 1797 года. Однако на этот раз дозорная и связная служба англичан сработала хорошо, и 11 октября голландская эскадра была перехвачена возле Кампердауна эскадрой английского адмирала Дункана, состоявшей из 16 линейных кораблей. В ходе ожесточенного сражения англичане, имевшие значительное превосходство в артиллерии, добились полной победы — ими было захвачено 9 линейных кораблей и 2 фрегата. Но генерал Гош так и не узнал о полном крушении его надежд — он умер в Вецларе 19 сентября 1797 года, почти за месяц до сражения.

Тем не менее французским войскам все же довелось ступить на землю Ирландии. Год спустя в этой стране вспыхнуло полномасштабное восстание, и Директория решила поддержать его войсками и оружием. Однако снаряжение Египетской экспедиции Бонапарта поглотило все ресурсы, имевшиеся у Морского министерства, а Гоша уже не было в живых. Поэтому решено было ограничиться минимальными силами.

6 августа 1798 года из Рошфора вышел небольшой отряд из четырех фрегатов, на которые было погружено 1200 солдат под командованием генерала Юмбера — участника экспедиции 1796 года, спасшегося с «Друат де л'Омм». Маленькая эс-

¹ 18 апреля в Леобене был подписан предварительный мир с Австрией, по которому Австрийские Нидерланды переходили под контроль Французской республики.

² По Мэхэну — 16 линейных кораблей.

СЕВЕРНОЕ МОРЕ

Высадка Гумберта 21.08.96
(капитуляциѡба 8.09.98)

Восстание 1798 г.

Высадка 8.10.97

11.10.97

Высадка 23.12.96

Оши, 16.12.96

Французские экспедиции в Ирландию,
1796—1798 гг.

Лондон
Париж
Антверпен
Брюссель
Амстердам
Роттердам
Остенда
Сан-Донингеро
Брунон
Мастрихт
Англерен
Ярмут
Лондон
Авер
Португал
Бичи-Хэд
Портленд
Торбей
Палмат
Фалмут
М. Анзард
м. Ан-Хад
Шербур
о. Альберт
о. Гернси
о. Джерси
Сен-Мало
Лорнан
Гуада
Аверлуа
Вестминстер
Корк
Миллен
Белфаст
Дублин
Мон-Сен-Горанс

Ярмут
Лоустофт

м. Ан-Хад
Шербур
о. Альберт
о. Гернси
о. Джерси

Сен-Мало
Лорнан

Оши, 16.12.96

Высадка 23.12.96

АНГАНСКИЙ КАНАЛ

АНГАНСКИЙ КАНАЛ

АНГАНСКИЙ КАНАЛ

кадра проскользнула мимо британских дозоров, 21 августа высадила десант и благополучно вернулась во Францию.

Удача высадки произвела впечатление, и в Бресте тут же начали готовить второй эшелон десанта. Однако на это потребовалось какое-то время, и новая экспедиционная эскадра под командованием коммодора¹ Бомпара вышла из Бреста лишь вечером 15 сентября. Она состояла из линейного корабля с символическим названием «Гош» и восьми фрегатов, на которые было посажено 3000 солдат. Пройдя проходом Ра, корабли Бомпара избежали встречи с дозорами противника, но 17 сентября уже в открытом море наткнулись на три английских фрегата, из которых один тут же отправился с донесением командованию, а два начали слежку. Лишь 4 октября во время шторма Бомпару удалось избавиться от назойливых наблюдателей, и французский коммодор поспешил к месту назначенной высадки — бухте Лаудж-Свилли у северной оконечности Ирландии. Однако англичане знали, где ждать противника, и, подойдя 12 октября к назначенному месту, Бомпар обнаружил возле бухты три английских линейных корабля и пять фрегатов.

В ходе неудачного для французов боя «Гош» и три фрегата были принуждены спустить флаги, еще три фрегата были перехвачены англичанами позднее. Таким образом, во Францию удалось вернуться только двум фрегатам. Уже в плену французы узнали, что их старания были заведомо напрасны — не сумевший соединиться с повстанцами, отряд генерала Юмбера был блокирован английскими войсками и сложил оружие еще 8 сентября.

В день сражения у Лаудж-Свилли из Рошфора вышел третий отряд экспедиции. Ему удалось беспрепятственно достигнуть берегов Ирландии, но, получив известия об участии эскадры Бомпара, он отплыл обратно во Францию, не произведя высадки десанта. Больше попыток высадиться в Ирландии французы не предпринимали — тем более что кумир всей Франции, генерал Бонапарт, уже готовил другое, куда более грандиозное морское предприятие — экспедицию в Египет.

Отдавая дань популярному во все времена направлению, которое ныне именуется «альтернативной историей», Альфред

¹ Командир соединения, не имеющий адмиральского звания.

Тайер Мэхэн пишет во «Влиянии морской силы на Французскую революцию и Империю»: *«Существует мнение, что эта экспедиция высадила бы успешно войска на берег, если бы в состав ее входили паровые суда; но, может быть, правильнее сказать, что она никогда не была бы так близка к успеху, если бы британский флот крейсировал в районе, определявшемся стратегическими соображениями».*

Увы, опыт мировой истории показывает, что большинство сражений и кампаний испокон веков выигрывались не столько талантом полководца либо строгим следованием правилам, сколько вольным или невольным использованием ошибок противника...

Владислав Гончаров

Приложение II

1. Организация войска в эпоху Империи¹

В эпоху Империи армия еще гораздо более, чем в эпоху Консульства, утрачивает свой национальный характер и становится императорской. Во время нашествий 1792 и 1793 годов армия, еще не запятанная политическими компромиссами, являлась в глазах народа как бы славным и непорочным символом Франции. В период Империи она принадлежит одному человеку; она ревностно исполняет все его предначертания и помимо согласия народа способствует поддержанию долгой смуты в Европе. Наполеон живет лишь войной и для войны. Армия — его орудие, его вещь. Не раз высказывалась мысль, что это изменение в характере армии было роковым последствием той преобладающей роли, которую приобрел военный элемент во Франции благодаря победам революционной эпохи, и что оно произошло бы и при всяком другом полководце. Но никоим образом нельзя утверждать, что Гош, Моро или Жубер стали бы диктаторами. Если история знает Бонапартов, то она знает и таких людей, как Вашингтон. Между тем неоспоримо, что именно Бонапарт побудил Директорию образовать в Италии и Швейцарии первые братские республики; и он же, став самодержцем, задумал подчинить Французской империи всю Германию, всю Италию и всю Испанию. Франция была бы непобедима, если бы после Базельского мира решила, не-

¹ Отрывок из «Истории XIX века», перевод с французского под редакцией Е.В. Тарле, ОГИЗ, М., 1938.

смотря ни на какие новые нападения, удовольствоваться своими естественными границами.

Преобразования в рекрутской системе

Императорская армия уже не составляет органической части народа. В эпоху Конвента, благодаря господствовавшей тогда системе поголовного ополчения, все французы были равны в отношении военной службы. Еще закон Журдана, установивший в 1798 году *рекрутчину*, определял, что в случае войны один или несколько наборов могут быть целиком призываемы к оружию и удержаны под знаменами до заключения мира. В глазах Наполеона цену имеет лишь тот солдат, который провел много лет на службе, т. е. для которого военная дисциплина стала как бы второй натурой. В 1800 году он установил в качестве поправки к закону о рекрутском наборе *заместительство*, а в 1804 году — *жеребьевку*. Отныне ни один призыв не мог быть взят на службу в полном составе, а стало быть, и целиком истреблен в неудачной войне. Призывается на службу лишь тот, на кого падет жребий; если он предпочитает гражданскую жизнь военной и располагает некоторыми средствами, он может дешево нанять за себя заместителя. Буржуазия с удовольствием приветствовала установление этого денежного выкупа вместо налога кровью.

В обществе крепко укоренилось предубеждение против вербованных солдат при старом порядке; молодые люди из приличных семейств, добровольно вступавшие в военную службу, считались вертопрахами; на военного смотрели как на человека особого рода, непременно с дурными манерами. Поэтому буржуазные семьи предпочитали нанимать заместителей за своих сыновей. Между тем никогда не было недостатка в старых солдатах, которые, отбыв срок своей службы и убедившись в своей непригодности к чему-либо другому, кроме военного дела, искали случая снова поступить на службу. Они составляли большой процент в молодых полках; из них же выработывались эти удивительные ветераны императорской гвардии, это образцовое ядро французской армии. Военная служба все более и более становилась карьерой; она прекращалась лишь в случае неспособности продолжать ее или вследствие смерти. Главную массу армии составляли народные низы. Большую часть офицерского персонала составляли отпрыски дворянских фамилий, признавших новый порядок; такие люди пользовались

расположением Наполеона. До того момента, когда счастье начало изменять Наполеону, наполеоновская армия представляла собою замкнутую касту, в совершенстве тренированную для беспрерывной войны.

Беззаконные рекрутские наборы

Великая армия составилаcя путем слияния италийской, дунайской и рейнской армий, из которых каждая раньше жила самостоятельной жизнью и имела свой особый характер. С 1805 года Сенат уполномочивает императора декретом призывать рекрутов на службу и организовать национальную гвардию. С этих пор наборы быстро следуют друг за другом, и Империя пожирает ужасающее количество людей. В 1800 году к набрванным раньше 250 000 присоединяется 100 000 рекрутов. В 1806 году, после сражения при Йене, оказывается недостаточным уже и целый призыв: приходится наперед забрать 80 000 человек призыва 1807 года. В 1808 году было взято на службу 160 000 человек призывов 1809 и 1810 годов.

В следующем году Наполеон забирает наперед два призыва и снова призывает на службу три уже выслуживших срок. В 1813 году ему приходится напрячь все силы страны для формирования новой армии; он призывает под ружье всех рекрутов: 100 000 не взятых или освобожденных в призывы 1809—1812 годов, 240 000 призыва 1814 года и 10 000 человек почетной гвардии, экипированных на собственный счет. Наконец, призывается на службу и национальная гвардия, разделенная сенатским указом от 13 марта 1812 года на три разряда (от 20 до 26 лет, от 27 до 40 и от 41 до 60). 180 000 ратников национальной гвардии первого разряда, точно чудом спасшиеся от зачисления в регулярную армию, потому ли, что были опорой своих семейств, или вследствие слабости телосложения, были переданы в распоряжение военного министра. Эти слабосильные юноши в блузе и сабо, прозванные потом за свою женственную наружность «Мари-Луизами», возбудили позднее восхищение русского царя своим образцовым поведением при Фор-Шампенеуазе. Вычислено, что при Наполеоне, с 1800 по 1815 год, было призвано на военную службу во Франции 3 153 000 французов, не считая такого же количества солдат, входивших в состав вспомогательных и иностранных корпусов. Раз вступив на военную службу, человек живым не выходил из нее. Со времени 1808 года каждый из этих угрюмых

и ворчливых ветеранов твердо знает, что ему суждено умереть от ядра, от пули или на госпитальной койке. Они утешаются грабежом, пьянством и кутежами. Кишечные болезни делают страшные опустошения в их рядах. Бруссэ предложил в виде профилактического средства употреблять в питье одну чистую воду; легко представить себе успех этого совета! В десятилетний период Империи процент смертности на поле битвы от ран и болезней был страшно велик. Д'Аржанвилле, начальник рекрутского управления при Наполеоне, официально определял цифру павших, притом исключительно французов, в 1 750 000 человек. Естественно, что все, кто мог откупиться деньгами от военной службы, старались во что бы то ни стало избежать ее. Иные откупались до трех раз и все-таки, истратив тысяч двадцать франков, в конце концов должны были участвовать в кампаниях 1813 и 1814 годов. Но и раньше Наполеон уже забрал часть из них на службу силою. 3 декабря 1808 года¹ он приказал Фуше составить список пятидесяти парижских и десяти на каждый департамент «старинных и богатых фамилий, изъятых из рекрутской системы»; их сыновья в возрасте от 16 до 18 лет должны были быть насильно отданы в Сен-Сирскую школу. «Если кто-нибудь станет протестовать, — писал император, — надлежит отвечать просто, что такова моя воля». С этих пор начинается охота уже не только на уклоняющихся от службы, но и на будущих офицеров; чиновники и жандармы действуют в этом отношении с беспощадной строгостью, которая все усиливается по мере того, как в обществе возрастает отвращение к военной службе. «Кара за уклонение от службы, постигавшая до сих пор лишь самого уклонившегося, с 1811 года распространяется и на его отца, мать, братьев, сестер и зятьев — словом, на всю его семью, на всякого, у кого несчастный беглец, изнуренный голодом, холодом и нуждой, ел, пил, работал или спал, наконец — и на всю его коммуны» (А. Допиоль).

Состав армии: императорская гвардия

Состав армии был чрезвычайно сложен. Она заключала в себе множество разнородных элементов. Наполеон старался возбудить соревнование в каждом отделении, в каждом полку, в каждой армейской единице. Тут шла непрерывная борьба за

¹ Это письмо не попало в «*Correspondance*» Наполеона.

первенство: слава понималась исключительно как похвала со стороны Наполеона или как данное им отличие. Забота о том, чтобы наилучше исполнить национальный долг, заменилась стремлением преуспеть и затмить соперника. Наполеон вернул полубригадам их старое наименование полков и возвел в ранг *армейских корпусов* каждую группу из двух или трех дивизий. Цвет войска — *императорская гвардия* по заслугам пользовалась блестящей репутацией. Все разнообразные роды оружия были представлены в пей своими наиболее заслуженными бойцами.

Императорская гвардия является точной миниатюрой всей армии; с 7000 человек, составлявших консульскую гвардию, она в первые же годы Империи доводится до 50 000, а в 1813 году — до 92 000 человек. С 1807 года, после Эйлауской бойни, рядом со *Старой гвардией* становится *Молодая гвардия*, стремящаяся сравняться с нею. Гвардия всюду сопровождает императора, сражается только на его глазах и обыкновенно лишь в качестве резерва, чтобы решить участь сражения. Гвардейская пехота состоит из 4 гренадерских пехотных полков под командой несравненного Дорсеппа, 3 пехотных егерских, 1 гренадерского фузилерного, 1 егерского фузилерного, 1 гренадерского флаккерного, 13 стрелковых и 13 вольтижерных, не считая воспитанников и ветеранов гвардии. Артиллерия, состоящая под начальством Друо, заключает в себе 1 конный и 2 пехотных полка. Кавалерию составляют *конные гренадеры*, сформированные при Консульстве из бывшей гвардии Директории, — первая часть армии, признавшая новый режим. В 1806 году она составляла один полк в четыре эскадрона, приблизительно 1000 сабель. Своей синей формой и своими медвежьими шапками эта кавалерия напоминала прежних гренадеров королевской гвардии. Ее первым командиром был Бессьер, затем последовательно Орденер, Вальтер и Гюйо. Граф Лепик, типичный ветеран наполеоновской гвардии, был в пей майором. С 15 апреля 1806 года к пей присоединился отряд *драгунов императрицы*, которым последовательно командовали два корсиканца, двоюродные братья императора, Арриги и Ориацо.

Тем же указом был учрежден гвардейский отряд конных егерей или *флигельманов*, несших разведочную службу. Опито и были ближайшими сподвижниками Наполеона; они следовали за ним всюду, от Арколе и Пирамид до Ватерлоо; они носили форму зеленого цвета, который был цветом импе-

раторской ливреи. У них был сформирован превосходный оркестр. У них было всего два командира, также близкие родственники Наполеона: его пасынок принц Евгений и двоюродный брат последнего Лефевр-Депуэтт¹.

Здесь были собраны лучшие представители лучших частей конницы. «Это — отряд храбрецов, перед которым ни разу не устояла неприятельская конница», — однажды сказал о них Наполеон. Наконец, к гвардии были причислены и бесстрашные мамелюки, которые первоначально вербовались из сирийских и коптских добровольцев, а потом приняли в свой состав и немалое число французов. Мамелюки сохранили свои зеленые чалмы и свои бунчуки с копскими хвостами, среди которых развевалось французское знамя. Их организовал Рапп; главная квартира их была в Марселе, и, несмотря на их исключительное боевое прошлое, они были здесь перебиты в 1815 году фанатической чериью.

Новые роды оружия

Организация пехоты, хорошо проведенная уже в эпоху революции, была мало изменена. Наполеон вербовал в *гренадеры* отборных людей. Из наиболее малорослых (не выше 4 футов 11 дюймов) он сформировал роты вольтижеров, стрелков, вооруженных легкими ружьями и снабженных легкой амуницией; Наполеон имел в виду прикомандировать их к полкам легкой конницы, за которыми они могли бы следовать беглым шагом, не отставая от «сапога всадника» или от «хвоста лошади». Позднее (императорский декрет 19 сентября 1805 г.) ограничились тем, что сформировали при каждом батальоне роту стрелков, ружья которых, драгунского образца, были несколько легче обыкновенных. К коннице они не были прикомандированы. Другая попытка имела целью приучить часть драгун к пешему бою, сообразно их первоначальному назначению; по после поражения спешенных драгун

¹ Из числа подчиненных этим командирам начальников конноегерского полка заслуживают упоминания: Морлан, Корбино, Барбапегр, Демишель, Домспиль и тот легендарный негр, Геркулес, почти безграмотный, который с 25 разведчиками опрокинул целую австрийскую колонну при Арколе и который ставил в упрек Наполеону только то, что он не сделал его маршалом Франции.

при Вертипеге этот опыт был оставлен. В 1809 году Наполеон сформировал вольтижерские полки; в 1814 году число их доходило до 19. Они представляли собой легкую пехоту. Рассадниками пехотных офицеров были лицей, военный притапей в Ла Флеше и Фонтенеблоская военная школа, с 1808 года перенесенная в Сен-Сир. Из пехоты выходило наибольшее число офицеров армии, в среднем 70 процентов.

Напротив, конница нуждалась в коренном преобразовании. Она играла довольно бледную роль в войнах революции. Конницу в один день не создашь, а конница старой королевской армии была совершенно расстроена эмиграцией почти всех своих офицеров. Притом не было и лошадей, так как конские заводы были упразднены; лошадей добывали теперь лишь путем реквизиции. Наполеон в 1807 году снова открыл конские заводы, а в 1809 году организовал большие депо конского запаса под управлением кавалерийских генералов. «Для нужд армии, — сказал однажды Наполеон, — требуется четыре вида конницы: разведчики, легкая кавалерия, драгуны и кирасиры». Разведчиками являлись конные егеря императорской гвардии, а в одном из иностранных корпусов — польский легкоконный полк. Легкую кавалерию по преимуществу представляли собою гусары; это была наиболее популярная в армии часть конницы благодаря пестроте их формы, их щегольскому виду и залхватским манерам. С 1803 по 1810 год было создано десять гусарских полков, которые отличались друг от друга цветом доломана, рейтуз и жилета или, по крайней мере, обшлагов и отворотов, но все обладали одинаковой *гусарской выправкой*¹, т. е. были смелы, бравы на вид и отважны. 26 полков *конных егерей* делили с гусарами разведочную службу и в случае надобности шли вместе с ними в атаку — сабли наголо. Ими командовали лучшие военачальники Великой армии: Кюрели, Марбо, Сегюр, Монбрей, Лассаль, Мюрат; все — кавалеристы по призванию, все — «люди инстинкта», сумасброды и забубенные головы, подчас немного пустые, но умевшие, не щадя ни людей, ни коней, творить чудеса и как будто служившие подтверждением старинного девиза Жака Кера: «*A secours vaillants rien impossible*» (для смелых нет ничего невозможного).

¹ Марбо рассказывает, что по прибытии его в гусарский отряд, стоявший в Генуе, ему нарисовали усы, так как своих у него еще не было, и приделали фальшивую косу.

Драгуны являлись линейной кавалерией. С самого начала Империи их было 21 полк; некоторые из этих полков были позднее преобразованы в гусарские, другие — в *уланские*; последние были вооружены и обучены по тем же принципам, как и польский легкокошый полк. Подобно Моптекукули и Морицу Саксонскому, Наполеон считал пику специальным оружием линейной конницы. Тяжелую кавалерию составляли кирасиры и карабинеры. Кирасиры носили двойную кирасу, защищавшую грудь и спину; под двойным нагрудником, заменившим простую кирасу, всадник чувствовал себя в большей безопасности, и это служило сильной нравственной поддержкой. Карабинеры — единственная часть бывшей королевской гвардии, уцелевшая в водовороте революции, — носили каску с гребнем из красной сивели, кирасу с золотым солнцем, как во времена Людовика XIV, и белый сипим мундир Марии-Луизы. Из числа командиров кирасирских полков наиболее прославились Келлерман и Мильо. Коллекур вышел из карабинеров. Наполеон не принял этого корпуса в состав своей гвардии и командиром его назначил своего брата Луи, коннетабля, вспомнив, может быть, что при Людовике XVI шефом карабинеров был граф Прованский. В новейших армиях конница составляет обыкновенно пятую часть общей массы; Наполеон полагал, что кавалерия должна составлять во Фландрии и Германии четвертую часть пехоты, в Альпах и Пиренеях — двадцатую, в Италии и Испании — шестую.

Артиллерия и инженерная часть подверглись лишь незначительным преобразованиям. Со времени графа Сеп-Жермена и Грибоваля французская артиллерия была первой в Европе, а со времени Фридриха II французские инженерные офицеры активно приглашались во все иностранные армии. Наполеон предъявлял большие требования к обоим этим корпусам. Наиболее крупные его сражения — при Эйлау и Фридрихсберге, при Эсслиппе, Ваграме и Бородине — сопровождалась жесточайшей канонадой. Осада Гаэты, Данцига, Кенигсберга, Сарагоссы, Инсбрука и укрепления острова Лобау дали возможность инженерному корпусу многократно отличиться. Имена Мармона, Соинжи, Друо и Лорстона среди артиллеристов, Мареско, Шасселу-Лоба и Эбле из числа инженеров заслуженно приобрели почетную известность. При Наполеоне был сформирован особый отряд. К отдельным корпусам были прикомандированы команды пекарей, кузнецов и молотобойцев. Ларрей, изобретший в 1792 году систему походных госпиталей,

заведывал хирургической частью, Деженетт — «медицинской» (терапевтической). Армия должна была стать самостоятельным организмом, способным жить самостоятельной жизнью и собственными средствами. Наполеон думал обо всем, всюду вносил свою инициативу и своим поразительным организаторским талантом пробуждал во всех отраслях военного ведомства невиданное до тех пор оживление.

Вспомогательные и иностранные корпуса

Рекрутский набор распространялся на всех взрослых жителей Франции, разросшейся до Альп и Рейна. Но в состав Великой армии входили также *вспомогательные* войска, вербовавшиеся в вассальных землях: итальянцы, швейцарцы, немцы из Рейнского союза, поляки и пр., и иностранные корпуса, выставаемые союзными государствами. Так, в рядах французской армии находилось: 16 000 швейцарцев, предоставленных в распоряжение Франции на основании договора 1803 года, Гапшверский легион, сформированный в этом же году генералом Мортье, легионы Северный и Вислинский, шесть хорватских пехотных полков, шесть иллирийских стрелковых полков, затем саксонский отряд Ренье, баварский — Деруа, испанский — маркиза Ла Романа, итальянский — принца Евгения, отряд мамелюков и польская легкая конница Попятовского. Последняя заслуживает того, чтобы сказать о ней несколько слов отдельно.

При вступлении Наполеона в Польшу к нему добровольно стали являться польские кавалеристы, предлагая свои услуги. 2 марта 1807 года он издал указ о сформировании одного полка легкой кавалерии в четыре эскадрона. Здесь бок о бок, без различия чинов, служили в качестве добровольцев рядовые и офицеры — все шляхетского происхождения. Ни следа дисциплины, никакой выучки, но необыкновенное усердие и отвага, не знающая границ. В эпическом штурме при Сомо-Сиерра поляки, в числе 248 сабель под начальством Монбрена, выдержали огонь 13 000 испанцев и 16 орудий и овладели позицией. При Ваграме они захватили пики австрийских драгун, чтобы тем скорее привести их в расстройство и разбить. После этого Наполеон вооружил их пикою, которая к тому же была их национальным оружием. В последних кампаниях наполеоновского периода они прославились рядом героических подвигов.

Все возрастающая нужда в людях заставляла Наполеона беспрестанно увеличивать число иностранных корпусов в Великой армии. Наполеон сформировал даже *семиостровной* батальон, набранный на Ионических островах, батальон греческих стрелков, албапский полк и татарский эскадрон. В 1809 году он потребовал от России подкрепления против австрийцев, а в 1812-м — прусский и австрийский контингенты для борьбы с Россией.

С 1809 года французская армия была как бы денационализирована: в ней говорили на всевозможных языках. Иностранные корпуса оставались верны Франции до 1812 года. Неудача похода в Россию побудила почти всех их отложиться.

Таким образом, наполеоновская армия представляла собой необыкновенно пеструю толпу, в которой мелькали всевозможные костюмы. Что за неимоверная смесь киверов, касок и меховых шапок, камзолов, туник, доломанов, чепраков, попов и накидок; смесь аксельбантов, пашивок, султанов и помпопов, галунов и позументов, начиная с «бопарттовских гусаров», прозванных *канарейками*, потому что в блестящих мундирах, в которые одел их Бертье, преобладал его любимый цвет — желтый, и кончая карабинерами в медвежьих шапках при синем национальном мундире с высоким воротником и красными эполетами, обшитыми серебряным галуном! Тамбур-мажор Сено, гигант ростом в 1 метр 90 сантиметров, с султаном, возвышавшимся над его медвежьей шапкой, достигал 2,5 метра. Великий князь Константин в Тильзите выпросил у Наполеона одного из этих великанов в инструкторы русским барабанщикам. Все эти яркие формы были тесны, тяжелы и неудобны. Огромные сапоги, кирасы и каски ужасающего веса, затянутые мундиры, как бы предназначенные удерживать тело в той позе, какую имеет солдат на параде, изнурительная тяжесть ранца, бивуачных принадлежностей, ружья, штыка, сабли и палаша — должны были, казалось, совершенно парализовать движения этих железных людей. Осмотрев Музей инвалидов, или какую-нибудь богатую частную коллекцию, или даже просто полный набор тогдашних доспехов, начинаешь лучше понимать эпопею Империи. Это поколение было сильнее закалено для житейской борьбы и битв, чем какое-либо из следовавших за ним. Впрочем, слабые скоро погибали: естественный отбор совершался быстро.

Отсутствие технического прогресса в вооружении

Вооружение было еще очень несовершенно. Ученые революционной эпохи изобрели новые способы фабрикации бронзы и стали и добывания селитры, а за все время существования Империи в системе вооружения не было произведено никакого технического усовершенствования. В употреблении было почти исключительно кремневое ружье образца 1777 года — оружие в общем весьма неудовлетворительное. Оно заряжалось в двенадцать приемов, и когда затравка была смочена дождем, ружье давало осечки. Именно этим обстоятельством было обусловлено поражение Макдональда при Кацбахе. Артиллерия пользовалась пушкою с гладким стволом образца 1765 года. Для походов наиболее употребительны были 12- и 6-фунтовые орудия, и при них — мортиры, бывшие на 250 — 600 метров. Ничем не улучшив артиллерию, Наполеон значительно увеличил ее количественно; он считал необходимым держаться пропорции — четыре пушки на каждую тысячу человек, и часто эта пропорция еще повышалась. У него были как артиллерийские, так и кавалерийские громадные резервы. Известно, какую гигантскую батарею в 100 орудий воздвиг Дроу, чтобы заставить австрийцев покинуть Ваграмскую возвышенность. Наполеон держался того взгляда, что артиллерия и конница должны взаимно дополнять друг друга: артиллерия в желаемом пункте прорывает неприятельскую линию, а конница, представляющая собой как бы живую картечь, расширяет эту брешь, пролагая путь пехоте, которая одна обеспечивает выигрыш сражения.

Раздвоение военного министерства

Наполеон понимал все значение подготовки к кампании. Он неустанно пользовался мирным временем, чтобы готовиться к войне. Значительная часть его переписки посвящена подробностям военного дела; он часто предпринимает поездки с целью осмотра войсковых частей. Он пробует солдатскую пищу и велит на свой счет кормить солдат белым хлебом вместо черного. Он приказывает удлинить постели гренадеров своей гвардии, найдя их слишком короткими. Он собственноручно раздает сабли и почетное оружие; в период Консульства он приглашает к своему столу удостоившихся такого отличия и не делает разницы между простым рядовым и офицерами

любого ранга; позднее он раздает ордена Почетного легиона и часто снимает с себя орден, чтобы украсить им грудь храбреца, которого ему указали как наиболее достойного. 15 августа 1809 года он учреждает орден *Тройного золотого руна*, предназначенный исключительно для военных, а два года спустя устанавливает форму мундира, которую должны носить получившие этот знак отличия. Однако этот орден никогда никому не был пожалован.

Чтобы ускорить передвижение войск, Наполеон часто забирает под людей багажный обоз; в 1809 году часть гвардии была на почтовых лошадях доставлена из глубины Испании в Баварию. Обучение рекрутов производится непрерывно и с величайшей энергией. Даже во время похода, в промежутки переходов и сражений, производится строевое учение, что постоянно поддерживает в войске боевой дух и охраняет его от опасностей продолжительного бездействия. Военным сотрудникам Наполеона приходится страшно много работать. Поэтому он разграничивает отдельные отрасли военного дела. В 1802 году военное министерство раздваивается: в ведении военного министра (которым до 1807 года был Бертье, потом Кларк) остаются производства и военные операции, а главноуправляющий по военным делам заведует набором рекрутов и интендантством. Этот второй министр — лицо штатское: Дежан (1802), Лакюе (1810); он изготовляет орудия войны, а военный министр приводит это орудие в действие. С 1806 года существовал даже особый заведовавший смотрами. Сам Наполеон оставался верховным министром, душою всех реформ и операций.

Приготовления

Подготавливая кампанию, император заботился с величайшей тщательностью не только об обучении солдат, но и особенно о заготовке всего того, что требуется для боя и походной жизни. Оружие, амуниция, одежда и бивуачные принадлежности заготавливались в громадных количествах. Наполеон до мельчайших деталей был осведомлен о местонахождении каждой части сухопутных и морских военных сил, о состоянии их, о ресурсах арсеналов и военных складов. Продовольствию войска он посвящал меньше внимания. «Я сделал при Империи восемь кампаний, — сказал Брак, — неизменно на аванпостах, и ни разу за все время не видел ни одного военного комиссара и

не получил ни одного пайка из военных складов». «С минуты выступления в поход армия лишь изредка получала продовольствие, и каждый кормился на месте, как мог» (Сегюр). Марбо также рассказывает о сделке, которую он заключил в 1812 году с иезуитами одного монастыря близ Вильны: он в изобилии доставлял им для их винокурен зерно, награбленное его егерями, а иезуиты взамен снабжали его хлебом и водкой. Так, несмотря на удивительный организаторский талант Наполеона, Великой армии все время приходилось жить либо реквизициями, либо грабежом. Он даже как будто в принципе полагал, что война должна кормить войну: «Бросьте запасные гурты быков, — писал он из Испании Дежану, — мне провиант не нужен, у меня все есть в изобилии. Не хватает только фур, военных транспортов, шинелей и сапог; я еще не видел страны, где бы армия могла так хорошо кормиться». Реквизиции даже заранее учитывались на случай позднейших нужд. Победенные облагались громадными контрибуциями. Их с неумолимой строгостью взыскивал главный казначей Великой армии Дарю, честно и предусмотрительно заведовавший этими суммами. После Тильзитского мира в военной кассе находилось 350 миллионов франков. Наполеон старался поставить дело так, чтобы иметь возможность воевать пять лет, не прибегая ни к займам, ни к установлению новых налогов.

Командование армией; генеральный штаб; главные военные сотрудники Наполеона

Его помощниками, вождями его армий, была целая плеяда молодых генералов, прошедших боевую школу в титанических войнах революции. При своем воцарении он сразу назначил 14 маршалов Франции и 4 почетных маршалов, и ни один из этих избранных не оказался недостойным этой чести. Многие другие его соратники тоже заслужили и позднее получили это высокое звание.

Он выбирал своих помощников без различия из всех слоев общества. Если Даву, Макдональд, Мармон, Груши и Кларк принадлежали к старому дворянству, то Монсей, Бернадотт, Сульт, Мортье, Гувнон, Сюше, Брюн, Жюно происходили из простых буржуазных фамилий, а Журдан, Массена, Ожеро, Мюрат, Бессьер, Ней, Ланс, Виктор, Удино, Лекурб, Себастиани и Друо были по происхождению простолюдины. Последних в общем было всего больше. Однако Наполеон все-

гда предпочитал людей дворянского происхождения, считая их более покорными, более изящными и более представительными. Некоторых из них он очень быстро возвысил, например Сегюра или Флахо. Для других он основал *пажеское училище* и *кавалерийскую школу* в Сеп-Жермен-ан-Лэ, и там должны были в короткий срок готовить офицеров, первое — для пехоты, вторая — для кавалерии. Затем он последовательно основал два корпуса: *велитов*¹, в числе 800 человек, и *вестовых жандармов императора* (сентябрь 1806 г.), пользовавшихся почти теми же привилегиями, как бывшая лейб-гвардия, и, наконец, в 1813 году — четыре полка *почетной гвардии*: это были почти заложники, ручавшиеся за верность высших классов общества, уже начинавших колебаться. Каждый юноша, вступавший в один из этих корпусов, существование которых, впрочем, было непродолжительно, должен был располагать личным доходом не менее 300 франков и на свой счет приобретать экипировку и коня; начальниками их были обыкновенно командиры, состоявшие уже в чине полковника и выше.

Наряду со стремлением Наполеона видеть в числе своих офицеров представителей самых громких имен французской знати, необходимо отметить и его вполне разумную заботу о возможно быстром пополнении офицерских кадров. Наполеон принес в жертву войне невероятное количество офицеров, а уцелевшие быстро теряли силы, несмотря на то, что большинство из них — даже состоявшие в высоких чинах — были по летам очень молоды. Притом необходимо было подстрекать наиболее преданных и наиболее даровитых надеждой на выдвижение, соразмерное с их заслугами. Таким образом Наполеон готовил людей на смену своим генералам и маршалам. Те из его военных сотрудников, которых он считал неспособными достигнуть звания маршала Франции, получили чин генерал-полковника, как Жюпо и Барагэ д'Иллье; другие становились комендантами крепостей, членами Сената или Государственного совета, иногда даже гражданскими чиновниками, например префектами или податными директорами. Иные получали отставку. В 1813 году одна только кавалерия насчитывала уже 41 отставного генерала, и все моложе 50 лет. Наполеон хотел иметь молодую армию и во главе ее — молодых

¹ В древнем Риме *велиты* — это легковооруженные воины.

вождей. Да и неудачи его последних лет в значительной степени объясняются его собственной усталостью и утомленностью некоторых из лучших его полководцев. Но всех своих сотрудников он берег по мере сил, осыпая их милостями и денежными наградами.

Награды. Почетный легион

Наиболее прославленных своих соратников Наполеон сделал князьями, как Бертье, Массена, Даву, Нея, Бернадотта; Лапи не получил этого титула, потому что умер слишком рано. Другие стали герцогами, графами или баронами. С каждым таким титулом были связаны денежные дотации, выплачиваемые отчасти французской казной, отчасти из пятнадцатипроцентного фонда с доходов той территории, по которой был получен данный титул. К жалованью, возраставшему с каждым чипом, присоединялась пенсия, назначаемая различным кавалерам ордена Почетного легиона. Бертье получал до 1 354 945 франков годового дохода, Массена — более миллиона, Даву — 910 000, Ней — 628 000, Дюрок — 270 000, которые после его смерти перешли к его дочери, Савари — 162 000, Себастиани — 120 000, Рапп — 110 000, остальные — в таких же размерах. В вечер дня битвы при Эйлау каждый из приглашенных к императорскому столу нашел под своей салфеткой билет в 1000 франков. Наполеон много требовал с каждого, но умел и щедро оплачивать преданность себе. И все-таки он пожал одну только неблагодарность, потому что все эти маршалы, герцоги и графы, так хорошо обеспеченные денежно, получившие все и уже больше ничего не желавшие, в конце концов потеряли охоту рисковать своей жизнью: в 1814 году они жадно ухватились за представившийся случай оставить поля сражений.

Личное влияние Наполеона на армию

Если большинство высших военных чипов покинули Наполеона в дни несчастья, то офицеры низших рангов и солдаты сохранили непоколебимую верность ему. Он умел, как никто, проникать словом в сердца своих сподвижников и возбуждать в них энтузиазм; никому не приносили столько жертв до самого конца, как ему. Он был для них как бы живым богом войны, непогрешимым и всеведущим гением,

одно присутствие которого обеспечивало победу. Его прокламации и бюллетени Великой армии справедливо считаются идеальными образцами военного красноречия. Он умел отличать смиреннейших за подвиг, часто награждая их па самом поле битвы, иногда снимая с себя для этого орден и прикрепляя его к груди солдата; иной раз он покрывает своим плащом раненого, дрожащего в лихорадке, или не потревожит сои молодого барабанщика, прикорнувшего у печки до прихода императора.

Он заранее узнавал имена солдат, с которыми хотел говорить, чтобы с первого слова называть их по имени, вследствие чего они были уверены, что император лично знает каждого из них. Часто он после победы производил в офицеры старых неграмотных сержантов, которым вслед затем скоро давали отставку, пока они еще не успели обнаружить своей неспособности¹. Непрестанно заботясь о поддержании бодрого настроения в своих войсках, он не менее радел и об их питании и здоровье. Он обходит бивуаки, пробует солдатскую похлебку, дружески треплет солдат по щеке или шутя дерет за ухо. Его прогулка по лагерю и иллюминация последнего накануне Аустерлица много раз описаны. Казалось, никакая усталость, никакая рана не могли сломить этих железных людей. Ко времени возвращения из Египта Рапп имел уже двадцать две раны, Удино — тридцать шрамов, его тело походило «на решето», но он умер восьмидесяти лет. Марбо за шестнадцать лет службы получил с дюжину ран, в том числе несколько тяжелых, но они не искалечили его и не пошатнули его железного здоровья. После сражения при Сомо-Сиерра Сегюр, признанный неизлечимым лейб-хирургом императора Ювапом, думал только о том, чтобы умереть с достоинством. За исключением нескольких высших военачальников, в наполеоновской армии вплоть до Ватерлоо непорушимо царили благороднейшие из военных добродетелей: самоотречение и готовность принести жизнь в жертву долгу.

¹ При Вертингене один драгунский унтер-офицер, за два дня перед тем разжалованный своим полковником в рядовые, спас ему жизнь, рискуя собственной. После сражения Наполеон расспрашивал его об этом происшествии, и солдат сказал: «Третьего дня я был виноват, а вчера я только исполнил свой долг». Император наградил его орденом при громких ответственных кликах его товарищей (Сегюр).

Дисциплина наполеоновской армии

Однако в этой полной азарта жизни, где беззаботное веселье сменялось ужаснейшими лишениями, дурные страсти разгорались не менее хороших. Дисциплина в Великой армии быстро ослабела. «Что можно сделать, — пишет граф Сегюр, — против течения, увлекающего всех? Известно, что непрерывные победы портят всех — от солдата до генерала, что слишком частые форсированные переходы расшатывают дисциплину; что в этих случаях раздражение, вызванное голодом и усталостью, а также несправность в раздаче пайков, обусловленная спешкой, поощряют всяческие излишества: каждый вечер солдаты принуждены разбегаться, чтобы добыть все, что им нужно для жизни, и так как они никогда ничего не получают из казны, то у них развивается привычка все брать самим. После чудес Йены и Фридрихсвальда нашим солдатам пришлось беглым шагом пройти 600 миль и тотчас по прибытии на место драться. Их жизнь представляла собою как бы одну сверхъестественное усилие преодолеть утомление и опасность, после чего грабеж, как один из результатов победы, казался им их законным правом. Слишком стеснять их в этом отношении значило бы обескуражить их. Да и то сказать: требуя от человека многого, надо кое-что и простить ему».

Впрочем, пример шел сверху. Все выскочки нового режима были одержимы ненасытным сребролюбием; в их среде царили грубость нравов и то презрение к закону, которое свойственно людям, привыкшим видеть неизменное торжество силы над правом. Тьебо чистосердечно рассказывает, как он провозил контрабанду под носом у таможенных чиновников, как саблей ударил по руке несчастного сборщика таможи, осмелившегося заглянуть в его карету, и как был за взятку оправдан военным судом. В начале «континентальной блокады» Массена в несколько месяцев нажил продажей пропускных свидетельств 6 миллионов франков; правда, Наполеон конфисковал эти бесчестно нажитые деньги, и Массена не посмел жаловаться. Сульц выудил у монахов богатого аббатства Санкт-Пельтеп крупную военную контрибуцию и, чтобы замаскировать это лихоимство, не постеснялся загубить целую дивизию изнурительным форсированным переходом, во время которого отставшие и большие сотнями падали по дороге. Позднее, во время своего проконсульства в Андалузии, он пограбил множество драгоценных произведений искусства,

как, например, картину Мурильо, которую он, будучи уже министром, продал Луврскому музею за баснословную цену. Мюрат был только безобидно смешон; он паряжался, как красивая женщина: за время одного только прусского похода он выписал из Парижа перьев на 27 000 франков.

Несмотря на эти темные пятна, Великая армия в высокой степени обладала отвагой, преданностью и чувством чести — качествами, присущими французской расе. Наполеон на некоторое время возвысил француза над средним человеком. Он насытил Францию военной славой. Поэзия войны — это поэзия обездоленных, поэтому-то наполеоновская эпопея до сих пор дорога народу. Но если Наполеон рисуется воображению молодым богом войны, то не следует забывать и того, что это был бог смертоносный, разрушавший все, к чему прикасался. Он принес в жертву своему честолюбию целое поколение людей, шесть-семь миллионов человеческих жизней, из которых четвертая часть — французы, и, что важнее всего, он внушил иностранцам ненависть к прекрасному имени Франции и вызвал ту страшную жажду мести, от которой она страдает еще и поныне.

2. Боевой состав французской армии на 25 января 1814 года

(Наполеон принимает командование в Шалон-сюр-Мари)

Главнокомандующий — император Наполеон Бонапарт

Начальник штаба — маршал Бертье (Berthier)

Помощник начальника штаба по кавалерии — генерал
Белльяр (Belliard)

Помощник начальника штаба по пехоте — генерал Мон-
тioni (Monthion)

Помощник начальника штаба по гвардии — генерал
Друо (Drouot)

Командующий кавалерией — генерал Груши (Grouchy)

Командующий гвардейской кавалерией — генерал Нансу-
ти (Nansouty)

Командующий артиллерией — генерал Рюти (Ruty)

Командующий инженерами — генерал Ронья (Rogniat)

При штабе — маршалы Удино (Oudinot), Лефевр
(Lefebvre), генерал Лефоль (Lefol)

I. Правое крыло (гвардия): маршал Мортье (Mortier)

Начальник штаба — генерал Лапуант (Lapointe).

Дивизия Фриана (Friant):

1-й егерский полк: 1265 чел.

2-й егерский полк: 898 чел.

1-й гренадерский полк: 1393 чел.

2-й гренадерский полк: 1044 чел.

Инженеры: 105 чел.

Дивизия Мишеля (Michel):

Фланкеры-егеря: 1042 чел.
Фланкеры-гренадеры: 285 чел.
Велиты Флоренции: 333 чел.
Велиты Турина: 164 чел.
Фузилеры-егеря: 1366 чел.
Фузилеры-гренадеры: 688 чел.

Кавалерийская дивизия Лаферье-Левека (Laferriere-Leveque):

Конно-егерский полк: 585 чел.
Драгунский полк: 734 чел.
Конно-гренадерский полк: 909 чел.

Артиллерия:

7 рот пешей артиллерии: 459 чел.
4 роты кошмой артиллерии: 319 чел.
Понтонеры: 21 чел.
Артиллерийский обоз: 665.

Парижский резерв: Дюфур (Dufour)

2-й легкий полк: 600 чел.
4-й легкий полк: 580 чел.
15-й легкий полк: 554 чел.
135-й линейный полк: 554 чел.
139-й линейный полк: 369 чел.
155-й линейный полк: 836 чел.
12-й легкий полк: 510 чел.
29-й легкий полк: 736 чел.
32-й линейный полк: 673 чел.
58-й линейный полк: 406.
113-й линейный полк: 2173 чел.
Артиллерия и обоз: 300 чел.
Всего в гвардии: 20 566 чел.

II. Центр под командованием маршала Виктора (Victor)

Начальник штаба — генерал Шато (Chateau).

2-й корпус:**Дивизия Дюгема (Duhesme)**

24-й легкий полк: 520 чел.

19-й линейный полк: 640 чел.

37-й линейный полк: 601 чел.

56-й линейный полк: 962 чел.

Дивизия <?>:

26-й легкий полк: 801 чел.

18-й линейный полк: 1385 чел.

46-й линейный полк: 753 чел.

93-й линейный полк: 408 чел.

Дивизия <?>:

11-й легкий полк: 496 чел.

2-й линейный полк: 405 чел.

4-й линейный полк: 1237 чел.

72-й линейный полк: 524 чел.

Артиллерия и обоз: 989 чел.

Инженеры: 153 чел.

5-й кавалерийский корпус:

Дивизия Пире (Pire):

3-й гусарский полк: 278 чел.

26-й конно-егерский полк: 207 чел.

14-й конно-егерский полк: 234 чел.

27-й конно-егерский полк: 331 чел.

Дивизия Брише (Briche):

2-й драгунский полк: 349 чел.

6-й драгунский полк: 321 чел.

11-й драгунский полк: 367 чел.

13-й драгунский полк: 220 чел.

15-й драгунский полк: 333 чел.

Дивизия Леритье (Lheritier):

18-й драгунский полк: 218 чел.

19-й драгунский полк: 246 чел.

20-й драгунский полк: 154 чел.

22-й драгунский полк: 283 чел.

25-й драгунский полк: 263 чел.

Бригада Сегюра (Segur):

3-й и 4-й полки Почетной гвардии: 750 чел.

Артиллерия и обоз: 319 чел.

Всего под командованием Виктора: 14 747 чел.

III. Центр под командованием маршала Мармона (Marmont).

Начальник штаба — генерал Мейнадье (Meunadier).

6-й корпус:

Дивизия Рикара (Ricard):

- 2-й легкий полк: 112 чел.
- 4-й легкий полк: 136 чел.
- 6-й легкий полк: 197 чел.
- 9-й легкий полк: 130 чел.
- 16-й легкий полк: 199 чел.
- 22-й линейный полк: 281 чел.
- 40-й линейный полк: 223 чел.
- 50-й линейный полк: 190 чел.
- 69-й линейный полк: 97 чел.
- 136-й линейный полк: 582 чел.
- 138-й линейный полк: 108 чел.
- 142-й линейный полк: 95 чел.
- 144-й линейный полк: 306 чел.
- 145-й линейный полк: 261 чел.

Дивизия Лагранжа (Lagrange):

- 23-й легкий полк: 76 чел.
- 37-й легкий полк: 721 чел.
- 1-й линейный полк: 194 чел.
- 15-й линейный полк: 340 чел.
- 16-й линейный полк: 120 чел.
- 70-й линейный полк: 339 чел.
- 121-й линейный полк: 400 чел.
- 1-й морской полк: 508 чел.
- 3-й морской полк: 543 чел.
- 62-й линейный полк: 228 чел.
- 2-й морской полк: 740 чел.
- 4-й морской полк: 279 чел.
- 132-й линейный полк: 380 чел.

1-й кавалерийский корпус Думерка (Doumerc):

Бригада Пике (Piquet):

- 10-й гусарский полк: 548 чел.
- 1-й полк Почетной гвардии: 367 чел.

Бригада Думерка (Doumerc):

1-й полк (временный гусарский): 272 чел.

2-й полк (кошко-егерский): 432 чел.

3-й полк (кошко-егерский): 614 чел.

4-й полк (кошко-егерский): 582 чел.

Артиллерия и инженеры:

Артиллерия пешая: 539 чел.

Артиллерия конная: 191 чел.

Артиллерийский обоз: 399 чел.

Инженеры: 322 чел.

Всего под командованием Мармона: 12 051 чел.

**IV. Левое крыло под командованием маршала
Макдональда (Macdonald).**

Начальник штаба — генерал Грюндлер (Grundler).

11-й корпус:**Дивизия Молитора (Molitor):**

139-й линейный полк: 317 чел.

149-й линейный полк: 298 чел.

28-й легкий полк: 312 чел.

70-й линейный полк: 260 чел.

46-й линейный полк: 328 чел.

Артиллерия и обоз: 243 чел.

Дивизия Брайера (Brayer):

Швейцарские гренадеры: 98 чел.

19-й легкий полк: 272 чел.

5-й линейный полк: 283 чел.

11-й линейный полк: 304 чел.

107-й линейный полк: 268 чел.

Артиллерия и обоз: 221 чел.

5-й корпус Себастьяни (Sebastiani):**Дивизия Альбера (Albert):**

135-й линейный полк: 325 чел.

152-й линейный полк: 279 чел.

154-й линейный полк: 142 чел.

140-й линейный полк: 280 чел.

141-й линейный полк: 220 чел.

Артиллерия и обоз: 198 чел.

2-й кавалерийский корпус Эксельманса (Exelmans):

Дивизия Домманже (Domange):

1-й полк (временный гусарский): 117 чел.

2-й полк (кошю-егерский): 860 чел.

3-й полк (шеволежерский): 390 чел.

Дивизия Тири (Thiry)

4-й полк (кирасирский): 250 чел.

5-й полк (кирасирский): 275 чел.

Гусарский полк Жерома Наполеона

(Jerome Napoleon): 250 чел.

Артиллерия и обоз: 270 чел.

3-й кавалерийский корпус Арриги (Arrighi):

Дивизия Амей (Ameil):

1-й полк (временный гусарский): 201 чел.

2-й полк (кошю-егерский): 842 чел.

Дивизия Жакино (Jacquinot):

3-й драгунский полк: 740 чел.

4-й кирасирский полк: 72 чел.

Артиллерия и обоз: 228 чел.

Всего под командованием Макдональда: 9143 чел.

V. Гвардейский резерв под командованием маршала Нея (Ney).

Начальник штаба — генерал Беш де Леокур
(Beche de Leocourt).

Корпус Нея:

1-я вольтижерская дивизия Менье (Meunier):

1-й вольтижерский полк: 657 чел.

2-й вольтижерский полк: 940 чел.

3-й вольтижерский полк: 1263 чел.

4-й вольтижерский полк: 1144 чел.

Артиллерия и обоз: 129 чел.

2-я вольтижерская дивизия Декуаз (Decouz):

5-й вольтижерский полк: 680 чел.

6-й вольтижерский полк: 633 чел.

7-й вольтижерский полк: 717 чел.

8-й вольтижерский полк: 670 чел.

Артиллерия и обоз: 140 чел.

Корпус Лефевра-Денуэтта (Lefebvre-Desnouettes):**2-я тиральерская дивизия Ротембурга (Rottembourg):**

1-й тиральерский полк: 800 чел.

5-й тиральерский полк: 959 чел.

6-й тиральерский полк: 733 чел.

7-й тиральерский полк: 811 чел.

8-й тиральерский полк: 990 чел.

Полк вольтижеров-флапкеров: 312 чел.

2 батареи пешей артиллерии: 342 чел.

Гвардейская кавалерийская дивизия:

2-й полк разведчиков: 313 чел.

1-й польский шеволежерский полк: 600 чел.

Конно-егерский полк: 511 чел.

Драгунский полк: 460 чел.

Конно-гренадерский полк: 401 чел.

Артиллерия и обоз: 300 чел.

Итого:

Правый фланг (около Труа): 20 566 чел.

Центр (около Витри), Виктор: 14 747 чел.

Центр (около Витри), Мармон: 12 051 чел.

Левый фланг (около Мезьера): 9143 чел.

Резерв (в Шалоне и Витри): 14 505 чел.

Итого: 71 012 чел.

Приложение III

I. Полководцы Революции и Империи

Бернадот (Bernadotte) Жан Батист Жюль [26 января 1763, По, Беарн — 8 марта 1844, Стокгольм], французский военачальник, король Швеции Карл XIV Юхан, основатель династии Бернадотов.

Сын беарнского адвоката Анри Бернадота. В августе 1780 года вступил рядовым в пехотный Королевский морской полк, предназначенный для службы в заморских территориях, на островах и в морских портах. С 1784 года служил в Гренобле, столице провинции Дофиние. В мае 1788 года произведен в сержанты, 7 июня 1788 года командовал расстрелом безоружной демонстрации в Гренобле (офицеры не решились отдать приказа открыть огонь). В мае 1789 года Морской полк был передислоцирован в Марсель. После 14 июля 1789 года Бернадот сохраняет верность присяге и даже спасает от смерти своего командира маркиза д'Амбера (которого национальные гвардейцы собирались вздернуть на фонаре). Это не мешает Бернадоту делать революционную карьеру, он даже демонстративно выкалывает себе на груди татуировку «Смерть королям и тиранам».

Весной 1792 года получает первый офицерский чин сублейтенанта и назначение в 36-й пехотный полк, расквартированный в Бретани. После начала (20 апреля 1792 года) войны с Австрией (к которой позднее присоединилась Пруссия) 36-й полк был направлен в Страсбург, в распоряжение командующего Рейнской армии генерала Кюстина. В составе Рейнской армии Бернадот сражался два года. Летом 1793 года он становится капитаном, в августе того же года получил

полковничьи эполеты, а в апреле 1794 года произведен в бригадные генералы, в битве при Флерюсе командует дивизией. Затем он участвовал в кампаниях на Майне и в Италии, где прославился как строгий генерал, не терпящий мародерства и недисциплинированности.

В январе-августе 1798 года направлен послом Франции в Вену. По возвращении в Париж 17 августа 1798 года женится на своей марсельской знакомой Дезире Клари, бывшей невесте Наполеона (старшая сестра которой вышла замуж за брата Наполеона — Жозефа Бонапарта). Зимой 1798 — 1799 года находится в действующей армии в Германии, где приобретает репутацию одного из самых выдающихся генералов Французской республики. В июле 1799 года назначен военным министром, однако из-за прошлой «якобинской» репутации в сентябре 1799 года снят с этой должности по настоянию одного из руководителей Директории Эммануэля Сийеса. В перевороте 18 брюмера не поддержал Бонапарта, но и не сделал ничего для защиты Директории. Откомандирован Бонапартом в Вандею, где в 1800 году подавил очередное восстание роялистов. После этого занимал пост государственного советника и командовал войсками в Западной Франции, в 1802 году он был заподозрен в связи с группой армейских офицеров, распространявших в Рене, столице Бретани, антинаполеоновские памфлеты («Ренский заговор»), но подозрение так и осталось недоказанным.

В январе 1803 года назначен послом в США, но переезд за океан был отложен из-за начавшихся военных действий между Францией и Англией. Около года генерал провел в бездействии в Париже. Когда 18 мая 1804 года Наполеон провозгласил себя императором, Бернадот одним из первых выразил ему свою лояльность и получил звание маршала Франции. В июне 1804 года назначен заместником в Ганновер, где провел ряд реформ в области налогообложения.

С началом кампании 1805 года назначен командовать 1-м армейским корпусом. Покинув Ганновер, корпус Бернадота совершил марш в Южную Германию, где в октябре 1805 года принял участие в Ульмском сражении. Действуя против австрийского отряда Книмайера, Бернадот захватил Ингольштадт, форсировал Дунай и вышел к Мюнхену, блокировав с востока армию генерала Макка. Заняв Зальцбург, 1-й корпус впоследствии присоединился к основным силам Наполеона. 2 декабря 1805 года во время Аустерлицкого сражения корпус Бернадо-

та находился на передовой линии в центре французских войск и понес наибольшие потери. После подписания мира с Австрией корпус был передислоцирован в Ансбах (Бавария). В 1806 году Бернадот получил титул князя Понте-Корво.

В 1806 во время Йена-Ауэрштедтского сражения корпус Бернадота находился на стыке между корпусом Даву в Ауэрштедте и главными силами французской армии в Йене, при этом Бернадот фактически уклонился от помощи 3-му корпусу маршала Даву — что не помешало тому одержать блестящую победу. Преследуя отступающих пруссаков, Даву разбил их при Галле, после чего добился капитуляции Блюхера возле Любека 7 ноября 1806 года. Вторгшись на территорию Польши, 25 января 1807 года Бернадот разбил русские войска в сражении при Морунгене. В июле 1807 года он был назначен командующим французскими войсками в Северной Германии и Дании, после чего предложил план кампании против Швеции, но не получил поддержки — в частности потому, что не пользовался особым доверием Наполеона. Историки полагают, что Наполеон терпел беспринципное (иногда на грани измены) поведение своего маршала из родственных чувств — уважения к своему старшему брату Жозефу и бывшей невесте Дезире Клари.

В кампании 1809 года Бернадот командовал 9-м армейским корпусом, который при Ваграме потерял треть своего состава. После этого назначен командующим войсками в Голландии, где отразил десант англичан на остров Вальхарп.

После того как в 1809 году в Швеции произошел государственный переворот (свергнут король Густав IV и установлена конституционная монархия), шведский парламент (риксдаг) направил к Наполеону делегацию с просьбой помочь в выборе нового наследного принца — новым королем стал старый, бездетный и больной Карл XIII, а назначенный наследником датский принц Христиан Август неожиданно скончался. Член шведской делегации барон Карл Отто Мернер предложил стать наследником маршалу Бернадоту. Предполагают, что немалое значение при этом имело солидное финансовое состояние Бернадота, а также его тесные связи с торговыми кругами северогерманских ганзейских городов.

Государственный совет Швеции поддержал кандидатуру Бернадота, при условии его перехода в лютеранскую веру. Не отличавшийся особой принципиальностью в религиозных вопросах, Бернадот согласился, и 21 августа 1810 года шведский

риксдаг избрал его кронпринцем Швеции. 20 октября Бернадот принял лютеранство, а 5 ноября был усыновлен шведским королем Карлом XIII и под именем Карла Юхана (в русской дореволюционной традиции — Карл Иоанн) стал регентом Швеции.

Рассматривая Швецию как вассальное государство, Наполеон потребовал от Бернадота немедленного объявления войны Англии и присоединения к «континентальной блокаде». Швеция подчинилась, но реального участия в военных действиях сумела избежать. В ответ на лавирование Бернадота в январе 1812 года французские войска заняли Шведскую Померанию — что и послужило официальной причиной отказа Бернадота выступить на стороне Наполеона в войне с Россией. Более того, весной 1813 года король Карл Юхан разорвал отношения с Францией и заключил союзный договор с Россией и Великобританией (от которой получил субсидию на ведение боевых действий).

В мае 1813 года шведские войска высадились в Померании, где Бернадот сформировал Северную союзную армию. В кампании 1813 года Северная армия наступала на Саксонию, ее прибытие под Лейпциг 17 октября пересвесило чашу весов в «Битве народов». После этого Швеция разгромила Данию, в январе 1814 года датский король Фредерик VI подписал Кильский мирный договор, по которому Норвегия отошла к Швеции.

В 1814 году Северная армия Бернадота разбила войска французского маршала Ж.А. Макдональда, заняв Кельн и Фландрию, и двинулась с северо-востока на Париж. Весной 1814 года, после окончательного разгрома Наполеона, Бернадот предлагал себя в качестве короля или протектора новой Франции — но европейские монархи предпочли реставрацию династии Бурбонов.

Тем временем в Норвегии, которая не признала над собой власть Швеции, в мае 1814 года была принята либеральная конституция — но после прибытия сюда шведской армии из Франции норвежский парламент признал унию, удовлетворившись некоторыми уступками со стороны Швеции. Но одновременно Австрия и бурбонская Франция отказывались признать легитимность шведского кронпринца (предложив в качестве альтернативы ему сына свергнутого короля Густава IV). Удержав престол при поддержке России и Великобритании, Карл Юхан в 1815 году был вынужден уступить

Пруссии Западную Померанию — последнее шведское владение на южном побережье Балтики.

После смерти Карла XIII 5 февраля 1818 года Жан Бернадот в возрасте 54 лет становится королем Швеции и Норвегии под именем Карл XIV Юхан (хотя его супруга, провозглашенная шведской королевой Дезидерией, переехала в Швецию только в 1820-х годах). Основой внешней политики нового короля стало утверждение строгого нейтралитета Швеции во всех международных вопросах. В годы его правления интенсивно развивалась экономика королевства, значительно выросло население (как Швеции, так и Норвегии), значительных успехов достигли шведское сельское хозяйство и норвежский торговый флот. Был сооружен грандиозный Гетский канал между озерами Веннери, Веттерн и Балтийским морем.

Однако, несмотря на прошлую репутацию «якобинца» и утверждение в стране конституционного строя, во внутренней политике новый король проявил себя консерватором, склонным к жестким методам управления и ограничению свободы слова. В результате к 1830-м годам в ригедаге сформировалась сильная оппозиция, обвинявшая короля во вспыльчивом нраве и плохом знании шведского языка. Проблему удалось решить с помощью некоторых уступок парламенту. Умер Карл XIV Юхан в возрасте 81 года, оставив престол своему сыну — Оскару I.

Бертье (Berthier) Луи Александр [20 ноября 1753, Версаль — 1 июня 1815, Бамберг, Бавария], князь Невшательский (1805), герцог Валааженский (1806), князь Ваграмский (1809). Французский военачальник, маршал Франции (1804), военный министр в 1799—1807 годах, начальник штаба Наполеона в 1807—1814 годах, вице-кошетабль и имперский принц Франции (1807).

Сын получившего дворянство судейского чиновника (по другим данным — ученого-географа). Начал военную службу в инженерных частях, затем под началом маркиза Лафайета участвовал в Войне за независимость США. После возвращения во Францию произведен в полковники Генерального штаба. После 14 июля 1789 года — начальник штаба Национальной гвардии в Версале. В 1791—1792 годах работает в штабе французской армии. С 1792 года бригадный генерал Бертье — начальник штаба армии генерала Люкпера, действовавшей против вандейцев. С марта 1793 (в разгар якобинского террора) в течение

четырёх месяцев скрывался в подполье, после низвержения якобинцев вернулся на прежний пост. В 1795 году был начальником штаба в армии генерала героя Вальми Ф.Э. Келлермана, в 1796 году назначен начальником штаба Итальянской армии генерала Бонапарта и отлично себя зарекомендовал во время Итальянского похода. Сам Наполеон расценивал полководческие способности Бертье как средние, по высоко ценил его талант как начальника штаба (Наполеон говорил, что если бы при Ватерлоо начальником его штаба был Бертье, а не Сульт, то он не проиграл бы эту битву). Принципы штабной службы, разработанные Бертье, позднее были использованы во многих европейских армиях.

В 1797—1798 годах командовал Итальянской армией, во главе которой занял Рим. Во время Египетской экспедиции вновь стал начальником полевого штаба Наполеона и не расставался с этой должностью до отречения Бонапарта. После захвата власти Наполеоном в 1799 году Бертье стал и военным министром Франции и занимал этот пост до 1807 года (с небольшим перерывом в 1800 году).

Бертье неизменно сопровождал Наполеона во всех походах, особенно отличившись в Итальянской кампании 1800 года, при переходе через перевал Сен-Бернар и в битве при Маренго. В 1804 стал одним из первых маршалов Франции и получил большой крест ордена Почетного легиона. За участие в походах 1805—1807 году получил во владение отнятое у Пруссии княжество Невшательское, а также возведен в достоинство вице-кошетабля и имперского принца.

В 1808 году в возрасте 55 лет женился на баварской принцессе Марии Виттельсбах. Его действия во время кампании 1809 года против Австрии были неудачными и вызвали недовольствие императора, однако после сражения при Ваграме Бертье получил титул князя Ваграмского. Находился с Наполеоном во время похода в Россию в 1812 года и в кампании 1813 года, однако в следующем году занимался в основном подготовкой и перемещениями резервов. После отречения Наполеона перешел на службу к Бурбонам, стал пэром Франции. Во время «Ста дней» уехал из Франции в Баварию и поселился в замке Бамберг. 1 июня 1815 года, встревоженный проходом через Бамберг русских войск, покончил жизнь самоубийством, бросившись вниз с балкона замка.

Виктор (Виктор-Перрен, Victor-Perrin) Клод [7 декабря 1764, провинция Марш, Франция — 1 марта 1841, Париж], герцог

Беллуно (1808). Французский военачальник, маршал Франции (1807), пэр Франции (1815), военный министр (1821—1823 гг.), участник революционных и наполеоновских войн.

В 1781 году поступил в королевскую артиллерию, после десяти лет службы солдатом вышел в отставку, жил в городе Балаис на юго-востоке Франции. С началом революционных войн встал во главе батальона местных добровольцев, с которыми отправился на фронт. В 1793 году отличился при осаде Тулона, где был замечен Бонапартом. После взятия Тулона участвовал в военных действиях против испанцев в Восточных Пиренеях, был произведен в генералы. Под началом Бонапарта участвовал в Итальянском походе 1796—1797 годов, во время которого его отряд овладел Апкопой. Затем принял участие в подавлении очередного Вандейского восстания, в 1799 году (во время Итальянского похода А.В. Суворова) участвовал в битве при Треббни.

Во время Итальянского похода 1800 года Виктор отличился в битвах при Монтебелло и Маренго. В 1802 году в течение короткого времени он занимал пост губернатора колонии Французская Луизиана (перед ее продажей Соединенным Штатам). В 1803 году командовал Батавской армией в Голландии, в 1805—1806 годах был послом Франции в Копенгагене.

С началом войны 1806 года с Пруссией и Россией назначен начальником штаба 5-го армейского корпуса, отличился в сражении при Зальфельде и Йена-Ауэрштедтском сражении. В 1807 году после битвы при Фридлапде (где Виктор командовал 1-м корпусом) Наполеон произвел его в маршалы. Впоследствии — комендант Берлина, в 1808 он получает титул герцога Веллуно.

В том же году Виктор получает назначение командиром корпуса в Испанию, где одерживает победы при Уклесе и Медельине, участвует в боях под Эспиносой, Талаверой, Барросой, Кадисом. В войне против России 1812 года командовал 9-м корпусом, обеспечивавшим тылы Великой армии (штаб-квартира располагалась в оккупированном Смоленске). Активное участие в боевых действиях 9-й корпус принял лишь на заключительном этапе кампании — в ноябре 1812 года в боях под Чашниками и при переправе через Березину.

В 1813 году принял командование 2-м корпусом, участвовал в сражениях при Дрездене и Лейпциге. В феврале 1814 года, после того как войска Виктора опоздали к месту сражения под Монтро-сюр-Йон, был отстранен Наполеоном от командования; тогда же Виктор был тяжело ранен.

После отречения Наполеона перешел на службу к Бурбонам и в декабре 1814 года был назначен командиром 2-й дивизии королевской армии. Во время «Ста дней» сохранил верность королю Людовику XVIII и последовал за ним в эмиграцию в Гент. После окончательной реставрации Бурбонов получил звание пэра и пост начальника штаба королевской гвардии. В 1821—1823 годах был военным министром, осенью 1823 года в качестве начальника штаба при герцоге Ангулемском руководил интервенцией французских войск в Испании. Затем был генерал-лейтенантом королевской гвардии, после Июльской революции 1830 года — в отставке.

Гош (Hoche) Луи Лазар (в другом написании — Ош) [24 июня 1768, Моптрей, вблизи Версаля — 19 сентября 1797, Вецлар], французский генерал, участник революционных войн.

В армии с 1784 года. В июле 1789 года перешел на сторону революции, участвовал в штурме Бастилии. Вступил в Национальную гвардию, стал офицером. По своим политическим взглядам был близок к якобинцам, пользовался популярностью у солдат. За умелую оборону Дюнкерка от англо-австрийских войск в 1793 году произведен в бригадные генералы. В том же году назначен командиром Мозельской, а затем объединенными Мозельской и Рейнской армиями, в нескольких сражениях нанес поражения австрийским войскам и отбросил их за Рейн. В марте 1794 года арестован якобинцами, но вскоре освобожден. С сентября 1794 года возглавил войска, действовавшие против контрреволюционных сил в Бретани и Вандее. Сумел разгромить силы вандейских мятежников, а в июле 1795 года на полуострове Киберон уничтожил высадившийся с английских кораблей па помощь вандейцам четырехтысячный десант роялистов. В декабре 1796 года руководил неудавшейся экспедицией в Ирландию, весной 1797 года назначен командующим Самбро-Маасской армией. Одержал победы над австрийскими войсками при Нейвиде и Альтенкирхене. Был чрезвычайно популярен в армии, соперничая славой с генералом Бонапартом. Умер в своей штаб-квартире при невыясненных обстоятельствах, не исключаяющих возможность отравления.

Груши (Grouchy) Эммануэль де [1766, Париж — 1847, Париж], маркиз, французский военачальник, маршал Франции

с 1815 года, участник революционных и наполеоновских войн.

На военной службе с 1792 года. В 1795 году произведен в дивизионные генералы, был заместителем генерала Гоша во время неудачной экспедиции в Ирландию в декабре 1796 года. Затем переведен в Италию, в 1798 году занял Турин и принудил сардинского короля Карла-Эммануэля IV отречься от престола. Во время Итальянского похода А.В. Суворова в 1799 году участвовал в битве при Нови, где получил тринадцать ран и попал в плен.

Принимал активное участие в войнах 1800, 1806—1807, 1809 и 1812 годов. После похода в Россию вышел в отставку, но после Реставрации 1814 года вернулся на военную службу и назначен генерал-инспектором кавалерии. Во время «Ста дней» снова перешел к Наполеону, от которого получил титул пэра и маршальский жезл. Принял активное участие в кампании 1815 года, знаменит своим опозданием к полю битвы под Ватерлоо — что явилось одной из причин поражения Наполеона.

После окончательного восстановления власти Бурбонов бежал в Америку. В 1819 году получил разрешение вернуться во Францию, но лишь после Июльской революции 1830 года был восстановлен королем Луи-Филиппом в звании маршала и достоинстве пэра (19 ноября 1831 года). Автор мемуаров (опубликованы посмертно в 1874 году в Париже).

Даву (Davout) Луи Николя [10 мая 1770, Ашшю, Бургундия — 1 июня 1823, Париж], герцог Ауэрштедтский (1808), князь Экмольский (1809). Французский военачальник, маршал Франции с 1804 года, военный министр в 1815 года, участник революционных и наполеоновских войн.

Из дворян. 29 сентября 1785 года поступил в Парижскую королевскую военную школу (через месяц после того, как ее окончил Наполеон Бонапарт), в 1788 году произведен в армейские офицеры. В 1790 году во время революционных волнений он вывел свой полк для поддержки восставшего народа. С 1792 года — командовал батальоном в Рейнской армии. В апреле 1793 года стал известен во всей Франции в связи с попыткой воспрепятствовать измене генерала Шарля Дюмурье. После этого Даву получает чин бригадного генерала, но в июле 1793 года, после выхода якобинского эдикта о запрещении дворянам

занимать командные должности в армии, вынужден уйти в отставку.

Вернулся на службу в 1794 году, после свержения якобинской диктатуры. В 1797 году участвовал в подготовке Египетской экспедиции, с этого момента становится ближайшим соратником Бонапарта. В 1798—1799 годах участвовал в военных действиях в Египте, был произведен в дивизионные генералы, в 1800—1801 годах командовал кавалерией Итальянской армии. В 1801 году женился на Луизе Эме Леклерк, свояченице Полины Бонапарт. В 1804 году, после провозглашения Империи, произведен в маршалы Франции. Проявил свой военный талант в кампании 1805—1807 годов, командуя отборным 3-м корпусом французской армии. Отличился при Ульме (октябрь 1805 года) и Аустерлице (2 декабря 1805 года). В 1806 году, командуя 3-м корпусом, с 26 тысячами солдат нанес поражение вдвое сильнейшей армии герцога Брауншвейгского при Ауэрштедте. 7—8 февраля 1807 года корпус Даву участвовал в сражении при Прейсш-Эйлау. После подписания Тильзитского мира 1807 года назначен главой администрации Варшавского герцогства. В войне против Австрии 1809 года снова командовал корпусом в сражениях при Экмюле и Ваграме.

В 1812 году Даву командовал 1-м пехотным корпусом, действовавшим против армии П.И. Багратиона. В Бородинском сражении 1-й корпус выступил против левого фланга русской армии, штурмовал Багратионовы флеши, при этом сам Даву был ранен. При отступлении Наполеона из Москвы возглавлял арьергард, но после поражения под Вязьмой сдал командование маршалу Нею. В 1813 году сражался под Лейпцигом, затем возглавил оборону Гамбурга, который сдал только после отречения Наполеона от престола в 1814 году.

Во время «Ста дней» вновь встал под знамена Наполеона, был назначен военным министром, командовал войсками Парижского округа. После сражения при Ватерлоо подписал капитуляцию Парижа 3 июля 1815 года, находился во главе остатков наполеоновской армии в долине Луары, пока не были согласованы условия мира. Не признал Бурбонов, за что был лишен чинов и титулов, но в августе 1817 года прощен и получил доступ ко двору Людовика XVIII. В 1819 году получил титул пэра Франции. Из всех наполеоновских маршалов

Даву прославился наиболее суровым характером, крайней требовательностью и бескомпромиссной прямоотой.

Журдан (Jourdan) Жан Батист [29 апреля 1762, Лимож — 23 ноября 1833, Париж], граф (1816). Французский военачальник, маршал Франции (1804), участник революционных и наполеоновских войн.

Поступил на военную службу в 1788 году в возрасте шестнадцати лет. В 1778—1784 годах служил солдатом в Вест-Индии, в составе французского экспедиционного корпуса принимал участие в Войне за независимость США. Затем вышел в отставку и, вернувшись в Лимож, стал сукопщиком.

После революции, как имеющий военный опыт, в 1791 году был избран командиром батальона волонтеров, получив чин подполковника, а уже спустя два года стал дивизионным генералом. Успешно воевал против австрийцев, затем командовал Северной армией, а с марта 1794 года — Мозельской армией. В начале июня 1794 года возглавил сформированную в Бельгии Самбро-Маасскую армию. 26 июня 1794 одержал победу над австро-голландскими войсками при Флерюсе, что позволило французам изгнать австрийцев из Бельгии. В октябре 1794 армия Журдана заняла Брюссель.

В 1795—1796 годах руководил действиями французских войск на Рейне, где потерпел поражение от австрийского эрцгерцога Карла Габсбурга, после чего вышел в отставку. В 1797 году избран депутатом Совета Пятисот от своего департамента Верхняя Вьенна, стал одним из инициаторов закона о конскрипции (всеобщей воинской повинности) от 5 сентября 1798 года. В 1799 году вернулся на военную службу, получил командование над Дунайской армией, но вновь был разбит эрцгерцогом Карлом при Острахе и Штоках.

Несмотря на республиканские взгляды и открытую оппозицию монархическому перевороту 18 брюмера, оказался в числе первых полководцев, получивших от Наполеона маршальский жезл, стал сенатором. Тем не менее Наполеон старался не назначать Журдана на ответственные посты. В 1804—1805 годах командовал Итальянской армией, затем переведен в Испанию. В 1808—1809 и в 1812—1813 годах был начальником штаба испанского короля Жозефа Бонапарта, старшего брата Наполеона. В июне 1813 года потерпел поражение в сражении при Витории на севере Испании и больше в военных действиях участия не принимал. После Реставрации

1814 года признал Бурбонов и был назначен командующим Рейнской армией. В 1819 году стал членом палаты пэров. Во время Июльской революции 1830 года в течение нескольких дней исполнял должность министра иностранных дел, а затем был назначен директором Дома Инвалидов.

Келлерман (Kellermann) Франсуа Этьен Кристоф [1735, Страсбург — 1820, Париж], маршал Франции (1804), герцог Вальми (1808). С 1752 года был офицером королевской армии, участник Семилетней войны 1756—1763 годов. После Революции командовал республиканской Рейнской армией, разгромил прусские войска при Вальми 20 сентября 1792 года. С 1793 по 1797 год командовал Альпийской армией, одержал ряд побед над австрийскими и сардинскими войсками в Савойе. С 1798 года — генеральный инспектор кавалерии, затем командовал резервной армией во Франции, в 1813 году — наблюдательным корпусом на Рейне, был губернатором Страсбурга. После Реставрации Бурбонов в 1814 году престарелый маршал перешел на службу королю, был членом палаты пэров.

Лани (Lannes) Жан [11 апреля 1769, Лектур, Гасконь — 31 мая 1809, Вена], герцог де Монтебелло (1808). Французский военачальник, маршал Франции (1804), участник революционных и наполеоновских войн.

Сын деревенского кошоха, был учеником красильщика тканей. В 1792 году добровольцем вступил в Национальную гвардию департамента Шер. В звании старшего сержанта воевал в составе Восточно-Пиринейской армии против испанцев. За храбрость произведен в офицеры, но в 1795 году уволен из армии за якобинские взгляды. Вступил волонтером в Итальянскую армию Бонапарта, принял участие в Итальянском походе 1796—1797 годов. В битве при Дего (15 апреля 1796 года) проявил исключительную храбрость, чем обратил на себя внимание Бонапарта и был произведен в бригадные генералы.

Во время Египетской экспедиции командовал дивизией, принимал участие во взятии Каира и в Сирийском походе, играл значительную роль в осаде Газы и крепости Сен-Жан д'Акр. Отличился в сражении при Абукире, 25 июля 1799 года получил тяжелое ранение. По возвращении во Францию командовал 9-й и 10-й дивизиями французской армии.

Будучи близким другом Наполеона и ненавидя жирондистов, принял активное участие в перевороте 18 брюмера (9 октября 1799 года), после которого встал во главе консульской гвардии при Бонапарте. В Итальянской кампании 1800 года командовал авангардом французской армии, в мае 1800 года провел его через альпийский перевал Сеи-Бериар и 9 июня разбил австрийцев при Монтебелло. 10 июня 1800 года с восьмитысячным авангардом рассеял 20-тысячный корпус австрийского фельдмаршала П.К. Отта, а в генеральном сражении при Маренго 14 июня 1800 года руководил действиями двух дивизий. После подписания мира в 1801 году направлен послом в Лиссабон.

В 1804 году протестовал против провозглашения Наполеона императором, но несмотря на это, после установления Империи в мае 1804 года был произведен Бонапартом в маршалы. Активно участвовал в военной кампании 1805—1807 годов. В Ульмском сражении он осуществил переправу через Дунай у Донауверта и вышел в тыл австрийской армии Макка. При Аустерлице находился во главе левого крыла французской армии, в битве под Йеной командовал центром. В сражении с русскими войсками при Пултуске (севернее Варшавы) 26 декабря 1806 Ланн был серьезно ранен и вернулся в строй лишь весной 1807 года. 12 мая 1807 принял капитуляцию Данцига, затем участвовал в сражениях под Гейльсбергом и Фридландом.

В 1808 году получил от Наполеона титул герцога де Монтебелло и был назначен командовать войсками в Испании, 20 февраля 1809 года после долгой осады штурмом взял Сарагосу, после чего в письме Наполеону заявил, что больше не желает воевать с мирными жителями. Весной 1809 года отозван из Испании и вновь возглавил авангард армии Наполеона в новой войне с Австрией. Всегда отличавшийся отчаянной храбростью, 22 мая в сражении при Асперне Ланн был тяжело ранен пушечным ядром в ногу и после двух ампутаций 31 мая 1809 года умер от гангрены в Вене. Несмотря на близость к Наполеону (тот называл Ланна «Ахиллом» и «Роландом»), никогда не скрывал своих республиканских взглядов и постоянно упрекал Бонапарта в деспотизме и властолюбии.

Сын маршала, Наполеон Огюст Ланн (1801—1874 гг.), был пэром Франции, в 1847—1848 годах являлся морским министром в кабинете Франсуа Гизо, а с 1849 по 1851 год —

депутатом Законодательного собрания, с 1858 по 1864 год был послом Франции в России.

Латур-Мобур (Latour-Maubourg) Мари Виктор (полное имя Мари Виктор Николя де Фай, маркиз де Латур-Мобур) [1766—1850], граф, маршал Франции, военный министр в 1819—1821 годах, участник революционных и наполеоновских войн.

Поступил в армию в первые годы Великой Французской революции, был лейтенантом Национальной гвардии, позже — полковником кавалерии в армии Лафайета. Участник Египетской экспедиции. В 1812 году командовал 4-м кавалерийским корпусом, участвовал в битве при Бородине. В 1813 году в битве под Лейпцигом потерял ногу.

После Реставрации 1814 года присягнул на верность Бурбонам. В 1817—1819 годах был послом в Лондоне, а в 1819—1821 годах занимал должность военного министра Франции, осуществил реорганизацию пехоты. В 1822 году был назначен паместником в Бордо, одновременно исполнял должность директора Дома Инвалидов. После Июльской революции 1830 года последовал в изгнание за королем Карлом X и был воспитателем его внука, герцога Бордоского.

Лафайет (La Fayette) Мари Жозеф Поль Ив Рок Жильбер Мотрье, маркиз де [6 сентября 1757, Шаваньяк — 20 мая 1834, Париж], французский генерал и политический деятель. В апреле 1777 года с отрядом добровольцев отправился в Америку, принял участие в Войне за независимость США. Получил чин генерала. Командовал одной из армий Конгресса, отличился в боях за Йорктаун в октябре 1781 года. По возвращении во Францию стал одним из лидеров партии конституционалистов. 15 июля 1789 года, на следующий день после взятия Бастилии, стал командующим Национальной гвардией. Противостоял якобинцам, командовал расстрелом антимонархической демонстрации 17 июля 1791 года. После начала войны с Австрией и Пруссией назначен командующим одной из армий. В июне 1792 года обратился к Законодательному собранию с требованием сохранить монархию. 10 августа пытался организовать выступление войск в поддержку короля, после неудачи бежал в Нидерланды, но был захвачен австрийцами и заключен в тюрьму, где провел пять лет. После переворота 18 брюмера (1799 год) вернулся во Францию, но до Реставрации Бур-

бонов активной политической роли не играл. После поражения под Ватерлоо стал инициатором требования отречения Наполеона от власти, выдвинутого Палатой депутатов и Палатой пэров. Впоследствии был лидером либеральной оппозиции Бурбонам. В 1930 году командовал Национальной гвардией. Способствовал утверждению Июльской монархии и передаче короны Луи-Филиппу Орлеанскому.

Лористон (Lauriston) Жак Александр Бернар Ло, маркиз де [1 февраля 1768, Пондишери, Индия — 12 июня 1828, Париж], граф (1808), маркиз (1817), французский военный и государственный деятель, маршал Франции (1823), государственный министр (1824) участник революционных и наполеоновских войн.

Внук английского эмигранта Уильяма Лоу, оставшегося во Франции после опалы своего брата, известного финансиста Джона Лоу. Обучался в артиллерийском училище одновременно с Бонапартом, служил в республиканской армии, но в 1796 году был уволен в отставку чине полковника.

После переворота 18 брюмера назначен адъютантом Наполеона, в 1801 году направлен с дипломатической миссией в Копенгаген. В 1805 году получил чин генерала и возглавил французскую военную экспедицию на Антильские острова. В 1806 году — имперский комиссар в Далмации, участвовал в военных кампаниях против Австрии, в 1807 году назначен губернатором Венеции. Командовал артиллерией французской армии в битве при Ваграме, по окончании военных действий провел удачные переговоры с австрийским двором о заключении брака Наполеона с принцессой Марией-Луизой Габсбург. В 1811 году назначен послом в России, в 1812 году покинул Петербург и под Смоленском присоединился к Великой армии в качестве дивизионного генерала. 4 октября 1812 года, накануне оставления Москвы, отправлен Наполеоном в Тарутинский лагерь Кутузова для ведения переговоров о мире. При отступлении французской армии из России возглавлял арьергард.

В кампании 1813 года командовал сначала наблюдательным (резервным) корпусом на Висле, затем 5-м пехотным корпусом, который отличился в сражениях при Лютцене, Бауцене, Кацбахе, Гапау. 16 октября 1813 под Лейпцигом был ранен и взят в плен. В 1914 году перешел на службу к Бурбонам, где сначала командовал ротой мушкетеров королевской гвардии, а

затем — гвардейской пехотной дивизией. Во время «Ста дней» отказался перейти на сторону Наполеона, за что в 1815 году получил звание пэра, а в 1817 году — титул маркиза. Во время подавления Испанской революции 1820—1823 годов командовал резервом французской оккупационной армии, руководил штурмом Памплоны. В 1823 году произведен в маршалы Франции, а в 1824 году назначен государственным министром.

Макдональд (Macdonald) Жак Этьен Жозеф Александр [11 ноября 1761, Седан, Арденны — 25 сентября 1840, Курсель-ле-Руа, департамент Сена и Уаза], герцог Тарентский (1809). Французский военачальник, маршал Франции (1809), участник революционных и наполеоновских войн.

Сын шотландского эмигранта, сторонника династии Стюартов, с 1784 года служил в Шотландском полку французской армии. Во время Великой Французской революции поступил на военную службу, к началу революционных войн получил чин полковника. Отличился в битве при Жемаппе 6 ноября 1792 года, в 1793 году был произведен в бригадные генералы, в 1796 году — в дивизионные генералы. В мае 1798 года назначен командовать войсками в Риме и военным губернатором Папской области. В марте 1799 года овладел Неаполем, но 17—19 июня 1799 года после упорной борьбы был разгромлен А.В. Суворовым на реке Треббия и отошел в Париж.

После переворота 18 брюмера (9 ноября 1799 года) был назначен командующим левым крылом Рейнской армии, а в 1800 году стал командующим войсками в Швейцарии. Вытеснив отсюда австрийцев, совершил уникальный зимний переход через перевал Шплюген из Швейцарии в Ломбардию, что обеспечило Франции скорое подписание победного Люневильского мира 1801 года. После окончания военных действий с 1801 по 1803 год был послом в Дании.

В 1804 году за связь с осужденным генералом Виктором уволен с военной службы, возвратился в армию лишь в 1809 году, получив должность командира корпуса в Италии. В австро-французской войне 1809 года отличился в битве при Ваграме, после чего был приближен к Наполеону, получил титул герцога и звание маршала. В 1810—1811 годах командовал корпусом в Каталонии. Во время похода на Россию в 1812 году находился во главе 10-го прусско-французского корпуса и

прикрывал левый фланг Великой армии. Занял Курляндию и осадил Ригу, но в решающих сражениях участия не принимал. 6 декабря 1812 года 10-й корпус последним покинул пределы России.

В кампании 1813 года сражался в Силезии против армии Г.Л. Блюхера, потерпел поражение при Кацбахе, а в октябре едва избежал гибели под Лейпцигом. В 1814 году войска Макдональда отступали под натиском Северной армии Ж.Б. Бернадота из Голландии к Парижу.

Был против отречения Наполеона, но перешел на службу к Людовику XVIII и в 1814 году получил титул пэра Франции и стал членом Высшего воспитательного совета. Во время «Ста дней» остался верным Бурбонам, после занятия Парижа союзниками распустил отступившую за Луару наполеоновскую армию. После возвращения на престол Людовика XVIII назначен генерал-лейтенантом королевской гвардии. В 1815 году был государственным министром, в 1816—1830 годах являлся великим канцлером ордена Почетного легиона. П.А. Чуйкевич в дописании Барклаю де Толли, направленном перед самой войной 1812 года, весьма интересно характеризовал Макдональда: «Разговоры его открывают в нем великие сведения, но, кажется, слишком не деятелен и любит много спать».

Мармон (Marmont) Огюст Фредерик Луи Вьес де [20 июля 1774, Шатийон-сюр-Сен, Бургундия — 2 марта 1852, Венеция], герцог Рагузский (1808). Французский военачальник, маршал Франции (1809), участник революционных и наполеоновских войн.

Из дворян, в 1790 году вступил в революционную армию, в 1792 году окончил артиллерийскую школу и назначен в Прованс. В 1793 году участвовал в осаде Тулона, где обратил на себя внимание Наполеона Бонапарта, впоследствии стал его близким другом. В 1795 году принял участие в осаде Майнца, в следующем году в возрасте двадцати двух лет произведен в полковники. В 1796—1798 годах был адъютантом Бонапарта, сопровождал его в Итальянском и Египетском походах. С 1798 года — бригадный генерал.

Активный участник переворота 18 брюмера (9 ноября 1799), в 1800 году получил чин дивизионного генерала и назначен командующим артиллерией Итальянской армии.

После заключения Пресбургского мира с Австрией 26 декабря 1805 года во главе корпуса отправлен в Далмацию, где в 1807 году разгромил русские и черногорские войска в битве при Кастельнуово. С 7 июля 1806 года — губернатор французских владений в Далмации, в 1808 году получил титул герцога Рагузского. С началом войны 1809 года со своим корпусом выступил против австрийцев, одержал победу при Цпайме и был произведен в маршалы Франции. Корпус Мармопа сыграл значительную роль в сражении при Ваграме 5—6 июля 1809 года.

После образования Иллирийских провинций назначен их губернатором, способствовал внедрению на землях южных славян французской системы управления и строительству дорог. В 1811 году Мармон назначен командующим армией, действовавшей на севере Испании и Португалии, разбит войсками английского генерала Артура Уэллсли (будущего герцога Веллингтона). 22 июня 1812 был тяжело ранен в сражении под Саламанкой.

В кампаниях 1813—1814 годов довольно успешно командовал корпусом в Германии и Франции. Не пользовался особым уважением Наполеона, но в 1814 году был назначен его заместителем — однако 30 марта 1814 года вместе с Эдуаром Мортье подписал капитуляцию Парижа и первым из наполеоновских маршалов перешел на службу к Бурбонам, после чего слово «рагузьер» стало у французов синонимом предательства. Стал пэром Франции. Во время «Ста дней» сохранил верность Людовику XVIII, сопровождал его в эмиграцию в Гент. В период Реставрации маршал был членом Высшего военного совета Франции, считался одной из опор правящего режима, но не пользовался популярностью в обществе. В 1817 году подавил антиправительственные выступления в Лионе, в 1826 году представлял Францию на коронации императора Николая I в Москве.

Во время Июльской революции 1830 года, благодаря своей репутации крайнего реакционера, назначен 27 июля командующим войсками парижского гарнизона — что вызвало возмущение парижан, среди которых Мармон все еще слылся «рагузьером». Тем не менее пытался вести переговоры с революционерами и склонить короля к компромиссу — в результате чего был заменен герцогом Ангулемским. После свержения Карла X лишен звания маршала и вместе с бывшим королем бежал за границу. Жил в Австрии и Италии,

оставил девятитомные мемуары (вышли в 1856—1857 годах, уже после его смерти).

Массена (Massena) Андре [6 мая 1758, близ Ниццы — 4 апреля 1817, Париж], герцог Риволи (1808), князь Эслингский (1810). Французский военачальник, маршал Франции (1804), участник революционных и наполеоновских войн.

Сын винооторговца, рано осиротел. Будучи жителем Сардинского королевства, не являлся французским подданным, но в 1775 году в возрасте семнадцати лет поступил добровольцем в Итальянский пехотный полк французской армии, где прослужил четырнадцать лет. Во время революции 1789 года был сержантом в Антибе. Вышел в отставку, но в 1791 году вступил в революционную армию и через год был избран командиром батальона. В 1792 году в чине капитана участвовал в захвате французами Ниццы, в 1793 году произведен в бригадные генералы и участвовал в осаде Тулона. В декабре 1793 года стал дивизионным генералом.

Участвовал в Итальянском походе Бонапарта 1796—1797 годов, в котором командовал авангардом французской армии и приобрел славу выдающегося военачальника. Особо отличался умением маневрировать войсками в трудных условиях горной местности. 14 января 1797 года выиграл битву при Риволи, обеспечив тем самым успех марша на Мантую. В марте 1799 года возглавил французские войска в Швейцарии и 26 сентября близ Цюриха нанес поражение русско-австрийскому корпусу генерала А.М. Римского-Корсакова, на соединение к которому двигались войска А.В. Суворова. Это предотвратило объединение русских армий в Швейцарии и спасло Францию от русско-австрийского вторжения.

После переворота 18 брюмера назначен командующим Итальянской армией. Пользуясь огромной популярностью у солдат, сумел восстановить боевой дух французских войск, деморализованных победами Суворова. С 21 апреля по 4 июня 1800 года успешно оборонял от австрийцев и англичан Геную, что дало возможность Наполеону 14 июня выиграть битву при Маренго.

В 1804 году стал маршалом Франции, в кампании 1805 года руководил действиями французских войск в Северной Италии. 14 ноября 1805 года потерпел поражение от эрцгерцога Карла Габсбурга при Кальдьеро, но затем очистил от австрийцев Венецию, Каринтию и Штирию, а после подписания

Пресбургского мирного договора с Австрией занял Неаполь и всю Южную Италию.

В кампании 1806—1807 годов против Пруссии и России командовал правым крылом главных сил французской армии. После заключения Тильзитского мира стал герцогом Риволи. В войне 1808—1809 годов с Австрией командовал корпусом. Проявил героизм в Асперн-Эслингском сражении близ Вены 21—22 мая 1809 года и в битве при Ваграме — где руководил левым крылом армии Наполеона и упорной обороной способствовал успеху колошны Макдональда. После окончания боевых действий в январе 1810 года получил титул князя Эслингского, а в мае назначен командующим войсками в Португалии. Потерпел несколько поражений в борьбе с британским экспедиционным корпусом Артура Уэллсли (будущего герцога Веллингтона) — 27 сентября 1810 года при Бучако (в Португалии) и 5 мая 1811 года при Фуэнтес-дель-Опоро (в Испании). За неудачи и вследствие обвинений в казнокрадстве отстранен от командования, более в военных действиях не участвовал.

В 1814 году перешел на сторону Бурбонов, после вторичного отречения Наполеона в 1815 году командовал парижской Национальной гвардией вплоть до занятия столицы Франции союзными войсками. В том же году стал пэром Франции, но во время процесса над маршалом Неем проявил благородство, выступив в защиту своего бывшего соратника и обвинив судей в некомпетентности.

Моро (Mogau) Жан Виктор Мари [14 февраля 1763, Морле, Бретань — 1 сентября 1813, Лауп, Богемия], французский военачальник, дивизионный генерал (1794), участник революционных и наполеоновских войн.

Сын адвоката, изучал право в Ренне, в 1788 году организовал студенческие выступления против попыток Людовика XVI ограничить полномочия местных судов. После начала революции активно участвовал в организации Национальной гвардии в Ренне. В 1791 году был избран подполковником и командиром батальона, направленного в Северную армию генерала Дюмурье.

С 1792 года участвовал в боях против прусских и австрийских войск, в 1793 году произведен в бригадные генералы, в апреле 1794 года стал дивизионным генералом. Во время наступления в Нидерландах командовал правым флангом Се-

верной армии, в марте 1795 года заменил генерала Шарля Пишегрю на посту ее командующего. Удачные действия Моро принесли ему славу одного из лучших полководцев Французской республики.

14 марта 1796 года был назначен командующим Рейнско-Мозельской армией. Вместе с Самбро-Маасской армией генерала Журдана должен был начать наступление на Германию. 24 июня 1796 года переправился через Рейн, папес ряд поражений австрийским войскам в Южной Германии, оттеснил их к Дунаю и вышел па подступы к Мюнхену. Но Самбро-Маасская армия потерпела поражение, после чего под натиском превосходящих сил Моро пришлось отступить. Избежав окружения, совершил блистательный сорокадневный переход через горный массив Шварцвальд в Эльзас.

В апреле 1797 года получил в свои руки документы, свидетельствующие о связи председателя Совета Пятисот генерала Пишегрю с эмигрантами-роялистами, по не стал доносить Директории па своего бывшего командира. Поэтому через пять дней после переворота 18 фруктидора (4 сентября 1797 года), когда Пишегрю был арестован, Моро был отстранен от командования армией. Лишь в апреле 1799 года, после поражений от русских войск, его назначили па пост командующего французскими войсками в Северной Италии вместо генерала Шерера. В сражении па реке Адда Моро потерпел поражение от А. В. Суворова, отступил к Генуе и был заменен генералом Жубером. В сражении при Нови французская армия была вновь разбита Суворовым. Генерал Жубер погиб в бою, и Моро отвел остатки разбитой армии во Францию.

В октябре 1799 года приехал в Париж и принял участие в перевороте 18 брюмера (9 ноября 1799 года). В 1800 году был назначен командующим Рейнской армией и французскими войсками в Швейцарии. Одержав несколько побед над австрийцами, занял Регенсбург и Мюнхен. 3 декабря 1800 года разгромил австрийскую армию эрцгерцога Иоанна Габсбурга в решающем сражении. После этого Рейнская армия вступила в Австрию и подошла па 75 км к Вене. Здесь Моро заключил с эрцгерцогом Карлом Габсбургом перемирие, за которым последовал Люневильский мир.

Блестящие успехи Моро в кампании 1800 года вызвали настороженность в окружении Первого консула. В итоге Моро был выпущен оставить службу. В начале 1804 года полиция раскрыла антибонапартистский заговор Ш.Пишегрю

и Ж.Кадудалья. О связях Пишегрю и Моро было известно, и 5 февраля 1804 года последний был арестован. Суд приговорил его к двум годам тюрьмы, но Наполеон заменил тюремное заключение на изгнание, и Моро эмигрировал в Северо-Американские Штаты. В 1813 году по приглашению русского императора Александра I он вернулся в Европу, став советником при штабе союзных армий. 27 августа 1813 года был смертельно ранен в Дрезденском сражении, тело его было отвезено в Петербург и погребено в католической церкви Св. Екатерины.

Мортье (Mortier) Эдуар Адольф Казимир Жозеф [13 февраля 1768, Като-Камбрези, Франция — 28 июля 1835, Париж], герцог Тревизский (1808). Французский военачальник, маршал Франции (1804), премьер-министр и военный министр (1834—1835 гг.), участник революционных и наполеоновских войн.

Сын торговца, в 1789 году вступил в Национальную гвардию, в 1791 году — во французскую революционную армию, избран командиром отряда волонтеров. В 1792—1794 годах воевал в Северной Франции и Фламандии, затем в Дунайской и Швейцарской армиях. В 1799 году получил чин дивизионного генерала. В мае 1800 года назначен командиром 10-й дивизии, расквартированной в Париже. После разрыва Амьенского мира, в апреле 1803 года сумел занять Гапшвер и в мае 1804 года включен Наполеоном в число его первых восемнадцати маршалов. Проявил способность эффективно действовать в отрыве от главных сил, поэтому часто получал задание действовать на флангах основной армии Наполеона.

В войне 1805—1807 годов командовал корпусом, в ноябре 1805 года был разбит армией М.И. Кутузова под Дюриштайном (западнее Вены). После подписания Тильзитского мира направлен в той же должности в Испанию, где в 1808 году принимал участие в осаде Сарагосы и разгроме 60-тысячной испанской армии в битве при Оканье 12 ноября 1809 года.

В 1811 году вернулся из Испании и возглавил Молодую гвардию Великой армии. Принял участие в походе 1812 года на Россию и в кампании 1813 года. Был французским военным губернатором Москвы и при отступлении приказал взорвать часть строений Московского Кремля. В 1814 году являлся одним из руководителей сопротивления вторгшимся во Францию союзным войскам. Вместе с маршалом Мармопом

подписал капитуляцию Парижа, признал власть Бурбонов и стал пэром Франции, но во время «Ста дней» вновь перешел на службу к Наполеону. Во время второй Реставрации, подобно Массена, заявил о незаконности суда над маршалом Неем — за что был лишен пэрства. С 1816 года вернулся на службу в армию, в 1819-м ему вернули титул пэра. После Июльской революции 1830 года получил назначение послом в России, где пробыл до 1831 года. С ноября 1834-го по март 1835 года занимал посты премьер-министра и военного министра Франции. 28 июля 1835 года погиб при взрыве бомбы во время покушения итальянского террориста Джузеппе Фьеска на жизнь короля Луи-Филиппа.

Мюрат (Murat) Иоахим [25 марта 1767, Лабастид-Фортюньер, пыне Лабастид-Мюра, департамент Ло, Гасконь — 13 октября 1815, Пиццо, Калабрия], герцог Бергский и Клевский (1806), король Неаполитанский (1808). Французский военачальник, зять Наполеона I, маршал Франции (1804), участник революционных и наполеоновских войн, национальный герой Италии.

Сын гасконского трактирщика, изучал богословие в Тулузе, но в 1787 году бросил учебу и поступил рядовым в конопечерский полк. В 1789 году вступил в революционную армию, в 1792 году был произведен в офицеры. Тринадцатого вандемьера (4 октября) 1795 года отличился при подавлении Бонапартом роялистского мятежа в Париже, после чего стал адъютантом Наполеона. За отличие в Итальянском походе в 1796 году произведен в бригадные генералы. С 1798 года — в Египте, отличился при штурме Сен-Жап д'Акра и в сражении при Абукире (где был единственный раз в жизни ранен), в 1799 получил чин дивизионного генерала. Уже в Египте стал одним из самых близких сподвижников Наполеона, который ценил в Мюрате личную храбрость, молодецкую удаль и умение воодушевлять войска, но был довольно низкого мнения о его полководческих способностях.

Мюрат сыграл активную роль в перевороте 18 брюмера 1799 года, он лично командовал гренадерами, разогнавшими «Совет пятисот», после чего был назначен губернатором Парижа. В 1800 году стал членом законодательного корпуса, тогда же женился на младшей сестре Наполеона — Каролине. В следующем году в семье генерала родился сын Наполеон Ахилл, а в 1803 году — второй сын, Наполеон Люсьен Шарль.

В ходе Итальянской кампании 1800 года отличился в битве при Маренго, затем действовал против неаполитанских войск в Центральной Италии. На церемонии коронации Наполеона 2 декабря 1804 года возглавлял торжественную процессию из Тюильри в Собор Парижской Богоматери и нес на подушке императорскую корону. Тогда же был удостоен титула принца империи и звания маршала Франции.

В кампании 1805 года, командуя французской конницей, одержал победу при Вертингене (где пленил 16-тысячную армию генерала Вернека), провел блестящую операцию по овладению Венским мостом, отличился при Аустерлице. В награду получил от Наполеона великое герцогство Бергское и Клевское с центром в Дюссельдорфе. В кампании 1806—1807 годов проявил себя в сражении при Йене, взял Эрфурт и способствовал капитуляции армии Гогенлоэ и Блюхера, с отличием участвовал в битвах при Прейсиш-Эйлау и Фридланде.

В 1808 году был назначен командующим французскими войсками в Испании, после вступления в Мадрид жестоко подавил восстание горожан 2 мая 1808 года. Метил на испанскую корону — но Наполеон сделал королем Испании своего брата Жозефа, а Мюрат 1 августа 1808 получил завоеванное два года назад Королевство Обеих Сицилий (фактически только юг Апеннинского полуострова, потому что на самой Сицилии укрепились англичане). Став королем под именем Иоахима Наполеона Первого, начал свое правление с амнистии политических заключенных и проведения ряда либеральных политических и финансовых реформ — однако вскоре вынужден был вновь ввести военные суды для борьбы с бандитизмом. Отразил нападение англо-сицилийского флота на Неаполь и даже отбил у англичан остров Капри, однако так и не сумел высадиться на Сицилии.

С 1810 года отношения между Наполеоном и Мюратом постепенно стали ухудшаться из-за претензий последнего на полную независимость от Франции. В ответ на требование отозвать из Неаполя французский вспомогательный корпус и удаление с неаполитанской службы почти всех французских чиновников Наполеон издал манифест, в котором объявлял Неаполитанское королевство частью Французской империи. Таким образом, Мюрат оказался между двух огней: для итальянских роялистов он был иностранцем и узурпатором, для Наполеона — итальянским сепаратистом. Тем не менее он

продолжал пользоваться популярностью у значительной части народа, а также в среде интеллигенции, поскольку покровительствовал идеологии Рисорджименто (объединения Италии). Зато среди других наполеоновских маршалов тщеславный и самовлюбленный Мюрат не пользовался никакой популярностью, а бесцеремонный республиканец Ланн называл его шутом и «пляшущей собачонкой».

В 1812 году Мюрат командовал 28-тысячным кавалерийским корпусом, действовавшим в авангарде Великой армии во время похода в Россию. 6 октября потерпел поражение под Тарутином и едва избежал плена. В декабре 1812 года он принял от Наполеона командование остатками армии, по уже в январе 1813 года самовольно сдал командование Эжену Богарне и отбыл в Неаполь. Осенью 1813 года вернулся в армию, участвовал в Дрезденском и Лейпцигском сражениях, но вновь покинул Наполеона после поражения в «Битве народов».

В условиях крушения наполеоновской империи Мюрат решает на откровенную измену — заключает с Австрией и Британией тайный договор, обязуясь выставить против Франции тридцатитысячный корпус. В январе 1814 года объявил о разрыве с империей Наполеона и двинул свою армию против французов — в результате чего командующему французскими войсками в Северной Италии Эжену Богарне пришлось вести борьбу на два фронта. Правда, благодаря низкой активности войск Мюрата, Богарне сумел нанести австрийцам ряд поражений.

Но Венский конгресс не признал простолюдина Мюрата королем, и в период «Ста дней» маршал вновь поддержал Наполеона, наконец-то призвав неаполитанцев к борьбе за объединение и независимость Италии — что превратило его в национального героя страны. Однако в сражениях при Ферраре и Толентино неаполитанские войска были разбиты австрийцами, сам Мюрат бежал на Корсику, откуда попытался связаться с Наполеоном.

Бонапарт не пожелал видеть Мюрата при себе и приказал ему находиться на юге Франции. После Ватерлоо, спарядив небольшую флотилию, бывший маршал и неаполитанский король с двумя с половиной сотнями вооруженными сторонниками сделал попытку высадиться на юге Италии и поднять там восстание против Бурбонов. Шторм разметал суда, и когда Мюрат в сентябре 1815 года сошел на берег в Калабрии, с ним оказалось всего 26 человек.

Увы, подвиг Фиделя Кастро ему предвосхитить не удалось — в первой же деревушке Мюрат был выдан жандармам, схвачен и 13 октября 1815 года в небольшом городке Пиццо расстрелян как мятежник по приговору военно-полевого суда.

Старший сын Иоахима Мюрата, Наполеон Ахилл Мюрат (1801—1847) с 1821 жил в США, написал несколько работ по конституционному праву. Во время Бельгийской революции 1830 года он приехал в Европу, служил в бельгийской армии, позднее вернулся в Америку и умер во Флориде. Второй сын, Наполеон Люсьен Шарль Мюрат (1803—1878 гг.), принц Понте-Корво, с 1825 также перебрался в Америку, по после Февральской революции 1848 года вернулся на родину и был избран депутатом Национального собрания. В 1849—1850 годах был послом Франции в Турине, в 1853 году Наполеон III назначил его сенатором и даровал титул князя. Во второй половине 1850-х годов Мюрат-младший пытался занять престол Королевства Обеих Сицилий, но не получил в этом ничьей поддержки.

Ней (Ney) Мишель [10 января 1769, Саарлуи — 7 декабря 1815, Париж], герцог Эльхингенский (1808), князь Московский (prince de la Moscowa — 1812). Французский военачальник, маршал Франции с 1804, участник революционных и наполеоновских войн.

Сын ремесленника, бочара и кузнеца, в юности работал писцом у нотариуса, затем служил на литейном заводе. В 1788 году поступил на военную службу, был рядовым в гусарском полку. С началом революционных войн — в действующей армии, участвовал в крупнейших сражениях, начиная с битв под Вальми и Жемаппом в 1792 году. В 1794 году произведен в офицеры, в 1796 году стал бригадным генералом, в 1799 году получил чин дивизионного генерала. Отличался безупречной смелостью и справедливостью, не проявлял стремления к наградам и был чрезвычайно популярен среди солдат.

В 1799 году возглавил Рейнскую армию, посланную в Швейцарию на помощь генералу Массепа, в бою при Винтертуре был тяжело ранен. После выздоровления вернулся в войска с повышением в должности до командира дивизии (так как пост командующего Рейнской армией был уже занят генералом Моро). 3 декабря 1800 года в решающем сражении при Гогенлиндене дивизия Ней внесла выдающийся вклад в победу над австрийцами.

После подписания в 1801 году Люневильского мира Рейнская армия была распущена, поскольку Бонапарт рассматривал Моро как своего соперника — к тому же с него так и не было снято подозрение в связях с роялистами. Оставшись не у дел, Ней вышел в отставку и уехал на родину, в Лотарингию, где купил небольшую ферму, намереваясь жениться и вести жизнь частного лица. Но его невеста Аглая Огье, дочь высокопоставленного государственного чиновника, оказалась близкой подругой жены Наполеона Жозефины Бонапарт — которая, приглядевшись к жениху наперсницы, сочла необходимым вернуть его на службу.

После этого Ней был назначен генерал-инспектором кавалерии французской армии, а в 1802 году возглавил французские оккупационные войска в Швейцарии, где подготовил подписание Медиационных актов 19 февраля 1803 года, положивших конец Гельветической республике. В 1803 году принял командование над 6-м корпусом, который готовился к несостоявшемуся вторжению в Англию, а в 1804-м оказался в числе первых 18-ти генералов, получивших маршальские жезлы.

В 1805 году Ней возглавил действовавший в Австрии 6-й пехотный корпус, с которым разбил при Гюнцибурге войско эрцгерцога Фердинанда Габсбурга, а 14 октября 1805 года успешно действовал в районе Эльхингена, содействуя взятию Ульма. Участвовал в сражениях при Йене (1806) и Фридрихсланде (1807), за которое Наполеон назвал его храбрейшим из храбрых (*le brave de braves*), довершил разгром прусских войск и принудил к сдаче гарнизона Эрфурта и Магдебурга. В 1808 году получил от Наполеона титул герцога Эльхингенского.

Практически лишенный честолюбия и сторонившийся политики, Ней не признавал над собой никаких авторитетов, кроме Наполеона. Действуя в Испании в 1808—1811 годах, он неоднократно вступал в конфликт со своим непосредственным начальником маршалом Массена, иногда просто отказываясь выполнять его приказы. В конце концов за ряд поражений Ней был освобожден от занимаемой должности и снова вынужден был оставить действующую армию.

Перед походом в Россию Наполеон назначил Нея командиром 3-го пехотного корпуса, который входил в состав главных сил Великой армии. В Бородинском сражении Ней командовал центром армии Наполеона, атаковавшим Семеновские флеши. За участие в этой битве Наполеон удостоил Нея

титолом князя Московского (французы называют Бородино «Московским сражением»).

Во время отступления от Москвы Ней командовал арьергардом французской армии и был разбит в сражении при Красном. При переходе через Березину он сумел поддержать на переправах железный порядок и тем самым спасти остатки деморализованной Великой армии. В кампании 1813 года успешно действовал в сражениях при Лютцене, Бауцпе и Дрездене. После поражения Удино при Гросберене (23 августа 1813 года) сменил его на посту командующего войсками, действовавшими в районе Берлина, но сам был разбит 6 сентября у Дешпевица прусским генералом Бюловым и бывшим наполеоновским маршалом Бернадотом (ныне шведским кронпринцем Карлом-Юханом). Был тяжело ранен в «Битве народов» при Лейпциге. В 1814 году сражался у Бриенна, Мопмираля, Краона и при Шалон-сюр-Марн, а затем пытался организовать партизанское движение против союзных армий в Восточной Франции. Но когда после капитуляции Парижа наполеоновская армия сконцентрировалась у Фонтенбло, именно Ней уговорил Наполеона отречься от престола и прекратить ставшее бессмысленным кровопролитие.

Новый король Людовик XVIII назначил Ней пэром Франции, членом Военного совета и командиром 6-й дивизии королевской армии. Но в период «Ста дней», посланный против с триумфом двигавшегося к Парижу Наполеона, 17 марта 1815 года в Безансоне Ней перешел с войсками на его сторону. После этого он вновь подал в отставку и уехал к себе в поместье, однако ввиду готовящейся интервенции 7-й антифранцузской коалиции Наполеон попросил его вернуться в армию. Приняв командование над 1-м и 2-м корпусами, 16 июня Ней выдержал бой с армией герцога Брауншвейгского у Катр-Бра, при Ватерлоо он командовал центром наполеоновской армии, проявив при этом исключительную храбрость.

Вернувшись в Париж после поражения, на заседании палаты пэров он советовал вновь примириться с Бурбонами, а затем пытался скрыться в Швейцарии, но 19 августа 1815 года был арестован на юго-восточной границе Франции. Рассматривая Ней как главного виновника своего позора в марте 1815 года, Бурбоны предали Ней военному суду, однако суд отказался признать свою компетентность в этом деле. Несмотря на протесты многих верных монархии военных, Палата пэров вынесла вердикт о виновности маршала в государственной

измене, и Мишель Ней был расстрелян в Люксембургском саду в Париже 7 декабря 1815 года.

Ожеро (Augereau) Пьер Франсуа Шарль [21 октября 1757, Париж — 12 июня 1816, Ла-Уссе], герцог Кастильоне (1806). Французский авантюрист и военачальник, маршал Франции (1804), пэр Франции (1814), участник революционных и наполеоновских войн.

Сын лакея, в семнадцать лет завербовался в армию, служил наемным солдатом во французских, прусских, испанских, португальских, неаполитанских и даже — по некоторым сведениям — русских войсках. В 1790 году вступил в Национальную гвардию, в 1792 году — рядовым в батальон волонтеров, сражавшийся в Вандее. Проявив храбрость, сделал очень быструю карьеру — уже в 1793 году стал бригадным генералом, а в 1795 году получил чин дивизионного генерала и назначен командиром дивизии в Восточных Пиринеях.

В Итальянской кампании 1796—1797 годов командовал дивизией в армии Наполеона Бонапарта, отличился в боях при Лоди и Арколе, а при Кастильоне, по словам Стендаля, *«был великим полководцем, чего никогда более с ним не случилось»*. В 1797 году стал начальником парижского гарнизона, способствовал совершению Директорией государственному перевороту 18 фрюктидора (4 сентября 1797 года), после чего введен в состав Совета Пятисот. В 1799 году противодействовал Бонапарту во время переворота 18 брюмера, но вскоре признал власть Первого консула. В 1801—1803 годах командовал французскими войсками в Голландии, затем получил назначение командиром 7-го корпуса, находившегося в Бретани и готовившегося к вторжению в Англию.

В 1804 году стал маршалом Франции. В 1805 году его 7-й корпус был переброшен на восток Франции и, пройдя через весь север Швейцарии, вышел к границе с Тиролем, где выступил против войск австрийского генерала Елачича. После Ульмского сражения 7-й корпус присоединился к главным силам наполеоновской армии, в составе которой участвовал в кампаниях 1805—1807 годов и отличился под Йеной. Но 7—8 февраля 1807 года в сражении при Прейсш-Эйлау (где он противостоял войскам А.И. Остерман-Толстого) корпус Ожеро попал в метель, сбился с дороги и в конечном итоге потерял половину своего состава, при этом сам Ожеро был ранен.

В 1809—1810 годах Ожеро командовал корпусом в Каталонии, где не добился успехов, зато проявил себя как грабитель оккупированных территорий и в конечном счете был отозван во Францию. Во время войны 1812 года против России командовал корпусом в Пруссии. В 1813 году воевал в Германии, 16—19 октября в Лейпцигском сражении корпус Ожеро понес значительные потери. В 1814 году командовал наблюдательной армией в Лионе и стал одним из первых наполеоновских маршалов, присягнувших Бурбонам. Во время «Ста дней» безуспешно пытался восстановить к себе доверие Наполеона, но тот игнорировал все предложения Ожеро. После возвращения на трон Людовика XVIII не получил никакого назначения и вышел в отставку. По позднейшей характеристике Наполеона, *«он совсем не имел образования и сколько-нибудь заметного ума»*. Впрочем, низвергнутый император также признавал, что Ожеро *«поддерживал порядок и дисциплину»* и *«дрался с неустрашимостью»*.

Понятовский (Poniatowski) Юзеф Антоний (рус. Иосиф-Антон, франц. Жозеф Антуан) [7 мая 1763, Вена — 19 октября 1813, близ Лейпцига], князь. Национальный герой Польши, политический и военный деятель, французский военачальник, военный министр герцогства Варшавского (1807), маршал Франции (1813), участник Польского восстания 1796 года и наполеоновских войн.

Выходец из аристократического польского рода Понятовских, с 1780 года служил в австрийской армии. В 1788 году назначен адъютантом австрийского императора Иосифа II Габсбурга. В 1789 году по приглашению своего дяди, короля Речи Посполитой Станислава Августа Понятовского, приехал в Польшу, участвовал в реорганизации польской армии и командовал дивизией. В 1792 году, во время борьбы против Тарговицкой конфедерации и русских войск, командовал одной из польских армий.

После второго раздела Польши в 1793 году уехал в Вену. Во время Польского восстания 1794 года в чине генерала командовал повстанческой дивизией, успешно действовал против прусских войск при обороне Варшавы. В 1795—1798 годах находился в эмиграции, жил в Вене, затем вновь вернулся в Польшу.

Во время русско-пруско-французской войны 1806—1807 годов при приближении французских войск к Варшаве в

1806 году выступил на стороне Наполеона, на следующий год был назначен военным министром герцогства Варшавского. Во время австро-французской войны 1809 года успешно действовал против австрийских войск в Галиции. В 1812 году он сформировал для похода в Россию стотысячную польскую армию, командовал 5-м польским корпусом Великой армии Наполеона, участвовал в Бородинской битве и многих других сражениях войны 1812 года.

После разгрома Великой армии отступил с остатками корпуса в Саксонию, где сформировал 8-й польский корпус, с которым участвовал в Лейпцигском сражении. Прямо на поле боя произведен Наполеоном в маршалы и получил приказ прикрывать отход разбитых под Лейпцигом французских войск. 19 октября 1813 года, в последний день Лейпцигского сражения, был тяжело ранен. Утонул в реке Эльстер во время паники при отступлении от Лейпцига. В 1814 году его прах был перевезен в Варшаву, а в 1819 году — в Краков, где был захоронен в Вавельском замке. Уже на острове Святой Елены Наполеон писал, что *«намеревался сделать его польским королем, если бы мой поход в Россию был удачен»*.

Себастиани (Sebastiani) Франсуа (полное имя Франсуа Орас Себастиани де ла Порта, Sebastiani de la Porta) [1775—1851], граф. Французский государственный и военный деятель, маршал Франции (1840), участник наполеоновских войн.

Карьеру полководца начал в 1796 году, отличившись в Итальянском походе Наполеона. В 1802 году, после заключения Амьенского мира, был назначен посланником в Турции и добился того, чтобы турецкий султан Селим III объявил в 1806 году войну России и Англии. Возглавлял подготовку обороны Стамбула от возможного нападения английского и русского флотов. В 1809 году успешно командовал корпусом в Испании, но был отставлен от должности из-за разногласий с испанским королем Жозефом Бонапартом. В 1812 году командовал кавалерийской дивизией в корпусе Мюрата, в 1813 году возглавил 2-й кавалерийский корпус наполеоновской армии. При Бурбонах находился не у дел, но после Июльской революции 1830 года приближен королем Луи-Филиппом, некоторое время был министром иностранных дел, в 1840 году произведен в маршалы.

Сен-Сир (Гувьон-Сен-Сир) (de Gouvion-Saint-Cyr) Лоран де [13 апреля 1764, Туль, Лотарингия — 17 марта 1830, Йер, Лазурный берег], маркиз (1817). Французский военачальник, маршал Франции (1812), военный министр (1815), военный и морской министр (1817—1819), участник революционных и наполеоновских войн.

Вступил в армию в 1792 году, сделал быструю карьеру и уже в 1794 году произведен в дивизионные генералы. В 1795 году отличился при Майнце и Мангейме, в 1799 году воевал в Италии, участвовал в битве при Нови. Под начальством Наполеона Бонапарта принимал участие в Египетской экспедиции. В 1804 году назначен послом в Испании. Один из организаторов интервенции в Испании, в 1808—1809 годах командовал корпусом, а затем Каталонской армией, но за неудачные действия был отставлен от должности.

Во время похода в Россию в 1812 году командовал 6-м Баварским пехотным корпусом, проделал путь от Варшавы до Полоцка. После ранения маршала Удино принял командование и над 7-м корпусом. Его войска действовали в Прибалтике и противостояли русским частям генерала П.Х. Витгенштейна, прикрывая с севера коммуникации Великой армии. За действия под Полоцком в 1812 году был произведен в маршалы. В 1813 году командовал 14-м корпусом, который после Лейпцигского сражения был блокирован в Дрездене и капитулировал в ноябре 1813 года.

В 1814 году перешел на сторону Бурбонов и стал пером Франции, а в 1815 году назначен военным министром. В 1817—1819 годах занимал пост военного и морского министра. Аристократ по происхождению и образовавшийся человек своего времени, он провел ряд реформ во французской армии и сумел сохранить в ней либеральные порядки занятия должностей по заслугам, а не по родовитости, что позволило оставить на службе большинство опытных военачальников наполеоновской эпохи. В 1819 году под давлением роялистов и консерваторов отправлен в отставку. Автор ряда исторических и военно-стратегических трудов, а также мемуаров «Воспоминания о кампаниях Рейнской и Рейнско-Мозельской армий».

Сульт (Soult) Николя Жан де Дье (de Dieu) [29 марта 1769, Сент-Аман-ла-Бастид, ныне Сент-Аман-Сульт, департамент Тарн — 26 ноября 1851, там же], герцог Далматский (1807). Французский военный и государственный деятель, маршал-ге-

нерал (1847), председатель совета министров Франции (1832—1834 гг.), (1839—1840 гг.), (1840—1847 гг.), участник революционных и наполеоновских войн.

Сын нотариуса, после смерти отца в 1785 году вступил в королевскую армию. В 1789—1792 годах служил сержантом в Страсбурге. С началом военных действий против интервентов выдвинулся в офицеры, воевал в армии генерала Франсуа Жозефа Лефевра и за отличие в битве при Флерюсе 26 июня 1794 года был произведен в бригадные генералы.

В эпоху революционных войн воевал в Германии, Швейцарии, Италии. В 1799 году стал дивизионным генералом, а в марте 1799 года заменил раненого Лефевра на его посту. В 1800—1802 годах воевал в Италии, участвовал в завоевании Неаполя. В 1804 году вошел в число первых 18-и маршалов наполеоновской империи. В 1805—1806 годах блестяще командовал пехотным корпусом в Австрии, внес свой вклад в победы французов под Ульмом и Аустерлицем и в Йена-Ауэрштедтском сражении. В кампании 1807 года в Польше и в битве под Прейсиш-Эйлау действия Сульта были менее удачными, но все же Наполеон даровал маршалу титул герцога Далматского.

В 1808—1812 годах командовал армией на Пиренейском полуострове. В 1808 взял штурмом Бургос, 16 января 1809 года французы под его командованием выдержали кровопролитное сражение с английским экспедиционным корпусом при Ла-Корунье, в котором был убит английский генерал Дж. Мур. После этого Султ сумел оттеснить англичан в Португалии, занял Порто и попытался стать королем Португалии Николаем I, однако вскоре был принужден покинуть эту страну.

12 ноября 1809 года разбил 60-тысячное испанское войско под Оканьей, что позволило в январе 1810 года взять Севилью и осадить порт Кадис. Но вскоре ему пришлось снять осаду и отойти на север. В марте 1811 года овладел сильной крепостью Бадахос на дороге в Португалию. 16 мая 1811 года потерпел поражение при Альбуере от англо-португальской армии генерала Бересфорда. Несмотря на это, сумел соединиться с действовавшей севернее армией маршала О. Мармона и принудил генерала Артура Уэллсли снять осаду с Бадахоса.

В 1813 году отозван в Германию. 20—21 мая 1813 года принял участие в сражении при Бауцене, а затем был вновь направлен в Испанию. Потерпел поражение под Ируиом и, преследуемый Веллингтоном, отступил в Южную Францию. 27 февраля 1814 года разбит Веллингтоном при Ортесе. Уже

после сдачи Парижа армия Сульта выдержала кровопролитное сражение под Тулузой 10 апреля 1814 года, но была принуждена оставить город. 19 апреля 1814 года подписал перемирие с Веллингтоном и заявил о своей верности Бурбонам.

3 декабря 1814 года назначен военным министром Людовика XVIII, но после высадки Наполеона на юге Франции вновь перешел на его сторону и был назначен начальником штаба наполеоновской армии. В этом качестве участвовал в битвах при Линьи и Ватерлоо. После возвращения на престол короля был изгнан из страны, но в 1819 году сумел получить прощение, а в 1827 году стал пэром Франции.

Во время Июльской революции 1830 года поддержал Луи-Филиппа Орлеанского и 30 ноября 1830 года получил пост военного министра. Подавил Лионское восстание 1831 года, а 11 октября 1832 года король Луи-Филипп в первый раз поручил Сульту сформировать кабинет министров. Впоследствии еще несколько раз возглавлял правительство, но в основном играл роль «свадебного генерала» при более опытных и ловких политиках. Не отличался особой принципиальностью и, как правило, присоединялся к сильнейшему. В 1840-х годах активно поддерживал завоевание Алжира, в 1847 году получил высшее воинское звание маршала-генерала Франции. В сентябре того же года в возрасте 78 лет окончательно вышел в отставку. После Февральской революции 1848 года заявил о своей поддержке республики, в 1854 году опубликовал трехтомные мемуары.

Сын Николая Сульта, Эктор Наполеон Сульт (1801—1857), герцог Далматский, тоже стал политическим деятелем. В период Реставрации он служил во французском генеральном штабе, после 1830 года перешел на дипломатическую службу и в 1844—1847 годах был посланником в Берлине. После революции 1848 года избран депутатом Законодательного собрания, поддерживал сторонников Орлеанской династии. После государственного переворота 1851 года оставил политическую деятельность.

Удино (Oudinot) Николая Шарль [25 апреля 1767, Бар-ле-Дюк, Лотарингия — 13 сентября 1847, Париж], герцог Реджио (1810). Французский военачальник, маршал Франции (1809), участник революционных и наполеоновских войн.

Сын торговца, поступил на службу в армию в 1784 году, по три года спустя вышел в отставку. После 1789 года принял

участие в формировании отряда волонтеров родного департамента Мез. С началом войны против интервентов — в революционной армии, произведен в офицеры, а 1794 году за оборону Кайзерслаутерна получил чин бригадного генерала. В 1799 году становится дивизионным генералом и начальником штаба армии Массена, участвовал в боевых действиях в Швейцарии, в 1800 году прославился при обороне Генуи. В следующем году назначен генерал-инспектором пехоты, а с 1803 года командовал элитной гренадерской дивизией, прошел с ней все кампании 1805—1807 годов. Участвовал в сражениях при Аустерлице, Остроленке, под Данцигом и при Фридрихсберге. В 1809 году командовал 2-м армейским корпусом, за отличие в сражении при Ваграме получил маршальский жезл, а чуть позже — титул герцога Реджно.

В 1810—1812 годах был военным губернатором Голландии. Во время похода 1812 года на Россию вновь командовал 2-м армейским корпусом, потерпел поражение под Клястицами. 17 августа 1812 года был тяжело ранен под Полоцком и вернулся в строй лишь через два месяца. Во время переправы через Березину фактически спас остатки французской армии, но сам был снова тяжело ранен. В кампании 1813 года командовал 12-м корпусом, сражался под Бауцепом и был разбит 4 июня 1813 года при Лукау. Затем руководил войсками на Берлинском направлении, был разбит 23 августа при Гросберене, 6 сентября вместе с М. Неем потерпел поражение при Денневице.

В 1814 году сражался при Бар-сюр-Обе, оборонял Париж и прикрывал отступление Наполеона. Прибыв в Фонтенбло вместе с Наполеоном, уговорил императора отречься от престола. После Реставрации перешел на сторону Бурбонов, стал пэром Франции и командующим Национальной гвардией Парижа. В событиях «Ста дней» участия не принимал. В 1823 году командовал корпусом, направленным на подавление испанской революции. После Июльской революции 1830 года примкнул к Луи-Филиппу. В 1839 году был избран великим канцлером ордена Почетного легиона, в 1842 году стал директором Дома Инвалидов.

Сын маршала, Никола Шарль Виктор Удино (1791—1863 гг.) тоже участвовал в наполеоновских войнах, позже был генералом и участвовал в политической деятельности. Участник завоевания Алжира, в 1849 году командовал французской армией, посланной на подавление Римской республики, в 1851 году выступал против захвата власти Луи Бонапартом.

II. Клан Бонапартов

Богарне Эжен (Эжен де Богарне, Beauharnais, в русской дореволюционной традиции Евгений Богарне) [3 сентября 1781, Париж — 21 февраля 1824, Мюнхен], герцог Лейхтенбергский (1817). Французский военачальник, пасынок Наполеона Бонапарта, вице-король Италии (1805—1814), участник наполеоновских войн.

Сын генерала Александра Богарне, видного деятеля Великой Французской революции, казненного в 1794 году. После гибели отца и ареста матери был направлен на «перевоспитание» в семью ремесленника, после термидорианского переворота 28 июля 1794 года поступил на учебу в Сен-Жерменское военное училище. После второго замужества матери в 1796 году стал адъютантом своего отчима — одного из лучших генералов Французской республики Наполеона Бонапарта и безотлучно находился при нем во время Итальянского похода Бонапарта 1796—1797 годов и Египетской экспедиции 1798—1799 годов. Принял участие в перевороте 18 брюмера (9 ноября 1799 года), после провозглашения Наполеона Первым консулом служил ротмистром конных егерей консульской гвардии, в 1800 году участвовал в кампании против австрийцев в Северной Италии. После сражения при Маренго получил чин полковника, в 1804 году стал бригадным генералом.

При коронации Наполеона в 1804 году возведен в звание государственного канцлера и получил титул принца Французской империи. В 1805 году, после того как Наполеон образовал Итальянское королевство и сам стал его королем, Эжен Богарне был назначен на должность вице-короля, причем проявил себя блестящим администратором и заслужил уважение самих итальянцев. Внедрил в Северной Италии французскую судебную систему, реорганизовал финансы и гражданские службы, строил дороги.

В 1806 году официально усыновлен Наполеоном, принял имя Эжена Наполеона. В том же году женился на Амалии Августе, дочери баварского короля Максимилиана-Иосифа Виттельсбаха. В 1807 году назначен наследником итальянского престола и получил титул князя Венецианского. В кампании 1809 года командовал войсками в Италии. Несмотря на неудачный исход битвы с австрийцами при Сочиле, сумел

переломить ход военных действий и нанес своему противнику ряд поражений в Италии, а затем и в самой Австрии. Одержал победу в сражении при Раабе (ныне Дьер), затем отличился в решающей битве при Ваграме.

В 1812 году вызван из Италии и принял командование 4-м корпусом Великой армии, предназначенной для войны с Россией. Отличился в сражениях при Островно, Смоленске, Бородине, Малоярославце, Вязьмой, Красным и Вильно. После отъезда Наполеона и Мюрата из России принял командование остатками Великой армии и отвел их в Магдебург.

В 1813 году после сражения при Люцене отправлен в Италию для организации ее защиты от австрийских войск. Блестяще провел Итальянскую кампанию 1813—1814 годов, когда лишь измена неаполитанского короля Мюрата спасла австрийцев от полного поражения. После отречения Наполеона 16 апреля 1814 заключил перемирие с антифранцузской коалицией и уехал в Баварию. По решению Венского конгресса в качестве компенсации за свои итальянские владения получил пять миллионов франков. В 1817 году на эти деньги купил у своего зятя, баварского короля Максимилиана-Иосифа ландграфство Лейхтенберг и княжество Эйхштет, которые составили герцогство Лейхтенбергское. Герцогство и титул королевского высочества должны были переходить потомкам Богарне по праву первородства, остальные потомки получали титулы светлейших князей. Более никакого участия в политической и военной деятельности не принимал вплоть до своей смерти в 1824 году.

Старший сын, Карл Август Евгений-Наполеон (1810—1835), после смерти отца унаследовал титул герцога Лейхтенбергского. В 1830 года во время Бельгийской революции его кандидатура выставлялась на бельгийский престол. 25 января 1835 года он был обвенчан с шестнадцатилетней португальской королевой Марией II да Глория (1819—1853) из династии Браганса, но не дожил до свадьбы, скончавшись 18 марта того же года. После него титул герцога перешел к младшему брату, Максимилиану Евгению Иосифу Наполеону (1817—1852). Последний в 1839 году женился на дочери русского императора Николая I — великой княжне Марии Николаевне и переехал в Россию, где был президентом Академии художеств, заведующим Горным институтом. Проводил научные изыскания в области гальваноластики, учредил в Петербурге гальванопластический завод и больницу, а

в Тамбовской области завел образцовое хозяйство. Принимал участие в строительстве первых в России железных дорог. После его смерти Николай I приказал продать баварские владения Богарне, а потомков Максимилиана включил в состав российской императорской фамилии, дав им титул князей Романовских.

Бонапарт Жером (Jerome Bonaparte) [15 ноября 1784, Аяччо, Корсика — 24 июня 1860, Вийежени, Франция], принц Французской империи, король Вестфалии (1807 — 1813), младший брат Наполеона I.

Младший из клана Бонапартов, получил образование в военном колледже. В 1800 году начал службу лейтенантом консульской гвардии, но затем направлен Наполеоном в военноморской флот. В 1801 году сопровождал генерала Леклерка и сестру Полину Бонапарт в экспедицию на Санто-Доминго. Год спустя он был послан с депешами во Францию, по преследуемый английскими крейсерами корабль Жерома был вынужден укрыться в США, где занялся личной жизнью и 24 декабря 1803 года женился на дочери балтиморского коммерсанта Элизабет Паттерсон (1785 — 1879). Несмотря на рождение в 1805 году сына, брак этот не был признан Наполеоном, по требованию которого молодой отец оставил семью и вернулся во Францию и был возведен в достоинство принца империи.

Некоторое время Жером командовал небольшой эскадрой на Средиземном море, а во время кампании 1806 года против Пруссии руководил армейским корпусом, который действовал в Силезии. После заключения Тильзитского мира стал правителем образованного в западной части Германии Вестфальского королевства, в 1807 году по настоянию брата женился на принцессе Катарине Фредерике (1782 — 1835), дочери короля Фридриха Вюртембергского. Жил в Касселе, где прославился роскошью своего двора и абсолютной безалаберностью, отчего получил прозвище «веселого короля».

Во время войны 1812 года возглавил войска, развернутые против 2-й русской армии генерала П.И.Баграмяна. Рассорившись с наполеоновским генералитетом, оставил армию и уехал к себе в Кассель, откуда бежал в октябре 1813 после занятия территории Вестфалии войсками шестой антинаполеоновской коалиции. Во время «Ста дней» был назначен братом в палату пэров, командовал дивизией и храбро сражался при Линьи и Ватерлоо.

После второго отречения Наполеона был арестован своим тестем, вюртембергским королем Фридрихом. Но Катарина Фредерика решительно отказалась от развода, и в конечном счете ее отец дал супругам титулы князей Монфортских, оставив их в покое и позволив жить за счет остатков вестфальской казны, которую Жером прихватил в 1813 году при бегстве из Касселя.

В 1847 году Жером получил разрешение вернуться во Францию, но не слишком интересовался бонапартистским движением и уступил место главы фамилии своему племяннику Луи Бонапарту, будущему императору Наполеону III. В благодарность за это после избрания последнего президентом Франции в 1850 году был назначен на почетный пост директора Дома Инвалидов и получил звание маршала Франции. Позднее стал председателем Сената. С провозглашением Второй империи, декретом от 24 декабря 1852 года был объявлен наследным принцем и оставался им до 1856 года, когда у Наполеона III родился собственный сын. В 1853 году женился в третий раз — на своей давней любовнице, итальянской маркизе Джустине Бартолини-Баделли (1811—1903). В 1879 году младший сын Жерома (от второго брака) Наполеон Жозеф Шарль Поль Бонапарт (1822—1891) стал главой рода Бонапартов и претендентом на французский престол.

Бонапарт Жозеф (фр. Joseph Bonaparte, итал. Giuseppe Buonaparte, исп. Jose Bonaparte) [7 января 1768, Корте, Корсика — 28 июля 1844 года, Флоренция], французский политический деятель и дипломат, старший брат Наполеона I, неаполитанский король (1806—1808), король Испании (1808—1813).

Старший из оставшихся в живых детей Карло и Летиции Буонапарте. До десяти лет жил на Корсике, затем вместе с братом Наполеоном отправился на учебу в колледж бургундского городка Отен. В 1785 году, после смерти отца, вернулся на родину и занялся адвокатской практикой, зарабатывая деньги на жизнь семьи. С началом революции принял активное участие в политической жизни Корсики, был избран председателем созданного в Аяччо народного совета. Выступал против отделения острова от Франции, вел политическую борьбу с вернувшимся из Англии лидером корсиканских сепаратистов Паскуале Паоли (1725—1807), возглавившим Национальную гвардию Корсики. В интригах против Паоли приняли участие и другие члены клана Буонапарте, по после того

как в 1793 году Люсьен Бонапарт донес якобинским властям на Паоли как на сепаратиста и контрреволюционера, 11 июня братьям пришлось бежать во Францию. Обосновавшись в Марселе, они некоторое время бедствовали, но удачная карьера Наполеона изменила жизнь всего семейства.

1 августа 1794 года Жозеф женился на дочери богатого марсельского торговца Жюли Мари Клари (1771—1845). За ее младшей сестрой Дезире ухаживал младший брат Жозефа — Наполеон, но отец сестер Клари решил, что «одного пиццего корсиканца в его семье достаточно». В 1796 году Жозеф принял участие в Итальянском походе Наполеона, участвовал в заключении перемирия с Сардинским королевством и в военной экспедиции на Корсику, где занялся организацией местных органов власти — а по слухам, и личным обогащением. В 1797 году был назначен полномочным представителем Франции в Парме, а затем в Риме. В конце 1797 года стал депутатом Совета Пятисот от Корсики, некоторое время исполнял обязанности секретаря Совета. Вместе с братом Люсьеном Бонапартом (который был председателем Совета Пятисот), участвовал в заговоре против Директории, но в перевороте 18 брюмера участия почти не принимал.

В период Консульства был членом Государственного совета и Законодательного корпуса, в 1800 году принял участие в заключении договора с Северо-Американскими Штатами, а в 1801 году председательствовал на переговорах с Австрией, которые привели к заключению Люневильского мира. В 1802 году представлял Францию на переговорах с британским посланником лордом Чарлзом Корнуоллисом, которые закончились заключением Амьенского мира. После провозглашения Наполеона пожизненным консулом (1 августа 1802 года) был предложен семьей в качестве будущего преемника, хотя сам Наполеон склонялся к выбору одного из племянников. После провозглашения Наполеона императором стал имперским принцем и сенатором.

В 1805 году, после отбытия Наполеона к войскам в Германию, выполнял роль его заместителя в Париже, однако вскоре был назначен командовать армией в войне с Королевством Обеих Сицилий. После занятия Южной Италии, 30 марта 1806 года провозглашен неаполитанским королем. Сумел привлечь на свою сторону влиятельные слои земельной буржуазии и часть дворянства, упразднил ряд пережитков феодализма, провел реформу юриспруденции, финансов и образования.

Однако в 1808 году Наполеон решил переместить брата на испанский трон, рассчитывая, что умный и осторожный Жозеф сможет так же удачно вести дела и на Пиринеях. 6 июня 1808 года Наполеон и подконтрольный ему Совет Кастилии провозгласили Жозефа королем Испании Хосе Наполеоном I, 20 июля новый король прибыл в Мадрид, однако так и не сумел завоевать популярность среди населения, возмущенного жестоким подавлением антифранцузского выступления в Мадриде 2 мая 1808 года.

Лозунгом вспыхнувшей войны стало восстановление на престоле законной династии Бурбонов. В то же время антифеодалные преобразования, утвержденные Байоннской конституцией, в условиях войны провести так и не удалось, поэтому новый король пользовался поддержкой лишь части реформаторской бюрократии. Обе основные политические силы Испании, сельские консерваторы и городские либералы, объединились для борьбы с иноземным агрессором.

Тяготившийся своими обязанностями король не раз пытался покинуть страну, но каждый раз возвращался по требованию брата. Лишь после поражения французов 21 июня 1813 года в сражении при Витории, Хосе Наполеон I оставил испанский трон. В 1814 году он командовал парижской Национальной гвардией, но с приближением войск союзников к столице передал свои полномочия маршалу Мармону. Во время «Ста дней» примкнул к брату, но играл незначительную роль. После окончательного падения Наполеона уехал в США, где у реки Мобил основал поселение Эгльвиль, затем под именем графа Сюрвилль жил близ Нью-Йорка. Во время революции 1830 года поддержал требования бонапартистов посадить на престол Наполеона II. В 1832 году он переехал в Англию, в 1841 году — в Геную, последние годы жизни провел во Флоренции. Оставил десять томов мемуаров и переписки, которые были изданы уже после его смерти, в 1853—1855 годах.

Бонапарт Луи (фр. Louis Bonaparte, итал. Luigi Buonaparte, в русской дореволюционной традиции Людовик) [2 сентября 1778, Аяччо, Корсика — 25 июля 1846, Ливорно, Италия], младший брат Наполеона I, французский политический деятель, король Голландии (1806—1810), граф де Сен-Леу (Saint-Leu, 1810), участник наполеоновских войн.

Не успел получить образование в закрытом учебном заведении. Его образованием занимался лично Наполеон, который

забрал Луи из семьи и сам давал ему уроки математики, стремясь подготовить его к военной карьере. В качестве адъютанта Наполеона Луи участвовал в Итальянском и Египетском походах, где проявил себя храбрым и толковым офицером. В 1802 году женился на падчерице Наполеона, Ортапс Богарне. В 1804 году произведен Наполеоном в генералы, но из-за болезни не сумел продолжить полноценную военную карьеру. Занимал различные военно-административные посты, а позднее был назначен королем Голландии и, вопреки своему желанию, 5 июля 1806 коронован под именем Луи-Наполеона. Поскольку жесткий режим «континентальной блокады» вел к разорению Голландии, Луи пришлось вести независимую политику и покровительствовать тайной торговле с англичанами, постепенно все более выходя из-под влияния Наполеона. После направления в Голландию французских войск в 1810 году был вынужден отречься от престола. В результате Голландия была присоединена к Франции в качестве провинции, а Луи окончательно рассорился с братом и уехал в Австрию.

После крушения наполеоновской империи обосновался в Риме, где ему оказал покровительство римский папа Пий VII. Во время «Ста дней» Наполеон назначил брата пэром Франции и призвал к себе, но Луи отказался приехать в Париж. Позже он развелся с нелюбимой женой и занялся написанием исторических трудов, мемуаров и дамских романов. Имел трех сыновей: Шарля, Луи и Шарля-Луи, первый из которых умер во младенчестве, второй был историком, ученым-механиком и карбонарием, а младший стал императором Наполеоном III.

Бонапарт Люсьен (фр. Lucien Bonaparte, итал. Luciano Buonaparte) [21 марта 1775, Аяччо, Корсика — 28 июня 1840, Витербо, Италия], герцог Капино (1814). Французский авантюрист и политический деятель, младший брат Наполеона I, председатель Совета Пятисот (1799), министр внутренних дел Франции (1799—1800).

В возрасте семи лет был отправлен на учебу во Францию, учился в колледже бургундского городка Отеи, а затем в военной школе в Бриенне. После смерти отца в 1785 году решением семьи должен был оставить планы стать военным и готовиться к духовной карьере. После начала революции вернулся на Корсику, стал популярным оратором, поддерживал якобинцев и даже принял имя Брут, чтобы подчеркнуть свои

республиканские убеждения. В 1791 году стал секретарем вернувшегося из эмиграции лидера патриотической партии Корсики Паскуале Паоли, но в 1793 году донес на своего покровителя как на сепаратиста и контрреволюционера — после чего 11 июня 1793 года братья Бонапарты были вынуждены бежать во Францию.

В 1793 году по метрическому свидетельству старшего брата Жозефа Люсьен устроился смотрителем военных складов в маленьком городке Сен-Максимен, а 4 мая 1794 года по тем же документам женился на трактирщице Кристине Бойер (1773 — 1800). После падения якобинской диктатуры вынужден был покинуть город и 1795 году с трудом получил место инспектора военных обозов близ Сета в Лангедоке. Вскоре как активный якобинец был разыскан полицией, заключен в тюрьму и приговорен к гильотине, но 5 августа стараниями Наполеона освобожден и назначен военным комиссаром Рейнской армии.

Не сумев справиться со своими обязанностями, в 1796 году оставил армию и уехал в Брюссель, а затем к брату в Италию. Наполеон отправил его на только что отбитую у англичан Корсику, в помощь брату Жозефу. В апреле 1798 года деньги и слава Наполеона позволили Люсьену добиться победы на выборах в Совет Пятисот, где он стал одним из яростных критиков вождей Директории, одновременно пытаясь заниматься публицистикой и литературой. Заняв после ряда интриг пост председателя Совета Пятисот, совместно братом Жозефом (секретарем Совета), а также Талейраном и Сийесом, организует заговор против Директории. 18 брюмера он разогнал Совет Пятисот, а на следующий день объявил о ликвидации Директории и учреждении Консульства.

В декабре 1799 года, после принятия конституции Восьмого года республики, стал министром внутренних дел. Развернул широкую пропаганду за восстановление во Франции монархии с династией Бонапартов на троне, но одновременно пытался интриговать против Наполеона. Но последний, будучи невысокого мнения об административных талантах брата и зная о его нечистоплотности, в 1800 году снял его с должности министра и отправил посланником в Мадрид. Там Люсьен сумел добиться расположения испанского короля Карла VI, который 21 марта 1801 года заключил военный союз с Францией. В 1802 году вернулся в Париж, в следующем году назначен сенатором, но начал фрондировать против Первого

консула и отказался жениться на падчерице Наполеона Ор-тапс де Богарне или испанской инфанте Марии Луизе.

Осенью 1803 года Люсьен женился на молодой вдове Александрине Жубертоп (урожд. Блешан, 1778—1855), после чего окончательно рассорился с Наполеоном, в апреле 1804 года покинул Францию и поселился в Риме, где ему покровительствовал папа Пий VII. Вел частную жизнь, отказывался мириться с братом — хотя Наполеон не раз предлагал ему корону какого-нибудь из завоеванных Францией государств и титул имперского принца — но при условии расторжения брака. В конце концов в 1810 году решил уехать со всей семьей в Северо-Американские Штаты, но по дороге был захвачен англичанами и насильно поселен в Англии, где купил поместье Торпгроу и несколько лет жил несколько лет под надзором властей. После падения наполеоновской империи вернулся в Рим, где папа Пий VII удостоил его титула герцога Капино. После этого помирился с братом и способствовал его возвращению с острова Эльба, а в период «Ста дней» выполнял дипломатическую миссию в Швейцарии. После Ватерлоо уговаривал Наполеона разогнать Палату пэров и установить личную диктатуру либо посадить на престол малолетнего Наполеона II. После окончательной реставрации Бурбонов бежал в Италию, был арестован и провел шесть недель в заключении в Турине, затем по милости австрийского канцлера К. Меттерниха освобожден и вновь поселился в Риме, где занимался литературной деятельностью, пытался строить планы побега Наполеона со Святой Елены. После 1830 года переехал в Лондон, вел бонапартистскую пропаганду и писал проекты демократических конституций Франции. Позднее отошел от политики и вернулся в Италию

Бонапарт Полина (Мария Полипа) (фр. Marie Pauline Bonaparte, итал. Maria Paola Buonaparte; в первом браке Леклерк, Leclerc; во втором Боргезе, Borghese) [20 октября 1780, Аяччо, Корсика — 9 июня 1825, Флоренция], принцесса Французской империи, герцогиня Гуастальская (1806—1814), сестра Наполеона I.

До 1793 жила на Корсике, затем с семьей бежала в Марсель. После возвышения Наполеона воспитывалась в парижском пансионе для девушек из высшего света. Исключительная красавица, получила в Париже громкую, хотя и несколько сомнительную известность своими любовными увлечениями.

В 1798 году вышла замуж за Виктора Леклерка (1772—1802), одного из лучших генералов Наполеона. В ноябре 1801 года отправилась с мужем в военную экспедицию в Санто-Доминго, где Леклерк умер от желтой лихорадки. Вторым ее мужем в ноябре 1803 стал итальянский князь Камилло Боргезе (1775—1835), потомок одного из самых богатых и знатных итальянских аристократических родов.

Однако брак не сложился, и супруги предпочли жить раздельно. В 1806 году Наполеон подарил сестре небольшое герцогство Гуастальское в Италии, но та продолжала жить в Париже, часто приезжая в Рим в поместье Боргезе. После крушения наполеоновской империи сослана вместе с братом на остров Эльба, где участвовала в сложной интриге, предшествующей триумфальному возвращению Наполеона во Францию, — продала свои драгоценности, чтобы собрать средства, необходимые для организации побега. Вела переговоры с неаполитанским королем Иоахимом Мюратом, склоняя того вновь встать под наполеоновские знамена. После поражения при Ватерлоо жила в Риме, в 1821 году помирившись с мужем, но в возрасте 45 лет умерла от рака желудка — наследственного недуга семьи Буонапарте.

Содержание

От издателя 5

Наполеоновские войны

Джонатан Порт. Вступление 9

Пэдди Гриффит. Эта самая уязвимая,
и в то же время самая ужасная страна 14

Чарльз С. Грант. Военная кампания Бонапарта . . 42

Филип Хейторитвейт. Победа Жюно
в Португалии, 1808 74

Джон Г. Джилл. Решимость в Баварии:
австрийское вторжение 1809 года 101

Дигби Смит. Русские при Бородине 130

Джонатан Порт. Борьба за мост в Борисове . . . 160

Джон Дж. Галлахер. Победа при Кульме:
кампания 1813 года 191

Петер Хоффирозер. Что, если бы Константин Ребек,
подчиняясь приказу Веллингтона, отдалшему
15 июня 1815 года, покинул Катр-Бра? 223

Эндрю Аффинделл. Наполеон и Ватерлоо 251

Полковник Джон Эйтинг. Засада у Катр-Бра . . . 279

Алистер Хорн. Повелитель мира
(Упущенные возможности Наполеона) 311

Вальтер Скотт

Письма из Европы 333

Приложения

Приложение I. Несостоявшееся вторжение (Ирландские экспедиции французского флота, 1796—1798 годы)	451
Приложение II.	
1. Организация войска в эпоху Империи	472
2. Боевой состав французской армии на 25 января 1814 года (Наполеон принимает командование в Шалон-сюр-Мари)	490
Приложение III.	
I. Полководцы Революции и Империи	497
II. Клан Бонапартов	532

По вопросам оптовой покупки книг
«Издательской группы АСТ» обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги «Издательской группы АСТ» можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – «Книги по почте»

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Норт Джонатан

НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ: ЧТО, ЕСЛИ?..

Ответственный редактор А.Н. Поляхов
Выпускающий редактор С.Н. Абовская
Редактор Л.И. Филиппов
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: С.В. Шумилин
Технический редактор С.Б. Валишин
Корректоры Ю.О. Голубева, В.В. Сараичева, А.А. Сурнин

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953004 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Terra Fantastica» издательского дома
«Корвус». Лицензия ЛР № 066477. 190121,
Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 1/44Б.
Электронные адреса:
WWW.TF.RU, E-mail: TERRAFAN@TF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГУПП «Детская книга» МПТР РФ.
127018, Москва, Сушевский вал, 49.

НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ: ЧТО, ЕСЛИ?..

Наполеоновские войны на редкость богаты событиями, порождающими размышления на тему: а что, если?.. Эта книга посвящена альтернативным вариантам развития событий, происходивших на полях сражений в Италии и Нидерландах, при Аустерлице, Бородино, Лейпциге и Ватерлоо...

Авторы сборника попытались смоделировать фрагменты того мира, в котором гений Бонапарта и героизм французских солдат оказались не столь бесплодными...

Сборник дополнен материалами по структуре и боевому составу наполеоновской армии и краткими жизнеописаниями видных французских военачальников.